TS 2882 2 09

2882

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

СЪ

НѢКОТОРЫМИ ИЗЪ ИХЪ ПРИМѢНЕНІЙ КЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

Джона Стюарта Милля.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Изданіе А. Н. Пыпина.

ТОМЪ II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ А. ГОЛОВАЧЕВА.
БЫВШАЯ ГОЛИЦЫНА.
1865.

33

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

СЪ

НѢКОТОРЫМИ ИЗЪ ИХЪ ПРИМѢНЕНІЙ КЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

Джона Стюарта Милля.

Д4Ч6.4Ч2/30

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Изданіе А. Н. Пыпина.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

XII, 507 стр. (21X12). [6 ц.л.]

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ОСНОВАНІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 2 августа 1865 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Книга III.

ОБМѢНЪ (продолженіе).

Глава VII. Деньги.

Страницы.

1. Качества, которыя требуются отъ вещи, могущей служить орудіемъ обмѣна 3
2. Золото и серебро имѣютъ въ себѣ эти качества 5
3. Деньги только служатъ средствомъ для облегченія обмѣна и не измѣняютъ законовъ цѣнности 7

Глава VIII. Цѣнность денегъ въ зависимости отъ уравненія запроса и снабженія.

1. «Цѣнность денегъ»—есть выраженіе двусмысленное . . . 9
2. Цѣнность денегъ, при неизмѣнности остальныхъ обстоятельствъ, зависитъ отъ ихъ количества 10
3. и вмѣстѣ отъ быстроты ихъ обращенія 14
4. Разъясненіе и ограниченіе этого принципа 16

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Глава IX. Зависимость цѣнности денегъ отъ стоимости производства.

стр.

1. Цѣна монеты, при свободномъ состояніи, сообразна съ цѣною металлическаго слитка, изъ котораго она сдѣлана . .
2. Цѣна металлическихъ слитковъ опредѣляется стоимостью ихъ производства 40
3. Какъ относится этотъ законъ къ принципу, изложенному въ предыдущей главѣ 25

Глава X. Двойная норма и вспомогательная система.

1. Возраженіе противъ двойной нормы 27
2. Какъ можно употреблять два металла для монеты, не дѣлая ихъ обоихъ законною формою 29

Глава XI. Кредитъ, какъ замѣна денегъ.

1. Кредитъ не создаетъ, а лишь переноситъ средства производства 30
2. Какимъ образомъ кредитъ помогаетъ производству . . . 31
3. Кредитъ уменьшаетъ употребленіе денегъ 33
4. Коммерческіе векселя 35
5. Долговыя росписки 39
6. Депозиты и чеки 40

Глава XII. Вліяніе кредита на цѣны.

1. Банковые билеты, векселя и чеки имѣютъ вліяніе на цѣны не сами по себѣ, а какъ кредитъ вообще 42
2. Кредитъ есть покупательная сила подобная деньгамъ . . 43
3. Слѣдствія сильнаго расширенія и уменьшенія кредита. Анализъ явленій коммерческаго кризиса 45
4. Векселя сильнѣе дѣйствуютъ на возвышеніе цѣнъ, чѣмъ кредиты по книгѣ, а банковые билеты еще сильнѣе векселей 50
5. Но эта разница между ними имѣетъ небольшую практическую важность 53
6 Чеки или записки на банкировъ представляютъ столь же сильное орудіе для возвышенія цѣнъ, какъ и банковые билеты 57

7. Банковые билеты должны ли считаться деньгами? . . 60
8. Между банковыми билетами и другими формами кредита нѣтъ существенной разницы и причиннаго отношенія . . 61

Глава XIII. Неразмѣнныя бумажныя деньги.

1. Цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, зависящая отъ ихъ количества, можетъ быть опредѣляема произвольно . 63
2. Если неразмѣнныя бумажныя деньги регулируются цѣною золота и серебра, то онѣ безвредны, но и не даютъ никакихъ выгодъ 66
3. Опроверженіе мнѣнія, будто бы неразмѣнныя бумажныя деньги безвредны, если онѣ представляютъ собою дѣйствительное имущество 68
4. Опроверженіе мнѣнія, будто бы увеличеніе количества денегъ оживляетъ промышленность 71
5. Упадокъ цѣнности денегъ есть налогъ на товары и грабежъ кредиторовъ 74
6. Опроверженіе доводовъ, приводимыхъ въ пользу этого грабежа 75

Глава XIV. Излишекъ снабженія.

1. Возможенъ ли вообще излишекъ снабженія товарами . . 79
2. Снабженіе товарами вообще никогда не можетъ превысить покупательной силы 80
3. Также не можетъ превысить и желанія потреблять ихъ . 81
4. Источникъ мнѣнія объ излишкѣ снабженія и опроверженіе его 84

Глава XV. Мѣра цѣнности.

1. Въ какомъ смыслѣ возможна мѣра мѣновой цѣнности . . 86
2. Мѣра стоимости производства 89

Глава XVI. Частные случаи, относящіеся къ нѣкоторымъ предметамъ.

1. Цѣнность товаровъ, которые имѣютъ общую стоимость производства 91
2. Цѣнность разныхъ сортовъ земледѣльческихъ продуктовъ 94

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Глава XVII. Международная торговля.

стр.

1. Стоимость производства не есть регуляторъ международныхъ цѣнностей 97
2. Международный обмѣнъ товаровъ между различными странами опредѣляется не абсолютною стоимостью ихъ производства, но сравнительною 99
3. Прямая выгода международной торговли состоитъ въ томъ, что она даетъ успѣшнѣйшее занятіе производительнымъ силамъ всѣхъ странъ, ... 101
4. а не въ томъ, что она представляетъ путь для вывоза или даетъ барыши купцамъ 102
5. Непрямыя выгоды международной торговли, экономическія и моральныя, еще больше чѣмъ прямыя 104

Глава XVIII. Международныя цѣнности.

1. Цѣнность ввозимыхъ товаровъ зависитъ отъ условій международнаго обмѣна 106
2. А эти условія зависятъ отъ уравненія международнаго запроса 107
3. Вліяніе стоимости провоза на международныя цѣнности . 112
4. Законъ цѣнности, имѣющій силу между двумя странами и относительно двухъ товаровъ, вполнѣ прилагается и къ большему числу странъ и товаровъ 113
5. Вліяніе улучшеній въ производствѣ на международныя цѣнности 117
6. Изложенная теорія не полна 120
7. Международныя цѣнности зависятъ не только отъ количества требуемыхъ въ каждой странѣ ввозныхъ товаровъ, но и отъ средствъ производства, какія она имѣетъ для снабженія иностранныхъ рынковъ 121
8. Практическіе результаты мало измѣняются отъ вліянія этого дополнительнаго элемента 126
9. Отчего зависитъ стоимость, по какой извѣстная страна получаетъ ввозные товары 129

Глава XIX. Деньги какъ ввозный товаръ.

1. Деньги ввозятся двумя способами: какъ товаръ и какъ орудіе обмѣна 131

2. Какъ товаръ, онѣ подчиняются тѣмъ же законамъ цѣнности, какъ и прочіе ввозимые товары 132
3. Цѣнность ихъ не зависитъ исключительно отъ стоимости ихъ производства въ рудникахъ 135

Глава XX. Заграничные обмѣны.

1. Цѣли, для которыхъ деньги пересылаются изъ одной страны въ другую какъ орудіе обмѣна 136
2. Способъ производства международныхъ платежей посредствомъ векселей 137
3. Различіе между тѣми колебаніями въ вексельномъ курсѣ, которыя уравниваются сами собою, и тѣми, которыя уравниваются только измѣненіемъ цѣнъ 142

Глава XXI. Распредѣленіе золота и серебра по торговому свѣту.

1. Употребленіе денегъ вмѣсто обмѣна не производитъ измѣненій ни въ ввозѣ и вывозѣ, ни въ законѣ международныхъ цѣнностей 144
2. Дальнѣйшее разъясненіе предшествующей теоремы . . . 148
3. Драгоцѣнные металлы въ видѣ денегъ имѣютъ ту же цѣнность и распредѣляются по тому же закону, какъ и благородные металлы въ видѣ товара 152
4. Международныя уплаты, происходящія не изъ торговли . 153

Глава XXII. Вліяніе денежной системы на обмѣны и на внѣшнюю торговлю.

1. Колебанія въ обмѣнѣ, происходящія отъ денегъ 154
2. Слѣдствія внезапнаго умноженія звонкой монеты или внезапнаго выпуска въ большомъ количествѣ банковыхъ билетовъ, или другихъ бумагъ, замѣняющихъ деньги . . . 155
3. Слѣдствія увеличенія количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Реальный и номинальный вексельный курсъ . . . 160

Глава XXIII. О величинѣ процента.

1. Величина процента зависитъ отъ запроса и предложенія на ссуды 153

2. Обстоятельства, опредѣляющія постоянный запросъ и предложеніе на ссуды 164
3. Обстоятельства, опредѣляющія колебанія въ этомъ запросѣ и снабженіи 167
4. Величина процента не связана съ цѣнностью денегъ, но часто смѣшивается съ нею 169
5 Отъ величины процента зависятъ цѣны на землю и на процентныя бумаги 172

Глава XXIV. Регулированіе размѣниваемыхъ бумажныхъ денегъ.

1. Двѣ противоположныя теоріи о вліяніи банковыхъ билетовъ 173
2. Разборъ каждой изъ нихъ 175
3. Актъ 1844 г. о регулированіи бумажныхъ денегъ дѣйствительно производитъ часть благодѣтельныхъ послѣдствій, какія онъ имѣлъ въ виду 179
4. Но невыгодъ отъ него гораздо больше 185
5. Нужно ли предоставлять выпускъ банковыхъ билетовъ только одному учрежденію 198
6. Нужно ли охранять владѣльцевъ банковыхъ билетовъ какимъ нибудь денежнымъ способомъ отъ послѣдствій прекращенія банками платежей 200

Глава XXV. Соперничество разныхъ странъ на одномъ рынкѣ.

1. Причины, почему одна сторона можетъ продавать свои товары дешевле чѣмъ другая 201
3. Низкая рабочая плата — одна изъ этихъ причинъ, . . 204
4. но только тогда, когда она бываетъ низка въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, ... 205
4. а не тогда, когда она бываетъ низка вообще во всѣхъ отрасляхъ 208
5. О нѣкоторыхъ ненормальныхъ обществахъ, ведущихъ торговлю 209

Глава XXVI. Распредѣленіе подъ вліяніемъ обмѣна.

1. Отъ обмѣна и денегъ не измѣняется законъ рабочей платы. 211
2. — не измѣняется законъ ренты 214
3. — и законъ прибыли 215

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Книга IV.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ОБЩЕСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

Глава I. Общія черты прогрессивнаго состоянія богатства.

стр.

1. Предварительныя замѣчанія 221
2. Прогрессивное движеніе общества увеличиваетъ власть человѣка надъ силами природы, его безопасность и способность къ соединенному дѣйствованію 222

Глава II. Вліяніе прогресса промышленности и населенія на цѣнности и цѣны.

1. Тенденція къ уменьшенію цѣнности и стоимости производства всѣхъ товаровъ. 226
2. — исключая земледѣльческихъ продуктовъ и матеріаловъ, добываемыхъ изъ рудниковъ; эти товары напротивъ возрастаютъ въ цѣнности и стоимости ихъ производства . . . 228
3. Но это возрастаніе по временамъ задерживается улучшеніями въ производствѣ 230
4. Прогрессъ общества умѣряетъ колебанія цѣнностей . . . 231
5. Вліяніе на цѣнности и цѣны спекулянтовъ и въ частности хлѣбныхъ торговцевъ 233

Глава III. Вліяніе прогресса промышленности и населенія на ренту, прибыль и рабочую плату.

1. Первый случай: населеніе возрастаетъ, а капиталъ неподвиженъ 237
2. Второй случай: капиталъ возрастаетъ, а населеніе неподвижно 240
3. Третій случай: населеніе и капиталъ возрастаютъ въ одинаковой пропорціи, а производительное искусство неподвижно 241

4. Четвертый случай: производительное искусство идетъ прогрессивно, а капиталъ и населеніе неподвижны 242
5. Пятый случай: всѣ три элементы идутъ прогрессивно . . 248

Глава IV. Тенденція прибыли къ minimum.

1. Доктрина Адама Смита о соперничествѣ капитала . . . 252
2. Доктрина Уэкфильда о пользѣ занятія 255
3. Чѣмъ опредѣляется minimum прибыли 256
4. Въ богатыхъ странахъ прибыль обыкновенно близка къ minimum 259
5. Дальнѣйшему же паденію прибыли мѣшаютъ: коммерческіе кризисы, ... 262
6. — улучшенія въ производствѣ, ... 263
7. — ввозъ дешевыхъ предметовъ необходимости и инструментовъ, ... 265
8. — эмиграція капитала 267

Глава V. Результаты тенденціи прибыли къ minimum.

1. Вычетъ изъ капитала не всегда бываетъ національной потерей 268
2. Въ богатыхъ странахъ умноженіе машинъ не убыточно, а выгодно для рабочихъ классовъ 271

Глава VI. Неподвижное состояніе.

1. Политико-экономы боятся неподвижнаго состоянія богатства и населенія и не желаютъ его наступленія 274
2. Но само по себѣ оно было бы желательно 276

Глава VII. Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ.

1. Теорія зависимости и покровительства несообразна съ состояніемъ новаго общества 279
2. Будущее благосостояніе рабочихъ классовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ ихъ собственнаго умственнаго развитія 284
3. Вѣроятнымъ послѣдствіемъ умственнаго развитія будетъ болѣе разсчетливое размноженіе населенія, — чему будетъ содѣйствовать и соціальная независимость женщинъ . . 286
4. Тенденція общества къ уничтоженію того отношенія, по которому одни нанимаютъ, а другіе служатъ по найму . . 287

стр.
5. Примѣры ассоціацій работниковъ съ капиталистами . 593
» ассоціацій однихъ работниковъ между собою. . 695
7. Соперничество невредно, но полезно и необходимо . . . 313

Книга V.

ВЛІЯНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Глава I. Сфера правительства вообще.

стр.
1. Различіе между необходимыми и произвольными функціями правительства 319
2. Многоразличный характеръ необходимыхъ функцій правительства 320
3. Раздѣленіе предмета 325

Глава II. Общіе принципы системы налоговъ.

1. Четыре основныя правила для налоговъ 326
2. Принципъ равенства налоговъ и его основанія 328
3. Нужно ли брать въ налогъ одинаковый процентъ со всякаго количества дохода? 330
4. Нужно ли брать одинаковый процентъ съ вѣчныхъ и временныхъ доходовъ 335
5. Увеличеніе поземельной ренты, происходящее отъ естественныхъ причинъ, должно подлежать особому налогу . . 342
6. Поземельный налогъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не есть налогъ, а плата аренды въ пользу публики 345
7. Налогъ на капиталъ не всегда вреденъ 346

Глава III. Прямые налоги.

1. Прямые налоги берутся или съ дохода или съ расхода . 348
2. Налогъ на ренту 349
3. » на прибыль 350
4. » на рабочую плату. 353
5. » на доходы 355
6. » на дома. 358

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Глава IV. Налоги на товары.

стр.

1. Налогъ на всѣ товары падалъ бы на прибыль. 364
2. Но налогъ только на нѣкоторые товары падаетъ на потребителей. 365
3. Особенныя слѣдствія налоговъ на предметы необходимости. 367
4. Какъ измѣняются эти слѣдствія тенденціею прибыли къ minimum 370
5. Вліяніе пошлинъ, налагаемыхъ не на товаръ, а на какой нибудь способъ его полученія 375
6. Вліяніе на международный обмѣнъ пошлинъ съ вывоза и съ ввоза 379

Глава V. Нѣкоторые другіе налоги.

1. Пошлина съ договоровъ или контрактовъ. 386
2. Налоги на средства сообщенія 389
3. Судебныя пошлины 391
4. Налоги на покрытіе мѣстныхъ издержекъ. 391

Глава VI. Сравненіе между прямыми и косвенными налогами.

1. Доказательства за и противъ прямыхъ налоговъ 393
2. Какія формы косвенныхъ налоговъ лучше 397
3. Практическія правила для косвенныхъ налоговъ 400

Глава VII. Національный долгъ.

1. Полезно ли прибѣгать къ займамъ для покрытія чрезвычайныхъ государственныхъ издержекъ? 402
2. Невыгодно погашать національный долгъ посредствомъ общей контрибуціи 406
3. Въ какихъ случаяхъ выгодно удерживать излишекъ доходовъ для погашенія долга 408

Глава VIII. Обыкновенныя правительственныя функціи со стороны своего экономическаго вліянія.

1. Слѣдствія несовершенной безопасности лица и собственности. 410

2. Слѣдствія чрезмѣрныхъ налоговъ 413
3. Слѣдствія несовершенства законовъ и судовъ 414

Глава IX. Продолженіе.

1. Законы о наслѣдствѣ 415
2. Законъ и обычай первородства 420
3. Субституціи 425
4. Законъ обязательнаго раздѣленія наслѣдства поровну . . 426
5. Законы о товариществѣ 428
6. Товарищества съ ограниченною отвѣтственностью . . . 430
7. Товарищества коммандитныя 434
8. Законы о несостоятельности 439

Глава X. Случаи правительственнаго вмѣшательства, происходящаго отъ ложныхъ теорій.

1. Доктрина покровителельства естественной промышленности 446
2. Законы о процентахъ 454
3. Попытка регулировать цѣны товаровъ 458
4. Монополіи 460
5. Законы противъ соглашеній между работниками 462
6. Стѣсненіе общественнаго мнѣнія и его выраженій . . . 467

Глава XI. Основанія и границы системы laisser-faire или принципа невмѣшательства.

1. Раздѣленіе правительственнаго вмѣшательства на повелительное и неповелительное 468
2. Возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства: принудительный характеръ самаго вмѣшательства, или принудительное взиманіе денегъ на содержаніе его 470
3. Другія возраженія: увеличеніе занятій и отвѣтственности правительства 472
4. Большая успѣшность частной дѣятельности, происходящая отъ большей заинтересованности въ дѣлѣ 474
5. — важность развитія въ народѣ способностей къ соединенной дѣятельности 475
6. Laisser-faire должно быть общимъ правиломъ 477

7. Но оно подлежитъ широкимъ ограниченіямъ; и подъ него не подходятъ слѣдующія случаи. Случаи въ которыхъ потребитель не есть лучшій судья потребляемыхъ товаровъ. Воспитаніе 480
8. Случаи, гдѣ одно лицо имѣетъ власть надъ другими. Покровительство дѣтямъ и несовершеннолѣтнимъ; законы объ обращеніи съ животными. Женщины не подходятъ подъ эти случаи 484
9. Договоры на вѣчность 484
10. Управленіе черезъ довѣренныхъ. 488
11. Случаи въ которыхъ общественное вмѣшательство необходимо для того, чтобы дать силу желаніямъ заинтересованныхъ лицъ. Примѣры: условія о числѣ рабочихъ; заселеніе колоній. 491
12 Случаи, гдѣ извѣстное лицо совершаетъ дѣйствія не въ свою пользу, а въ пользу другихъ. Законы о бѣдныхъ . . 495
13. Колонизація 498
14. Другіе различные примѣры 504
15. Правительственное вмѣшательство можетъ быть необходимо при недостаткѣ частной дѣятельности въ такихъ случаяхъ, гдѣ бы эта частная дѣятельность вообще могла быть болѣе успѣшною. 505

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОБМѢНЪ.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

КНИГА III.

ОБМѢНЪ.

(Продолженіе).

ГЛАВА VII.

ДЕНЬГИ.

1. До сихъ поръ мы разсматривали общіе законы цѣнности, не вводя въ нихъ понятія денегъ (которыми пользовались лишь иногда, для простоты примѣровъ); теперь пора намъ присоединить къ прежнему разбору это понятіе и разсматривать, какъ принципы взаимнаго обмѣна товаровъ видоизмѣняются при употребленіи такъ называемаго «орудія мѣны».

Чтобы понять разнообразныя функціи этого орудія къ обращенію товаровъ, лучше всего намъ будетъ разсмотрѣть главныя неудобства, которыя мы испытывали бы безъ такого орудія. Первымъ и замѣтнѣйшимъ явилось бы то, что не было бы общей мѣры для цѣнностей разныхъ сортовъ. Если бы портной имѣлъ только платье, и сталъ бы покупать хлѣбъ или лошадь, очень хлопотливо было бы опредѣлить, сколько хлѣба долженъ онъ получить за пару платья, или сколько паръ платья отдать за лошадь. Разсчетъ слѣдовало бы возобновлять по разнымъ даннымъ каждый разъ, какъ онъ сталъ бы обмѣнивать платье на иной товаръ, чѣмъ прежде; и не могло бы быть прейсъ-курантовъ и регулярныхъ обозначеній цѣнности. Теперь напротивъ каждый предметъ имѣетъ свою прейсъ-курантную цѣну въ денежномъ счетѣ и портной избѣгаетъ всѣхъ затрудненій, считая пару платья въ четыре или пять фунтовъ, а четырехъ-фунтовой хлѣбъ въ 6 или 7 пенсовъ. Гораздо легче бываетъ сравнивать длину разныхъ предметовъ, выражая ее общимъ языкомъ футовъ и дюймовъ; точно также гораздо легче

сравнивать цѣнности при помощи общаго языка: фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Безъ этого нельзя расположить цѣнности по порядку ихъ величинъ; не удобно было бы человѣку сосчитать сумму своего имущества; и легче узнать и запомнить отношенія разныхъ предметовъ къ одному предмету, чѣмъ ихъ безчисленныя отношенія другъ къ другу. Эта выгода имѣть общій языкъ для выраженія цѣнности такъ уже важна и сама по себѣ, что какой-нибудь подобный способъ выражать и сосчитывать ихъ вѣроятно употреблялся бы и тогда, когда бы слова, подобныя фунту или шиллингу, обозначали не предметы, дѣйствительно существующіе, а только счетную единицу. Говорятъ, что есть въ Африкѣ племена, у которыхъ господствуетъ этотъ нѣсколько искусственный методъ. Они считаютъ цѣнность вещей на какую-то условную монету, называющуюся макута и говорятъ, что одинъ предметъ стоитъ 10, другой 15, третій 20 макутъ (Montesquieu, Esprit des Lois, кн. 22, гл. 8). Дѣйствительной вещи, называющейся макутою, нѣтъ, — это условная единица для удобнѣйшаго сравненія предметовъ.

Но эта выгода составляетъ лишь незначительную часть экономической пользы, приносимой употребленіемъ денегъ. Неудобства мѣны такъ велики, что еслибъ не было другаго болѣе удобнаго средства производить обмѣнъ, раздѣленіе занятій вѣроятно не могло бы перейти ничтожной степени развитія. Портной, не имѣющій ничего кромѣ платья, могъ бы умереть съ голода, прежде, чѣмъ найдетъ человѣка, желающаго продать хлѣбъ и пріобрѣсти платье; кромѣ того портному не нужно было бы заразъ столько хлѣба, сколько стоитъ платье, а платье нельзя рвать на части, потому каждый постоянно спѣшилъ бы сбыть свой товаръ въ обмѣнъ за какую-нибудь вещь, которая хотя можетъ быть и не годилась бы на его надобность въ ту минуту, но запросъ на которую былъ бы великъ и всеобщъ и которая легко дѣлилась бы, такъ чтобы онъ навѣрное могъ купить ею всякую продающуюся вещь. Предметы первой необходимости обладаютъ этими качествами въ высокой степени. Хлѣбъ дѣлится на очень мелкія части и каждый желаетъ имѣть его. Но все-таки хлѣбъ не такой предметъ, какой тутъ нуженъ. Кромѣ неурожайныхъ годовъ никто не желаетъ имѣть за одинъ разъ больше хлѣба, чѣмъ нужно для немедленнаго потребленія; потому нельзя быть увѣреннымъ, что тотчасъ же найдешь покупщика на провіантъ; а почти всякій провіантъ скоро портится. Предметъ, который удобно было бы избрать людямъ для храненія у себя на дѣланіе покупокъ, долженъ быть предметъ не только

дробящійся и требуемый всѣми, но и не портящійся отъ времени. Черезъ это выборъ ограничивается небольшимъ числомъ предметовъ.

2. По тайному единодушію почти всѣ націи очень рано избрали для этой цѣли извѣстные металлы и въ особенности золото и серебро. Нѣтъ веществъ, соединяющихъ необходимыя для того качества въ такой высокой степени и съ такимъ множествомъ второстепенныхъ удобствъ. Послѣ пищи и одежды, а въ нѣкоторыхъ климатахъ даже и больше одежды, самое сильное расположеніе въ грубомъ обществѣ бываетъ къ нарядамъ и къ тому отличію, какое доставляется рѣдкостью или дороговизною этихъ нарядовъ. По удовлетвореніи первыхъ необходимостей жизни каждый старался собирать какъ можно большій запасъ дорогихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ нарядныхъ вещей; а главными изъ нихъ были золото, серебро и драгоцѣнные камни. Каждому пріятнѣе всего было имѣть именно эти предметы и на нихъ вѣрнѣе всего было надѣяться, что каждый захочетъ принять ихъ въ обмѣнъ за всякій продуктъ. Они принадлежали къ числу веществъ самыхъ вѣчныхъ. При томъ же они удободвижимы и содержа большую цѣнность въ маломъ объемѣ могли быть легко спрятываемы — обстоятельство очень важное въ вѣка небезопасности. Драгоцѣнные камни уступаютъ золоту и серебру способностью дробиться; а качества у нихъ очень различны и удостовѣриться въ этихъ качествахъ очень трудно. Золото и серебро чрезвычайно дробимы и, когда чисты, то всегда одного качества; а чистота ихъ можетъ быть повѣряема и гарантируема общественною властью.

Потому если въ однихъ странахъ и служили деньгами мѣха, въ другихъ скотъ, въ китайской Татаріи кубическіе куски плотно сжатаго чая, на западно-африканскомъ берегу раковины, называемыя тамъ коори, а въ Абиссиніи до сихъ поръ служатъ куски горной соли; если и изъ металловъ выбирались иногда дешевые, какъ желѣзо въ Лакедемонѣ (по аскетической политикѣ), а въ первыя времена римской республики мѣдь (по бѣдности народа), то вообще предпочитались золото и серебро у всѣхъ народовъ, которые могли доставать ихъ или разработкою и торговлею или завоеваніемъ. Къ качествамъ, первоначально рекомендовавшимъ ихъ, присоединилось одно обстоятельство, важность котораго раскрылась постепенно. Они принадлежатъ къ тѣмъ товарамъ, которые наименѣе подвержены вліянію причинъ, колеблющихъ цѣнности. Нѣтъ товара, совершенно избавленнаго отъ такихъ колебаній. Золото и

серебро съ начала историческихъ временъ подверглись одному великому измѣненію постоянной цѣнности, отъ открытія американскихъ рудниковъ; подвергались они иногда разнымъ временнымъ колебаніямъ,—напримѣръ въ наполеоновскія войны такое колебаніе произошло отъ поглощенія металловъ военными кассами громадныхъ армій, постоянно сражавшихся, и тѣмъ, что деньги прятались отъ грабежа. Въ наше время открытіе новыхъ источниковъ снабженія, столь изобильныхъ какъ Уральскій хребетъ, Калифорнія и Австралія, можетъ быть, окажется началомъ втораго періода упадка ихъ цѣнности, о границахъ котораго напрасно еще было бы теперь разсуждать. Но говоря вообще, нѣтъ товаровъ, менѣе подверженныхъ причинамъ колебанія. Стоимость ихъ производства измѣняется такъ мало, какъ почти ни въ какомъ другомъ товарѣ. А по долговѣчности ихъ, сумма существующаго ихъ количества всегда такъ велика сравнительно съ годичнымъ снабженіемъ, что и самая перемѣна стоимости производства не дѣйствуетъ на ихъ цѣнность внезапнымъ образомъ: чтобы чувствительно уменьшилось существующее количество ихъ, на это нужно очень долгое время, да и быстро увеличиться въ значительной степени это количество не можетъ. Потому золото и серебро лучше всякаго другаго товара годятся быть предметомъ обязательствъ о полученіи или уплатѣ извѣстнаго количества въ отдаленный срокъ. Если бы обязательства заключались на хлѣбъ, неурожай въ одинъ годъ могъ бы сдѣлать тяжесть уплаты въ четверо больше предполагавшейся величины, а изобильный урожай въ слѣдующемъ году уменьшилъ бы до $^1/_4$ части. Еслибы обязательства заключались на одежду, какое-нибудь фабричное изобрѣтеніе могло бы навсегда уменьшить уплату въ десять разъ противъ первоначальной цѣнности. Нѣчто подобное случалось даже и въ уплатахъ, обозначенныхъ на золото и серебро; но до сихъ поръ былъ одинъ только достовѣрный такой случай большаго размѣра: упадокъ ихъ цѣнности послѣ открытія Америки; да и тутъ перемѣна шла чрезвычайно постепенно, разложившись на долголѣтній періодъ.

Когда золото и серебро уже стали въ сущности орудіемъ обмѣна, сдѣлавшись предметами, за которые обыкновенно продавалъ каждый и на которые обыкновенно покупалъ каждый все, что приходилось ему покупать или продавать, то сама собою явилась мысль чеканить деньги. Этимъ средствомъ металлъ раздѣлялся на удобныя части до какой угодно дробности, и части эти имѣли между собою общеизвѣстную соразмѣрность; этимъ были отстра-

нены хлопоты взвѣшивать ихъ и опредѣлять степень чистоты при каждомъ переходѣ изъ рукъ въ руки,—хлопоты, которыя безъ этого сдѣлались бы скоро невыносимы при мелкихъ покупкахъ. Правительства нашли выгоднымъ взять эту операцію въ свои руки и запретить частнымъ лицамъ чеканку денегъ; да и дѣйствительно правительственная гарантія была единственною, которой повѣрили бы люди; впрочемъ очень часто и не оправдывалось довѣріе къ ней: до очень недавняго времени расточительныя правительства, чтобы обобрать своихъ кредиторовъ, почти никогда не колебались давать всѣмъ другимъ должникамъ волю обобрать всѣхъ кредиторовъ и прибѣгали къ тупому и безстыдному коварству, понижая достоинство монеты, къ этому самому явному изъ всѣхъ способовъ плутовства, состоящему въ томъ, чтобы назвать шиллингъ фунтомъ для уничтоженія долга во 100 фунтовъ уплатою 100 шиллинговъ. Столь же простымъ и соотвѣтственнымъ дѣлу средствомъ было бы приказать, что «сто» должно всегда истолковываться значащимъ «пять», — этимъ пособіемъ было бы произведено точно такое же уменьшеніе всѣхъ денежныхъ обязательствъ, и оно вовсе не было бы болѣе безстыдно. Такіе политическіе обороты еще рекомендуются иными и теперь, но уже не употребляются на практикѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, что совершаются иногда посредствомъ бумажныхъ денегъ: тутъ дѣло не такъ ясно, потому и характеръ оборота менѣе безстыденъ.

3. Когда употребленіе денегъ вошло въ привычку, деньги становятся орудіемъ, посредствомъ котораго распредѣляются между членами общества доходы, и мѣриломъ, которымъ оцѣниваютъ они свое имущество. Надобностямъ своимъ люди постоянно удовлетворяютъ посредствомъ денегъ, потому возникаетъ въ ихъ мысляхъ сильная связь этихъ понятій, ведущая къ тому, чтобы считать деньги богатствомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, чѣмъ всѣ другіе товары и даже люди, проводящіе жизнь въ производствѣ самыхъ полезныхъ предметовъ, пріобрѣтаютъ привычку полагать главную важность этихъ предметовъ въ томъ, что они могутъ быть обмѣнены на деньги. Когда человѣкъ разстается съ деньгами для полученія товаровъ не за тѣмъ, чтобы продать эти товары, то воображается, будто бы онъ дѣлаетъ не такой хорошій оборотъ какъ человѣкъ, разстающійся съ товарами для полученія денегъ: кажется, будто бы первый изъ этихъ людей тратитъ свои средства, а другой увеличиваетъ ихъ. Теперь это обольщеніе отчасти разсѣяно, но долго было оно такъ сильно, что порабощало себѣ

мысли всѣхъ европейскихъ государственныхъ людей и теорети-ковъ и практиковъ.

Но каждый долженъ видѣть, что существенный характеръ оборота не измѣняется введеніемъ особеннаго способа обмѣнивать предметы тѣмъ, чтобы сначала обмѣнять предметъ на деньги, а потомъ обмѣнять деньги на другой предметъ. Предметы покупаются на самомъ дѣлѣ не за деньги. Ни у кого (кромѣ владѣльца золотаго или серебрянаго рудника) доходъ не получается отъ драгоцѣнныхъ металловъ. Не тѣ фунты или шиллинги, которые получаетъ человѣкъ еженедѣльно или ежегодно, составляютъ его доходъ: они только родъ билетовъ или векселей, которые онъ можетъ представлять на уплату въ какую угодно лавку и которые даютъ ему возможность получить извѣстную цѣнность какого онъ захочетъ товара. Фермеръ платитъ своимъ работникамъ и своему землевладѣльцу этими билетами, потому что такой способъ уплаты самый удобный для него и для нихъ; но дѣйствительный ихъ доходъ—извѣстная доля изъ его хлѣба, скота и сѣна, и существенной разницы нѣтъ въ томъ, прямо ли онъ выдаетъ имъ эти доли или продаетъ ихъ для нихъ и отдаетъ имъ цѣну; но вѣдь еслибъ онъ не продалъ ее за деньги, стали бы продавать ее они; а онъ уже во всякомъ случаѣ продавецъ; потому для всѣхъ ихъ удобнѣе, чтобы онъ продавалъ ихъ долю вмѣстѣ съ своею,—тутъ остается больше досуга у работниковъ на работу, а у землевладѣльца—на праздность. Кромѣ производителей драгоцѣнныхъ металловъ остальные капиталисты не получаютъ ни малѣйшей части своего дохода изъ этихъ металловъ, потому что пріобрѣтаютъ ихъ лишь покупкою ихъ за свой продуктъ; а всѣ другія лица получаютъ свои доходы уплатою отъ капиталистовъ или отъ людей, получившихъ уплату отъ капиталистовъ; капиталисты же съ самаго начала не имѣли ничего кромѣ своего продукта; стало быть только изъ этого продукта и получаются всѣ доходы, доставляемые капиталистами. Словомъ сказать, въ общественной экономіи деньги по своему внутреннему значенію самый ничтожнѣйшій предметъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ того, что служатъ онѣ способомъ, уменьшающимъ трату времени и труда. Деньги—машина для быстраго и удобнаго исполненія того, что дѣлалось бы и безъ нихъ, хотя не такъ быстро и удобно; и, подобно многимъ другимъ машинамъ, деньги оказываютъ свое особенное и независимое вліяніе на ходъ дѣла лишь тогда, когда механизмъ этотъ портится.

Введеніемъ денегъ не измѣняется дѣйствіе ни одного изъ за-

коновъ цѣнности, изложенныхъ нами въ предъидущихъ главахъ. Причины, по которымъ временная или рыночная цѣнность вещей опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, а средняя и постоянная цѣнность—стоимостью производства, примѣняются къ денежной системѣ точно также, какъ къ мѣновой системѣ. Предметы, которые при мѣнѣ отдавались бы другъ за друга, будутъ продаваясь за деньги, продаваться за одинаковое количество денегъ, стало быть также будутъ отдаваться другъ за друга, хотя процессъ обмѣна ихъ состоитъ теперь изъ двухъ операцій вмѣсто одной. Взаимныя отношенія товаровъ не измѣняются деньгами, а лишь вводится одно новое отношеніе,—отношеніе товаровъ къ самымъ деньгамъ, къ суммѣ денегъ, за какую обмѣнивается каждый товаръ, иначе сказать, къ тому, какая мѣновая цѣнность дается самымъ деньгамъ. И вопросъ этотъ ни мало не затруднителенъ, если разсѣяно обольщеніе, заставлявшее считать деньги чѣмъ-то особеннымъ, подчиненнымъ не одинаковымъ законамъ съ другими предметами. Деньги—товаръ и цѣнность ихъ опредѣляется подобно цѣнности другихъ товаровъ: временнымъ образомъ по уравненію запроса и снабженія, постояннымъ и среднимъ числомъ по стоимости производства. Въ примѣненіи къ деньгамъ эти принципы надобно разъяснить съ нѣкоторою подробностію во вниманіе къ темнотѣ, какою закрыто все это дѣло въ понятіяхъ людей, не познакомившихся съ предметомъ научнымъ образомъ; а эта сбивчивость понятій отчасти производится остающимися въ мысляхъ слѣдами старыхъ ошибочныхъ представленій, отчасти массою фальшивыхъ и пустыхъ теорій, которыми въ позднѣйшія времена набивалась эта часть политической экономіи больше всѣхъ другихъ частей. Потому теорію цѣнности денегъ я изложу въ особой главѣ.

ГЛАВА VIII.

ЦѢННОСТЬ ДЕНЕГЪ ВЪ ЗАВИСИМОСТИ ОТЪ УРАВНЕНІЯ ЗАПРОСА И СНАБЖЕНІЯ.

1. Къ несчастію при самомъ входѣ въ дѣло слѣдуетъ намъ отстранить съ нашего пути страшную двусмысленность выраженія. «Цѣнность денегъ», это выраженіе на видъ не уступаетъ точностью и свободностью отъ недоразумѣній ни одному изъ терминовъ науки. Цѣнность предмета—то, за сколько обмѣнивается предметъ; цѣнность денегъ—то, за сколько обмѣниваются деньги,

покупательная сила денегъ. Если цѣны низки, на деньги покупается много другаго предмета и цѣнность денегъ высока; если цѣны высоки, за деньги покупается мало другаго предмета, и цѣнность денегъ низка. Цѣнность денегъ обратно пропорціональна общей высотѣ цѣнъ.

Но къ несчастію та же самая фраза въ обыкновенномъ коммерческомъ языкѣ имѣетъ совершенно иной смыслъ. Считаясь въ обыкновенныхъ понятіяхъ синонимомъ богатства, слово деньги въ особенности употребляется вмѣсто слова богатство, когда говорится о займѣ богатства. Когда одно лицо даетъ ссуду другому, оно, какъ и при уплатѣ рабочей платы или ренты, передаетъ не просто деньги, а право на извѣстную цѣнность изъ продукта страны, право получить изъ богатства страны извѣстную цѣнность, какую изберетъ получающій ссуду. Заимодавецъ купилъ это право отдачею за него части принадлежавшаго ему капитала; на самомъ дѣлѣ онъ даетъ въ ссуду эту сумму капитала, а деньги служатъ только орудіемъ передачи. Но капиталъ обыкновенно переходитъ къ получающему ссуду черезъ посредство денегъ или бумаги на полученіе денегъ, которая во всякомъ случаѣ считается и оцѣнивается на деньги. Потому заемъ капитала вообще называется займомъ денегъ, ссудный рынокъ — денежнымъ рынкомъ; лица, у которыхъ есть свободный капиталъ для употребленія въ ссуды, называются денежными людьми; а процентъ, даваемый за пользованіе капиталомъ, называется процентомъ денежныхъ займовъ или, съ грубымъ искаженіемъ терминовъ, цѣнностью денегъ. Отъ этого ошибочнаго употребленія терминовъ и другихъ ошибочныхъ представленій, которыя мы изложимъ и разъяснимъ ниже (въ гл. 23) стало между коммерческими людьми господствующее понятіе, будто бы цѣнность денегъ, въ смыслѣ величины процента по займамъ, имѣетъ тѣсную связь съ цѣнностью денегъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. съ цѣнностью или степенью покупательной силы орудія обмѣна. Мы скоро займемся этимъ предметомъ, а теперь довольно будетъ сказать, что подъ цѣнностью я всегда разумѣю мѣновую цѣнность, подъ деньгами орудіе обмѣна, а не капиталъ, передаваемый изъ рукъ въ руки посредствомъ этого орудія.

2. Цѣнность или покупательная цѣна денегъ опредѣляется во первыхъ уравненіемъ запроса и снабженія. Но въ примѣненіи къ деньгамъ это уравненіе имѣетъ не совсѣмъ такой характеръ, какъ въ примѣненіи къ другимъ предметамъ.

Снабженіе товаромъ—это значитъ количество товара, предла-

гаемаго на продажу. Но «предлагать деньги на продажу»—такое выраженіе не употребительно. Въ обыкновенномъ языкѣ не говорится о покупкѣ или продажѣ денегъ. Однако же это—чистая случайность. Въ сущности, подобно другимъ предметамъ, деньги покупаются и продаются, когда другіе предметы покупаются и продаются за деньги. Продавая хлѣбъ, сало или хлопокъ, человѣкъ покупаетъ деньги. Покупая хлѣбъ, вино, или одежду, человѣкъ продаетъ деньги торговцу этими товарами. Деньги, предлагаемыя за покупку вещи, суть деньги, предлагаемыя на продажу. Такимъ образомъ снабженіе деньгами значитъ количество денегъ, какое хотятъ люди израсходовать, т. е. вся сумма находящихся у нихъ денегъ кромѣ тѣхъ, которыя они прячутъ или берегутъ въ резервѣ на будущіе случаи. Словомъ сказать, снабженіе деньгами значитъ вся сумма денегъ, находящаяся въ обращеніи въ данное время.

Запросъ на деньги также состоитъ изъ всѣхъ предметовъ, предлагаемыхъ на продажу. Каждый продавецъ товара—покупщикъ денегъ, а продаваемые имъ товары составляютъ его запросъ. Отъ запроса на другіе предметы запросъ на деньги отличается тѣмъ, что границу себѣ находитъ лишь въ средствахъ покупателя. Запросъ на другіе предметы имѣетъ извѣстную величину и не превышаетъ ее. Но сколько бы ни можно было получить денегъ, на все количество ихъ существуетъ запросъ. Правда, человѣкъ не захочетъ продавать свой товаръ и возьметъ его съ рынка, если не можетъ получить за него цѣну, по его мнѣнію достаточную; но лишь тогда, когда думаетъ, что цѣна поднимется и что выждавъ онъ получитъ больше денегъ. Если бы онъ думалъ, что низкая цѣна останется очень надолго, онъ взялъ бы сколько даютъ. Сбывать свои товары—необходимость для торговца.

Всѣ находящіеся на рынкѣ товары составляютъ запросъ на деньги, а всѣ находящіяся на рынкѣ деньги составляютъ запросъ на товары. Деньги и товары стремятся къ взаимному обмѣну. Они взаимно служатъ другъ для друга запросомъ и снабженіемъ. Все равно, объ уравненіи запроса и снабженія товаровъ или объ уравненіи запроса и снабженія денегъ станемъ говорить мы при описаніи феноменовъ. Тотъ и другой образъ выраженія равнозначительны.

Займемся теперь подробнѣйшимъ разъясненіемъ нашей теоремы. Читатель долженъ замѣтить тутъ значительную разницу между вопросами, занимающими насъ теперь и тѣми, которые разбирались нами въ теоріи цѣнности. Разсматривая цѣнность, мы имѣли дѣло лишь съ тѣми причинами, которыя дѣйствуютъ на извѣстные

товары. Причины, дѣйствующія одинаково на всѣ товары, не дѣйствуютъ на цѣнности. Но разсматривая отношеніе между товарами и деньгами, мы спеціально должны заниматься причинами, дѣйствующими на всѣ товары. Мы сравниваемъ съ одной стороны всѣ товары, а съ другой стороны деньги, какъ предметы, взаимно обмѣнивающіеся.

Предположимъ, что при неизмѣнности остальныхъ условій увеличилось количество денегъ,—напр. прибытіемъ иностранца, который привезъ съ собою золото и серебро. Начиная расходовать свои деньги (производительно или непроизводительно, это для настоящаго вопроса все равно), онъ увеличиваетъ снабженіе деньгами, и чрезъ то самое запросъ на товары. Разумѣется, первоначально онъ увеличиваетъ запросъ лишь на нѣкоторые разряды товаровъ, именно на тѣ, какіе вздумалось ему покупать. Непосредственнымъ образомъ подниметъ онъ цѣну этихъ товаровъ и своимъ личнымъ дѣйствіемъ цѣну лишь ихъ однихъ. Если онъ расходуетъ свой фондъ на задаваніе обѣдовъ, онъ подниметъ цѣны съѣстныхъ припасовъ и вина. Если онъ расходуетъ свой фондъ на основаніе фабрики, онъ подниметъ цѣны труда и матеріаловъ. Но при возвышеніи этихъ цѣнъ, въ руки продавцовъ этихъ товаровъ перейдетъ больше денегъ; работники или торговцы будутъ продавцы, все равно; имѣя теперь больше денегъ на свой расходъ, они произведутъ увеличеніе запроса на всѣ товары, обыкновенно покупаемые имъ; потому поднимутся въ цѣнѣ эти товары и такъ пойдетъ дальше, пока возвышеніе цѣны обниметъ всѣ товары. Я говорю «всѣ товары», хоть разумѣется можетъ быть, что деньги вливаются чрезъ посредство новаго класса потребителей или вливаются такимъ образомъ, что измѣняется пропорція между разными разрядами потребителей и поэтому на нѣкоторые товары будетъ расходоваться большая доля національнаго дохода, чѣмъ прежде, а на остальные товары меньшая доля его, чѣмъ прежде, все равно какъ будто бы произошла перемѣна во вкусахъ и потребностяхъ общества. Если такъ, цѣнности дѣйствительно будутъ измѣняться, пока производство приспособится къ перемѣнѣ въ пропорціи запроса на разные предметы: нѣкоторые предметы поднимутся въцѣнѣ больше другихъ, а цѣна иныхъ, быть можетъ, вовсе не поднимется. Но такой результатъ происходитъ очевидно не отъ самаго умноженія денегъ, а отъ сопровождающихъ его побочныхъ обстоятельствъ. Намъ теперь слѣдуетъ разсматривать результатъ самаго умноженія денегъ, въ отдѣльности отъ другихъ явленій. Предпо-

ложимъ, что при увеличеніи количества денегъ въ рукахъ отдѣльныхъ людей, потребности и наклонности общества относительно потребленія остаются рѣшительно прежнія; если такъ, увеличеніе запроса равно распространится на всѣ предметы и произойдетъ всеобщее возвышеніе цѣнъ. Можно бы предположить вмѣстѣ съ Юмомъ, что въ извѣстное утро каждый человѣкъ въ націи проснувшись нашелъ у себя въ карманѣ золотую монету; но такой примѣръ заключалъ бы въ себѣ измѣненіе пропорціи запроса на разные товары: товары, служащіе предметомъ роскоши для бѣдныхъ, первоначально поднялись бы въ цѣнѣ гораздо значительнѣе другихъ предметовъ. Потому лучше предположимъ, что къ каждому фунту, шиллингу или пенсу, находившемуся въ карманѣ у каждаго, вдругъ прибавился другой фунтъ, шиллингъ или пенсъ. На всѣ товары возросъ бы денежный запросъ, слѣдовательно поднялась бы денежная цѣнность или цѣна всѣхъ предметовъ. Это увеличеніе цѣнности никому не принесло бы выгоды и никакой не произошло бы отъ него разницы, кромѣ той, что счетъ сталъ бы вестись большими цифрами фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Цѣнности возрасли бы лишь по оцѣнкѣ въ деньгахъ, въ предметѣ, нужномъ лишь на покупку другихъ предметовъ, — а средства къ покупкѣ этихъ предметовъ не увеличились бы ни у кого. Поднялись бы въ извѣстной пропорціи цѣны и въ той же пропорціи упала бы цѣнность денегъ.

Надобно замѣтить, что эта пропорція была бы та самая, въ которой возросло количество денегъ. Если бы все количество находящихся въ обращеніи денегъ удвоилось, цѣны удвоились бы. Еслибъ оно увеличилось на четвертую часть, цѣны поднялись бы на четвертую часть. Стала бы на четвертую часть больше сумма денегъ, которая вся служила бы на покупку прежнихъ товаровъ. По истеченіи времени, нужнаго на то, чтобы увеличеніе снабженія деньгами достигло всѣхъ рынковъ или, по вошедшей въ обыкновеніе метафорѣ, разлилось по всѣмъ каналамъ денежнаго обращенія, всѣ цѣны поднялись бы на четвертую часть. Но общее возвышеніе цѣнъ происходитъ и независимо отъ этого процесса разлитія и уравниванья. Если бъ нѣкоторыя цѣны поднялись и больше другихъ, а иныя меньше, среднее возвышеніе всетаки было бы на одну четвертую часть,—результатъ, необходимо слѣдующій изъ того факта, что за прежнее количество товаровъ стало бы отдаваться количество денегъ, на четвертую часть большее прежняго. Такимъ образомъ *цѣны вообще* поднялись бы во всякомъ случаѣ на четвертую часть,

Точно такой же результатъ произойдетъ, если предположимъ, что не количество денегъ увеличилось, а количество товаровъ уменьшилось; и наоборотъ будетъ, если количество товаровъ увеличится или количество денегъ уменьшится. Такимъ образомъ цѣнность денегъ, при неизмѣнности остальныхъ обстоятельствъ, измѣняется обратно пропорціонально ихъ количеству: извѣстное увеличеніе количества ихъ понижаетъ цѣнность ихъ ровно въ такой же пропорціи, а извѣстное уменьшеніе поднимаетъ ее равно въ такой же пропорціи.

Надобно замѣтить, что это свойство—особенное свойство именно денегъ. О товарахъ вообще никакъ нельзя сказать, что извѣстное уменьшеніе снабженія ими поднимаетъ цѣнность ихъ пропорціонально своему размѣру, а извѣстное увеличеніе понижаетъ ее въ точности соразмѣрно себѣ. Есть товары, цѣнность которыхъ обыкновенно измѣняется сильнѣе пропорціи излишка или недостачи въ ихъ количествѣ, а цѣнность другихъ меньше. Запросъ на всякій другой товаръ кромѣ денегъ — запросъ именно на этотъ товаръ и желаніе пріобрѣсти этотъ товаръ не одинаково въ разныхъ лицахъ; сумма, какую люди готовы израсходовать на извѣстный товаръ, всегда бываетъ величиною ограниченною и отъ облегченія или затрудненія пріобрѣсти этотъ товаръ величина этой суммы измѣняется не одинаково. Но запросъ на деньги, какъ на общее орудіе всѣхъ покупокъ, состоитъ во всѣхъ продающихся вещахъ; и единственная граница отдавать эти товары за деньги—та граница, что нѣтъ больше товаровъ для отдачи за деньги. Вся сумма товаровъ всегда обмѣнивается за всю сумму денегъ, являющуюся на рынокъ; потому товары, будутъ продаваться за количество денегъ, уменьшающееся или увеличивающееся ровно въ той пропорціи, въ какой измѣняется сумма денегъ, находящаяся на рынкѣ.

3. Изъ этихъ словъ на первый взглядъ можно заключить, что сумма товаровъ, продающихся въ странѣ, въ данную минуту обмѣнивается на сумму всѣхъ существующихъ и находящихся въ эту минуту въ обращеніи денегъ; иными словами, что въ странѣ постоянно обращается количество денегъ, равное суммѣ продающихся въ это время въ этой странѣ товаровъ. Но это было бы понятіе совершенно фальшивое. Расходуемыя деньги равны цѣнностью товарамъ, за которые отдаются. Но количество расходуемыхъ денегъ вовсе не равно суммѣ денегъ, находящихся въ обращеніи. Переходя изъ рукъ въ руки, одна монета тратится, или дѣлаетъ

свое дѣло много разъ, прежде чѣмъ будутъ куплены и окончательно сойдутъ съ рынка всѣ товары, продающіеся въ данную минуту, и каждый фунтъ или доллеръ долженъ считаться за столько фунтовъ или доллеровъ, сколько разъ онъ перейдетъ изъ рукъ въ руки до достиженія своего результата. Большая часть товаровъ также должна считаться по нѣсколько разъ: во-первыхъ отъ того, что почти всѣ предметы проходятъ черезъ руки разныхъ фабрикантовъ и торговцевъ прежде чѣмъ получатъ видъ, въ которомъ окончательно потребляются; во-вторыхъ отъ того, что во время спекуляціи (а каждое время больше или меньше время спекуляціи) одинъ товаръ покупается иногда по многу разъ для обратной продажи съ прибылью, прежде чѣмъ будетъ купленъ на дѣйствительное потребленіе.

Если мы примемъ количество продаваемыхъ товаровъ и число разъ перепродажи этихъ товаровъ за количество опредѣленное, то цѣнность денегъ будетъ опредѣляться количествомъ ихъ и среднею цифрою разъ, сколько каждая монета переходитъ изъ рукъ въ руки во время обмѣна товаровъ на деньги. Сумма проданныхъ товаровъ (считая каждую перепродажу одного товара какъ будто за прибавку въ этой суммѣ) обмѣнена за сумму всѣхъ денегъ, помноженную на среднее число покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою. Слѣдовательно при данномъ количествѣ товаровъ и продажъ, цѣнность денегъ обратно пропорціональна количеству ихъ помноженному на такъ называемую быстроту ихъ обращенія. А количество обращающихся денегъ, равно денежной цѣнности всѣхъ проданныхъ товаровъ, раздѣленной на цифру, обозначающую быстроту обращенія денегъ.

Выраженіе «быстрота обращенія» требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Понимать его слѣдуетъ не такъ, что оно означаетъ количество покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою въ данное время. Дѣло тутъ идетъ не о количествѣ времени. Быть можетъ состояніе общества таково, что каждая монета едва совершитъ одну покупку въ годъ; но если это происходитъ отъ малочисленности продажъ,—отъ незначительности совершающихся оборотовъ, отъ недѣятельности торговли или отъ того, что большая часть существующей торговли производится посредствомъ мѣны,—тутъ нѣтъ еще причины, чтобы цѣнамъ быть низкимъ или цѣнности денегъ быть высокой. Сущность дѣла не въ томъ, сколько разъ переходитъ каждая монета изъ рукъ въ руки въ данное время, а въ томъ, сколько разъ переходитъ она изъ рукъ въ руки для совершенія продажи на извѣстную сумму. Число покупокъ, сдѣланныхъ

монетою въ извѣстное время мы должны сравнивать не есть цифрою самаго времени, а съ цифрою товаровъ, проданныхъ въ это время. Если каждая монета перейдетъ изъ рукъ въ руки десять разъ, пока товаровъ будетъ продано на цѣнность милліона фунтовъ, то очевидно, что на обращеніе этихъ товаровъ надобно 100 тысячъ фунтовъ. И наоборотъ: если денегъ въ обращеніи находится 100 тысячъ фунтовъ и каждая монета 10 разъ въ мѣсяцъ пройдетъ изъ рукъ въ руки покупкою товаровъ, то продажа товаровъ на деньги должна простираться среднимъ числомъ до милліона фунтовъ въ мѣсяцъ.

«Быстрота обращенія»—терминъ, очень плохо выражающій ту единственную сторону дѣла, которую важно выражать черезъ него,—и ведетъ къ затемненію предмета, возбуждая представленіе, совершенно не такое, какому слѣдуетъ возбуждаться черезъ него; потому хорошо было бы избавиться отъ этого термина, замѣнивъ его другимъ, прямѣе обозначающимъ понятіе, которое должно имъ возбуждаться. Терминъ «успѣшность денегъ» или какъ нибудь въ этомъ родѣ былъ бы если и не безукоризненъ, то все же болѣе удаченъ,—онъ обращалъ бы вниманіе на количество исполненной работы, не возбуждая понятія о количествѣ времени. Пока не придуманъ удобный терминъ, мы должны довольствоваться тѣмъ, что для избѣжанія двусмыслія будемъ выражать идею парафразомъ, который вполнѣ передаетъ ее: «среднее число покупокъ, дѣлаемыхъ каждою монетою для совершенія данной денежной суммы покупокъ».

4. Наша теорема о томъ, что общая высота цѣнъ опредѣляется количествомъ находящихся въ обращеніи денегъ, должна пониматься въ примѣненіи лишь къ такому состоянію общества, въ которомъ деньги, то есть золото или серебро, служатъ исключительнымъ орудіемъ обмѣна, и дѣйствительно переходятъ изъ рукъ въ руки при каждой покупкѣ, при неизвѣстности рѣшительно формъ кредита. Если же существуетъ кредитъ, какъ различное отъ наличныхъ денегъ орудіе покупокъ, мы увидимъ, что связь между цѣнами и количествомъ обращающихся денегъ становится далеко не такъ пряма и тѣсна, и остающаяся между цѣнами и количествомъ денегъ связь бываетъ такова, что нельзя выразить ее такимъ простымъ образомъ. Но при изложеніи предмета, столь запутаннаго, какъ денежное обращеніе и цѣны, надобно положить прочное основаніе теоріи полнымъ разъясненіемъ простѣйшихъ случаевъ, которые, какъ мы увидимъ, лежатъ фундаментомъ или грунтомъ подъ всѣми явленіями, возникающими въ практикѣ. Отъ увеличенія ко-

2882
2 09

личества денегъ цѣны поднимаются, отъ уменьшенія падаютъ; это основная теорема въ теоріи денежнаго обращенія, и безъ нея мы не имѣли бы ключа ни къ одной изъ остальныхъ теоремъ. Но кромѣ простаго и первобытнаго состоянія, какое принимали мы въ предъидущей гипотезѣ, ко всѣмъ другимъ состояніямъ общества эта теорема примѣняется не безусловно, а лишь съ оговоркою: «при неизмѣнности прочихъ обстоятельствъ»,—а въ чемъ заключаются другія обстоятельства, неизмѣнность которыхъ требуется, мы еще не можемъ опредѣлить здѣсь; можемъ однако и здѣсь уже указать двѣ—три изъ тѣхъ предосторожностей, которыя надобно соблюдать, когда хотимъ употреблять основную теорему предмета для практическаго объясненія его явленій; предосторожности эти тѣмъ необходимѣе, что теорема наша, при всей своей научной справедливости, служила больше всѣхъ другихъ теоремъ, касающихся обмѣна продуктовъ, основаніемъ для громаднѣйшей массы фальшивыхъ теорій и ошибочныхъ истолкованій фактовъ. Съ 1819 года, когда возобновлены были англійскимъ банкомъ платежи звонкою монетою, а въ особенности съ коммерческаго кризиса 1825 года, любимымъ объясненіемъ всякаго возвышенія или упадка цѣнъ было въ Англіи «состояніе денежнаго обращенія», currency, и подобно другимъ теоріямъ господствующимъ въ большинствѣ, это мнѣніе прилагалось къ дѣлу безъ наблюденія условій, отъ которыхъ зависитъ его правильность.

Напримѣръ, обыкновенно думаютъ, что если увеличивается количество денегъ существующее въ странѣ, непремѣнно должны подняться цѣны, что результатъ этотъ неизбѣженъ. Во всякомъ товарѣ цѣнность опредѣляется не тѣмъ количествомъ, какое вообще существуетъ а тѣмъ, какое предлагается на продажу. Каково бы ни было все количество денегъ въ странѣ, цѣны будутъ зависѣть только отъ количества, идущаго на товарный рынокъ и тамъ дѣйствительно обмѣниваемаго на товары. Если эта часть денегъ въ странѣ увеличивается, цѣны поднимаются. Но спрятанныя деньги не дѣйствуютъ на цѣны; не дѣйствуютъ на нихъ деньги, хранимыя людьми въ запасѣ на случаи, которые еще не представились. Деньги, находящіяся въ сундукахъ банка или удерживаемыя въ запасѣ банкирами, не дѣйствуютъ на цѣны, пока не будутъ вынуты, да и будучи вынимаемы дѣйствуютъ лишь тогда, когда назначаются къ расходованію на товары.

Часто случается, что значительная масса денегъ входитъ въ страну, обращается тамъ въ капиталъ, и снова уходитъ, вовсе не

подѣйствовавъ на товарные рынки, а подѣйствовавъ только на фондовый рынокъ или, по обыкновенному (впрочемъ не точному) выраженію, на денежный рынокъ. Возвратимся къ гипотезѣ, какую дѣлали уже прежде,—что пріѣзжаетъ въ страну иноземецъ съ запасомъ звонкой монеты. Прежде мы предполагали, что онъ употребляетъ эту монету на покупку товаровъ для личнаго употребленія или для постройки фабрики или для нанятія работниковъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ отъ него, при неизмѣнности другихъ обстоятельствъ, поднимутся цѣны. Но очень можетъ быть, что онъ поступитъ иначе,—захочетъ обратить свое имущество на проценты; мы предположимъ, что онъ изберетъ къ тому самый легкій способъ,—станетъ соискателемъ на извѣстную часть, постоянно находящейся въ рукахъ публики, суммы билетовъ казначейства, акцій желѣзныхъ дорогъ, коммерческихъ векселей, закладныхъ бумагъ и проч. Отъ этого поднимутся цѣны этихъ разныхъ фондовъ, или другими словами, понизится величина процента; а черезъ это измѣнится прежнее отношеніе между величиною процентовъ на капиталъ въ этой странѣ и за границею; потому нѣкоторые изъ людей, имѣющихъ свободный капиталъ, ищущій занятія, вѣроятно переведутъ его за-границу на покупку иностранныхъ фондовъ, не желая покупать домашнихъ фондовъ по увеличенной цѣнѣ. Такимъ образомъ можетъ выйти изъ страны столько же денегъ, сколько вошло въ нее, не обнаруживъ никакого слѣда своего временнаго присутствія въ ней возвышеніемъ товарныхъ цѣнъ. Этотъ случай заслуживаетъ большаго вниманія, и теперь начинаютъ признавать тотъ фактъ, что переходъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ страны въ страну гораздо больше опредѣляется положеніемъ ссуднаго рынка въ разныхъ странахъ и гораздо меньше опредѣляется состояніемъ цѣнъ, чѣмъ предполагалось прежде.

Чтобы избѣжать важной ошибки въ истолкованіи торговыхъ явленій, надобно обратить вниманіе еще на другое обстоятельство. Если въ данное время увеличивается число денежныхъ сдѣлокъ,—фактъ, который постоянно можетъ произойти отъ различія въ спекулятивной дѣятельности и можетъ происходить даже по временамъ года (извѣстнаго рода дѣла совершаются лишь въ извѣстное время года), — то увеличеніе денегъ, не превосходящее пропорцію этого увеличенія оборотовъ, не имѣетъ никакой тенденціи къ поднятію цѣнъ. По трехмѣсячнымъ эпохамъ, когда уплачиваетъ англійскій банкъ проценты государственнаго долга, внезапно увеличивается количество денегъ, находящихся въ рукахъ публики; эту

прибавку считаютъ отъ одной пятой до двухъ пятыхъ всего количества билетовъ англійскаго банка, находящихся въ обращеніи. Но оно никогда не имѣло никакого вліянія на цѣны и черезъ три-четыре недѣли количество обращающихся денегъ снова входитъ въ свои обыкновенныя границы черезъ одно то, что послѣ столь обильнаго снабженія наличными деньгами уменьшается запросъ публики на содѣйствіе банка въ формѣ дисконта или ссудъ. Такимъ же образомъ количество денегъ, обращающихся въ земледѣльческихъ округахъ, колеблется по временамъ года. Въ августѣ оно всегда имѣетъ самый малый размѣръ, «а къ Рождеству обыкновенно увеличивается, и наибольшаго размѣра достигаетъ около Благовѣщенія, когда фермеръ обыкновенно запасается деньгами на лѣтнюю уплату налоговъ и на платежъ ренты», и когда поэтому онъ болѣе всего занимаетъ у сельскихъ банкировъ. «Эти перемѣны идутъ съ такою же правильностью, какъ времена года и точно также нимало не колеблютъ рынковъ, какъ трехмѣсячныя колебанія въ количествѣ билетовъ англійскаго банка. Какъ только кончились добавочныя уплаты, прибавлявшееся въ обращеніи количество денегъ (считаемое въ полъмилліона фунтовъ) непремѣнно тотчасъ же опять поглощается и исчезаетъ» (Fullarton, Regulation of Currencies, издан. 2, стр. 87—89).

Если бы не являлось въ обращеніе это добавочное количество денегъ, произошло бы одно изъ трехъ послѣдствій. Или уплаты пришлось бы производить безъ денегъ, посредствомъ какого нибудь изъ способовъ, придуманныхъ, чтобы обходиться безъ денегъ; или увеличивалась бы быстрота обращенія и одною суммою производилось бы больше уплатъ; или, еслибъ не произошло ни того ни другаго, деньги для добавочныхъ уплатъ должно было бы отвлечь съ товарнаго рынка и потому цѣны падали бы. Увеличеніе орудія обмѣна, сообразно съ величиною и продолжительностію этого временнаго расширенія оборотовъ, не возвышаетъ цѣнъ, а лишь предотвращаетъ ихъ упадокъ.

Въ слѣдующихъ главахъ изслѣдованія мы увидимъ много другихъ ограниченій для той теоремы, что цѣнность орудія обмѣна опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія и бываетъ обратно пропорціональна количеству этого орудія; при сложной системѣ кредита, какая существуетъ въ Англіи, эти ограниченія такъ важны, что теорема очень далеко не соотвѣтствуетъ факту.

*

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ГЛАВА IX.

ЗАВИСИМОСТЬ ЦѢННОСТИ ДЕНЕГЪ ОТЪ СТОИМОСТИ ПРОИЗВОДСТВА.

1. Но и у денегъ, точно такъ же какъ вообще у товаровъ, цѣнность въ окончательномъ выводѣ опредѣляется не уравненіемъ запроса и снабженія, а стоимостью производства.

Разумѣется, мы тутъ предполагаемъ, что дѣла оставлены естественному своему ходу. Правительства не всегда предоставляли ихъ ему. Они пытались не давать количеству денегъ опредѣляться сообразно естественному закону дѣлъ и старались опредѣлить его своимъ произволомъ, обыкновенно съ тою цѣлью, чтобы держать въ странѣ больше денегъ, чѣмъ сколько стало бы само собою оставаться въ ней. До недавняго времени всѣ правительства слѣдовали правилу запрещать вывозъ и переплавку денегъ; съ тѣмъ вмѣстѣ поощряя вывозъ и затрудняя ввозъ другихъ предметовъ, они старались, чтобы денежная рѣка постоянно текла въ страну. Этимъ способомъ дѣйствій они удовлетворяли двумъ предубѣжденіямъ: они привлекали или воображали, что привлекаютъ въ страну деньги, думая, что это значитъ привлекать въ нее богатство; и доставляли или воображали, что доставляютъ всѣмъ производителямъ и торговцамъ высокія цѣны, которыя люди всегда расположены считать выгодными, хотя въ нихъ и нѣтъ дѣйствительной выгоды.

Въ этомъ стремленіи искусственно установлять цѣнность денегъ посредствомъ снабженія правительства никогда не получали такого успѣха, какого хотѣли, и даже вовсе не получали никакого успѣха. Ихъ запрещенія противъ вывоза и переплавки звонкой монеты всегда оставались безсильны. Товаръ столь малаго объема по своей цѣнности очень удобенъ для контрабанды, а переплавлять звонкую монету еще легче, такъ что никакою строгостью мѣръ нельзя было предотвратить этихъ операцій. Очень умѣренною прибылью перевѣшивалась вся опасность, какую только могли правительства придать имъ *). Не столь безуспѣшны были ихъ усилія достичь

*) Впрочемъ запрещеніе оставалось не совершенно безсильнымъ, какъ полагали авторы, писавшіе объ этомъ предметѣ. Факты, приводимые Фуллертономъ (Regulation of Currencies стр. 7, прим.), показываютъ, что для доведенія денегъ до переплавки нуженъ процентъ разницы въ цѣнности звонкой монеты и металла гораздо больше того, какъ обыкновенно воображали.

той же цѣли косвеннымъ путемъ, отнятіемъ у иностранцевъ удобства платить за вывозимые товары какимъ нибудь другимъ товаромъ, кромѣ денегъ. Правда, они не успѣли сдѣлать того, чтобы звонкая монета постоянно лилась въ страну; однако же до нѣкоторой степени успѣвали поддерживать ея уровень нѣсколько выше естественнаго, то есть, цѣнность денегъ нѣсколько выводить изъ подъ исключительной зависимости отъ причинъ, которыми опредѣляются цѣнности предметовъ безъ искусственнаго вмѣшательства.

Но мы предположили состояніе свободы, а не искусственной регулировки. Въ этомъ состояніи, если не взимается никакой платы за чеканку, цѣнность монеты будетъ сообразна цѣнности металла, изъ котораго она сдѣлана. Фунтъ золота или серебра въ монетѣ и фунтъ того же металла въ слиткѣ будутъ обмѣниваться ровно другъ за друга. При свободѣ металлъ въ слиткѣ не можетъ быть дороже металла въ монетѣ: монету было бы можно тотчасъ же переплавить почти безъ всякой издержки, и она разумѣется стала бы переплавляться, пока ея количество уменьшилось бы на столько, чтобы сравняться въ цѣнности со слитками. Можно бы подумать, что деньги если не могутъ имѣть меньше, то могутъ и, будучи обработаннымъ товаромъ, естественно будутъ имѣть больше цѣнности, чѣмъ содержащійся въ нихъ металлъ, по той же самой причинѣ, какъ полотняное платье имѣетъ больше цѣнности чѣмъ равное ему по вѣсу количество полотна. Дѣйствительно, такъ и было бы у насъ, если бы правительство наше (подобно нѣкоторымъ другимъ правительствамъ) не чеканило монету даромъ каждому, кто достаетъ металлъ для чеканки. Трудъ и расходъ чеканки не возвышаетъ цѣнности товара, если не бываетъ расходомъ для владѣльца. Если бы правительство открыло контору, которая, принимая вѣсомъ пряжу, выдавала бы въ замѣнъ по вѣсу столько же платья, платье на рынкѣ стоило бы не больше того, сколько стоитъ содержащаяся въ немъ пряжа. Если деньги стоятъ хоть нѣсколько дороже содержащагося въ нихъ металла, владѣльцамъ металла становится выгодно посылать его для чеканки въ деньги. Но если правительство, какъ и слѣдуетъ, слагаетъ расходъ чеканки на владѣльца, взимая плату на покрытіе издержекъ (это производится тѣмъ, что въ деньгахъ возвращается нѣсколько меньше металла, чѣмъ было принято,—такъ называемый seignorage),—то соразмѣрно этому вычету цѣнность денегъ будетъ нѣсколько выше цѣнности металла. Если монетный дворъ удерживаетъ на покрытіе расхода чеканки одинъ процентъ, то владѣльцамъ металловъ не вы-

годно будетъ отдавать его въ чеканку, пока цѣнность денегъ не поднимется выше цѣнности металла, по-крайней мѣрѣ на одинъ процентъ. Такимъ образомъ цѣнность денегъ будетъ превосходить цѣнность металлическихъ слитковъ на 1%, а для того, чтобъ держалась она на такой высотѣ, количество денегъ на 1% будетъ меньше того, сколько было бы безъ платы за чеканку.

Правительство можетъ искать себѣ прибыли отъ этого дѣла и брать за чеканку столько, чтобы оставалась выгода; но всякій излишекъ платы за чеканку надъ расходомъ за нее будетъ прибылью для контрабандной чеканки. Чеканить деньги не такъ легко, какъ переплавлять ихъ въ слитки, но все-таки операція эта не трудна, и если деньги производятся полнаго вѣса и полной пробы, открывать ее очень трудно, потому если чеканка хорошей монеты будетъ прибыльна, ею навѣрное займутся и надежда правительства извлекать изъ чеканки прибыль будетъ разрушена *).

2. Такимъ образомъ цѣнность денегъ въ результатѣ будетъ всегда сообразоваться, а при свободѣ почти мгновенно сообразуется съ цѣнностью металла, изъ котораго сдѣланы деньги, съ прибавкою издержекъ чеканки или и безъ прибавки ихъ, смотря по тому, кто несетъ эти издержки, государство или частное лицо; этимъ чрезвычайно упрощается разсматриваемый нами вопросъ, потому что золото и серебро въ слиткахъ—товары подобные другимъ товарамъ, и цѣнность ихъ, подобно цѣнности другихъ предметовъ, опредѣляется стоимостью ихъ производства.

Для большинства цивилизованныхъ странъ золото и серебро—заграничные продукты. А обстоятельства, управляющія цѣнностью ввозимыхъ изъ-за границы продуктовъ, представляютъ нѣсколько задачъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы еще не готовы теперь. По-

---

*) Въ Англіи не взимается платы за чеканку золотой монеты. Монетный дворъ возвращаетъ въ деньгахъ тотъ же самый вѣсъ чистаго металла, какой принятъ имъ въ слиткахъ; но между принятіемъ металла и возвращеніемъ его въ деньгахъ установленъ срокъ въ нѣсколько недѣль,—эта отсрочка, производящая потерю процентовъ для владѣльца, равняется небольшому вычету на чеканку. По этой причинѣ цѣнность звонкой монеты въ Англіи вообще нѣсколько выше цѣнности заключающагося въ ней металла. Унція золота по количеству металла въ суверенѣ должна бы стоить три фунта, 17 шиллинговъ, 10½ пенсовъ; но обыкновенно она считалась въ 3 ф., 17 шил., 6 пенсовъ до 1844 г., когда новымъ уставомъ англійскій банкъ былъ обязанъ выдавать за приносимый ему металлъ 3 ф., 17 шил., 9 пенсовъ билетами за унцію.

тому здѣсь мы должны предположить, что страна, служащая предметомъ нашихъ изслѣдованій, должна снабжаться золотомъ и серебромъ изъ своихъ собственныхъ рудниковъ, а на сколько надобно будетъ измѣнить наши выводы для приспособленія ихъ къ положенію дѣлъ, болѣе обыкновенному, мы оставимъ до будущаго.

Товары, какъ мы знаемъ, раздѣляются на три разряда: такіе, снабженіе которыми безусловно ограничено; такіе, которыхъ можно получать неограниченное количество по извѣстной стоимости производства, и наконецъ такіе, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо неограниченно, но съ возрастаніемъ стоимости производства; драгоцѣнные металлы, будучи добываемы изъ земли, принадлежатъ къ третьему разряду. Такимъ образомъ ихъ естественная цѣнность среднимъ числомъ бываетъ пропорціональна стоимости ихъ производства въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ существующаго производства, то есть въ самомъ худшемъ изъ тѣхъ рудниковъ, которые надобно разработывать, чтобы получить требуемое снабженіе. Фунтъ золота въ производящихъ золото странахъ будетъ окончательно стремиться къ тому, чтобы обмѣниваться за такое количество всякаго другаго товара, какое производится по такой же стоимости, какъ фунтъ золота; а подъ стоимостью производства фунта золота понимается тутъ размѣръ труда и расходовъ, какихъ стоитъ оно въ наименѣе производительномъ изъ тѣхъ источниковъ снабженія, разработка которыхъ необходима по существующему запросу. Средняя цѣнность золота приводится въ сообразность съ естественною его цѣнностью точно тою же силою, какою цѣнности другихъ предметовъ приводятся въ сообразность съ естественною ихъ цѣнностью. Предположимъ, что золото продается выше своей естественной цѣнности, то есть выше цѣнности, равной труду и расходу его добыванія и рискамъ, находящимся въ промышленности, въ которой изъ 10 попытокъ девять не удаются. Часть массы свободнаго капитала, ищущаго помѣщенія, обратится на рудокопное предпріятіе; такимъ образомъ снабженіе увеличится и цѣнность упадетъ. Если же напротивъ золото продается выше своей естественной цѣнности, хозяева рудниковъ не будутъ получать обыкновенной прибыли; они сократятъ свои работы; если упадокъ цѣнности золота былъ великъ, нѣкоторые изъ худшихъ рудниковъ, вѣроятно, и совершенно остановятъ работу; ежегодное снабженіе уменьшится; отъ этого ежегодная потеря золота отъ носки не будетъ вполнѣ уравновѣ-

шиваться, количество золота постепенно уменьшится и цѣнность его возстановится.

Всматриваясь въ этотъ процессъ ближе, мы найдемъ въ немъ слѣдующія подробности. Если золото выше своей натуральной цѣнности или цѣнности своей стоимости, деньги будутъ въ высокой цѣнѣ (мы видѣли, что цѣнность денегъ сообразуется съ цѣнностью металла) и цѣны всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и труда, будутъ низки. Отъ этой низкости цѣнъ понизятся издержки всѣхъ производителей; но выручки ихъ также понизятся и никто изъ производителей не получитъ отъ этой низкости цѣнъ выгоды, кромѣ производителей золота, выручки которыхъ изъ рудниковъ, не завися отъ цѣнъ, останутся прежнія, и по уменьшеніи своихъ издержекъ они будутъ получать лишнюю прибыль, которая возбудитъ ихъ къ увеличенію производства. Наоборотъ будетъ, если металлъ станетъ ниже своей естественной цѣны: это значитъ, что будутъ высоки цѣны всѣхъ товаровъ и денежные расходы всѣхъ производителей чрезвычайно велики. Но за такое увеличеніе расходовъ всѣ остальные производители будутъ вознаграждаться увеличеніемъ денежныхъ выручекъ; одни хозяева рудниковъ будутъ получать изъ своихъ рудниковъ не больше металла, чѣмъ прежде, между тѣмъ какъ расходы ихъ увеличились; потому прибыль ихъ или уменьшилась или исчезла и они уменьшатъ свое производство, а можетъ быть и вовсе покинутъ свое занятіе.

Вотъ способъ, которымъ цѣнность денегъ приходитъ въ сообразность со стоимостью производства металла, изъ котораго сдѣланы деньги. Но не мѣшаетъ намъ повторить прежнія свои слова, что процессъ этого приспособленія требуетъ долгаго времени въ товарѣ, къ полученію котораго всѣ такъ сильно стремятся и который съ тѣмъ вмѣстѣ такъ долговѣченъ, какъ драгоцѣнные металлы. Они употребляются не на одни деньги, а также на посуду и наряды; потому существующее количество этихъ металловъ всегда очень велико; а изнашиваются они такъ медленно, что довольно незначительнаго годичнаго производства достаточно для уравнивающаго ихъ износъ снабженія и для увеличенія (если требуется увеличеніе) ихъ по увеличенію количества товаровъ, обращающихся посредствомъ нихъ, или по увеличенію запроса богатыхъ производителей на золотые и серебряные товары. Еслибъ даже и незначительное годичное снабженіе совершенно остановилось, много лѣтъ понадобилось бы на то, чтобы существующее количество уменьшилось въ такой пропорціи, какая нужна для замѣтной перемѣны

въ цѣнахъ. Увеличиваться количество драгоцѣнныхъ металловъ можетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ уменьшаться. Но увеличиться оно можетъ очень большою суммою, чтобы увеличеніе замѣтно отразилось на огромной массѣ драгоцѣнныхъ металловъ, существующей въ цѣломъ торговомъ мірѣ. Потому всякія перемѣны въ условіяхъ производства драгоцѣнныхъ металловъ первоначально бываютъ и много лѣтъ остаются вопросами лишь о количествѣ ихъ, мало зависящими отъ цѣнности производства. Въ особенности надобно сказать это о томъ, когда, какъ въ нынѣшнее время, вдругъ открывается много новыхъ источниковъ снабженія, которые почти всѣ могутъ разработываться однимъ трудомъ безъ всякой затраты капитала, кромѣ продовольствія на недѣлю и кирки, и когда операціи имѣютъ характеръ опытовъ при совершенной неизвѣстности о томъ, какова будетъ сравнительная постоянная производительность разныхъ источниковъ.

3. Но цѣнность денегъ дѣйствительно сообразуется со стоимостью ихъ производства, какъ и въ другихъ товарахъ, только медленнѣе чѣмъ въ другихъ; потому нѣкоторые политико-экономы совершенно отвергали теорему, что цѣнность денегъ зависитъ отъ ихъ количества вмѣстѣ съ быстротою ихъ обращенія: имъ казалось, будто бы теорема эта ставитъ для денегъ законъ, не существующій ни для какого другаго товара, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ деньги подчиняются однимъ законамъ съ другими товарами. На это мы отвѣчаемъ вопервыхъ, что наша теорема не ставитъ для денегъ никакого особеннаго закона. Она просто принимаетъ законъ уравненія запроса и снабженія, который несомнѣнно примѣняется ко всѣмъ товарамъ и который и въ деньгахъ, какъ и въ другихъ товарахъ, контролируется, но не устраняется закономъ стоимости производства, потому что стоимость производства дѣйствуетъ на цѣнности лишь черезъ свое дѣйствіе на снабженіе. Но во вторыхъ, дѣйствительно слѣдуетъ сказать, что въ извѣстномъ отношеніи цѣнность монеты тѣснѣе связана съ ея количествомъ, чѣмъ цѣнности другихъ товаровъ съ ихъ количествами. Цѣнности другихъ предметовъ примѣняются къ перемѣнамъ въ стоимости производства, не требуя того условія, чтобы произошла фактическая перемѣна въ снабженіи: тутъ достаточна уже одна возможность перемѣны въ снабженіи: а если произойдетъ и фактическая перемѣна въ снабженіи, она будетъ лишь временная, если перемѣна цѣнности не произведетъ перемѣны въ запросѣ и отъ этого не потребуетъ увеличеніе или уменьшеніе снабженія, являю-

щееся тутъ не причиною, а послѣдствіемъ перемѣны цѣнности. Это примѣняется къ золоту и серебру, какъ предметамъ, расходуемымъ на наряды и роскошь; но къ деньгамъ это не примѣняется. Если постоянная стоимость золота уменьшится на одну четвертую долю, то можетъ быть не больше прежняго станетъ покупаться золота на посуду, позолоту и ювелирскія вещи; въ такомъ случаѣ, не смотря на пониженіе цѣнности, не больше прежняго будетъ добываться золота на эти надобности. Но не то относительно части золота употребляющейся въ деньгахъ: эта часть не можетъ упасть въ цѣнности на четвертую долю иначе, какъ если количество ея дѣйствительно увеличилось на четвертую долю: при возвышеніи цѣнъ на четвертую долю, на четвертую долю больше прежняго стало нужно и денегъ для производства прежнихъ покупокъ; и если такого увеличенія въ количествѣ денегъ не явилось, нѣкоторые товары останутся безъ покупщиковъ и цѣны не могутъ удержаться. Потому перемѣны въ стоимости производства драгоцѣнныхъ металловъ дѣйствуютъ на цѣнность денегъ лишь соразмѣрно тому, какъ дѣйствуютъ на увеличеніе или уменьшеніе количества денегъ, чего нельзя сказать ни о какомъ другомъ товарѣ. Потому мнѣ кажется, что было бы и теоретическою и практическою ошибкою отвергать теорему, говорящую о связи между цѣнностью денегъ и количествомъ ихъ.

Но очевидно, что въ окончательномъ результатѣ количество опредѣляется стоимостью производства и что за исключеніемъ временныхъ колебаній каждая страна будетъ заключать въ себѣ и имѣть въ обращеніи ровно такое количество денегъ, какое нужно для совершенія всѣхъ обмѣновъ, дѣлаемыхъ деньгами, при сохраненіи цѣнности денегъ, сообразной съ стоимостью ихъ производства. Въ среднемъ выводѣ цѣны предметовъ будутъ такія, чтобы деньги обмѣнивались на всѣ другіе товары по стоимости своего производства; и по той самой причинѣ, что отъ количества денегъ необходимо зависитъ цѣнность ихъ, само количество, какъ бы автоматическою силою, будетъ держаться въ величинѣ, требуемой этою нормою цѣнъ, — въ величинѣ, необходимой для совершенія требуемаго количества покупокъ по этимъ цѣнамъ.

«Требуемое количество золота опредѣляется отчасти стоимостью производства золота, отчасти быстротою его обращенія. При данной быстротѣ обращенія оно опредѣляется стоимостью производства; при данной стоимости производства оно опредѣляется бы-

стротою обращенія» *). Я надѣюсь, что эти слова не нуждаются въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ послѣ всего нами сказаннаго.

Цѣнность денегъ, подобно цѣнности вообще всякихъ товаровъ, опредѣляется стоимостью производства и бываетъ соразмѣрна ей,—принятіемъ этого принципа снимается большая часть тайны, повидимому покрывающей теорію денегъ. Но мы не должны забывать, что теорема наша примѣняется лишь къ мѣстностямъ, въ которыхъ производятся деньги, и что намъ еще остается изслѣдовать, примѣняется ли къ обмѣну денегъ на товаръ въ отдаленныхъ отъ этого производства мѣстностяхъ правило, что цѣнность ихъ опредѣляется стоимостью производства. Но если бы оно и не примѣнялось, наши теоремы о цѣнности денегъ въ примѣненіи къ мѣстамъ, гдѣ деньги привозный товаръ, могутъ потребовать лишь подстановки словъ «стоимость полученія денегъ въ той странѣ», вмѣсто выраженія «стоимость производства». Всякій привозный товаръ покупается отдачею за него какого нибудь домашняго продукта; трудъ и капиталъ, которыхъ стоитъ намъ привозный товаръ, есть тотъ капиталъ и трудъ, который израсходованъ на производство количества нашихъ товаровъ, какіе мы отдаемъ въ обмѣнъ за привозный. Чѣмъ опредѣляется это количество,—чѣмъ опредѣляются пропорціи обмѣна производствъ этой страны на продукты другой,—это вопросъ нѣсколько болѣе сложный чѣмъ предшествовавшіе вопросы. Но по крайней мѣрѣ то безспорно, что въ самой получающей привозные товары странѣ цѣнность ихъ опредѣляется цѣнностью, то есть стоимостью производства товаровъ, отданныхъ за нихъ, и деньги подлежатъ тому же закону въ странахъ, въ которыхъ онѣ привозный товаръ.

ГЛАВА X.

ДВОЙНАЯ НОРМА И ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ МОНЕТА.

1. Качества, нужныя для пригодности товара къ тому чтобы служить деньгами, рѣдко соединяются въ значительномъ совершенствѣ; но все таки есть два товара, имѣющіе ихъ въ высокой и почти равной степени,—это такъ называемые благородные металлы

*) Изъ напечатанныхъ, но не выпущенныхъ въ продажу лекцій Синьора, въ которыхъ любопытными примѣрами объясняется огромная разница въ количествѣ дѣла, исполняемаго деньгами, и въ быстротѣ ихъ обращенія при разныхъ состояніяхъ общества и цивилизаціи.

золото и серебро. Потому нѣкоторыя націи дѣлали орудіемъ мѣны безразлично оба эти металла.

Очевидно удобство употреблять болѣе дорогой металлъ для большихъ уплатъ, а менѣе дорогой для меньшихъ; вопросъ лишь въ томъ, какъ устроить это лучше. Чаще всего принимаютъ тотъ способъ, что установляютъ между двумя металлами опредѣленную пропорцію; рѣшаютъ, напримѣръ, что золотая монета, называемая сувереномъ, должна равняться двадцати серебрянымъ монетамъ, называемымъ шиллингами,—что оба эти количества въ обыкновенномъ денежномъ счетѣ страны должны одинаково называться фунтомъ, и что каждому обязанному уплатить фунтъ предоставляется свобода платить его золотомъ или серебромъ.

Когда дѣлалась оцѣнка этихъ металловъ относительно другъ-друга, и суверенъ оцѣнивался въ 20 шиллинговъ, эта пропорція вѣроятно со всею возможною точностью соотвѣтствовала обыкновенному основанному на стоимости ихъ производства отношенію цѣнности золота и серебра; и если бы эти натуральныя цѣнности или стоимости продолжали оставаться въ прежней пропорціи, такой методъ былъ бы безукоризненъ. Но дѣло не таково. Цѣнности золота и серебра, хотя и менѣе цѣнностей всѣхъ другихъ товаровъ подвергаются измѣненіямъ, все таки нѣсколько подвергаются имъ, и не всегда измѣняются одновременно, напримѣръ постоянная цѣнность у серебра понизилась больше, чѣмъ у золота, по открытіи американскихъ рудниковъ; случайныя небольшія колебанія цѣнности также дѣйствуютъ на одинъ металлъ больше, чѣмъ на другой. Предположимъ, что произошло такое измѣненіе; взаимная цѣнность золота и серебра уже не сходится съ установленною пропорціею; потому одинъ изъ металловъ будетъ цѣниться въ деньгахъ дешевле, чѣмъ въ слиткахъ, и явится выгода переплавлять эти деньги въ слитки.

Предположимъ напримѣръ, что цѣнность золота поднялась относительно серебра, такъ что количество золота въ суверенѣ стоитъ больше количества серебра въ двадцати шиллингахъ. Изъ этого произойдетъ два послѣдствія. Каждый должникъ найдетъ невыгоду для себя платить золотомъ. Онъ будетъ платить все серебромъ, потому что 20 шиллинговъ—законная величина фунта, а серебро, изъ котораго дѣлаются 20 шиллинговъ, онъ можетъ получить за количество золота меньше того, сколько находится въ суверенѣ. Другое послѣдствіе будетъ то, что если суверена нельзя продавать дороже 20 шиллинговъ, всѣ суверены будутъ переплавлены,

потому что будучи въ слиткѣ покупаютъ они больше шиллинговъ, чѣмъ за сколько обмѣниваются, будучи въ монетѣ. Наоборотъ будетъ, если не золото, а серебро тотъ металъ, сравнительная цѣнность котораго поднялась. Суверенъ теперь не стоитъ 20 шиллинговъ, и кто долженъ уплатить фунтъ, предпочитаетъ уплатить его сувереномъ; а серебряныя монеты будутъ собираться для переплавки и въ слиткахъ продаваться за золото по своей дѣйствительной цѣнности, которая выше законной оцѣнки. Такимъ образомъ, деньги въ обществѣ никогда не будутъ на самомъ дѣлѣ состоять изъ двухъ металловъ, а всегда будутъ состоять лишь изъ одного,— въ каждое данное время изъ того, который сообразенъ съ выгодою должниковъ; и нормальная монета въ дѣйствительномъ обращеніи постоянно будетъ подвержена переходу изъ одного металла въ другой, а съ каждымъ переходомъ будетъ соединена потеря издержекъ, сдѣланныхъ на чеканку того металла, который выходитъ изъ употребленія.

Потому цѣнность денегъ чаще подвергается колебаніямъ, когда и золото и серебро вмѣстѣ служатъ законною монетою по опредѣленной взаимной оцѣнкѣ, чѣмъ когда нормальною монетою исключительно служитъ одинъ изъ этихъ металловъ. Если нормою приняты оба они, монета колеблется отъ измѣненій въ стоимости производства ихъ обоихъ, а если принятъ одинъ, монета колеблется лишь отъ него одного. При двухъ законныхъ нормахъ, деньги подвергаются въ особенности тому колебанію, которое состоитъ въ упадкѣ цѣнности: дѣйствительно, на практикѣ всегда будетъ господствовать въ обращеніи тотъ металлъ, дѣйствительная цѣнность котораго ниже установленной. Если цѣнность обоихъ металловъ повышается, всѣ уплаты будутъ производиться металломъ, цѣнность котораго поднялась меньше другаго; а если оба они падаютъ, тѣмъ, который упалъ больше.

2. До сихъ поръ являются иногда писатели или авторы, выставляющіе систему двойной нормы за великое усовершенствованіе денежной системы. Очень вѣроятно, что большинство приверженцевъ ея всего больше увлекаются тенденціею этого порядка къ извѣстному удешевленію денегъ: всегда есть множество людей, одобряющихъ всякій явный или прикрытый способъ пониженія цѣнности денегъ. Но другіе руководятся тутъ преувеличеннымъ понятіемъ о выгодности обстоятельства, дѣйствительно имѣющаго нѣкоторую выгоду: при двухъ нормахъ, для пополненія въ обращающемся количествѣ денегъ, источникомъ служитъ запасъ обо-

ихъ металловъ въ торговомъ мірѣ, а не запасъ лишь одного изъ нихъ, котораго иной разъ и нельзя бываетъ пріобрѣтать съ достаточною быстротою, по какому нибудь случайному поглощенію его. Мнѣ кажется, что эту выгоду, безъ неудобствъ двойной нормы, усвоиваютъ себѣ тѣ націи, у которыхъ законною нормою служитъ лишь одинъ металлъ, но другой также чеканится и допускается въ обращеніе по цѣнности, какую имѣетъ на рынкѣ.

При этой системѣ, естественно оставлять болѣе дорогой металлъ торговымъ товаромъ. Но государства, подобно Англіи, принявшія своею нормою этотъ болѣе дорогой металлъ прибѣгаютъ къ особенному способу для удержанія обоихъ металловъ въ обращеніи: они дѣлаютъ серебро также законною монетою, но лишь для мелкихъ уплатъ. Въ Англіи каждый обязанъ по закону принимать серебро въ уплату лишь до суммы 40 шиллинговъ. При такомъ правилѣ необходимо другое, чтобы серебряная монета сравнительно съ золотою была поставлена нѣсколько выше своей внутренней цѣнности; чтобы въ 20 шиллингахъ было серебра нѣсколько меньше чѣмъ стоитъ суверенъ: иначе при самомъ легкомъ поворотѣ въ пользу серебра на рынкѣ 20 шиллинговъ стали бы дороже суверена и сдѣлалось бы выгодно переплавлять серебряныя деньги. Отъ оцѣнки серебряныхъ денегъ выше цѣнности серебра является выгода покупать серебро и посылать его на монетный дворъ для чеканки, потому что въ деньгахъ оно возвращается съ большею цѣнностью, чѣмъ какую имѣетъ. Но въ предостереженіе противъ того ограниченъ размѣръ чеканки серебряныхъ денегъ,—онъ не оставленъ на волю частныхъ лицъ, какъ размѣръ чеканки золотыхъ денегъ, а опредѣленъ правительствомъ и установленъ въ количествѣ, какое считалось достаточнымъ для мелкихъ уплатъ. Тутъ необходима лишь одна предосторожность: не давать серебрянымъ деньгамъ слишкомъ высокой оцѣнки, чтобы не было соблазна для контрабандной чеканки.

ГЛАВА XI.

КРЕДИТЪ, КАКЪ ЗАМѢНА ДЕНЕГЪ.

1. Нѣтъ въ политической экономіи вопроса, который представлялъ бы столько недоразумѣній и спутанности понятій, какъ вопросъ о функціяхъ кредита. Это происходитъ не отъ особенной

трудности теоріи кредита, а отъ сложности нѣкоторыхъ коммерческихъ феноменовъ, возникающихъ изъ формъ, принимаемыхъ кредитомъ,—эти сложные феномены отвлекаютъ вниманіе отъ общихъ свойствъ кредита къ особенностямъ его частныхъ формъ.

Примѣромъ сбивчивости понятій о сущности кредита можетъ служить утрированный тонъ, которымъ такъ часто говорятъ о его національной важности. Кредитъ имѣетъ большую, но не волшебную силу, какую повидимому придаютъ ему нѣкоторые. Онъ не можетъ создать нѣчто изъ ничего. Очень часто разсуждаютъ о расширеніи кредита такъ, какъ будто оно равносильно созданію капитала или какъ будто кредитъ и есть самъ капиталъ. Странна необходимость доказывать, что будучи лишь разрѣшеніемъ одному лицу пользоваться капиталомъ другаго, кредитъ не увеличиваетъ, а лишь переноситъ средства производства. На сколько увеличиваются кредитомъ средства къ производству и къ занятію труда у лица, занявшаго ихъ, на столько же уменьшаются они у кредитора. Одной суммѣ нельзя быть капиталомъ и для собственника и для лица, занявшаго ее: она не можетъ за одинъ разъ вдвойнѣ сполна служить рабочею платою, орудіями и матеріалами для двухъ группъ работниковъ. Правда, что капиталъ, занятый А у В и употребляемый въ дѣло А, еще составляетъ въ другихъ отношеніяхъ часть богатства В; В можетъ заключать обязательства, обезпечиваемыя этимъ капиталомъ, и подъ залогъ его можетъ, если понадобится, занять равнозначительную ему сумму; такимъ образомъ, на поверхностный взглядъ можетъ казаться, что и А и В одновременно пользуются этимъ капиталомъ. Но если хоть немного вникнемъ въ дѣло, мы увидимъ, что когда В отдалъ свой капиталъ А, употребленіе капитала остается уже у одного А, и В не получаетъ отъ этого капитала никакой иной услуги кромѣ той, что право получить этотъ капиталъ назадъ служитъ ему для полученія въ пользованіе другаго капитала отъ третьяго лица С. Весь чужой капиталъ, которымъ дѣйствительно пользуется извѣстный человѣкъ, непремѣнно взятъ изъ чьего нибудь капитала.

2. Но если кредитъ всегда остается не больше какъ только перенесеніемъ капитала изъ однихъ рукъ въ другія, то по естественному порядку онъ вообще бываетъ перенесеніемъ капитала въ руки, болѣе способныя успѣшно употреблять его на производство. Если бы не существовало кредита, или по общей небезопасности и по недостатку довѣрія кредитъ былъ бы очень ограниченный, то не получали бы пользы отъ своего капитала многія лица, имѣющія бо-

лѣе или менѣе капитала, но по своимъ занятіямъ или по недостатку нужнаго искусства и знанія не могущія лично наблюдать за его употребленіемъ; собранные ими запасы лежали бы праздно или быть можетъ растрачивались и уничтожались бы въ неловкихъ опытахъ получить отъ нихъ прибыль. Весь этотъ капиталъ отдается теперь въ проценты и становится пригоденъ для производства. Часть капитала, находящаяся въ такомъ положеніи, составляетъ въ каждой промышленной странѣ значительную часть ея производительныхъ средствъ; и естественно влечется она къ тѣмъ производителямъ или торговцамъ, которые живѣе всѣхъ ведя дѣло имѣютъ возможность употреблять ее съ наибольшею выгодою; потому что они и сильнѣе другихъ желаютъ получить капиталъ и лучше всѣхъ могутъ обезпечивать его; потому хотя производительный фондъ страны и не увеличивается кредитомъ, но вызывается имъ къ полнѣйшему занятію производительной дѣятельностью. По мѣрѣ того какъ расширяется довѣріе, на которомъ основанъ кредитъ, развивается возможность служить для производительнаго употребленія даже самымъ мелкимъ частямъ капитала, суммамъ, которыя каждый держитъ при себѣ на непредвидѣнный случай. Главными орудіями къ тому являются депозитные банки. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ разсудительный человѣкъ долженъ держать у себя въ рукахъ безъ занятія сумму достаточную на уплату по всякому требованію, какое только можетъ представиться ему. Но когда вошло въ обычай держать этотъ резервъ не въ своемъ сундукѣ, а у банкира, сосредоточилось въ рукахъ банкира множество мелкихъ суммъ, лежавшихъ прежде праздными; а банкиръ, узнавъ по опыту, какая доля этихъ суммъ можетъ понадобиться въ данное время и зная, что когда одинъ изъ вкладчиковъ потребуетъ больше чѣмъ среднюю пропорцію, то другой потребуетъ меньше, можетъ отдавать остатокъ, то есть гораздо больше половины этихъ суммъ въ ссуду производителямъ и торговцамъ; а черезъ это увеличивается количество,— не всего существующаго, это правда, но количество занятаго капитала, и соотвѣтственно тому увеличивается сумма производства въ обществѣ.

При такой необходимости своей для обращенія всего капитала страны на производство, кредитъ служитъ также средствомъ къ тому, чтобы изъ промышленнаго таланта страны извлекалось больше пользы для производства. Изъ людей, не имѣющихъ или почти не имѣющихъ собственнаго капитала, но имѣющихъ дѣловыя способности, узнанныя и оцѣненныя владѣльцами капитала, многіе по-

лучаютъ въ кредитъ или деньги или, какъ чаще бываетъ, товаръ, и такимъ образомъ промышленныя способности ихъ обращаются на увеличеніе общественнаго богатства; еще гораздо больше пользы будетъ получаться такимъ способомъ, когда при улучшеніи законовъ и воспитанія честность въ обществѣ разовьется на столько, что личную репутацію человѣка можно будетъ принимать за достаточное обезпеченіе не только противъ безчестнаго завладѣнія, но и противъ безчестнаго рискованья чужимъ имуществомъ.

Вотъ съ самой общей точки зрѣнія роль кредита въ производительныхъ средствахъ человѣчества. Но эти соображенія примѣняются лишь къ кредиту, даваемому людямъ промышленнаго класса, производителямъ и торговцамъ. Кредитъ, даваемый торговцами непроизводительнымъ потребителямъ, никогда не бываетъ прибавленіемъ, а всегда бываетъ убылью для источниковъ общественнаго богатства. Онъ передаетъ во временное пользованіе не капиталъ непроизводительнаго класса производительному, а капиталъ производительнаго класса непроизводительному. Если А торговецъ снабжаетъ В землевладѣльца или рентьера товарами съ отсрочкою уплаты на пять лѣтъ, остается на 5 лѣтъ непроизводительною часть капитала А, равная цѣнности этихъ товаровъ. При немедленной уплатѣ сумма эта въ теченіи пяти лѣтъ была бы нѣсколько разъ израсходована и выручена и нѣсколько разъ были бы произведены, потреблены и воспроизведены товары на эту сумму. Слѣдовательно, если В наконецъ и заплатитъ 100 фунтовъ, которые не платилъ 5 лѣтъ, то самая отсрочка платежа равнозначительна была въ эти пять лѣтъ для работающихъ сословій общества тому, какъ еслибы они совершенно потеряли эту сумму и не одинъ разъ, а нѣсколько. Самъ А лично вознаграждается тѣмъ, что полагаетъ за свои товары высшую цѣну, которую по истеченіи срока уплачиваетъ ему В; но нѣтъ никакого вознагражденія рабочему классу, который больше всѣхъ страдаетъ отъ каждаго безвозвратнаго или временнаго отклоненія капитала на непроизводительное употребленіе. Въ эти пять лѣтъ капиталъ страны уменьшился на 100 фунтовъ оттого, что В взялъ эту сумму изъ капитала А и растратилъ ее непроизводительно, прожившъ впередъ свои средства и лишь черезъ пять лѣтъ отложитъ изъ своего дохода сумму на вознагражденіе А и она обратится въ капиталъ.

3. Вотъ общая функція кредита въ производствѣ. Самъ по себѣ онъ не составляетъ производительной силы, хотя безъ него существующія производительныя силы не могли бы вполнѣ обра-

титься на занятіе. Но вліяніе кредита на цѣны вопросъ болѣе запутанный; оно главная причина почти всѣхъ тѣхъ коммерческихъ феноменовъ, объясненіе которыхъ трудно. Когда въ торговлѣ обыкновенно дается много кредита, общія цѣны товаровъ всегда опредѣляются гораздо больше состояніемъ кредита, чѣмъ количествомъ денегъ; потому что кредитъ, не будучи производительною силою, служитъ покупательною силою; и лицо, которое, имѣя кредитъ, пользуется имъ въ покупкѣ товаровъ, создаетъ столько же запроса на товары и столько же поднимаетъ ихъ цѣны, какъ еслибъ дѣлало такое же количество покупокъ на наличныя деньги.

Кредитъ, который мы теперь должны разсматривать какъ отдѣльную покупательную силу, независимую отъ денегъ, разумѣется не есть кредитъ въ своей простѣйшей формѣ, не кредитъ въ формѣ денегъ, даваемыхъ однимъ лицомъ въ ссуду другому и притомъ наличными деньгами: если лицо, получившее такую ссуду, расходуетъ ее на покупки, оно дѣлаетъ покупки на деньги, а не на кредитъ и не проявляетъ покупательной силы сверхъ той, какая дается деньгами. Формы кредита, создающія покупательную силу,— тѣ формы, въ которыхъ не переходитъ изъ рукъ въ руки никакихъ денегъ при самой покупкѣ, а очень часто и вовсе никогда, а вся сдѣлка вмѣстѣ съ массою другихъ сдѣлокъ заключается въ счетъ и уплачивается лишь балансъ этого счета. Это происходитъ разными способами; мы поочередно разсмотримъ ихъ, начиная по нашему обыкновенію простѣйшими.

Во-первыхъ предположимъ, что А и В два торговца, имѣющіе между собою сдѣлки, въ которыхъ бываютъ оба и покупателями и продавцами. А покупаетъ у В кредитъ. В покупаетъ у А также кредитъ. Въ концѣ года сумма, какую А долженъ В, сравнивается съ суммою, какую В долженъ А и узнается, кто долженъ заплатить по балансу. Этотъ балансъ, который можетъ быть меньше, чѣмъ иная одна сдѣлка, и во всякомъ случаѣ меньше суммы всѣхъ сдѣлокъ, только и уплачивается деньгами; а можетъ быть и онъ не уплачивается, а переносится въ текущій счетъ слѣдующаго года. Этимъ способомъ уплата 100 фунтовъ можетъ оказаться достаточною на очищеніе длиннаго ряда сдѣлокъ, изъ которыхъ иныя простирались на тысячи фунтовъ.

Но во-вторыхъ, А можетъ уплачивать свои долги В безъ посредства денегъ, хотя бы В и не былъ ничего долженъ А. А можетъ удовлетворить В, переведя на него долгъ, который имѣетъ самъ на третьемъ лицѣ С. Это удобнымъ образомъ дѣлается по-

средствомъ документа, называемаго коммерческимъ векселемъ. Такой вексель въ сущности составляетъ записку кредитора, посредствомъ которой онъ передаетъ другому свое требованіе денегъ съ своего должника и если эта записка акцептируется должникомъ, т. е. свидѣтельствуется его подписью, она становится признаніемъ долга со стороны должника.

4. Коммерческіе векселя первоначально были введены для сбереженія расхода и риска, соединеннаго съ перевозкою золота и серебра. «Предположимъ, говоритъ Торнтонъ, что есть въ Лондонѣ десять фабрикантовъ, продающихъ свой товаръ десяти йоркскимъ купцамъ, пускающимъ его въ розничную торговлю; и предположимъ, что въ Йоркѣ есть десять фабрикантовъ другаго товара, продающихъ его десяти лондонскимъ купцамъ. Если такъ, не будетъ надобности для десяти лондонскихъ купцовъ ежегодно посылать гинеи въ Йоркъ на уплату йоркскимъ фабрикантамъ, а для десяти йоркскихъ купцовъ ежегодно посылать столько же гиней въ Лондонъ. Надобно только будетъ йоркскимъ фабрикантамъ принять въ конторахъ деньги отъ йоркскихъ купцовъ, давъ имъ въ замѣнъ письма, удостовѣряющія въ полученіи такой уплаты, и говорящія, чтобы деньги, приготовленныя ихъ должниками въ Лондонѣ, были уплачены лондонскимъ фабрикантамъ, чтобы въ Лондонѣ долгъ уплатился такимъ же способомъ какъ въ Йоркѣ. Весь расходъ и рискъ денежныхъ пересылокъ будетъ сбереженъ черезъ это. Письма, по которымъ передаются долги, называются на нынѣшнемъ языкѣ коммерческими векселями. Это росписки, которыми долгъ одного лица обмѣнивается на долгъ другаго, и точно также полученіе долга въ одномъ мѣстѣ переводится въ другое мѣсто *). Нашедши коммерческіе векселя удобнымъ средствомъ уплачивать долги одного мѣста другому безъ расхода на пересылку золота и серебра, въ послѣдствіи сильно расширили ихъ употребленіе по другому разсчету. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности товары обыкновенно покупаются въ кредитъ на извѣстный срокъ: на 3 мѣсяца, на 6 мѣсяцевъ, на годъ, даже на два года, смотря по надобностямъ или обычаю извѣстной отрасли торговли. Торговецъ, про-

*) Enquiry into the Nature and Effects of the Paper credit of Great Britain, ст. 24. Эта книга, изданная въ 1802 году, до сихъ поръ остается на англійскомъ языкѣ самымъ яснымъ, сколько я знаю, изложеніемъ способовъ, которыми дается и получается кредитъ въ коммерческомъ мірѣ.

давшій товары съ отсрочкой уплаты на 6 мѣсяцевъ, но желающій получить ее раньше, беретъ съ своего должника вексель съ уплатою черезъ 6 мѣсяцевъ и дисконтируетъ его у банкира или вообще лица, дающаго денежныя ссуды, то есть передаетъ вексель ему, получая отъ него сумму долга по этому векселю съ вычетомъ процентовъ за время, остающееся до срока. Одною изъ главныхъ функцій коммерческихъ векселей стало—служить средствомъ для того, чтобы за долгъ, считающійся на одномъ лицѣ, получать кредитъ отъ другаго. Удобство этого средства повело къ тому, что часто создаютъ коммерческіе векселя, въ основаніи которыхъ нѣтъ предъидущаго долга со стороны лица, на которое они выдаются, лицу выдающему ихъ на него. Такіе векселя называются «условными» (accomodation bills) или (съ оттѣнкомъ порицанія) «фиктивными». Характеръ ихъ такъ ясно изложенъ и такъ справедливо оцѣненъ Торнтономъ, что я приведу его слова (Enquiry, стр. 29—33).

«А, нуждаясь въ 100 фунтахъ, проситъ В акцептировать его росписку или вексель срокомъ на два мѣсяца и В обязывается уплатить по этому векселю; но при этомъ подразумѣвается, что А или самъ позаботится объ уплатѣ векселя или доставитъ В средства уплатить по немъ. А получаетъ наличныя деньги по этому векселю, опирающемуся на общій кредитъ А и В. По истеченіи срока, А исполняетъ свое обязательство уплатить, и тѣмъ кончаетъ этотъ оборотъ. Но за услугу, которую В оказалъ А, вѣроятно долженъ будетъ А отплатить раньше или позже тѣмъ же, и акцептировать вексель В.

«Сравнимъ теперь такой вексель съ реальнымъ векселемъ; посмотримъ, въ чемъ дѣйствительная или кажущаяся разница и въ чемъ сходство между ними.

«Сходны они тѣмъ, что одинаково могутъ быть дисконтированы, и одинаково созданы именно съ этою цѣлью; и быть можетъ, оба и дѣйствительно дисконтируются. Потому они одинаково даютъ негоціанту средства для спекуляціи. Фиктивные и реальные векселя одинаковы и въ томъ отношеніи, что равно составляютъ такъ называемое орудіе обращенія или бумажныя деньги страны и замѣняютъ употребленіе звонкой монеты; и если цѣна товаровъ поднимается соразмѣрно количеству бумажныхъ знаковъ, реальные векселя содѣйствуютъ этому повышенію точно такъ же, какъ фиктивные.

«Прежде, чѣмъ разсматривать черты ихъ различія, укажемъ одну черту, въ которой обыкновенно предполагается разница между ни-

ми, но о которой слѣдуетъ сказать, что разница между ними можетъ и не существовать и не всегда существуетъ.

«По словамъ нѣкоторыхъ, реальные векселя представляютъ собою дѣйствительное имущество. Каждому реальному векселю соотвѣтствуютъ дѣйствительно существующіе товары. А векселя, выдаваемые не вслѣдствіе продажи товаровъ,—фальшивое богатство, обманывающее націю. Они снабжаютъ лишь воображаемымъ капиталомъ, между тѣмъ какъ реальными векселями обозначается капиталъ, дѣйствительно существующій.

«Въ отвѣтъ на это можно замѣтить во-первыхъ, что векселя, выдаваемые вслѣдствіе дѣйствительной продажи товаровъ, еще не могутъ на этомъ одномъ основаніи считаться уже непремѣнно представляющими собою дѣйствительное имущество. Предположимъ, что А продаетъ В товаръ на 100 фунтовъ съ кредитомъ на 6 мѣсяцевъ; и что В черезъ мѣсяцъ продаетъ тѣ же товары съ такимъ же кредитомъ С, съ котораго также беретъ такой же вексель; что С еще черезъ мѣсяцъ продаетъ эти товары Д и беретъ у него такой же вексель и т. д. Къ концу 6 мѣсяцевъ могутъ такимъ образомъ существовать 6 векселей по 100 фунтовъ и каждый изъ нихъ можетъ быть уже дисконтированъ. Но изъ всѣхъ этихъ векселей лишь одинъ представляетъ собою дѣйствительное имущество.

«Чтобы оправдывалось предположеніе, будто-бы такъ называемый реальный вексель представляетъ собою дѣйствительное имущество, лицо, получившее вексель, должно было бы имѣть возможность не допускать обращенія представляемыхъ векселемъ товаровъ ни на какую иную цѣль, кромѣ уплаты по его векселю. Но этой власти нѣтъ: ни лицо, получившее реальный вексель, ни лицо, дисконтирующее его, не имѣетъ никакого права собственности надъ тѣми особенными товарами, за которые данъ вексель: эти лица обезпечиваются лишь возможностью давшаго вексель лица уплачивать долги,—точно такое же обезпеченіе, какое имѣетъ лицо, получившее фиктивный вексель. Фиктивный вексель часто бываетъ векселемъ лица, имѣющаго большой извѣстный всѣмъ капиталъ, и въ такомъ случаѣ можно сказать, что фиктивный вексель представляетъ собою часть этого капитала. Потому я полагаю, что гипотеза, утверждающая, будто бы реальные векселя представляютъ собою имущество, а фиктивные векселя не представляютъ его,—что эта гипотеза слишкомъ преувеличиваетъ достоинство реальныхъ векселей и слишкомъ унижаетъ фиктивные.

«Переходимъ теперь къ чертамъ различія между ними.

«Во-первыхъ фиктивный вексель можно упрекнуть въ томъ, что онъ приписываетъ себѣ качество, котораго не имѣетъ. Но это возраженіе касается лишь тѣхъ фиктивныхъ векселей, которые выдаются за реальные. Но часто бываетъ очевидна фиктивность такихъ векселей. Во-вторыхъ по фиктивному векселю вообще нельзя ждать такой точной уплаты, какъ по реальному. Вообще предполагается, что торговецъ, выдающій фиктивные векселя, спекулируетъ рискованнѣе торговца, твердо удерживающагося отъ такой выдачи. Изъ этого слѣдуетъ въ третьихъ, что фиктивные векселя, кромѣ своей сравнительной ненадежности менѣе реальныхъ векселей ограничиваются въ размѣрѣ своего выпуска. Размѣръ дѣйствительныхъ продажъ торговца ставитъ нѣкоторую границу количеству его реальныхъ векселей; а въ торговлѣ очень хорошо было бы, чтобы кредитъ распредѣлялся по всѣмъ торговцамъ въ правильной и надлежащей пропорціи; и размѣръ дѣйствительныхъ продажъ торговца, обнаруживаемый векселями, полученными имъ за эти продажи, служитъ для этого нѣкоторою нормою, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительною.

«Фиктивный вексель въ сущности очевидно то же самое, что простая росписка обѣщающая уплату, онъ даже лучше такой записки въ томъ отношеніи, что она имѣетъ лишь одну подпись, а фиктивный вексель обезпечивается двумя подписями. Фиктивный вексель въ сущности одинаковъ съ бумагами, которыя выдаются не коммерческими людьми, не могущими выдавать другихъ бумагъ; и если эта бумага, будучи дана торговцемъ, считается нѣсколько предосудительною для него, это показываетъ, какъ сильно опасеніе, чтобы торговцы не черезмѣрно пользовались своими средствами доставать деньги. Такая бумага, выдаваясь купцомъ, необходимо имѣетъ форму, подобную бумагѣ, какая выдается при продажѣ товара и за это назвали ее фиктивною, а этимъ именемъ поддерживается сбивчивое и ошибочное представленіе, будто бы есть нѣчто рѣшительно фальшивое и обманчивое въ самой сущности нѣкоторой части коммерческихъ бумагъ и кажущагося богатства страны».

Если коммерческій вексель только дисконтируется и хранится потомъ въ портфѣлѣ дисконтировавшаго лица до срока уплаты по немъ, не служитъ деньгами и не замѣняетъ ихъ, а самъ покупается и продается за деньги, онъ тогда столь же мало похожъ на деньги, какъ облигаціи государственнаго долга и другіе фонды. Но если вексель, выданный на одно лицо, отдается друго-

му (или даже и тому же) лицу въ уплату долга или денежнаго требованія, онъ уже исполняетъ дѣло, на которое потребовались бы деньги, если бы не существовало векселя: онъ исполняетъ функціи монеты. Коммерческіе векселя часто получаютъ такое употребленіе. «Мало того, что они избавляютъ отъ употребленія наличныхъ денегъ, говоритъ Торнтонъ (стр. 40),—они во многихъ случаяхъ занимаютъ мѣсто денегъ. Представимъ, что сельскій фермеръ уплачиваетъ сосѣднему мелочному торговцу долгъ въ 10 фунтовъ, давъ ему вексель въ эту сумму на своего хлѣбнаго коммисіонера въ Лондонѣ, продавшаго тамъ хлѣбъ; мелочной торговецъ, сдѣлавъ на векселѣ надпись, передаетъ его сахарному фабриканту въ уплату такого же долга; а сахарный фабрикантъ снова, сдѣлавъ на немъ надпись, передаетъ его въ сосѣднюю гавань купцу, у котораго беретъ вестъ-индскій сахарный песокъ; а этотъ негоціантъ отдастъ его своему провинціальному банкиру, который, снова сдѣлавъ на немъ надпись, пуститъ его въ дальнѣйшее обращеніе. Въ этомъ случаѣ вексель произвелъ пять уплатъ, какъ будто онъ банковый билетъ въ 10 фунтовъ, немедленно выдаваемыхъ въ банкѣ звонкою монетою предъявителю. Подобнымъ образомъ ходитъ между торговцами множество векселей, которые очевидно образуютъ, въ строжайшемъ смыслѣ слова, часть обращающихся въ странѣ орудій обмѣна».

Многіе векселя своихъ и заграничныхъ торговцевъ, когда представляются къ уплатѣ, бываютъ совершенно покрыты передаточными надписями, изъ которыхъ каждая представляетъ собою или новое дисконтированье, или денежную сдѣлку, въ которой вексель исправлялъ функцію денегъ. На нашей памяти бумаги, служившія въ Ланкаширѣ для платежей выше пяти фунтовъ, состояли почти исключительно изъ такихъ векселей.

5. Третья форма, въ которой кредитъ служитъ замѣною денегъ,—долговыя росписки. Коммерческій вексель, акцептированный лицомъ, на котораго данъ и долговая росписка, въ которой это лицо обѣщается уплатить извѣстную сумму,—это вещи совершенно равнозначительныя, по отношенію къ этому лицу; разница лишь въ томъ, что вексель обыкновенно даетъ проценты, а долговая записка не даетъ ихъ и уплата по векселю можетъ требоваться лишь черезъ извѣстный срокъ, а долговая росписка должна уплачиваться по первому востребованію. Эта послѣдняя форма и сдѣлалась въ торговыхъ странахъ главною формою, въ какой выпускаются особенными торговцами или учрежденіями бумаги на замѣнъ денегъ.

Торговцы, по профессіи занимающіеся выдачею ссудъ, или—какъ неправильно называютъ ихъ, торговцы деньгами, подобно другимъ торговцамъ, желаютъ вести свои обороты шире, чѣмъ могутъ исключительно на свои собственныя средства; хотятъ давать въ ссуду, кромѣ своего капитала и свой кредитъ, и притомъ не одну ту часть своего кредита, которая состоитъ въ фондахъ, дѣйствительно сохраняющихся у нихъ, но и общую свою силу получать отъ публики кредитъ, на сколько по ихъ мнѣнію могутъ они безъ риска пользоваться этою силою. Это очень удобнымъ способомъ дѣлается чрезъ то, что они даютъ въ ссуду свои долговыя росписки съ обязательствомъ уплаты по первому востребованію: ищущій займа беретъ эти росписки какъ будто чистыя деньги, потому что по кредиту лица дающаго ихъ въ ссуду, онѣ охотно принимаются вмѣсто денегъ другими лицами при покупкахъ и другихъ платежахъ. Такимъ образомъ эти записки исполняютъ всѣ функціи денегъ и избавляютъ отъ надобности употреблять равную имъ сумму денегъ, бывшую въ обращеніи, когда не было этихъ записокъ. Но уплачивать ихъ надобно по востребованію и онѣ могутъ ежеминутно вернуться къ лицу, выдавшему ихъ, съ требованіемъ уплаты деньгами; потому лицо это, чтобы не сдѣлаться банкротомъ, должно держать у себя количество денегъ, которое было бы достаточно на уплату по всѣмъ могущимъ быть востребованіямъ такого рода, пока онъ успѣетъ пріобрѣсти деньги на уплату по остальнымъ; благоразуміе требуетъ также, чтобы онъ не выпускалъ билетовъ больше того количества, какое можетъ держаться въ обращеніи, не возвращаясь для уплаты,—въ этомъ онъ долженъ слушаться опыта.

Открывъ удобство этого способа, такъ сказать, чеканить кредитъ, правительства также стали пользоваться имъ и выпускать свои билеты въ уплату своихъ издержекъ; этотъ ресурсъ былъ для нихъ тѣмъ полезнѣе, что представлялся единственнымъ способомъ занимать деньги, не платя процентовъ по нимъ: правительственные билеты, съ обѣщаніемъ уплаты по первому востребованію, казались людямъ, получавшимъ ихъ, равнозначительны наличнымъ деньгамъ. Ниже мы разсмотримъ практическую разницу между этими правительственными билетами и билетами частныхъ банкировъ, разсмотримъ и разныя формы, какія принимаетъ этотъ способъ замѣны наличныхъ денегъ кредитомъ.

6. Четвертый способъ замѣнять деньги кредитомъ можетъ, если достаточно разовьется, совершенно вывесть деньги изъ упо-

требленія. Онъ состоитъ въ совершеніи уплатъ квитанціями (чеками). Обычай держать наличныя деньги, оставляемыя на немедленное расходованіе или на случай востребованій въ рукахъ банкира и производить всѣ платежи, кромѣ мелкихъ, записками на банкира, распространяется въ Англіи все больше и больше. Если лицо, дѣлающее и лицо, получающее уплату, держатъ свои деньги у одного банкира, уплата происходитъ безъ всякаго участія денегъ, однимъ перенесеніемъ суммы платежа въ книгахъ банкира съ кредита лица платящаго въ кредитъ лица получающаго. Если бы всѣ жители Лондона держали свои деньги у одного банкира и дѣлали всѣ свои платежи посредствомъ этихъ записокъ, вовсе не понадобилось бы и не употреблялось бы денегъ ни въ какомъ оборотѣ, начинающемся и кончающемся въ Лондонѣ. Эта идеальная крайность почти достигнута на практикѣ въ дѣлахъ между коммерческими людьми. Деньги и банковые билеты употребляются теперь преимущественно въ розничной продажѣ отъ торговца потребителю и въ платежахъ отъ хозяевъ работникамъ, да и то лишь въ мелкихъ суммахъ. Въ Лондонѣ даже тѣ купцы, которые ведутъ розничную торговлю, вообще имѣютъ счетъ у банкира, если капиталъ или оборотъ у нихъ сколько-нибудь значителенъ; кромѣ безопасности и практическаго удобства они имѣютъ отъ этого еще другую выгоду, получая право дисконтировать свои векселя у банкира, между тѣмъ какъ безъ того едва ли захотѣлъ бы банкиръ дисконтировать ихъ. Оптовые торговцы и значительные негоціанты уже приняли обычай производить всѣ свои коммерческія уплаты записками или чеками на банкира. Но не у всѣхъ у нихъ одинъ и тотъ же банкиръ и когда А дастъ такую записку В, В обыкновенно отдаетъ ее не въ тотъ банкъ, куда прямо слѣдуетъ она, а въ какой-нибудь другой, но для коммерческаго удобства возникло обыкновеніе, при которомъ всѣ банкирскіе дома лондонскаго Сити становятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ какъ будто бы однимъ учрежденіемъ. Чеки, представленные въ извѣстный банкирскій домъ, не разсылаются по тѣмъ банкамъ, на которые даны они и не требуются по нимъ деньги. Есть зданіе, называющееся Clearing House (Разсчетная Палата), куда каждый вечеръ всѣ банкиры Сити посылаютъ всѣ чеки, полученные ими въ теченіе дня; тамъ чеки, полученные каждымъ на другихъ банкировъ, обмѣниваются на записки, какія получены другими на него и только балансы уплачиваются деньгами, или даже и они не деньгами, а чеками на англійскій банкъ. Этимъ способомъ всѣ торговые обороты лондонской Сити за этотъ день, часто про-

стирающіеся до милліоновъ фунтовъ, и кромѣ того огромная масса провинціальныхъ операцій, представляемая векселями провинціальныхъ банкировъ на лондонскихъ ихъ корреспондентовъ ликвидируются платежами, которые среднимъ числомъ не превосходятъ 400 тысячъ фунтовъ *).

При помощи разнообразныхъ формъ кредита, изложенныхъ нами, громадныя торговыя дѣла такой страны, какъ Великобританія, ведутся изумительно малымъ количествомъ серебра и золота,—количествомъ, которое, соразмѣрно денежной цѣнности покупаемыхъ и продаваемыхъ товаровъ, въ нѣсколько разъ меньше суммы, необходимой на то во Франціи и другихъ странахъ, гдѣ не такъ распространены обычай и расположенье давать кредитъ, а потому еще не вошли въ такое употребленіе эти кредитныя формы, справедливо названныя «сберегающими.» Что дѣлается съ деньгами, вытѣсняемыми черезъ это изъ своихъ функцій и какимъ образомъ исчезаютъ онѣ изъ обращенія,—это вопросы, изложеніе которыхъ мы должны отложить до одной изъ слѣдующихъ главъ.

ГЛАВА XII.

ВЛІЯНІЕ КРЕДИТА НА ЦѢНЫ.

1. Составивъ теперь себѣ общее понятіе о способахъ, которыми употребляется кредитъ на замѣну денегъ, мы должны разсмотрѣть, какъ эти способы дѣйствуютъ на цѣнность денегъ или, иными словами, на цѣны товаровъ. Едва ли надобно говорить, что здѣсь рѣчь не о постоянной цѣнности денегъ, не о естественныхъ и среднихъ цѣнахъ товаровъ: постоянная цѣнность денегъ опредѣляется стоимостью производства или полученія благородныхъ металловъ. Въ среднемъ выводѣ унція золота или серебра обмѣнивается на такое количество всякаго иного товара, какое можетъ быть произведено или ввезено по такой же стоимости, какъ унція

*) По словамъ Тука (Enquiry into the Currency Principle стр. 27), «разсчеты въ Clearing House простирались въ 1839 г. до 954,401,600 фунтовъ, т. е. среднимъ числомъ уплаты превышали 3 мил. фунтовъ въ день; это количество коммерческихъ векселей и записокъ производилось посредствомъ 200 тысячъ съ небольшимъ фунтовъ банковыми билетами.» Въ настоящее время гораздо большее количество сдѣлокъ совершается вовсе безъ банковыхъ билетовъ, вмѣсто которыхъ служатъ чеки на англійскій банкъ.

золота или серебра. А записка объ уплатѣ унціи золота или шести сель на унцію золота, уплачиваемый по первому востребованію, имѣетъ ровно такую же цѣнность какъ само золото, пока твердъ кредитъ лица, выдавшаго эту записку.

Мы занимаемся теперь не окончательными или средними, а рыночными и временными цѣнами, могущими, какъ мы видѣли, очень далеко отклоняться отъ нормы, даваемой стоимостью производства. Къ числу причинъ колебанія, какъ мы видѣли, принадлежитъ количество денегъ, находящихся въ обращеніи. При неизмѣнности другихъ условій, отъ увеличенія этого количества цѣны поднимаются, а отъ уменьшенія падаютъ. Если въ обращеніе вводится количество денегъ больше того, какое можетъ обращаться по цѣнности, соразмѣрной со стоимостью ихъ производства, то пока не исчезнетъ этотъ излишекъ, цѣнность денегъ будетъ оставаться ниже нормы стоимости ихъ производства и общая величина цѣнъ будетъ держаться выше натуральнаго уровня.

Но теперь мы нашли, что кромѣ денегъ есть еще другія вещи,— напримѣръ банковые билеты, коммерческіе векселя и записки объ уплатѣ или чеки, которые обращаются какъ деньги и исполняютъ всѣ ихъ функціи; является вопросъ: такимъ ли же образомъ дѣйствуютъна цѣны эти намѣстники денегъ, какъ и самыя деньги? ведетъ ли увеличеніе количества обращающихся бумагъ къ возвышенію цѣнъ точно также, какъ и увеличеніе въ количествѣ денегъ? Писатели, говорившіе о денежной системѣ, много спорили объ этомъ, не достигая выводовъ, столь очевидныхъ, чтобы всѣ соглашались съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ.

Я полагаю, что банковые билеты, коммерческіе векселя и записки сами по себѣ вовсе не дѣйствуютъ на цѣны. Дѣйствуетъ на цѣны не какая-нибудь форма кредита, а самъ кредитъ, въ какой бы формѣ ни давался онъ, и все равно порождаются ли имъ или не порождаются передаточные документы, способные входить въ денежное обращеніе.

Я разъясню и постараюсь доказать это мнѣніе.

2. Деньги дѣйствуютъ на цѣны конечно тѣмъ, что предлагаются въ обмѣнъ за товары. Запросъ, отъ котораго зависятъ цѣны товаровъ, состоитъ изъ предлагаемыхъ за товары денегъ. Но предлагаемыя деньги еще не то, что деньги, находящіяся въ рукахъ. Иногда человѣкъ предлагаетъ меньше, а иногда гораздо больше, чѣмъ имѣетъ. Въ среднемъ выводѣ, разумѣется, люди расходуютъ денегъ ровно столько, сколько имѣютъ на расходъ; но въ отдѣль-

ную данную минуту это бываетъ не такъ. Въ иное время люди держатъ деньги въ рукахъ, опасаясь какого-нибудь случая или ожидая благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ для расходованія денегъ. Тутъ говорятъ, что «денегъ въ обращеніи нѣтъ». Яснѣе сказать: деньги тутъ не предлагаются и не думаютъ скоро предлагаться за товары. Деньги, не находящіяся въ обращеніи, не имѣютъ дѣйствія на цѣны. Но гораздо чаще бываетъ на оборотъ: люди дѣлаютъ покупки на деньги, которыхъ не имѣютъ. Напримѣръ, если за товаръ уплачивается чекомъ на банкира, товаръ этотъ купленъ на деньги, которыхъ нѣтъ въ наличности не только у покупщика, но (вообще говоря) и у самого банкира, отдавшаго ихъ (кромѣ обычнаго запаса) въ ссуду другимъ лицамъ. Недавно мы сдѣлали идеальное предположеніе, что всѣ люди въ обществѣ имѣютъ счеты въ банкѣ и притомъ въ одномъ банкѣ, такъ что всѣ платежи производятся чеками на банкъ. Въ этомъ идеальномъ случаѣ не было бы денегъ нигдѣ, кромѣ какъ въ рукахъ банкира, который безопасно могъ бы тогда вывести всѣ ихъ изъ банка, продавъ ихъ какъ металлъ, или отдавши въ ссуду, на отправку за границу въ обмѣнъ за товары или иностранные фонды. Но хотя и не было бы тогда денегъ ни у кого въ рукахъ, а можетъ быть и вовсе не существовало бы денегъ въ странѣ, деньги продолжали бы предлагаться, а товары продаваться за нихъ точно также, какъ теперь. Каждый продолжалъ бы считать свой доходъ и свой капиталъ на деньги и дѣлать свои обыкновенныя покупки записками на выдачу вещи, которая буквально перестала бы существовать. И во всемъ этомъ не было бы ничего вреднаго, пока вмѣсто исчезнувшихъ денегъ оставалась бы равная цѣнность въ другихъ предметахъ, которые въ случаѣ надобности могли бы обратиться на возвращеніе вкладовъ лицамъ, которымъ первоначально принадлежали деньги.

Но при уплатѣ записками на банкира покупки все-таки дѣлаются если не деньгами, находящимися въ рукахъ покупщика, то деньгами, на которыя имѣетъ онъ право. А онъ можетъ дѣлать покупки и деньгами, которыхъ еще только ожидаетъ или даже только имѣетъ претензію ожидать. Онъ можетъ получать товары, давая въ замѣнъ квитанціи на уплату черезъ извѣстный срокъ; или давая простыя росписки; или на кредитъ по книгѣ, то-есть за простое обѣщаніе уплаты. Всѣ эти покупки дѣйствуютъ на цѣну совершенно также, какъ если бы дѣлались на наличныя деньги. Количество покупательной силы, какое можетъ обнаруживать человѣкъ,

состоитъ изъ всѣхъ денегъ, которыя у него находятся и которыя онъ долженъ получить и изъ всего его кредита. Пользоваться этою силою въ полномъ ея объемѣ, онъ находитъ достаточное побужденіе только при особенныхъ обстоятельствахъ; но онъ всегда имѣетъ эту силу и та часть ея, какую обнаруживаетъ онъ въ данное время, служитъ мѣрою дѣйствія, какое производитъ онъ на цѣну.

Предположимъ, что въ ожиданіи дороговизны какого-нибудь товара онъ рѣшается употребить на него всѣ свои наличныя деньги и сверхъ того взять отъ производителей или негоціантовъ, привозящихъ этотъ товаръ, такое количество его, какое лишь можно ему получить отъ нихъ по ихъ мнѣнію о его средствахъ. Каждый видитъ, что дѣйствуя такимъ образомъ онъ производитъ на цѣну больше вліянія, чѣмъ если бы ограничивалъ свои покупки деньгами, дѣйствительно находящимися у него въ рукахъ. Онъ создаетъ на товаръ запросъ до полнаго размѣра всей суммы своихъ денегъ и своего кредита, и поднимаетъ цѣну пропорціонально своимъ деньгамъ и кредиту, взятымъ вмѣстѣ. Это вліяніе будетъ произведено, хотя бы и не создавался ни одинъ изъ тѣхъ письменныхъ документовъ, которые называются замѣною денегъ, хотя бы не явилось изъ этой сдѣлки ни одного коммерческаго векселя, не было выпущено для нея ни одного банковаго билета. Вмѣсто того, чтобы просто брать кредитъ по книгѣ, покупщикъ могъ бы выдать коммерческій вексель на ту же сумму, или могъ бы заплатить за товаръ банковыми билетами, занятыми у банкира, дѣлая тутъ покупку не на тотъ кредитъ, какой имѣетъ у продавца, а на тотъ, какой имѣетъ банкиръ у продавца, а онъ самъ у банкира. Сдѣлавъ такъ, онъ произвелъ бы на цѣну столько же вліянія, сколько производитъ его простою покупкою въ кредитъ по книгѣ за эту сумму, но никакъ не больше этого произведеннаго вліянія. Причина, дѣйствующая на цѣну, — самъ кредитъ, а не форма и способъ, въ какихъ дается кредитъ.

3. Какую степень наклонности имѣетъ коммерческая публика, пользуясь для совершенія покупокъ всѣмъ своимъ кредитомъ или значительною его частью, это опредѣляется величиною прибыли, какой ждетъ она отъ покупокъ. Когда господствуетъ мнѣніе, что цѣна извѣстнаго товара поднимется, по увеличенію запроса, по неурожаю, по затрудненію привоза или по какой-нибудь другой причинѣ, у торговцевъ является наклонность увеличивать свои запасы, чтобы получить прибыль отъ ожидаемаго возвышенія цѣны. Это расположеніе само по себѣ уже ведетъ къ появленію резуль-

тата, ожиданіемъ котораго вызывалось, къ возвышенію цѣны; и если она поднимается значительно и постепенно, она привлекаетъ другихъ спекулянтовъ, которые, пока цѣна не начала падать, расположены бываютъ думать, что она все станетъ подниматься. Это возрастаніе закупокъ еще возвышаетъ цѣну, и такимъ образомъ возвышеніе, для котораго первоначально были раціональныя основанія, часто увеличивается уже чисто спекулятивными покупками до того, что чрезвычайно превышаетъ степень, оправдываемую первоначальными причинами. Черезъ нѣсколько времени это начинаютъ замѣчать; цѣна перестаетъ подниматься и лица, закупавшія товаръ, думая, что пора реализировать барыши, торопятся продавать. Тогда цѣна начинаетъ падать; лица, закупившія товаръ, устремляются на рынокъ, чтобы избѣжать еще большей потери; а на падающемъ рынкѣ мало бываетъ охотниковъ покупать и цѣна падаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ подымалась. Лица, купившія дороже, чѣмъ оправдывалось основательнымъ разсчетомъ, и лица, не успѣвшія реализировать до реакціи, теряютъ пропорціонально размѣру упадка цѣны и количеству товара, какое они запасли или за какое обязались заплатить.

А всѣ эти результаты могутъ происходить и въ обществѣ, въ которомъ кредитъ не извѣстенъ: цѣны нѣкоторыхъ товаровъ также могутъ быть въ немъ поднимаемы спекуляціею до сумасбродной высоты и потомъ быстро падать. Но если бы не было кредита, это вѣроятно не могло бы происходить со всѣми товарами вдругъ. Если всѣ покупки дѣлаются на наличныя деньги, платежъ возвысившихся цѣнъ на извѣстные товары привлечетъ чрезмѣрную пропорцію денегъ общества на рынкѣ этихъ товаровъ, и потому отвлечетъ деньги отъ какихъ нибудь другихъ товаровъ, цѣны которыхъ упадутъ отъ этого. Правда, образующаяся пустота можетъ отчасти пополняться возрастаніемъ быстроты обращенія, — этимъ способомъ количество денегъ въ обществѣ практически увеличивается во время горячей спекуляціи: каждый не держитъ у себя много денегъ, а спѣшитъ израсходовать ихъ на какой-нибудь соблазнительный оборотъ, какъ только получаетъ ихъ. Но этотъ ресурсъ ограниченъ: говоря вообще, при неизмѣнности количества денегъ нельзя много увеличить расхода ихъ на нѣкоторые товары, не уменьшая расхода на другіе товары. Но чего нельзя сдѣлать наличными деньгами, то дѣлается расширеніемъ кредита. Когда спекулянты устремляются на рынокъ, покупаютъ на тѣ деньги, полученія которыхъ еще ждутъ въ будущемъ, они берутъ рас-

ходы изъ фонда не имѣющаго границъ. Опираясь на него спекуляція можетъ охватывать какое угодно количество товаровъ, не ослабляя обыкновеннаго хода торговли другими товарами. Она можетъ охватывать даже всѣ товары вдругъ. Теоретически возможенъ эпидемическій припадокъ спекулятивной игры, въ которомъ всѣ торговцы вмѣсто того, чтобы дѣлать лишь обычные свои заказы фабрикантамъ или сельскимъ хозяевамъ, производящимъ ихъ товары, начинаютъ покупать все количество товара, какое могутъ достать, на полный размѣръ своего капитала и кредита. Тогда всѣ цѣны громадно поднимутся, хотя бы не увеличивалось количество денегъ и вовсе не было кредитныхъ бумагъ,—дѣло совершилось бы однимъ расширеніемъ покупокъ на кредитъ по книгѣ. Черезъ нѣсколько времени лица, дѣлавшія покупки, захотятъ продавать и цѣны чрезмѣрно упадутъ.

Это идеальная крайность того, что называется коммерческимъ кризисомъ. Коммерческій кризисъ бываетъ, когда значительное число негоціантовъ и другихъ коммерческихъ людей одновременно встрѣчаютъ или опасаются встрѣтить затрудненіе въ расплатѣ по своимъ обязательствамъ. Самою обыкновенною причиною этого общаго стѣсненія бываетъ упадокъ цѣнъ послѣ возвышенія, произведеннаго сильною и обнимавшею много товаровъ спекуляціею. Какой-нибудь случай, заставлявшій ожидать, что поднимутся цѣны,—напримѣръ открытіе новаго заграничнаго рынка или одновременные признаки недостачи въ снабженіи разными важными въ торговлѣ товарами,—одновременно оживляетъ спекуляцію въ нѣсколькихъ важныхъ отрасляхъ торговли. Цѣны поднимаются, и лица, имѣвшія запасы этихъ товаровъ, получаютъ или повидимому могутъ получить большіе барыши. При извѣстномъ настроеніи мыслей въ обществѣ такіе примѣры быстраго обогащенія вызываютъ многочисленныхъ подражателей и спекуляція идетъ гораздо выше черты, оправдываемой первоначальными причинами, по которымъ ожидалось возвышеніе цѣны; мало того она расширяется и на предметы, по которымъ вовсе не было причинъ ожидать дороговизны; но и они поднимаются подобно другимъ, лишь бросится на нихъ спекуляція. Въ такіе періоды происходитъ сильное расширеніе кредита. Кромѣ того, что каждый охватываемый заразою спекуляціи пользуется своимъ кредитомъ шире обыкновеннаго, онъ и дѣйствительно имѣетъ кредита больше, потому что кажется пріобрѣтающимъ чрезвычайные барыши и потому, что господствуетъ у всѣхъ опрометчивое расположеніе къ риску, склоняющее людей и брать и давать кредитъ шире обыкновеннаго, и давать кредитъ лицамъ,

не имѣющимъ права на него. Такимъ способомъ въ знаменитую эпоху спекуляціи 1825 г. и въ разныя другія эпохи нынѣшняго столѣтія, цѣны многихъ главнѣйшихъ предметовъ торговли сильно поднимались безъ упадка цѣны другихъ товаровъ, такъ что можно сказать: общій уровень цѣнъ поднимался. Когда послѣ такого возвышенія настаетъ реакція и цѣны начинаютъ падать,—въ первое время быть можетъ только отъ желанія закупившихъ товары реализировать барыши,—спекулятивныя покупки прекращаются; еслибъ дѣло ограничилось этимъ, цѣны упали бы лишь до уровня, съ котораго поднимались или до уровня, оправдываемаго положеніемъ потребленія и снабженія. Но онѣ падаютъ гораздо ниже. Когда цѣны поднимались и каждый повидимому обогащался, легко было получать кредитъ почти въ какомъ угодно размѣрѣ; точно такъ, только на оборотъ, теперь, когда каждый повидимому теряетъ, а многіе совершенно банкротятся, уже и фирмы, извѣстныя солидностью, съ трудомъ могутъ получать даже кредитъ въ обычномъ размѣрѣ, обойтись безъ котораго имъ чрезвычайно тяжело; это отъ того, что всѣ торговцы должны теперь расплачиваться по обязательствамъ, и никто не увѣренъ, что во время получитъ ту часть своихъ средствъ, которую ввѣрилъ другимъ. Стало быть никому не хочется разставаться съ наличными деньгами или отсрочивать требованіе ихъ. Къ этимъ основательнымъ соображеніямъ прибавляется въ крайнихъ случаяхъ паническій страхъ, столь же безразсудный, какъ безразсудно было прежнее чрезмѣрное довѣріе; деньги занимаются на короткіе сроки по процентамъ, можно сказать, какимъ угодно, а товары за немедленную уплату продаются съ пожертвованіями, можно сказать, какими угодно. Такимъ образомъ во время коммерческой катастрофы общій уровень цѣнъ падаетъ на столько же ниже обыкновенной величины, на сколько поднимался выше ея въ предшествующій періодъ спекуляціи. Причиною упадка, какъ и причиною повышенія, тутъ бываетъ не какое-нибудь обстоятельство, касающееся денегъ, а положеніе кредита: чрезмѣрное пользованіе кредитомъ въ первой половинѣ событія, а потомъ во вторую половину сильное уменьшеніе кредита, никогда впрочемъ не доходящее до совершеннаго прекращенія его.

Нельзя однако же сказать, что сокращенію кредита, служащему характеристическимъ свойствомъ коммерческаго кризиса, непремѣнно предшествуетъ чрезвычайное и неразсудительное расширеніе его. Бываютъ и другія причины; напримѣръ послѣднему кризису, 1847 г., не предшествовало особенное расширеніе кредита; не было

передъ нимъ и никакихъ спекуляцій, кромѣ какъ на акціи желѣзныхъ дорогъ; а эти спекуляціи хотя и были во многихъ случаяхъ довольно безразсудны, но велись преимущественно на ту часть средствъ, какую безъ разстройства для себя могутъ потерять спекулянты, а потому и не могли произвести огромнаго разстройства, возникающаго изъ колебаній цѣны на тѣ товары, которыми спеціально торгуютъ негоціанты и въ которыхъ затрачена главная масса ихъ капитала. Кризисъ 1847 г. былъ коммерческимъ явленіемъ иного разряда, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы говорили прежде. Случается иногда совпаденіе обстоятельствъ, отнимающее у ссуднаго рынка значительную часть капитала, которымъ онъ обыкновенно снабжается. Этими обстоятельствами въ 1847 г. были большіе платежи за границу (произведенные дороговизною хлопчатой бумаги и безпримѣрнымъ ввозомъ хлѣба). Къ нимъ присоединились постоянные запросы на оборотный капиталъ страны, по взносамъ на акціи желѣзныхъ дорогъ и по займамъ компаній желѣзныхъ дорогъ; этими займами и взносами оборотный капиталъ долженъ былъ обратиться въ основной и стать непригоденъ къ ссудамъ на будущее время. Эти разные запросы упали, какъ всегда падаютъ, главнымъ образомъ на ссудный рынокъ. За значительную (впрочемъ все-таки меньшую) часть ввезеннаго хлѣба уплата была даже прямо сдѣлана правительственнымъ займомъ. Покупщики хлѣба и хлопчатой бумаги и акціонеры желѣзныхъ дорогъ, принужденные дѣлать платежи въ чрезвычайномъ размѣрѣ, произвели чрезвычайную часть платежей или наличными деньгами изъ своихъ резервовъ или деньгами, занятыми собственно на это. Въ первомъ случаѣ для платежей были вынуты вклады отъ банкировъ и черезъ это изсушилась часть потоковъ, поддерживающихъ ссудный рынокъ; во второмъ случаѣ платежи были прямо произведены взятіемъ денегъ изъ ссуднаго рынка черезъ продажу фондовъ или черезъ заемъ денегъ въ проценты. Этимъ сочетаніемъ новаго запроса на ссуды съ сокращеніемъ капитала, могущаго идти въ ссуды, поднялись проценты и явилась невозможность занимать подъ какое-нибудь обезпеченіе кромѣ самаго лучшаго. Такимъ образомъ фирмы, которыя по непредусмотрительному и не коммерческому способу веденія своихъ дѣлъ дали своему капиталу стать не свободнымъ на время или навсегда, лишились возможности постоянно возобновлять кредитъ, чѣмъ спасались прежде отъ разстройства. Эти фирмы прекратили платежи; ихъ паденіе поколебало множество другихъ фирмъ, ввѣрившихъ имъ капиталы,—и явилось, какъ обы-

ეროვნული ბიბლიოთეკა

кновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, общее недовѣріе или такъ называемый паническій страхъ; отъ него могло бы произойти такое же разстройство кредита, какъ 1825 г., если бы обстоятельства, которыя можно почти назвать случайными, не дали очень простой правительственной мѣрѣ (временному освобожденію англійскаго банка отъ соблюденія устава 1844 года) счастливой силы успокоить паническій страхъ, чего сама по себѣ эта мѣра не въ состояніи была произвести.

4. При изложенномъ нами общемъ характерѣ вліянія кредита на цѣны очевидно, что если какая-нибудь частная форма кредита способна сильнѣе другихъ дѣйствовать на цѣны, то она дѣйствуетъ на нихъ тѣмъ, что особенно облегчаетъ или поощряетъ увеличеніе общей массы кредитныхъ оборотовъ. Если напримѣръ банковые билеты или коммерческіе векселя дѣйствуютъ на цѣны сильнѣе кредита по книгѣ, то не по различію въ самомъ характерѣ совершаемыхъ черезъ нихъ оборотовъ,—сущность всѣхъ кредитныхъ оборотовъ одна и таже, какимъ бы способомъ они ни производились,—нѣтъ, лишь потому, что черезъ эти формы скорѣе могутъ размножиться кредитные обороты. Если, дѣйствуя помощью банковыхъ билетовъ или коммерческихъ векселей, кредитъ будетъ служить покупательною силою въ размѣрѣ болѣе обширномъ, чѣмъ кредитъ даваемый простымъ внесеніемъ въ счетъ, то въ пропорціи этого излишка, и только въ этой пропорціи, надобно приписывать банковымъ билетамъ и коммерческимъ векселямъ болѣе силы надъ рынками, чѣмъ сколько имѣетъ кредитъ по книгѣ.

Въ этомъ смыслѣ, формы кредита дѣйствительно имѣютъ не одинаковую силу. Вліяніе отдѣльнаго оборота совершенно одинаково, купилъ ли А у В товары на простой кредитъ, или далъ за нихъ коммерческій вексель, или заплатилъ за нихъ банковыми билетами, взятыми въ ссуду у банкира С. Но будетъ разница въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ. Если А купилъ товары въ кредитъ по книгѣ, у В нѣтъ прямого и удобнаго способа сдѣлать свой долгъ на А средствомъ къ расширенію своего кредита. Весь кредитъ его основывается на мнѣніи о томъ, каково общее положеніе его дѣлъ; онъ не можетъ въ частности заложить свой долгъ на А третьему лицу въ обезпеченіе денегъ или товаровъ, получаемыхъ имъ отъ этого лица въ кредитъ. Но если А далъ ему вексель на эту сумму, онъ можетъ дисконтировать этотъ вексель,—то-есть занять деньги подъ свой кредитъ соединенный съ кредитомъ А; или уплатить

этимъ векселемъ, товары, которые получаетъ также подъ соединенный кредитъ свой и А. Въ томъ и другомъ случаяхъ, на первой кредитной операціи основывается вторая, которая не произошла бы, если бы первая была совершена безъ посредства векселя. Рядъ операцій можетъ не кончиться этимъ. Вексель можетъ еще нѣсколько разъ быть дисконтированъ или отданъ въ уплату за товары, прежде чѣмъ будетъ представленъ къ уплатѣ. И нельзя сказать, что лица, поочередно владѣющія этимъ векселемъ, могли бы достичь своей цѣли покупкою товаровъ у торговцевъ на свой кредитъ, если бы векселя не было. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ кредита или уже воспользовались своимъ кредитомъ въ полномъ размѣрѣ. Но во всякомъ случаѣ деньги или товары легче получаются подъ кредитъ двухъ лицъ, чѣмъ на кредитъ одного. Никто не скажетъ, что занять 1000 фунтовъ на свой кредитъ купцу также легко, какъ дисконтировать вексель въ 1000 фунтовъ, данный ему купцомъ, состоятельность котораго извѣстна.

Предположимъ теперь, что А, вмѣсто того чтобы давать вексель, платитъ В за товары банковыми билетами, полученными отъ банкира С; мы увидимъ, что разница будетъ еще больше, В теперь независимъ отъ дисконтирующихъ лицъ. Векселя А взяли бы въ уплату лишь лица, знающія его состоятельность; а банкиръ С лицо, имѣющее кредитъ у публики вообще, и его билеты принимаются въ уплату каждымъ, по крайней мѣрѣ въ той провинціи, такъ что по обычаю, ставшему закономъ, уплата банковыми билетами есть покончennая уплата, между тѣмъ какъ при уплатѣ векселемъ лицо уплатившее подлежитъ еще требованію долга, если лицо, на которое данъ вексель, не уплатитъ его въ срокъ. Такимъ образомъ, В можетъ израсходовать всю сумму банковыхъ билетовъ, вовсе еще не вводя въ дѣло свой кредитъ, и остается у него, сверхъ покупательной силы, полученной отъ банковыхъ билетовъ, цѣла вся та сила получать товаръ въ кредитъ по книгѣ, какую имѣлъ онъ прежде. Тоже самое примѣняется къ каждому изъ лицъ, въ руки которыхъ поочередно приходятъ банковые билеты. Одинъ лишь А, который первый взялъ эти билеты отъ банкира, воспользовавшись своимъ кредитомъ у банкира для полученія ссуды, быть можетъ найдетъ, что кредитъ его у другихъ лицъ уменьшился на сумму этихъ билетовъ; да и то едвали: конечно, если всѣ его обстоятельства извѣстны, каждое полученіе кредита должно было бы уменьшать его силу для полученія другихъ суммъ въ

кредитъ; но въ практикѣ чаще бываетъ наоборотъ: то, что онъ воспользовался довѣріемъ у одного лица, считается доказательствомъ, что и другіе могутъ безопасно оказывать ему довѣріе.

Итакъ, банковые билеты сильнѣе коммерческихъ векселей, а эти векселя сильнѣе кредита по книгѣ могутъ служить къ возвышенію цѣнъ. Но изъ того, что извѣстная форма кредита можетъ служить сильнѣе, еще не слѣдуетъ, что она и дѣйствительно будетъ служить сильнѣе другой. Когда положеніе торговли не представляетъ особеннаго искушенія къ большимъ покупкамъ въ кредитъ, торговцы будутъ пользоваться лишь небольшою частью своей силы къ полученію кредита, и будетъ зависѣть лишь отъ ихъ удобства, въ какой формѣ будутъ они пользоваться этою частью. Лишь тогда, когда состояніе рынка и расположеніе мыслей между торговцами склоняетъ многихъ расширять свой кредитъ до чрезвычайнаго размѣра, обнаруживается разница между разными формами кредита. Кредитъ уже расширенный до послѣдняго предѣла въ формѣ долговъ по книгѣ, можетъ еще значительно расшириться посредствомъ векселей, а еще больше посредствомъ банковыхъ билетовъ. Векселями онъ расширяется потому, что черезъ нихъ каждый торговецъ, кромѣ своего собственнаго кредита, можетъ создавать еще покупательную силу кредитомъ, который самъ далъ другимъ торговцамъ. Банковыми билетами расширяется онъ потому, что кредитъ банкира у всей публики, перечеканенный въ билеты (какъ металлъ перечеканивается въ монету, чтобы получить движимость и дѣлимость) составляетъ у каждаго, черезъ чьи руки проходятъ билеты, прибавку къ той покупательной силѣ, какую имѣетъ это лицо въ своемъ кредитѣ. Иными словами: кредитная сила, въ формѣ кредита по книгѣ, обнаруживается разъ, служитъ основаніемъ для одной покупки; а если данъ коммерческій вексель, одна доля кредита можетъ служить для такого числа покупокъ, сколько разъ вексель перейдетъ изъ рукъ въ руки; наконецъ, черезъ банковый билетъ кредитъ банкира становится покупательною силою въ рукахъ каждаго изъ лицъ, поочередно имѣющихъ этотъ билетъ, не уменьшая силы ихъ дѣлать покупки на ихъ собственный кредитъ. Словомъ сказать: покупательная сила въ кредитѣ точно такая же, какъ въ деньгахъ; и какъ деньги дѣйствуютъ на цѣны пропорціонально не одному своему количеству, а пропорціонально количеству помноженному на число разъ, сколько перейдутъ онѣ изъ рукъ въ руки; точно также дѣйствуетъ на цѣны и кредитъ; и кредитъ, который можетъ переходить

изъ рукъ въ руки, соразмѣрно этой движимости сильнѣе кредита, совершающаго лишь одну покупку.

5. Но вся эта покупательная сила дѣйствуетъ на цѣны лишь соразмѣрно пропорціи, въ какой дѣйствительно употребляется; потому и дѣйствіе ея обнаруживается лишь при обстоятельствахъ, ведущихъ къ тому, чтобы чрезвычайно расширялось пользованіе кредитомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, т. е. въ періоды спекуляціи, цѣны безспорно могутъ подниматься выше, при совершеніи спекулятивныхъ покупокъ на банковые билеты, чѣмъ при совершеніи ихъ на коммерческіе векселя, а при совершеніи ихъ векселями выше, чѣмъ при совершеніи на кредитъ по книгѣ. Но эта разница не такъ важна въ практикѣ, какъ можно бы подумать съ перваго взгляда, потому что на практикѣ огромное большинство спекулятивныхъ покупокъ, почти вся масса ихъ, совершается не на банковые билеты и не на векселя, а на кредитъ по книгѣ. Вотъ что говоритъ лучшій авторитетъ по всѣмъ подобнымъ вопросамъ, Тукъ (Hystory of Prices, томъ IV, стр. 125—126): «ни при началѣ, ни при дальнѣйшемъ развитіи обширныхъ спекуляцій товарами, почти вовсе или вовсе не обращаются къ англійскому банку съ просьбами о расширеніи кредита» (это замѣчаніе относится и къ другимъ банкамъ). «Спекуляціи эти всѣми почти всѣ дѣлаются сначала на кредитъ со сроками обычными въ каждой отрасли торговли и не ставятъ спекулянтовъ въ надобность немедленно дѣлать займы на покупки, превышающія размѣръ ихъ свободнаго капитала. Въ особенности примѣняется это къ покупкамъ на мѣстѣ съ цѣлью перепродажи; онѣ составляютъ впрочемъ обыкновенно лишь меньшую половину кредитныхъ обязательствъ. Несравненно большую половину покупокъ, заключаемыхъ въ надеждѣ на возвышеніе цѣны, составляютъ покупки, имѣющія въ виду заграничный привозъ. Тоже самое примѣняется къ вывозу товара, когда значительная часть покупокъ производится на кредитъ судохозяевъ или ихъ агентовъ. Пока обстоятельства представляютъ перспективу выгоднаго результата, кредитъ покупщиковъ вообще держится. Если нѣкоторые изъ нихъ хотятъ реализировать, у другихъ готовъ капиталъ и кредитъ для ихъ замѣщенія; и если событія вполнѣ оправдываютъ основанія, по которымъ производятся спекулятивныя операціи, т. е. возможна своевременная продажа на потребленіе, такъ что выручается затраченный капиталъ, то не бываетъ чрезвычайнаго запроса на заемъ капитала для поддержанія спекуляцій. Лишь тогда, когда перемѣны политическихъ событій или урожай или другія постороннія обстоятель-

ства обнаруживаютъ излишекъ собираемаго на рынкѣ снабженія надъ предлагаемымъ размѣромъ потребленія и когда является отъ этого упадокъ цѣнъ, происходитъ и увеличеніе запроса на капиталъ; тутъ рыночная величина процентовъ поднимается и увеличивается размѣръ просьбъ о дисконтѣ въ англійскомъ банкѣ». Такимъ образомъ главное увеличеніе въ числѣ банковыхъ билетовъ и другихъ обращающихся бумагъ происходитъ не для того, чтобы сопровождать и облегчать спекуляцію—оно является, когда вѣтеръ уже поворачиваетъ назадъ и начинаетъ чувствоваться стѣсненіе.

Далеко не совсѣмъ извѣстно, до какой чрезмѣрной высоты могутъ быть доводимы спекулятивныя операціи простымъ кредитомъ по книгѣ, безъ всякаго участія бумагъ имѣющихъ обращеніе. «Покупательная сила (говоритъ Тукъ, Enquiry into the Currency Principle, стр. 79 и 136—138) у лицъ, имѣющихъ капиталъ и кредитъ, несравненно больше того, чѣмъ могутъ себѣ представить люди, незнакомые практически съ спекулятивными нуждами. Если человѣкъ, имѣющій репутацію, что у него не достаетъ капитала при обычномъ ходѣ его торговли и пользующійся хорошимъ кредитомъ въ ней, вздумаетъ ожидать возвышенія цѣны на свой товаръ, если обстоятельства благопріятны ему въ началѣ и въ развитіи его спекуляціи, то онъ можетъ произвести покупки въ размѣрѣ, рѣшительно чудовищномъ сравнительно съ своимъ капиталомъ». Слова эти Тукъ подтверждаетъ нѣсколькими замѣчательными примѣрами, свидѣтельствующими, какая громадная сила можетъ быть обнаружена и какое возвышеніе цѣны можетъ быть произведено кредитомъ безъ участія банковыхъ билетовъ и коммерческихъ векселей.

«Когда, вслѣдствіе ссоры нашей съ Китаемъ въ 1839 году, началась спекуляція на возвышеніе цѣны чая, съ самаго начала стали участвовать въ ней нѣкоторые розничные торговцы колоніальными товарами и чаемъ. У всѣхъ этихъ торговцевъ было тогда расположеніе «запасаться товаромъ» т. е. заготовлять разомъ количество, какое удовлетворитъ на нѣсколько мѣсяцевъ вѣроятному запросу потребителей. Но нѣкоторые изъ нихъ болѣе самоувѣренные и расположенные рисковать воспользовались своимъ кредитомъ у негоціантовъ, ведущихъ заграничную и оптовую торговлю, чтобы закупить товара гораздо больше, чѣмъ могло быть запроса отъ покупателей въ ихъ лавкахъ. Первоначально покупки эти дѣлались какъ будто бы, а можетъ быть и дѣйствительно, съ основательными цѣлями и въ размѣрѣ правильнаго хода торговли покупщиковъ, потому оптовые торговцы отпускали розничнымъ тор-

говцамъ товаръ безъ всякаго задатка; между тѣмъ, какъ отъ спекулянтовъ, извѣстныхъ какъ спекулянтовъ, требуется уплата наличныхъ фунта съ ящика на покрытіе разницы въ цѣнѣ, какая могла бы возникнуть до окончанія срока которымъ принятъ въ чайной торговлѣ трехмѣсячный. Такимъ образомъ не израсходовавъ ни одного фартинга ни наличными деньгами, ни какими бумагами, имѣющими обращеніе, розничные торговцы сдѣлали покупки въ значительномъ размѣрѣ; прибыль реализированную отъ перепродажи части этихъ закупокъ, они уплатили въ залогъ за слѣдующія покупки, когда обширность ихъ покупокъ была замѣчена и потребовался залогъ. Этимъ способомъ спекуляція по возвышающимся цѣнамъ (возвышеніе дошло до 100% и бо́льше) продолжалась почти до окончанія трехмѣсячной отсрочки платежа, и если бы въ это время оправдывалось прежнее опасеніе, что всякій подвозъ прекратится, цѣны могли бы подняться выше и уже никакъ не стали бы спускаться. Въ такомъ случаѣ спекулянты могли бы реализировать, если не всю прибыль, какой ждали, то все-таки очень хорошую сумму, на которую могли бы или сильно расширить свою торговлю или вовсе оставить торговлю съ репутаціей большой проницательности за то, что умѣли такъ обогатиться. Но вмѣсто этого благопріятнаго результата случилось, что въ противность ожиданію прибыли въ Англію два или три корабля съ чаемъ, перегруженнымъ на нихъ съ другихъ судовъ и оказалось, что идутъ еще другіе грузы чая такимъ же косвеннымъ путемъ. Снабженіе увеличилось, на что не разсчитывали спекулянты; а потребленіе въ тоже время уменьшилось отъ дороговизны. Вслѣдствіе того началась на рынкѣ крутая реакція, спекулянты не могли уже продавать безъ убытка, отнимавшаго у нихъ средство расплатиться по обязательствамъ и многіе изъ нихъ обанкротились. Въ числѣ ихъ говорили объ одномъ, который съ капиталомъ не больше 1200 фун., да и то уже затраченныхъ въ его обыкновенной торговлѣ, успѣлъ закупить 4,000 ящиковъ, больше чѣмъ на 80,000 фунтовъ и потерялъ на нихъ около 16,000 фунтовъ.

«Другой примѣръ мой относится къ операціи на хлѣбномъ рынкѣ въ 1839—1842 гг. Было тутъ лицо, имѣвшее при начатіи своихъ обширныхъ спекуляцій не больше 5 тысячъ фунтовъ капитала, какъ обнаружилось при повѣркѣ его книгъ; но въ началѣ операцій онъ имѣлъ удачу, обстоятельства благопріятствовали ихъ развитію и человѣкъ этотъ успѣлъ надѣлать такихъ громадныхъ закупокъ, что когда онъ прекратилъ платежи, обязательства его оказались простирающимися отъ 500 тысячъ до 600 тысячъ фунтовъ. Можно

было бы указать на другихъ людей, которые безъ всякаго капитала помощью одного кредита успѣли сдѣлать покупки въ очень большомъ размѣрѣ, пока обстоятельства благопріятствовали ихъ разсчетамъ.

«И надобно замѣтить, что эти спекуляціи, состоявшія въ громадныхъ покупкахъ почти безъ всякаго, или ровно безъ всякаго капитала, были ведены въ 1839 и 1840 годахъ, когда денежный рынокъ былъ чрезвычайно стѣсненъ, или по новой фразеологіи, когда деньги были чрезвычайно рѣдки».

Но если главное орудіе спекулятивныхъ покупокъ есть кредитъ по книгѣ, то нельзя сказать, что въ періоды спекуляціи не увеличивается количество и коммерческихъ векселей и банковыхъ билетовъ. Но количество банковыхъ билетовъ почти никогда не увеличивается въ самое первое время спекуляцій; ссуды у банкировъ (по замѣчанію Тука) берутся не на покупки, а на то, чтобы можно было обойтись безъ продажи, когда кончился обычный срокъ кредита, а цѣна не поднялась до высоты, на какую разсчитывалось. Купцы, спекулировавшіе чаемъ, о которыхъ говоритъ Тукъ, не могли бы продолжать своихъ спекуляцій долѣе трехмѣсячнаго срока, какой принятъ для кредита въ чайной торговлѣ, если бы не получили ссудъ отъ банкировъ; и вѣроятно они получили бы ссуды, если бы еще продолжалось ожиданіе, что цѣна поднимется.

Мы видѣли, что кредитъ въ формѣ банковыхъ билетовъ служилъ для поднятія цѣнъ болѣе сильнымъ орудіемъ, чѣмъ кредитъ по книгѣ; поэтому неограниченная возможность прибѣгать къ его пособію можетъ продолжить и усилить спекулятивное поднятіе цѣнъ, отчего усилится и слѣдующая за тѣмъ катастрофа. Но въ какой степени онъ можетъ содѣйствовать этому? и какую важность надобно приписывать этой возможности? Намъ легче будетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ, если мы взглянемъ на пропорцію, какую составляютъ при крайнемъ своемъ размноженіи въ періодъ спекуляціи банковые билеты, сравнительно съ массою, не говорю всего кредита страны, а скажу только: съ массою однихъ коммерческихъ векселей. Полагаютъ, что въ каждое данное время существуетъ такихъ векселей на сумму гораздо больше 100 милліоновъ фунтовъ *). Количество банковыхъ билетовъ, обращаю-

*) Самымъ вѣрнымъ разсчетомъ надобно считать разсчетъ Литама, основанный на официальныхъ цифрахъ израсходованнаго количества вексельныхъ штемпелей. Вотъ его выводы:

щихся въ Великобританіи и Ирландіи, менѣе 35 милліоновъ, а въ періоды спекуляціи оно увеличивается не больше какъ на два или на три милліона. Да и эта прибавка, какъ мы видѣли, является лишь въ тотъ поздній періодъ спекуляціи, когда уже видно стало, что вѣтеръ началъ поворачивать и торговцы думаютъ не столько о расширеніи своихъ оборотовъ, сколько о средствахъ исполнить обязательства, уже сдѣланныя; между тѣмъ количество коммерческихъ векселей увеличивается съ самаго начала спекуляціи.

6. Извѣстно, что въ послѣднее время многіе политико-экономы и значительная часть публики считали искусственное ограниченіе выпуска банковыхъ билетовъ средствомъ, очень вѣрно предупреждающимъ, а если не могущимъ предупредить, то уменьшающимъ спекулятивную горячку; актомъ 1844 года объ выпускѣ банковыхъ билетовъ (Currency Act 1844), это мнѣніе получило законодательное одобреніе и утвержденіе. Но послѣ сдѣланныхъ нами разъясненій, мы, признавъ за банковыми билетами больше силы надъ цѣнами, чѣмъ за коммерческими векселями и кредитомъ по книгѣ, должны однако же сказать, что нѣтъ причинъ думать, будто бы

Годы.	Количество векселей выданныхъ въ Великобританіи и Ирландіи по разсчету вексельныхъ штемпелей, выданныхъ штемпельнымъ управленіемъ.	Среднее количество векселей одновременно находившихся въ обращеніи въ этомъ году.
1832	356,153,409 фун.	89,038,352 фун.
1833	383,659,585	95,914,896
1834	379,155,052	94,788,763
1835	405,403,051	101,350,762
1836	485,943,473	121,485,868
1837	455,084,445	113,771,111
1838	465,504,041	116,376,010
1839	528,493,842	132,123,460

Литамъ сообщаетъ способъ, какимъ выводитъ онъ эти результаты изъ данныхъ, доставляемыхъ отчетами штемпельнаго управленія, и я (говоритъ Тукъ) нахожу, что они имѣютъ всю ту близость къ истинѣ, какую могутъ имѣть по характеру матеріаловъ, изъ которыхъ выведены. Inquiry, стр, 26. Неймаркъ (приложеніе № 39 къ Report of the Commitee on the Banc Acts въ 1857 г. и History of Prices, т. VI, стр. 587) приводитъ доказательства въ пользу того мнѣнія, что количество векселей бывшихъ въ обращеніи въ 1857 г. составляло немногимъ меньше 180 милліоновъ фунтовъ и что по временамъ оно простирается до 200 милліоновъ.

банковые билеты много участвуютъ въ возвышеніи цѣнъ, сопровождающемъ періодъ спекуляціи; слѣдовательно мѣры, ограничивающія выпускъ банковыхъ билетовъ, не могутъ столь сильно, какъ предполагается многими, уменьшать это возвышеніе и слѣдующій за нимъ упадокъ. Еще менѣе слѣдуетъ намъ ожидать этого, если мы вспомнимъ, что есть еще четвертая форма кредитныхъ операцій,—записки или чеки на банкировъ и переводы по банкирскимъ книгамъ, — форма, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующая банковымъ билетамъ и дающая такое же удобство для расширенія кредита и могущая дѣйствовать на цѣны такъ же сильно какъ банковые билеты. «Нѣтъ, по словамъ Фуллертона (On the Regulation of Currencies, стр. 41) ни одного дѣла, совершаемаго теперь черезъ посредство билетовъ англійскаго банка, которое не могло бы столь же успѣшно совершаться безъ нихъ каждымъ лицомъ, имѣющимъ счетъ у банкира и дѣлающимъ всѣ свои уплаты выше 5 фунтовъ записками на банкира». Вмѣсто того, чтобы давать свои билеты въ ссуду негоціанту, банкъ можетъ открыть ему счетъ и кредитовать ему по счету ту сумму, какую согласенъ давать ему въ ссуду; тутъ нужно будетъ лишь условиться, чтобы онъ не бралъ изъ банка эту сумму никакимъ другимъ способомъ, кромѣ записокъ на банкъ о переносѣ слѣдующихъ съ него уплатъ въ счетъ суммъ, какія долженъ банкъ лицамъ, которымъ долженъ онъ уплачивать. Эти записки могли бы даже переходить изъ рукъ въ руки подобно банковымъ билетамъ; но чаще лицо, получившее такія записки, передаетъ ихъ своему банкиру, а въ случаѣ надобности денегъ даетъ новую записку на банкира въ счетъ по этимъ. Поэтому могутъ возразить, что первоначальная записка очень скоро будетъ предъявлена къ уплатѣ и такъ какъ уплату надобно сдѣлать деньгами или банковыми билетами, то для окончательной ликвидаціи должны быть приготовлены деньги или банковые билеты на сумму, равную этимъ запискамъ. Нѣтъ; лицо, которому должно быть уплачено по запискѣ, быть можетъ, имѣетъ счетъ съ тѣмъ же банкиромъ и она можетъ возвратиться въ тотъ же банкъ, на который дана, въ провинціяхъ это бываетъ очень часто; если такъ, не потребуется никакой уплаты, а операція кончится простымъ переводомъ по книгамъ банкира. Если же записка будетъ уплачена въ другой банкъ, она также не представится къ платежу, а ликвидируется зачетомъ за другія записки; и въ обстоятельствахъ, благопріятныхъ общему расширенію кредита по банкирскимъ книгамъ, если банкиръ далъ болѣе кредита и потому больше

дается записокъ на него, то будетъ получать онъ и больше уплатъ записками на другихъ банкировъ, банковые билеты или наличныя деньги нужны ему будутъ только на уплату балансовъ; а на это слишкомъ достаточно будетъ обыкновеннаго резервнаго фонда благоразумныхъ банкировъ, составляющаго третью часть ихъ обязательствъ. А если банкиръ растерялъ свои ссуды выпускомъ своихъ билетовъ, все равно онъ долженъ имѣть резервный фондъ въ томъ же размѣрѣ наличными деньгами или билетами англійскаго банка. Такимъ образомъ, говоритъ Фуллертонъ, банкиръ посредствомъ принимания даваемыхъ на него записокъ можетъ расширять кредитъ негоціантовъ точно также, какъ расширяетъ его выпускомъ билетовъ.

Расширеніе кредита посредствомъ открытыхъ счетовъ по банкирскимъ книгамъ имѣетъ всю ту силу дѣйствія на цѣны, какую приписывали мы расширенію кредита посредствомъ банковыхъ билетовъ. Получая уплату банковымъ билетомъ въ 20 фунтовъ, человѣкъ получаетъ основанную на кредитѣ покупательную силу въ 20 фунтовъ сверхъ всего кредита, какой имѣетъ онъ самъ; точно тоже, если уплачивается ему запискою на банкира: правда, на самую записку онъ не можетъ дѣлать покупокъ, но онъ вноситъ ее къ своему банкиру и можетъ дать на него свою записку въ зачетъ этой. Этотъ актъ выдачи записки въ зачетъ другой обмѣненной и уничтоженной, можетъ повторяться столько же разъ, какъ покупка на банковый билетъ и производить такое же увеличеніе покупательной силы. Первоначальная ссуда или кредитъ, данный банкиромъ лицу, имѣющему счетъ съ нимъ, дѣйствуетъ какъ средство покупки въ рукахъ всѣхъ лицъ, которые поочередно получаютъ уплату изъ этого кредита, точно также какъ покупательная сила банковаго билета дѣйствуетъ столько разъ, черезъ сколько рукъ проходитъ билетъ до возвращенія своего въ банкъ.

Этими соображеніями очень уменьшается важность дѣйствія, могущаго произойти для смягченія коммерческихъ катастрофъ отъ мѣры, столь поверхностной какъ ограниченіе выпуска банковыхъ билетовъ искусственнымъ правиломъ, мѣры, на которую такъ много полагались въ послѣднее время. Разборъ всѣхъ результатовъ этого ограниченія и оцѣнку доводовъ въ пользу его и противъ него мы должны отложить до того времени, когда разсмотримъ вопросы о заграничныхъ обмѣнахъ и о международныхъ движеніяхъ золота и серебра. Теперь мы занимаемся только общею те-

оріею цѣнъ, въ которой существенную часть составляетъ вопросъ о разныхъ степеняхъ вліянія разныхъ видовъ кредита на цѣны.

7. Много было споровъ и разсужденій о томъ, слѣдуетъ ли считать деньгами разные виды кредита и въ особенности банковые билеты. Споръ тутъ идетъ чисто о словахъ, такъ что почти можно назвать его вздорнымъ; и трудно было бы понять, почему придавалась этому вопросу такая важность, если бы не знали мы, что нѣкоторые писатели, еще держась мнѣнія, какое было при младенчествѣ общества и экономій, будто бы общая высота цѣнъ опредѣляется количествомъ денегъ сравнительно съ количествомъ товаровъ,—еслибъ мы не знали, что эти писатели считаютъ важнымъ дѣломъ доказать, что банковые билеты — деньги, а другія формы кредита—не деньги, и выводятъ изъ этого заключеніе, что вліяніе на цѣны имѣютъ банковые билеты и не имѣютъ его другія формы кредита. Но очевидно, что цѣны опредѣляются не количествомъ денегъ, а количествомъ покупокъ. Если деньги положены къ банкиру и не взято у него кредита въ зачетъ за нихъ или взятъ кредитъ, но не на покупку товаровъ, а на какое нибудь иное употребленіе, то эти деньги не дѣйствуютъ на цѣны, какъ не дѣйствуетъ на нихъ и кредитъ, оставляемый безъ употребленія. А кредитъ, *фактически* употребляемый на покупку товаровъ, дѣйствуетъ на цѣны совершенно также какъ деньги. Такимъ образомъ по своему дѣйствію на цѣны деньги и кредитъ совершенно равны; и въ этомъ отношеніи рѣшительно все равно, къ деньгамъ или къ кредиту вздумаемъ мы причислить банковые билеты.

Но если уже поднятъ этотъ вопросъ о номенклатурѣ, то не безполезно будетъ отвѣчать на него. Основаніемъ считать банковые билеты за деньги выставляютъ то, что по закону и обычаю они имѣютъ одинаково съ звонкой монетой свойство окончательно очищать разсчеты, въ которыхъ употреблены, между тѣмъ какъ лишены этой привиллегіи всѣ другіе способы уплачивать одинъ долгъ перенесеніемъ другаго долга. Прежде всего представляется здѣсь то замѣчаніе, что по этому критеріуму не должны считаться деньгами билеты частныхъ банковъ, потому что кредиторъ не обязанъ принимать ихъ въ уплату долга. Правда имп заканчивается разсчетъ, если кредиторъ принимаетъ ихъ. Но при такомъ же условіи разсчетъ заканчивается тюкомъ полотна или бочкою вина, — предметами, которыхъ изъ за этого еще не считаютъ деньгами. Быть юридическимъ средствомъ платежа, — это представляется существенною

чертою въ понятіи денегъ. Неразмѣнная бумага, служащая по закону средствомъ платежа, признается всѣми экономистами за деньги; во французскомъ языкѣ самое выраженіе papier-monnaie уже обозначаетъ неразмѣнность билетовъ,—банковые билеты, обмѣниваемые на звонкую монету, называются по французски просто billets à porteur. Затрудненіе возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда англійскій банкъ освобождается отъ обязанности обмѣнивать свои билеты на звонкую монету: кредиторъ обязанъ бываетъ тогда принимать ихъ въ уплату отъ всѣхъ должниковъ кромѣ самого банка. Относительно покупщика, билетами англійскаго банка разсчеты несомнѣнно заканчиваются. Когда онъ сдѣлалъ уплату билетами англійскаго банка, отъ него уже нельзя требовать новой уплаты. Но признаюсь, я не вижу, чтобы разсчетъ можно было считать покончеппымъ относительно продавца, когда онъ оказывается получившимъ уплату за свой товаръ лишь въ силу того условія, что банкъ сдерживаетъ свое обѣщаніе платить по своимъ билетамъ. Средство уплаты, которое лишилось бы всякой цѣнности черезъ несостоятельность извѣстной корпораціи, никакъ не можетъ быть деньгами въ томъ смыслѣ, въ которомъ деньги противопоставляются кредиту. Оно или не деньги, или деньги и кредитъ вмѣстѣ. Приличнѣйшее названіе ему — кредитъ съ монетнымъ штемпелемъ. Другія формы кредита отличаются отъ него какъ кредитъ безъ этого штемпеля, кредитъ въ слиткахъ.

8. Нѣкоторые первоклассные политико-экономы присвоивали банковымъ билетамъ больше разницы отъ другихъ способовъ кредита по вліянію на цѣны, чѣмъ сколько разницы между ними допускаемъ мы: по ихъ мнѣнію разница тутъ не только въ степени, но и въ самой сущности вліянія. Свое мнѣніе они основываютъ на томъ фактѣ, что всѣ векселя и записки на банкировъ, подобно всѣмъ долгамъ по книгамъ, предназначаются быть ликвидированными и дѣйствительно ликвидируются звонкою монетою или банковыми билетами. Находящіеся въ обращеніи банковые билеты вмѣстѣ съ звонкою монетою служатъ такимъ образомъ по мнѣнію этихъ писателей фундаментомъ, на которомъ держатся всѣ другія формы кредита, и возводимое на этомъ фундаментѣ зданіе должно быть соразмѣрно ему, такъ что количествомъ банковыхъ билетовъ опредѣляется размѣръ кредита во всѣхъ его формахъ. По ихъ мнѣнію, должно быть такъ, что съ увеличеніемъ количества банковыхъ билетовъ увеличивается количество векселей, уплатъ по запискамъ и, какъ я предполагаю, размѣръ кредита, даваемаго по книгѣ; они думаютъ, что опре-

дѣляя и ограничивая выпускъ банковыхъ билетовъ, мы косвеннымъ образомъ подвергнемъ подобному ограниченію всѣ другія формы кредита. Я думаю, что я вѣрно высказалъ мнѣніе этихъ писателей, хотя ни у кого изъ нихъ не находилъ я основаній этого мнѣнія изложенными съ такою ясностью, чтобы былъ я совершенно увѣренъ, что понялъ ихъ слова. Очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ количества банковыхъ билетовъ, вообще (хотя не всегда) увеличивается или уменьшается также количество другихъ формъ кредита, потому что положеніе дѣлъ, ведущее къ увеличенію кредита въ одной формѣ, ведетъ также къ увеличенію его и въ другихъ формахъ. Но я не вижу причины думать, что одно изъ этихъ явленій — причина другаго. Конечно, если мы начнемъ съ той мысли, что цѣны опредѣляются количествомъ звонкой монеты и банковыхъ билетовъ (и я полагаю, что эти писатели выходятъ отъ такой мысли, хотя не выражаютъ ея), то сама собою послѣдуетъ изъ нея ихъ теорія; потому что, соразмѣрно возвышенію или пониженію цѣнъ, извѣстное количество покупокъ произведетъ большую или меньшую массу векселей, записокъ и кредита по книгѣ. Но посылка, изъ которой дѣлается такое заключеніе, сама вовсе еще не доказана. А если отстранить эту посылку, то я не знаю, чѣмъ можно подтвердить выводъ. Размѣръ кредита, даваемаго лицу другими лицами, съ которыми онъ имѣетъ дѣла, опредѣляется не количествомъ звонкой монеты и банковыхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи въ данное время, а ихъ мнѣніемъ о его дѣлахъ; если входитъ въ ихъ разсчетъ какое нибудь соображеніе болѣе общаго характера, то лишь во время стѣсненія ссуднаго рынка, когда они сами не увѣрены въ возможности получить кредитъ, на какой обыкновенно они опираются; да и тогда они смотрятъ на общее положеніе ссуднаго рынка, а не на количество банковыхъ билетовъ (если не руководятся теоріею о зависимости кредита и цѣнъ именно отъ банковыхъ билетовъ). Таковы причины, отъ которыхъ зависитъ расположеніе *давать* кредитъ. А расположеніе торговца *пользоваться* своимъ кредитомъ опредѣляется его мнѣніемъ о вѣроятности выгоды, то-есть о вѣроятной будущей цѣнѣ его товара; это мнѣніе основывается на возвышеніи или упадкѣ, уже происходящемъ, или на соображеніи торговца о томъ, какъ пойдетъ въ будущемъ снабженіе или потребленіе. Когда торговецъ расширяетъ свои покупки сверхъ своихъ средствъ къ немедленной уплатѣ, обязываясь уплатить въ извѣстное время, онъ дѣлаетъ это въ ожиданіи, что опе-

рація выгодно кончится до наступленія этого срока, или что онъ будетъ имѣть тогда достаточныя средства изъ выручекъ по другимъ его операціямъ. Исполненіе этихъ разсчетовъ зависитъ отъ цѣнъ, а не собственно отъ количества банковыхъ билетовъ. Конечно, если онъ обманется въ этихъ ожиданіяхъ, онъ будетъ искать, куда бы обратиться ему за временною ссудою, чтобы по крайней мѣрѣ выполнить свои обязательства. Но во первыхъ, въ періодъ горячаго риска, люди, столь увѣренные въ успѣхѣ, что втягиваются въ обязательства, превышающія вѣрныя ихъ средства къ уплатѣ, слишкомъ мало сдерживаются этимъ размышленіемъ о томъ, нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе трудности представится имъ въ будущемъ выпутаться изъ затрудненій. А во вторыхъ, я полагаю, что увѣренность ихъ выпутаться въ случаѣ неудачи зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ мнѣнія о своемъ личномъ кредитѣ, и если входитъ въ нее какое нибудь общее соображеніе, то не о количествѣ находящихся въ обращеніи орудій обмѣна, а объ общемъ положеніи ссуднаго рынка. Они знаютъ, что въ случаѣ коммерческаго кризиса трудно имъ будетъ получать ссуды. Но еслибъ они ожидали, что коммерческій кризисъ наступитъ прежде, чѣмъ они реализируютъ, они не стали бы спекулировать. Если же не будетъ сильнаго уменьшенія кредита вообще, то они не сомнѣваются въ томъ, что получатъ необходимо нужныя имъ ссуды, лишь бы положеніе собственныхъ ихъ дѣлъ въ то время представляло по мнѣнію дающихъ ссуды лицъ достаточную вѣроятность, что ссуды эти будутъ возвращены ими.

ГЛАВА XIII.

НЕРАЗМѢННЫЯ БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ.

1. Опытъ показалъ, что куски бумаги, не имѣющіе никакой внутренней цѣнности, могутъ быть введены въ обращеніе съ цѣнностью звонкой монеты просто вслѣдствіе надписи на нихъ, что они равняются извѣстному числу франковъ, доллеровъ или фунтовъ; опытъ показалъ, что лицамъ, выпускающимъ ихъ, они приносятъ всю ту выгоду, какую могла бы принести звонкая монета, представителями которой называются эти бумаги; правительства стали думать, что выгодно было бы имъ присвоить себѣ эту выгоду, не соблюдая условія, которому подчинены были частныя ли-

ца, выпускающія эту бумагу, которою замѣняются деньги,—не соблюдая обязанности давать по востребованію за этотъ знакъ обозначаемую имъ вещь. Правительства рѣшили сдѣлать попытку, нельзя ли имъ освободиться отъ этой непріятной обязанности и дать выпущенному ими куску бумаги ходъ фунта просто тѣмъ, чтобы назвать его фунтомъ и принимать его въ уплату налоговъ. И вліяніе почти всѣхъ прочныхъ правительствъ такъ сильно, что вообще они успѣли достичь этой цѣли; кажется могъ бы я сказать, что всегда они успѣвали въ томъ на нѣкоторое время и теряли эту силу лишь вслѣдствіе того, когда слишкомъ явно злоупотребляли ею.

Въ предполагаемомъ нами случаѣ роль денегъ исправляется вещью, которая получаетъ силу исполнять ее единственно по соглашенію людей; но для доставленія такой силы предмету уже и достаточно такого соглашенія, потому что, если человѣкъ убѣжденъ, что извѣстная вещь будетъ принимаема другими точно такъ же, какъ имъ, этого уже и довольно, чтобы онъ принималъ какую нибудь вещь какъ деньги и даже по какой угодно цѣнности. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность такого орудія обмѣна, потому что она не можетъ опредѣляться цѣнностью производства, какъ опредѣляется золото и серебро или бумаги, размѣниваемыя на нихъ по первому востребованію.

Но мы видѣли, что даже и цѣнность звонкой монеты непосредственно опредѣляется количествомъ этой монеты. Если бы количество ея зависѣло не отъ обыкновенныхъ коммерческихъ разсчетовъ прибыли и убытка, а могло бы опредѣляться по произволу правительства, цѣнность звонкой монеты опредѣлялась бы распоряженіемъ этого правительства, а не стоимостью производства. Количество бумажныхъ денегъ, не подлежащихъ размѣну на золото, и серебро по желанію предъявителя, можетъ опредѣляться произвольно, въ особенности если выпускаются эти деньги верховнымъ государственнымъ правителемъ. Потому цѣнность такихъ денегъ совершенно произвольна.

Предположимъ, что въ странѣ, въ которой обращалась только звонкая монета, вдругъ выпускаются бумажныя деньги на половину той суммы, какую составляла звонкая монета, выпускаются не банковымъ учрежденіемъ и не въ формѣ займа, а правительствомъ въ уплату жалованья и въ покупку товаровъ. Количество обращающихся денегъ вдругъ увеличилось на половину; потому поднимутся цѣны всѣхъ предметовъ, и между прочимъ цѣны всѣхъ пред-

метовъ, сдѣланныхъ изъ золота и серебра. Цѣнность унціи золота въ издѣльяхъ станетъ выше цѣнности унціи золотыхъ денегъ больше, чѣмъ на обыкновенную разницу, вознаграждающую за цѣнность выдѣлки; и будетъ прибыльно переплавлять монету для передѣлки въ золотыя вещи, пока сумма денегъ уменьшится этою переливкою золотыхъ денегъ на столько, сколько прибавилось къ ней выпускомъ бумаги. Тогда цѣны спускаются опять до первоначальной величины и все будетъ по прежнему, кромѣ той одной перемѣны, что бумажныя деньги замѣстили собою половину звонкой монеты, существовавшей прежде. Предположимъ теперь новый выпускъ бумаги; возобновится тотъ же рядъ послѣдствій; и отъ слѣдующихъ выпусковъ бумаги исчезнетъ наконецъ вся звонкая монета (т. е. если выпускается бумага, наименованія равнаго самой мелкой монетѣ; а если не выпускается бумаги такого малаго наименованія, останется столько мелкой звонкой монеты, сколько надобно для мелкихъ платежей). Отъ прибавки въ количествѣ золота и серебра, готоваго идти на украшенія, цѣнность этого товара на нѣкоторое время нѣсколько понизится и хотя бы выпущено было бумажныхъ денегъ на всю первоначальную сумму звонкой монеты, но вмѣстѣ съ бумагою удержится въ обращеніи столько звонкой монеты, сколько нужно, чтобы держать цѣнность денегъ наравнѣ съ уменьшенною цѣнностью металлическаго матеріала; эта часть звонкой монеты будетъ держаться въ обращеніи, пока цѣнность золота и серебра остается ниже прежняго; но цѣнность этихъ металловъ упала ниже стоимости производства и снабженіе золотомъ и серебромъ изъ рудниковъ остановится или уменьшится; такимъ образомъ излишекъ ихъ уничтожится путемъ обыкновеннаго уничтоженія и послѣ того благородные металлы и деньги снова пріобрѣтутъ свою естественную цѣнность. Мы тутъ предполагаемъ, какъ предполагали постоянно до сихъ поръ, что страна имѣетъ собственные рудники и не имѣетъ никакихъ коммерческихъ сношеній съ другими странами; а въ странѣ, имѣющей заграничную торговлю, звонкая монета, сдѣлавшаяся излишнею отъ выпуска бумаги, уносится способомъ, гораздо болѣе быстрымъ.

До сихъ поръ, вліяніе бумажныхъ денегъ въ сущности одинаково, будутъ или не будутъ имѣть онѣ размѣнъ на звонкую монету: разница между этими двумя положеніями бумажныхъ денегъ начинаетъ обнаруживаться, когда звонкая монета уже совершенно замѣщена бумажными деньгами и вытѣснена изъ обращенія. Предположимъ, что когда все золото и серебро уже вышло изъ обра-

щенія, будучи замѣщено бумажными деньгами на такую же сумму, прибавился еще новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Возобновляется прежній рядъ явленій: поднимаются цѣны, между прочимъ цѣны золотыхъ и серебряныхъ вещей и по прежнему является выгода доставать звонкую монету для переплавки въ слитки. Звонкой монеты уже нѣтъ въ обращеніи; но если бумажныя деньги подлежатъ размѣну на нее, можно еще, въ обмѣнъ за билеты, получать ее отъ учрежденія выпускающаго билеты. Потому всѣ прибавившіеся билеты, которые вталкивались въ обращеніе по совершенномъ замѣщеніи золота и серебра бумагою, возвратятся къ выпустившему ихъ учрежденію для размѣна на звонкую монету, и если бумага размѣнивается на металлы, нельзя будетъ удержать въ обращеніи такого количества бумаги, при которомъ цѣнность ея упала ниже металла, представляемаго ею. Но не то бываетъ съ неразмѣнною бумагою. Возрастанію количества ея нѣтъ остановки, если она допущена закономъ. Она можетъ безгранично размножаться новыми выпусками, понижающими ея цѣность и соразмѣрно съ тѣмъ поднимающими цѣны, иначе сказать, безгранично роняющими ее.

Власть эта, кому бы ни принадлежала, составляетъ невыносимое зло. Всѣ перемѣны въ цѣнности орудія обмѣна вредны: онѣ нарушаютъ существующіе договоры и соображенія и при опасеніи такихъ перемѣнъ становятся совершенно невѣрны денежныя обязательства на долгій срокъ. Лицо, покупающее себѣ или дающее другому пожизненный доходъ въ 100 фунтовъ, не знаетъ, чему будетъ равняться эта сумма черезъ нѣсколько лѣтъ, — 200 фунтамъ или 50 фунтамъ на нынѣшнія деньги. Велико было бы это зло, если бы зависѣло лишь отъ случая; но еще больше оно, если становится въ зависимость отъ воли одного лица или общества лицъ, у котораго могутъ быть выгоды всевозможнаго рода и всевозможной силы въ томъ, чтобы искусственно измѣнять цѣнности, и у котораго во всякомъ случаѣ есть сильная выгода выпускать какъ можно больше бумаги, потому что каждый выпускъ самъ по себѣ выгоденъ для него. Не говоримъ уже о томъ, что это лицо или общество можетъ (и если бумага выпускается правительствомъ, то всегда имѣетъ) прямую выгоду понижать цѣнность денегъ, потому что на деньги считаютъ его собственные долги.

2. Чтобы цѣнность денегъ была безопасна отъ преднамѣренныхъ измѣненій и какъ можно меньше подвергалась случайнымъ колебаніямъ, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ сдѣланы нормою денежной цѣнности, товары, менѣе всѣхъ извѣстныхъ товаровъ

подверженные колебанію цѣнности, благородные металлы, этимъ самымъ слѣдуетъ существовать бумажнымъ деньгамъ, цѣнность которыхъ не сообразовалась бы съ цѣнностью этихъ металловъ. Это основное правило никогда не забывалось вполнѣ, — не забывалось вполнѣ даже и правительствами, наиболѣе злоупотреблявшими властью создавать неразмѣнныя бумажныя деньги. Вообще они объявляли, что намѣрены когда-нибудь въ будущемъ начать уплаты звонкою монетою за бумажныя деньги; а если и не говорили этого, то уже тѣмъ самымъ, что всегда давали своимъ бумажнымъ деньгамъ имена металлическихъ монетъ, они уже дѣлали подразумѣваемое (вообще впрочемъ фальшивое) обѣщаніе держать ихъ въ цѣнности равной съ золотыми и серебряными монетами. Держать въ такой цѣнности даже и неразмѣнныя бумажныя деньги—дѣло не невозможное. Правда, при неразмѣнности нѣтъ той самодѣйствующей остановки размноженію бумажныхъ денегъ, какая дается размѣнностью, но все-таки есть ясный, несомнѣнный признакъ, по которому видно бываетъ, упала ли цѣнность бумажныхъ денегъ, и на сколько именно упала. Этотъ признакъ — цѣна золота и серебра. Когда уже не остается звонкой монеты въ обращеніи, и нельзя доставать ее на переплавку въ слитки, цѣна золота и серебра поднимается и падаетъ подобно цѣнѣ другихъ предметовъ. Если она выше цѣны, установленной для чеканки денегъ, если унція золота, изъ которой вычеканивалось бы 3 фунта 17 шиллинговъ $10^1/_2$ пенсовъ, продается за 4 или 5 фунтовъ бумажныхъ денегъ, это значитъ, что въ такой пропорціи цѣнность ихъ упала ниже цѣнности, какую имѣла бы звонкая монета. Поэтому бумажныя неразмѣнныя деньги не будутъ имѣть ни одного изъ неудобствъ, обыкновенно считаемыхъ принадлежащими самой натурѣ ихъ, если выпускъ такихъ денегъ подчиненъ строгимъ правиламъ, изъ которыхъ однимъ будетъ, что когда цѣна слитковъ поднимается выше монетной цѣны металла, количество выпущенныхъ бумажныхъ денегъ должно быть уменьшаемо до того, пока рыночная цѣна слитковъ и монетная цѣна опять сравняются. Но при такой системѣ неразмѣнность бумажныхъ денегъ и не имѣла бы столько выгоды, чтобы принять ее. Неразмѣнныя бумажныя деньги, выпуски которыхъ опредѣляются цѣною слитковъ, совершенно сходились бы во всемъ съ бумажными деньгами, подлежащими размѣну, и выгода отъ неразмѣнности ихъ была бы та, что при ней не было бы надобности держать никакого резервнаго фонда изъ золота и серебра; этотъ разсчетъ не очень важенъ, особенно потому, что пока

*

добросовѣстность правительства не заподозрѣна, ему не нужно держать такого большаго резервнаго фонда, какъ частнымъ банкирамъ, по невозможности столь большихъ и внезапныхъ востребованій: серьезныхъ сомнѣній въ его состоятельности никогда быть не можетъ. Эта не важная выгода перевѣшивается во первыхъ возможностью обманчивыхъ спекуляцій надъ цѣною слитковъ съ цѣлью дѣйствовать на цѣну денегъ, въ родѣ того какъ среднія цѣны хлѣба колеблются фиктивнымн его продажами, на которыя такъ много и справедливо жаловались въ Англіи при существованіи хлѣбныхъ законовъ. Но еще сильнѣе тотъ разсчетъ, что выгодно держаться простаго правила самому необразованному уму. Каждому понятно, что такое бумажныя деньги, размѣниваемыя на звонкую монету; каждый видитъ, что вещь, которую всегда тотчасъ же можно обмѣнять на 5 фунтовъ, стоитъ 5 фунтовъ. Регулированіе бумажныхъ денегъ цѣною слитковъ — понятіе болѣе сложное и лишенное выгодной связи съ обычными представленіями. Масса публики далеко не имѣла бы къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ такого довѣрія, какъ при размѣнѣ бумажныхъ денегъ на звонкую монету; да и образованнѣйшій человѣкъ справедливо могъ бы сомнѣваться, будетъ ли неуклонно соблюдаемо правило объ ограниченіи количества бумажныхъ денегъ. Основанія этого правила не вполнѣ понятны для публики, потому общественное мнѣніе вѣроятно не стало бы совершенно строго вынуждать къ его соблюденію, а въ затруднительныхъ обстоятельствахъ обратилось бы противъ него; а для самого правительства остановить размѣнъ на звонкую монету представляется мѣрою, гораздо болѣе крутою и крайнею, чѣмъ представлялось бы отступленіе отъ правила, могущаго казаться нѣсколько искусственнымъ. Итакъ очень сильны причины предпочитать размѣнъ на звонкую монету неразмѣнности бумажныхъ денегъ, хотя бы она регулировалась наилучшимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ финансовыхъ случаяхъ соблазнъ къ выпуску лишняго количества бумажныхъ денегъ такъ силенъ, что нельзя допускать ничего, могущаго хотя сколько бы то ни было вести къ ослабленію преградъ, удерживающихъ отъ этого излишества.

3. Нѣтъ въ политической экономіи ни одного вывода, основаннаго на такихъ очевидныхъ причинахъ, какъ вредность бумажныхъ денегъ, не удерживаемыхъ въ одной цѣнности съ звонкою монетою или своею размѣнностью или какимъ нибудь равносильнымъ ей принципомъ ограниченія; потому этотъ выводъ хотя и не безъ долголѣтнихъ споровъ, довольно порядочно вколоченъ на-

конецъ въ общественное сознаніе; но до сихъ поръ еще много-численны люди, отвергающіе его и безпрестанно появляются проэктеры съ планами объ исцѣленіи всѣхъ экономическихъ бѣдствій общества посредствомъ неограниченнаго выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Правда и то, что есть въ этой мысли большая очаровательность. Возможность уплатить государственный долгъ, покрывать правительственные расходы безъ налоговъ и ни больше, ни меньше какъ обогатить каждаго человѣка въ обществѣ—это программа блестящая, если только способенъ человѣкъ думать, что можно исполнить ее печатаніемъ нѣсколькихъ словъ и цифръ на лоскутахъ бумаги. Развѣ отъ философскаго камня можно еще ждать такой же пользы.

Какъ ни много разъ были убиваемы эти проэкты, они постоянно возрождаются, потому не лишнимъ дѣломъ будетъ разсмотрѣть два-три обольщенія, которыми обманываютъ самихъ себя изобрѣтатели ихъ. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обольщеній тутъ,—мысль, будто бы излишка въ выпускѣ бумажныхъ денегъ не можетъ быть, пока каждая выпущенная бумажка представляетъ собою имущество или имѣетъ себѣ основаніе въ дѣйствительно существующемъ имуществѣ. Съ этими словами «представлять собою» и «основываться» рѣдко соединяется ясное или точное опредѣленное понятіе, а если бываетъ оно въ нихъ, то смыслъ ихъ бываетъ лишь тотъ, что лица, выпускающія бумагу, должны имѣть имущество, свое собственное или ввѣренное имъ, на полную цѣнность всѣхъ выпускаемыхъ бумажекъ; но къ чему это нужно, хорошенько разобрать нельзя, потому что не легко разгадать, какимъ манеромъ простое существованіе имущества можетъ служить поддержкою цѣнности бумажекъ, если этого имущества нельзя требовать въ обмѣнъ за нихъ. Предположу однакоже, что оно назначено служить для имѣющихъ бумажки гарантіею того, что они были бы наконецъ вознаграждены, въ случаѣ, еслибы какое нибудь несчастное событіе заставило бросить всю эту систему. По этой теоріи составлено много плановъ «перечеканить всю землю страны въ деньги» и т. п.

На сколько эта мысль имѣетъ хоть какую нибудь связь съ разсудкомъ, она возникаетъ изъ смѣшенія двухъ совершенно разныхъ дурныхъ сторонъ, какія бываютъ въ бумажныхъ деньгахъ. Первая сторона—несостоятельность лицъ, выпустившихъ бумажки; если бумажки основаны на ихъ кредитѣ, на обѣщаніи уплаты звонкою монетою по первому востребованію или въ извѣстный

срокъ, эта несостоятельность конечно лишаетъ бумажки всей цѣнности, какую даетъ имъ это обѣщаніе размѣна. Бумажныя деньги могутъ подвергаться этой бѣдѣ, въ какомъ бы умѣренномъ количествѣ ни были выпущены; и противъ нея дѣйствительно успѣшною предосторожностью было бы условіе, что всякій выпускъ долженъ «основываться на собственности», напримѣръ, что билеты должны выпускаться лишь съ залогомъ подъ нихъ какого нибудь цѣннаго предмета, прямо назначеннаго на ихъ выкупъ. Но теорія эта не принимаетъ въ разсчетъ другой бѣды, какой могутъ подвергаться билеты самой состоятельной фирмы компаніи или правительства: они могутъ упасть въ цѣнѣ оттого, что выпущены въ чрезмѣрномъ количествѣ. Ассигнаты во время французской революціи были примѣромъ денегъ, основанныхъ на этихъ принципахъ. Они «представляли» собою громадную массу чрезвычайно цѣннаго имущества, именно коронныя, церковныя, монастырскія земли и земли эмигрантовъ. Все это вмѣстѣ составляло, быть можетъ, около половины французской территоріи. Ассигнаты были закладными записями на эту массу земли или квитанціями на полученіе земель. Революціонное правительство вздумало «перечеканить» эти земли въ деньги, но, къ чести его должно сказать, первоначально не думало о безмѣрномъ размноженіи этихъ билетовъ, къ которому было принуждено силою событій при исчезновеніи всѣхъ другихъ финансовыхъ средствъ. Оно думало, что ассигнаты станутъ быстро возвращаться въ руки правительства въ обмѣнъ за землю, и что ему можно будетъ постоянно выпускать ихъ вновь, пока всѣ земли распродадутся, и постоянно будетъ въ обращеніи очень умѣренное количество ихъ. Оно обманулось въ этой надеждѣ: земля не продавалась такъ быстро, какъ оно ожидало; покупщики не были расположены обращать свои деньги въ имущества, которыя вѣроятно были бы взяты назадъ безъ вознагражденія, если революція была бы подавлена. Лоскуты бумаги, представлявшіе собою землю, чрезвычайно размножившись, точно также не могли сохранить своей цѣнности, какъ не сохранила бы ее и сама земля, если бы вся вдругъ явилась на рынокъ; результатъ былъ тотъ, что наконецъ за чашку кофе требовалось платить ассигнатъ въ 500 франковъ.

Говорятъ, что примѣръ ассигнатовъ не убѣдителенъ, потому что ассигнатъ представлялъ собою только землю вообще, а не какое нибудь опредѣленное количество земли. Утверждаютъ, что вѣрнымъ средствомъ предотвратить упадокъ ихъ цѣны было бы сдѣлать оцѣнку всего конфискованнаго имущества по цѣнности его

на звонкую монету, и выпускать ассигаты до этой суммы, но не выше ея, давая владѣльцамъ ассигнатовъ право брать какой угодно кусокъ земли по ея кадастровой оцѣнкѣ, въ обмѣнъ за такую же сумму ассигнатовъ. Не можетъ быть спора о томъ, что такой планъ лучше системы, которой тогда слѣдовали. Если бы приняли этотъ методъ, ассигнаты никакъ не могли бы упасть до нелѣпой цѣны, до какой упали: они сохраняли бы всю свою покупательную силу относительно земли, какъ бы сильно ни упали относительно другихъ предметовъ, потому вѣроятно были бы они предъявляемы на обмѣнъ за землю, чѣмъ потеряли бы много изъ своей рыночной цѣнности. Но должно не забывать, что если бы они не теряли цѣнности, это значило бы, что количество ихъ, продолжающее находиться въ обращеніи не больше того, какое находилось бы въ обращеніи и при размѣнѣ ихъ на звонкую монету. Итакъ если въ революціонное время и были очень полезны эти деньги, размѣниваемыя на землю по первому востребованію, какъ способъ быстро продать большое количество земли съ наименьшею по возможности потерею; то трудно сказать, какую выгоду для страны, сравнительно съ бумажными деньгами, размѣниваемыми на звонкую монету, имѣла бы эта система какъ постоянное учрежденіе; а каковы были бы ея невыгоды, вовсе не трудно сказать: цѣнность земли гораздо измѣнчивѣе цѣнности золота и серебра; сверхъ того для большинства владѣніе землею пріятно лишь при возможности обратить ее въ деньги, а безъ того было бы скорѣе обременительно, чѣмъ пріятно; изъ этого слѣдуетъ, что нуженъ гораздо большій упадокъ въ цѣнности денегъ, чтобы люди стали обмѣнивать ихъ на землю, чѣмъ какой достаточенъ для побужденія обмѣнивать ихъ на золото и серебро *).

4. Другое обольщеніе, на которомъ опираются приверженцы

---

*) Вотъ одинъ изъ тѣхъ плановъ относительно денежной системы, которые, странно сказать, оказываются имѣющими за себя писателей замѣчательнаго ума. Государство должно принимать въ залогъ всякую собственность безъ ограниченія суммы, напримѣръ, землю, скотъ и т. д., и выдавать собственникамъ неразмѣнныя бумажныя деньги по сдѣланной оцѣнкѣ. Такія деньги не имѣли бы даже и тѣхъ достоинствъ какъ воображаемые ассигнаты, о которыхъ говоритъ наша гипотеза: лица, которымъ заплатили бы этими билетами люди, получившіе ихъ, не могли бы возвращать ихъ правительству и требовать въ обмѣнъ за нихъ землю или скотъ, потому что эти вещи только заложены, а не отчуждены. Такіе ассигнаты не возвращались бы въ руки правительства и упадокъ ихъ цѣны не имѣетъ границы.

неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ,—мысль, будто бы отъ увеличенія количества денегъ оживляется промышленность. Эту мысль рекомендовалъ Юмъ въ своемъ трактатѣ о деньгахъ, и съ той поры она имѣла много преданныхъ приверженцевъ; напримѣръ писателей, называющихся бирмингемскою школою (Birmingham currency school), замѣчательнѣйшимъ представителемъ которой былъ нѣкогда Аттвудъ. Онъ утверждалъ, что возвышеніе цѣнъ производимое увеличеніемъ количества бумажныхъ денегъ возбуждаетъ каждаго производителя къ самой усиленной энергіи и вводитъ въ полное занятіе весь капиталъ и трудъ страны; что это всегда бывало во всѣ періоды возвышенія цѣнъ, когда возвышеніе происходило въ достаточно большомъ размѣрѣ. Но я полагаю, что побужденіемъ, поощрявшимъ, по словамъ Аттвуда, къ этому необыкновенному усердію всѣхъ людей, занятыхъ производствомъ, было ожиданіе получить въ обмѣнъ за продуктъ своего труда вообще большее количество всякихъ вообще товаровъ, получить больше реальнаго богатства, а не просто только получить больше лоскутковъ бумаги. А самая терминологія гипотезы показываетъ, что въ этомъ ожиданіи люди обманывались; потому что при гипотезѣ равнаго возвышенія всѣхъ цѣнъ въ сущности никто не получилъ за свои товары больше прежняго. Писатели, соглашающіеся съ Аттвудомъ, могли бы склонить людей къ этой чрезвычайной дѣятельности лишь продолженіемъ того, что на самомъ дѣлѣ оказывалось бы обольщеніемъ, только такимъ устройствомъ дѣлъ, чтобы постоянно возрастали денежныя цѣны и каждому производителю постоянно казалось будто бы онъ вотъ уже и получаетъ вознагражденіе больше прежняго, чего на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не получаетъ. Довольно будетъ, не приводя другихъ возраженій противъ этого плана, указать только на его совершенную неосуществимость. Онъ разсчитываетъ на то, что всѣ вѣчно будутъ держаться мнѣнія, будто бы отъ увеличенія въ числѣ лоскутовъ бумаги они богатѣютъ и никогда не замѣтятъ, что на всю свою бумагу не могутъ они купить никакого предмета больше чѣмъ покупали прежде. Такого заблужденія не бывало въ людяхъ ни въ одномъ изъ тѣхъ періодовъ возвышенія цѣнъ, опыту которыхъ придаетъ такъ много важности бирмингемская школа. Въ тѣ періоды, которые Аттвудъ ошибочно считалъ временами благоденствія и которые были просто временами спекуляціи (какъ непремѣнно должны быть и всѣ періоды возвышенія цѣнъ при размѣнивающихся бумажныхъ деньгахъ), — въ эти періоды спекулянты думали, будто бы они обогащаются не

потому, что высокія цѣны удержатся, а потому, что онѣ не удержатся, и что каждый, успѣвшій реализировать во время дороговизны, найдетъ себя послѣ упадка цѣнъ имѣющимъ большее прежняго количество фунтовъ стерлинговъ, которые станутъ имѣть не меньше цѣнности, чѣмъ прежде. Если бы въ концѣ спекуляціи сдѣланъ былъ выпускъ бумажныхъ денегъ въ такомъ размѣрѣ, что бы удержались цѣны на крайней высотѣ, какой достигли, никто не былъ бы огорченъ такъ сильно, какъ спекулянты, потому что исчезъ бы въ ихъ рукахъ барышъ, который, какъ имъ казалось, пріобрѣли они своевременнымъ реализированіемъ (на счетъ своихъ сотоварищей, покупавшихъ когда они продавали и ставившихся въ необходимость продавать по упадкѣ цѣнъ) и вмѣсто этого барыша не пріобрѣли бы они ничего кромѣ того, что приходится имъ пересчитывать нѣсколько больше лоскутковъ бумаги, чѣмъ прежде.

У Юма эта теорія имѣла нѣсколько иной видъ, чѣмъ у Аттвуда. Онъ думалъ, что не всѣ товары поднимутся въ цѣнѣ одновременно и что потому нѣкоторые люди получатъ за свои проданные товары денегъ больше прежняго, между тѣмъ какъ еще не всѣ тѣ предметы, которые желаютъ они купить, поднялись въ цѣнѣ. И кажется онъ думалъ такъ, что достанется этотъ выигрышъ непремѣнно тѣмъ, кто покончитъ дѣло раньше другихъ. Но очевидно, что на каждаго получающаго такимъ образомъ больше обыкновеннаго непремѣнно долженъ приходиться кто нибудь другой, получающій меньше обыкновеннаго. Если бы дѣла шли по гипотезѣ Юма, теряющимъ лицомъ былъ бы продавецъ товаровъ поднимающихся въ цѣнѣ медленнѣе другихъ: онъ по этой гипотезѣ отдаетъ свои товары за прежнія цѣны покупщикамъ, уже воспользовавшимся новыми цѣнами; онъ получилъ за свой товаръ лишь прежнее количество денегъ, между тѣмъ какъ ужъ есть вещи, которыхъ нельзя купить въ прежнемъ количествѣ за эти деньги. Потому если онъ знаетъ ходъ дѣлъ, онъ возвыситъ свою цѣну и тогда покупщикъ не получитъ барыша, которымъ по гипотезѣ Юма возбуждается его дѣятельность. Если же, напротивъ, продавецъ не знаетъ положенія дѣлъ и догадается о немъ лишь когда найдетъ при расходованіи своихъ денегъ, что не достаетъ ихъ на прежнія покупки,—если будетъ такъ, то онъ получаетъ за свой трудъ и капиталъ вознагражденіе меньше обыкновеннаго и если дѣятельность другаго торговца поощряется, то надобно думать, что по противоположности его обстоятельствъ, его дѣятельность ослабляется.

5. Общее и прочное возвышеніе цѣнъ или, иными словами, упадокъ цѣнности денегъ, не можетъ никому послужить въ выгоду иначе какъ съ убыткомъ кому нибудь другому. Замѣненіе звонкой монеты бумажными деньгами—выигрышъ для націи; всякое увеличеніе количества бумажныхъ денегъ сверхъ этой границы—только особенный видъ грабительства.

Выпускъ билетовъ—явный выигрышъ для выпускающихъ лицъ, которыя пользуются билетами какъ будто билеты эти дѣйствительный капиталъ, пока не возвращаются къ нимъ на уплату сами билеты; и пока билеты не увеличиваютъ постояннаго количества денегъ, а лишь замѣняютъ равную ихъ суммѣ сумму золота или серебра, выигрышъ лица выпускающаго билеты не служитъ убыткомъ никому: онъ получается черезъ то, что общество избавляется отъ издержекъ на матеріалъ, который обходится обществу дороже. Но если уже не остается золота или серебра на замѣну билетами,—если билетами увеличивается количество денегъ, а не просто замѣняется металлическая часть денегъ, то люди, въ рукахъ которыхъ находятся деньги, теряютъ черезъ упадокъ ихъ цѣнности ровно столько же, сколько выигрываетъ выпускающій билеты. Въ сущности дѣла съ нихъ берется налогъ въ его пользу. Могутъ возразить, что выигрываютъ также производители и торговцы, которые получаютъ ссуды благодаря вновь выпущеннымъ билетамъ. Но ихъ выигрышъ не прибавка къ выигрышу, получаемому выпускающимъ билеты лицомъ на счетъ всѣхъ у кого въ рукахъ были деньги, а составляетъ лишь часть этого выигрыша. Лицо, выпускающее билеты, не оставляетъ у себя, а дѣлитъ съ своими кліентами налогъ, собираемый съ публики.

Но кромѣ выгоды, пріобрѣтаемой въ убытокъ всему обществу лицами, выпускающими билеты и черезъ этихъ лицъ другими, получается тутъ еще другой несправедливый выигрышъ классомъ людей, болѣе многочисленнымъ, именно людьми обязанными къ уплатѣ опредѣленнаго количества денегъ. Упадокъ денегъ освобождаетъ всѣхъ этихъ людей отъ извѣстной части вѣса, какой имѣли ихъ долги или другія обязательства; иными словами, имъ задаромъ передается часть собственности ихъ кредиторовъ. На поверхностный взглядъ можетъ представиться это выгодою для промышленности, потому что главные заемщики — производительные классы, и долги ихъ непроизводительнымъ классамъ (включая тутъ всѣхъ лицъ, не занимающихся промышленными операціями) обыкновенно бываютъ больше долговъ, какіе имѣютъ они на непроизводитель-

ныхъ классахъ, въ особенности когда включимъ въ счетъ долговъ государственный долгъ. Вотъ единственный способъ, по которому общее возвышеніе цѣнъ можетъ служить источникомъ выгоды для производителей и торговцевъ: оно приноситъ имъ выгоду уменьшеніемъ вѣса опредѣленныхъ денежныхъ суммъ, какія должны платить они. Это можно было бы почесть пользою, еслибы честность и добросовѣстность не были вещами важными для всѣхъ житейскихъ дѣлъ, а въ особенности для промышленности и торговли. Впрочемъ мало находится людей, говорящихъ, что цѣнность денегъ слѣдуетъ ронять просто потому, что хорошо отнимать у кредиторовъ націи и у кредиторовъ частныхъ лицъ часть суммы, какая была занята у нихъ. Проэкты, имѣвшіе эту цѣль, почти всѣ представлялись съ какимъ нибудь оправданіемъ особенными обстоятельствами, напримѣръ необходимостью уравнять прежнюю несправедливость, сдѣланную въ противоположномъ смыслѣ.

6. Напримѣръ въ Англіи съ 1819 г. до сихъ поръ существуетъ упорное мнѣніе такого рода: значительная часть національнаго долга и множество существующихъ нынѣ частныхъ долговъ, были сдѣланы между 1797 и 1819 гг., когда англійскій банкъ былъ освобожденъ отъ обязанности размѣна своихъ билетовъ на звонкую монету; потому говорятъ, что относительно заемщиковъ (т. е. по вопросу о государственномъ долгѣ относительно всѣхъ платящихъ налоги) было бы весьма несправедливо заставлять ихъ платить проценты на всю номинальную сумму деньгами имѣющими полную цѣнность, между тѣмъ какъ заемъ былъ сдѣланъ деньгами, упавшими въ цѣнности. Среднюю величину этого упадка цѣнности денегъ одни писатели полагаютъ въ 30%, другіе въ 50, нѣкоторые даже больше, чѣмъ въ 50%. Выводъ дѣлается тотъ, что мы должны или возвратиться къ этимъ деньгамъ низкой цѣнности или вычеркнуть изъ государственнаго долга и изъ старинныхъ частныхъ долговъ долю, соразмѣрную предполагаемой величинѣ тогдашняго упадка денегъ.

Противъ этого мнѣнія обыкновенно дѣлаютъ слѣдующій отвѣтъ: положимъ, что возстановленіе размѣна билетовъ на звонкую монету безъ уменьшенія цѣнности звонкой монеты было несправедливостью къ должникамъ, которые остались обязаны заплатить прежнее количество фунтовъ деньгами возвысившимися въ цѣнности, когда заняли ихъ по пониженной цѣнности; но теперь уже поздно поправлять эту несправедливость. Нынѣшніе должники и кредиторы не тѣ лица, которыя были должниками и кредиторами въ 1819 г.: долгій рядъ годовъ совершенно измѣнилъ денежныя отношенія

между членами общества, и невозможно теперь разобрать, какія именно лица получили выгоду или потерю тогда; слѣдовательно сдѣлать теперь обратный шагъ значило бы не поправить ошибку, а прибавить вторую несправедливость относительно очень многихъ лицъ къ несправедливости, сдѣланной прежде. Съ практической стороны этимъ отвѣтомъ вопросъ рѣшается безспорно; но честный выводъ дѣлается тутъ изъ основанія слишкомъ узкаго и слишкомъ мелкаго. Тутъ дѣлается та уступка, что въ самомъ дѣлѣ была несправедлива мѣра 1819 г. или такъ называемый билль Роберта Пиля, по которому размѣнъ банковыхъ билетовъ былъ возобновленъ по первоначальной стоимости 3 фунта, 17 шиллинговъ, $10^1/_2$ пенсовъ въ унціи золота. Это мнѣніе совершенно фальшивое. Парламентъ не могъ принять никакого другаго рѣшенія; онъ безусловно обязанъ былъ принять общепризнанную цѣнность; это доказывается тремя доводами, изъ которыхъ два принадлежатъ фактическому положенію дѣлъ, а третій вытекаетъ изъ теоретическаго принципа.

Первый фактическій доводъ—то, что не правда, будто бы частные и государственные займы, сдѣланные во время неразмѣнности банковыхъ билетовъ, были заключены на деньги меньшей цѣнности, чѣмъ деньги, какими платятся нынѣ проценты по нимъ. Правда, что временная отмѣна обязанности уплатъ звонкою монетою дала банку власть понижать цѣнность денегъ. Правда и то, что банкъ дѣйствительно воспользовался этою властью, хотя въ размѣрѣ гораздо меньшемъ, чѣмъ говорятъ иные писатели: разница между рыночною цѣною золота и оцѣнкою его въ звонкой монетѣ была ничтожна въ теченіе большей половины періода неразмѣнности; да и во время крайней своей величины, въ послѣднія 5 лѣтъ войны, она была лишь немногимъ больше 30%. Упадокъ цѣнности банковыхъ билетовъ равнялся этой разницѣ: цѣнность ихъ была соразмѣрно ей ниже величины, какая формально приписывалась имъ. Но при тогдашнемъ положеніи Европы было поглощено чрезвычайное количество золота и серебра расположеніемъ частныхъ людей прятать звонкую монету и военными кассами огромныхъ армій, опустошавшихъ тогда континентъ, такъ что цѣнность самого золота и серебра была тогда значительно выше обыкновенной. Лучшіе авторитеты, изъ которыхъ довольно назвать Тука, убѣдились подробнымъ изслѣдованіемъ, что разница между банковыми билетами и золотомъ была тогда не больше возвышенія цѣнности самого золота и что банковые билеты,

хотя и стояли ниже тогдашней цѣнности золота, не падали ниже обыкновенной цѣнности принадлежащей въ другія времена золоту или размѣнивающимся на него билетамъ. Если это справедливо (а это доказано неоспоримыми фактами въ «History of Prices» Тука), то ниспровергается основаніе всѣхъ выводимыхъ изъ упадка цѣнности банковыхъ билетовъ разсужденій противъ владѣльцевъ облигацій государственнаго долга и противъ другихъ кредиторовъ.

Но во-вторыхъ, еслибъ цѣнность билетовъ въ каждомъ періодѣ ихъ неразмѣнности и дѣйствительно понижалась въ той же самой степени, въ какой падали они сравнительно съ золотомъ, мы должны не забывать, что только часть національнаго долга (и другихъ невыкупленныхъ долговъ) была сдѣлана во время неразмѣнности билетовъ. Значительная часть была сдѣлана до 1797 года; еще больше въ первые годы неразмѣнности, когда разница между билетами и золотомъ была еще не велика. Владѣльцамъ первой части долга была сдѣлана несправедливость тѣмъ, что 22 года платили имъ проценты деньгами, упавшими въ цѣнѣ; владѣльцы второй части подвергались несправедливости въ тѣ годы, когда проценты платились имъ деньгами низшей цѣнности противъ денегъ, которыми была дана ссуда. Возобновить уплаты звонкою монетою съ пониженіемъ ея цѣнности значило бы навсегда оставить въ обидѣ эти два разряда кредиторовъ, чтобы не давать лишней выгоды третьему разряду ихъ,— кредиторамъ, давшимъ деньги въ немногіе годы крайняго упадка цѣнности билетовъ. Возстановивъ уплату звонкою монетою прежней цѣнности, дали однимъ лицамъ меньше, а другимъ больше, чѣмъ слѣдовало. Мегетъ принималъ на себя трудъ сдѣлать ариѳметическое сравненіе двухъ этихъ суммъ. Онъ удостовѣрился вычисленіемъ, что если бы въ 1819 г. было сосчитано, сколько выиграли и сколько потеряли владѣльцы облигацій государственнаго долга отъ колебанія цѣнности банковыхъ билетовъ, то въ общемъ результатѣ оказались бы проигравшими; такъ что если изъ упадка цѣнности билетовъ возникало право на вознагражденіе, то вознагражденіе должно было дать государство владѣльцамъ облигацій, а не взять его съ нихъ.

Таково фактическое положеніе дѣлъ. Но доводъ, вытекающій изъ принципа, еще сильнѣе этихъ доводовъ, основанныхъ на фактическомъ положеніи. Предположимъ, что не одна только часть долга, а весь долгъ заключенъ былъ на билеты упавшіе въ цѣнности и упавшіе въ ней не только по сравненію съ звонкою монетою, но и съ собственною своею цѣнностію въ прежнее и въ

послѣдующее время; и что теперь по этому долгу мы платимъ проценты билетами на 50 или хотя на 100%, превосходящими въ цѣнности билеты, на какіе былъ сдѣланъ долгъ. Измѣнится ли отъ этого обязанность платить такіе проценты, если въ условія основной сдѣлки входило то, чтобы платились такіе проценты? А условіе было таково, и даже выше этого. Сдѣлка давала кредиторамъ условія лучше тѣхъ, какими они дѣйствительно воспользовались теперь. Во все время неразмѣнности банковыхъ билетовъ парламентъ давалъ обѣщаніе, что размѣнъ на звонкую монету возобновится по прежней цѣнности не дальше какъ черезъ полгода по заключеніи всеобщаго мира, — этимъ обѣщаніемъ законодательная власть связала себя какъ только можетъ связывать себя законодательная власть. Оно было поэтому существеннымъ условіемъ во всѣхъ займахъ; и отъ него дѣлались благопріятнѣе для государства остальныя условія займовъ. Безъ такого обѣщанія правительство могло бы занимать деньги лишь на условія ъ, на какихъ даются ссуды индійскимъ раджамъ. Еслибы подразумѣвалось и говорилось, что, по заключеніи займа, цѣнность денегъ, на которыя считался онъ, будетъ навсегда понижена до такой степени, до какой разсудитъ понизить ее «собирательная мудрость» законодательной власти должниковъ,—еслибъ было такъ, то какая величина процентовъ послужила бы для разсудительныхъ людей достаточнымъ привлеченіемъ къ такому риску своими деньгами? Сколько ни выиграли государственные кредиторы отъ возобновленія размѣна, по самымъ условіямъ договора, они давали слишкомъ довольно за этотъ выигрышъ. Они дали больше, чѣмъ получили, потому что размѣнъ былъ возобновленъ не черезъ 6 мѣсяцевъ, а черезъ 6 лѣтъ по заключеніи мира. Такимъ образомъ, если отбросимъ всѣ прежніе доводы, кромѣ этого послѣдняго, если и не станемъ спорить съ противниками о фактахъ, все-таки увидимъ, что кредиторы государства не получили чрезмѣрную выгоду, а были обижены и могли бы требовать вознагражденія, еслибы подобныя требованія не были отстраняемы невозможностью разобрать, кто долженъ получить вознагражденіе, и спасительнымъ общимъ основаніемъ законодательства и политики: «для государственной пользы тяжбы должны имѣть конецъ, quod interest reipublicae ut sit finis litium».

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ГЛАВА XIV.

ИЗЛИШЕКЪ СНАБЖЕНІЯ.

1. Изложивъ въ предъидущихъ главахъ элементарную теорію денегъ, мы возвратимся къ тому вопросу общей теоріи цѣнности, котораго нельзя было удовлетворительно анализировать, не разъяснивъ сущности и роли денегъ, потому что ошибки, съ которыми намъ придется спорить, возникаютъ главнымъ образомъ изъ невѣрнаго представленія о роли денегъ.

Мы видѣли, что цѣнность каждаго предмета тяготѣетъ къ извѣстной средней точкѣ, которая названа естественною цѣнностью,—къ величинѣ, при которой предметы обмѣниваются между собою пропорціонально стоимости своего производства. Мы видѣли также, что дѣйствительная или рыночная цѣнность совпадаетъ или почти совпадаетъ съ естественною лишь по среднему выводу за нѣсколько лѣтъ, и постоянно поднимается выше или падаетъ ниже естественной цѣнности по перемѣнамъ въ запросѣ или случайнымъ колебаніямъ въ снабженіи; но что эти отклоненія выравниваются тенденціею снабженія приспособляться къ запросу, существующему на товаръ при его естественной цѣнности. Такимъ образомъ изъ уравновѣшиванія противоположныхъ уклоненій происходитъ общее стремленіе къ одному центру. Дороговизна или недостача, а съ другой стороны излишекъ снабженія или завалъ рынка—явленія, случающіяся со всѣми товарами. При недостачѣ, пока тянется она, товаръ даетъ производителямъ или продавцамъ необыкновенно высокій процентъ прибыли. При завалѣ рынка продавцы должны довольствоваться прибылью меньше обыкновенной, а въ крайнихъ случаяхъ подвергаются даже убытку, потому что снабженіе имѣетъ величину больше той, на какую существуетъ запросъ, при цѣнности, дающей обыкновенную прибыль.

Изъ того, что феномену излишка снабженія и возникающей изъ него невыгодѣ или потерѣ для производителей можетъ подвергаться рѣшительно всякій товаръ, многіе писатели, въ томъ числѣ и нѣкоторые знаменитые политико-экономы, заключали, что можетъ подвергаться ему вся сумма товаровъ, что можетъ случаться чрезмѣрность въ общемъ производствѣ богатства, что по всей сложности всѣхъ товаровъ снабженіе можетъ быть больше запроса, имѣя своимъ послѣдствіемъ стѣсненіе для всѣхъ разрядовъ производи-

телей. Противъ этого мнѣнія, главными проповѣдниками котораго были въ Англіи Мальтусъ и докторъ Чомерсъ, а на континентѣ Сисмонди, я уже спорилъ въ первой книгѣ (Т. I, стр. 86—89); но въ томъ періодѣ нашего изслѣдованія нельзя было сдѣлать полнаго разбора этой ошибки, происходящей, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ отъ ошибочнаго пониманія феноменовъ цѣнности и цѣны.

Самыя понятія, связываемыя этою теоріею, кажутся мнѣ, столь несообразными между собою, что я затрудняюсь найти для нея изложеніе, которое было бы и удовлетворительно для ея защитниковъ и съ тѣмъ вмѣстѣ ясно. Держащіеся ея писатели утверждаютъ, что можетъ случаться и иногда случается въ общей суммѣ продуктовъ излишекъ надъ запросомъ на продукты, что когда это случается, нельзя бываетъ найти покупщиковъ по цѣнамъ, оплачивающимъ съ прибылью стоимость производства; что изъ этого происходитъ тогда общая низкость цѣнъ или цѣнностей (онѣ вообще смѣшиваютъ два эти понятія), такъ что производители видятъ себя не богатѣющими, а бѣднѣющими соразмѣрно увеличенію своего производства; и поэтому докторъ Чомерсъ внушаетъ капиталистамъ, чтобъ они подчиняли себя нравственному воздержанію въ исканіи выгоды; а Сисмонди проклинаетъ машины и другія изобрѣтенія, увеличивающія производительную силу. Оба они утверждаютъ, что накопленіе капитала можетъ идти быстрѣе, чѣмъ требуютъ не одни только нравственные, но также и матеріальные интересы производящихъ и накопляющихъ лицъ; и оба они рекомендуютъ богатымъ предотвращать это зло большимъ непроизводительнымъ потребленіемъ.

2. Трудно хорошенько понять, который изъ двухъ элементовъ запроса разумѣютъ эти писатели, когда говорятъ объ излишкѣ снабженія товарами надъ запросомъ,—разумѣютъ ли они желаніе имѣть товары или средства покупать ихъ; то ли хотятъ сказать они, что при излишкѣ снабженія существуетъ для потребленія больше продуктовъ, чѣмъ сколько желаетъ потреблять общество, или только то, что продуктовъ больше чѣмъ сколько могутъ купить желающіе. Не зная какую изъ этихъ двухъ гипотезъ разумѣютъ Чомерсъ и Сисмонди, мы должны разсмотрѣть обѣ.

Сначала предположимъ, что количество произведенныхъ товаровъ не больше того, какое была бы рада потребить нація; возможно ли въ этомъ случаѣ, чтобы была недостаточность запроса на всѣ товары по недостатку средствъ уплаты? Люди, считающіе это воз-

можнымъ, не сообразили, въ чемъ собственно состоятъ средства уплаты за товары. Они состоятъ просто въ товарахъ. Средства каждаго къ уплатѣ за товары другихъ людей состоятъ въ тѣхъ товарахъ, которыми владѣетъ онъ самъ. Всѣ продавцы неизбѣжно и по самому смыслу слова—покупщики. Если бы могли мы вдругъ удвоить производительныя силы страны, мы удвоили бы снабженіе товарами на всѣхъ рынкахъ; но тѣмъ же самымъ удвоили бы мы покупательную силу. Каждый явился бы на рынокъ съ удвоеннымъ снабженіемъ, но и съ удвоеннымъ запросомъ; каждый могъ бы купить вдвое больше, потому что предлагалъ бы въ обмѣнъ вдвое больше прежняго. Конечно, по всей вѣроятности, въ нѣкоторыхъ товарахъ былъ бы излишекъ. Общество радо было бы удвоить общую сумму своего потребленія, но нѣкоторыхъ товаровъ оно можетъ быть уже имѣло и прежде столько, что больше ему не нужно; и оно, вмѣсто того, чтобы удвоить потребленіе ихъ захотѣло бы употреблять другихъ товаровъ больше, чѣмъ вдвое или обратить свою увеличившуюся покупательную силу на новые предметы. Въ этомъ случаѣ приспособилось бы къ тому снабженіе, и цѣнности предметовъ продолжали бы быть сообразны съ стоимостью производства. А во всякомъ случаѣ чистая нелѣпость говорить, что цѣнность всѣхъ предметовъ упадетъ и что поэтому всѣ производители будутъ получать вознагражденіе недостаточное. Если цѣнности остаются прежнія, то перемѣны цѣнъ не важны, потому что вознагражденіе производителей опредѣляется не тѣмъ, сколько денегъ, а тѣмъ, сколько потребляемыхъ вещей получаютъ они за свои товары. Притомъ же и деньги также товаръ; если мы предположимъ, что количество всѣхъ товаровъ удвоилось, значитъ мы предположимъ, что удвоилось также и количество денегъ; а въ такомъ случаѣ не упадутъ и цѣны, какъ не падаютъ цѣнности.

3. Мы видимъ, что общій излишекъ снабженія всѣми товарами надъ запросомъ — невозможность, если запросъ состоитъ въ средствахъ уплаты. Но, быть можетъ, предположатъ недостачу не въ средствахъ покупать, а въ желаніи имѣть; предположатъ, что общій продуктъ промышленности больше того, сколько желаетъ потреблять общество, или по крайней мѣрѣ, та часть общества, которая имѣетъ средства покупать. Дѣло очевидное, что рынкомъ для продукта служитъ продуктъ и что страна имѣетъ довольно богатства на покупку всего находящагося въ ней богатства; но у кого есть средства, у тѣхъ можетъ не быть надобности, а у кого есть надобность, у тѣхъ можетъ не быть средствъ. Потому часть произ-

веденныхъ товаровъ можетъ не найти себѣ рынка по недостатку средствъ у тѣхъ, которые желаютъ потреблять и по недостатку желанія у тѣхъ, которые имѣютъ средства.

Вотъ самая благовидная форма, какую можно придать мнѣнію, нами оспариваемому; въ ней оно уже не представляется, какъ въ прежней формѣ, логическою несообразностью. Въ дѣйствительности легко можетъ быть извѣстнаго товара больше, чѣмъ желаютъ имѣть люди, могущіе покупать, а въ теоріи возможно предположить это относительно всѣхъ товаровъ. Ошибка происходитъ отъ того, что не замѣчаютъ одного обстоятельства: лица, могущія покупать, предполагаются имѣющими все, какое хотятъ имѣть, количество всѣхъ потребляемыхъ товаровъ; это можно предположить; но тотъ фактъ, что они продолжаютъ производить свой товаръ, показываетъ, что они еще не имѣютъ такого количества товаровъ. Возьмемъ благопріятнѣйшую для опровергаемой нами теоріи гипотезу: предположимъ неразмножающееся общество, каждый членъ котораго имѣетъ столько предметовъ необходимости и всѣхъ извѣстныхъ предметовъ роскоши, сколько ему хочется имѣть. Нелѣпостью было бы думать, что лица, потребности которыхъ вполнѣ удовлетворены, станутъ трудиться и сберегать, чтобы получить вещи, которыхъ они не желаютъ. Предположимъ же, что прибылъ иностранецъ и что онъ производитъ прибавочное количество какого нибудь продукта, котораго и безъ того было довольно. Вотъ тутъ и будетъ, скажутъ намъ, излишекъ производства; правда, отвѣчаю я: излишекъ производства этого отдѣльнаго товара; обществу не нужно было увеличивать количество этого товара, но нужно было увеличить количество какого нибудь другаго товара. Прежнимъ жителямъ не нужно было ничего, я согласенъ; но не было ли чего нужно самому иностранцу? Производя излишній товаръ, развѣ онъ работалъ безъ какого нибудь побужденія? Онъ только произвелъ не то, что было нужно. Быть можетъ ему нужна была пища, а онъ производилъ часы, которыми всѣ были достаточно снабжены. Этотъ пріѣзжій принесъ въ страну съ собою запросъ на товары, равный всему, что могъ онъ произвести своимъ трудомъ и ему слѣдовало сообразить, чтобы внесенное имъ снабженіе соотвѣтствовало этому запросу. Если онъ не могъ произвести чего нибудь способнаго возбудить новую потребность или новое желаніе въ обществѣ, чтобы для удовлетворенія этого желанія кто нибудь произвелъ больше пищи и далъ ему ее въ обмѣнъ продукта, у него была другая возможность: онъ могъ произвести пищу для

себя, или распахавъ новую землю, если есть незанятая земля, или сдѣлавшись фермеромъ или товарищемъ или работникомъ какого нибудь прежняго хозяина, желающаго нѣсколько облегчиться отъ труда. Онъ произвелъ не нужную вещь вмѣсто нужной вещи; да можетъ быть и самъ онъ производитель не того рода, какой нуженъ; но излишка производства тутъ нѣтъ: производство не чрезмѣрно, а лишь дурно размѣщено. Мы уже видѣли, что каждый, кто приноситъ на рынокъ прибавку къ товарамъ, приноситъ прибавку къ покупательной силѣ; теперь мы видимъ, что онъ приноситъ также прибавку и къ желанію потреблять; потому что, не имѣя этого желанія, онъ не сталъ бы и утруждать себя производствомъ. Такимъ образомъ, когда есть прибавка къ снабженію, то не можетъ быть недостачи ни въ томъ, ни въ другомъ изъ двухъ элементовъ запроса; хотя очень можетъ быть, что запросъ существуетъ на одинъ предметъ, а снабженіе состоитъ по несчастію изъ другаго.

Сбитый со всѣхъ пунктовъ противникъ, можетъ быть скажетъ, что есть люди, производящіе и накопляющіе просто лишь по привычкѣ; не потому, чтобы имѣли какую нибудь цѣль въ увеличеніи своего богатства, чтобы желали въ чемъ нибудь увеличить свое потребленіе, а по силѣ косности, vis inertiae. Они продолжаютъ производить, потому что машина ужъ заведена, они сберегаютъ и снова пускаютъ въ дѣло свои сбереженія, потому что ни на что не хочется имъ тратить ихъ. Я согласенъ, что это возможно и что у нѣкоторыхъ немногихъ людей оно вѣроятно такъ и бываетъ; но эти случаи нимало не колеблютъ нашего вывода. Что дѣлаютъ эти люди съ своими сбереженіями? Они употребляютъ ихъ на производство, т. е. расходуютъ ихъ на занятіе труда. Иными словами, имѣя у себя покупательной силы больше, чѣмъ сколько умѣютъ употребить на себя, они передаютъ этотъ излишекъ ея въ общую пользу рабочаго класса. А развѣ рабочій классъ тоже не съумѣетъ употребить ее на себя? Развѣ предполагать намъ, что его потребности также уже совершенно удовлетворены и онъ продолжаетъ работать только по привычкѣ? Пока этого еще нѣтъ, пока рабочій классъ еще не достигъ этой черты насыщенія, не будетъ недостатка въ запросѣ на продуктъ капитала, съ какою быстротою ни накоплялся бы капиталъ: онъ до той поры всегда найдетъ себѣ занятіе въ производствѣ предметовъ необходимости или роскоши для рабочаго класса, если ужъ не на что идти ему кромѣ этого. А когда и рабочій классъ тоже не будетъ имѣть желанія увели-

*

чивать потребленіе ни предметовъ необходимости ни предметовъ роскоши, онъ воспользуется всякимъ дальнѣйшимъ возрастаніемъ рабочей платы для уменьшенія своей работы; такъ что излишекъ производства, который лишь тутъ въ первый разъ становился бы возможенъ по теоріи, не могъ бы и тогда явиться фактически по недостатку работниковъ. Слѣдовательно, въ какомъ бы видѣ ни представляли мы себѣ теорію общаго излишка въ производствѣ, хотя бы мы дошли до крайняго предѣла въ придумываніи благопріятнѣйшей для нея гипотезы, все-таки эта теорія оказывается нелѣпостью.

4. Чѣмъ же приведены были къ принятію такого нераціональнаго мнѣнія люди, столь много размышлявшіе объ экономическихъ феноменахъ и даже способствовавшіе своими оригинальными идеями пролитію новаго свѣта на нихъ? Мнѣ кажется, что они были введены въ эту ошибку ошибочнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ торговыхъ фактовъ. Имъ представлялось, будто возможность излишка въ общей суммѣ снабженія товара доказывается опытомъ. Они думали, что видятъ этотъ феноменъ въ извѣстныхъ состояніяхъ рынка, истинное объясненіе которыхъ совершенно иное.

Я уже описывалъ положеніе товарныхъ рынковъ, какимъ сопровождается такъ называемый коммерческій кризисъ. Въ такія эпохи дѣйствительно бываетъ излишекъ всѣхъ товаровъ надъ денежнымъ запросомъ; иными словами, бываетъ недостача снабженія деньгами. Отъ внезапнаго уничтоженія значительной массы кредита никому не хочется разставаться съ наличными деньгами, а много бываетъ людей, хлопотливо старающихся достать ихъ съ какимъ угодно пожертвованіемъ. Потому почти каждый становится продавцомъ, а покупщиковъ почти нѣтъ; такъ что дѣйствительно можетъ являться (впрочемъ только на время кризиса) чрезвычайный общій упадокъ всѣхъ цѣнъ, рождающійся отъ завала рынковъ товарами или, что тоже, отъ дороговизны денегъ. Но совершенная ошибка — предполагать съ Сисмонди, что коммерческій кризисъ происходитъ отъ общаго излишка производства. Онъ происходитъ просто отъ излишка спекулятивныхъ покупокъ. Тутъ не постепенно приближаются низкія цѣны, а внезапно падаютъ цѣны сумасбродно высокія; непосредственною причиною кризиса бываетъ сокращеніе кредита и исцѣляется онъ не уменьшеніемъ снабженія, а возстановленіемъ довѣрія. Очевидно также, что это временное разстройство рынковъ бываетъ бѣдствіемъ лишь потому, что оно временное. Тутъ падаютъ лишь денежныя цѣны; и если бы

онѣ не поднимались потомъ вновь, ни одинъ торговецъ не потерпѣлъ бы убытка, потому что и уменьшившаяся цѣна имѣла бы для него такую же стоимость, какъ прежде имѣла большая цѣна. Этотъ феноменъ рѣшительно не похожъ на картину, въ какой изображаются Чомерсомъ и Сисмонди бѣдствія излишка производства. Постоянное ухудшеніе состоянія производителей по недостатку рынковъ, воображаемое этими знаменитыми политико-экономами, — такая мысль, которая ни мало не доказывается сущностью коммерческихъ кризисовъ.

Другимъ основаніемъ для мнѣнія объ общемъ излишкѣ богатства и объ излишествѣ накопленія служитъ по моему мнѣнію фактъ, болѣе постоянный, — естественное паденіе прибыли и процентовъ при увеличеніи населенія и производства. Причина этого упадка прибыли — увеличеніе издержекъ на содержаніе труда; а это увеличеніе происходитъ отъ того, что населеніе и запросъ на пищу растетъ быстрѣе, чѣмъ идетъ земледѣльческое улучшеніе. Эта важная черта экономическаго прогресса націй будетъ нами подробно разсмотрѣна и обсужена ниже (кн. IV, гл. 4). Очевидно, что этотъ фактъ—совершенно иная вещь, чѣмъ недостатокъ рынка для товаровъ, хотя часто и смѣшивается съ нимъ въ жалобахъ производительныхъ и промышленныхъ классовъ. Истинное понятіе о нынѣшнемъ состояніи общественнаго быта таково, что можно было бы вести промышленные обороты въ чрезвычайно громадномъ размѣрѣ, если довольствоваться малою прибылью; но даже люди, покоряющіеся современной необходимости, ропщутъ на эту необходимость и желаютъ, чтобы уменьшилось количество капитала или, по ихъ выраженію, уменьшилось соперничество, чтобы можно стало получать больше прибыли. Но низкость прибыли совершенно иная вещь, чѣмъ недостатокъ запроса; то производство и накопленіе, отъ котораго только уменьшается прибыль, не можетъ быть названо излишкомъ снабженія или производства. Истинный характеръ этого феномена, его послѣдствія и границы, превышать которыхъ онъ не можетъ, мы увидимъ, когда будемъ разсматривать вопросъ о пониженіи прибыли.

Кромѣ этихъ двухъ я не знаю ни одного экономическаго факта, который могъ бы подавать собою поводъ къ мнѣнію, что существовалъ или существуетъ когда нибудь въ дѣйствительности общій излишекъ производства товаровъ. Я убѣжденъ, что въ коммерческихъ дѣлахъ нѣтъ ни одного случая, который для своего объясненія нуждался бы въ этой химирической гипотезѣ.

Дѣло это имѣетъ коренную важность; изъ различія во взглядахъ на него происходятъ коренныя разницы въ политико-экономическихъ системахъ, особенно съ практической стороны. При одномъ взглядѣ намъ будетъ нужно думать лишь о томъ, какъ сочетать достаточное производство съ наилучшимъ возможнымъ распредѣленіемъ; при другомъ взглядѣ надобно думать еще о третьемъ элементѣ, о томъ, какъ создать рынокъ для продукта или какъ ограничить производство по размѣру рынка. Мало того: теорія, столь не логическая, непремѣнно должна вносить спутанность въ самые основные принципы предмета и отнимать всякую возможность яснаго пониманія многихъ изъ числа сложныхъ экономическихъ явленій общественной жизни. Мнѣ кажется, что отъ этой ошибки три великіе политико-экономы, о которыхъ я упоминалъ, Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди построили свои системы ошибочнымъ образомъ: каждый изъ нихъ превосходно понималъ и разъяснилъ нѣкоторыя изъ элементарныхъ теоремъ политической экономіи; но это основное недоразумѣніе, какъ туманъ, закрыло отъ него многосложнѣйшіе отдѣлы науки, совершенно затемнивъ ихъ передъ нимъ. Еще болѣе сбиваются и смущаются этимъ спутаннымъ представленіемъ въ своихъ соображеніяхъ люди не столь великаго ума. Справедливость требуетъ сказать, что заслуга истиннаго разъясненія этого чрезвычайно важнаго дѣла, болѣе всего принадлежитъ двумъ знаменитымъ людямъ: на континентѣ проницательному Жану Батисту Сэ, а въ Англіи Джемсу Миллю, который убѣдительно изложилъ это дѣло въ своей «элементарной политической экономіи», а прежде того съ замѣчательной силою и ясностью представилъ правильный взглядъ на дѣло въ памфлетѣ, написанномъ по случаю тогдашнихъ споровъ подъ названіемъ «защита торговли» Commerce Defended; съ этого сочиненія началась его извѣстность и онъ тѣмъ болѣе дорожилъ имъ, что чрезъ него пріобрѣлъ дружбу Рикардо,—дружбу, которая была для него самою дорогою и самою тѣсною во всю его жизнь.

ГЛАВА XV.

МѢРА ЦѢННОСТИ.

1. Много спорили между собою политико-экономы о мѣрѣ цѣнности. Вопросу этому придавали больше важности, чѣмъ онъ стоитъ и разсужденія о немъ послужили однимъ изъ главныхъ пово-

довъ къ упреку въ логомахіи,—упреку, который очень утрированно, но не совершенно безосновательно дѣлаютъ политико-экономамъ. Но все-таки необходимо коснуться этого предмета, хотя бы затѣмъ, чтобы показать, какъ мало можно сказать о немъ.

Мѣра цѣнности, по обыкновенному смыслу слова мѣра, должно означать какую-нибудь вещь, по сравненію съ которою можно опредѣлять цѣнность всѣхъ остальныхъ вещей. А самая цѣнность—явленіе относительное и для него необходимы двѣ вещи, независимо отъ третьей вещи, которою мы хотимъ измѣрять ее; сообразивъ это, мы должны сказать, что мѣра цѣнности — такая вещь, сравнивая съ которой двѣ другія вещи, мы можемъ находить цѣнность этихъ двухъ вещей по отношенію одной изъ нихъ къ другой.

Въ этомъ смыслѣ мѣрою цѣнности въ данное время въ данномъ мѣстѣ можетъ служить всякій товаръ: зная пропорцію, по какой двѣ вещи обмѣниваются на какую-нибудь третью вещь, мы всегда можемъ вывесть изъ этого, въ какой пропорціи обмѣниваются онѣ другъ на друга. Служить удобною мѣрою цѣнности—одна изъ функцій товара, который выбранъ быть орудіемъ обмѣна. На этотъ товаръ обыкновенно опредѣляются цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ. Мы говоримъ, что одинъ предметъ стоитъ два фунта, а другой — три фунта; изъ этого уже и безъ особеннаго опредѣленія извѣстно, что первый предметъ стоитъ двухъ третей другаго предмета или что они обмѣниваются между собою въ пропорціи 2 къ 3. Деньги—вполнѣ служатъ мѣрою цѣнности.

Но политико-экономы желаютъ отыскать мѣру, которой опредѣлялась бы не цѣнность вещей, находящихся одновременно въ одномъ мѣстѣ, а цѣнность одной вещи въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ; найти предметъ, по сравненію съ которымъ было бы видно больше или меньше цѣнности имѣетъ какая-нибудь вещь нынѣ, чѣмъ 100 лѣтъ назадъ въ Англіи, или въ Англіи чѣмъ въ Америкѣ или Китаѣ. И для этого деньги или всякой другой товаръ могутъ служить точно также, какъ для опредѣленія цѣнностей предметовъ въ одномъ мѣстѣ въ данное время; для этого нужно лишь имѣть точно такія же данныя, нужно имѣть для сравненія съ мѣрою не одинъ товаръ, а два товара или нѣсколько товаровъ (потому что изъ одного товара безъ другаго не возникаетъ понятіе цѣнности). Если квартеръ пшеницы стоитъ нынѣ 40 шиллинговъ и баранъ тоже 40 шиллинговъ, а при Генрихѣ II квартеръ пшеницы стоилъ 20 шиллинговъ, баранъ 10 шиллинговъ, мы видимъ, что квартеръ пшеницы стоилъ тогда двухъ барановъ,

а нынѣ стоитъ лишь одного барана и слѣдовательно баранъ по оцѣнкѣ на пшеницу стоитъ нынѣ вдвое больше, чѣмъ при Генрихѣ II; и этотъ выводъ совершенно независимъ отъ цѣнности денегъ въ эти два періода по отношенію къ этимъ двумъ товарамъ (относительно которыхъ цѣнность денегъ вѣроятно понизилась), или по отношенію къ другимъ товарамъ (относительно которыхъ нѣтъ надобности и упоминать, повысилась ли или понизилась денежная ихъ цѣнность).

Но писатели, разсуждавшіе объ этомъ предметѣ желали повидимому найти средство опредѣлять цѣнность товара простымъ сравненіемъ его съ мѣрою цѣнности безъ сравненія его съ какимъ-нибудь другимъ товаромъ. Они желали возможности опредѣлять по одному тому факту, что квартеръ пшеницы стоитъ 40 шиллинговъ, а прежде стоилъ 20, измѣнилась ли и на сколько измѣнилась цѣнность пшеницы, — опредѣлять это, не выбирая для сравненія съ пшеницею никакого другаго предмета, какъ мы брали барана; они желали знать не то, какъ измѣнилась цѣнность пшеницы относительно барана, а то, какъ она измѣнилась относительно всѣхъ предметовъ вообще.

Первымъ препятствіемъ этому служитъ неизбѣжная неопредѣленность понятія всеобщей мѣновой цѣнности, цѣнности, — не по сравненію съ извѣстнымъ товаромъ, а съ товарами вообще. Еслибъ мы и знали съ точностью, на какое количество всякой продажной вещи въ отдѣльности обмѣнивался въ извѣстное историческое время квартеръ пшеницы, еслибъ мы и узнали, что нынѣ покупается за него извѣстныхъ вещей больше прежняго, а другихъ меньше прежняго, все-таки часто не умѣли бы мы сказать, поднялась или упала цѣнность пшеницы относительно всѣхъ товаровъ вообще. Еще гораздо менѣе возможности рѣшить это, зная перемѣну цѣнности пшеницы лишь относительно мѣры цѣнности. Чтобы денежная цѣна вещи въ двухъ разныхъ періодахъ могла служить мѣрою общаго количества товаровъ, обмѣниваемаго за эту вещь, нужно было бы, чтобы извѣстная сумма денегъ соотвѣтствовала въ обоихъ періодахъ одинаковому количеству предметовъ вообще, т. е. чтобы деньги всегда имѣли одинаковую мѣновую цѣнность, одинаковую общую покупательную сумму. А въ дѣйствительности ни деньги ни какой другой товаръ не имѣютъ такой неизмѣнности и нельзя даже предположить такихъ обстоятельствъ, при которыхъ была бы такая неизмѣнность.

2. Мы видимъ изъ этого, что мѣра мѣновой цѣнности невозможна, и писатели, говорившіе о ней, сформировали себѣ подъ словами «мѣра цѣнности» понятіе, которое вѣрнѣе будетъ назвать «мѣрою стоимости производства». Они вообразили товаръ, неизмѣнно производимый всегда одинаковымъ количествомъ труда; къ этому условію необходимо прибавить другое, чтобы употребляемый на производство основной капиталъ оставался въ неизмѣнной пропорціи къ рабочей платѣ за непосредственный трудъ, и всегда имѣлъ одну и ту же прочность; словомъ сказать, чтобы одинаковая сумма капитала затрачивалась на одинаковое время, такъ что бы оставался неизмѣннымъ не одинъ тотъ элементъ цѣнности, который состоитъ изъ рабочей платы, но и тотъ, который состоитъ изъ прибыли. И такъ мы имѣли бы тогда товаръ, всегда производимый въ одномъ и томъ же сочетаніи всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ постоянная цѣнность. Мѣновая цѣнность такого товара никакъ не была бы неизмѣнною. Не считая временныхъ колебаній отъ перемѣнъ въ снабженіи и запросѣ, мы видимъ, что постоянная мѣновая цѣнность его измѣнялась бы отъ каждой перемѣны въ условіяхъ производства тѣхъ вещей, на которыя онъ обмѣнивается. Но если бы существовалъ такой товаръ, онъ давалъ бы намъ ту пользу, что при всѣхъ перемѣнахъ цѣнности другихъ вещей сравнительно съ нимъ мы знали бы, что причина перемѣны не въ немъ, а въ другихъ вещахъ. Мѣрою цѣнности другихъ вещей онъ все-таки не годился бы служить, но годился бы служить мѣрою стоимости ихъ производства. Если постоянная покупательная сила извѣстной вещи по отношенію къ этому неизмѣнному товару увеличивается, это значило бы, что стоимость ея производства увеличивается; а въ противномъ случаѣ стоимость ея производства уменьшается. Говоря о мѣрѣ цѣнности, политико-экономы вообще разумѣли эту мѣру стоимости.

Но если мѣру цѣнности очень возможно представить себѣ теоретически, то въ дѣйствительности ея не можетъ быть, точно также, какъ и мѣры мѣновой цѣнности. Нѣтъ такого товара, стоимость производства котораго была бы неизмѣнна. У золота и у серебра она мѣняется меньше чѣмъ у другихъ товаровъ, но и у нихъ она измѣняется отъ истощенія прежнихъ источниковъ снабженія, отъ открытія новыхъ и отъ улучшеній въ способѣ добыванія. Если мы станемъ опредѣлять перемѣны въ стоимости производства извѣстнаго товара по перемѣнамъ въ его денежной цѣнѣ, то выводъ нужно будетъ по возможности исправлять по сообра-

женіямъ о перемѣнахъ, произшедшихъ въ стоимости производства самыхъ денегъ.

Адамъ Смитъ воображалъ, что есть два товара, особенно пригодные служить мѣрою цѣнности: хлѣбъ и трудъ. О хлѣбѣ онъ говорилъ, что цѣнность его сильно измѣняется съ года на годъ, но мало измѣняется изъ столѣтія въ столѣтіе. Теперь мы знаемъ, что это—ошибка: стоимость производства хлѣба имѣетъ тенденцію подниматься съ размноженіемъ населенія и падать отъ земледѣльческихъ улучшеній въ самой странѣ или въ заграничныхъ земляхъ, изъ которыхъ беретъ она часть своего снабженія. Предполагаемая неизмѣнность стоимости производства хлѣба требуетъ, чтобы сохранялось полное равновѣсіе между этими противоположными силами, равновѣсіе, которое бываетъ лишь случайно, если бываетъ когда-нибудь. О трудѣ, какъ мѣрѣ цѣнности, Адамъ Смитъ не вездѣ выражается одинаково. Иногда онъ говоритъ, что трудъ хорошая мѣра лишь для короткихъ періодовъ, что цѣнность труда (или рабочей платы) мало мѣняется съ году на годъ, много мѣняясь изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ другихъ мѣстахъ онъ выражается такъ, какъ будто трудъ, по самой сущности вопроса—удобнѣйшая мѣра цѣнности, потому что обыкновенная поденная мускульная работа одного мущины можетъ считаться равной для него всегда одинаковому усилію или пожертвованію. Но эта мысль, правильная или неправильная сама по себѣ все равно, совершенно устраняетъ понятіе мѣновой цѣнности, замѣняя его совершенно инымъ понятіемъ, болѣе похожимъ на внутреннюю цѣнность. Если за день труда въ Америкѣ покупается вдвое больше обыкновенныхъ предметовъ потребленія, чѣмъ въ Англіи, то напрасною тонкостью будетъ доказыванье, что въ той и другой странѣ трудъ имѣетъ одинаковую цѣнность, и что различна въ нихъ цѣнность не труда, а другихъ предметовъ. Справедливо будетъ сказать, что въ этомъ случаѣ трудъ и на рынкѣ и для самого работника имѣетъ въ Америкѣ вдвое больше цѣнности, чѣмъ въ Англіи.

Еслибы цѣлью нашею было найти приблизительную мѣру для оцѣнки внутренней цѣнности, то вѣроятно лучше всего было бы принять мѣрою суточное продовольствіе средняго человѣка, высчитанное на обыкновенную пищу, потребляемую классомъ чернорабочихъ. Если въ Америкѣ работникъ продовольствуется фунтомъ маисовой муки въ день, то цѣнность каждаго предмета опредѣлялась бы числомъ фунтовъ маисовой муки, за какое онъ обмѣнивается. Если извѣстная вещь сама или покупаемыми за нее ве-

щами можетъ дать суточное продовольствіе работнику, а другими даетъ ему недѣльное продовольствіе, справедливо будетъ сказать, что вторая вещь для обыкновенныхъ человѣческихъ нуждъ имѣетъ цѣнность въ семь разъ больше первой вещи. Но черезъ это не измѣрялась бы важность, какую самъ владѣлецъ вещи придаетъ ей по своимъ мыслямъ,—важность, которая можетъ до неопредѣленной пропорціи быть больше (и не можетъ быть меньше) той важности, какую имѣетъ количество пищи, покупаемое на эту вещь.

Понятіе мѣры цѣнности не должно смѣшивать съ понятіемъ регулирующаго принципа цѣнности или условій, опредѣляющихъ цѣнность. Когда Рикардо и другіе политико-экономы говорятъ, что цѣнность вещи опредѣляется количествомъ труда, они говорятъ не о томъ количествѣ труда, за какое обмѣнивается вещь, а о томъ количествѣ, какое нужно на ея производство. Они разумѣютъ то, что количествомъ труда, производящаго вещь, опредѣляется ея цѣнность, что въ немъ основаніе, почему цѣнность вещи бываетъ такая, а не иная. Но когда Адамъ Смитъ и Мальтусъ говорятъ, что трудъ—мѣра цѣнности, они разумѣютъ не тотъ трудъ, какимъ была или можетъ быть сдѣлана вещь, а то количество труда, какое обмѣнивается, или покупается за эту вещь; иначе сказать, цѣнность вещи по оцѣнкѣ на трудъ. И говорятъ они не то, что этотъ трудъ *опредѣляетъ* общую мѣновую цѣнность вещи или сколько-нибудь участвуетъ въ ея опредѣленіи,—нѣтъ, они говорятъ только, что по немъ можно узнавать цѣнность вещи и степень разницы въ ней въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Смѣшивать эти два понятія значитъ тоже самое, какъ забывать разницу между термометромъ и огнемъ.

ГЛАВА XVI.

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ЦѢННОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

1. Мы кончили теперь изслѣдованіе общихъ законовъ цѣнности во всѣхъ важнѣйшихъ видахъ обмѣна товаровъ въ одной и той же странѣ. Мы разсмотрѣли монопольное положеніе, въ которомъ цѣнность опредѣляется естественною или искусственною ограниченностью количества, т. е. уравненіемъ запроса и предложенія; положеніе свободнаго соперничества, когда можно производить неопредѣленное количество товаровъ по одной и той же стоимости и когда постоянная цѣнность опредѣляется стоимостью производ-

ства, а уравненіемъ запроса и снабженія опредѣляются лишь ея колебанія; послѣ этихъ двухъ положеній мы разсмотрѣли положеніе, среднее между ними, когда товаръ можно производить въ неопредѣленномъ количествѣ, но съ измѣненіемъ его стоимости, и когда постоянная цѣнность опредѣляется наибольшею стоимостью, какая нужна на полученіе требуемаго снабженія. Наконецъ мы нашли, что сами деньги — товаръ, принадлежащій къ вещамъ послѣдняго рода; что при свободномъ соперничествѣ цѣнность денегъ подчинена тѣмъ же законамъ, какъ цѣнности другихъ товаровъ этого разряда и что потому цѣны слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, какимъ слѣдуютъ цѣнности.

Изъ этого видно, что уравненіемъ запроса и снабженія опредѣляются колебанія цѣнности и цѣнъ въ товарахъ всѣхъ трехъ разрядовъ, и постоянныя цѣнности и цѣны всѣхъ тѣхъ товаровъ, снабженіе которыми зависитъ не отъ свободнаго соперничества, а отъ другихъ силъ; но что при соперничествѣ вещи въ среднемъ выводѣ обмѣниваются другъ на друга по такимъ цѣнностямъ и продаются по такимъ цѣнамъ, какими дается ожиданіе равной выгоды всѣмъ разрядамъ производителей, а это бываетъ лишь тогда, когда вещи обмѣниваются другъ на друга соразмѣрно стоимости своего производства.

Но теперь надобно замѣтить случаи, къ которымъ, по особенности характера ихъ, не примѣняется этотъ законъ мѣновой цѣнности.

Иногда бываетъ, что два разные товара имѣютъ общую стоимость производства, если можно такъ выразиться. Оба они бываютъ продуктами одной операціи или одного ряда операцій, и расходы дѣлаются всѣ вмѣстѣ на оба товара, а не такъ, чтобы часть расходовъ дѣлалась на одинъ товаръ, а другая часть на другой. Если бъ одинъ изъ нихъ вовсе ни на что не годился или не употреблялся, на другой были бы нужны все тѣ же самые расходы. Такихъ товаровъ, производящихся вмѣстѣ, довольно много. Напримѣръ, коксъ и каменно-угольный газъ производятся изъ одного матеріала, одною операціею. Въ смыслѣ, болѣе ограниченномъ, однимъ расходомъ производится: баранина и шерсть; говядина, бычачья кожа и сало; телята и молоко; куры и яйца. Стоимость производства никакъ не можетъ опредѣлять цѣнность этихъ совокупныхъ продуктовъ относительно другъ друга. Она опредѣляетъ лишь ихъ совокупную цѣнность. Газъ и коксъ вмѣстѣ должны вылачивать издержки своего производства съ обыкновенною прибылью. Для этого, данное количество газа вмѣстѣ съ коксомъ; составляющимъ

остатокъ отъ выдѣлки газа, должно обмѣниваться за другіе предметы соразмѣрно общей стоимости производства газа и кокса. Но какую часть этого вознагражденія производитель получаетъ отъ кокса, сколько отъ газа, это остается неопредѣлено. Стоимость производства опредѣляетъ не отдѣльную цѣну каждаго изъ этихъ товаровъ, а сумму ихъ цѣнъ. Для распредѣленія издержекъ производства между этими товарами нѣтъ принципа въ стоимости производства.

Потому для рѣшенія этой задачи мы должны обратиться къ закону цѣнности болѣе элементарному и коренному, чѣмъ стоимость производства,—къ уравненію запроса и снабженія. Законъ его состоитъ въ томъ, что запросъ на товаръ измѣняется съ его цѣнностью, которая приспособляется такъ, чтобы запросъ былъ равенъ снабженію. Этимъ дается принципъ распредѣленія, котораго мы ищемъ.

Предположимъ, что производится извѣстное количество газа, что оно продается по извѣстной цѣнѣ, и что остатокъ отъ фабрикаціи, коксъ предлагается по цѣнѣ, которая вмѣстѣ съ цѣною газа оплачивала бы издержки съ обыкновенною прибылью. Предположимъ, что при незначительной цѣнѣ газа и кокса, весь газъ легко продается безъ недостатка и безъ излишка, но что рѣшительно нѣтъ покупщиковъ на отвѣтствующій имъ коксъ. Чтобы открыть себѣ рынокъ, коксъ станетъ предлагаться по пониженной цѣнѣ. Но эта пониженная цѣна кокса вмѣстѣ съ цѣною газа не покрываетъ стоимости производства; фабрикація въ общей суммѣ не оплачиваетъ своихъ издержекъ съ обыкновенною прибылью и не будетъ продолжаема на такихъ условіяхъ. Потому газъ надобно продавать по болѣе высокой цѣнѣ, чтобы покрыть недочетъ по коксу. Запросъ отъ этого сократится и производство нѣсколько уменьшится и цѣны становятся на такихъ величинахъ, при которыхъ отъ возвышенія цѣны газа, а отъ уменьшенія цѣны кокса продажа газа на столько уменьшится, а продажа кокса получитъ такой размѣръ, что будетъ сбытъ для всего кокса, происходящаго отъ существующаго размѣра выдѣлки газа.

Или предположимъ наоборотъ, что кокса по существующимъ цѣнамъ требуется больше, чѣмъ сколько доставляется фабрикаціею газа, требуемаго существующимъ запросомъ. Теперь кокса не достаетъ, потому онъ поднимется по цѣнѣ. Операція въ общей суммѣ даетъ процентъ прибыли больше обыкновеннаго и привлечется на эту фабрикацію прибавочный капиталъ. Не удовлетворявшійся запросъ на коксъ теперъ получитъ себѣ снабженіе; но

при этомъ необходимо увеличится и снабженіе газомъ, а существующій запросъ на газъ имѣлъ уже полное снабженіе, потому увеличившееся количество газа, найдетъ себѣ сбытъ лишь съ пониженіемъ цѣны. Слѣдствіе будетъ то, что газъ и коксъ вмѣстѣ будутъ давать выручку, требуемую общею стоимостью ихъ производства; въ этой суммѣ доля выручки за коксъ будетъ больше прежняго. Равновѣсіе установится тогда, когда запросъ на коксъ придетъ въ такую соразмѣрность съ запросомъ на газъ, что одного товара будетъ требоваться ровно такое количество, какое производится фабрикаціею требуемаго количества другаго товара. Если есть излишекъ или недостача въ запросѣ на тотъ или другой товаръ, если есть запросъ на коксъ и нѣтъ запроса на весь газъ, производимый вмѣстѣ съ коксомъ, или наоборотъ, то цѣнности и цѣны газа и кокса будутъ измѣняться, пока приспособятся такъ, что будетъ сбытъ для обоихъ товаровъ.

Такимъ образомъ, если два товара или нѣсколько товаровъ имѣютъ общую стоимость производства, взаимное отношеніе естественныхъ цѣнностей бываетъ таково, чтобы на каждый изъ нихъ являлся запросъ пропорціональный количеству, въ какомъ товаръ этотъ порождается производительнымъ процессомъ. Сама по себѣ теорема эта не важна; но заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что разъясняетъ собою законъ запроса и способъ, по какому стоимость производства замѣняется другимъ принципомъ, когда бываетъ недостаточна для рѣшенія вопроса. Въ главѣ XVIII мы найдемъ, что фактъ совершенно подобный происходитъ въ случаяхъ гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ разсмотрѣнный нами.

2. Другой вопросъ, заслуживающій вниманіе,—вопросъ о цѣнности разныхъ сортовъ земледѣльческаго продукта. Онъ много сложнѣе предъидущаго случая и въ немъ надобно принимать къ соображенію нѣсколько разныхъ условій.

Онъ не представлялъ бы ничего особеннаго, если бы разные земледѣльческіе продукты росли безразлично на одной и той же почвѣ, давая одинаковую выгоду или росли бы на почвахъ, совершенно различныхъ. Затрудненіе происходитъ отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, почти каждая почва бываетъ удобнѣе для одного продукта, чѣмъ для другаго, не будучи совершенно неудобною ни для какого продукта; а во вторыхъ, въ земледѣліи нуженъ сѣвооборотъ.

Для простоты мы ограничимъ свою гипотезу двумя сортами земледѣльческаго продукта, напримѣръ пшеницею и овсомъ. Если

бы всѣ почвы были равно пригодны для пшеницы и овса, оба эти продукта безразлично воздѣлывались бы на всякихъ почвахъ и пропорція стоимости ихъ производства, будучи повсюду одинакова, опредѣляла бы пропорцію ихъ цѣнности. Если бы на каждой почвѣ количествомъ труда, нужнымъ на производство трехъ квартеровъ пшеницы, производилось 5 квартеровъ овса, три квартера пшеницы имѣли бы цѣнность пяти квартеровъ овса. Если бы напротивъ пшеница и овесъ вовсе не могли рости на одинаковой почвѣ, цѣнность каждаго изъ этихъ продуктовъ опредѣлялась бы его особенною стоимостью производства на худшей изъ тѣхъ пригодныхъ для него почвъ, какія надобно воздѣлывать по существующему запросу. Но дѣло въ томъ, что пшеница можетъ рости почти на всякой почвѣ родящей овесъ, и овесъ почти на всякой почвѣ, родящей пшеницу; и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторыя изъ такихъ почвъ (напримѣръ тяжелыя глинистыя) способнѣе для пшеницы, а другія (легкія песчаныя) лучше годятся для овса. Быть можетъ на иной почвѣ количество труда, дающее три квартера пшеницы, даетъ лишь четыре квартера овса, а на другой количество труда, дающее меньше трехъ квартеровъ пшеницы, даетъ пять квартеровъ овса. Чѣмъ опредѣляется относительная цѣнность овса и пшеницы при такихъ разницахъ почвъ?

Очевидно, что пшеница будетъ воздѣлываться преимущественно на такихъ почвахъ, которыя удобнѣе для нея, овесъ на такихъ, которыя удобнѣе для него; и если запросъ достаточно снабжается съ однихъ этихъ почвъ, цѣнности овса и пшеницы не будутъ имѣть никакой связи между собою. Но если запросъ на эти хлѣба таковъ, что требуетъ, чтобы каждый изъ нихъ сѣялся не на однѣхъ почвахъ, особенно удобныхъ для него, а также и на среднихъ почвахъ, которыя, не будучи особенно удобны ни для того ни для другаго хлѣба, почти равно пригодны для нихъ обоихъ, то стоимостью производства на этихъ среднихъ почвахъ будетъ опредѣляться относительная цѣнность овса и пшеницы; а рента съ земель, особенно удобныхъ для одного хлѣба будетъ опредѣляться степенью производительности этихъ земель по отношенію къ одному тому хлѣбу, для котораго онѣ особенно пригодны. До сихъ поръ вопросъ не представляетъ затрудненій человѣку, знакомому съ общими принципами цѣнности.

Но можетъ быть запросъ на одинъ изъ этихъ хлѣбовъ, напримѣръ на пшеницу, до того превышаетъ запросъ на другой, что пшеница кромѣ земель, особенно удобныхъ для нея, должна со-

вершенно занимать почвы, равно удобныя для нея и для овса, вторгаться даже на почвы, болѣе удобныя для овса, чѣмъ для нея. Чтобы являлось побужденіе къ этому неровному раздѣлу полей пшеница должна быть относительно овса дороже, чѣмъ слѣдовало бы по стоимости ихъ производства на средней землѣ. Пропорція цѣнностей овса и пшеницы будетъ пропорціональна стоимости производства ихъ на такой землѣ, на которой по сравнительному запросу на овесъ и пшеницу должны воздѣлываться оба эти хлѣба, какова бы ни была эта земля, на которой они встрѣчаются. Если по существующему запросу они встрѣчаются на землѣ болѣе пригодной для одного, чѣмъ для другаго, цѣнность перваго по отношенію ко второму и вообще ко всѣмъ предметамъ будетъ дешевле, чѣмъ была бы при пропорціи запроса, какую предполагали прежде, а цѣнность втораго будетъ выше этой пропорціи по отношенію къ первому хлѣбу и ко всѣмъ вообще предметамъ.

Итакъ здѣсь мы имѣемъ новое, получаемое нѣсколько инымъ путемъ разъясненіе дѣйствій запроса, не какъ причины, временно колеблющей цѣнность, а какъ силы, постоянно опредѣляющей ее вмѣстѣ съ стоимостью производства или взамѣнъ стоимости производства.

Вліяніе сѣвооборота не требуетъ отдѣльнаго анализа, являясь однимъ изъ случаевъ общей стоимости производства, въ родѣ того какъ стоимость газа и кокса. Еслибы сѣвооборотъ былъ двухлѣтній, и вся земля фермы засѣвалась въ одинъ годъ кормовыми травами, а въ другой годъ хлѣбомъ и хлѣбъ и кормовыя травы были необходимы и сами по себѣ въ отдѣльности другъ для друга, то фермеръ получалъ бы свое вознагражденіе за двухлѣтнія издержки изъ одного урожая хлѣба и одного урожая кормовыхъ травъ, а пропорція цѣнъ между ними установилась бы такая, чтобы являлся запросъ, требующій въ одинаковомъ размѣрѣ хлѣба и и кормовыхъ травъ.

Не трудно было бы найти еще нѣсколько случаевъ аномалій въ цѣнностяхъ, и разрѣшеніе этихъ аномалій представляло бы полезную практику для мысли; но въ трактатѣ, подобномъ нашему, не удобно и невозможно заниматься подробностями больше того, сколько необходимо для разъясненія принциповъ. Потому я перейду теперь къ той части общей теоріи обмѣна, которой одной мы еще не касались до сихъ поръ, — къ международнымъ обмѣнамъ или, говоря общѣе, къ обмѣнамъ между далекими другъ отъ друга мѣстами.

ГЛАВА XVII.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ.

1. Удобство требуетъ повидимому, чтобы товаръ производился какъ можно ближе къ рынку, гдѣ долженъ продаваться для потребленія; почему же вмѣсто того привозится онъ иногда издалека? Причины этого вообще понимаются довольно поверхностнымъ образомъ. Нѣкоторые предметы физически невозможно производить нигдѣ, кромѣ какъ въ особенныхъ условіяхъ температуры, почвы, воды и воздуха. Но есть много такихъ вещей, которыя привозятся издалека, хотя можно было бы производить ихъ на мѣстѣ и притомъ въ какомъ угодно количествѣ. Профаны объясняютъ это тѣмъ, что привозить ихъ обходится дешевле, чѣмъ производить; такое объясненіе справедливо, но само нуждается въ объясненіи. Если изъ двухъ производимыхъ въ одномъ мѣстѣ предметовъ одинъ дешевле другаго, причина здѣсь та, что онъ производится меньшимъ количествомъ труда и капитала, т. е. по меньшей стоимости. Таково ли отношеніе и между предметами, производимыми въ разныхъ мѣстахъ? Дѣйствительно ли предметы привозятся только изъ такихъ мѣстъ, гдѣ производятся меньшимъ количествомъ труда (или въ меньшій срокъ времени, составляющаго другой элементъ цѣнности), чѣмъ производились бы въ томъ мѣстѣ, куда привозятся? Примѣняется ли къ товарамъ, производимымъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, примѣняющійся къ товарамъ, производимымъ въ сосѣднихъ мѣстахъ, законъ, что постоянная цѣнность соразмѣрна стоимости производства?

Мы найдемъ противное. Предметъ можетъ иногда продаваться дешевле, производясь не въ томъ мѣстѣ, гдѣ могъ бы производиться съ наименьшимъ расходомъ труда и времени. Англія можетъ ввозить изъ Польши хлѣбъ и платить за него полотномъ, хотя бы Англія имѣла рѣшительное преимущество передъ Польшей въ производствѣ не только полотна, но и хлѣба. Англія можетъ посылать въ Португалію коленкоръ въ обмѣнъ за вино, хотя бы Португалія могла производить коленкоръ съ меньшимъ расходомъ труда и капитала, чѣмъ Англія.

Между сосѣдними мѣстностями такія отношенія невозможны. Если бы сѣверный берегъ Темзы имѣлъ надъ южнымъ преимущество въ производствѣ обуви, на южномъ берегу вовсе не стала бы производиться обувь: производители ея перешли бы съ своимъ капи-

таломъ на сѣверный берегъ, или съ самаго начала поселились бы на немъ; потому что, будучи соперниками на одномъ рынкѣ съ производителями сѣвернаго берега, они не могли бы вознаграждать себя за свою невыгоду на счетъ производителя: вся невыгода падала бы на ихъ прибыль и они не стали бы довольствоваться меньшею прибылью, имѣя возможность увеличить ее переходомъ не дальше какъ за рѣку. Но между отдаленными другъ отъ друга мѣстами, и въ особенности между разными странами, можетъ существовать разница въ величинѣ прибыли, потому что люди не переходятъ и не переносятъ своего капитала въ отдаленное мѣсто безъ очень сильныхъ побужденій. Если бы капиталъ передвигался въ отдаленныя части свѣта столь же легко и при такомъ же легкомъ побужденіи, какъ передвигается изъ одной части города въ другую; если бы человѣкъ переносилъ свою фабрику въ Америку или Китай, какъ только можетъ сберечь этимъ небольшой процентъ изъ своихъ расходовъ, прибыль была бы равна или равномѣрна во всѣхъ частяхъ свѣта и каждый предметъ производился бы въ томъ мѣстѣ, гдѣ даннымъ количествомъ труда и капитала производится онъ въ наибольшемъ количествѣ и наилучшемъ качествѣ. Уже и теперь замѣчается тенденція къ такому порядку дѣлъ: капиталъ становится все больше и больше космополитомъ, сходство образованнѣйшихъ странъ по нравамъ и учрежденіямъ стало гораздо больше прежняго, а антипатія между ними уменьшилась, такъ что и населеніе, и капиталъ передвигаются теперь изъ одной цивилизованной земли въ другую, при возбужденіи гораздо меньшемъ того, какое нужно было прежде. Но все-таки еще остается между разными странами свѣта чрезвычайная разница въ величинѣ и рабочей платы и прибыли. Слабаго побужденія достаточно, чтобы перевести капиталъ и даже людей изъ Варвикскаго графства въ Йоркское, но гораздо сильнѣе нужно побужденіе, чтобы перевести ихъ въ Остъ-Индію, въ Вестъ-Индскія колоніи или въ Ирландію. Во Францію, Германію или Швейцарію капиталъ передвигается почти такъ же легко, какъ въ колоніи: разница языка и правительства тутъ едва ли затрудняетъ столько, какъ разница климата и отдаленность. Въ страны еще варварскія или, подобно Россіи и Турціи, еще только начинающія цивилизоваться, капиталъ переселяется лишь возбуждаемый очень значительнымъ излишкомъ прибыли.

Такимъ образомъ, между всѣми отдаленными мѣстами, а еще больше между разными странами (хотя бы верховное правительство

было у нихъ и одно), можетъ существовать большое неравенство выручки за трудъ и капиталъ, не вызывая трудъ и капиталъ къ передвиженію въ такомъ размѣрѣ, чтобы сгладилось это неравенство. Значительная часть капитала, принадлежащаго извѣстной странѣ, останется въ этой странѣ, хотя бы не было ни одного такого способа къ его занятію, который не представлялъ бы больше производительности въ другой странѣ. А между тѣмъ даже и при этомъ положеніи страна можетъ и вѣроятно будетъ вести торговлю съ другими странами. Она будетъ вывозить какіе нибудь товары даже въ такія мѣста, гдѣ можно было бы дѣлать ихъ меньшимъ количествомъ труда, чѣмъ въ ней: если предположить, что эти страны будутъ имѣть преимущество передъ нею во всѣхъ производствахъ, все-таки въ нѣкоторыхъ производствахъ преимущество это будетъ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ, и страны эти будутъ находить выгоду въ привозѣ товаровъ, въ которыхъ преимущество ихъ меньше, чтобы употребить больше своего труда и капитала на производства, въ которыхъ преимущество ихъ больше.

2. Вслѣдъ за Рикардо, мыслителемъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ разъясненію этого предмета *), я уже доказывалъ въ особенномъ этюдѣ (Essays on some unsettled Questions of Political Economy, Essay I), что «для обмѣна важна разница не въ абсолютной величинѣ стоимости производства, а въ *сравнительной* величинѣ ея. Для насъ можетъ быть выгодно получать желѣзо изъ Швеціи за коленкоръ, хотя бы и рудники въ Англіи, какъ фабрики, были производительнѣе шведскихъ. Дѣйствительно, если наше преимущество надъ Швеціею въ производствѣ коленкора равняется половинѣ расходовъ, а въ производствѣ желѣза только четвертой долѣ, и мы можемъ продавать свой коленкоръ Швеціи по той цѣнѣ, какую платитъ она за коленкоръ, производимый въ ней самой, то мы получимъ и желѣзо съ выгодою на цѣлую половину, какъ производимъ коленкоръ. Часто мы можемъ получать торговлею съ иностранцами товары ихъ съ меньшимъ расходомъ труда и капитала, чѣмъ какого стоятъ они самимъ иностранцамъ. И оборотъ этотъ

*) Прежде я думалъ, что Рикардо былъ единственный авторъ ученія, принятаго теперь всѣми политико-экономами, — ученія о свойствахъ и мѣрѣ пользы, какую страна извлекаетъ изъ внѣшней торговли. Но полковникъ Торренсъ новымъ изданіемъ одного изъ своихъ прежнихъ сочиненій: «The Economists refuted» показалъ, что онъ имѣетъ равное съ Рикардо право считаться основателемъ этого ученія и исключительное право по болѣе раннему изданію сочиненія объ этомъ предметѣ.

будетъ еще выгоденъ для иностранца, потому что товаръ, получаемый отъ насъ, стоилъ бы ему дороже, хотя намъ стоитъ дешевле товара, какой мы даемъ ему въ обмѣнъ за его товары».

Чтобы разъяснить условія, при какихъ будутъ и при какихъ не будутъ обмѣниваться товары между двумя странами, Джемсъ Милль въ своей «Элементарной Политической Экономіи» (изд. 3, стр. 120) дѣлаетъ предположеніе, что Польша имѣетъ надъ Англіею преимущество и въ производствѣ полотна и въ производствѣ хлѣба. Онъ предполагаетъ сначала, что въ обоихъ товарахъ это преимущество одинаково, что количества полотна и хлѣба, требующія по 100 дней труда въ Польшѣ, требуютъ по 150 дней труда въ Англіи. «При этомъ полотно требующее 150 дней труда въ Англіи, будучи послано въ Польшу, будетъ равняться полотну 100 дней труда въ Польшѣ; потому, обмѣниваясь въ Польшѣ на хлѣбъ, обмѣняется тамъ на хлѣбъ только 100 дней труда. Но хлѣбъ 100 дней труда въ Польшѣ предположенъ у насъ равнымъ хлѣбу 150 дней въ Англіи. Такимъ образомъ на 150 дней труда въ полотнѣ, Англія получитъ отъ Польши не больше хлѣба, чѣмъ получается его въ Англіи на 150 дней труда, а ввозъ этого хлѣба будетъ сверхъ того стоить Англіи издержекъ на перевозку. При такихъ условіяхъ не будетъ происходить обмѣна». По этой гипотезѣ пропорція стоимости между полотномъ и хлѣбомъ и въ Англіи, и въ Польшѣ одинакова, хотя абсолютная стоимость ихъ въ одной странѣ не такова, какъ въ другой; при такомъ предположеніи не было бы, какъ мы видимъ, сбереженія труда ни въ той, ни въ другой странѣ отъ ограниченія производства однимъ продуктомъ и ввоза другаго предмета.

Иное бываетъ, когда въ двухъ странахъ различна не только абсолютная стоимость двухъ товаровъ, но и пропорція стоимости ихъ. «Если (продолжаетъ Джемсъ Милль) количество полотна, производимаго въ Польшѣ 100 днями труда, производится въ Англіи 150 днями, а количество хлѣба, производимое въ Польшѣ 100 днями труда, не можетъ быть произведено въ Англіи меньше, какъ 200 днями, то прямо уже и возникаетъ изъ этого достаточное побужденіе для обмѣна. На количество полотна, произведеннаго въ Англіи 150 днями труда, Англія можетъ купить въ Польшѣ количество хлѣба, производимое въ Польшѣ 100 днями труда, а количество хлѣба, производимое въ Польшѣ 100 днями труда, равно количеству, производимому въ Англіи 200 днями труда». Такимъ образомъ, привозя хлѣбъ изъ Польши и платя за него полотномъ,

Англія получитъ за 150 дней труда то, что иначе стоило бы ей 200, сберегая 50 дней труда въ каждый разъ отъ этой операціи; и сбереженіе тутъ не просто по отношенію къ Англіи, а безусловное сбереженіе, потому что оно получается не въ убытокъ Польшѣ, которая за хлѣбъ, стоющій ей 100 дней труда, купила полотно, которое стоило бы ей столько же, еслибъ она сама произвела его. При условіяхъ, нами предположенныхъ, Польша ничего не потеряетъ, но ничего и не выигрываетъ отъ торговли: привозное полотно стоитъ ей столько же, сколько стоило бы свое. Чтобы Польша могла имѣть выигрышъ отъ обмѣна, надобно сдѣлать убавку въ выигрышѣ Англіи: хлѣбъ, производимый въ Польшѣ 100 днями труда, долженъ покупать у Англіи больше полотна, чѣмъ произвела бы Польша этимъ количествомъ труда, т. е. больше полотна, чѣмъ сколько производитъ Англія въ 150 дней труда, такъ чтобы Англія получала по стоимости больше 150 и менѣе 200 дней труда, тотъ хлѣбъ, который стоилъ бы ей 200 дней труда. Тутъ уже Англія выигрываетъ не всю сумму труда, сберегаемую для нея и для Польши вмѣстѣ ихъ торговлею.

3. Изъ этого анализа понятно, въ чемъ состоитъ выгода международнаго обмѣна, или, иными словами, внѣшней торговли. Не говоря о томъ, что черезъ нее получаютъ страны такіе товары, которыхъ сами вовсе не могли бы производить, она доставляетъ ту выгоду, что даетъ производительнымъ силамъ всѣхъ странъ успѣшнѣйшее занятіе. Если бы изъ двухъ странъ, торгующихъ между собою, каждая вздумала сама производить всѣ тѣ получаемые изъ другой товары, для производства которыхъ имѣетъ физическую возможность, то капиталъ и трудъ въ той и въ другой странѣ сталъ бы не такъ производителенъ и обѣ онѣ вмѣстѣ не стали бы получать отъ своей промышленности такого количества товаровъ, какъ теперь, когда каждая изъ нихъ занимается производствомъ и для себя, и для другой страны тѣхъ вещей, въ которыхъ трудъ ея болѣе успѣшенъ, чѣмъ въ другихъ вещахъ. Прибавка въ продуктѣ обѣихъ странъ вмѣстѣ, получаемая отъ этого, составляетъ выгоду торговли. Очень можетъ быть, что одна изъ этихъ странъ во всемъ ниже другой производительными способностями, и что ея трудъ и капиталъ получили бы выгоднѣйшее употребленіе, фактически переселившись въ эту другую страну. Трудъ и капиталъ, положенные на то, чтобы сдѣлать Голландію страною обитаемою, произвели бы гораздо большую выручку, если бы перенесены были въ Америку или Ирландію. Продуктъ земнаго шара сталъ бы больше или стоилъ бы

меньше труда, чѣмъ теперь, если бы каждый предметъ производился тамъ, гдѣ находится наиболѣе абсолютнаго удобства для его производства. Но націи не переселяются всѣми массами (по крайней мѣрѣ не переселяются въ новыя времена, если переселялись прежде); а если трудъ и капиталъ извѣстной страны остаются въ ней, то полезнѣе всего употребляются они на то, чтобы и для заграничныхъ рынковъ и для своего собственнаго производить предметы, производство которыхъ въ этой странѣ наименѣе не выгодно, если нѣтъ предмета, производство котораго было бы въ ней выгоднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

4. Остановимся пока на этомъ понятіи о выгодахъ международной торговли и сличимъ съ нимъ другія мысли объ этомъ предметѣ, господствовавшія прежде и господствующія въ нѣкоторой степени до сихъ поръ.

По взгляду, нами изложенному, единственную прямую выгоду внѣшней торговли составляетъ ввозъ товаровъ. Страна получаетъ вещи, которыхъ вовсе не могла бы производить или должна была бы производить съ большимъ расходомъ труда и капитала, чѣмъ какого стоятъ вещи, вывозимыя изъ нее въ уплату за привозимыя. Такимъ образомъ она получаетъ за извѣстную сумму труда и капитала болѣе обильное снабженіе нужными для нея товарами, или получаетъ извѣстное снабженіе ими за меньшую сумму труда и капитала, такъ что остается у ней излишекъ труда и капитала на производство другихъ вещей. Ходячая теорія не замѣчаетъ этой пользы и полагаетъ, что выгода торговли состоитъ въ вывозѣ товаровъ, какъ будто бы выигрышъ страны отъ заграничной торговли состоитъ не въ томъ, что получаетъ, а въ томъ, чего лишается страна. Обширный рынокъ для продуктовъ страны,—обильное потребленіе для ея товаровъ,—сбытъ для ея излишка,—вотъ выраженія, которыми обыкновенно обозначаются выгоды торговли съ чужими землями. Мы поймемъ такой взглядъ, вспомнивъ, что общественнымъ мнѣніемъ по торговымъ вопросамъ руководилъ до сихъ поръ продающій классъ и что писалъ объ нихъ такъ же этотъ классъ. Въ этомъ воззрѣніи продолжаетъ жить меркантильная теорія, по которой единственнымъ богатствомъ считались деньги и потому продажа или обмѣнъ товаровъ на деньги считались для странъ, не имѣющихъ собственныхъ рудниковъ единственнымъ способомъ богатѣть, а ввозъ товаровъ (т. е. отдача денегъ) считался вычетомъ изъ этого выигрыша.

Понятіе, будто бы деньги — единственное богатство давно уже

похоронено, но остается на свѣтѣ многочисленное потомство отъ него, и самъ убійца этого понятія сохранилъ въ себѣ такія мысли, которыхъ нельзя вывести ни изъ какого иного источника. Взглядъ Адама Смита на пользу внѣшней торговли былъ тотъ, что она открываетъ сбытъ излишку продукта страны и даетъ части капитала страны возможность возобновляться съ прибылью. Такими выраженіями возбуждаются мысли, несовмѣстныя съ яснымъ пониманіемъ феноменовъ дѣла. Выраженіе «излишекъ продукта» наводитъ на мысль, будто бы странѣ есть какая-то необходимость производить хлѣбъ или полотно, которые она вывозитъ; будто бы та часть товара, которую не потребляетъ сама она, производилась бы въ чистую потерю, если бы не требовалась и не потреблялась за-границею; или будто бы, еслибъ эта часть товара не производилась, то соотвѣтствующая часть капитала оставалась бы праздною и соразмѣрно тому была бы меньше масса продуктовъ страны. Всѣ эти гипотезы совершенно ошибочны. Страна производитъ сверхъ собственной потребности товаръ на вывозъ не по какой нибудь необходимости, а потому, что это самый дешевый способъ снабжать себя другими товарами. Еслибъ она не могла вывозить этого излишка, она перестала бы производить его и не стала бы ввозить товаровъ изъ-за границы, не имѣя ничего въ отдачу за нихъ; но трудъ и капиталъ, употребляемые теперь на производство для вывоза, нашли бы тогда себѣ занятіе въ производствѣ тѣхъ надобныхъ предметовъ, которые теперь привозятся изъ-за границы, или на производство предметовъ замѣняющихъ эти предметы, если бы этихъ предметовъ страна не могла производить. Разумѣется, эти предметы производились бы по большей стоимости, чѣмъ стоимость, по которой они покупаются теперь изъ-за границы. Но соразмѣрно тому поднялась бы цѣнность и цѣна ихъ, и выручкою за нихъ капиталъ точно также возобновлялся бы съ обыкновенною прибылью, какъ вознаграждается при производствѣ для заграничнаго рынка. По минованіи временнаго замѣшательства отъ перемѣны, потеря стала бы ложиться лишь на потребителей, пользовавшихся прежде ввозными товарами. Они теперь были бы принуждены платить за потребляемые товары дороже прежняго, или обходиться безъ прежнихъ товаровъ, замѣняя ихъ другими менѣе нравящимися имъ.

Въ ходячихъ понятіяхъ объ услугахъ, оказываемыхъ странѣ торговлею, есть много ошибочнаго. Когда говорятъ о торговлѣ, какъ объ источникѣ національнаго богатства, воображеніе обращается боль-

ше на огромныя состоянія, пріобрѣтаемыя купцами, чѣмъ на вознагражденіе въ цѣнѣ для потребителей. Но выгода купцовъ, если не пользуются купцы исключительною привиллегіею, не превышаетъ прибыли, доставляемой промышленнымъ занятіемъ капитала въ самой странѣ. Могутъ сказать, что капиталъ, занимающійся нынѣ внѣшнею торговлею, не нашелъ бы себѣ занятія въ снабженіи внутренняго рынка; на это я могъ бы замѣтить, что эта мысль возникаетъ изъ опровергнутаго нами заблужденія, будто бы возможенъ общій излишекъ производства; но этотъ частный вопросъ самъ по себѣ такъ ясенъ, что не нужно ссылаться на общую теорію предмета. Тутъ видно не только то, что капиталъ купца нашолъ бы занятіе, а видно даже, какое именно занятіе нашолъ бы. Создалось бы занятіе, равное уничтоженному. Съ прекращеніемъ вывоза прекратился бы и ввозъ товаровъ на такую же цѣнность, и вся та часть дохода страны, которая издерживалась на ввозные товары, была бы въ наличности для расходованія на тѣ же самые предметы, производимые внутри страны или на другіе предметы вмѣсто нихъ. Торговля въ сущности служитъ способомъ къ удешевленію производства; а при всякомъ удешевленіи производства выгоду получаетъ въ результатѣ потребитель; между тѣмъ какъ торговецъ непремѣнно получаетъ свою прибыль все равно, много ли или мало товара получаетъ покупщикъ за свои деньги. Говоря это, мы не касаемся того обстоятельства, что отъ удешевленія товаровъ можетъ увеличиваться прибыль, о чемъ мы уже упоминали прежде, а подробно будемъ говорить впослѣдствіи; это бываетъ тогда, когда удешевляющійся товаръ — одинъ изъ товаровъ, потребляемыхъ работниками и потому входитъ въ стоимость труда, отъ размѣра которой зависитъ процентъ прибыли.

5. Мы видѣли, въ чемъ прямая экономическая выгода внѣшней торговли. Но кромѣ того, есть отъ нея косвенныя послѣдствія, которыя надобно назвать очень выгодными. Первое изъ нихъ — то, что расширеніе рынка имѣетъ тенденцію улучшать процессы производства. При производствѣ для рынка, болѣе обширнаго, чѣмъ одинъ внутренній, страна можетъ ввести болѣе обширное раздѣленіе труда, болѣе пользоваться машинами и получаетъ себѣ болѣе шансовъ для изобрѣтеній и улучшеній въ процессахъ производства. Всякое обстоятельство, отъ котораго увеличивается количество предмета, производимое въ одномъ мѣстѣ, ведетъ къ общему увеличенію производительныхъ силъ человѣчества (кн. 1. гл. IX, § 1). Другое послѣдствіе относится главнымъ образомъ къ пер-

вой эпохѣ промышленнаго прогресса. Когда народъ находится въ дремлющемъ, апатическомъ, неразвитомъ состояніи, то можетъ быть всѣ его вкусы или вполнѣ удовлетворены или совершенно не развиты, и народъ не проявляетъ свою производительную энергію вполнѣ по отсутствіи достаточныхъ для того цѣлей. Внѣшняя торговля знакомитъ съ новыми предметами или соблазняетъ его легкостью пріобрѣтенія вещей, получить которыя прежде казалось ему невозможно; отъ этого происходитъ иногда промышленный переворотъ въ странѣ, средства которой оставались неразвиты по недостатку энергіи и стремленія къ лучшему въ народѣ: люди, удовлетворявшіеся скудною жизнью въ бездѣятельности, склоняются къ болѣе усердной работѣ для удовлетворенія своихъ новыхъ вкусовъ, начинаютъ даже сберегать и накопляютъ капиталъ для полнѣйшаго удовлетворенія этихъ вкусовъ въ будущемъ.

Но еще важнѣе экономическихъ выгодъ торговли результаты ея вліянія на умственную и нравственную жизнь. При нынѣшнемъ, еще низкомъ состояніи человѣческаго прогресса чрезвычайную пользу приноситъ то, когда люди ставятся въ соприкосновеніе съ людьми, не похожими на нихъ, съ мыслями и обычаями, различными отъ ихъ собственныхъ. Торговля служитъ нынѣ главнымъ источникомъ этого соприкосновенія, какъ прежде служила война. Торговые авантюристы изъ цивилизованныхъ странъ вообще бывали первыми цивилизаторами варваровъ. И между цивилизованными народами большая часть сношеній происходитъ по торговымъ цѣлямъ. А такія сношенія всегда служили и сильнѣе прежняго служатъ нынѣ однимъ изъ главныхъ источниковъ прогресса. При прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ воспитаніи люди почти не могутъ развивать въ себѣ и хорошихъ качествъ безъ того, чтобы не впадать въ дурную крайность; а при этомъ необходимо нужно для нихъ постоянно сравнивать свои понятія и обычаи съ опытомъ и примѣромъ людей, находящихся въ иномъ положеніи; и нѣтъ такой націи, которая не имѣла бы надобности занимать отъ другихъ націй не только какія нибудь частности житейскаго быта, но и существенныя черты характера для исправленія своихъ недостатковъ. Наконецъ торговля—первая научила народы тому, чтобы съ доброжелательствомъ смотрѣть на богатство и успѣхи другихъ народовъ. Въ старину патріотъ, если не былъ развитъ до того, чтобы считать своею отчизною цѣлый міръ, желалъ, чтобы кромѣ его родины всѣ страны были слабы, бѣдны и не имѣли хорошаго правительства; теперь въ ихъ богатствѣ и прогрессѣ онъ видитъ прямой

источникъ богатства и прогресса для своей родины. Торговля, укрѣпляющей и размножающей личные интересы, естественно враждебные войнѣ, мы обязаны тѣмъ, что война быстро выходитъ изъ употребленія у насъ. И безъ преувеличенія можно сказать, что обширность и быстрое развитіе народной торговли, будучи главною гарантіею мира на земномъ шарѣ, служитъ великимъ, прочнымъ залогомъ непрерывнаго прогресса понятій, учрежденій и свойствъ человѣческаго рода.

ГЛАВА XVIII.

МЕЖДУНАРОДНЫЯ ЦѢННОСТИ.

1. Цѣнности товаровъ, производимыхъ въ одномъ мѣстѣ или въ мѣстахъ достаточно близкихъ другъ къ другу для свободнаго передвиженія капитала между ними, чтобы проще было, скажемъ:— товаровъ, производимыхъ въ одной странѣ, опредѣляются стоимостью ихъ производства (мы говоримъ о постоянныхъ цѣнностяхъ съ устраненіемъ временныхъ колебаній). Но цѣнность товара, привозимаго издалека, а въ особенности изъ чужой земли опредѣляется не тѣмъ, сколько стоитъ его производство тамъ, откуда онъ привезенъ. Чѣмъ же опредѣляется она? Цѣнность предмета въ каждомъ данномъ мѣстѣ опредѣляется стоимостью пріобрѣтенія его въ этомъ мѣстѣ, т. е. если товаръ этотъ привозный, стоимостью производства предмета, вывозимаго въ уплату за него.

Зная, что всякая торговля въ сущности — мѣна, а деньги служатъ лишь орудіемъ для обмѣна вещей, мы сначала для простоты предположимъ, что международная торговля и по формѣ ведется также, какъ ведется въ сущности, дѣйствительнымъ промѣниваніемъ товара на товаръ. Во всемъ предъидущемъ изслѣдованіи мы находили, что всѣ законы обмѣна существенно остаются одинаковы и при употребленіи и безъ употребленія денегъ, которыя не управляютъ этими общими законами, а подчиняются имъ.

Итакъ, если Англія ввозитъ вино изъ Испаніи, давая по тюку полотна за пипу вина, мѣновая цѣнность пипы вина въ Англіи будетъ опредѣляться не тѣмъ, сколько стоило производство вина въ Испаніи, а тѣмъ, сколько стоило производство полотна въ Англіи. Въ Испаніи стоимость вина равнялась, быть можетъ, только 10 днямъ труда, а по привозѣ въ Англію вино, быть можетъ, обмѣнивается за продуктъ 20 дней англійскаго труда, съ прибавкою

къ тому стоимости провоза (въ которую также включается обыкновенная прибыль на капиталъ привезшаго вино купца за время, пока его капиталъ лежалъ въ винѣ, лишенный возможности другаго занятія).

Итакъ, цѣнность иностраннаго товара въ извѣстной странѣ опредѣляется количествомъ продукта этой страны, какое отдается въ обмѣнъ за этотъ товаръ. Иными словами, цѣнности иностранныхъ товаровъ опредѣляются условіями международнаго обмѣна. Чѣмъ же опредѣляются эти условія? Почему, въ предположенномъ нами случаѣ, пипа Испанскаго вина обмѣнивается именно на такое количество англійскаго полотна? Мы видѣли, что причина тутъ не стоимость производства. Еслибъ и вино и полотно произведены были въ Испаніи, они обмѣнивались бы по испанской стоимости своего производства; если бы и тотъ и другой товаръ произведены были въ Англіи, они обмѣнивались бы по англійской стоимости своего производства; но все вино произведено въ Испаніи, а все полотно въ Англіи, слѣдовательно обстоятельства дѣла таковы, что къ нимъ не примѣняется законъ стоимости производства (какъ мы уже нашли выше). Итакъ мы должны, какъ дѣлали прежде въ подобномъ затрудненіи обратиться къ закону болѣе коренному, къ уравненію запроса и снабженія; въ немъ мы опять найдемъ разрѣшеніе нашего недоумѣнія.

Я изложилъ этотъ вопросъ въ отдѣльной статьѣ, на которую ссылался выше, и отрывокъ, выписанный мною изъ нея въ предъидущей главѣ, послужитъ наилучшимъ введеніемъ къ изложенію моихъ понятій о настоящемъ дѣлѣ. Я долженъ замѣтить, что мы теперь находимся въ сферѣ самыхъ многосложнѣйшихъ вопросовъ изъ всѣхъ вопросовъ политической экономіи; что дѣло это не можетъ быть изложено элементарнымъ образомъ, и что рядъ слѣдующихъ выводовъ требуетъ болѣе продолжительнаго усилія внимательности, чѣмъ требовалось въ прежнихъ частяхъ нашего трактата. Но нить, держаться которой мы будемъ тутъ, сама по себѣ проста и легка; единственная трудность въ томъ, чтобы слѣдить ее во всѣхъ изворотахъ и сплетеніяхъ международной торговли.

2. «Когда ведется торговля между двумя странами, два обмѣниваемые товара будутъ обмѣниваться другъ на друга и въ той и въ другой странѣ по одинаковой пропорціи (не считая стоимости провоза, которую на первый разъ удобнѣе будетъ оставить безъ вниманія). Итакъ, предположивъ для простоты анализа, что перевозъ товаровъ изъ страны въ страну можетъ производиться безъ

труда и стоимости, мы увидимъ, что какъ только откроется торговля, цѣнность обоихъ товаровъ по оцѣнкѣ одного изъ нихъ на другой, прійдетъ къ одному уровню въ той и въ другой странѣ.

«Предположимъ, что 10 ярдовъ сукна въ Англіи имѣютъ стоимость 15 ярдовъ полотна, а въ Германіи 20 ярдовъ полотна». По общему примѣру своихъ предшественниковъ, я нахожу полезнымъ въ этихъ запутанныхъ изслѣдованіяхъ давать понятію ясность и опредѣлительность численными примѣрами. Примѣры эти должны бывать чисто гипотетическими, какъ и въ настоящемъ случаѣ. Я предпочелъ бы реальные примѣры; но существенная важность лишь въ одномъ: цифры должны быть таковы, чтобы за каждою изъ нихъ легко было слѣдить по всѣмъ комбинаціямъ, въ которыя она входитъ.

При условіяхъ нами предположенныхъ, Англіи будетъ выгодно вывозить изъ Германіи полотно, а Германіи—вывозить изъ Англіи сукно. «Если бы каждая страна производила для себя оба товара, 10 ярдовъ сукна обмѣнивались бы въ Англіи на 15 ярдовъ полотна, въ Германіи на 20. А теперь, 10 ярдовъ сукна будутъ и въ той и въ другой странѣ обмѣниваться на одинаковое число ярдовъ полотна,—на какое жъ именно число? Если на 15, Англія вовсе не будетъ имѣть выгоды, а Германія будетъ имѣть всю выгоду. Если за 20, всю выгоду будетъ имѣть Англія, Германія никакой. Если за какое нибудь число среднее между 15 и 20, выгода раздѣлится между обѣими странами. Если, напримѣръ, 10 ярдовъ сукна обмѣниваются на 18 ярдовъ полотна, Англія отъ каждыхъ 15 ярдовъ получитъ выгоды 3 ярда, а Германія изъ каждыхъ 20 ярдовъ сбережетъ 2. Вопросъ въ томъ, какими причинами опредѣляется пропорція, по которой англійское сукно будетъ обмѣниваться на нѣмецкое полотно.

«Мѣновая цѣнность и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, чрезвычайно непостоянна; потому все равно, по какой пропорціи предположимъ мы происходящимъ обмѣнъ при его началѣ: мы скоро увидимъ, что существуетъ опредѣленная пропорція, около которой онъ колеблется, къ которой всегда стремится подойти, чтобы остановиться на ней. Итакъ предположимъ, что по такъ называемой у Адама Смита, перекупкѣ рынка, 10 ярдовъ сукна въ той и другой странѣ обмѣниваются на 17 ярдовъ полотна.

«Запросъ на товаръ, то есть количество товара, могущее найти покупщиковъ, измѣняется, какъ мы знаемъ, соотвѣтственно цѣнѣ. Въ Германіи цѣна 10 ярдовъ сукна теперь 17 ярдовъ полотна,

или такое количество денегъ, какое въ Германіи равноцѣнно 17 ярдамъ полотна. При такой цѣнѣ будетъ запросъ на извѣстное число ярдовъ сукна, то есть найдутся покупщики на это количество. Есть извѣстное количество сукна, больше котораго нельзя продать при этой цѣнѣ, а меньше котораго при этой цѣнѣ будетъ не достаточно на удовлетвореніе запросу. Положимъ, что это количество 1000 разъ по 10 ярдовъ.

«Посмотримъ теперь на Англію. Тамъ цѣна 17 ярдовъ полотна—10 ярдовъ сукна или количество денегъ, равноцѣнное въ Англіи 10 ярдамъ сукна. Есть извѣстное число ярдовъ полотна, равно удовлетворяющее запросу и не превышающее его при такой цѣнѣ. Положимъ, что это число 1000 разъ 17 ярдовъ.

«1000 разъ 17 ярдовъ полотна относятся къ 1000 разъ 10 ярдовъ сукна какъ 17 ярдовъ къ 10 ярдамъ. При существующей мѣновой цѣнности полотно, требуемое Англіей, будетъ въ точности оплачивать собою сукно, требуемое Германіею при той же пропорціи обмѣна. Съ каждой стороны запросъ какъ разъ достаточенъ на доставленіе сбыта снабженію съ другой стороны. Условія, требуемыя принципомъ запроса и снабженія исполнены; потому обмѣнъ сукна на полотно будетъ продолжаться по пропорціи, предположенной нами, по 18 ярдовъ полотна за 10 ярдовъ сукна.

«Но можно сдѣлать иныя предположенія. Предположимъ, что при принятой пропорціи обмѣна, Англія была расположена потреблять полотна только 800 разъ 17 ярдовъ; очевидно, что при предположенной нами пропорціи это количество не было бы достаточно на уплату за 1000 разъ 10 ярдовъ сукна, которыхъ по нашему предположенію требуетъ Германія при принятой нами цѣнности. Германія при этой цѣнѣ получила бы только 800 разъ 10 ярдовъ. Чтобы получить остальные 200 разъ 10 ярдовъ, она имѣла бы лишь одно средство—давать за сукно дороже; она предложила бы больше 17 ярдовъ полотна за 10 ярдовъ сукна; положимъ, что она предложила бы 18. При такой цѣнѣ Англія вѣроятно стала бы расположена покупать больше полотна. Быть можетъ она стала бы при этой цѣнѣ потреблять 900 разъ 18 ярдовъ. Съ другой стороны при возвышеніи цѣны сукна, запросъ въ Германіи на него вѣроятно уменьшился бы. Если вмѣсто 1000 разъ 10 ярдовъ она довольствуется теперь 900 разъ 10 ярдовъ, этимъ количествомъ сукна будетъ въ точности оплачиваться 900 разъ 18 ярдовъ полотна, которые Англія желаетъ брать по этой измѣненной цѣнѣ. Запросъ съ каждой стороны опять будетъ равно достаточенъ на достав-

леніе сбыта соотвѣтствующему снабженію; и пропорція, по которой въ обѣихъ странахъ сукно станетъ обмѣниваться за полотно, будетъ 10 ярдовъ за 18.

«Будетъ ли оборотъ, если по пропорціи 10 ярдовъ за 17 Англія хотѣла бы брать полотна не 800 разъ 17 ярдовъ полотна, какъ мы предполагали прежде, а 1200 разъ 17 ярдовъ. Въ этомъ случаѣ Англія та страна, запросъ которой не вполнѣ снабженъ; она та страна, которая желая больше полотна, измѣнитъ пропорцію обмѣна къ уменьшенію своей выгоды; и 10 ярдовъ сукна въ обѣихъ странахъ упадутъ ниже цѣнности 17 ядровъ полотна. Отъ этого удешевленія сукна или, что тоже самое, вздорожанія полотна, запросъ Германіи на сукно увеличится, а запросъ Англіи на полотно уменьшится до такой пропорціи обмѣна, какая окажется приспособленною къ тому, чтобы полотно и сукно равно уплачивали другъ за друга и по достиженіи этой величины цѣнности останутся безъ дальнѣйшей перемѣны.

«Итакъ можно назвать доказаннымъ дѣломъ то, что когда двѣ страны торгуютъ между собою двумя товарами, мѣновая цѣнность этихъ товаровъ относительно другъ друга приспособится къ охотѣ и положенію потребителей въ той и другой странѣ такъ, что требуемыя каждою изъ этихъ странъ количества товаровъ, ввозимыхъ ею изъ другой страны, будутъ ровно достаточны на уплату другъ за друга. А охоту и положеніе потребителей нельзя подвести ни подъ какое правило, потому нельзя подвести подъ правило и того, по какой пропорціи будутъ обмѣниваться товары. Мы знаемъ, что границами колебанія тутъ служатъ: пропорція между стоимостью производства этихъ товаровъ въ одной странѣ и въ другой странѣ. 10 ярдовъ сукна не могутъ обмѣниваться больше, чѣмъ за 20 ярдовъ полотна и не могутъ обмѣниваться меньше, чѣмъ за 12 ярдовъ его. Но могутъ обмѣниваться за всякую цифру между этими двумя. Такимъ образомъ не одинаковы бываютъ пропорціи, въ которыхъ выгода торговли можетъ раздѣляться между двумя торгующими націями. Какими обстоятельствами опредѣляется доля той или другой страны въ выгодѣ торговли, — это можно указать лишь въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ.

«Можно представить даже крайній случай, въ которомъ вся проистекающая изъ обмѣна выгода получалась бы одною стороною, а другая сторона ровно ничего не выигрывала бы. Нѣтъ логической несообразности въ той гипотезѣ, что извѣстнаго товара тре-

буется лишь извѣстное количество, какъ бы не уменьшилась его цѣна; и что когда это количество получено, то никакое пониженіе его мѣновой цѣнности не вызоветъ новыхъ покупателей и не расположитъ прежнихъ покупателей потреблять больше прежняго. Пусть будетъ таково положеніе сукна въ Германіи. Предположимъ, что до начала торговли съ Англіей, когда 10 ярдовъ сукна стоили Германіи такого же количества труда, какъ 20 ярдовъ полотна, Германія уже потребляла столько сукна, сколько было бы ей нужно при какихъ угодно условіяхъ и не захотѣла бы потреблять сукна больше, если бы могла получать его по пропорціи 10 ярдовъ за 15 ярдовъ полотна. Пусть это неподвижное количество 1000 разъ 10 ярдовъ. Но при пропорціи 10 ярдовъ сукна за 20 ярдовъ полотна Англіи надобно больше полотна, чѣмъ сколько получается за сукно при такихъ цѣнностяхъ. Потому она предложитъ за полотно высшую цѣнность или тоже самое, станетъ предлагать свое сукно дешевле. А никакимъ пониженіемъ цѣнности не склонитъ она Германію брать сукна больше прежняго, потому не будетъ предѣла вздорожанію полотна или удешевленію сукна до той пропорціи, при которой запросъ Англіи на полотно отъ возвышенія его цѣнности уменьшится до количества, какое покупается, за 1000 разъ 10 ярдовъ сукна. Быть можетъ, чтобы произвести такое уменьшеніе въ запросѣ, сукно должно упасть въ цѣнѣ не меньше какъ до того, чтобы 10 ярдовъ сукна обмѣнивались на 15 ярдовъ полотна. Тогда Германія получитъ всю выгоду, а для Англіи дѣло останется какъ было до начала торговли. Но для самой Германіи выгодно будетъ держать свое полотно нѣсколько пониже цѣнности, по какой могло бы оно производиться въ Англіи, чтобы охранять себя отъ подрыва англійскимъ производствомъ полотна. Потому Англія непремѣнно будетъ получать нѣсколько пользы отъ существованія торговли, хотя можетъ польза эта быть очень незначительною».

Въ этихъ словахъ заключается по моему мнѣнію первый элементарный принципъ теоріи международныхъ цѣнностей. Я предполагалъ тутъ, какъ всегда дѣлается въ абстрактныхъ и гипотетическихъ анализахъ, обстоятельства, гораздо менѣе сложныя, чѣмъ какія бываютъ въ дѣйствительности:—вопервыхъ я отстранялъ всѣ издержки перевозки, вовторыхъ предполагалъ, что торгуютъ между собою только двѣ страны; въ третьихъ, что онѣ торгуютъ лишь двумя товарами. Чтобы изложеніе принципа было полно, надобно возстановить эти обстоятельства, навремя выпускавшіяся нами для

упрощенія аргументаціи. Человѣкъ, привыкшій къ научнымъ изслѣдованіямъ, вѣроятно и безъ формальныхъ доказательствъ видитъ, что введеніе этихъ обстоятельствъ не измѣняетъ теорію предмета. Сколько бы странъ ни торговали между собою и какимъ бы числомъ товаровъ ни торговали, дѣло должно идти по тѣмъ же существеннымъ принципамъ, какъ торговля двумя товарами между двумя странами. Отъ увеличенія числа силъ, дѣйствующихъ совершенно одинаково, законъ ихъ дѣйствія не можетъ измѣняться, какъ не измѣняется законъ тяготѣнія отъ поставки новыхъ гирь на чашки вѣсовъ. Тутъ измѣняются лишь численные выводы. Но для полнѣйшаго убѣжденія мы вникнемъ въ сложные случаи съ такою же внимательностью, съ какою изложили простѣйшій случай.

3. Вопервыхъ введемъ элементъ стоимости провоза. Главная разница окажется та, что сукно и полотно будутъ обмѣниваться другъ на друга уже не совершенно по одной пропорціи въ той и другой странѣ. Полотно, которое надобно перевозить въ Англію, станетъ въ ней дороже на стоимость провоза; а сукно будетъ въ Германіи дороже на стоимость своего провоза изъ Англіи. Полотно по оцѣнкѣ на сукно будетъ въ Англіи дороже, чѣмъ въ Германіи, на сумму стоимости провоза обоихъ этихъ товаровъ; на такую же сумму будетъ въ Германіи дороже сукно по оцѣнкѣ на полотно. Предположимъ, что стоимость провоза каждаго изъ этихъ товаровъ равноцѣнна одному ярду полотна; и предположимъ, что, еслибъ провозъ ихъ ничего не стоилъ, они обмѣнивались бы по пропорціи 10 ярдовъ сукна за 17 ярдовъ полотна. На первый взглядъ можетъ показаться, будто каждая страна будетъ платить за стоимость своего провоза, то есть за провозъ товара, который беретъ она изъ другой страны; что въ Германіи 10 ярдовъ сукна будутъ обмѣниваться за 18 ярдовъ полотна (основные 17 ярдовъ и 1 ярдъ на покрытіе расходовъ провоза сукна), а въ Англіи за 10 ярдовъ сукна будетъ покупаться только 16 ярдовъ полотна (за вычетомъ 1 ярда на стоимость провоза полотна). Но нельзя сказать положительно, что будетъ такъ: такъ будетъ лишь въ томъ случаѣ, если полотномъ, какое англійскіе потребители берутъ по цѣнѣ 10 ярдовъ сукна за 16 ярдовъ полотна, въ точности оплачивается то сукно, какое германскіе потребители возьмутъ по цѣнѣ 10 ярдовъ сукна за 18 ярдовъ полотна. Цѣнности должны имѣть величину, при которой установлялось бы такое равновѣсіе. Потому и для раздѣла стоимости провоза нельзя опредѣлить общаго правила, какъ нѣтъ его для раздѣла выгоды; нельзя

сказать и того, что стоимость провоза дѣлилась въ такой же пропорціи, въ какой дѣлилась выгода. Нельзя сказать, производящая или покупающая страна получила бы больше выгоды, если бы можно было уничтожить стоимость провозовъ. Это зависитъ отъ отношеній международнаго запроса.

Стоимость провоза производитъ еще другой результатъ. Безъ провоза при свободной торговлѣ каждый товаръ занималъ бы непремѣнно одно положеніе, или постоянно ввозился бы или постоянно вывозился бы. Страна не производила бы для себя ничего такого, чего не производила бы также и для другихъ странъ. Но отъ стоимости провоза происходитъ то, что есть много предметовъ, которые каждая или почти каждая страна производитъ у себя дома; таковы въ особенности громоздкіе товары. За вывозомъ предметовъ, производство которыхъ особенно успѣшно въ странѣ и за ввозомъ товаровъ, производство которыхъ особенно не успѣшно въ ней, остается много предметовъ, занимающихъ средину между ними, предметовъ, въ которыхъ разница относительной стоимости производства въ разныхъ странахъ такъ мала, что стоимость провоза съ излишкомъ превышала бы все то сбереженіе въ стоимости производства, какое получалось бы отъ ввоза однихъ и вывоза другихъ товаровъ. Таковы многочисленные товары простонароднаго потребленія, въ томъ числѣ дешевые сорты многихъ съѣстныхъ припасовъ и фабричныхъ издѣлій, высшіе сорты которыхъ служатъ предметомъ обширной международной торговли.

4. Введемъ теперь другое обстоятельство,—то, чтобы число товаровъ было больше, чѣмъ два. Но пусть сукно и полотно останутся товарами, сравнительная стоимость производства которыхъ въ Англіи и въ Германіи имѣетъ наибольшую разницу, такъ что еслибъ торговля ограничивалась двумя товарами, наиболѣе выгоды для Англіи и Германіи было бы въ обмѣнѣ сукна и полотна. Теперь мы опять отбросимъ стоимость провоза, которая только усложняетъ изложеніе вопроса, не измѣняя, какъ мы видѣли, сущность его. Предположимъ же, что запросъ Англіи на полотно или гораздо больше запроса Германіи на сукно или гораздо сильнѣе можетъ расширятся отъ удешевленія товара, такъ что если бы у Англіи небыло никакого нужнаго для Германіи товара кромѣ сукна, то перевѣсомъ англійскаго запроса установилась бы пропорція обмѣна 10 ярдовъ сукна только на 16 ярдовъ полотна, и Англія выигрывала бы лишь разницу между 15 и 16, а Германія разницу между 16 и 20. Но предположимъ, что Англія имѣетъ еще другой то-

варъ, напримѣръ желѣзо, на который есть запросъ въ Германіи, и что количество желѣза, равноцѣнное въ Англіи 10 ярдамъ сукна (пусть это количество желѣза будетъ центнеръ), будетъ въ германскомъ производствѣ стоить труда равнаго 18 ярдамъ полотна, такъ что если Англія станетъ предлагать его за 17 ярдовъ, она подорветъ германскаго производителя. При такихъ условіяхъ полотно не поднимется до пропорціи 16 ярдовъ за 10 ярдовъ сукна, а остановится на меньшей цѣнности, напримѣръ, на обмѣнѣ 17 ярдовъ за 10 ярдовъ сукна. При такой пропорціи обмѣна Германія не станетъ брать столько сукна, чтобы имъ уплачивалось за все полотно, нужное для Англіи; но за остальную цѣнность полотна Германія возметъ желѣзо, а для Англіи все равно, давать ли центнеръ желѣза или 10 ярдовъ сукна, когда стоимость производства этихъ двухъ предметовъ одинакова для нея. Если мы теперь прибавимъ со стороны Англіи каменный уголь или коленкоръ, а со стороны Германіи вино, хлѣбъ и лѣсъ, основаніе дѣла останется прежнее. Количествомъ вывоза изъ каждой страны должно вполнѣ оплачиваться количество ввоза въ нее, разумѣя теперь общую сумму вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ, а не количество того или другаго товара въ отдѣльности. Продуктъ 50 дней англійскаго труда въ сукнѣ, каменномъ углѣ, желѣзѣ или другомъ вывозимомъ товарѣ будетъ обмѣниваться на продуктъ 40, 50 или 60 дней нѣмецкаго труда въ полотнѣ, винѣ, хлѣбѣ или лѣсѣ, смотря по международному запросу. Непремѣнно будетъ извѣстная пропорція, при которой запросъ каждой изъ этихъ странъ на продукты другой будетъ въ точности соразмѣренъ запросу этой второй страны на продукты первой, такъ чтобы вещами, доставляемыми Германіею Англіи, вполнѣ уплачивались безъ недочета или излишка вещи, доставляемыя Англіею Германіи. Именно эта пропорція и будетъ тою пропорціею, въ какой продуктъ англійскаго труда будетъ обмѣниваться на продуктъ германскаго труда.

Такимъ образомъ, на вопросъ: «какая страна получаетъ себѣ больше выгоды отъ торговли съ другими?» надобно отвѣчать: та страна, на продукты которой больше запроса въ другихъ странахъ и продукты которой таковы, что запросъ на нихъ способнѣе расширяться отъ удешевленія. На сколько продукты страны имѣютъ это свойство, на столько и уменьшается стоимость, по которой получаетъ она всѣ заграничные товары. Она получаетъ ввозимые товары тѣмъ дешевле, чѣмъ сильнѣе запросъ другихъ странъ на товары, ею вывозимые. Точно также она получаетъ ввозимые то-

вары тѣмъ дешевле, чѣмъ меньше размѣръ и настоятельность ея запроса на нихъ. Рынокъ бываетъ дешевъ для тѣхъ, чей запросъ малъ. Если страна требуетъ лишь немногихъ заграничныхъ продуктовъ и лишь въ ограниченномъ количествѣ, а ея собственные товары очень сильно требуются въ заграничныхъ странахъ, то она будетъ получать свой небольшой ввозъ по чрезвычайно малой стоимости, т. е. въ обмѣнъ за продуктъ очень небольшаго количества своего труда и капитала.

Вмѣсто первоначальныхъ двухъ товаровъ, мы ввели въ гипотезу большое количество товаровъ, теперь введемъ въ нее вмѣсто двухъ странъ большее количество странъ. Предположимъ, что когда запросъ Англіи на германское полотно поднялъ пропорцію обмѣна до 10 ярдовъ сукна за 16 ярдовъ полотна, открылась торговля между Англіею и какою нибудь другою страною, также вывозящею полотно. Предположимъ также, что если бы Англія имѣла торговлю лишь съ этою третьею страною, то по отношенію международнаго запроса могла бы получать отъ нея за 10 ярдовъ сукна или за равноцѣнный тому товаръ 17 ярдовъ полотна. Очевидно она не захочетъ продолжать покупку полотна у Германіи по прежней пропорціи: Германія будетъ подорвана дешевизною и должна согласиться давать 17 ярдовъ, какъ даетъ это третья страна. Тутъ мы предполагаемъ, что обстоятельства производства и запроса въ этой третьей странѣ сами по себѣ выгоднѣе для Англіи, чѣмъ обстоятельства въ Германіи, но нѣтъ необходимости въ такомъ предположеніи: можно предположить, что еслибы торговли съ Германіею не было, Англія была бы принуждена давать этой третьей странѣ такія же выгодныя условія, какія даетъ Германіи: 10 ярдовъ сукна за 16, или меньше чѣмъ за 16 ярдовъ полотна. Даже и въ этомъ случаѣ открытіемъ торговли съ третьею страною дѣло сильно измѣняется въ пользу Англіи. Теперь для англійскаго вывоза есть двойной рынокъ, а запросъ Англіи на полотно остался прежній. Отъ этого необходимо получаются Англіею болѣе выгодныя условія обмѣна. Двѣ страны, требуя гораздо больше ея продукта, чѣмъ требовалось тою или другою изъ нихъ въ отдѣльности, должны для полученія этого продукта усилить въ Англіи запросъ на свои вывозные товары, предлагая ихъ по низшей цѣнности.

Надобно замѣтить, что эту пользу отъ открытія другаго рынка для своихъ товаровъ Англія также получила бы и тогда, когда страна требующая англійскихъ товаровъ сама вовсе не имѣла на продажу такихъ товаровъ, какіе нужны для Англіи. Предположимъ,

*

что эта третья страна, требуя сукна или желѣза изъ Англіи, не производитъ ни полотна, ни какого другаго товара, требуемаго Англіею. Но все-таки она производитъ товары на вывозъ, безъ того не было бы у ней средствъ для платы за ввозъ; вывозимые ею товары, не годясь для англійскаго потребителя, имѣютъ возможность сбыта на иной рынокъ. Въ нашу гипотезу входятъ только три страны, потому надобно принять, что этотъ рынокъ находитъ она въ Германіи и за свой ввозъ платитъ переводами на своихъ германскихъ покупателей. Такимъ образомъ Германія, кромѣ платы за свой ввозъ, должна теперь уплачивать Англіи за эту третью страну и средства для этой удвоенной уплаты должны ей доставляться вывозомъ ея продуктовъ. Слѣдовательно она должна предлагать этотъ продуктъ Англіи на условіяхъ, благопріятностью которыхъ возбуждался бы запросъ, равноцѣнный этому двойному долгу. Дѣло пойдетъ точно также, какъ если бы третья страна покупала германскій продуктъ на свои товары и предлагала его Англіи въ обмѣнъ за ея товары. Увеличился запросъ на англійскіе товары, уплата за которые должна доставляться германскими товарами; а германскіе товары могутъ сдѣлаться достаточны для уплаты лишь чрезъ увеличеніе запроса на нихъ въ Англіи, т. е. чрезъ пониженіе ихъ цѣнности. Такимъ образомъ, если запросъ на товары, вывозимые извѣстною страною, увеличивается въ какой нибудь другой странѣ, то первая страна начинаетъ дешевле прежняго получать даже тѣ товары, которые ввозитъ не изъ этой второй, а изъ иныхъ странъ. И наоборотъ, увеличеніе запроса ея на какой нибудь заграничный товаръ принуждаетъ ее (при неизмѣнности остальныхъ условій) дороже прежняго платить за всѣ заграничные товары.

Законъ, который разъясняли мы этими примѣрами, можно назвать уравненіемъ международнаго запроса. Въ короткихъ словахъ онъ таковъ: продуктъ извѣстной страны обмѣнивается за продуктъ другихъ странъ по такимъ цѣнностямъ, чтобы суммою вывоза изъ этой страны въ точности оплачивалась сумма ввоза въ нее. Этотъ законъ международныхъ цѣнностей—лишь расширеніе того общаго закона цѣнности, который назвали мы уравненіемъ снабженія и запроса (кн. III, гл. 2, §. 4). Мы видѣли, что цѣнность товара всегда приспособляется такъ, чтобы запросъ становился въ уровень съ предложеніемъ, но всякая торговля и между отдѣльными лицами и между націями — обмѣнъ товаровъ, въ которомъ предметы, продаваемые одною страною служатъ для нея и средствомъ покупки.

Снабженіе, ею доставляемое, служитъ ея запросомъ на предметы, доставляемые другою стороною. Такимъ образомъ сказать: «снабженіе и запросъ» значитъ сказать то же самое, что «взаимный запросъ», и говоря: «цѣнность приспособляется такъ, чтобы запросъ уравнивался съ снабженіемъ», мы тѣмъ самымъ говоримъ: цѣнность приспособляется такъ, чтобы запросъ съ одной стороны уравнивался запросу съ другой стороны.

5. На разборъ послѣдствій этого закона международныхъ цѣнностей по всѣмъ ихъ широкимъ развѣтвленіямъ понадобилось бы больше мѣста, чѣмъ сколько можно посвятить здѣсь такому дѣлу. Но долженъ я замѣтить одно изъ его примѣненій, которое не лишено важности само по себѣ, относясь къ предмету слѣдующей главы, а въ особенности важно потому, что ведетъ къ полнѣйшему и яснѣйшему пониманію закона, изъ котораго вытекаетъ.

Мы видѣли, что цѣнность, по которой страна покупаетъ заграничный товаръ, опредѣляется не тѣмъ, какова стоимость производства въ странѣ, изъ которой онъ получается. Предположимъ теперь перемѣну въ стоимости его производства, напримѣръ улучшеніе въ процессахъ его выдѣлки. Получатъ ли другія страны полную долю выгоды отъ этого улучшенія? Будетъ ли товаръ продаваться за границу на столько же дешевле, на сколько удешевилось его производство? Этотъ вопросъ и соображенія, нужныя для его разрѣшенія, очень хороши для провѣрки нашей теоріи.

Предположимъ сначала, что улучшеніемъ создается новая отрасль вывоза, что иностранцы начинаютъ брать изъ страны товаръ, который прежде производили у себя. При такомъ предположеніи заграничный запросъ на продукты страны увеличивается; отъ этого международныя цѣнности необходимо измѣняются въ пользу ей и въ невыгоду заграничныхъ странъ, которыя, участвуя въ выгодѣ, даваемой новымъ продуктомъ, должны покупать эту выгоду тѣмъ, что платятъ за всѣ другіе продукты страны дороже прежняго, — на сколько именно дороже, это опредѣляется размѣромъ перемѣны, нужной на то, чтобы возстановить при новыхъ условіяхъ уравненіе международныхъ цѣнностей. Эти выводы съ очевидностію вытекаютъ изъ закона международныхъ цѣнностей и я не буду тратить мѣсто на ихъ разъясненіе, а перейду къ болѣе обыкновенному случаю, когда улучшеніемъ не создается новая статья вывоза, а понижается стоимость производства какого нибудь товара, уже вывозившагося и прежде.

При разборѣ такихъ многосложныхъ явленій выгодно употреблять опредѣленныя цифры, потому возвратимся къ нашему прежнему примѣру. На производство 10 ярдовъ сукна въ Германіи потребовалось бы такое же количество труда и капитала, какъ на производство 20 ярдовъ полотна; но по отношеніямъ международнаго запроса 10 ярдовъ сукна можно получать изъ Англіи за 17 ярдовъ полотна. Предположимъ теперь, что благодаря механическому усовершенствованію, которое не можетъ перенестись въ Англію, Германія стала производить 30 ярдовъ полотна тѣмъ самымъ количествомъ труда и капитала, какимъ прежде производила 20 ярдовъ. Полотно на германскомъ рынкѣ падаетъ на третью часть своей цѣнности сравнительно съ другими товарами, производимыми въ Германіи. Упадетъ ли оно на третью часть и по сравненію съ англійскимъ сукномъ и получитъ ли такимъ образомъ Англія одинаково съ Германіею полную долю пользы отъ улучшенія? Или не слѣдуетъ ли разсуждать такимъ образомъ: стоимость, по какой получала полотно Англія, опредѣлялась не стоимостью производства полотна для Германіи; слѣдовательно Англія не получала полной выгоды изъ прежняго положенія, когда Германія могла бы давать за 10 ярдовъ сукна 20 ярдовъ полотна, а между тѣмъ давала Англіи 17 ярдовъ; почему же новое положеніе будетъ выгоднѣе для Англіи лишь отъ той перемѣны, что эта теоретическая граница отодвинулась на 10 ступеней дальше.

Очевидно, что въ началѣ цѣнность полотна въ Германіи отъ улучшенія понизится относительно всѣхъ товаровъ нѣмецкаго рынка и въ томъ числѣ даже относительно ввознаго товара, сукна. Если за 10 ярдовъ сукна прежде давалось въ обмѣнъ 17 ярдовъ полотна, теперь будетъ даваться на половину больше или 25½ ярдовъ. Но удержится ли такая цѣнность, это зависитъ отъ вліянія, какое произведетъ на международный запросъ удешевленіе полотна. Запросъ на полотно въ Англіи увеличится, — это почти неизбѣжно. Но онъ можетъ увеличиться въ такой же пропорціи, въ какой удешевилось полотно, или сильнѣе или слабѣе этой пропорціи.

Если запросъ увеличился въ одной пропорціи съ удешевленіемъ, Англія будетъ брать столько же разъ 25½ ярдовъ полотна, сколько разъ прежде брала 17 ярдовъ. Она будетъ расходовать на полотно ровно столько же сукна или вещей, равноцѣнныхъ сукну, словомъ сказать, столько же своего національнаго дохода, сколько прежде. А Германія при этой пропорціи обмѣна будетъ вѣроятно требовать сукна столько же, какъ прежде, потому что въ сущности оно

будетъ стоить ей столько же, какъ прежде (25½ ярдовъ полотна имѣютъ теперь на германскомъ рынкѣ такую же цѣнность какъ прежде, — 17 ярдовъ). Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ обмѣнъ 10 ярдовъ сукна за 25½ ярдовъ полотна будетъ пропорціею, возстановляющею уравненіе національнаго запроса при новыхъ условіяхъ и Англія будетъ получать полотно на половину дешевле прежняго, имѣя такую же выгоду, какою пользуется Германія.

Но можетъ случиться, что при такомъ удешевленіи полотна запросъ на него въ Англіи увеличится въ большей пропорціи, чѣмъ удешевилось оно; что Англія, прежде требовавшая 1000 разъ 17 ярдовъ, теперь потребуетъ больше, чѣмъ 1000 разъ 25½ ярдовъ на удовлетвореніе своего запроса. Въ этомъ случаѣ уравненіе международнаго запроса не можетъ установиться при такой пропорціи обмѣна; Англія должна въ уплату за полотно предлагать сукно на условіяхъ болѣе выгодныхъ для Германіи, напр. по 10 ярдовъ сукна за 21 ярдъ полотна; такъ что Англія не будетъ имѣть полной выгоды отъ усовершенствованія въ производствѣ полотна, а Германія, имѣя полную выгоду отъ него, будетъ кромѣ того дешевле прежняго платить за сукно. Но можетъ случиться и наоборотъ, что Англія не имѣетъ желанія увеличить свое потребленіе полотна даже и въ той пропорціи, въ какой удешевилось полотно. Что ей нужно меньше чѣмъ 1000 разъ 25½ ярдовъ; въ этомъ случаѣ Германія должна возбуждать въ Англіи запросъ, предлагая больше 25½ ярдовъ полотна за 10 ярдовъ сукна; полотно въ Англіи удешевится еще въ большей пропорціи, чѣмъ въ Германіи, а Германія будетъ получать сукно на условіяхъ, менѣе прежняго выгодныхъ, по мѣновой цѣнности высшей прежняго.

Послѣ всего сказаннаго нами, нѣтъ надобности разсматривать подробности того, какъ измѣнились бы эти результаты отъ введенія въ гипотезу еще другихъ странъ и другихъ товаровъ. Есть еще одно обстоятельство, которымъ также измѣняются эти результаты. Мы предполагали, что у германскихъ потребителей отъ удешевленія полотна освободилась часть дохода, которую они могутъ издерживать на увеличеніе своего потребленія полотна, но могутъ также расходовать и на другіе предметы, между прочимъ на сукно или другіе ввозные товары: если такъ, то явится въ международномъ запросѣ новый элементъ, болѣе или менѣе измѣняющій условія обмѣна.

Который изъ трехъ шансовъ вліянія дешевизны на запросъ — шансъ самый вѣроятный: увеличится ли запросъ больше дешевиз-

ны или ровно съ нею или больше ея? это зависитъ отъ характера данпаго товара и отъ вкусовъ покупателей. Если товаръ нуженъ всѣмъ и удешевляясь становится доступнымъ гораздо обширнѣйшему классу доходовъ, чѣмъ прежде, запросъ часто возрастаетъ въ пропорціи, большей пониженія цѣны и на все потребленіе этого товара расходуется въ суммѣ больше денегъ, чѣмъ прежде. Такъ было съ кофе, когда цѣна его понижалась постепеннымъ уменьшеніемъ пошлины; вѣроятно такъ было бы съ сахаромъ, виномъ и обширнымъ классомъ предметовъ, которые, не будучи предметами необходимости, потребляются многими и которые многими потребляются изобильнѣе при дешевизнѣ ихъ и скупѣе при дороговизнѣ. Но чаще случается, что при уменьшеніи цѣны товара уменьшается расходуемая на него сумма денегъ: количество потребленія увеличивается, но цѣнность его уменьшается. Потребитель, расходъ котораго уменьшился удешевленіемъ товара, вѣроятно станетъ расходовать часть остатка на то, чтобы больше потреблять другихъ предметовъ, и общая сумма расхода на подешевѣвшій товаръ станетъ меньше, если дешевизна не привлечетъ обширнаго класса новыхъ покупателей, вовсе не бывшихъ потребителями этого товара или употреблявшихъ его мало и лишь изрѣдка. Потому говоря вообще, самый вѣроятный изъ нашихъ трехъ шансовъ тотъ, что запросъ возрастетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ понижается цѣна, и улучшеніе въ производствѣ вывозимаго товара чаще всего становится для чужихъ странъ столь же выгодно, какъ для страны, производящей товаръ, или даже больше чѣмъ для нея.

6. Этимъ ограничивался анализъ теоріи международныхъ цѣнностей въ первыхъ двухъ изданіяхъ моего трактата. Но дѣльныя замѣчанія критиковъ и дальнѣйшія изслѣдованія показали мнѣ, что понятія, изложенныя на предъидущихъ страницахъ, будучи правильны, еще не исчерпываютъ всей теоріи предмета.

Мы видѣли, что ввозъ и вывозъ между двухъ странъ (или предполагая не двѣ страны, а больше, между каждою страною и остальнымъ міромъ) должны въ общей суммѣ оплачиваться одинъ другимъ, а слѣдовательно обмѣниваться другъ за друга такими цѣнностями, какія сообразны съ уравненіемъ международнаго запроса. Но этими понятіями еще не дается полный законъ международнаго обмѣна, какъ обнаруживается изъ того, что условіямъ этого уравненія могутъ одинаково удовлетворять разныя пропорціи международной цѣнности.

Наша гипотеза была та, что Англія могла производить 10 ярдовъ сукна тѣмъ же трудомъ какъ 15 ярдовъ полотна, а Германія тѣмъ же трудомъ какъ 20 ярдовъ полотна; что открылась торговля между этими странами и послѣ того Германія ограничилась производствомъ полотна, Англія производствомъ сукна, и что при обмѣнѣ 10 ярдовъ сукна на 17 ярдовъ полотна взаимный запросъ Англіи и Германіи будетъ съ точностью удовлетворяться; напримѣръ если Англія при этой цѣнѣ требуетъ 17,000 ярдовъ полотна, то Германія требуетъ ровно 10,000 ярдовъ сукна, ровно то количество сукна, какое должна отдавать Англія за полотно. При такихъ условіяхъ гипотезы казалось, что пропорція международной цѣнности фактически будетъ 10 ярдовъ сукна за 17 ярдовъ полотна.

Но очень можетъ быть, что условіямъ уравненія международнаго запроса стала бы удовлетворять и какая нибудь другая пропорція, наприм. 10 ярдовъ сукна за 18 ярдовъ полотна. Предположимъ, что при этой пропорціи Англія потребуетъ больше полотна, чѣмъ при пропорціи 10 за 17, но требованіе увеличится при первой пропорціи не на столько, на сколько она дешевле второй, а меньше; что Англія потребуетъ не 18,000 ярдовъ полотна, какіе могла бы получать за 10,000 ярдовъ сукна, а удовольствовалась бы 17,500, за которые заплатила бы (по новой пропорціи 10 за 18) 9,722 ярда сукна. Германія, платя за сукно дороже, чѣмъ по прежней пропорціи 10 за 17, вѣроятно уменьшила бы свое потребленіе до суммы ниже 10,000 ярдовъ и быть можетъ именно до числа 9,722 ярда. При такихъ условіяхъ также существовало бы уравненіе международнаго запроса. Слѣдовательно и пропорція 10 за 17 и пропорція 10 за 18 равно удовлетворяли бы уравненію запроса и многія другія пропорціи могли бы точно такъ же удовлетворять ему. Теоретически можетъ удовлетворять ему всякая численная пропорція, какую бы мы ни предположили. Поэтому еще остается нѣкоторая неопредѣленность въ пропорціи, къ какой приспособятся международныя цѣнности, и мы видимъ, что̀ еще не всѣ опредѣляющія дѣло обстоятельства приняты нами въ соображеніе.

7. Мы найдемъ, что для пополненія этого пробѣла надобно взять не одни количества требуемыхъ въ каждой странѣ ввозныхъ товаровъ, какъ мы дѣлали прежде, а также и размѣръ, въ какомъ средства на снабженіе этого запроса освобождаются въ той и другой странѣ перемѣною въ направленіи ея промышленности.

Для примѣра въ этомъ случаѣ надобно взять намъ цифры, болѣе прежнихъ удобныя. Предположимъ, что въ Англіи до начала торговли 100 ярдовъ сукна обмѣнивались на 100 ярдовъ полотна, а въ Германіи на 200 ярдовъ полотна. По открытіи торговли Англія станетъ снабжать сукномъ Германію, а Германія полотномъ Англію по мѣновой цѣнности, которая будетъ опредѣляться отчасти элементомъ, уже разсмотрѣннымъ у насъ, сравнительною пропорціею, въ какой увеличивается запросъ той и другой страны при удешевленіи товара; а отчасти другимъ элементомъ, котораго мы еще не брали въ соображеніе. Чтобы изолировать этотъ неизвѣстный элементъ, необходимо предположить опредѣленную и неизмѣнную величину для извѣстнаго элемента. Примемъ же, что вліяніе удешевленія на запросъ дѣйствуетъ по какому нибудь простому закону, одинаковому для обѣихъ странъ и обоихъ товаровъ. Для удобства сдѣлаемъ простѣйшее предположеніе, что въ обѣихъ странахъ каждое данное пониженіе цѣнности производитъ ровно пропорціональное увеличеніе потребленія; иными словами, что цѣнность, расходуемая на товаръ, величина издержекъ на его полученіе остается всегда одна и та же, все равно, большее или меньшее количество товара получается за нее.

Предположимъ теперь, что Англія до начала торговли требовала 1 милліонъ ярдовъ полотна, которые по англійской стоимости производства стоили милліонъ ярдовъ сукна. Обративъ на производство сукна весь трудъ и капиталъ, которымъ производилось полотно, Англія станетъ производить на вывозъ милліонъ ярдовъ сукна. Положимъ, что именно такое количество сукна привыкла потреблять Германія. Англія можетъ сбыть все это сукно въ Германію по германской цѣнѣ; правда она будетъ принуждена брать нѣсколько меньше, пока изгонитъ германскаго производителя съ рынка, но какъ изгонитъ его, можетъ продать свой милліонъ ярдовъ сукна за 2 милл. ярдовъ полотна,—количество, какое могутъ выдѣлать германскіе суконщики, перенеся свой трудъ и капиталъ отъ сукна на полотно. Такимъ образомъ Англія получитъ всю выгоду отъ торговли, а Германія не выиграетъ ничего, это будетъ совершенно совмѣстно съ уравненіемъ международнаго запроса: Англія (по гипотезѣ предъидущаго параграфа) требуетъ 2 милл. ярдовъ полотна при возможности получить ихъ за ту стоимость, за какую прежде получала только милліонъ, а при неизмѣнности германскихъ цѣнъ Германія по прежнему требуетъ ровно милліонъ ярдовъ сукна и можетъ получать его, употребляя освобожденный отъ произ-

водства сукна трудъ и капиталъ на производство 2 милл. ярдовъ полотна, требуемыхъ Англіею.

Мы предполагали тутъ, что прибавочное количество сукна, какое можетъ выдѣлать Англія, перенеся на сукно весь капиталъ, прежде занимавшійся выдѣлкою полотна, будетъ не болѣе какъ достаточно на снабженіе существующаго въ Германіи запроса. Но предположимъ, что оно больше этого запроса. Положимъ, что между тѣмъ какъ Англія своимъ освобожденнымъ капиталомъ могла бы выдѣлать милліонъ ярдовъ сукна, въ Германіи требовалось прежде только 800,000 ярдовъ сукна, равноцѣнныхъ по германской стоимости производства 1,600,000 ярдамъ полотна. Если такъ, Англія не можетъ сбыть весь милліонъ ярдовъ сукна въ Германію по германскимъ цѣнамъ. А ей нужно (по условіямъ нашей гипотезы) такое количество полотна, какое, при дешевой или при дорогой цѣнѣ все равно, покупается за милліонъ ярдовъ сукна; такое количество можно получить лишь изъ Германіи или посредствомъ болѣе дорогаго внутренняго производства; потому хозяева милліона ярдовъ сукна будутъ взаимнымъ соперничествомъ принуждены предлагать его Германіи на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы склонить Германію взять все это количество и лишь бы эти условія допускались англійскою стоимостью производства. По условіямъ нашей гипотезы видно, каковы будутъ эти условія. Потреблявшіеся Германіею 800,000 ярдовъ сукна стоили ей 1,600,000 ярдовъ полотна и эту неизмѣнную сумму стоимости она станетъ издерживать на сукно, какое бы количество сукна ни получалось за нее. Потому Англія, чтобы склонить Германію взять милліонъ ярдовъ сукна должна предлагать его за 1,600,000 ярдовъ полотна. Итакъ международныя цѣнности будутъ 100 ярдовъ сукна за 160 полотна, занимая средину между пропорціею стоимостей производства въ Англіи и въ Германіи; и выгода торговли раздѣлится между обѣими странами; Англія выиграетъ сумму 600,000 ярдовъ полотна, а Германія станетъ богаче на прибавочное 200,000 ярдовъ сукна.

Расширимъ еще больше послѣднее условіе гипотезы: предположимъ, что количество сукна, потреблявшееся въ Германіи, не только было меньше милліона ярдовъ, который можетъ доставлять Англія, прекративъ свое производство полотна, но и было меньше этого милліона въ той самой пропорціи, въ какой производство сукна для Англіи выгоднѣе, то есть что Германія требовала только 500,000 ярдовъ сукна. Въ этомъ случаѣ совершен-

но прекращая производство сукна, Германія можетъ увеличить свое производство полотна на милліонъ, но только на одинъ милліонъ ярдовъ и только этотъ милліонъ, равноцѣнный прежнимъ 500,000 ярдамъ сукна, можетъ она расходовать на сукно, а больше того не станетъ расходовать ни при какомъ удешевленіи сукна. Своимъ внутреннимъ соперничествомъ Англія будетъ принуждена отдавать цѣлый милліонъ ярдовъ сукна за этотъ милліонъ ярдовъ полотна, какъ въ прежнемъ случаѣ была принуждена отдавать его за 1,600,000 ярдовъ полотна; но по такой стоимости Англія могла бы сама производить для себя милліонъ ярдовъ полотна. Слѣдовательно тутъ не получаетъ она никакой выгоды отъ международной торговли. Вся выгода достается Германіи, получающей вмѣсто полумилліона милліонъ ярдовъ сукна по прежней стоимости полумилліона. Словомъ сказать, Германія въ этомъ третьемъ случаѣ занимаетъ такое же положеніе, какъ Англія занимала въ первомъ случаѣ. Это легко провѣрить переставивъ цифры.

Общимъ выводомъ изъ этихъ трехъ случаевъ является теорема, опредѣляющая слѣдующимъ образомъ законъ международной цѣнности при сдѣланномъ нами предположеніи точной пропорціональности возрастанія запроса съ удешевленіемъ цѣны:

Все количество сукна, какое можетъ сработать Англія капиталомъ, посвящавшимся прежде на полотно, будетъ обмѣниваться на все количество полотна, какое Германія можетъ сработать капиталомъ, посвящавшимся прежде на сукно.

Или еще общѣе:

Полныя суммы товаровъ, производимыхъ тою и другою страною на вывозъ посредствомъ труда и капитала, освобожденнаго ввозомъ отъ прежняго занятія, будутъ обмѣниваться одна за другую.

Этотъ законъ и три разные шанса раздѣленія выгоды, проистекающіе изъ него, могутъ удобно быть выражены посредствомъ алгебраическихъ знаковъ:

Пусть количество сукна, какое Англія можетъ сработать трудомъ и капиталомъ, вынутымъ изъ производства полотна, будетъ=n.

Пусть количество сукна, какое прежде требовалось Германіею (по германской стоимости производства), будетъ=m.

Если такъ, n сукна всегда будетъ обмѣниваться ровно за 2 m полотна.

Слѣдовательно, если n = m, вся выгода будетъ на сторонѣ Англіи.

Если n=2 m, вся выгода будетъ на сторонѣ Германіи.

Если n больше m, но меньше 2 m, выгода раздѣлится между обѣими странами. Англія получаетъ 2 m полотна, а прежде получала только n; Германія получаетъ n сукна, а прежде получала только m.

Едва ли надобно замѣчать, что цифра 2 употребляется здѣсь лишь потому, что этою цифрою выражается преимущество Германіи надъ Англіею въ производствѣ полотна по оцѣнкѣ на сукно, (или что то же самое) преимущество Англіи надъ Германіею въ производствѣ сукна по оцѣнкѣ на полотно. Если бы мы предположили, что въ Германіи до начала торговли 100 ярдовъ сукна обмѣнивалось не на 200, а на 1,000 ярдовъ полотна, то по открытіи торговли n стало бы обмѣниваться не на 2 m, а на 10 m. Еслибы вмѣсто 200 или 1,000 мы предположили только 150, n стало бы обмѣниваться только за 1,5m. Если наконецъ стоимость сукна по оцѣнкѣ на полотно въ Германіи выше стоимости его по такой же оцѣнкѣ въ Англіи въ пропорціи p къ q тогда n по открытіи торговли будетъ обмѣниваться за $\frac{p}{q}$m *).

---

*) Можно спросить, почему же мы предполагали крайними границами числу n количества m и 2 m (или $\frac{p}{q}$m)? Почему n не можетъ быть меньше m или больше 2 m? А если можетъ, то каковъ будетъ результатъ?

Мы разсмотримъ это и увидимъ, что n практически всегда заключено въ этихъ границахъ.

Предположимъ напримѣръ, что n меньше m или, возвращаясь къ прежнимъ цифрамъ, что милліонъ ярдовъ сукна, который можетъ сработать Англія, не удовлетворитъ всему прежнему запросу Германіи, что запросъ этотъ простирался, положимъ до 1,200,000 ярдовъ. На первый взглядъ покажется, что Англія станетъ снабжать Германію сукномъ до размѣра милліона ярдовъ; а остальными 200,000 ярдовъ Германія по прежнему будетъ снабжать себя внутреннимъ производствомъ; что этою послѣднею частью снабженія будетъ устанавливаться цѣна всего сукна; что поэтому Англіи можно будетъ постоянно продавать свой милліонъ ярдовъ сукна по германской стоимости производства (то есть за 2 милліона ярдовъ полотна) и получать всю выгоду отъ торговли, такъ что Германіи не будетъ никакой выгоды.

Но не трудно убѣдиться, что на самомъ дѣлѣ будетъ не такъ. Остатокъ германскаго запроса въ 200,000 ярдовъ сукна служитъ для Англіи средствомъ заграничной торговли, которою выгодно ей пользоваться. У Англіи нѣтъ уже труда и капитала, который могла бы она обратить отъ выдѣлки полотна на производство этого дополнительнаго количества сукна; но непремѣнно должны быть какіе нибудь другіе товары, въ которыхъ Германія имѣетъ относительное

8. Мы дошли теперь до воззрѣнія, кажущагося очень простымъ и всеобъемлющимъ закономъ международныхъ цѣнностей. Но мы дошли до него, пошедши отъ чисто произвольной гипотезы объ отношеніи запроса къ удешевленію. Мы принимали, что пропорція между ними всегда одинакова, между тѣмъ какъ она—величина измѣняющаяся. Мы предполагали, что запросъ возрастаетъ всегда въ той самой пропорціи, въ какой происходитъ удешевленіе, иначе говоря, что всегда расходуется на товаръ одна и таже сумма цѣнности, и при дорогой и при дешевой цѣнности товара, и законъ, найденный нами, держится лишь на этой гипотезѣ или на предположеніи обстоятельствъ, равносильныхъ ей. Соединимъ же теперь измѣняющіяся величины обоихъ тѣхъ элементовъ, измѣненія которыхъ разсматривали мы прежде въ отдѣльности. Предположимъ, что отношеніе между запросомъ и удешевленіемъ величина измѣняющаяся, по измѣняемости которой не удовлетворяетъ условіямъ уравненія международнаго запроса правило обмѣна, выражающееся нашею теоремою. Предположимъ напримѣръ, что запросъ Англіи на полотно растетъ пропорціонально удешевленію, а запросъ Германіи на сукно растетъ не въ этой пропорціи. Возвратимся къ старому изъ нашихъ трехъ случаевъ,—тому случаю, что Англія, прекративъ производство полотна, можетъ производить на вывозъ милліонъ ярдовъ сукна, а Германія, прекративъ производство сукна, можетъ производить 1,600,000 ярдовъ полотна больше прежняго. Если бы эти количества ровно обмѣнивались одно на другое, запросъ Англіи по нынѣшнему нашему предположенію совершенно

преимущество надъ нею (хотя быть можетъ не такое большое преимущество какъ въ полотнѣ); она теперь будетъ ввозить ихъ изъ Германіи вмѣсто того, чтобы производить дома, и трудъ и капиталъ, употреблявшійся на ихъ производство, она перенесетъ на сукно до пополненія требуемаго количества. Если этимъ перенесеніемъ составится только 200,000 ярдовъ сукна, а не больше, увеличившееся n будетъ теперь равно m; Англія будетъ продавать всѣ 1,200,000 ярдовъ сукна по германскимъ цѣнностямъ и все еще будетъ получать всю выгоду торговли. Но если отъ этого перенесенія составится болѣе 200,000 ярдовъ сукна, Англія будетъ предлагать Германіи больше 1,200,000 ярдовъ; и станетъ больше m и Англіи надобно будетъ отказаться отъ такой части выгоды, чтобы Германія склонилась взять количество, превышающее 1,200,000 ярдовъ. Такимъ образомъ случай, казавшійся на первый взглядъ превышающимъ эти предѣлы, практически переходитъ въ случай совпадающій съ однимъ изъ этихъ предѣловъ, или въ случай положенія между ними. Точно тоже будетъ и со всякимъ инымъ случаемъ, какой бы ни предположить.

удовлетворился бы, потому что она требуетъ все то количество полотна, какое можно получить за милліонъ ярдовъ сукна, но Германія, требовавшая 800,000 ярдовъ сукна по стоимости равноцѣнной 1,600,000 ярдамъ полотна, быть можетъ не потребуетъ цѣлаго милліона ярдовъ сукна, когда можетъ получить его за ту же стоимость; а быть можетъ потребуетъ больше милліона. Предположимъ вопервыхъ, что она потребуетъ меньше милліона лишь только, сколько она можетъ купить теперь за 1,500,000 полотна. Англія будетъ предлагать милліонъ и за эти 1,500,000; но и тутъ Германія не захочетъ, быть можетъ, брать цѣлый милліонъ, и если Англія станетъ расходовать на полотно при какой угодно цѣнѣ его прежнюю сумму стоимости, она принуждена будетъ взять за милліонъ ярдовъ своего сукна всякое количество полотна (лишь бы не меньше милліона ярдовъ), на какое надобно будетъ ей согласиться, чтобы склонить Германію взять милліонъ ярдовъ сукна. Предположимъ, что это количество—1,400,000 ярдовъ полотна. Англія получаетъ теперь отъ торговли выгоду не въ 600,000, а въ 400,000 ярдовъ полотна, а Германія, кромѣ того, что получаетъ на 200,000 ярдовъ больше сукна, получаетъ это сукно только за $^7/_8$ частей того труда и капитала, какой прежде расходовала на снабженіе себя сукномъ и остальную осьмую долю можетъ расходовать на увеличеніе своего потребленія въ полотнѣ или въ другомъ товарѣ.

Предположимъ наоборотъ, что Германія при пропорціи 1,000,000 ярдовъ сукна за 1,600,000 ярдовъ полотна потребуетъ больше 1,000,000 ярдовъ сукна. Не уменьшая количества, какое потребляла прежде сама, Англія можетъ дать ей только милліонъ, потому Германія для полученія большаго количества сукна, должна предлагать за него больше, чѣмъ пропорцію 160 ярдовъ за 100, пока пропорція поднимется до такой степени (напримѣръ 170 за 100), при которой или запросъ Германіи на сукно упадетъ до милліона ярдовъ, или Англія согласится отдавать часть того сукна, которое прежде потребляла сама.

Мы предполагали, что только въ одной странѣ нѣтъ пропорціональности между увеличеніемъ запроса съ удешевленіемъ, а въ другой странѣ эта пропорціональность существуетъ. Предположимъ теперь, что пропорціональность запроса съ удешевленіемъ не существуетъ ни въ той ни въ другой странѣ и что запросъ уклоняется отъ этой пропорціональности въ той и другой странѣ по одному направленію; напримѣръ, что ни въ той ни въ другой странѣ за-

просъ не возрастаетъ на столько, на сколько удешевляется товаръ. Если предположимъ это, то при пропорціи 1,000,000 ярдовъ сукна за 1,600,000 ярдовъ полотна, Англія потребуетъ меньше 1,600,000 ярдовъ полотна, Германія меньше 1,000,000 ярдовъ сукна. Если не достигаютъ они такого размѣра въ одинаковой степени, если Англія потребуетъ только $^{9}/_{10}$ частей 1,600,000 (т. е. 1,440,000) ярдовъ полотна, а Германія только 100,000 ярдовъ сукна, обмѣнъ будетъ продолжаться по прежней пропорціи. Точно такъ же будетъ онъ продолжаться по этой пропорціи, если Англія требуетъ на десятую часть больше 1,600,000, а Германія на десятую часть больше 1,000,000. Такое совпаденіе предполагаетъ, что запросъ растетъ соразмѣрно хотя и не наравнѣ съ удешевленіемъ; *) и очевидно, что это можетъ бывать лишь случайнымъ образомъ; а во всякомъ другомъ случаѣ, уравненіе международнаго запроса потребовало бы иного приспособленія международныхъ цѣнностей.

Итакъ единственнымъ общимъ закономъ мы находимъ слѣдующій законъ. Цѣнности, по которымъ извѣстная страна обмѣнивается своимъ продуктомъ съ чужими странами, опредѣляются двумя условіями: во первыхъ размѣромъ и степенью расширимости ихъ запроса на ея товары сравнительно съ ея запросомъ на ихъ товары; во вторыхъ величиною капитала, какой освобождается въ ней ввозомъ товара отъ внутренняго производства товаровъ на ея собственное потребленіе. Чѣмъ больше перевѣсъ заграничнаго запроса на ея товары надъ ея запросомъ на заграничные товары, и чѣмъ меньше освобождается въ ней капитала на производство для заграничныхъ рынковъ, сравнительно съ количествомъ капитала, освобождающагося въ чужихъ странахъ на производство для ея рынковъ, тѣмъ благопріятнѣе для нея будутъ условія обмѣна, т. е. тѣмъ больше будетъ получать она иностранныхъ товаровъ за данное количество своихъ товаровъ.

Но оба эти условія подводятся въ сущности подъ одно. Капиталъ, освобождающійся въ странѣ отъ внутренняго производства товаровъ на ея собственное употребленіе, пропорціоналенъ ея за-

*) Возрастаніе запроса съ 800,000 на 900,000 и возрастаніе запроса съ 1,000,000 до 1,440,000 не равны между собою и находятся не въ равной пропорціи къ удешевленію. Запросъ Германіи на сукно возросъ на осьмую часть при удешевленіи товара на четвертую часть. Запросъ въ Англіи возросъ на 44% при удешевленіи товара на 60%.

просу на иностранные товары; какую долю своего общаго дохода расходуетъ она на заграничныя покупки, такая доля ея капитала и остается безъ внутренняго сбыта для ея продуктовъ. Такимъ образомъ новый элементъ, введенный нами для научной точности въ теорію международныхъ цѣнностей, не производитъ, какъ мнѣ кажется, существенной перемѣны въ практическомъ результатѣ. Я по прежнему нахожу, что на выгоднѣйшихъ условіяхъ ведутъ свою внѣшнюю торговлю тѣ страны, товары которыхъ наиболѣе требуются заграницею, и которыя сами наименѣе требуютъ заграничныхъ товаровъ. Въ числѣ другихъ послѣдствій происходитъ изъ этого то, что, при равенствѣ прочихъ обстоятельствъ, данная сумма внѣшней торговли приноситъ наименѣе выгоды той странѣ, которая наиболѣе богата: имѣя болѣе запроса на товары вообще, она конечно будетъ имѣть болѣе запроса и на заграничные товары и черезъ это поставитъ условія обмѣна наименѣе выгодныя для себя. Разумѣется, вся сумма ея выгоды отъ заграничной торговли больше, чѣмъ вся сумма бѣдной страны, потому что она ведетъ эту торговлю въ большемъ размѣрѣ и получаетъ пользу отъ удешевленія большей суммы потребленія; но на данномъ количествѣ потребляемаго товара она имѣетъ меньше выгоды, чѣмъ бѣдная страна.

9. Перейдемъ теперь къ другой существенной части теоріи международныхъ цѣнностей. Удешевленіе товаровъ для страны, даваемое внѣшнею торговлею, можно понимать въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ цѣнности и въ смыслѣ стоимости. Въ первомъ смыслѣ товары удешевляются для страны пониженіемъ ихъ цѣнности сравнительно съ другими предметами тѣмъ, что извѣстное количество ихъ обмѣнивается на меньшее, чѣмъ прежде, количество другихъ продуктовъ страны. Возвратимся къ первоначальнымъ нашимъ цифрамъ: въ Англіи по открытіи внѣшней торговли всѣ потребители полотна стали получать 17 или больше ярдовъ полотна за то самое количество всякихъ другихъ предметовъ, за какое получали прежде только 15 ярдовъ. Въ этомъ смыслѣ удешевленіе опредѣляется законами международнаго запроса, столь подробно разъяснявшимися въ предъидущихъ параграфахъ. Но въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ стоимости, товаръ удешевляется для страны тогда, когда она съ прежнимъ расходомъ труда и капитала получаетъ больше, чѣмъ прежде количество товара. Въ этомъ смыслѣ удешевленіе значительно зависитъ отъ причины совершенно инаго рода: товаръ посредствомъ внѣшней торговли удешевляется для

страны пропорціонально общей производительности ея внутренняго производства, пропорціонально общей успѣшности ея труда. Трудъ одной страны въ общей сложности можетъ быть гораздо успѣшнѣе труда другой. Всѣ тѣ, или почти всѣ тѣ товары, какіе способна производить и та и другая страна, производятся, быть можетъ, въ одной странѣ по меньшей безотносительной стоимости, чѣмъ въ другой; и это, какъ мы видѣли, можетъ не служить препятствіемъ обмѣну товаровъ между этими двумя странами. Разумѣется, страна, имѣющая преимущество надъ другими странами, будетъ ввозить изъ нихъ тѣ товары, въ которыхъ ея преимущество наименѣе велико; но ввозя эти товары, она и въ нихъ пріобрѣтаетъ такое же преимущество, какое имѣетъ въ товарахъ, отдаваемыхъ ею на обмѣнъ за нихъ. Такимъ образомъ страна, получающая свои товары по меньшей стоимости, получаетъ по меньшей стоимости и ввозимые товары.

Мы увидимъ это еще яснѣе, если предположимъ двѣ соперничествующія страны. Англія посылаетъ сукно въ Германію, давая 10 ярдовъ его за 17 ярдовъ полотна или за другой предметъ, равноцѣнный въ Германіи 17 ярдамъ полотна. Другая страна, напримѣръ Франція, дѣлаетъ то же самое. Когда одна страна даетъ 10 ярдовъ сукна за извѣстное количество германскихъ товаровъ, должна столько же давать и другая; потому если въ Англіи эти 10 ярдовъ производятся лишь половиною того труда, какъ во Франціи, то полотно и всякій другой германскій товаръ будетъ стоить Англіи лишь половины того количества труда, какого будетъ стоить Франціи. Такимъ образомъ Англія будетъ получать ввозные товары на стоимость, на столько меньшую, чѣмъ Франція, на сколько трудъ ея успѣшнѣе французскаго въ производствѣ сукна, а эта пропорція успѣшности въ производствѣ сукна можетъ приблизительно быть принята за мѣру успѣшности труда вообще; потому что Франція, избравъ подобно Англіи предметомъ своего вывоза сукно, показала, что и у нея также сукно—тотъ товаръ, въ производствѣ котораго трудъ ея наиболѣе успѣшенъ по сравненію съ другими производствами. Изъ этого слѣдуетъ, что каждая страна получаетъ ввозные товары тѣмъ по меньшей стоимости, чѣмъ успѣшнѣе въ ней трудъ вообще.

Первый ясно понялъ и изложилъ эту теорему Синьоръ (Three Lectures on the Cost of Obtaining Money), но лишь въ примѣненіи къ ввозу драгоцѣнныхъ металловъ. Я считалъ важнымъ дѣломъ доказать, вопервыхъ, что она примѣняется также и ко всѣмъ дру-

гимъ ввознымъ товарамъ, вовторыхъ, что она обнимаетъ только часть дѣла, а не все дѣло. Дѣйствительно въ предполагаемомъ нами случаѣ, стоимость полотна, покупаемаго Англіею за 10 ярдовъ сукна, опредѣляется для Англіи не единственно стоимостью для нея 10 ярдовъ сукна, а отчасти также и тѣмъ, сколько ярдовъ полотна получаетъ она въ обмѣнъ за нихъ. Стоимость ея ввоза для нея есть функція двухъ измѣняемыхъ величинъ: количества ея товаровъ, даваемыхъ за ввозные товары, и стоимости этихъ товаровъ. Изъ этихъ двухъ величинъ лишь вторая опредѣляется успѣшностью ея труда, а первая опредѣляется закономъ международныхъ цѣнностей, т. е. настоятельностью и расширимостью заграничнаго запроса на ея товары сравнительно съ ея запросомъ на заграничные товары.

Въ предположенномъ нами случаѣ соперничества между Англіею и Франціею, положеніе международныхъ цѣнностей одинаково касалось обѣихъ соперничествующихъ странъ, потому что мы предположили ихъ торгующими съ одною и тою же страною, ввозящими и вывозящими одни и тѣже товары. Потому разница въ стоимости ихъ ввоза зависѣла исключительно отъ другаго условія, отъ неодинаковой успѣшности ихъ труда. Та и другая отдавала одинаковое количество, разница могла быть лишь въ стоимости производства. Но если бы Англія торговала съ Германіею сукномъ, а Франція желѣзомъ, то пропорція запроса Германіи на эти два товара также участвовала бы въ опредѣленіи пропорціи стоимости труда и капитала, за какіе получаютъ Англія и Франція германскіе продукты. Если въ Германіи запросъ на желѣзо больше, чѣмъ на сукно, Франція, благодаря этому, возвратитъ часть своей невыгоды; а если меньше, то невыгода ея возрастетъ. Такимъ образомъ даже и стоимость, по какой извѣстная страна получаетъ ввозные товары, опредѣляется не однимъ тѣмъ, какова успѣшность труда въ этой странѣ; а въ опредѣленіи мѣновой цѣнности или, какъ мы сейчасъ увидимъ, цѣны ввозныхъ товаровъ степень успѣшности труда въ странѣ, ввозящей ихъ, нимало не участвуетъ.

ГЛАВА XIX.

ДЕНЬГИ КАКЪ ВВОЗНЫЙ ТОВАРЪ.

1. Мы уже на столько изслѣдовали теперь теорію внѣшней торговли, что можемъ пополнить пробѣлъ, остававшійся прежде у насъ въ теоріи денегъ, а пополнивъ теорію денегъ, мы будемъ въ ос-

стояніи дойти до окончательнаго рѣшенія вопроса о внѣшней торговлѣ.

Деньги или матеріалъ, изъ котораго дѣлаются деньги, суть иностранный товаръ для Великобританіи и для большей половины другихъ странъ. Потому цѣнность и распредѣленіе денегъ должны опредѣляться не закономъ той цѣнности, какую имѣетъ товаръ въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ мѣстомъ его производства, а закономъ цѣнности ввозныхъ товаровъ, закономъ международныхъ цѣнностей.

Въ изслѣдованіи, которымъ займемся мы теперь, я буду безразлично употреблять термины «деньги» и «благородные металлы». Это не поведетъ ни къ какой ошибкѣ: мы показали, что цѣнность денегъ, если они состоятъ изъ звонкой монеты или изъ билетовъ, размѣниваемыхъ на звонкую монету по востребованію, вполнѣ зависитъ отъ цѣнности благородныхъ металловъ, отъ которой разнится постояннымъ образомъ лишь на стоимость чеканки, если этотъ расходъ оплачивается не государствомъ, а частнымъ лицомъ.

Деньги ввозятся въ страну двумя способами. Онѣ ввозятся (преимущественно въ формѣ слитковъ), подобно другимъ товарамъ, какъ выгодная статья торговли. Онѣ ввозятся также и въ другомъ своемъ значеніи, какъ орудіе обмѣна въ уплату долговъ этой странѣ за вывезенные товары или по какому нибудь другому счету. Иногда могутъ они ввозиться и другими способами; но тѣ два, о которыхъ мы говорили, служатъ обыкновенными способами ихъ ввоза по коммерческимъ дѣламъ и опредѣляютъ ихъ цѣнность. Другіе товары ввозятся только однимъ первымъ способомъ и отъ двойственности способа, которымъ ввозятся деньги, происходитъ, что вопросъ о нихъ нѣсколько сложнѣе и темнѣе, чѣмъ вопросъ о ввозѣ другихъ товаровъ и единственно поэтому необходимо изложить его отдѣльно и подробно.

2. Цѣнность той части благородныхъ металловъ, которая ввозится обыкновеннымъ торговымъ путемъ, опредѣляется тѣми же причинами и подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и цѣнность всѣхъ другихъ заграничныхъ продуктовъ. Этотъ путь—главный путь разлитія золота и серебра изъ рудокопныхъ странъ по всѣмъ другимъ частямъ торговаго міра. Золото и серебро — главные товары этихъ странъ, или по-крайней-мѣрѣ принадлежатъ къ главнымъ статьямъ постояннаго ихъ ввоза; и ими спекулируютъ на вывозъ точно такъ же, какъ другими вывозимыми товарами. Такимъ образомъ, если мы предположимъ двѣ страны и два товара,—количество своихъ продуктовъ, какое извѣстная страна (напримѣръ Англія) даетъ за из-

вѣстное количество золота или серебра, опредѣляется величиною запроса Англіи на золото или серебро сравнительно съ запросомъ рудокопной страны (которую мы назовемъ Бразилія) на товары, какіе можетъ дать ей Англія. Англійскіе товары должны обмѣниваться на бразильское золото и серебро по такой пропорціи, чтобы не оставалось неудовлетвореннаго запроса ни на той, ни на другой сторонѣ, такъ чтобы уже не измѣнялись цѣнности соперничествомъ неудовлетвореннаго запроса. Слитками, требуемыми Англіею, должны ровно оплачиваться коленкоръ и другіе англійскіе товары, требуемые Бразиліею. Но если вмѣсто этого простаго отношенія мы подстановимъ фактическую многосложность отношеній, то уравненіе международнаго запроса должно будетъ устанавливаться не между слитками, нужными для Англіи, и коленкоромъ или сукномъ, нужнымъ для Бразиліи, а между суммою товаровъ, ввозимыхъ Англіею и суммою товаровъ, вывозимыхъ ею. Запросъ чужихъ странъ на англійскіе продукты долженъ стать въ равновѣсіе съ запросомъ Англіи на продукты чужихъ странъ и всѣ заграничные товары, въ томъ числѣ и слитки, должны обмѣниваться на англійскіе продукты по такимъ пропорціямъ, чтобы вліяніемъ этихъ пропорцій на запросъ установлялось требуемое равновѣсіе.

Ни въ сущности, ни въ употребленіи благородныхъ металловъ нѣтъ ничего такого особеннаго, чтобы они были исключеніемъ изъ общихъ принциповъ запроса. Часть ихъ нужна на роскошь и на художественныя цѣли; въ этомъ отношеніи запросъ на нихъ возрастаетъ вмѣстѣ съ удешевленіемъ точно такъ же неправильно, какъ и запросъ на всякій другой товаръ. Другая часть ихъ нужна на деньги; въ этомъ отношеніи запросъ на нихъ растетъ вмѣстѣ съ удешевленіемъ совершенно правильнымъ образомъ: требуемое количество всегда бываетъ обратно пропорціонально ихъ цѣнности. Въ этомъ и состоитъ единственная существенная разница между запросомъ на деньги и между запросомъ на другіе товары, и для дѣла, которымъ мы теперь занимаемся разница эта совершенно не важна.

Такимъ образомъ, если деньги ввозятся лишь какъ товаръ, то цѣнность ихъ, подобно цѣнности другихъ ввозныхъ товаровъ, будетъ въ извѣстной странѣ тѣмъ ниже, чѣмъ больше заграничнаго запроса на вывозимые ею товары и чѣмъ меньше запроса имѣетъ она сама на заграничные товары. Но къ этимъ двумъ условіямъ необходимо прибавить еще два обстоятельства, обнаруживающія свое вліяніе посредствомъ стоимости провоза.

Стоимость полученія слитковъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ товаровъ, отдаваемыхъ за слитки и изъ расхода на перевозку; изъ этого расхода, при приспособленіи международныхъ цѣнностей, нѣкоторая часть (величину которой нельзя подвести подъ правило) ляжетъ на страну, производящую слитки. Расходъ перевозки состоитъ изъ расхода на перевозку товаровъ въ страну, производящую слитки, и изъ расхода на провозъ оттуда слитковъ; величина той и другой статьи расхода опредѣляется отдаленностью рудниковъ; а на первую изъ этихъ статей имѣетъ важное вліяніе степень громоздкости товаровъ. Та страна, вывозъ которой состоитъ изъ дорогихъ издѣлій, получаетъ при равенствѣ другихъ условій и слитки, какъ всѣ другіе заграничные товары, дешевле, чѣмъ страна вывозящая только громоздкіе сырые продукты.

Итакъ для строгой точности надобно сказать: чѣмъ больше заграничный запросъ на товары, вывозимые извѣстною страною, чѣмъ больше цѣнности содержатъ они въ маломъ объемѣ, чѣмъ ближе страна къ рудникамъ и чѣмъ меньше запроса имѣетъ она на заграничные продукты, тѣмъ ниже будетъ въ ней цѣнность денегъ или иными словами, тѣмъ выше будутъ въ ней стоять обыкновенныя цѣны. Если говорить не о цѣнности денегъ а объ ихъ стоимости (т. е. о количествѣ труда, какое должна расходовать страна на ихъ полученіе), то къ этимъ четыремъ условіямъ дешевизны надобно прибавить пятое: и «чѣмъ успѣшнѣе производительная промышленность страны.» Но это пятое обстоятельство не имѣетъ никакого вліянія на цѣнность денегъ по счету на другіе товары: отъ него зависитъ общее изобиліе и легкость, съ какою могутъ получаться въ странѣ всѣ предметы, и деньги и товары одинаково.

Итакъ если Синьоръ и правъ, указывая на успѣшность англійскаго труда, какъ на главную причину того, что Англія получаетъ золото и серебро по меньшей стоимости, чѣмъ почти всѣ другія страны, то я никакъ не могу согласиться, чтобы успѣшностью труда объяснялась меньшая *цѣнность* золота и серебра въ Англіи, объяснялось то, что меньше можно купить на нихъ товаровъ. На сколько это правда а не иллюзія, это должно происходить отъ сильнаго запроса въ заграничныхъ земляхъ на главные англійскіе товары и отъ малаго объема этихъ товаровъ сравнительно съ хлѣбомъ, виномъ, лѣсомъ, сахаромъ, шерстью, кожами, саломъ, пенькою, льномъ, табакомъ, хлопкомъ и другими предметами, изъ которыхъ состоитъ вывозъ чужихъ земель. Этими двумя

причинами объясняется то, что общая высота цѣнъ въ Англіи нѣсколько больше, чѣмъ въ другихъ странахъ; несмотря на противодѣйствующее вліяніе сильнаго ея запроса на заграничные товары. Но я твердо убѣжденъ, что высота цѣнъ на товары и малая покупательная сила денегъ въ Англіи — явленія болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя. Пища въ Англіи дѣйствительно нѣсколько дороже; а при небольшомъ доходѣ и многочисленномъ семействѣ пища составляетъ такую значительную часть расхода, что для подобныхъ семействъ Англія—дорогая страна. Наемъ прислуги также почти во всѣхъ случаяхъ дороже въ Англіи, чѣмъ въ другихъ европейскихъ земляхъ, потому что бѣдные классы на континентѣ живутъ скуднѣе. Но фабричные продукты (кромѣ тѣхъ, въ которыхъ требуется изящество вкуса) въ Англіи рѣшительно дешевле или были бы дешевле, еслибы покупщики соглашались довольствоваться такими же сортами ихъ по матеріалу и по выдѣлкѣ, какъ на континентѣ. То, что называется дороговизною жизни въ Англіи — дѣло не необходимости, а безразсуднаго обычая: кромѣ работниковъ всѣ классы въ Англіи считаютъ нужнымъ, чтобы предметы ими потребляемые были такіе же, какіе потребляются людьми гораздо болѣе богатыми или по крайней мѣрѣ какъ можно меньше отличались отъ этихъ предметовъ по наружному виду.

3. Изъ предшествовавшаго изложенія мы видимъ, что сильно ошибаются люди, думающіе, что въ странахъ гдѣ деньги — ввозный товаръ, цѣнность денегъ совершенно опредѣляется цѣнностью ихъ въ странахъ, производящихъ благородные металлы и постояннымъ образомъ можетъ понижаться или возвышаться только отъ перемѣнъ въ стоимости добыванія металловъ въ рудникахъ. Напротивъ при неизмѣнной цѣнности металловъ въ рудникахъ, цѣнность денегъ въ странѣ, получающей ихъ изъ заграницы, не только можетъ, но и необходимо должна измѣняться отъ каждаго обстоятельства, измѣняющаго уравненіе международнаго запроса относительно этой страны. Открытіе новой отрасли вывоза изъ Англіи, увеличеніе заграничнаго запроса на англійскіе продукты по естественному ходу дѣлъ или по отмѣненію пошлинъ; уменьшеніе англійскаго запроса на заграничные товары отъ наложенія пошлинъ на ввозные товары въ Англіи или на вывозные товары за границею, — каждый изъ этихъ и имъ подобныхъ случаевъ нарушитъ прежнюю равноцѣнность между вывозомъ изъ Англіи и суммою ввоза въ нее (состоящею изъ слитковъ вмѣстѣ съ другими товарами); цѣнность англійскаго вывоза станетъ больше цѣн-

ности ввоза и страны, берущія товары изъ Англіи, будутъ принуждены предлагать ей свои товары и въ томъ числѣ благородные металлы дешевле прежняго, чтобы возстановить уравненіе запроса; такимъ образомъ Англія станетъ получать деньги дешевле прежняго и общая высота цѣнъ въ ней поднимется. Отъ случаевъ противоположнаго рода произойдетъ наоборотъ,—цѣны понизятся, иначе сказать цѣнность благородныхъ металловъ поднимется. Но замѣтимъ, что цѣнность денегъ поднимется тутъ лишь сравнительно съ товарами внутренняго производства: по отношенію ко всѣмъ ввознымъ товарамъ цѣнность денегъ останется прежняя, потому что цѣнность ихъ измѣнится одинаково и въ одной степени съ деньгами. Если по какой нибудь изъ перечисленныхъ нами причинъ удешевляется въ извѣстной странѣ цѣнность денегъ, то удешевляются также и всѣ другіе ввозные товары.

Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы именно въ рудокопныхъ странахъ происходило то увеличеніе запроса на англійскіе товары, по которому Англія начинаетъ снабжаться благородными металлами дешевле прежняго. Англія можетъ ровно ничего не вывозить въ эти страны и все таки быть тою страною, которой дешевле всего достаются благородные металлы; для этого нужно только, чтобы былъ достаточный запросъ на англійскіе товары въ чужихъ странахъ: уплата за товары золотомъ и серебромъ изъ рудокопныхъ странъ будетъ поочередно переходить изъ страны въ страну до Англіи. Не вывозъ въ извѣстную страну изъ Англіи обмѣнивается на ввозъ въ Англію изъ этой страны, а вся сумма англійскаго вывоза обмѣнивается на всю сумму ввоза въ Англію; и суммою заграничнаго запроса на англійскіе продукты будетъ опредѣляться, какое количество товаровъ должна она отдать за ввозимые въ нее товары, чтобы установилось равновѣсіе между суммою ея продажъ и покупокъ, а въ томъ нѣтъ надобности, чтобы поддерживалось такое равновѣсіе въ торговлѣ Англіи съ какою нибудь отдѣльною страною.

ГЛАВА XX.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ОБМѢНЫ.

1. До сихъ поръ мы разсматривали благородные металлы какъ товаръ, ввозимый подобно другимъ товарамъ обыкновеннымъ ходомъ торговли, и изслѣдовали, какими обстоятельствами будетъ опредѣляться ихъ цѣнность въ этомъ случаѣ. Но благородные ме-

таллы ввозятся также и въ другомъ значеніи, въ значеніи средства обмѣна, — не какъ статья торговли, не для продажи за деньги, а какъ самыя деньги, на уплату долга или для передачи собственности. Надобно намъ разсмотрѣть, измѣняются ли полученные нами выводы свойствомъ золота и серебра переноситься изъ страны въ страну съ такими цѣлями, становятся ли отъ этого благородные металлы подъ какой нибудь иной законъ цѣнности кромѣ того, которому подчинялись бы они вмѣстѣ со всѣми другими ввозными товарами, еслибы международная торговля происходила посредствомъ прямой мѣны.

Деньги пересылаются изъ страны въ страну по разнымъ дѣламъ: напримѣръ въ уплату дани или субсидій; для передачи дохода изъ подчиненныхъ странъ въ метрополію, и на оборотъ; въ уплату ренты и другихъ доходовъ собственникамъ, находящимся заграницею; при переселеніи капитала или передачѣ его на заграничные обороты. Но обыкновеннѣйшая цѣль пересылки ихъ все-таки уплата за товары. Чтобы видѣть условія, при которыхъ деньги дѣйствительно переходятъ изъ страны въ страну для той или другой изъ этихъ цѣлей, надобно въ короткихъ строкахъ изложить механизмъ, которымъ ведется международная торговля, когда происходитъ не мѣною, а черезъ посредство денегъ.

2. Въ практикѣ ввозимые и вывозимые товары не обмѣниваются прямо другъ на друга, — часто они даже и не проходятъ черезъ однѣ руки. Тѣ и другіе покупаются въ отдѣльности и оплачиваются деньгами. Но мы видѣли, что даже и во внутренней торговлѣ страны деньги на самомъ дѣлѣ переходятъ изъ рукъ въ руки не при каждой производимой на нихъ покупкѣ; еще больше надобно сказать это о торговлѣ между разными странами. Въ заграничной торговлѣ уплата обыкновенно производится и получается посредствомъ коммерческихъ векселей.

Англійскій купецъ А вывезъ англійскіе товары, пославъ ихъ на имя своего французскаго корреспондента В. Другой французскій купецъ С отправилъ французскіе товары (положимъ на такую же цѣнность) англійскому купцу D. Очевидно нѣтъ надобности, чтобы В изъ Франціи посылалъ деньги А въ Англію, и чтобы D посылалъ такую же сумму денегъ С во Францію. Одинъ долгъ можно употребить на уплату другаго, избавляясь тѣмъ отъ стоимости и риска двойнаго провоза. А даетъ вексель на В на сумму, какую В долженъ ему; D, обязанный заплатить во Францію такую же сумму, покупаетъ этотъ вексель у А и посылаетъ его С,

который по истеченіи срока векселя беретъ по немъ уплату у В. Такимъ образомъ долгъ французскаго купца англійскому и англійскаго купца французскому уплачивается безъ всякой пересылки золота или серебра изъ одной страны въ другую.

Но тутъ предполагается, что сумма долговъ французскихъ купцовъ англійскимъ равна суммѣ долговъ англійскихъ купцовъ французскимъ; что той и другой странѣ приходится уплатить и получить одинаковое число унцій золота или серебра. Этимъ предполагается (если мы пока будемъ смотрѣть лишь на международные платежи по торговымъ дѣламъ, оставляя въ сторонѣ платежи по другимъ дѣламъ), что сумма ввоза и вывоза въ каждой странѣ совершенно равноцѣнны, иными словами, что уравненіе международнаго запроса установлено. Если такъ, международныя сдѣлки ликвидируются безъ перехода денегъ изъ одной страны въ другую. Но если англійскіе купцы должны французскимъ больше, чѣмъ французскіе англійскимъ, или наоборотъ, то долги не могутъ списываться простымъ зачетомъ, другъ за друга. По зачетѣ одного долга въ покрытіе другаго будетъ остатокъ, который надобно будетъ переслать золотомъ или серебромъ. Фактически даже и на уплату этого баланса торговецъ выдаетъ вексель. Если онъ долженъ произвести уплату заграницей, онъ не самъ отыскиваетъ человѣка, который долженъ получить уплату изъ этой заграничной страны и не самъ покупаетъ у него вексель: въ этой отрасли, какъ и въ другихъ отрасляхъ торговли, есть классъ посредниковъ или маклеровъ, сводящихъ покупщика и продавца или становящихся между ними, покупающихъ векселя отъ тѣхъ, которые должны получить уплату и продающихъ векселя тѣмъ, которые должны произвести уплату. Когда купецъ, имѣющій дѣла съ такимъ маклеромъ, желаетъ взять у него вексель на Парижъ или Амстердамъ, маклеръ продаетъ ему или вексель, который самъ только что купилъ у другаго купца, или вексель на своего корреспондента въ заграничномъ городѣ; а чтобы этотъ корреспондентъ могъ уплачивать въ срокъ всѣ векселя, даваемые на него маклеромъ, этотъ маклеръ передаетъ ему всѣ векселя, которые купилъ и не перепродалъ самъ. Этимъ способомъ такіе маклера берутъ на себя все устройство денежныхъ сдѣлокъ между отдаленными мѣстами, будучи вознаграждаемы небольшою платою за коммиссію или вычетомъ маленькаго процента изъ суммы каждаго покупаемаго или продаваемаго ими векселя. Если эти маклера находятъ, что одна страна проситъ у нихъ векселей на большую сумму, чѣмъ сколь-

ко предлагаетъ имъ другая страна, они не отказываются выдавать векселя, но чтобы корреспонденты, на которыхъ выдаются эти векселя, могли уплачивать по нимъ въ срокъ, маклера необходимо должны пересылать своимъ корреспондентамъ часть суммы золотомъ или серебромъ; потому отъ лицъ, которымъ продаютъ они свои векселя, они требуютъ въ этомъ случаѣ такую прибавку къ цѣнѣ, которая покрывала бы фрахтъ и застраховку по пересылкѣ золота и серебра, съ прибылью вознаграждающею ихъ за хлопоты и за временную затрату части ихъ капитала. Покупатели соглашаются платить эту прибавку или такъ называемую премію, потому что иначе должны были бы сами дѣлать расходы на пересылку золота и серебра, а дѣло это дешевле исполняется тѣми, для которыхъ составляетъ спеціальное занятіе. Правда, что въ дѣйствительности пересылать звонкую монету на уплату долга приходилось бы лишь нѣкоторымъ торговцамъ; но взаимнымъ соперничествомъ они всѣ бываютъ принуждаемы платить премію, а маклера точно такъ же бываютъ вынуждены платить ее лицамъ, у которыхъ сами покупаютъ векселя. Наоборотъ бываетъ, когда по сравненію ввоза съ вывозомъ страна не уплачиваетъ, а получаетъ балансъ. Маклерамъ предлагается тогда больше векселей, чѣмъ сколько нужно на покрытіе выдаваемыхъ ими векселей. Поэтому векселя на заграничныя земли даются съ уступкою и по чрезвычайно дѣятельному соперничеству между собою маклера не могутъ удержать этотъ дисконтъ, а должны передавать его въ пользу лицамъ, покупающимъ такіе векселя для уплаты заграничнымъ землямъ.

Предположимъ, что всѣ страны имѣютъ одинаковую монетную систему, какъ и будутъ нѣкогда имѣть при успѣхахъ политическаго развитія; и предположимъ, что эта система англійская, которая не самая лучшая, но самая знакомая читателю. Еслибы Англія должна была заплатить Франціи точно такое же число фунтовъ стерлинговъ, какое должна заплатить ей Франція, то одна группа купцовъ стала бы продавать векселей ровно на такую сумму, на какую нужно купить векселей другой группѣ купцовъ. Поэтому вексель на Францію во 100 фунтовъ продавался бы ровно за 100 фунтовъ или, по торговой фразеологіи, стоялъ бы al pari. Франціи по этой гипотезѣ также приходилось бы получить и произвести уплату по одинаковымъ суммамъ; слѣдовательно векселя на Англію во Франціи также были бы al pari, когда векселя на Францію въ Англіи стоятъ al pari.

Но если Англія должна заплатить Франціи больше, чѣмъ получить отъ нея, то будутъ лица, требующія векселей на Францію на большее число фунтовъ стерлинговъ, чѣмъ на сколько есть векселей, по которымъ Англія должна уплатить Франціи. Вексель на Францію во 100 фунтовъ будетъ продаваться дороже 100 фунтовъ и будутъ говорить, что векселя на Францію продаются съ преміею. Но эта премія не можетъ превышать собою расхода и риска съ небольшою прибылью по производству уплаты пересылкою звонкой монеты: если бы премія была больше, то должникъ предпочелъ бы покупкѣ векселя покупку звонкой монеты.

Если напротивъ Англіи приходится получить больше денегъ, чѣмъ заплатить, то въ Англіи будетъ предлагаться больше векселей, данныхъ изъ Франціи, чѣмъ сколько нужно для уплаты во Францію, и цѣна векселей на Францію упадетъ ниже пари: вексель въ 100 фунтовъ будетъ покупаться за сумму менѣе 100 фунтовъ; это называется «продажа векселей съ дисконтомъ».

Если Англія должна уплатить больше, чѣмъ получить, то Франція должна получить больше, чѣмъ уплатить, и на оборотъ. Потому когда въ Англіи векселя на Францію продаются съ преміею, во Франціи векселя на Англію продаются съ дисконтомъ; а когда векселя на Францію продаются въ Англіи съ дисконтомъ, то векселя на Англію продаются во Франціи съ преміею. Если наконецъ въ одной изъ этихъ странъ стоятъ они al pari, то стоятъ al pari и въ другой.

Таковы отношенія между странами или мѣстностями, имѣющими одинаковую монету. Но въ отношеніяхъ самыхъ цивилизованныхъ націй остается еще столько варварства, что почти каждая независимая страна любитъ выказывать свою независимость тѣмъ, чтобы имѣть къ собственному неудобству и къ неудобству своихъ сосѣдей свою особенную монетную систему. Въ вопросѣ, который мы теперь разбираемъ, отъ этого происходитъ лишь та разница, что вмѣсто *одинаковыхъ* суммъ звонкой монеты надобно говорить о *равноцѣнныхъ* суммахъ. Подъ равноцѣнными суммами разумѣются суммы, содержащія одинаковое количество металла по вѣсу и по пробѣ, если нормальная монета въ обѣихъ странахъ состоитъ изъ одного металла; но если металлы различны (напримѣръ во Франціи серебро, а въ Англіи золото), подъ равноцѣнностью разумѣется то, что количество серебра въ одной суммѣ имѣетъ на всесвѣтномъ рынкѣ такую же цѣнность, какъ количество золота въ другой суммѣ: въ относительной цѣнности одного изъ этихъ металловъ по

сравненію съ другимъ не бываетъ большой разницы на разныхъ рынкахъ. Предположимъ, что 25 франковъ равноцѣнны фунту стерлинговъ (какъ и въ самомъ дѣлѣ они почти равноцѣнны ему). Суммы долговъ и кредитовъ между этими двумя странами будутъ равны, когда одна изъ нихъ должна другой столько же разъ 25 франковъ, сколько другая должна ей фунтовъ стерлинговъ. При такомъ отношеніи вексель въ 2,500 франковъ на Францію будетъ стоить въ Англіи 100 фунтовъ, а вексель на Англію во 100 фунтовъ будетъ стоить во Франціи 2,500 франковъ. Въ этомъ случаѣ говорится, что вексельный курсъ стоитъ al pari и 25 франковъ (въ дѣйствительности нѣсколько больше 25 франковъ) называется курсомъ al pari на Францію *). Если Англія должна Франціи больше чѣмъ Франція должна ей, вексель въ 2,500 франковъ будетъ продаваться съ премію, то есть будетъ стоить больше 100 фунтовъ. Если Франція должна Англіи больше чѣмъ Англія ей, вексель въ 2,500 франковъ будетъ стоить меньше 100 фунтовъ или будетъ продаваться съ дисконтомъ.

Когда векселя на заграничныя земли продаются съ премію, то обыкновенно говорятъ, что вексельный курсъ въ странѣ низокъ или не благопріятенъ для нея. Чтобы понимать смыслъ этихъ словъ, надобно вникнуть въ дѣйствительное значеніе такъ называемаго въ коммерческомъ языкѣ вексельнаго курса. Этимъ выраженіемъ обозначается степень силы денегъ извѣстной страны въ покупкѣ денегъ другихъ странъ. Предположимъ, что 25 франковъ— курсъ al pari; въ такомъ случаѣ, если нужно больше 100 фунтовъ на покупку векселя въ 2,500 франковъ, это значитъ, что 100 фунтовъ англійскими деньгами стоятъ дешевле, чѣмъ реальное равноцѣнное имъ количество французскихъ денегъ; это и называется курсомъ, не выгоднымъ для Англіи. Но дѣйствительно не выгоденъ онъ въ Англіи лишь для тѣхъ, кто долженъ платить деньги во Францію: онъ является на вексельный рынокъ покупщикомъ и долженъ платить премію. Но то же самое положеніе дѣлъ выгодно для лицъ, которымъ слѣдуетъ получить деньги изъ Франціи: они являются продавцами и получаютъ премію. Впрочемъ премія показываетъ, что балансъ долженъ быть уплаченъ Англіею и что ей

*) Это было писано еще до того времени, когда новыя открытія золота произвели перемѣну въ относительной цѣнности золота и серебра. Размѣнъ al pari между золотой и серебряной монетой еще мѣняется, и невозможно предвидѣть, на чемъ онъ установится окончательно.

можетъ представиться надобность уплатить его звонкою монетою; а по старинной теоріи выгода торговли полагалась въ томъ, чтобы она вносила деньги въ страну; отъ этого предубѣжденія вошелъ обычай называть курсъ благопріятнымъ, когда онъ указываетъ на полученіе баланса, и невыгоднымъ, когда онъ показываетъ на уплату баланса; а эти выраженія послужили въ свою очередь въ поддержку предразсудку.

3. На первый взглядъ можно предположить, что когда курсъ не выгоденъ или когда векселя на чужія земли продаются съ премію, то премія всегда должна равняться полному размѣру стоимости провоза денегъ: въ самомъ дѣлѣ страна должна уплатить балансъ, и нѣкоторые изъ лицъ, съ которыхъ требуется уплата заграницу, должны сдѣлать полный расходъ на перевозку; а ихъ соперничество заставитъ всѣхъ принести такое же пожертвованіе. Дѣйствительно такъ и было бы, если бы всегда было надобно производить немедленно каждую уплату, какая должна быть произведена. Ожиданіе большихъ и немедленныхъ заграничныхъ уплатъ производитъ иногда поразительное дѣйствіе на вексельный курсъ *); но небольшой перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ и вообще всякій небольшой перевѣсъ платежей заграницу, отъ чего бы ни происходилъ онъ, обыкновенно не измѣняетъ вексельнаго курса на полную стоимость и рискъ провоза слитковъ заграницу. Долгіе сроки кредита обыкновенно даютъ нѣкоторымъ изъ должниковъ возможность отложить уплату, а между тѣмъ балансъ можетъ измѣниться и возстановить равенство уплатъ и полученій безъ дѣйствительной пересылки золота и серебра. Это происходитъ тѣмъ легче, что въ

---

*) При извѣстіи о возвращеніи Наполеона съ Эльбы вексельная премія въ одинъ день поднялась на 10%. Разумѣется такая премія не была простымъ вознагражденіемъ за стоимость провоза, потому что фрахтъ такого товара какъ золото никакъ не могъ даже и съ военною страховою премію простираться до такой суммы. Огромная эта премія была равноцѣнна не трудности пересылки золота, а предполагаемой трудности доставать его для пересылки; всѣ ждали, что начнутся переводы огромныхъ суммъ заграницу на уплату субсидій и содержаніе армій, такъ что сильно уменьшится запасъ слитковъ въ Англіи (которая тогда почти уже не имѣла звонкой монеты) и уменьшится такъ быстро, что трудно будетъ успѣть пополнить его. Потому и цѣна звонкой монеты также поднялась съ такою же быстротою. Едва ли надобно замѣчать, что это было въ періодъ, когда англійскій банкъ былъ освобожденъ отъ обязанности размѣнивать свои билеты на звонкую монету. Еслибъ они размѣнивались, ничего подобнаго не могло бы произойти до той поры, пока банкъ не прекратитъ платежей.

самыхъ колебаніяхъ курса есть стремленіе взаимно вознаграждаться. Векселя продаются съ премією отъ того, что ввезено больше цѣнностей по счету на деньги, чѣмъ вывезено. Но сама премія составляетъ прибавочную прибыль для вывозящихъ товары. Продавая товаръ за извѣстную цѣну, они берутъ за него вексель и продаютъ его съ премією сверхъ этой цѣны. Наоборотъ прибыль ввозящихъ товары уменьшается отъ премін. Кромѣ цѣны за товаръ они должны заплатить премію на векселя. Потому такъ называемый неблагопріятный курсъ служитъ поощреніемъ къ вывозу и уменьшаетъ охоту ввозить товары. Если уплата по балансу требуется небольшая и происходитъ отъ какого нибудь случайнаго нарушенія обычнаго хода торговли, балансъ этотъ быстро ликвидируется товарами и расчетъ поканчивается векселями безъ всякой пересылки золота или серебра. Иное дѣло, если порождающій невыгодность курса излишекъ ввоза надъ вывозомъ происходитъ отъ постоянной причины. Тутъ равновѣсіе было нарушено состояніемъ цѣнъ и можетъ возстановиться только измѣненіемъ цѣнъ. Если цѣны таковы, что вызываютъ перевѣсъ ввоза, то добавочная прибыль, получаемая по вывозу отъ преміи на векселя, не можетъ долго поддержать вывоза наровнѣ съ ввозомъ; дѣйствительно еслибы вывозъ равнялся съ ввозомъ, то векселя перестали бы продаваться съ премією и прибавочная прибыль не существовала бы; для уравненія ввоза съ вывозомъ должны измѣниться цѣны товаровъ.

Итакъ надобно различать два разные вида нарушеній въ равновѣсіи ввоза и вывоза и въ происходящихъ оттого разностяхъ вексельнаго курса: однѣ бываютъ временныя или случайныя; они уравниваются премією на векселяхъ безъ пересылки золота и серебра, если не имѣютъ слишкомъ большаго размѣра; другія происходятъ отъ общаго положенія цѣнъ и для ихъ уравненія количество денегъ, обращающихся въ странѣ, должно уменьшиться вывозомъ звонкой монеты или уничтоженіемъ равноцѣннаго ей кредита, потому что простой вывозъ слитковъ (какъ металла а не какъ денегъ), не имѣя дѣйствія на цѣны, не въ состояніи уничтожить причину, нарушившую равновѣсіе.

Надобно еще замѣтить, что вексельный курсъ опредѣляется балансомъ платежей и полученій не съ каждою изъ чужихъ странъ въ отдѣльности, а со всѣми странами вмѣстѣ. Если Англія должна уплачивать балансъ Франціи, изъ этого еще не слѣдуетъ, что вексельный курсъ на Францію будетъ противъ Англіи и что векселя на Францію будутъ продаваться въ Англіи съ премією: быть

можетъ Англія должна получить уплату баланса отъ Голландіи или Гамбурга, и долгъ свой Франціи она заплатитъ векселями на эти города; на техническомъ языкѣ это называется вексельнымъ арбитражемъ. Зачетъ долговъ этимъ круговымъ путемъ соединенъ съ большою прибавкою расходовъ, отчасти за коммиссію, отчасти по потерѣ процентовъ; на величину этой незначительной разницы курсъ на одну страну можетъ быть различенъ отъ курса на другія страны; но въ сущности курсы на всѣ страны измѣняются вмѣстѣ, сообразно тому, приходится ли странѣ получать или производить уплату баланса въ общемъ результатѣ своей внѣшней торговли.

ГЛАВА XXI.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА ПО ТОРГОВОМУ СВѢТУ.

1. Изслѣдовавъ механизмъ, которымъ въ дѣйствительности ведутся торговыя сношенія между націями, мы должны теперь разсмотрѣть, происходитъ ли отъ этого способа веденія ихъ какая нибудь перемѣна въ тѣхъ выводахъ относительно международныхъ цѣнностей, до какихъ дошли мы прежде при гипотезѣ мѣны.

Ближайшая аналогія заставляетъ предполагать, что никакой перемѣны отъ этого не происходитъ въ нихъ. Мы нашли, что отъ вмѣшательства денегъ и замѣняющихъ деньги средствъ нимало не измѣняется законъ цѣнности, примѣняющійся къ сосѣднимъ мѣстамъ. Предметы, которые имѣли бы одинаковую цѣнность, еслибы обмѣнъ производился посредствомъ мѣны, стоютъ одинаковыхъ суммъ денегъ. Введеніемъ денегъ только прибавляется къ другимъ товарамъ еще одинъ товаръ, цѣнность котораго подчинена тѣмъ же самымъ законамъ, какъ цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ. Потому неудивительно для насъ будетъ, если окажется, что и международныя цѣнности при денежной и вексельной системѣ опредѣляются точно тѣми же условіями, какими опредѣлялись бы при мѣновой системѣ и что деньги почти не играютъ въ этомъ дѣлѣ никакой роли кромѣ той, что доставляютъ удобное средство для сравненія цѣнностей.

И по своей сущности и по своимъ результатамъ всякій обмѣнъ—мѣна: продавая товары за деньги и покупая на эти деньги другіе предметы, человѣкъ въ сущности покупаетъ эти предметы на свои товары. Точно тоже надобно сказать и о націяхъ: ихъ торговля — просто обмѣнъ вывоза на ввозъ; употребляются ли тутъ деньги, или нѣтъ все равно, дѣло находится въ своемъ прочномъ

положеніи лишь тогда, когда вывозъ и ввозъ ровно оплачиваются другъ другомъ. Въ этомъ случаѣ каждая страна должна уплатить другимъ столько же, сколько слѣдуетъ ей получить съ нихъ; долги взаимно уничтожаются учетомъ векселей и не приходится уплачивать никакого баланса золотомъ или серебромъ. Торговля тутъ находится въ положеніи подобномъ тому, какое въ механикѣ называется положеніемъ устойчиваго равновѣсія.

Но процессъ, которымъ возвращается дѣло къ этому положенію когда отклонится отъ него, бываетъ по крайней мѣрѣ по внѣшности не таковъ при денежной системѣ, какъ при мѣновой. При мѣновой системѣ страна, которой нужно больше ввозныхъ товаровъ, чѣмъ сколько стоятъ вывозимые ею товары, должна предлагать свои вывозимые товары дешевле, потому что это единственное средство создать на нихъ запросъ, которымъ возстановлялось бы равновѣсіе. При употребленіи денегъ страна поступаетъ повидимому совершенно иначе. Она беретъ лишніе ввозные товары по той же цѣнѣ какъ прежде; а равноцѣннаго вывоза она не дѣлаетъ; потому балансъ уплатъ обращается противъ нея; обмѣнъ становится не благопріятенъ для нея и недочетъ она должна уплачивать деньгами. По внѣшности этотъ ходъ дѣла совершенно иной, чѣмъ при мѣновой системѣ. Посмотримъ, къ сущности ли дѣла относится эта разница или только къ формѣ его.

Пусть будетъ Англія та страна, которая должна уплачивать балансъ, а Франція та, которая должна получать его. Отъ пересылки золота и серебра количество звонкой монеты въ Англіи уменьшилось, а во Франціи увеличилось. Я имѣю право принять это за фактъ. Ниже мы увидимъ, что такой выводъ былъ бы совершенно ошибоченъ, еслибы ставился по отношенію ко всѣмъ платежамъ международныхъ балансовъ. Такой балансъ, уплачивать который приходится лишь разъ по особенному случаю, каковъ напримѣръ чрезвычайный платежъ за ввозъ хлѣба въ неурожайный годъ, можетъ уплатиться изъ денегъ, лежавшихъ внѣ обращенія или изъ банкирскихъ резервовъ, не уменьшая количества обращающихся денегъ. Но здѣсь мы предполагаемъ такой излишекъ ввоза надъ вывозомъ, который происходитъ оттого, что уравненіе международнаго запроса еще не установилось, предполагаемъ, что при обыкновенныхъ цѣнахъ существуетъ въ Англіи постоянный запросъ на такое количество французскихъ товаровъ, на уплату за которое недостаточно англійскихъ товаровъ, требуемыхъ Франціею при обыкновенныхъ цѣнахъ. Когда дѣло таково, то постоянно

будетъ возобновляться надобность уплачивать балансъ деньгами, если не измѣнятся цѣны. Надобно, чтобы произошло или прочное уменьшеніе ввоза или прочное увеличеніе вывоза; это можетъ быть произведено только измѣненіемъ цѣнъ. Если балансы сначала даже и уплачивались изъ денегъ, лежащихъ внѣ обращенія, или черезъ вывозъ слитковъ, напослѣдокъ все-таки коснутся они денегъ, находящихся въ обращеніи, потому что до той поры вывозъ золота и серебра пойдетъ безъ задержекъ.

Итакъ, если положеніе цѣнъ таково, что страна требуетъ больше ввоза, чѣмъ за сколько можетъ уплатить вывозомъ, уравненіе международнаго запроса не можетъ установиться; это значитъ, что страна имѣетъ въ обращеніи большее количество денегъ или замѣняющихъ деньги средствъ, чѣмъ сколько можетъ прочнымъ образомъ обращаться въ ней, что лишь тогда можно возстановить ея балансъ, когда она разстанется съ нѣкоторою частью этого количества. Сообразно тому уменьшается количество обращающихся денегъ: цѣны падаютъ и въ числѣ другихъ товаровъ падаютъ цѣны вывозныхъ товаровъ, на которые сообразно тому увеличивается запросъ въ чужихъ странахъ; а ввозные товары быть можетъ поднимаются въ цѣнѣ отъ перехода денегъ въ чужія страны а если и не поднимаются, то уже никакъ не подвергаются общему паденію цѣнъ. Но пока удешевленіе англійскихъ товаровъ не склонитъ чужія страны брать ихъ на денежную цѣнность, большую прежней, или пока (положительное или сравнительное) вздорожаніе заграничныхъ товаровъ не заставитъ Англію брать ихъ на денежную цѣнность, меньшую прежней, сумма вывоза изъ Англіи по прежнему будетъ оставаться недостаточна на уплату за ввозъ, и начавшееся теченіе золота и серебра изъ Англіи будетъ по прежнему продолжаться. Оно будетъ продолжаться до той поры, пока упадокъ цѣнъ въ Англіи сдѣлаетъ доступнымъ заграничному рынку какой нибудь англійскій товаръ, не отправлявшійся прежде заграницу, или пока удешевленіе предметовъ, уже прежде посылавшихся его заграницу, увеличитъ заграничный запросъ на нихъ до такого количества, которымъ оплачивался бы ввозъ; и достиженію этого результата можетъ содѣйствовать уменьшеніе англійскаго запроса на заграничные товары отъ положительнаго или сравнительнаго ихъ вздорожанія.

Вотъ ходъ дѣла при денежной системѣ, — а онъ совершенно тотъ же, какой былъ при нашей первоначальной гипотезѣ мѣновой системы. Итакъ мало того, что и при употребленіи денегъ тор-

говля между націями стремится къ тому же равновѣсію вывоза со ввозомъ, какъ и при мѣновой системѣ безъ употребленія денегъ, но и способъ, которымъ установляется это равновѣсіе, существенно одинаковъ въ томъ и другомъ случаѣ. Страна, вывозъ которой недостаточенъ на уплату за ввозъ, удешевляетъ свои товары до того, пока успѣетъ возбудить необходимый запросъ; иначе сказать, уравненіе международнаго запроса служитъ и при денежной системѣ, точно такъ же какъ при мѣновой, закономъ международной торговли. При денежной системѣ каждая страна ввозитъ и вывозитъ точно такое же количество тѣхъ же самыхъ предметовъ, какъ при мѣновой системѣ. При мѣновой системѣ торговля тяготѣетъ къ тому центру, на которомъ сумма ввоза обмѣнивается ровно за сумму вывоза; при денежной системѣ она тяготѣетъ къ тому центру, на которомъ сумма ввоза и сумма вывоза обмѣниваются за одинаковое количество денегъ. А двѣ вещи, одинаково равныя третьей вещи, равны между собою; потому ввозъ и вывозъ, равные денежною цѣною, обмѣнивались бы ровно другъ на друга, если бы не употреблялись деньги *).

---

*) Прослѣдить ходъ явленій нѣсколько поможетъ отрывокъ изъ того моего отдѣльнаго этюда, на который ссылался я выше. Отрывокъ этотъ написанъ въ примѣненіи къ той воображаемой гипотезѣ, которая проходитъ черезъ весь этюдъ,—гипотезѣ торговли между Англіею и Германіею сукномъ и полотномъ.

«Мы можемъ предположить въ началѣ какую угодно цѣнность денегъ, все равно. Предположимъ же, что до начала торговли цѣна сукна въ обѣихъ странахъ одинакова, именно 6 шиллинговъ ярдъ. Мы предполагали, что 10 ярдовъ сукна обмѣниваются въ Англіи на 16, а въ Германіи на 20 ярдовъ полотна; надобно предположить, что въ Англіи полотно продается по 4, а въ въ Германіи по 3 шил. за ярдъ. Стоимость провоза и прибыль ввозящаго торговца мы и здѣсь оставимъ безъ вниманія, какъ дѣлали прежде.

«Очевидно, что при такомъ состояніи цѣнъ сукно еще не можетъ быть вывозимо изъ Англіи въ Германію; но полотно можетъ быть вывозимо изъ Германіи въ Англію. Оно и будетъ вывозиться и уплата за него сначала будетъ дѣлаться деньгами.

«Деньги вытекаютъ изъ Англіи и вливаются въ Германію; потому денежныя цѣны въ Германіи поднимутся, а въ Англіи понизятся. Ярдъ полотна въ Германіи станетъ дороже 3 шилл., ярдъ сукна дороже 6 шил. Полотно въ Англію ввозится изъ Германіи, потому упадетъ до такой же цѣны, какую имѣетъ въ Германіи (стоимости провоза мы не считаемъ), а сукно упадетъ ниже 6 шил. Какъ только станетъ цѣна сукна въ Англіи ниже, чѣмъ въ Германіи, сукно начнетъ вывозиться и цѣна его въ Германіи упадетъ до той, какую имѣетъ она въ Англіи. Пока вывозимаго сукна не достаточно на упла-

*

2. Мы видимъ, что законъ международныхъ цѣнностей, а слѣдовательно и распредѣленіе выгодъ торговли между торгующими другъ съ другомъ націями остаются при гипотезѣ денегъ тѣже самыя, какія были бы при системѣ мѣны. Въ международныхъ обмѣнахъ, какъ и во внутреннихъ, деньги для торговли не больше, какъ масло для машины или рельсы для передвиженія, — только способъ уменьшать треніе. Чтобы еще провѣрить эти выводы, переизслѣдуемъ по гипотезѣ денегъ вопросъ, уже изслѣдованный по гипотезѣ мѣны,—вопросъ о томъ, на сколько участвуютъ въ выгодѣ отъ улучшенія въ производствѣ вывозимаго товара страны, ввозящія товаръ.

ту за ввозимое полотно, деньги будутъ переливаться изъ Англіи въ Германію, а общій уровень цѣнъ будетъ въ Англіи понижаться, въ Германіи повышаться. Но падая въ Англіи, цѣна сукна будетъ падать и въ Германіи и запросъ на него будетъ рости. Поднимаясь въ Германіи, цѣна полотна должна подниматься и въ Англіи и запросъ на него будетъ уменьшаться. При паденіи цѣны сукна и возвышеніи цѣны полотна явится и для того и для другаго товара такая цѣна, при которой вывозимое сукно и ввозимое полотно будутъ служить равною платою другъ за друга. На этой величинѣ остановятся цѣны, потому что деньги перестанутъ идти тогда изъ Англіи въ Германію. Какова будетъ эта величина—вполнѣ зависитъ отъ положенія и наклонностей англійскихъ и германскихъ покупателей. Если отъ удешевленія сукна мало увеличивается запросъ на него въ Германіи, а отъ вздорожанія полотна не очень быстро уменьшается запросъ на него въ Англіи, то много денегъ перейдетъ изъ Англіи въ Германію, пока возстановится равновѣсіе; цѣна сукна очень упадетъ, а цѣна полотна поднимется до того, что Англіи придется быть можетъ платить за него почти столько же, сколько платила она, производя его дома. Если же напротивъ, отъ удешевленія сукна очень быстро увеличился запросъ на него въ Германіи, а вздорожаніе полотна въ Германіи очень быстро уменьшило въ Англіи ту величину запроса на него, какая возникла было подъ вліяніемъ перваго удешевленія, произведеннаго открытіемъ торговли, то сукно очень скоро окажется достаточнымъ на уплату за полотно, изъ одной страны въ другую перейдетъ мало денегъ и Англія получитъ значительную долю изъ выгоды торговли. И вотъ мы, предположивъ употребленіе денегъ, дошли до того же самаго заключенія, какое нашли при гипотезѣ мѣновой системы.

«Въ какой формѣ получается выгода отъ торговли тою и другою націею—дѣло ясное. Германія до начала торговли платила по 6 шил. за ярдъ сукна, теперь она получаетъ его по меньшей цѣнѣ. Но еще не вся ея выгода въ этомъ. Денежныя цѣны всѣхъ другихъ ея товаровъ поднялись, стало быть возрасли денежные доходы всѣхъ ея производителей. При покупкѣ вещей другъ у друга нѣтъ имъ отъ того никакой выгоды, потому что цѣна всего покупаемаго ими другъ у друга возрасла въ той же пропорціи, какъ средства ихъ къ уплатѣ; но есть имъ выгода отъ этого, когда они покупаютъ вещи

Улучшеніе можетъ состоять во первыхъ въ удешевленіи товара, уже бывшаго важнымъ продуктомъ страны, во вторыхъ въ открытіи новой отрасли промышленности, или введеніи процесса, отъ котораго дѣлается вывознымъ товаромъ товаръ, вовсе еще не вывозившійся. Для удобства начнемъ со втораго случая, когда является новый предметъ вывоза,—онъ нѣсколько простѣе перваго случая.

не поднявшіяся въ цѣнѣ, а еще больше выгоды, когда они покупаютъ вещи, упавшія въ цѣнѣ. Стало быть, какъ потребители сукна, они получили выгоду въ двойномъ размѣрѣ: въ размѣрѣ уменьшенія цѣны сукна и сверхъ того въ размѣрѣ возвышенія другихъ цѣнъ. Предположимъ, что этотъ размѣръ—10%. Прежняя пропорція ихъ денежнаго дохода будетъ достаточна на прочія ихъ надобности; остатокъ, увеличившійся на 10% даетъ имъ возможность купить количество сукна на 10% больше прежняго, если цѣна сукна даже и не упала; но она упала, слѣдовательно они выигрываютъ вдвойнѣ, на меньшее количество денегъ они покупаютъ прежнее количество сукна и больше прежняго остается у нихъ на другія надобности.

«Въ Англіи напротивъ общій уровень цѣнъ упалъ. Но полотно упало больше другихъ товаровъ, понизившись въ цѣнѣ ввозомъ изъ такой страны, гдѣ оно было дешевле, между тѣмъ какъ другіе товары упали только отъ выхода денегъ изъ Англіи. Слѣдовательно, не смотря на общій упадокъ денежныхъ цѣнъ, англійскіе производители выиграютъ какъ покупщики полотна, а во всемъ прочемъ ихъ положеніе останется прежнее.

«Чѣмъ больше денегъ должно перейти изъ Англіи въ Германію для возстановленія равновѣсія, тѣмъ больше будетъ выигрышъ Германіи и отъ удешевленія сукна и отъ поднятія общаго уровня ея цѣнъ. Чѣмъ меньше переходъ денегъ будетъ нуженъ, тѣмъ больше будетъ выигрышъ Англіи, потому что тѣмъ дешевле останется цѣна полотна и тѣмъ меньше понизится общій уровень ея цѣнъ. Не слѣдуетъ однако воображать, что высота денежныхъ цѣнъ выгодна сама по себѣ, а низкость ихъ вредна сама по себѣ. Но чѣмъ выше въ извѣстной странѣ общій уровень цѣнъ, тѣмъ больше бываютъ средства этой страны покупать товары, ввозимые изъ-за границы, цѣна которыхъ независима отъ причинъ высоты цѣнъ на внутренніе товары».

Въ дѣйствительности цѣна сукна и полотна не будетъ одинакова въ Германіи и Англіи, какъ мы здѣсь предполагали: денежная цѣна того и другаго товара будетъ во ввозящей странѣ выше, чѣмъ въ производящей на сумму стоимости провоза съ обыкновенною прибылью на капиталъ ввозящаго купца за средній срокъ времени, протекающаго до продажи товара. Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что страна непремѣнно платитъ за стоимость провоза ввозимаго товара: прибавка этой суммы къ цѣнѣ можетъ стѣснять запросъ одной изъ торгующихъ странъ больше, чѣмъ запросъ другой; этимъ нарушится уравненіе международнаго запроса и проистекающее изъ него равновѣсіе платежей; деньги пойдутъ изъ одной страны въ другую, пока равновѣсіе возстановится способомъ, который мы уже разъяснили; а когда это исполнится, одна страна будетъ платить больше, а другая меньше, чѣмъ сколько приходится за стоимость провоза получаемыхъ ею товаровъ.

Первое слѣдствіе усовершенствованія то, что цѣна товара падаетъ и является запросъ на него за границею. Этимъ новымъ вывозомъ нарушается балансъ, измѣняется курсъ обмѣна, деньги идутъ въ страну, гдѣ было изобрѣтеніе (назовемъ ее Англіею), и продолжаютъ идти въ нее, пока поднимутся цѣны. Этимъ возвышеніемъ цѣнъ нѣсколько стѣснится заграничный запросъ на новый предметъ вывоза и уменьшится прежній заграничный запросъ на другіе предметы, которые постоянно вывозились Англіею. Такимъ образомъ вывозъ уменьшится, а между тѣмъ англійское общество, имѣя больше денегъ, получитъ больше силы получать заграничные товары. Если оно воспользуется этимъ увеличеніемъ покупательной силы, ввозъ увеличится; черезъ это и черезъ уменьшеніе вывоза возстановится равновѣсіе ввоза съ вывозомъ. Для чужихъ земель результатомъ будетъ то, что имъ дороже прежняго придется платить за другія статьи своего ввоза, и дешевле прежняго будутъ они получать новый товаръ, но не столько дешевле, на сколько удешевился онъ для самой Англіи. Говоря это, я очень помню, что въ дѣйствительности цѣна товара будетъ (за исключеніемъ стоимости провоза) одинакова въ Англіи и въ другихъ земляхъ. Но степень дешевизны товара измѣряется не одною денежною его цѣною, а пропорціею этой цѣны къ денежнымъ доходамъ потребителей. Цѣна для англійскихъ и для заграничныхъ потребителей одинакова; но денежные доходы, изъ которыхъ платится эта цѣна, увеличились у англійскихъ потребителей новымъ распредѣленіемъ золота и серебра, а у заграничныхъ они навѣрное уменьшились отъ той же причины. Слѣдовательно торговля дала заграничному потребителю не всю ту выгоду, какую получилъ отъ улучшенія англійскій потребитель, а только часть ея; между тѣмъ Англія получила еще другую выгоду въ цѣнѣ заграничныхъ товаровъ. Стало быть промышленное изобрѣтеніе, ведущее къ открытію новой отрасли вывоза, приноситъ странѣ выгоду не однимъ удешевленіемъ товара, въ которомъ произошло улучшеніе, а кромѣ того общимъ удешевленіемъ всѣхъ ввозныхъ продуктовъ.

Измѣнимъ теперь гипотезу и предположимъ, что улучшеніе не создаетъ новую статью вывоза изъ Англіи, а удешевляетъ одну изъ статей прежняго вывоза. Разсматривая этотъ случай по гипотезѣ мѣны, мы видѣли, что заграничные потребители получаютъ или столько же выгоды, какъ сами англійскіе, или меньше ихъ, или и больше, смотря потому, въ какой степени можетъ расшириться потребленіе

товара отъ его удешевленія. Мы найдемъ, что точно таковъ же выводъ и при гипотезѣ употребленія денегъ.

Пусть товаръ, производство котораго улучшилось, будетъ сукно. Первый результатъ улучшенія то, что цѣна сукна падаетъ, и запросъ заграничнаго рынка на сукно увеличивается. Но размѣръ этого запроса — величина неопредѣленная. Предположимъ, что иностранные потребители увеличиваютъ свои покупки пропорціонально удешевленію, иными словами, продолжаютъ расходовать на сукно прежнюю сумму. Заграничныя страны должны будутъ уплачивать Англіи прежнюю сумму; равновѣсіе ввоза и вывоза останется ненарушеннымъ, и иностранцы получатъ полную долю выгоды отъ удешевленія сукна. Но если заграничный запросъ на сукно имѣетъ свойство возрастать въ большей пропорціи, чѣмъ въ какой происходитъ удешевленіе, Англія будетъ получать за сукно сумму большую прежней, и уплата этой суммы поднимете цѣны англійскихъ товаровъ, въ томъ числѣ и сукна. Но это вздорожаніе будетъ касаться лишь заграничнаго покупателя, потому что доходы англичанъ увеличатся пропорціонально вздорожанію: итакъ, заграничный покупатель будетъ получать меньше выгоды, чѣмъ англійскій. Если, напротивъ, заграничный запросъ на сукно расширяется въ меньшей пропорціи, чѣмъ удешевляется сукно, то Англіи прійдется получать за сукно отъ другихъ земель сумму меньше прежней, а между тѣмъ платить за границу будетъ она прежнюю сумму; торговый балансъ обратится противъ Англіи, деньги станутъ вывозиться изъ нея, цѣны ея товаровъ (между прочимъ и сукна) станутъ падать и очень можетъ быть, что сукно удешевится для заграничнаго покупателя еще въ большей пропорціи, чѣмъ удешевилось оно отъ улучшенія въ самой Англіи. Эти выводы точно тѣ же, какія мы получили при гипотезѣ мѣны.

Общій результатъ всего этого изслѣдованія превосходно выраженъ у Рикардо, въ слѣдующихъ словахъ: «будучи избраны общимъ орудіемъ обращенія цѣнностей, золото и серебро распредѣляются торговымъ соперничествомъ по разнымъ странамъ свѣта въ такихъ пропорціяхъ, чтобы торговля шла тѣмъ же естественнымъ порядкомъ, какимъ шла бы безъ посредства этихъ металловъ, при системѣ простой мѣны товаровъ между странами». (Principles of Political Economy and Taxation, изд. 3, стр. 143). Рикардо не прослѣдилъ всѣхъ примѣненій этого принципа, столь богатаго выводами, но онъ первый основалъ эту истину, до которой теорія международной торговли была непонятнымъ хаосомъ. Сколько я знаю, до

Рикардо ни одинъ писатель даже и не предчувствовалъ такого воззрѣнія, да и послѣ Рикардо лишь немногіе вполнѣ поняли его научную важность.

3. Теперь надобно изслѣдовать, какимъ образомъ дѣйствуетъ на мѣновую цѣнность самыхъ денегъ этотъ законъ распредѣленія золота и серебра черезъ обмѣны, и какъ онъ относится къ закону, по которому опредѣляется цѣнность денегъ, когда онѣ ввозятся просто въ видѣ торговаго товара,—вопросъ, который надобно разобрать потому, что есть между этими двумя законами какъ будто противорѣчіе, бывшее по моему мнѣнію главною причиною упорства многихъ замѣчательныхъ политико-экономовъ противъ очевидности изложенныхъ нами понятій въ настоящей главѣ. Эти мыслители справедливо полагаютъ, что деньги не составляютъ исключенія изъ общихъ законовъ цѣнности, что деньги—товаръ, подобный другимъ товарамъ, средняя или естественная цѣнность котораго должна опредѣляться стоимостью его производства или полученія; потому никакъ не могутъ примириться съ теоріею, говорящею, что распредѣленіе денегъ по торговому міру и разница ихъ цѣнности по различію мѣстъ измѣняется не причинами, относящимися къ самимъ деньгамъ, а сотнею другихъ причинъ, къ нимъ не относящихся, — каждымъ обстоятельствомъ, касающимся торговли другими товарами и нарушающимъ равновѣсіе вывоза и ввоза.

Но предполагаемая этими мыслителями аномалія — только кажущаяся. Причины, вносящія деньги въ страну или уносящія ихъ изъ страны и чрезъ то возвышающія цѣнность ихъ въ однѣхъ странахъ, понижающія ее въ другихъ—тѣ же самыя причины, которыми опредѣлялась бы мѣстная цѣнность денегъ и тогда, когда бы деньги ввозились лишь какъ товаръ и получались исключительно прямымъ путемъ изъ рудниковъ. Когда постоянная цѣнность денегъ въ странѣ понижена приливомъ ихъ черезъ торговый балансъ, причиною тому бываетъ, если не уменьшеніе стоимости ихъ производства, то какое нибудь изъ обстоятельствъ, видоизмѣняющихъ уравненіе международнаго запроса въ выгоду странѣ: увеличеніе заграничнаго запроса на ея товары или уменьшеніе ея запроса на заграничные товары. А увеличеніе заграничнаго запроса на товары извѣстной страны или уменьшеніе ея запроса на ввозные товары—это именно тѣ причины, которыми по общимъ принципамъ торговли понижается для страны цѣнность, по какой она покупаетъ всѣ ввозные товары, слѣдовательно и благородные металлы.

Стало быть, нѣтъ никакого противорѣчія, а напротивъ, находится полнѣйшее согласіе между результатами обоихъ способовъ получения благородныхъ металловъ. Когда деньги переливаются изъ страны въ страну отъ перемѣнъ въ международномъ запросѣ на товары и черезъ это измѣняется мѣстная ихъ цѣнность, тутъ просто осуществляется, быстрѣйшимъ путемъ, тотъ же результатъ который произошелъ бы (лишь не столь быстро) и безъ этого способа, отъ измѣненія сравнительной широты теченій, которыми благородные металлы изъ рудокопныхъ странъ разливаются по разнымъ землямъ. Стало быть, какъ прежде мы видѣли, что отъ употребленія денегъ за орудіе обмѣна нимало не измѣняется законъ, опредѣляющій цѣнности другихъ предметовъ ни во внутренней ни въ международной торговлѣ, такъ теперь видимъ, что отъ него не измѣняется законъ цѣнности самихъ золота и серебра; и во всей изложенной нами теоріи международныхъ цѣнностей находятся единство и гармонія,—признаки, которыми сильно возбуждается предрасположеніе находить въ извѣстныхъ мысляхъ истину.

4. Въ заключеніе, полезно будетъ показать, по какому направленію и въ какой степени предшествующіе наши выводы измѣняются существованіемъ международныхъ уплатъ, происходящихъ не изъ торговли, а изъ другихъ отношеній, — уплатъ, за которыя не получается и не ожидается равноцѣнной замѣны ни деньгами, ни товарами, — каковы напримѣръ дань, отправка ренты отсутствующимъ землевладѣльцамъ, процентовъ заграничнымъ кредиторамъ, заграничные правительственные расходы (напримѣръ, расходы, которыхъ Англіи стоитъ управленіе нѣкоторыми изъ ея колоній).

Начнемъ съ гипотезы мѣны. Въ этомъ случаѣ предполагаемые ежегодные платежи дѣлаются товарами, за вывозъ которыхъ не требуется никакой уплаты, слѣдовательно нѣтъ надобности, чтобы цѣнность ввоза была равна цѣнности вывоза, — напротивъ, долженъ быть ежегодно излишекъ вывоза надъ ввозомъ, равный количеству некоммерческихъ платежей. Если до этихъ платежей внѣшняя торговля страны была въ естественномъ состояніи равновѣсія, теперь, для производства платежей, необходимо будетъ склонить заграничныя страны брать больше вывозныхъ товаровъ, чѣмъ прежде, а этого можно достичь только тѣмъ, чтобы предлагать ихъ дешевле прежняго, иначе говоря, дороже прежняго платить за заграничные товары. Международныя цѣнности приспособятся такъ, чтобы черезъ увеличеніе вывоза или уменьшеніе ввоза или то и другое вмѣстѣ составился требуемый излишекъ на сторонѣ

вывоза, и этотъ излишекъ будетъ постояннымъ положеніемъ дѣла. Результатъ тотъ, что страна, производящая правильные платежи за границу, кромѣ потери платежей суммы, теряетъ еще нѣкоторую сумму тѣмъ, что принуждена бываетъ обмѣнивать свои продукты за иностранные товары на условіяхъ менѣе выгодныхъ.

Тѣ же самые результаты являются при гипотезѣ денегъ. Предполагая, что при начатіи обязательныхъ платежей торговля находится въ состояніи равновѣсія, мы видимъ, что первый платежъ необходимо производится деньгами. Этимъ понижаются цѣны въ платящей и повышаются въ получающей странѣ. Естественное состояніе то, что товаровъ начинаетъ вывозиться больше прежняго, и что собственно по торговымъ дѣламъ балансъ денежныхъ уплатъ постоянно будетъ должна получающая другіе платежи страна платящей ихъ. Когда годичные долги ея дающей дань странѣ становятся равны ежегодной дани (или иному постоянному платежу), денегъ уже не пересылается; нѣтъ равновѣсія вывоза и ввоза, но существуетъ равновѣсіе платежей; вексельный курсъ будетъ al pari; двѣ суммы долговъ будутъ почитаться одна за другую и дань (или другой платежъ) будетъ въ сущности уплачиваться товарами. Результатъ этого для интересовъ той и другой стороны мы уже указывали: платящая страна будетъ дороже платить за все, что покупаетъ у получающей страны, а получающая страна, кромѣ того, что получаетъ дань, будетъ дешевле получать вывозные продукты платящей страны.

ГЛАВА XXII.

ВЛІЯНІЕ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ НА ОБМѢНЫ И НА ВНѢШНЮЮ ТОРГОВЛЮ.

1. Изслѣдуя законы международной торговли, мы начали съ принциповъ, опредѣляющихъ международные обмѣны и международныя цѣнности при гипотезѣ мѣны; потомъ показали, что введеніемъ денегъ какъ орудія обмѣна законы международныхъ обмѣновъ и цѣнностей не измѣняются, какъ не мѣняются обмѣны между людьми одной страны: дѣйствіемъ тѣхъ же законовъ, благородные металлы распредѣляются по разнымъ странамъ въ такихъ пропорціяхъ, что даютъ обмѣнамъ идти точно такъ же и по тѣмъ же самымъ цѣнностямъ, какъ шли бы при мѣновой системѣ; наконецъ, мы разсмотрѣли, какое вліяніе на цѣнность са-

михъ денегъ имѣютъ перемѣны въ положеніи торговли, происходящія отъ измѣненій запроса и снабженія или стоимости производства товаровъ. Остается намъ разсмотрѣть тѣ перемѣны въ состояніи торговли, которыя возникаютъ не отъ товаровъ, а отъ самихъ денегъ.

Стоимость производства у золота и серебра также измѣняется (хотя нетакъ много измѣняется) какъ у другихъ товаровъ. Запросъ на нихъ въ чужихъ земляхъ также измѣняется. Онъ увеличивается, когда начинаютъ больше прежняго употреблять серебра и золота на художественныя вещи и на наряды, или когда отъ расширенія производства и дѣловыхъ оборотовъ увеличивается сумма сдѣлокъ, производимыхъ посредствомъ денегъ. Онъ уменьшается, когда бываетъ наоборотъ, или когда расширяется употребленіе экономизирующихъ способовъ, которыми отчасти уменьшается употребленіе звонкой монеты. Эти перемѣны дѣйствуютъ на торговлю рудокопныхъ странъ съ другими странами и на цѣнность благородныхъ металловъ, сообразно общимъ законамъ цѣнности ввозныхъ товаровъ, съ достаточною точностью изложеннымъ въ предъидущихъ главахъ.

Въ настоящей главѣ я намѣренъ изслѣдовать не эти обстоятельства, касающіяся денегъ и измѣняющія прочную ихъ цѣнность, а вліяніе производимое на внѣшнюю торговлю случайными или временными измѣненіями цѣнности денегъ, не имѣющими никакой связи съ причинами, касающимися прочной ихъ цѣнности. Предметъ этотъ важенъ по своему отношенію къ практическому вопросу, о которомъ было такъ много споровъ въ послѣднія шестьдесять лѣтъ, къ регулированію денежной системы.

2. Предположимъ, что деньги обращающіяся въ извѣстной странѣ состоятъ исключительно изъ звонкой монеты и что количество ихъ внезапно увеличилось, — напримѣръ тѣмъ, что поступили въ обращеніе суммы, которыя лежали спрятанными въ прежнее время отъ иноземнаго нашествія или внутреннихъ безпорядковъ. Естественнымъ результатомъ того будетъ возвышеніе цѣнъ. Отъ этого уменьшится вывозъ и увеличится ввозъ. Ввозъ будетъ больше вывоза, вексельный курсъ станетъ неблагопріятенъ, и новоприобрѣтенная сумма денегъ разольется по всѣмъ странамъ, съ которыми ведетъ торговлю предположенная нами страна, а изъ нихъ постепенно разольется по всѣмъ частямъ торговаго міра. Наплывъ этотъ разольется на равную глубину по всѣмъ торговымъ странамъ, потому что будетъ переливаться, пока снова урав-

повѣсятся ввозъ и вывозъ въ каждой странѣ, а для этого (при нашемъ предположеніи, что нѣтъ измѣненій въ постоянныхъ условіяхъ международнаго запроса) необходимо, чтобы деньги разлились повсюду ровно, такъ что цѣны вездѣ поднялись въ одинаковой пропорціи; слѣдовательно измѣненіе цѣнъ въ практическомъ отношеніи лишено всякаго значенія; ввозъ и вывозъ остались совершенно прежніе, хотя денежная цѣнность того и другаго поднялась. Отъ этого уменьшенія цѣнности денегъ въ цѣломъ свѣтѣ остановится или по крайней мѣрѣ уменьшится ежегодное снабженіе золотомъ и серебромъ изъ рудниковъ (если уменьшеніе цѣнности денегъ имѣло достаточный для того размѣръ), потому что золото и серебро уже не будутъ имѣть цѣнности, равной стоимости производства ихъ въ наименѣе изобильныхъ рудникахъ. Слѣдовательно, ежегодная утрата золота и серебра не будетъ вполнѣ покрываться и отъ обыкновенныхъ причинъ разрушенія постепенно общая сумма благородныхъ металловъ уменьшится до прежней величины; послѣ того производство ихъ возобновится въ прежнемъ размѣрѣ. Итакъ, поступленіе спрятанныхъ денегъ въ оборотъ произвело лишь временныя послѣдствія, лишь нарушило равновѣсіе международной торговли на то время, когда деньги эти разливались по свѣту, лишь понизило цѣнность золота и серебра до величины меньшей, чѣмъ цѣнность соотвѣтствующая стоимости добыванія ихъ, и это пониженіе постепенно сгладится временнымъ уменьшеніемъ производства золота и серебра въ странахъ производящихъ ихъ и временнымъ уменьшеніемъ ввоза ихъ оттуда въ другія страны.

Процессъ замѣщенія звонкой монеты банковыми билетами или другими средствами замѣняющими ее будетъ имѣть точно такія же послѣдствія, какъ поступленіе спрятанныхъ денегъ въ оборотъ. Предположимъ, что Англія имѣла въ обращеніи 20 милліоновъ фунтовъ денегъ, состоявшихъ исключительно изъ звонкой монеты, и что вдругъ вошло въ обращеніе на 20 милліоновъ фунтовъ банковыхъ билетовъ. Если билеты выпущены банкирами, они употребятся на ссуды или на покупку фондовъ и черезъ это произведутъ внезапное паденіе величины процентовъ; отъ этого упадка значительная часть изъ 20 милліоновъ фунтовъ звонкой монеты, конечно, выйдетъ изъ страны въ видѣ капитала искать себѣ высшаго процента за границею, такъ что цѣны быть можетъ и не успѣютъ подняться отъ прибавки денегъ. Но предположимъ, что билеты выпущены не банкирами и вообще не торговцами, даю-

щими деньги въ ссуду, а фабрикантами, въ уплату работникамъ и на покупку матеріаловъ, или правительствомъ на его обыкновенные расходы, такъ что вся сумма ихъ быстро будетъ принесена на товарный рынокъ. Естественный ходъ послѣдствій будетъ таковъ: всѣ цѣны сильно поднимутся; вывозъ почти прекратится: ввозъ чрезвычайно возбудится. Страна должна будетъ уплатить большой балансъ за границу; вексельный курсъ обратится противъ Англіи на полную стоимость вывоза денегъ, и излишекъ денегъ быстро разольется по разнымъ странамъ, по очередности ихъ географическаго или торговаго сосѣдства съ Англіею. Деньги будутъ переливаться до тѣхъ поръ, пока во всѣхъ странахъ сравняются обращающіяся деньги, то есть, не то, что цѣнность станетъ вездѣ одинакова, а то, что останутся въ ихъ цѣнности лишь розности, существовавшія и соотвѣтствовавшія разницамъ въ стоимости полученія денегъ разными странами. Когда повышеніе цѣнъ равно разольется по всѣмъ странамъ, ввозъ и вывозъ повсюду возвратятся въ прежнее положеніе, станутъ взаимно уравновѣшиваться, и вексельный курсъ снова станетъ al pari. Если разлитіе по всему торговому свѣту такой суммы, какъ 20 милліоновъ фунтовъ, достаточно для замѣтнаго возвышенія всеобщаго уровня, то и это слѣдствіе будетъ недолговременно. Ни во всѣхъ рудникахъ, ни въ какомъ нибудь одномъ рудникѣ не произошло перемѣнъ въ условіяхъ добыванія золота и серебра; потому при уменьшенной цѣнности добываніе ихъ не будетъ вознаграждаться и снабженіе изъ рудниковъ отчасти или вовсе прекратится, пока не будутъ уничтожены излишніе 20 милліоновъ фунтовъ; а послѣ этого уничтоженія находящіяся въ обращеніи деньги станутъ во всѣхъ странахъ почти въ прежній уровень и по количеству и по цѣнности. Я говорю, «почти въ прежній уровень», потому что, строго говоря, будетъ небольшая разница отъ прежняго. Теперь нужно будетъ ежегодное снабженіе золотомъ и серебромъ нѣсколько меньше прежняго, потому что 20 милліонами фунтовъ будетъ меньше звонкой монеты, подвергающейся потерямъ. Слѣдовательно для равновѣсія платежей между рудокопными странами и остальнымъ міромъ будетъ надобно, чтобы рудокопныя страны вывозили другихъ товаровъ нѣсколько больше прежняго, или ввозили заграничныхъ товаровъ нѣсколько меньше прежняго; а изъ этого слѣдуетъ, что уровень цѣнъ въ рудокопныхъ странахъ будетъ нѣсколько ниже, а во всѣхъ остальныхъ странахъ нѣсколько выше прежняго; что въ рудокопныхъ странахъ будетъ находиться въ

обращеніи меньше, а въ остальныхъ больше денегъ, чѣмъ прежде. Вотъ единственное прочное измѣненіе въ международной торговлѣ, въ цѣнности и въ количествѣ денегъ, обращающихся въ разныхъ странахъ, какое произойдетъ отъ выпуска банковыхъ билетовъ; оно такъ ничтожно, что само по себѣ не заслуживало бы вниманія и мы упоминаемъ о немъ лишь для разъясненія принципа.

Но произойдутъ отъ этого выпуска другія послѣдствія. 20 милліоновъ, существовавшіе прежде въ непроизводительной формѣ звонкой монеты, теперь обращены въ вещи, служащія или могущія служить производительнымъ капиталомъ. Этотъ выигрышъ первая получаетъ Англія на счетъ другихъ странъ, взявшихъ изъ ея рукъ излишнее для нея количество этого дорогаго и непроизводительнаго товара и давшихъ за него равноцѣнную сумму другими товарами. Постепенно покрывается эта потеря для всѣхъ другихъ странъ тѣмъ, что уменьшается приливъ къ нимъ этого товара изъ рудниковъ и въ окончательномъ выводѣ человѣчество выигрываетъ дѣйствительную прибавку 20 милліоновъ фунтовъ къ его производительнымъ средствамъ. Адамъ Смитъ разъясняетъ это примѣромъ, который несмотря на его общеизвѣстность, заслуживаетъ быть повторенъ здѣсь, потому что очень удаченъ. Замѣщеніе золота и серебра бумажными деньгами онъ сравниваетъ съ построеніемъ дороги на воздухѣ, при чемъ очищалось бы для земледѣлія мѣсто, занимаемое нынѣ дорогою. Какъ тутъ часть почвы, такъ при выпускѣ бумажныхъ денегъ, часть накопленнаго богатства страны избавляется отъ функціи, въ которой служила лишь на то, чтобъ давать производительность другимъ странамъ или капиталамъ и сама стала пригодною для производства, а прежняя обязанность ея стала бы съ такимъ успѣхомъ исполняться орудіемъ, не стоющимъ никакихъ расходовъ.

Цѣнность, экономизируемая для общества чрезъ эту замѣну звонкой монеты билетами, служитъ чистымъ выигрышемъ для тѣхъ, которые снабжаютъ общество билетами. Они пользуются 20 милліонами фунтовъ вещи, служащей орудіемъ обмѣна, и эти 20 милліоновъ стоили имъ лишь расхода на гравировку доски. Если эту прибавку къ своему имуществу они употребятъ какъ производительный капиталъ, продуктъ страны увеличился и общество выигрываетъ на столько же, на сколько отъ прибавки другихъ служащихъ капиталомъ вещей на такую же сумму. Получатъ ли эти билеты производительное употребленіе, это зависитъ отчасти отъ способа выпуска ихъ. Если они будутъ выпущены правительствомъ

и употреблены на уплату долга, то очень вѣроятно, что они станутъ производительнымъ капиталомъ. Но быть можетъ правительство сдѣлаетъ не такъ, а употребитъ этотъ экстренный доходъ на свои обыкновенные расходы, растратитъ его напрасно или сдѣлаетъ изъ него лишь временную замѣну налоговъ на сумму, равную выпущеннымъ билетамъ; въ послѣднемъ случаѣ сумма эта выигрывается платящею налоги публикою, которая прибавляетъ ее къ своему капиталу или тратитъ какъ доходъ. Когда бумажныя деньги выдаются, какъ въ Англіи, банкирами и банковыми обществами, то почти вся сумма ихъ обращается въ производительный капиталъ: выпускающія лица или компаніи, постоянно находясь въ обязанности возвратить цѣнность этихъ билетовъ, имѣютъ сильнѣйшее побужденіе не проматывать ихъ, и билеты не обращаются тутъ въ производительный капиталъ лишь въ случаяхъ обмана или дурнаго хозяйства. Банкиръ по своей профессіи лицо, дающее деньги въ ссуду, и выпускъ билетовъ служитъ у него просто расширеніемъ его обыкновенныхъ оборотовъ. Выпускаемые билеты онъ даетъ въ ссуду фермерамъ, фабрикантамъ или торговцамъ, употребляющимъ ихъ на свои дѣла; въ этихъ употребленіяхъ билеты, какъ всякій другой капиталъ, даютъ плату труду и прибыль на затраты. Прибыль дѣлится между банкиромъ, получающимъ проценты, и рядомъ лицъ, занимающихъ деньги большею частью на короткій срокъ: за уплатою процентовъ эти лица имѣютъ въ остаткѣ еще прибыль или удобство, равноцѣнное прибыли. Самый капиталъ постоянно весь обращается въ рабочую плату и, будучи вырученъ продажею продукта, снова становится рабочею платою, давая такимъ образомъ на содержаніе производительнаго труда вѣчный фондъ цѣнностью въ 20 милліоновъ, и увеличивая продуктъ страны всѣмъ тѣмъ количествомъ предметовъ, какое можетъ быть произведено посредствомъ такого капитала. Къ этому выигрышу надобно еще прибавить сбереженіе, какое дѣлаетъ страна въ ежегодномъ количествѣ благородныхъ металловъ, нужномъ на покрытіе траты и потерь въ ея звонкой монетѣ.

Слѣдовательно замѣненіе звонкой монеты бумажными деньгами всегда выгодно доводить до крайняго предѣла, допускаемаго безопасностью; надобно удерживать лишь то количество звонкой монеты, какое необходимо для сохраненія дѣйствительной возможности размѣна билетовъ на звонкую монету и для убѣжденія публики въ этой возможности. Страна, подобно Англіи, имѣющая обширныя коммерческія связи, можетъ вдругъ подвергнуться требованію

большихъ уплатъ за границу, — или въ видѣ ссудъ и другихъ затратъ капитала или въ видѣ платежа за чрезвычайный ввозъ товаровъ (чаще всего за большой ввозъ хлѣба при неурожаяхъ); на удовлетвореніе такимъ надобностямъ надобно имѣть въ обращеніи или въ банковыхъ сундукахъ очень большую сумму звонкой монеты или слитковъ; и когда эта сумма вышла за границу по случаю какой нибудь надобности, надобно потомъ давать ей возвращаться въ страну. Но отправляемое золото или серебро почти всегда берется изъ банковыхъ запасовъ и не будетъ браться прямо изъ обращенія, пока банкъ не прекратилъ платежей; потому, если въ житейскомъ обращеніи часть денегъ остается въ видѣ звонкой монеты, единственная выгода здѣсь лишь та, что банки могутъ пополнять иногда свои резервы изъ этихъ суммъ.

3. Когда звонкая монета совершенно вытѣснена изъ обращенія выпускомъ банковыхъ билетовъ на сумму, равную этому вытѣсненному количеству звонкой монеты, то будутъ совершенно безуспѣшны всякія попытки удержать въ обращеніи большее этой суммы количество банковыхъ билетовъ, если не прекращенъ ихъ размѣнъ на звонкую монету. Выпускъ лишняго количества билетовъ снова произведетъ весь тотъ рядъ послѣдствій, какимъ была прежде вытѣснена изъ обращенія звонкая монета. Золото и серебро снова потребуются на вывозъ и весь излишекъ банковыхъ билетовъ будетъ возвращенъ въ банки для обмѣна на такую же сумму звонкой монеты; такимъ образомъ этотъ излишекъ никакъ не удержится въ обращеніи. Но разумѣется, если билеты будутъ не размѣнны, не представится такого препятствія увеличивать ихъ количество. Пока остается въ обращеніи звонкая монета, которую могутъ вытѣснять новые выпуски бумажныхъ денегъ, неразмѣнные билеты дѣйствуютъ точно такъ же, какъ размѣниваемые; разница начинаетъ обнаруживаться, когда уже вытѣснена изъ обращенія вся звонкая монета (кромѣ развѣ той, какая нужна для мелкихъ покупокъ), а выпускъ бумажныхъ денегъ продолжается. Когда количество бумажныхъ денегъ становится больше количества звонкой монеты, замѣненной ими, то, разумѣется, цѣны поднимаются; вещь стоившая 5 ф. звонкою монетою, будетъ стоить 6 ф. или больше неразмѣнными бумажными деньгами. Но это возвышеніе цѣны не будетъ усиливать ввоза и уменьшать вывоза, какъ бываетъ въ случаяхъ, разсматривавшихся нами прежде. Ввозъ и вывозъ опредѣляются цѣнами вещей на звонкую монету, а не на бумажныя деньги; а цѣны на бумажныя деньги и на звонкую мо-

нету сходятся лишь тогда, когда бумажныя деньги размѣниваются на звонкую монету по первому востребованію.

Предположимъ, что Англія — та страна, въ которой обращаются бумажныя деньги, упавшія въ цѣнности. Предположимъ, что извѣстный англійскій продуктъ покупался за 5 ф., когда въ обращеніи находилась звонкая монета и продавался во Франціи за 5 фунт. 10 шиллинговъ (прибавка 10 шилл. покрывала расходъ и рискъ и доставляла прибыль купцу). По упадку курса бумажныхъ денегъ, товаръ этотъ стоитъ въ Англіи теперь 6 ф., а во Франціи нельзя продать его дороже 5 ф. 10 шилл.; все таки онъ будетъ вывозиться по прежнему. Отчего это? Оттого, что 5 ф. 10 шилл., получаемые за него во Франціи, получаются не бумажными деньгами, упавшими въ цѣнѣ, а золотомъ и серебромъ; а цѣна металловъ въ Англіи поднялась одинаково съ цѣною другихъ предметовъ: и если купецъ привозитъ въ Англію золото и серебро, онъ продаетъ 5 ф. 10 шилл. за 6 ф. 12 шилл. и по прежнему получаетъ 10% за расходы и въ прибыль себѣ.

Изъ этого видно, что упадокъ бумажныхъ денегъ не имѣетъ вліянія на внѣшнюю торговлю страны: она ведется рѣшительно такъ, какъ будто деньги сохраняютъ свою цѣнность. Но не имѣя вліянія на торговлю, упадокъ бумажныхъ денегъ имѣетъ вліяніе на вексельный курсъ. Когда ввозъ и вывозъ находятся въ равновѣсіи, вексельный курсъ при звонкой монетѣ былъ бы al pari; вексель на Францію въ 5 сувереновъ стоилъ бы 5 сувереновъ. Но когда 5 сувереновъ или содержащееся въ нихъ количество золота стоятъ въ Англіи 6 фунт., то и вексель на Францію въ 5 фунт. будетъ стоить 6 фунт. Поэтому когда *дѣйствительный* курсъ бываетъ al pari, *номинальный* курсъ будетъ не благопріятенъ для страны на столько процентовъ, на сколько упала цѣнность денегъ. Если она упала на 10, 15 или 20%, то каковъ бы ни былъ дѣйствительный курсъ, происходящій отъ колебаній международныхъ полученій и платежей, курсъ, показываемый на биржахъ, постоянно будетъ ниже его на 10, 15 или 20%. Какъ бы высока ни была эта номинальная премія, она не ведетъ къ вывозу золота изъ страны съ тою цѣлью, чтобы дать на него вексель и воспользоваться премією, потому что вывозимое золото надобно доставать не изъ банковъ и не al pari, какъ достается оно при существованіи размѣна на звонкую монету, а на рынкѣ, за цѣну, которая на столько же дороже al pari, на сколько процентовъ поднялась вексельная премія. Въ этихъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы говорить

«курсъ сталъ не благопріятенъ», правильнѣе было бы говорить «курсъ al pari измѣнился», потому что теперь нужно стало большее количество англійскихъ денегъ для равноцѣнности съ такою же номинальною суммою иностранныхъ денегъ. Но курсъ продолжаютъ *считать* сообразно al pari звонкой монеты. Поэтому при упадкѣ бумажныхъ денегъ, курсъ, объявляемый на биржахъ, состоитъ изъ двухъ элементовъ или факторовъ: изъ дѣйствительнаго курса, сообразующагося съ колебаніями международныхъ платежей и номинальнаго курса, сообразующагося съ упадкомъ бумажныхъ денегъ, непремѣнно остающагося неблагопріятнымъ, пока существуетъ упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ. Степень этого упадка въ точности измѣряется степенью возвышенія рыночной цѣны слитковъ надъ монетною ихъ оцѣнкою; потому мы имѣемъ вѣрную норму для опредѣленія, какая доля биржеваго курса относится къ упадку бумажныхъ денегъ и должна быть отбрасываема какъ номинальная; отбросивъ ее, мы получаемъ въ результатѣ дѣйствительный курсъ.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы подробно говорили о тѣхъ расширеніяхъ кредита, которыя дѣйствуютъ на цѣны точно такъ же, какъ увеличеніе количества находящихся въ обращеніи денегъ; они производятъ въ курсѣ и въ международной торговлѣ точно такое же уклоненіе и точно такимъ же способомъ, какъ увеличеніе количества бумажныхъ денегъ, размѣниваемыхъ на звонкую монету. Когда по извѣстнымъ обстоятельствамъ духъ спекуляціи усиливается до того, что производитъ сильное увеличеніе покупокъ на кредитъ, денежныя цѣны поднимаются точно такъ же, какъ поднимались бы при совершеніи на деньги всѣхъ покупокъ, совершаемыхъ на кредитъ. Слѣдовательно и результаты должны быть одинаковые. Отъ возвышенія цѣнъ вывозъ стѣсняется, а ввозъ усиливается. Впрочемъ на практикѣ возрастаніе ввоза рѣдко ждетъ возвышенія цѣнъ, происходящаго отъ спекуляціи, потому что къ числу предметовъ, на которыхъ прежде всего обнаруживается спекулятивная экзальтація, обыкновенно принадлежатъ нѣкоторые изъ главныхъ предметовъ ввоза; отъ этого въ періоды спекуляцій ввозъ обыкновенно бываетъ гораздо больше вывоза, и когда приходитъ время уплатъ за ввозъ, курсъ становится не выгоденъ и звонкая монета уходитъ изъ страны. Какимъ именно способомъ дѣйствуетъ на цѣны этотъ уходъ звонкой монеты, зависитъ отъ обстоятельствъ, о которыхъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже; но вѣрно и очевидно то, что черезъ это цѣны падаютъ. Разъ на-

чавшись, упадокъ ихъ вообще доходитъ до чрезмѣрности, и чрезвычайное расширеніе кредита быстро смѣняется чрезвычайнымъ стѣсненіемъ его. Поэтому при неблагоразумномъ расширеніи кредита и при чрезмѣрномъ развитіи спекуляцій ближайшею причиною катастрофы обыкновенно служитъ невыгодность курса и усиленное требованіе звонкой монеты изъ банковъ на вывозъ. Но эти феномены, будучи яркими принадлежностями кредитной катастрофы, называемой коммерческимъ кризисомъ, не составляютъ ея сущности: мы уже показали (стр. 46—48), что еслибы существовала страна, совершенно не имѣющая внѣшней торговли, коммерческіе кризисы могли бы въ ней бывать столь же сильны, какъ въ странахъ, имѣющихъ внѣшнюю торговлю.

ГЛАВА XXIII.

О ВЕЛИЧИНѢ ПРОЦЕНТА.

1. Здѣсь удобнѣйшее мѣсто разсмотрѣть обстоятельства опредѣляющія величину процента. Вопросъ о процентахъ по займамъ, будучи въ сущности вопросомъ о мѣновой цѣнности, естественно относится къ этому отдѣлу нашего предмета. А денежная система и займы, хотя не одно и тоже, но такъ тѣсно слиты съ феноменами такъ называемаго денежнаго рынка, что не возможно понимать одинъ изъ этихъ предметовъ безъ другаго, и у многихъ оба они смѣшаны въ мысляхъ въ самой неразрѣшимой спутанности.

Въ предъидущей книгѣ (кн. II, гл. XV, § 1) мы опредѣлили отношеніе процентовъ къ прибыли. Мы нашли, что валовая прибыль на капиталъ можетъ быть различаема на три части: вознагражденіе за рискъ, за хлопоты и за самый капиталъ, и первую часть можно назвать страховою преміею, вторую—рабочею платою за надзоръ, а третью—процентами. По вознагражденіи риска, т. е. по покрытіи среднихъ потерь, которымъ подвергается капиталъ или по общему положенію дѣлъ странъ или по случайности дѣла, на которое обращенъ, остается излишекъ, идущій частію на вознагражденіе капиталисту за то, что онъ удержался отъ потребленія, а отчасти на вознагражденіе предпринимателя за его время и хлопоты. Сколько идетъ на одну долю, сколько на другую, видно бываетъ изъ того, какое вознагражденіе можетъ получить собственникъ капитала отъ предпринимателя за пользованіе капиталомъ, когда собственникъ и предприниматель — разныя лица. Очевидно, что это опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, имѣющимъ

*

и въ этомъ случаѣ тотъ же самый смыслъ и результатъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Величина процента будетъ такова, чтобы запросъ на займы уравнивался съ снабженіемъ займами, — такова, чтобы одни лица желали дать въ займы ровно столько же, сколько другія лица желаютъ занять при этой величинѣ. Если предлагается больше чѣмъ спрашивается, проценты упадутъ, если спрашивается больше, чѣмъ предлагается, поднимутся, — въ томъ и другомъ случаѣ до такой степени, при которой возстановляется уравненіе запроса и снабженія.

И запросъ и снабженіе по займамъ колеблются непрерывнѣе всякаго другаго запроса или снабженія. Колебанія другихъ экономическихъ вещей опредѣляются ограниченнымъ числомъ колеблющихъ обстоятельствъ; но желаніе занимать и охота брать въ займы подвергаются въ большей или меньшей степени вліянію всякаго обстоятельства, касающагося положенія или надеждъ всей ли торговли или всей промышленности, или какой нибудь отрасли ихъ. Потому величина процентовъ по займамъ, хорошо обезпеченнымъ (мы должны здѣсь говорить только о такихъ займахъ; потому что проценты по ссудамъ рискованнымъ могутъ возвышаться до неопредѣленной величины), рѣдко бываетъ въ великихъ центрахъ денежныхъ оборотовъ совершенно одинакова два дня сряду; это видно изъ непрерывныхъ колебаній въ биржевыхъ цѣнахъ фондовъ и другихъ бумагъ. Но и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, цѣнность должна быть извѣстная величина, которую можно по терминологіи Адама Смита и Рикардо назвать естественною величиною,—такая величина, около которой колеблется и къ которой всегда стремится возвратиться рыночная величина. Она опредѣляется вопервыхъ размѣромъ накопленія, идущаго въ руки лицъ, которыя не могутъ сами обращать своихъ сбереженій въ дѣло, а вовторыхъ—пропорціею между наклонностью общества къ активному занятію промышленными дѣлами и его наклонностью пользоваться досугомъ, свободою и независимостью черезъ отдачу своего капитала въ проценты.

2. Для исключенія случайныхъ причинъ колебанія мы предположимъ, что торговля находится въ спокойномъ состояніи и нѣтъ въ ней ни отраслей необычайно успѣшныхъ, ни отраслей особенно плохихъ. При такомъ положеніи дѣятельнѣйшіе производители и коммерческіе люди находятъ полное занятіе своему капиталу и многіе изъ нихъ могутъ вести дѣло въ размѣрѣ значительно большемъ своего капитала. Эти послѣдніе естественно бываютъ заем-

щиками; а размѣръ займовъ, какіе хотятъ они сдѣлать и могутъ обезпечить, составляетъ запросъ на ссуды для производительнаго занятія. Къ этому надобно прибавить ссуды, нужныя для правительства и для землевладѣльцевъ или другихъ непроизводительныхъ потребителей, могущихъ дать хорошее обезпеченіе. Все это вмѣстѣ составляетъ массу ссудъ, на которую существуетъ обычный запросъ.

Теперь можно предположить, что существуетъ въ рукахъ лицъ, не желающихъ или неспособныхъ лично заниматься дѣловыми предпріятіями, масса капитала, не только равная этому запросу, но даже превышающая его. Если такъ, то постоянный излишекъ соперничества будетъ со стороны дающихъ въ ссуду, и величина процента будетъ низка сравнительно съ величиною прибыли. Проценты будутъ понижены до такой степени, которая или соблазнитъ заемщиковъ брать ссуды въ размѣрѣ, большемъ того, какой по благоразумному разсчету могутъ они употребить на дѣло, или у нѣкоторыхъ лицъ, дающихъ ссуды, отниметъ охоту воздерживать свое потребленіе и накоплять, или склонитъ ихъ позаботиться объ увеличеніи своего дохода веденіемъ промышленныхъ дѣлъ, на свой счетъ и свой рискъ, если и не своимъ личнымъ трудомъ.

Наоборотъ капиталъ принадлежащій лицамъ, которые предпочитаютъ отдачу въ проценты веденію предпріятій или не могутъ заниматься промышленными дѣлами, можетъ быть меньше обычнаго запроса на ссуды. Быть можетъ значительная часть такого капитала поглощается пріобрѣтеніемъ облигацій государственнаго долга и отдачею подъ залогъ недвижимой собственности, такъ что остальная часть уже недостаточна на снабженіе надобностей торговли. Если такъ, величина процентовъ будетъ подниматься до того, чтобы такъ или иначе возстановилось равновѣсіе. Если разница между процентами и прибылью не велика, то многіе изъ заемщиковъ не захотятъ увеличивать свою отвѣтственность и подвергать опасности свой кредитъ для такого малаго вознагражденія; или нѣкоторые изъ готовыхъ заниматься промышленными дѣлами, при другихъ условіяхъ, теперь предпочтутъ спокойствіе, и вмѣсто того, чтобы быть заемщиками, сдѣлаются заимодавцами; или другіе, возбуждаемые высотою процентовъ и легкостью помѣщенія для своего капитала, выйдутъ изъ дѣлъ раньше и съ меньшимъ состояніемъ, чѣмъ вышли бы при другихъ обстоятельствахъ. Наконецъ, значительная часть требуемаго снабженія ссудами получается въ Англіи и другихъ торговыхъ странахъ другимъ процессомъ, кромѣ обыкновен-

наго, по которому ссуды даются людьми, не занимающимися коммерческимъ дѣломъ. Этотъ другой процессъ состоитъ въ томъ, что само даваніе ссудъ становится коммерческимъ предпріятіемъ. Часть капитала, употребляемаго на промышленную дѣятельность, можетъ доставляться классомъ людей, избравшихъ своею профессіею отдаваніе денегъ въ проценты. Но такіе заимодавцы должны получать вознагражденіе выше величины собственно только процентовъ: они должны получать обыкновенную прибыль на свой капиталъ съ включеніемъ риска и всѣхъ другихъ условій требующихъ вознагражденія. Но человѣкъ, занимающій на свое коммерческое дѣло, никогда не найдетъ выгоды платить полную прибыль за капиталъ, съ котораго и самъ онъ получитъ только полную прибыль; и потому профессіею даванія денегъ въ займы на обыкновенное снабженіе промышленности, могутъ заниматься только лица, которые сверхъ своего капитала могутъ давать въ заемъ свой кредитъ или, иначе говоря, капиталъ другихъ лицъ, т. е. банкиры, или такіе люди, какъ биржевые маклеры, которые въ сущности тѣ же банкиры, потому что получаютъ на сохраненіе деньги. Банкъ, дающій въ ссуду свои билеты, даетъ въ ссуду капиталъ, который занимаетъ онъ у общества и за который не платитъ процентовъ. Депозитный банкъ даетъ въ ссуду капиталъ, который собираетъ отъ общества мелкими частями; иногда онъ не платитъ за него процентовъ, — напримѣръ, не платятъ лондонскіе банкиры; а если и платятъ проценты, какъ платятъ шотландскіе, акціонерные лондонскіе и почти всѣ провинціальные англійскіе банки,—то платятъ они проценты гораздо меньшіе, чѣмъ получаютъ: вкладчики рады получать и небольшой процентъ по своимъ маленькимъ балансамъ, по которымъ иначе вовсе не получали бы процентовъ, потому что дѣло не стоило бы хлопотъ. Имѣя это вспомогательное средство, банкиры могутъ отъ ссудъ, даваемыхъ въ проценты, получать обыкновенную прибыль на свой капиталъ. Безъ этого даваніе денегъ въ ссуду не могло бы быть правильнымъ коммерческимъ дѣломъ иначе какъ на условіяхъ, на которыхъ не захотѣлъ бы брать ссудъ никто кромѣ людей, разсчитывающихъ на чрезвычайную прибыль или находящихся въ крайней нуждѣ,—кромѣ непроизводительныхъ потребителей, превзошедшихъ свои средства или купцовъ, ожидающихъ банкротства. Свободный капиталъ, вложенный въ банки или представляемый банковыми билетами, и суммы, принадлежащія лицамъ, которыя по необходимости или наклонности живутъ не промышленною дѣя-

тельностью, а процентами съ своего имущества, составляютъ общій ссудный фондъ страны; а пропорція между массою этого фонда и размѣромъ обычныхъ запросовъ производителей и торговцевъ, правительства и непроизводительныхъ потребителей опредѣляетъ постоянную или среднюю величину процентовъ, которая всегда должна быть такова, чтобы эти двѣ суммы приравнивались одна къ другой *). Но вся сумма этого ссуднаго капитала опредѣляетъ только *постоянную* величину процентовъ, а *колебанія* п оцентовъ почти исключительно опредѣляются тою частью ссудной суммы, которая находится въ рукахъ банкировъ: она, будучи ссужаема на короткій срокъ, почти одна только и находится постоянно на рынкѣ, ища себѣ занятія. Капиталъ людей, живущихъ процентами своего имущества, вообще любитъ и имѣетъ неподвижное занятіе, напримѣръ обращенъ въ государственные фонды, залоги подъ недвижимую собственность, бумаги акціонерныхъ обществъ и не измѣнитъ своего занятія иначе, какъ при особенномъ соблазнѣ или необходимости.

3. Колебанія въ величинѣ процентовъ происходятъ отъ перемѣнъ или въ запросѣ на ссуды или въ снабженіи ими. Снабженіе тоже подвержено перемѣнамъ, но меньше, чѣмъ запросъ. Охота давать въ ссуды бываетъ больше обыкновеннаго въ началѣ періода спекуляціи, и гораздо меньше обыкновеннаго въ слѣдующей за нимъ реакціи. Во время спекуляціи, и ссудчики и другія лица наклонны увеличивать свои дѣла расширеніемъ своего кредита; они больше обыкновеннаго даютъ въ ссуду капиталъ, не имъ принадлежащій (какъ другіе классы торговцевъ и производителей употребляютъ тогда больше обыкновеннаго такой капиталъ). Потому въ это время величина процентовъ низка, но и на это

---

*) Капиталы, которые имѣютъ обыкновеннымъ своимъ занятіемъ спекулятивную покупку и продажу государственныхъ фондовъ и другихъ бумагъ, бываютъ иногда очень велики, но я не включаю ихъ въ общій ссудный фондъ страны. Правда, что эти люди, покупающіе фонды, во время покупки увеличиваютъ массу денегъ даваемыхъ въ ссуду, и тѣмъ понижаютъ величину процентовъ. Но они покупаютъ только за тѣмъ, чтобы продать дороже, потому попеременно находятся въ положеніи кредиторовъ и заемщиковъ: ихъ операціи въ одно время столько же поднимаютъ величину процентовъ, сколько понижаютъ ее въ другое. Ихъ дѣйствіе, какъ дѣйствіе всѣхъ покупающихъ и продающихъ на спекуляцію, не то, что понижаетъ или возвышаетъ, а только уравниваетъ цѣнность товара. Если они спекулируютъ благоразумно, они уменьшаютъ, а если неблагоразумно, то часто увеличиваютъ колебанія цѣны

(какъ мы сейчасъ увидимъ) есть также другія причины. Во время реакціи, напротивъ проценты всегда слишкомъ поднимаются, потому что многіе имѣютъ настоятельнѣйшую нужду занимать, а давать въ ссуду никто не расположенъ. Это нерасположеніе, достигнувъ крайней степени, называется паническимъ страхомъ. Оно является, когда рядъ неожиданныхъ банкротствъ произвелъ въ коммерческомъ, а иногда и въ некоммерческомъ обществѣ всеобщее недовѣріе къ состоятельности всякаго, такъ что всѣ наклонны не только отказывать въ новомъ кредитѣ (или давать его лишь на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ), но и брать назадъ, если можно, весь уже данный кредитъ. Вклады вынимаются изъ банковъ; кредитные билеты возвращаются въ банки для размѣна на звонкую монету; банкиры поднимаютъ дисконтный процентъ и отказываютъ въ обыкновенныхъ ссудахъ впередъ; купцы отказываются возобновлять коммерческіе векселя. Въ такое время самыя бѣдственныя послѣдствія прежде производились усиліемъ закона не допускать возвышенія процентовъ сверхъ опредѣленной величины. Люди, которые не могли занять по 5 процентовъ, принуждены были платить не 6 или 7, а 10 или 15 процентовъ, чтобы вознаградить заимодавца за рискъ наказанія, или еще съ большимъ убыткомъ должны были продавать свои бумажныя цѣнности или товары за наличныя деньги.

Кромѣ такихъ періодовъ величина капитала свободнаго для отдачи въ ссуду подвергается почти только той перемѣнѣ, которая производится постепеннымъ процессомъ накопленія. Но этотъ процессъ, въ большихъ коммерческихъ странахъ такъ быстръ, что именно имъ объясняется почти періодическое возвращеніе пароксизмовъ спекуляціи: если нѣсколько лѣтъ прошло безъ кризиса, и не открылось между тѣмъ новаго привлекательнаго канала для помѣщенія капитала, то всегда оказывается, что въ эти немногіе годы количество капитала ищущаго помѣщенія возросло такъ, что величина процентовъ значительно понизилась, — это видно бываетъ и по цѣнамъ биржевыхъ бумагъ, и по величинѣ дисконтнаго процента; а такое уменьшеніе процентовъ соблазняетъ капиталистовъ рисковать въ надеждѣ на значительнѣйшую выручку.

Запросъ на займы измѣняется гораздо больше, чѣмъ снабженіе, и его операціи обнимаютъ болѣе долгіе циклы лѣтъ. Напримѣръ, время войны—періодъ чрезвычайныхъ заборовъ съ ссудныхъ рынковъ. Правительство въ такія времена вообще заключаетъ новые займы и они быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ во все продолже-

ніе войны; потому величина процентовъ въ военное время обыкновенно выше, чѣмъ въ мирное и производительная промышленность лишена своего обыкновеннаго снабженія. Въ наполеоновскую войну, англійское правительство не могло занимать меньше какъ по 6 процентовъ, а всѣ другіе заемщики должны были платить развѣ больше, а никакъ не меньше. Вліяніе этихъ займовъ не совершенно прекращается и тогда, когда правительство перестаетъ занимать: сдѣланные имъ займы продолжаютъ давать помѣщеніе гораздо большей массѣ свободнаго капитала страны, чѣмъ прежде; а еслибы государственный долгъ былъ уплаченъ, эта масса прибавилась бы къ суммѣ капитала, ищущаго помѣщенія, и (независимо отъ временнаго дѣйствія произведеннаго выкупомъ) непремѣнно въ извѣстной степени понизила бы постоянную величину процентовъ.

Внезапнымъ открытіемъ какого нибудь новаго и для всѣхъ привлекательнаго способа прочнаго помѣщенія производится на проценты такое же дѣйствіе, какъ правительственными займами на военный расходъ. Въ новой исторіи единственный случай такого рода въ размѣрѣ подобномъ размѣру военныхъ займовъ — поглощеніе капитала постройкою желѣзныхъ дорогъ. Этотъ капиталъ пришлось брать главнымъ образомъ изъ банковыхъ вкладовъ или тѣхъ сбереженій, которыя пошли бы въ нихъ и окончательно были бы употреблены на покупку фондовъ отъ лицъ, которыя употребили бы вырученныя деньги на дисконтъ или на другія ссуды въ проценты; въ томъ и въ другомъ случаѣ, капиталъ этотъ отнимался отъ общаго ссуднаго фонда. И очевидно, что кромѣ тѣхъ сбереженій, которыя дѣлались именно для покупки акцій желѣзныхъ дорогъ, капиталъ, употребленный на желѣзныя дороги, долженъ былъ быть взятъ или изъ наличнаго капитала коммерческихъ людей, или изъ капитала, который былъ бы данъ въ ссуду имъ. Въ первомъ случаѣ, по уменьшенію своихъ средствъ, они принуждены брать большія ссуды; во второмъ, остается меньше капитала для ссудъ имъ; то и другое одинаково ведетъ къ возвышенію процентовъ.

4. Было бы видно изъ предъидущихъ соображеній, даже еслибъ не было очевидно и безъ нихъ, какъ велика ошибка воображающихъ, что величина процентовъ имѣетъ необходимую связь съ количествомъ или цѣнностью находящихся въ обращеніи денегъ. Увеличеніе количества ихъ само по себѣ не имѣетъ и не способно имѣть никакого вліянія на величину процентовъ. Бумажныя деньги, вы-

пускаемыя правительствомъ на уплату его обыкновенныхъ издержекъ, не имѣютъ никакого вліянія на величину процентовъ, въ какомъ бы огромномъ излишествѣ ни были выпущены. Отъ ихъ излишества уменьшается сила денегъ покупать товары, но не сила денегъ покупать деньги. Если за 100 фунт. можно купить вѣчный доходъ въ 4 фунта, то упадокъ цѣнности денегъ, отъ котораго 100 фунтовъ будутъ стоить только половину прежняго, точно также отразится и на 4 фунтахъ, и потому не можетъ измѣнить пропорцію между этими двумя цифрами. Конечно, не то, когда знаютъ и разсчитываютъ, что упадокъ цѣнности будетъ только временный,—тогда будутъ готовы давать упавшія деньги въ ссуду за меньшіе проценты, ожидая что получатъ уплату полноцѣнными деньгами.

Совершенная правда, что въ Англіи и почти во всѣхъ другихъ странахъ, увеличеніе находящагося въ обращеніи количества денегъ почти всегда *кажется* понижающимъ величину процента; но это потому, что оно почти всегда сопровождается какимъ нибудь обстоятельствомъ, дѣйствительно имѣющимъ эту силу. Бумажные знаки, находящіеся въ обращеніи, выдаются отъ банковъ и банкировъ; потому всѣ они выдаются въ видѣ ссудъ кромѣ той части, которая выпускается банками и банкирами на покупку золота и серебра. Такимъ образомъ операція, увеличивающая количество денежныхъ знаковъ, увеличиваетъ массу ссудъ или капитала, ищущаго помѣщенія въ ссудахъ, собственно говоря, количество денежныхъ знаковъ увеличивается за тѣмъ, чтобы увеличить количество ссудъ. Не имѣя вліянія на величину процентовъ какъ выпускъ денежныхъ знаковъ, эта операція дѣйствуетъ на нее какъ увеличеніе ссуднаго фонда. Такимъ образомъ, если бумажные знаки состоятъ изъ банковыхъ билетовъ, то увеличеніе или уменьшеніе ихъ количества всегда означаетъ собою расширеніе или стѣсненіе кредита, и вотъ почему рѣдко дѣлаютъ различеніе между вліяніями этихъ двухъ сторонъ дѣла. Запутанность усиливается несчастною невѣрностью языка, обозначающаго величину процентовъ выраженіемъ «цѣнность денегъ», собственно обозначающимъ покупательную силу денежныхъ знаковъ. Потому приписывается банковымъ билетамъ какъ денежнымъ знакамъ то вліяніе, какое они имѣютъ только какъ ссудный фондъ и вниманіе отвлекается отъ дѣйствій точно такого же характера и гораздо большаго размѣра, когда они производятся такими измѣненіями въ количествѣ ссуд-

наго фонда, которыя не сопровождаются измѣненіями въ количествѣ денежныхъ знаковъ.

Напримѣръ, говоря о томъ, какъ банковыми операціями поощряется чрезмѣрная спекуляція, обыкновенно приписываютъ громадное вліяніе выпуску банковыхъ билетовъ; но до недавняго времени не обращали почти никакого вниманія на судьбу банковыхъ вкладовъ, хотя безспорно то, что банки гораздо чаще производятъ неблагоразумное расширеніе кредита посредствомъ своихъ вкладовъ, чѣмъ посредствомъ своихъ билетовъ. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Тукъ (Inquiry in to the Currency Principle, гл. XIV), что банкиры и банки при неблагоразумномъ веденіи своихъ дѣлъ могутъ давать излишнее расширеніе кредиту для спекуляцій товарами, для чрезмѣрнаго вывоза или ввоза, для чрезмѣрныхъ затратъ на желѣзныя дороги или рудники, что они нерѣдко дѣлали это, и иногда въ размѣрѣ гибельномъ для нихъ самихъ и въ окончательномъ результатѣ безъ всякой пользы для людей, которымъ служили своими средствами». Но «если предположить, что всѣ вклады, принятые банкиромъ, состоятъ изъ звонкой монеты, развѣ онъ не можетъ столько же какъ банкиръ, выпускающій билеты, быть одолѣваемъ просьбами о ссудахъ или дисконтахъ со стороны такихъ кліентовъ, которымъ не удобно отказать, или развѣ не можетъ онъ также соблазниться высокостью процентовъ и развѣ онъ не можетъ выдать въ ссуду столько вкладовъ, что при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ окажется не въ силахъ удовлетворить востребованіямъ вкладчиковъ? чѣмъ же дѣла этого банкира, производящаго операціи исключительно звонкою монетою, отличались бы отъ операцій нынѣшнихъ лондонскихъ банкировъ? Нынѣшній лондонскій банкиръ не создаетъ денегъ, онъ не можетъ пользоваться правомъ выпуска билетовъ для усиленія другихъ своихъ операцій, и однакоже были прискорбные примѣры чрезмѣрнаго выпуска денегъ лондонскими банкирами».

Въ долголѣтнихъ спорахъ объ операціяхъ англійскаго банка и о вліяніи этихъ операцій на состояніе кредита, почти всѣ принимали за фактъ, что вліяніе банка производится только перемѣнами въ качествѣ выпущенныхъ имъ билетовъ, хотя уже цѣлые полвѣка не было ни одного коммерческаго кризиса, въ произведеніи или усиленіи котораго не обвинялся бы банкъ: предполагали, что если отнять у него произволъ въ одной только отрасли его операцій, въ выпускѣ билетовъ, то у него уже не останется возможности злоупотреблять своимъ вліяніемъ. Но эта послѣдняя мысль—ошиб-

ка, которая вѣроятно уже не возобновится послѣ опыта 1847 года. Тогда руки у банка были безусловно связаны относительно выпуска билетовъ; но своими операціями по вкладамъ онъ обнаружилъ точно такое же большое вліяніе на величину процентовъ и на состояніе кредита, какъ и прежде (по крайней мѣрѣ, такъ казалось); его столь же сильно винили въ злоупотребленіи этимъ вліяніемъ и кризисъ, произошедшій тогда, былъ таковъ, что мало случалось прежде такихъ сильныхъ и вѣроятно никогда еще не случалось болѣе сильнаго.

5. Прежде чѣмъ покину общій предметъ этой главы, замѣчу очевидную истину, что величиною процентовъ опредѣляется цѣнность и цѣна всѣхъ тѣхъ же продажныхъ вещей, которыя ищутся и покупаются не сами для себя, а для даваемаго ими дохода. Государственные фонды, акціи частныхъ кампаній и всѣ другія биржевыя бумаги имѣютъ цѣну тѣмъ выше, чѣмъ ниже величина процентовъ. Онѣ продаются по такой цѣнѣ, которая дастъ рыночные проценты на деньги, отдаваемыя за эти бумаги. Конечно тутъ входитъ въ разсчетъ разница риска и всѣхъ другихъ отношеній между различными бумагами. Напримѣръ пропорціонально своимъ процентамъ, билеты казначейства въ Англіи обыкновенно продаются дороже, чѣмъ консолидированные фонды: это оттого, что при одинаковости обезпеченія, билеты казначейства ежегодно выкупаются по номинальной цѣнѣ, если не хочетъ возобновить ихъ самъ владѣлецъ; слѣдовательно покупщикъ, если не будетъ принужденъ продать въ минуту общаго стѣсненія, не рискуетъ при перепродажѣ потерять ничего кромѣ преміи, съ которою быть можетъ купилъ ихъ.

Цѣна земли, рудниковъ и всѣхъ другихъ постоянныхъ источниковъ дохода, точно также опредѣляется величиною процентовъ. Сравнительно съ даваемымъ ею доходомъ, земля обыкновенно продается дороже государственныхъ фондовъ, во первыхъ потому, что даже и въ Англіи она считается нѣсколько вѣрнѣе фондовъ; во-вторыхъ потому, что со владѣніемъ ею соединены понятія власти и почета. Но эти разницы постоянны или почти постоянны и въ колебаніяхъ цѣны при неизмѣнности другихъ условій земля слѣдуетъ долговременнымъ (разумѣется не слѣдуя ежедневнымъ) колебаніямъ величины процентовъ. Когда проценты низки, земля натурально будетъ дорога; когда проценты высоки, дешева. Время наполеоновскихъ войнъ представляло замѣчательное исключеніе изъ этого правила, потому что цѣна земли была тогда замѣчательно

высока при высокой цѣнѣ процентовъ. Но на это была особенная причина. Средняя цѣна хлѣба много лѣтъ сряду была очень высока; отъ этого поземельная рента поднялась въ пропорціи еще большей, чѣмъ поднялись проценты и упала продажная цѣна постоянныхъ доходовъ. Если-бъ не это обстоятельство, зависѣвшее всего больше отъ неурожаевъ, земля упала бы въ цѣнности не меньше государственныхъ фондовъ; если когда вспыхнетъ подобная война, такъ вѣроятно и будетъ, къ великому разочарованію тѣхъ землевладѣльцевъ и фермеровъ, которые, обобщая случайное совпаданіе обстоятельствъ, такъ долго оставались убѣждены, что война спеціально выгодна, а мирное время не выгодно тому, что угодно имъ называть интересами земледѣлія.

ГЛАВА XXIV.

Регулированіе размѣниваемыхъ бумажныхъ денегъ.

1. Отъ частаго повторенія въ послѣднія 50 лѣтъ тяжолаго ряда явленій, называемаго коммерческимъ кризисомъ, и политико-экономы и люди, практически занимающіеся государственными дѣлами, стали много думать о томъ, чтобы изобрѣсти способы къ отвращенію или по крайней мѣрѣ смягченію этого зла. А въ эпоху неразмѣнности билетовъ англійскаго банка укоренилась привычка приписывать перемѣнамъ въ количествѣ банковыхъ билетовъ всѣ возвышенія и пониженія цѣнъ; потому люди, думавшіе объ уменьшеніи этихъ колебаній, вообще стали возлагать свои надежды на разные планы относительно регулированія выпуска банковыхъ билетовъ. Одинъ изъ плановъ такого рода, одобренный знаменитыми авторами, до того укоренился въ общественномъ мнѣніи, что при всеобщихъ похвалахъ былъ обращенъ въ законъ, когда возобновлялась привиллегія англійскаго банка. Эта регуляція остается дѣйствующимъ закономъ до сихъ поръ; но популярность ея сильно уменьшилась, а вѣра въ нее поколебалась временнымъ освобожденіемъ банка отъ соблюденія этихъ правилъ подъ отвѣтственностью министерства съ небольшимъ чрезъ три года по ихъ установленіи. Намъ полезно будетъ разсмотрѣть здѣсь эту систему регулированія размѣниваемыхъ бумажныхъ денегъ. Прежде, чѣмъ говорить о практической сторонѣ этого закона, называющагося «актомъ сэра Роберта Пиля 1844 г.» я въ короткихъ словахъ изложу сущность и разберу основанія теоріи, на которой онъ опирается.

Многіе полагаютъ, что вообще для выпускающихъ билеты банковъ или для англійскаго банка въ особенности можно сколько угодно выпускать своихъ билетовъ въ обращеніе и черезъ это произвольно поднимать цѣны; что эта возможность ограничивается лишь тою степенью умѣренности, какую сами они хотятъ соблюдать; что когда они выпускаютъ билетовъ больше обыкновеннаго, то производимое этимъ возвышеніе цѣнъ порождаетъ спекуляцію товарами, а отъ спекуляціи еще больше поднимаются цѣны; а этимъ порождается наконецъ реакція и упадокъ цѣнъ, доходящихъ въ крайнихъ случаяхъ до коммерческаго кризиса, и что всѣ кризисы, какіе помнитъ исторія англійской торговли были первоначально производимы этою причиною или очень усиливаемы ею. До этой крайней послѣдовательности не была доводима разсматриваемая нами теорія тѣми знаменитыми политико экономами, которые поддерживали своими именами репутацію болѣе умѣренной формы ея. Но въ большинствѣ существуетъ именно то преувеличенное понятіе, какое изложилъ я, и оно служитъ замѣчательнымъ примѣромъ того, до какихъ нелѣпостей можетъ доводить любимая теорія,—не кабинетныхъ ученыхъ, о которыхъ часто съ такимъ презрѣніемъ говорятъ, что они — не судьи въ подобныхъ вопросахъ, но людей свѣтскихъ, дѣловыхъ, хвалящихся практическимъ знаніемъ (пріобрѣсти которое дѣйствительно представляется имъ много случаевъ). Этотъ пунктъ помѣшательства, будто количество банковыхъ билетовъ служитъ главною причиною колебаній цѣны, заставилъ ихъ забывать о тѣхъ многочисленныхъ условіяхъ, которыя опредѣляя вѣроятность потребнаго снабженія, служатъ истинными причинами почти всѣхъ колебаній цѣны; мало того: чтобы добыть хронологическій аргументъ зависимости цѣнъ отъ количества выпущенныхъ билетовъ, чтобы добыть этотъ аргументъ, требуемый ихъ теоріею, они разыгрывали надъ фактами и цифрами такія фантастическія штуки, которыя казались бы невѣроятными, еслибы писатель, пользующійся важнымъ авторитетомъ въ практическихъ вопросахъ, не принялъ на себя труда опровергнуть ихъ и съ чисто исторической стороны подробнымъ изложеніемъ дѣла. Я говорю (какъ догадывается каждый знакомый съ предметомъ) объ «Исторіи цѣнъ» Тука. Результатъ своихъ изслѣдованій самъ Тукъ изложилъ въ отвѣтѣ своемъ на вопросы коммисіи, назначенной палатою общинъ въ 1832 году по вопросу объ уставѣ англійскаго банка; вотъ эти слова, подтвержденіе которымъ приведено въ его книгѣ: «насколько мнѣ извѣстно по изысканіямъ, во всѣхъ замѣча-

тельныхъ случаяхъ возвышенія или паденія цѣнъ, это возвышеніе или паденіе фактически и исторически предшествовало увеличенію или уменьшенію количества выпущенныхъ банковыхъ билетовъ и потому не могло быть его результатомъ».

Нелѣпость теоріи, приписывавшей почти всякое возвышеніе или пониженіе цѣнъ увеличенію или уменьшенію количества выпущенныхъ билетовъ, произвела по закону реакціи другую крайность, другую прямо противоположную теорію, знаменитѣйшіе представители которой въ наукѣ — Тукъ и Фуллертонъ. Эта противоположная теорія утверждаетъ, что пока сохраняется размѣнъ банковыхъ билетовъ, они рѣшительно не могутъ возвышать цѣнъ, а банки не могутъ увеличивать находящагося въ обращеніи количества ихъ, иначе какъ вслѣдствіе увеличенія оборотовъ, на которые требуются билеты и лишь соразмѣрно ему. Эта послѣдняя мысль подкрѣплялась единодушными увѣреніями всѣхъ провинціальныхъ банкировъ, мнѣнія которыхъ были спрашиваемы коммиссіями, нѣсколько разъ назначавшимися парламентомъ по этому дѣлу. Всѣ эти банкиры свидѣтельствуютъ (мы приводимъ слова Фуллертона Regulation of Currencies, стр. 85), что «количество выпускаемыхъ ими билетовъ опредѣляется исключительно размѣромъ мѣстныхъ оборотовъ и расходомъ округовъ, въ которыхъ ходятъ ихъ билеты, колеблется сообразно колебаніямъ производства и цѣны; что они не могутъ увеличивать количество выпускаемыхъ билетовъ выше предѣловъ, предписываемыхъ размѣромъ этихъ оборотовъ и расхода, — иначе навѣрное должны ждать, что ихъ билеты немедленно возвратятся къ нимъ, не могутъ выпускать ихъ и меньше этого количества, потому что иначе недостатокъ навѣрное пополнится изъ другихъ источниковъ». Изъ этихъ фактовъ Тукъ и Фуллертонъ выводятъ, что количество банковыхъ билетовъ никакъ не можетъ возвышать цѣнъ, само не будучи въ состояніи увеличиваться иначе какъ по увеличенію запроса; что выпускомъ банковыхъ билетовъ не можетъ возбуждаться спекуляція и не можетъ производиться коммерческій кризисъ, наконецъ, что попытки устранять это зло искусственными правилами рѣшительно не приводятъ къ предполагаемой цѣли, а могутъ производить иныя чрезвычайно гибельныя послѣдствія.

2. Та сторона этого взгляда, которая основана на свидѣтельствахъ, а не на умозаключеніяхъ, кажется мнѣ безспорною. Я вполнѣ признаю справедливость увѣренія провинціальныхъ банкировъ, очень ясно и правильно переданнаго немногими словами въ

приведенномъ нами отрывкѣ Фуллертона. Я убѣжденъ, что они рѣшительно не могутъ увеличивать количество выпускаемыхъ ими билетовъ, иначе какъ при обстоятельствахъ, на которыя указываютъ. Я полагаю также, что теорія, основанная Фуллертономъ на этомъ фактѣ, содержитъ въ себѣ значительную часть истины, чѣмъ противоположная ей теорія въ какомъ бы то ни было видѣ.

Рынокъ имѣетъ два состоянія: одно можно назвать спокойнымъ, другое ожидающимъ или спекулятивнымъ. Первое состояніе то, когда нѣтъ обстоятельствъ, могущихъ возбуждать въ значительной части коммерческой публики желанія расширять обороты. Производители производятъ, а торговцы покупаютъ лишь въ обыкновенномъ размѣрѣ своихъ оборотовъ, не имѣя ожиданія какого нибудь чрезмѣрно быстраго сбыта. Каждый ведетъ свои дѣла въ обыкновенной широтѣ или увеличиваетъ ихъ лишь соразмѣрно увеличиванію своего капитала и своихъ связей, или соразмѣрно постепенному возрастанію запроса на его товаръ при успѣхахъ общественнаго благосостоянія. Не задумывая чрезвычайнаго расширенія своихъ операцій, производители и торговцы не имѣютъ надобности въ чрезвычайныхъ пособіяхъ отъ банкировъ и другихъ лицъ, дающихъ деньги въ ссуду; а банкиры могутъ увеличивать количество выпускаемыхъ ими билетовъ только чрезъ расширеніе ссудъ, потому въ этихъ обстоятельствахъ количество выпускаемыхъ билетовъ можетъ увеличиваться лишь на минуту. Если извѣстная часть общества должна въ извѣстную пору года производить особенно большіе платежи, или отдѣльное лицо по какой нибудь особенной надобности требуетъ экстренной ссуды, эта часть общества или это лицо потребуетъ и получитъ количество билетовъ болѣе обыкновеннаго; но эти билеты точно также не останутся въ обращеніи, какъ не остается въ обращеніи экстренное количество билетовъ англійскаго банка, выпускаемое чрезъ каждые три мѣсяца на уплату дивидентовъ. Лицо, которому уплаченъ долгъ взятыми билетами, не должно произвести никакихъ экстренныхъ платежей и не имѣетъ экстренныхъ надобностей; потому держитъ билеты безъ употребленія, или отдаетъ ихъ на храненіе въ банкъ или уплачиваетъ ими прежнюю ссуду, полученную отъ какого нибудь банкира; и ни въ какомъ случаѣ не покупаетъ на нихъ товары, потому что по самымъ условіямъ нашей гипотезы нѣтъ ему никакихъ побужденій увеличивать свой запасъ товаровъ выше прежняго. Слѣдовательно тутъ банкиры не имѣютъ возможности по своему про-

изволу увеличивать количество находящихся въ обращеніи банковъ: всѣ лишніе билеты, выпущенные ими, или возвращаются къ нимъ или лежатъ бездѣйственно въ рукахъ публики, и не происходитъ никакого возвышенія въ цѣнахъ.

Но есть другое состояніе рынка, рѣзко противоположное этому, и чтобы теорія Тука и Фуллертона прилагалась къ этому второму состоянію, — дѣло сомнительное. Бываетъ время, когда господствуетъ основательное или неосновательное мнѣніе, что въ снабженіи одною или даже многими изъ главныхъ статей торговли окажется недостатокъ. Тогда всѣ лица, участвующія въ торговлѣ этими предметами, желаютъ расширить свои обороты. Производители или торговцы, ввозящіе товаръ, желаютъ производить или ввозить его въ большемъ количествѣ; спекулянты желаютъ увеличить его запасы у себя, чтобы воспользоваться ожидаемымъ возвышеніемъ цѣны, а лица, уже имѣющія товаръ, желаютъ получить добавочныя ссуды, чтобы можно было имъ не продавать его. Всѣ эти лица расположены болѣе обыкновеннаго пользоваться своимъ кредитомъ, и нельзя не признаться, что банкиры очень часто даютъ имъ больше кредита, чѣмъ слѣдуетъ. Подобныя слѣдствія можетъ производить всякое обстоятельство, возбуждающее чрезвычайныя надежды на прибыль и тѣмъ сообщающее особенную живость торговлѣ; напримѣръ внезапный заграничный запросъ на товары въ большомъ размѣрѣ, или ожиданіе такого запроса; такъ случилось при открытіи торговли съ испанскою Америкою для Англіи и случалось нѣсколько разъ въ торговлѣ съ Соединенными Штатами. Такіе случаи производятъ тенденцію къ возвышенію цѣнъ въ вывозимыхъ товарахъ и порождаютъ спекуляцію, которая бываетъ иногда основательна, а часто и не основательна или неумѣренна (потому что значительная часть коммерческихъ людей предпочитаетъ безопасности волненіе риска); въ подобныхъ случаяхъ коммерческіе классы или значительная часть ихъ желаютъ шире обыкновеннаго пользоваться своимъ кредитомъ какъ покупательною силою. Такое состояніе дѣлъ, доходя до крайности, производитъ реакцію, называемую коммерческимъ кризисомъ и такіе спекулятивные періоды почти никогда не проходятъ безъ того, чтобы не сопровождаться въ извѣстномъ фазисѣ своего развитія значительнымъ увеличеніемъ количества банковыхъ билетовъ,—это фактъ извѣстный.

Тукъ и Фуллертонъ отвѣчаютъ на это, что количество банковыхъ билетовъ увеличивается не до возвышенія цѣнъ, а всегда

послѣ него, и служитъ не причиною, а послѣдствіемъ; что вопервыхъ спекулятивныя покупки, отъ которыхъ поднимаются цѣны, производятся не банковыми билетами, а записками на банкира, а еще чаще простымъ кредитомъ по книгѣ; а вовторыхъ, что еслибъ онѣ дѣлались и банковыми билетами, занятыми нарочно для этого дѣла у банкировъ, то эти билеты, исполнивъ свое дѣло, возвращены были бы получившими ихъ лицами на храненіе въ банки, когда бы не нужны были на текущіе обороты. Съ этимъ я вполнѣ согласенъ и считаю дѣломъ доказаннымъ теоретически и исторически, что въ повышающійся періодъ спекуляціи, пока она ограничивается кругомъ коммерческихъ людей, количество банковыхъ билетовъ почти никогда не увеличивается значительнымъ образомъ и нисколько не участвуетъ въ спекулятивномъ возвышеніи цѣнъ. Но мнѣ кажется, что нельзя сказать этого о томъ періодѣ, когда спекуляція, расширившись, касается производителей. Спекулятивные заказы, получаемые отъ купцовъ, заставляютъ фабрикантовъ расширять свои операціи и просить у банкировъ увеличенія ссудъ; а если эти ссуды дѣлаются билетами, то уплата изъ нихъ дѣлается не такимъ лицамъ, которыя положили бы ихъ вкладами въ банкѣ, — нѣтъ, они расходуются частію на рабочую плату и расходятся по каналамъ мелочной торговли, въ которой уже прямо содѣйствуютъ дальнѣйшему возвышенію цѣнъ. Я убѣжденъ, что въ этомъ случаѣ банковые билеты могущественно дѣйствовали на цѣны въ то время, когда допускались закономъ билеты въ 1 ф. и въ 2 фунта. Но если мы и согласимся, что запрещеніе выпускать билеты меньше 5 фунтовъ, сильно уменьшивъ пригодность билетовъ къ выдачамъ на рабочую плату, сдѣлало эту сторону ихъ вліянія незначительной по сравненію съ прежнимъ, то они дѣйствуютъ на цѣны еще другимъ способомъ, который развивается въ послѣднихъ періодахъ спекуляціи и на который сильнѣе всего опираются умѣренные защитники мнѣнія о зависимости цѣнъ отъ количества банковыхъ билетовъ. Ссуды отъ банкировъ рѣдко требуются съ цѣлью дѣлать спекулятивныя покупки, но въ большомъ размѣрѣ требуются онѣ потерпѣвшими неудачу спекулянтами для отсрочки банкротства; а соперничество этихъ спекулянтовъ на полученіе доли изъ готоваго для ссудъ капитала ставитъ въ большую прежняго зависимость отъ банкировъ по требованію необходимыхъ ссудъ и тѣхъ лицъ, которыя не спекулировали. Между возвышающимся періодомъ спекуляціи и реакціею бываетъ промежутокъ борьбы противъ пониженія цѣнъ, и онъ продолжается нѣ-

сколько недѣль, иногда нѣсколько мѣсяцевъ. Являются признаки, что вѣтеръ поворачиваетъ; лица, купившія на спекуляцію, не желаютъ продавать на падающемъ рынкѣ, а на время этой отсрочки нужны имъ средства на удовлетвореніе обыкновеннымъ ихъ обязательствамъ. Вотъ въ этомъ періодѣ обыкновенно замѣчается значительное увеличеніе количества банковыхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи. Что оно дѣйствительно увеличивается, съ этимъ никто не споритъ. Я полагаю, нельзя спорить и съ тѣмъ, что это увеличеніе билетовъ имѣетъ тенденцію увеличивать продолжительность періода спекуляцій; что чрезъ него спекулятивныя цѣны поддерживаются еще нѣсколько времени послѣ того, какъ безъ него упали; что поэтому оно длитъ и увеличиваетъ вывозъ золота и серебра за границу, составляющій главную черту въ этомъ періодѣ коммерческаго кризиса; а продолженіе этого вывоза подвергаетъ наконецъ банки опасности стать не въ силахъ уплачивать по своимъ билетамъ по востребованію и потому банки сжимаютъ свой кредитъ быстрѣе и суровѣе, чѣмъ была бы имъ надобность, если-бы не поддерживали они спекуляцію увеличеніемъ ссудъ въ то время, когда упадокъ цѣнъ уже сталъ неизбѣженъ.

3. Предотвратить это замедленіе реакціи, въ окончательномъ результатѣ только увеличивающее жестокость ея,—вотъ цѣль того плана о регулированіи выпуска банковыхъ билетовъ, первыми проповѣдниками котораго были лордъ Оверстонъ, Норманъ и полковникъ Торренсъ, и который съ незначительными измѣненіями получилъ силу закона *).

---

*) Я считаю себя правымъ, говоря, что смягченіе коммерческихъ катастрофъ составляетъ дѣйствительную и единственную серьезную цѣль акта 1844 года. Я очень хорошо знаю, что защитники его (особенно съ 1847 г.) больше всего говорятъ о чрезвычайной полезности его «для поддержанія размѣнности банковыхъ билетовъ». Но меня извинятъ за то, что я не придаю серьезной важности этому его мнимому достоинству. Размѣнность банковыхъ билетовъ поддерживалась и при старой системѣ и продолжала бы поддерживаться при ней, какихъ бы расходовъ это ни стоило. По вѣрному замѣчанію лорда Оверстона (въ его свидѣтельствѣ предъ парламентскою коммисіею) банкъ всегда можетъ, если не отступитъ предъ крупными кредитными мѣрами, спасти себя на счетъ коммерческой публики. Если актъ 1844 г. смягчаетъ катастрофу,—это уже достаточная похвала ему. Если предположить такое дурное управленіе дѣлами банка, что безъ этого акта подвергалась бы опасности размѣнность его билетовъ, то равная или даже и меньшая степень дурнаго управленія при актѣ 1844 г. была бы уже достаточна, чтобы банковое отдѣленіе остановило платежи; обязательное разъединеніе банковаго отдѣленія отъ

*

Въ своей первобытной послѣдовательности планъ этотъ хотѣлъ оставить право выпуска банковыхъ билетовъ исключительно за одною корпораціею. По закону, принятому парламентомъ, сохраняютъ эту привиллегію всѣ банки, ею пользовавшіеся, но никому уже не должна даваться она вновь; даже вмѣсто банковъ, прекращающихъ выпускъ билетовъ, не передается эта привиллегія другимъ. Для всѣхъ банковъ, кромѣ англійскаго банка, былъ опредѣленъ maximum выпуска ихъ билетовъ въ размѣрѣ, сознательно опредѣленномъ низко. Англійскому банку не былъ предписанъ maximum общаго количества его билетовъ, а предписанъ только maximum той части ихъ, какая выпускается подъ обезпеченіе биржевыми бумагами, иначе сказать выпускается въ ссуду. Эта часть должна была никогда не превышать опредѣленнаго количества, которое на первый разъ было назначено 14 милліоновъ *). Всѣ билеты сверхъ этого количества должны выпускаться лишь въ обмѣнъ за золото и серебро, которыхъ банкъ обязанъ покупать (нѣсколько ниже денежной оцѣнки ихъ), какое бы количество ни предлагалось ему, выдавая взамѣнъ ихъ свои билеты. Такимъ образомъ по выпуску билетовъ сверхъ 14 милліоновъ банкъ имѣетъ чисто пассивную роль, которая ограничивается лишь обязанностію выдавать билеты за золото по цѣнѣ 3 ф. 17 шилл. 9 пенсовъ за унцію и выдавать за свои билеты золото по цѣнѣ 3 ф. 17 шилл. 10½ пенсовъ унція, кто бы и когда бы ни потребовалъ отъ него такого обмѣна.

Цѣль этихъ правилъ та, чтобы количество выпущенныхъ банковыхъ билетовъ увеличивалось или уменьшалось въ той самой степени и въ то самое время, когда увеличивалось бы или уменьшалось бы количество звонкой монеты. А золото и серебро до сихъ

билетнаго дѣлаетъ эту катастрофу гораздо возможнѣе прежняго; и она вѣроятно повлекла за собою прекращеніе платежей во всѣхъ лондонскихъ частныхъ банкахъ, а можетъ быть и остановку въ выдачѣ процентовъ государственнаго долга; потому немедленныя слѣдствія такого случая были бы гораздо гибельнѣе кратковременнаго перерыва размѣна билетовъ; поэтому, для доставленія банку возможности уплатъ по востребованію вкладовъ никакое правительство не поколеблется, въ случаѣ надобности, остановить на время размѣнъ билетовъ, если окажется недостаточно для того времени устраненіе акта 1844 г.

*) Увеличеніе этого maximum допускается лишь въ томъ случаѣ, если какой нибудь изъ провинціальныхъ банковъ прекращаетъ выпускъ своихъ билетовъ по договору съ англійскимъ банкомъ, билетами котораго замѣняются его билеты. Но и въ этомъ случаѣ прибавка ограничивается лишь двумя третями того количества провинціальныхъ билетовъ, которое уничтожается договоромъ.

норъ всегда были товаромъ, наиболѣе приближающимся къ той неизмѣнности при всѣхъ измѣняющихъ цѣнности обстоятельствахъ, которая нужна для товара, служащаго орудіемъ обмѣна; потому защитники акта 1844 г. думали, что вполнѣ будетъ доказано его достоинство, если подъ его вліяніемъ выпускъ банковыхъ билетовъ будетъ измѣняться въ своемъ количествѣ (слѣдовательно по ихъ мнѣнію и цѣнность банковыхъ билетовъ будетъ вполнѣ сообразоваться) съ измѣненіями, какія происходили бы въ деньгахъ, состоящихъ исключительно изъ звонкой монеты.

Всѣ основательные противники этого акта соглашаются съ его защитниками въ томъ, что бумага, замѣняющая собою звонкую монету, должна въ своей постоянной цѣнности совершенно сообразоваться съ цѣнностью золота и серебра. Они прибавляютъ, что она сообразуется съ нею, пока размѣнивается на звонкую монету по первому востребованію. Но когда мы говоримъ о цѣнности звонкой монеты или другихъ денегъ, то надобно помнить, что въ цѣнности есть два обстоятельства: постоянная или средняя цѣнность и временныя ея колебанія. Цѣнность бумажныхъ денегъ должна сообразоваться съ постоянною цѣнностью золота и серебра. Но мы не видимъ надобности, зачѣмъ ей сообразоваться и съ колебаніями цѣнности. Сообразность бумажныхъ денегъ съ звонкою монетою требуется лишь для того, чтобы цѣнность ихъ была постоянна; а относительно колебаній надобно желать лишь того, чтобы они были какъ можно меньше. Замѣтимъ же, что колебанія цѣнности денегъ (бумажныхъ или металлическихъ все равно) опредѣляются не количествомъ ихъ, а расширеніемъ и сжатіемъ кредита. Поэтому чтобы узнать, какая денежная система будетъ ближе всего сообразоваться съ постоянною цѣнностью золота и серебра, мы должны разсмотрѣть, при какой денежной системѣ наименѣе часты и велики бываютъ колебанія кредита. Наиболѣе ли всѣхъ системъ достигаетъ этой цѣли звонкая монета (то есть и бумажныя деньги, въ точности сообразующіяся съ количествомъ, какое имѣла бы и она), — вотъ именно въ этомъ еще и состоитъ вопросъ. Если окажется, что бумажныя деньги, количество которыхъ измѣняется совершенно сообразно количеству звонкой монеты, ведутъ къ сильнѣйшимъ кредитнымъ катастрофамъ, чѣмъ тѣ бумажныя деньги, которыя не обязаны строго держаться этой сообразности, то надобно будетъ заключить, что ближе всего къ цѣнности звонкой монеты (то есть къ ея постоянной цѣнности, которой одной и полезно держаться) держатся не тѣ бумажныя

деньги, количество которыхъ въ точности сообразуется съ количествомъ звонкой монеты.

Дѣйствительно ли это такъ, мы хотимъ теперь изслѣдовать. Начнемъ съ того, дѣйствительно ли актъ 1844 г. достигаетъ той практической цѣли, къ которой главнымъ образомъ относятся похвалы его разсудительныхъ защитниковъ, дѣйствительно ли при немъ спекулятивное расширеніе кредита останавливается раньше, золота и серебра выходитъ изъ страны меньше, то есть дѣйствительно ли реакція происходитъ при немъ мягче и постепеннѣе. Мнѣ кажется слѣдуетъ признать, что до нѣкоторой степени онъ достигаетъ этой цѣли.

Я знаю возраженія противъ этого мнѣнія и считаю ихъ основательными. Говорятъ, что когда спекулянты, чтобы расплачиваться по своимъ обязательствамъ, начинаютъ просить банки объ увеличеніи ссудъ, то, если банки согласны удовлетворить этой просьбѣ, ограниченіе количества билетовъ не помѣшаетъ имъ дѣлать ссуды: въ своихъ вкладахъ они имѣютъ источникъ, изъ котораго могутъ дѣлать ссуды въ размѣрѣ, превышающемъ границу банкирскаго благоразумія; что если даже откажутъ они въ ссудахъ, разница будетъ лишь та, что вклады будутъ вынуты самими вкладчиками на удовлетвореніе нуждъ; а это будетъ такою же прибавкою къ количеству находящихся въ рукахъ публики банковыхъ билетовъ и звонкой монеты, какою былъ бы увеличенный выпускъ самихъ билетовъ. Это правда, и этимъ опровергается мнѣніе людей, полагающихъ главный вредъ банковыхъ ссудъ на поддержку падающихъ спекулянтовъ въ томъ, что ссудами этими увеличивается количество денегъ. Но главный вредъ такихъ выпусковъ расширеніе кредита. Если вмѣсто выпуска билетовъ банки заставляютъ своихъ кліентовъ удовлетворять запросу на свободный капиталъ востребованіемъ вкладовъ, количество денегъ (по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время) увеличивается, хотя и нѣтъ увеличенія ссудъ. Слѣдовательно и тутъ величина процентовъ возвысится тотчасъ же, какъ начнутъ обнаруживаться порождаемыя излишкомъ спекуляціи затрудненія. Мало того: возвышеніе процентовъ даже ускоряется тѣмъ, когда банки, чувствуютъ необходимость уменьшить количество ссудъ для сохраненія собственной безопасности при уменьшеніи своихъ вкладовъ и при невозможности замѣстить эту убыль своими билетами. Такимъ образомъ спекулянты принуждены тутъ раньше подвергаться убытку перепродажею купленныхъ товаровъ (убытку, который ничѣмъ не отвратимъ для нихъ

въ результатѣ), — и упадокъ цѣнъ и кредитная катастрофа ускоряются.

Чтобы видѣть, какъ смягчается жестокость кризиса этимъ ускореніемъ его, всмотримся подробнѣе въ сущность и результаты главной черты періода, предшествующаго катастрофѣ,—въ то, какъ уходитъ заграницу золото и серебро. Спекулятивнымъ расширеніемъ кредита производится возвышеніе цѣнъ; если оно держится довольно долго, отъ него все равно падаетъ вексельный курсъ, хотя бы въ немъ и не было участія банковыхъ билетовъ; а когда курсъ упалъ отъ возвышенія цѣнъ, то онъ можетъ возстановиться, равно какъ переливъ золота и серебра заграницу можетъ остановиться только лишь упадкомъ цѣнъ или возвышеніемъ процентовъ. Упадокъ цѣнъ остановитъ его тѣмъ, что отстранитъ его причину и сдѣлаетъ уплату товарами даже за прежніе долги оборотомъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ отправка денегъ заграницу. Возвышеніе процентовъ и вслѣдствіе того паденіе цѣны фондовъ произведетъ такой же результатъ еще быстрѣе, расположивъ заграничныхъ торговцевъ, вмѣсто того, чтобы брать слѣдующее имъ золото или серебро, оставлять его въ странѣ на покупку фондовъ и даже отправлять въ нее золото и серебро, чтобы воспользоваться высотою процентовъ. 1847 годъ представилъ замѣчательные примѣры этого втораго способа, которымъ останавливается переходъ металловъ заграницу. Но пока не произойдетъ то или другое, пока не упадутъ цѣны или не поднимутся проценты, ничто не можетъ ни остановить, ни даже ослабить перелива золота и серебра заграницу. А пока чрезмѣрное расширеніе кредита поддерживается ссудами банкировъ, не могутъ ни упасть цѣны, ни подняться проценты. Извѣстно, что когда начался переливъ золота заграницу, то прежде всего уменьшается количество банковыхъ билетовъ, хотя бы передъ тѣмъ оно и не возрастало: отправляемое заграницу золото всегда получается изъ англійскаго банка въ обмѣнъ на его билеты. Но при системѣ, существовавшей до 1844 г., англійскій банкъ, подвергаясь вмѣстѣ съ другими банками просьбамъ о новыхъ ссудахъ (просьбамъ, которыми характеризуется этотъ періодъ), могъ немедленно снова выпускать билеты, возвращенные ему для обмѣна на слитки и часто дѣйствительно дѣлалъ это. Разумѣется никакъ не слѣдуетъ думать, что вредъ этого обратнаго выпуска состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не давалъ уменьшаться количеству билетовъ. Но дѣйствительно онъ былъ чрезвычайно вреденъ. Пока онъ продолжался, не могъ остановиться переливъ золота за-

границу, потому что ни цѣны не падали, ни проценты не поднимались, пока продолжались эти ссуды. Поднявшись безъ увеличенія количества банковыхъ билетовъ, цѣны могли бы упасть безъ его уменьшенія, но поднявшись вслѣдствіе расширенія кредита, не могли онѣ упасть безъ его сокращенія. Потому пока англійскій банкъ и другіе банки продолжали дѣлать ссуды, золото продолжало идти заграницу, пока наконецъ оставалось его такъ мало, что англійскій банкъ, предвидя для себя опасность прекращенія платежей, принужденъ бывалъ такъ сильно и внезапно сокращать свои дисконты, что подвергалъ многихъ гораздо большимъ убыткамъ и затрудненіямъ и уничтожалъ гораздо большее количество обыкновеннаго кредита страны, чѣмъ требовалось дѣйствительною надобностью.

Я признаю, что этотъ вредъ могъ быть производимъ и производимъ въ большомъ размѣрѣ англійскимъ банкомъ и посредствомъ однихъ вкладовъ; а опытъ 1847 г. доказалъ это и тѣмъ, кто прежде не признавалъ того. Банкъ можетъ продолжать и даже увеличивать свои дисконты и ссуды, когда слѣдуетъ сокращать ихъ, и черезъ это можетъ дѣлать окончательную катастрофу еще болѣе жестокою и быстрою, чѣмъ была бы она сама по себѣ. Но все таки я не могу не думать, что банки такъ ошибочно распоряжающіеся своими вкладами не стали бы дѣлать эту ошибку въ размѣрѣ еще большемъ, еслибы могли увеличивать свои ссуды, кромѣ вкладовъ, еще и выпускомъ билетовъ. Я полагаю, что запрещеніе увеличивать выпускъ билетовъ серьезно затрудняетъ для нихъ производство тѣхъ ссудъ, которыя задерживаютъ обращающееся теченіе и чрезъ то усиливаютъ его окончательную стремительность. Еслибы актъ 1844 года не мѣшалъ банковымъ ссудамъ въ періодъ, предшествовавшій кризису, то какъ же оказался бы онъ непобѣдимымъ препятствіемъ для нихъ во время кризиса, — препятствіемъ, устранить которое нельзя было иначе, какъ временнымъ отмѣненіемъ закона и возложеніемъ диктатуры на правительство? Очевидно, что онъ служитъ препятствіемъ для ссудъ *); и если этотъ

*) Напрасно было бы возражать, что это препятствіе можно обойти увеличеніемъ ссудъ въ кредитѣ по книгѣ, давая эти ссуды по запискамъ на банкъ безъ помощи банковыхъ билетовъ. Правда, что это вещь возможная, какъ замѣтилъ Фуллертонъ и какъ я самъ говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Но такой способъ замѣны банковыхъ билетовъ никогда еще не былъ организованъ и законъ ясно высказалъ свое намѣреніе, чтобы въ предполагаемомъ

актъ порицается за то, что препятствуетъ выпуску билетовъ, когда нужно не препятствовать, а помогать ему, то по справедливости слѣдуетъ признать за нимъ ту заслугу, что онъ препятствуетъ ему, когда препятствіе безспорно бываетъ полезно. Въ этомъ отношеніи нельзя по моему мнѣнію отрицать превосходства новой системы надъ прежнею.

4. Но если въ этомъ отношеніи не могу я согласиться съ Тукомъ и Фуллертономъ, то вполнѣ соглашаюсь я съ ними въ томъ, что какъ ни высоко станемъ цѣнить эту выгоду, она покупается слишкомъ большими невыгодами.

Вопервыхъ, если расширеніемъ кредита банкиры и вредятъ тогда, когда кредитъ уже слишкомъ расширенъ и отъ его увеличенія лишь замедляется и усиливается катастрофа, то очень полезно его расширеніе, когда катастрофа уже наступила и вмѣсто прежняго излишества кредитъ сталъ до разорительности малъ, и когда увеличеніе банковыхъ ссудъ служитъ не прибавкою къ обыкновенному количеству существующаго кредита, а замѣщаетъ собою массу внезапно уничтоженнаго кредита. До 1844 г. англійскій банкъ дѣйствительно усиливалъ иногда жестокость коммерческой катастрофы, замедляя и чрезъ то увеличивая кризисъ; но за то во время самого кризиса онъ приносилъ неоцѣнимую пользу, давая ссуды на поддержку солидныхъ фирмъ въ такое время, когда всѣ другія бумаги и почти всякій другой коммерческій кредитъ теряли большую часть своей цѣнности. Особенно поразительнымъ образомъ принесъ онъ эту пользу въ кризисъ 1825—1826 гг., едвали не самый тяжелый изъ всѣхъ, когда либо случавшихся въ Англіи; банкъ увеличилъ тогда на нѣсколько милліоновъ количество своихъ билетовъ, давая ихъ въ ссуду тѣмъ коммерческимъ фирмамъ, въ солидности которыхъ не сомнѣвался; а еслибъ онъ былъ принужденъ отказывать въ этихъ ссудахъ, кризисъ вѣроятно былъ бы еще страшнѣе. Соглашаясь на просьбы о ссудахъ по наступленіи кризиса, банкъ, по справедливому замѣчанію Фуллертона (стр. 106), «долженъ дѣлать ихъ выпускомъ билетовъ, потому что билеты составляютъ единственный способъ, которымъ банкъ дѣлаетъ ссуды. Но эти билеты не назначаются

случаѣ не давалось увеличенныхъ кредитовъ; потому еще надобно рѣшить, не было ли воспрещено по закону то, что можетъ назваться обходомъ его запрещенія, или не стали ли бы банковыя учрежденія, по уваженію къ закону, соблюдать не только букву его, но и его духъ, какъ и дѣлали до сихъ поръ.

идти и не идутъ въ обращеніе. Въ это время не требуется увеличенія въ количествѣ обращающихся денегъ. Напротивъ быстрое паденіе цѣнъ, всегдашняя принадлежность кризиса, необходимо уменьшаетъ запросъ на деньги, назначенныя для обращенія. Эти билеты или немедленно по выпускѣ возвратятся въ англійскій банкъ вкладами, или останутся заперты въ кассахъ лондонскихъ банкировъ, или будутъ разосланы ими къ ихъ провинціальнымъ корреспондентамъ, или будутъ взяты въ кассы другими капиталистами, которые въ прежнее жаркое время спекуляціи вошли въ обязательство, вполнѣ удовлетворить которымъ при внезапномъ востребованіи не были приготовлены. Въ подобныхъ трудныхъ обстоятельствахъ каждый коммерческій человѣкъ, торговавшій въ кредитъ, становится въ оборонительное положеніе и думаетъ лишь о томъ, чтобы укрѣпиться какъ можно сильнѣе, — цѣль, которая вѣрнѣе всего достигается тѣмъ, что онъ держитъ въ запасѣ какъ можно больше бумагъ, имѣющихъ законную силу денегъ. Эти билеты никакъ не доходятъ до товарнаго рынка; и если они сколько нибудь могутъ замедлять (я скорѣе сказалъ бы уменьшать) упадокъ цѣнъ, они замедляютъ его вовсе не тѣмъ, чтобы хотя сколько нибудь возбуждали реальный запросъ на товары, давали потребителямъ средство больше прежняго покупать на потребленіе и тѣмъ оживляли торговлю, — нѣтъ, они дѣлаютъ это вліяніемъ, прямо противоположнымъ, тѣмъ, что даютъ торговцамъ средство воздерживаться отъ продажи закупленныхъ товаровъ, замедляютъ торговлю и сжимаютъ потребленіе.»

Доставленіе своевременной помощи кредиту этими выпусками билетовъ во время чрезмѣрнаго стѣсненія, слѣдующаго за чрезмѣрнымъ расширеніемъ кредита, не противорѣчитъ принципу новой системы. Чрезвычайное стѣсненіе кредита и упадокъ цѣнъ необходимо привлекаетъ въ страну золото и серебро; а принципъ новой системы тотъ, что количество банковыхъ билетовъ можетъ быть и даже бываетъ принуждаемо увеличиваться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда увеличилось бы количество звонкой монеты въ обращеніи. Но то, что должно бы поощряться по принципу закона, воспрещается въ этомъ случаѣ подробностями его, не допускающими увеличивать количество билетовъ, пока золото и серебро уже не придутъ въ страну; а приходятъ они въ нее только уже по минованіи самаго тяжелаго времени, когда уже произошли почти всѣ убытки и банкротства, возникающія изъ кризиса. Механизмъ дѣла устроенъ такъ, что замедляетъ своевременное употребленіе того

самаго средства, которое по принципу этой системы надобно употреблять какъ вѣрное лекарство *).

Надобность пополнять пустоту, производимую въ торговомъ кредитѣ послѣдствіями чрезмѣрной спекуляціи и катастрофою, ложится на банки такъ неизбѣжно, что если актъ 1844 г. останется не отмѣненъ, то не трудно предвидѣть, что его дѣйствіе будетъ, какъ въ 1847 г., пріостанавливаемо при каждомъ періодѣ большихъ торговыхъ затрудненій, какъ только кризисъ вполнѣ обнаружится **). Еслибъ дѣло ограничилось этимъ, не было бы совершенною нелѣпостью соблюдать правило какъ средство, предупреждающее кризисъ, и ослаблять его для облегченія кризиса. Но есть противъ новой системы другое возраженіе, гораздо болѣе радикальное и широкое.

Теорія соразмѣрности количества банковыхъ билетовъ съ количествомъ звонкой монеты ставитъ принципъ, что количество билетовъ должно измѣняться въ точной пропорціи съ количествомъ звонкой монеты; а на дѣлѣ она требуетъ, чтобы въ случаѣ перехода звонкой монеты за границу происходило соразмѣрное уменьшеніе въ количествѣ банковыхъ билетовъ; иными словами, чтобы количество находящихся въ обращеніи денегъ дѣйствительно уменьшалось вывозомъ благородныхъ металловъ за границу,— она полагаетъ, что оно уменьшалось бы въ этомъ случаѣ при денежной системѣ, состоящей исключительно изъ звонкой монеты. Эта теорія съ вытекающими изъ нея практическими правилами приспособлена къ тому случаю, когда вывозъ золота и серебра производится возвышеніемъ цѣнъ, возникающимъ изъ чрезмѣрнаго расширенія кредита, но кромѣ этого она не подходитъ ни къ какому другому случаю.

---

*) Правда, банку не запрещено увеличивать ссуды изъ вкладовъ, которые достигаютъ во время кризиса чрезвычайной величины, потому что въ это время каждый кладетъ свои деньги въ банкъ, чтобы имѣть ихъ въ готовности. Но вклады не всегда оказываются достаточны; это положительно доказано примѣромъ 1847 г., когда банкъ до крайности пользовался вкладами для пособія торговлѣ, но не успѣвалъ одолѣть этимъ паническаго страха, который въ одинъ мигъ прекратился, когда правительство рѣшилось временно отмѣнить дѣйствія акта 1844 года.

**) Это предсказаніе оправдалось очень скоро въ коммерческомъ кризисѣ 1857 г., когда правительство снова было вынуждено пріостановить, подъ его собственной отвѣтственностью, дѣйствіе акта.

Когда переходъ золота и серебра заграницу бываетъ послѣднимъ звѣномъ въ ряду явленій, производимыхъ увеличеніемъ въ количествѣ денегъ или равносильнымъ ему своимъ дѣйствіемъ на цѣну расширеніемъ кредита, тутъ справедливо предполагается, что при исключительномъ употребленіи звонкой монеты золото и серебро, идущее заграницу было бы взято изъ денегъ, находящихся въ обращеніи; потому что этотъ переливъ золота, не имѣя границъ въ самомъ себѣ, необходимо будетъ продолжаться, пока количество обращающихся денегъ и кредитъ не уменьшатся. Но часто вывозъ золота и серебра происходитъ не отъ причинъ, касающихся кредита или количества обращающихся денегъ, а просто отъ чрезвычайнаго расширенія уплатъ заграницу, происходящаго или отъ положенія товарныхъ рынковъ или отъ какихъ нибудь обстоятельствъ, постороннихъ торговымъ дѣламъ. Въ числѣ этихъ причинъ есть четыре, очень сильныя, и вліяніе каждой изъ нихъ по нѣсколько разъ замѣчалось въ послѣднія 50 лѣтъ англійской исторіи. Первая причина — чрезвычайный правительственный расходъ, дѣлаемый заграницею по политическимъ или военнымъ дѣламъ, напримѣръ, въ революціонныя войны и въ послѣднюю войну Англіи съ Россіей. Вторая причина—большой вывозъ капитала на заграничное помѣщеніе, напримѣръ, вывозъ капитала изъ Англіи на ссуды и разработку рудниковъ, бывшій одною изъ причинъ кризиса 1825 г., и вывозъ его на американскія спекуляціи, бывшій главною причиною кризиса 1839 г. Третья причина неурожай въ странахъ, доставляющихъ сырой матеріалъ для важныхъ отраслей промышленности; напримѣръ, неурожай хлопчатой бумаги въ Америкѣ, заставившій Англію въ 1747 г. подвергнуться чрезвычайнымъ платежамъ при покупкѣ этого товара по дорогой цѣнѣ. Четвертая причина — неурожай въ самой странѣ, принуждающій ввозить много хлѣба изъ заграницы; 1846 и 1847 гг. представляютъ тому примѣръ, какого еще никогда не бывало.

Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нѣтъ ни необходимости, ни даже вѣроятности, что все вывозимое по этимъ надобностямъ количество золота и серебра будетъ взято изъ монеты, находящейся въ обращеніи, если въ обращеніи находится исключительно звонкая монета. Оно будетъ взято изъ денегъ спрятанныхъ на запасъ, которыхъ всегда бываетъ очень много при исключительномъ употребленіи звонкой монеты и которыя въ нецивилизованныхъ странахъ лежатъ дома у каждаго, кто можетъ запасаться деньгами, а въ цивилизованныхъ странахъ главнымъ образомъ лежатъ въ видѣ

резервныхъ фондовъ у банкировъ. Тукъ въ своемъ Inquiry into the Currency Principle указываетъ на этотъ фактъ: но Фуллертону обязаны мы самымъ яснымъ и удовлетворительнымъ изложеніемъ его. Сколько я знаю, никто иной не излагалъ эту часть теоріи денежнаго обращенія съ такою полнотою, какъ онъ; потому я приведу довольно большой отрывокъ изъ его прекрасной книги.

«Кто когда нибудь жилъ въ Азіи, гдѣ прячутъ денегъ гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ (разумѣется сравнительно съ существующимъ количествомъ богатства) и гдѣ этотъ обычай гораздо глубже укоренился въ народныхъ нравахъ по давнишнему отсутствію безопасности и по затруднительности найти выгоднее и безопасное помѣщеніе,—кто лично знакомъ съ этимъ общественнымъ бытомъ, тотъ не затруднится припомнить безчисленные примѣры, когда запасы звонкой монеты при денежныхъ затрудненіяхъ извлекались изъ сундуковъ частныхъ лицъ соблазномъ высокихъ процентовъ и являлись въ помощь общественной надобности; припомнитъ и то, съ какою легкостью снова исчезали эти сокровища, когда переставали дѣйствовать причины, выводившія ихъ наружу. Въ странахъ, болѣе цивилизованныхъ и богатыхъ, чѣмъ азіатскія царства, въ странахъ, гдѣ человѣкъ не боится обратить на себя жадность правительства обнаруженіемъ богатствъ, но гдѣ обмѣнъ товаровъ производится еще почти исключительно посредствомъ звонкой монеты (какъ напримѣръ почти во всѣхъ коммерческихъ странахъ европейскаго континента), побужденія накоплять звонкую монету быть можетъ менѣе сильны, чѣмъ въ большей части азіатскихъ государствъ; но возможность накопленія въ этихъ странахъ гораздо шире, потому безотносительное количество спрятанныхъ денегъ вѣроятно окажется значительнѣе по числу населенія *). Въ тѣхъ государствахъ, которыя подвержены опасности чужеземныхъ вторженій или въ которыхъ общественный бытъ еще дурно устроенъ и шатокъ, это побужденіе конечно еще очень сильно; а у народа, ведущаго обширную внутреннюю и внѣшнюю торговлю, но еще мало пользующагося замѣняющими деньги бан-

*) По безспорнымъ фактамъ извѣстно, что у французскихъ поселянъ всегда лежало спрятаннымъ, и лежало иногда довольно долго, такое количество звонкой монеты, что никакъ нельзя было бы вообразить возможности этого; даже въ странѣ, столь бѣдной, какъ Ирландія, у мелкихъ фермеровъ часто лежатъ спрятаны суммы, рѣшительно не сообразныя съ видимымъ образомъ ихъ жизни,—въ послѣднее время это положительно узнано.

ковыми средствами, необходимо нужные для обезпеченія правильности платежей запасы золота и серебра конечно должны поглощать изъ обращенія очень большую долю звонкой монеты.

«Въ Англіи, гдѣ банковая система доведена до размѣра и совершенства, неизвѣстнаго въ другихъ частяхъ Европы и гдѣ банковыми операціями употребленіе звонкой монеты изгнано, можно сказать, отовсюду, кромѣ розничной торговли и надобностей заграничной торговли,—въ ней уже не существуетъ побужденій прятать деньги дома, и всѣ денежные запасы перенесены въ банки или вѣрнѣе сказать, въ англійскій банкъ. Но во Франціи, гдѣ банковыхъ билетовъ обращается мало сравнительно съ Англіею, количество существующей золотой и серебряной монеты оцѣнивается лучшими авторитетами приблизительно въ 120 милл. фунтовъ; и эта оцѣнка нимало не превышаетъ вѣроятности. Судя по всему слѣдуетъ предполагать, что очень значительная часть ея, вѣроятно, гораздо болѣе половины этихъ денегъ лежатъ спрятанными. Если вы предъявляете французскому банкиру вексель въ 1000 франковъ, онъ въ уплату выноситъ вамъ изъ своей кладовой серебро въ запечатанномъ мѣшкѣ, и не только банкиръ, но и каждый торговецъ или промышленникъ долженъ держать у себя запасъ звонкой монеты на уплату не только по своимъ обыкновеннымъ расходамъ, но и на случай неожиданныхъ требованій. Мы имѣемъ замѣчательныя доказательства тому, что не въ одной Франціи, но и на всемъ континентѣ, гдѣ банковыхъ учрежденій или вовсе нѣтъ или онѣ плохо организованы, количество звонкой монеты, хранящейся въ безчисленныхъ сундукахъ, само по себѣ громадно и что даже очень большія массы ея могутъ быть вынимаемы и переходить изъ страны въ страну, не производя никакого или почти никакого дѣйствія на цѣны и никакихъ важныхъ перемѣнъ въ дѣлахъ. Одно изъ этихъ доказательствъ—замѣчательный успѣхъ, которымъ сопровождались одновременныя усилія нѣсколькихъ большихъ европейскихъ державъ (Россіи, Австріи, Пруссіи, Швеціи и Даніи) пополнить свои казначейства и замѣнить звонкою монетою значительную часть упавшихъ въ цѣнности бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ ими по военной необходимости; они успѣли въ этомъ, не смотря на то, что свободный запасъ золота и серебра въ цѣломъ свѣтѣ былъ уменьшенъ тогда усиліями Англіи возстановить размѣнъ билетовъ на звонкую монету. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти одновременныя операціи производились въ размѣрѣ чрезвычайно громадномъ, что исполнялись онѣ безъ чувствительнаго вреда торговлѣ

и общественному благосостоянію, не имѣвъ никакихъ слѣдствій кромѣ кратковременнаго упадка вексельнаго курса, и что запасы звонкой монеты, собранные частными людьми во время войны и лежавшіе спрятанными, были главнымъ источникомъ, изъ котораго получалось все это золото и серебро. Кто ясно представитъ себѣ огромный излишекъ металлическаго богатства, постоянное существованіе котораго доказывается подобными примѣрами, и которое хотя и лежитъ въ дремлющемъ бездѣйственномъ состояніи, всегда готово устремиться къ дѣятельности по первому указанію запроса, лишь бы онъ былъ достаточно силенъ, — кто ясно представитъ себѣ это, конечно согласится, что еслибы рудники закрылись на много лѣтъ и совершенно прекратилось производство металловъ, то все-таки не произошло бы почти никакой перемѣны въ мѣновой цѣнности золота и серебра» (Fullarton, Regulation of Currencies, стр. 71 — 74).

Примѣняя это къ защитникамъ теоріи зависимости цѣнъ отъ количества выпускаемыхъ билетовъ, Фуллертонъ говоритъ (стр. 139—142): «можно подумать, будто бы они предполагали, что золото и серебро, которое выходитъ заграницу изъ страны, употребляющей исключительно звонкую монету, собирается по мелочи на рынкахъ и базарахъ или съ прилавковъ мелочныхъ лавокъ. Они не упоминаютъ ни однимъ словомъ ни о чемъ подобномъ этому огромному запасу спрятанныхъ денегъ, хотя отношеніями къ нему опредѣляется весь ходъ международныхъ платежей въ странахъ, употребляющихъ звонкую монету, а деньги, лежащія спрятанными рѣшительно не могутъ даже и по ученію этихъ теоретиковъ дѣйствовать на цѣны. Мы по опыту знаемъ, какіе огромные платежи золотомъ и серебромъ могутъ иногда дѣлать безъ всякаго нарушенія внутренней своей экономіи тѣ страны, въ которыхъ употребительнѣйшими деньгами служитъ звонкая монета; откуда же берутся эти платежи, если не изъ спрятанныхъ денегъ. Подумаемъ, какъ поколебался бы надобностью произвести заграничную уплату въ нѣсколько милліоновъ денежный рынокъ страны, въ которой употребляется исключительно звонкая монета. Платежъ этотъ конечно можетъ быть произведенъ лишь пересылкою капитала; не поднялась ли бы рыночная величина процентовъ отъ соперничества на полученіе капитала, нужнаго для этой пересылки? и еслибы платежъ надобно было произвести правительству, то не пришлось ли бы этому правительству заключать новый заемъ на условіяхъ, гораздо болѣе обыкновеннаго выгодныхъ для кредитора?» А если уплату должны дѣ-

лать купцы, то не была ли бы она взята или изъ банковыхъ вкладовъ или изъ запасовъ, которые держатъ при себѣ купцы тамъ, гдѣ нѣтъ банковъ, или не были ли бы они принуждены являться на денежный рынокъ заемщиками для полученія этой суммы звонкой монеты? «А все это не отразится ли необходимымъ образомъ на спрятанныхъ деньгахъ и не вызоветъ ли къ дѣятельности часть того золота и серебра, которое накоплено лицами, дающими деньги въ ссуду, и не слѣдуетъ ли полагать, что нѣкоторыя изъ нихъ накопляли деньги собственно съ разсчетомъ на подобные случаи къ извлеченію пользы изъ накопленныхъ суммъ?

«Нынѣ (въ 1844 г.) балансъ платежей по торговлѣ почти со всѣми европейскими странами уже около 4 лѣтъ былъ въ пользу Англіи, и золото и серебро лилось въ нее такъ сильно, что вошедшая сумма простиралась до неслыханной цифры, — 14 милліоновъ фунтовъ. А между тѣмъ слышна ли была какая нибудь жалоба, что отъ этого подверглись серьозному затрудненію континентальныя страны? Понизились ли въ нихъ цѣны на значительную пропорцію противъ англійскихъ цѣнъ? Упала ли въ нихъ рабочая плата, были ли въ нихъ многочисленныя банкротства между купцами отъ упадка цѣнъ? Ничего подобнаго не было. Ходъ торговыхъ и денежныхъ дѣлъ повсюду оставался ровенъ и спокоенъ, и напримѣръ во Франціи увеличеніе государственныхъ доходовъ и расширеніе торговли свидѣтельствуетъ о постоянныхъ успѣхахъ внутренняго благосостоянія. Сомнительно то, чтобы этотъ громадный переливъ денегъ отнялъ хотя одинъ наполеондоръ изъ той части звонкой монеты Франціи, которая дѣйствительно находится въ обращеніи. Столь же очевидно было по спокойному состоянію кредита, что не перерывалось во все это время то снабженіе звонкою монетою, которое необходимо для веденія торговли на розничномъ рынкѣ, и что спрятанными деньгами легко доставлялись средства, нужныя для правильности коммерческихъ платежей. Въ странѣ, употребляющей исключительно звонкую монету, необходимо, чтобы спрятанныхъ денегъ было достаточно на всѣ эти уплаты при всякихъ обстоятельствахъ; чтобы изъ спрятанныхъ денегъ получалось золото и серебро, требуемое на вывозъ и на поддержаніе количества звонкой монеты, обращающейся внутри страны. При этой системѣ каждый негоціантъ, которому часто представляется по его дѣламъ надобность уплачивать звонкою монетою большія суммы заграницу, долженъ держать у себя или долженъ имѣть возможность занять столько звонкой монеты, чтобы за про-

изводствомъ этихъ платежей еще оставалась у него сумма, нужная для безостановочнаго веденія обыкновенныхъ его дѣлъ внутри государства».

Въ странѣ, гдѣ кредитъ развитъ такъ сильно какъ въ Англіи, одинъ великій резервъ въ одномъ банковомъ учрежденіи, въ англійскомъ банкѣ, замѣняетъ собою во всемъ касающемся золота и серебра все множество резервовъ, находящихся въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ по принципу теоретиковъ, думающихъ регулировать выпускъ билетовъ, надобно было бы давать свободно дѣйствовать на резервный фондъ англійскаго банка всѣмъ этимъ требованіямъ золота и серебра, которыя удовлетворялись бы спрятанными деньгами, если бы въ Англіи обращалась исключительно звонкая монета; по этому принципу не слѣдуетъ пытаться задерживать этого теченія ни уменьшеніемъ количества обращающихся денегъ, ни сокращеніемъ кредита. И противъ этого нельзя было бы сказать ничего основательнаго, пока переливъ денегъ не достигъ такого размѣра, что является опасность истощенія резерва и прекращенія платежей; а противъ этой опасности можно принять достаточныя предосторожности, потому что въ случаѣ, нами разсматриваемомъ, золото и серебро идутъ заграницу на платежи имѣющіе извѣстную величину и теченіе само собою прекращается по совершеніи этихъ платежей. А всѣ политико-экономы согласны, что обыкновенный резервъ англійскаго банка больше самой крайней величины, какой могъ бы достигать этотъ переходъ золота и серебра заграницу; Фуллертонъ говоритъ, что эта наибольшая величина—7 милл. фунт., но Тукъ совѣтуетъ имѣть резервъ среднимъ числомъ около 10 милл., а въ послѣднемъ своемъ изданіи около 12 милл.

Но механизмъ новой системы таковъ, что насильственно производитъ результатъ, вовсе не требуемый, а напротивъ положительно осуждаемый ея принципомъ. Отъ какой бы причины ни происходилъ вывозъ золота и серебра заграницу, при ней это золото и серебро необходимо берется исключительно изъ денегъ, находящихся въ обращеніи, хотя бы и не бралось изъ нихъ при исключительномъ употребленіи звонкой монеты. При этой системѣ количество банковыхъ билетовъ должно уменьшаться на всю сумму вывезеннаго золота и серебра, хотя бы вывезено его было на цѣлые 7 или даже 12 милл. фунт. Вспомнимъ, что это требуется и тогда, когда не было спекулятивнаго возвышенія цѣнъ, требовавшихъ задержекъ, не было и чрезвычайнаго расширенія кредита,

которое было бы нужно стѣснять,—когда запросъ на золото и серебро производится единственно правительственными платежами заграницу или большимъ ввозомъ хлѣба при неурожаѣ.

Я согласенъ, что когда требуются большія уплаты заграницу, средства для нихъ вообще берутся изъ капитала страны, готоваго для ссудъ, и что вслѣдствіе того возвышаются проценты. При этомъ дѣлѣ неизбѣжно нѣкоторое стѣсненіе денежнаго рынка, но это стѣсненіе очень усиливается вліяніемъ акта 1844 г. Вообще излагаютъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто онъ производитъ лишь одинъ результатъ, лишь мѣшаетъ банку, отдавшему напримѣръ 3 милл. фунт. золотомъ и серебромъ за свои билеты, снова отдавать въ ссуду эти билеты въ видѣ дисконта и т. п. Но на самомъ дѣлѣ актъ 1844 г. имѣетъ гораздо большее вліяніе. Извѣстно, что переходящія заграницу деньги прежде всего берутся изъ банковаго отдѣленія. Вклады этого отдѣленія составляютъ массу незанятаго и свободнаго капитала страны и капиталъ, нужный на заграничныя уплаты, почти всегда получается главнымъ образомъ черезъ востребованіе вкладовъ. Предположимъ, что требуется сумма 3 милл.; изъ банковаго отдѣленія берется билетовъ на сумму 3 милл. (берутся они или прямо или чрезъ банкировъ, у которыхъ масса резервнаго фонда лежитъ въ англійскомъ банкѣ); полученные такимъ образомъ билеты представляются въ билетное отдѣленіе банка и обмѣниваются тамъ на золото для вывоза заграницу.

Такимъ образомъ, когда изъ страны вывозится только три милліона, этотъ вывозъ дѣйствуетъ вдвойнѣ, то есть банковыя средства уменьшаются въ сущности на 6 милліоновъ. Вклады банка уменьшились на 3 милліона и резервный фондъ билетнаго отдѣленія уменьшился также на 3 милліона. По акту 1844 года одно отдѣленіе банка не можетъ помогать другому ни въ какомъ случаѣ и каждое должно принимать отдѣльныя предосторожности для своей безопасности. Потому теперь при востребованіи только трехъ милліоновъ необходимы для банка всѣ тѣ мѣры, которыя при прежней системѣ были бы нужны лишь при востребованіи 6 милл. Билетное отдѣленіе охраняетъ себя по правиламъ акта, не выпуская вновь билеты, возвращенные ему. Но банковое отдѣленіе должно принимать мѣры для пополненія своего резервнаго фонда, уменьшившагося на 3 милл. Черезъ взятіе изъ него вкладовъ на 3 милл., долги этого отдѣленія также уменьшились на 3 милл., слѣдовательно резервный фондъ его можетъ уменьшиться на одинъ милліонъ по обыкновенному банковому правилу, что резервный

фондъ долженъ равняться одной трети долговъ. А другіе два милліона банковое отдѣленіе должно пріобрѣсти тѣмъ, что, получивъ уплату по прежнимъ ссудамъ на эту сумму, не станетъ дѣлать новыхъ ссудъ. Такимъ образомъ оно будетъ принуждено не только возвысить величину своихъ процентовъ, но и произвести какими бы то ни было средствами уменьшеніе на 2 милліона въ общемъ количествѣ своихъ дисконтовъ. Причиною этихъ крутыхъ мѣръ, сильно потрясающихъ денежный рынокъ для пополненія банковаго резерва, исключительно служитъ актъ 1844 года. Безъ его стѣснительныхъ правилъ банкъ не сталъ бы сокращать своихъ дисконтовъ, а просто перевелъ бы изъ билетнаго отдѣленія въ банковое 2 милл. фунтовъ золотомъ и серебромъ или билетами, — перевелъ бы ихъ не для того, чтобы вновь отдавать въ ссуду публикѣ, а для того, чтобы обезпечить состоятельность банковаго отдѣленія на случай дальнѣйшаго непредвидѣннаго востребованія вкладовъ. И во время этого стѣсненія банку не будетъ надобности лишать торговлю пособія въ обыкновенномъ размѣрѣ по процентамъ, соотвѣтствующимъ увеличенію запроса, — необходимость эта представилась бы лишь тогда, еслибы переходъ золота достигъ такого размѣра, что началъ бы представляться превышающимъ всю сумму резервнаго фонда въ обоихъ отдѣленіяхъ банка *).

---

*) То, что я назвалъ «двойнымъ дѣйствіемъ вывоза» понято было, довольно странно, въ томъ смыслѣ, будто я утверждалъ, что при востребованіи изъ банка трехъ милліоновъ, средства банка уменьшаются на сумму, равняющуюся шести милліонамъ. Такое мнѣніе было бы слишкомъ нелѣпо и не заслуживало опроверженія. Востребованіе имѣетъ двойное дѣйствіе не на денежное положеніе самаго банка, но на мѣры, которыя онъ долженъ принимать, чтобы пополнить востребованную сумму. Хотя самъ банкъ не сталъ бѣднѣе, но два его резерва, резервъ въ банковомъ отдѣленіи и резервъ въ билетномъ отдѣленіи, каждый уменьшаются на три милліона при востребованіи только трехъ. И такъ какъ при разъединеніи отдѣленій банка необходимо, чтобы каждое изъ нихъ охранялось также строго, какъ это было бы нужно, если бы они могли помогать одно другому, то дѣйствіе банка на денежный рынокъ при востребованіи трехъ милліоновъ должно быть столько же сильно, какъ въ старой системѣ оно было бы сильно при востребованіи шести. Такъ какъ резервъ въ банковомъ отдѣленіи будетъ меньше, чѣмъ бы онъ былъ при полномъ количествѣ звонкой монеты въ билетномъ отдѣленіи, и такъ какъ все количество востребованной суммы падетъ въ первую минуту на этотъ уменьшенный резервъ, то давленіе всей востребованной суммы на половину резерва будетъ чувствоваться также сильно и будетъ требовать такихъ же энергическихъ мѣръ, какъ если бы на цѣлый резервъ падало двойное количество востребованной суммы. Я сказалъ въ другомъ мѣстѣ (Evidence before the Commitee of the House of Commons on the

Я знаю возраженіе, какое могутъ мнѣ сдѣлать: если мы допустимъ, чтобы этотъ переходъ золота и серебра заграницу свободно дѣйствовалъ на резервный фондъ банка, пока не прекратится самъ собою, мы не отвратимъ, а только отсрочимъ уменьшеніе количества обращающихся денегъ и стѣсненіе кредита; если не прибѣгнуть къ ограниченію выпуска билетовъ для задержки этого теченія въ самомъ его началѣ, все-таки понадобится потомъ такое же или еще большее ограниченіе выпуска билетовъ, чтобы дѣйствіемъ на цѣны возвратить это огромное количество золота по необходимой надобности пополнить резервный фондъ банка. Но въ этомъ возраженіи опущено изъ вниманія нѣсколько важныхъ обстоятельствъ. Вопервыхъ золото можетъ быть возвращено не упадкомъ цѣнъ, а гораздо быстрѣйшимъ и удобнѣйшимъ путемъ возвышенія процентовъ, не ведущимъ за собою никакого пониженія цѣнъ, кромѣ пониженія цѣны биржевыхъ бумагъ. Англійскіе фонды будутъ куплены иностранцами или находящіеся въ Англіи иностранные фонды будутъ отосланы на продажу заграницу; то и другое въ большомъ размѣрѣ происходило во время торговыхъ затрудненій 1847 года; и этими способами не только былъ остановленъ уходъ золота и серебра заграницу, но и возвращены эти металлы назадъ въ Англію. Слѣдовательно возвращены они были не уменьшеніемъ въ количествѣ обращающихся денегъ, хотя безспорно было тогда уменьшеніе въ количествѣ ссудъ. Впрочемъ дѣло можетъ обойтись даже и безъ уменьшенія ссудъ, потому что нѣтъ необходимости, чтобы золото и серебро возвращалось такъ же быстро, какъ ушло. Значительная часть его конечно возвратится обыкновеннымъ торговымъ путемъ въ уплату за вывезенные товары. Излишекъ выгоды, пріобрѣтенной заграничными торговцами и производителями отъ излишка уплатъ, полученнаго ими изъ Англіи, вѣроятно будетъ употребленъ хотя отчасти на увеличеніе покупокъ англійскихъ товаровъ или для потребленія, или для спекуляціи. Результатъ этого можетъ быть не обнаружится съ такою быстротою, чтобы съ самаго же начала устранить надобность въ отправленіи золота изъ Англіи; но все-таки эти экстренныя покупки обратятъ балансъ платежей въ пользу Англіи и постепенно возвратятъ

Bank Acts, in 1857), что «это похоже на то, какъ если бы человѣку, которому нужно поднять тяжесть, запретили употребить для этого обѣ руки вмѣстѣ и позволили дѣйствовать только каждой рукой отдѣльно; при чемъ ему было бы необходимо, чтобы каждая рука его была также сильна, какъ обѣ они вмѣстѣ».

ей часть вывезеннаго золота и серебра; остальная часть его вѣроятно будетъ возвращена безъ большаго возвышенія процентовъ въ Англіи пониженіемъ процентовъ въ заграничныхъ земляхъ, происходящимъ отъ прибавки нѣсколькихъ милліоновъ фунтовъ звонкой монеты къ капиталу, готовому на ссуды въ этихъ странахъ. А при томъ же положеніи дѣлъ, какое произведено открытіемъ золотыхъ розсыпей, когда громадное количество золота, добываемаго въ Австраліи, и значительная часть золота изъ Калифорніи распредѣляется по другимъ странамъ черезъ Англію и рѣдко проходитъ мѣсяцъ безъ присылки большой суммы его,—резервный фондъ банка можетъ пополняться и безъ возвращенія того золота, которое было вынесено изъ Англіи прежнимъ потокомъ. Для этого нуженъ только перерывъ и достаточенъ очень небольшой перерывъ вывоза его изъ Англіи.

Потому мнѣ кажется, что, несмотря на полезное дѣйствіе акта 1844 г. въ первыхъ періодахъ того коммерческаго кризиса, который производится излишкомъ спекуляціи (только этого одного рода коммерческихъ кризисовъ), онъ въ общей сложности сильно увеличиваетъ жестокость коммерческихъ катастрофъ. Мало того, что стѣсненіе кредита становится отъ него болѣе жестокимъ, — оно становится отъ него и болѣе частымъ случаемъ. «Предположимъ — говоритъ Джорджъ Уокеръ въ одной изъ ряда ясныхъ, безпристрастныхъ и убѣдительныхъ статей, которыя являлись въ Aberdeen Herald и остаются до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ трактатовъ объ этомъ предметѣ, — предположимъ, что банкъ имѣетъ золота на 18 милл. и что изъ нихъ 10 находятся въ билетномъ отдѣленіи, а 8 въ банковомъ отдѣленіи. Результатъ будетъ тотъ же, какъ еслибы при исключительномъ употребленіи звонкой монеты резервный фондъ банка состоялъ не изъ 18, а только изъ 8 милл. Слѣдствіе банковаго акта то, что при движеніи золота заграницу образъ дѣйствій банка опредѣляется не всею суммою находящагося въ его кладовыхъ золота, а лишь тою частью этой суммы, которая принадлежитъ банковому отдѣленію. Судя по всему количеству находящагося въ банкѣ золота, быть можетъ нѣтъ ему надобности стѣснять кредитъ или ронять цѣны, потому что у него еще остается надлежащій резервный фондъ. Но, имѣя въ своемъ распоряженіи одинъ резервный фондъ банковаго отдѣленія, онъ по узкости основанія, на которомъ опирается, долженъ при всякомъ движеніи золота изъ страны принимать реакціонныя мѣры ко вреду коммерческаго общества; а если онъ не приметъ

ихъ, то надобно будетъ ему прекратить платежи, то есть разорить всѣхъ. Этимъ объясняется, почему величина процентовъ при банковомъ актѣ измѣняется такъ часто и сильно. Послѣ 1847 г., когда банку разъяснилось его положеніе, онъ нашелъ необходимымъ для своей безопасности при всякомъ уменьшеніи резервнаго фонда возвышать величину процентовъ». Поэтому, чтобы устранить вредныя послѣдствія банковаго акта, было бы необходимо банку сверхъ всего золота, находящагося въ билетномъ отдѣленіи, имѣть въ одномъ банковомъ отдѣленіи такой резервный фондъ золотомъ или билетами, который при прежней системѣ былъ бы достаточенъ для безопасности обоихъ отдѣленій.

5. Остаются еще два вопроса о банковыхъ билетахъ, служившіе предметомъ большихъ споровъ въ послѣднее время: должна ли принадлежать только одному учрежденію, въ родѣ англійскаго банка, привиллегія снабжать страну билетами или можно предоставить это право многимъ учрежденіямъ; и если можно, то нужны ли или полезны ли какія нибудь особенныя предосторожности для охраненія получающихъ билеты лицъ отъ банкротства выпустившаго билеты банка.

Предшествовавшія изслѣдованія привели насъ къ тому заключенію, что банковые билеты въ числѣ другихъ формъ кредита имѣютъ гораздо менѣе важности, чѣмъ сколько приписываетъ имъ господствующее мнѣніе; потому вопросы о регулированіи столь незначительной доли общаго количества кредита не могутъ казаться для насъ имѣющими ту громадную важность, какая придается имъ другими. Впрочемъ имъ дѣйствительно принадлежитъ та особенность, что они — единственная форма кредита, столь удобная для всѣхъ надобностей обращенія, что можетъ совершенно вытѣснять звонкую монету изъ внутренняго обращенія. По мѣрѣ того, какъ распространяется употребленіе записокъ на банкировъ, уменьшается количество банковыхъ билетовъ, какъ уменьшалось бы отъ этого употребленіе сувереновъ и другихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, еслибы не существовали банковые билеты; но все-таки несомнѣнно, что еще долго останется въ обращеніи значительное количество банковыхъ билетовъ повсюду, гдѣ существуетъ коммерческое довѣріе и дозволено употребленіе этихъ билетовъ. Поэтому, если за правительствомъ или однимъ особеннымъ учрежденіемъ оставляется исключительная привиллегія выпускать ихъ, это служитъ источникомъ большой денежной выгоды. Чтобы выгода эта получалась всею націею, дѣло возможное и полезное; и если рас-

поряженіе выпускомъ банковыхъ билетовъ должно быть дѣломъ чисто механическимъ, совершенно подчиненнымъ неизмѣнному закону, какъ сдѣлано оно актомъ 1844 года, то нѣтъ причинъ предоставлять этотъ механизмъ въ пользу частныхъ лицъ, а не въ пользу государственнаго казначейства. Но если мы предпочтемъ систему, при которой измѣненія въ количествѣ выпускаемыхъ билетовъ сколько нибудь зависятъ отъ произвола лицъ выпускающихъ билеты, то неудобно прибавлять столь щекотливую обязанность къ постоянно растущимъ правительственнымъ обязанностямъ; неудобно отвлекать вниманіе государственныхъ правителей отъ болѣе важныхъ предметовъ, подвергая ихъ настойчивымъ просьбамъ и порицаніямъ, отъ которыхъ никогда не могутъ избавиться лица, кажущіяся отвѣтственными за распоряженія, хотя бы самымъ незначительнымъ образомъ измѣняющія положеніе денежной системы. Въ этомъ случаѣ гораздо лучше, чтобы правительство выпускало размѣниваемые по предъявленію на золото билеты казначейства на опредѣленную сумму, не превышающую minimum банковыхъ билетовъ, нужныхъ для обращенія, а выпускать по мѣрѣ надобности билеты въ прибавокъ къ этой суммѣ предоставило бы или нѣсколькимъ частнымъ банкамъ или одному частному банку. Есть и другое рѣшеніе. Учрежденіе, въ родѣ англійскаго банка, можетъ снабжать страну всѣмъ количествомъ билетовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы дать 15 или 20 милліоновъ своихъ билетовъ въ безпроцентную ссуду правительству; отъ этого государство получитъ точно такую же денежную выгоду, какъ еслибы само выпустило билетовъ на эту сумму.

Есть аргументъ, обыкновенно выставляемый противъ системы, которая существовала въ Англіи до акта 1844 г. и съ извѣстными ограниченіями еще продолжаетъ существовать, противъ системы, дозволявшей многимъ учрежденіямъ выпускать банковые билеты; говорятъ, что эти учрежденія бываютъ принуждаемы взаимнымъ соперничествомъ увеличивать до вреднаго размѣра количество выпускаемыхъ ими билетовъ. Но мы видѣли, что господствующее мнѣніе слишкомъ преувеличиваетъ возможность для банкировъ увеличивать количество выпускаемыхъ ими билетовъ и степень вреда, производимаго этою возможностью. Фуллертонъ (стр. 89—92) справедливо замѣчаетъ, что чрезвычайное усиленіе банковаго соперничества, произведенное учрежденіемъ акціонерныхъ банковъ и доходившее часто до безразсудства, оказывалось лишеннымъ всякой силы увеличивать общую сумму выпускаемыхъ билетовъ; и что эта

сумма напротивъ постоянно подвергалась уменьшенію. Какъ бы то ни было, но вѣроятно полезно сохранять одно главное учрежденіе, подобное англійскому банку и отличающееся отъ другихъ выпускающихъ билеты банковъ тѣмъ, что оно одно обязано размѣнивать свои билеты на звонкую монету, между тѣмъ какъ другія учрежденія могутъ давать въ уплату за свои билеты билеты этого центральнаго учрежденія. Цѣль здѣсь та, чтобы существовало учрежденіе, отвѣчающее за то, чтобы находился въ немъ резервный фондъ золота и серебра, достаточный на удовлетвореніе перевода звонкой монеты заграницу въ размѣрѣ какой угодно надобности. Раздробивъ эту отвѣтственность между множествомъ банковъ, мы сдѣлаемъ, что она въ сущности не будетъ лежать ни на одномъ изъ нихъ; а если мы успѣемъ принудить тотъ или другой изъ нихъ дѣйствительно соблюдать эту отвѣтственность, то резервные фонды золота и серебра во всѣхъ другихъ банкахъ будутъ капиталомъ, лежащимъ совершенно напрасно, безъ дѣла, между тѣмъ какъ можно избавиться отъ этого убытка, дозволивъ имъ уплачивать свои билеты билетами англійскаго банка.

6. Остается вопросъ о томъ, нужны ли какія нибудь особенныя предосторожности для охраненія публики отъ послѣдствій остановки банковыхъ уплатъ въ томъ случаѣ, если допускается существованіе многихъ учрежденій, выпускающихъ билеты. До 1826 г. несостоятельность банковъ была частымъ и очень тяжелымъ бѣдствіемъ, часто раззорявшимъ цѣлые округи и однимъ ударомъ отнимала у предусмотрительнаго трудолюбія плоды долгаго, тяжелаго сбереженія. Это было одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ парламентъ въ этомъ году запретить выпускъ билетовъ меньше 5 фунтовъ, чтобы по крайней мѣрѣ рабочіе классы были по возможности ограждены отъ участія въ этихъ бѣдствіяхъ. Кромѣ того предлагалась еще другая гарантія, чтобы по банковымъ билетамъ удовлетвореніе было даваемо прежде всѣхъ другихъ долговъ или чтобы банкиры были обязаны вносить въ англійскій банкъ золотомъ или государственными фондами въ видѣ залога складъ на всю сумму выпускаемыхъ ими билетовъ. Непрочность прежней системы банковыхъ билетовъ Англіи была отчасти слѣдствіемъ закона, который, чтобы упрочить особенную монополію банковыхъ дѣлъ за англійскимъ банкомъ, прямо объявилъ, можно сказать, преступленіемъ учрежденіе прочныхъ банковъ, не дозволивъ основывать ни въ Лондонѣ ни въ провинціяхъ ни депозитныхъ ни выпускающихъ билеты банковъ, которые имѣли бы болѣе 6 участни-

ковъ; это правило, превосходно характеризующее прежнюю систему монополій и стѣсненій, было отмѣнено въ 1826 году, относительно тѣхъ и другихъ банковъ для всей Англіи, за исключеніемъ страны на 65 миль въ окружности отъ Лондона, а въ 1833 году оно было отмѣнено для депозитныхъ банковъ и въ этомъ округѣ. Надѣялись, что когда учредятся акціонерные банки съ большимъ числомъ участниковъ, то выпускаемые ими билеты будутъ болѣе вѣрны, и благодаря ихъ вліянію англійская банковая система станетъ почти столь же надежна для публики, какъ была въ послѣдніе два вѣка шотландская система (въ Шотландіи банки всегда были свободны). Но управленіе этими учрежденіями представило впослѣдствіи изумительные примѣры безразсудства и плутовства (надобно впрочемъ сказать, что изъ банковъ, банкротства которыхъ надѣлали особеннаго шума, нѣкоторые были не выпускавшими билеты, а депозитными банками); эти примѣры слишкомъ ясно показали, что если не въ Шотландіи, то по крайней мѣрѣ въ Англіи, акціонерный принципъ въ банковыхъ дѣлахъ не служитъ такою вѣрною гарантіею, какою всѣми считался прежде; и трудно теперь устоять противъ убѣжденія, что если уже оставлять право выпускать билеты за нѣсколькими учрежденіями, то непремѣннымъ условіемъ надобно требовать отъ нихъ какого нибудь особеннаго обезпеченія для публики.

ГЛАВА XXV.

СОПЕРНИЧЕСТВО РАЗНЫХЪ СТРАНЪ НА ОДНОМЪ РЫНКѢ.

1. По фразеологіи меркантильной системы, языкъ и взгляды которой до сихъ поръ остаются основаніемъ того, что можно назвать политическою экономіею продающихъ классовъ, въ противоположность покупателямъ или потребителямъ, въ языкѣ меркантильной системы чрезвычайно часто попадается и имѣетъ очень опасную важность слово «отбить рынокъ.» Отбить рынокъ у иностранцевъ,—не быть отбиту отъ рынка иностранцами,—эти фразы употреблялись и до сихъ поръ часто употребляются въ такомъ смыслѣ, какъ будто заграничный рынокъ—единственная цѣль, для которой существуютъ производство и товары. Вражда соперничествующихъ торговцевъ, овладѣвъ мыслями націй, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ подавляла всякое сознаніе общности выгодъ получаемыхъ каждою коммерческою страною отъ процвѣтанія другихъ

странъ, и торговый духъ, представляющій теперь одно изъ силь-нѣйшихъ препятствій войнамъ, былъ нѣкогда одною изъ главнѣйшихъ причинъ войнъ въ европейской исторіи.

Даже и при нынѣшней возможности болѣе просвѣщеннаго взгляда на сущность и послѣдствія международной торговли, надобно оставить нѣкоторое, хотя гораздо меньшее прежняго, мѣсто факту коммерческой вражды. Подобно отдѣльнымъ торговцамъ, націи могутъ соперничествовать между собою на рынкахъ по нѣкоторымъ товарамъ, между тѣмъ какъ по другимъ товарамъ могутъ находиться въ болѣе счастливомъ отношеніи, покупая товары другъ у друга. Выгода торговли состоитъ не въ продажѣ товаровъ, какъ думали прежде; но продажа товаровъ служитъ средствомъ къ полученію покупаемыхъ товаровъ, и нація была бы лишена дѣйствительной выгоды отъ торговли, была бы лишена ввозимыхъ товаровъ, если бы не могла склонять другія націи брать нѣкоторые изъ ея товаровъ, и если соперничествомъ другихъ странъ принуждена она предлагать свои товары дешевле, чтобы не остаться вовсе безъ покупщиковъ, то пропорціонально этому удешевленію увеличивается стоимость, по которой получаетъ она ввозимые товары.

Мимоходомъ, но достаточно разъяснили мы эти вопросы въ разныхъ предъидущихъ главахъ. Но значительность мѣста, какое занималъ и продолжаетъ занимать этотъ предметъ въ экономическихъ книгахъ и въ практическихъ заботахъ государственныхъ людей и фабрикантовъ, заставляетъ насъ, передъ окончаніемъ нашихъ изслѣдованій о международномъ обмѣнѣ, прибавить здѣсь нѣсколько замѣчаній о томъ, при какихъ условіяхъ могутъ и при какихъ не могутъ націи отбивать рынковъ другъ у друга,

Только при двухъ условіяхъ страна можетъ отбить извѣстный рынокъ у другой страны, такъ чтобы совершенно изгнать ее съ него. Вопервыхъ она должна имѣть надъ этою другою страною преимущество въ производствѣ товара, вывозимаго обѣими ими; преимущество разумѣется тутъ не безусловное, а сравнительное съ производствомъ другихъ товаровъ, (какъ мы прежде уже и объясняли подробно); вовторыхъ ея отношеніе къ покупающей странѣ по взаимному запросу на продукты и сообразно этому запросу положеніе международныхъ цѣнностей, должно быть таково, чтобы покупающая страна получала отъ торговли выгоду больше всей той выгоды, какую пріобрѣтала соперничествующая страна; иначе соперничествующая страна можетъ удержаться на рынкѣ.

Возвратимся къ воображаемой гипотезѣ торговли между Англіею и Германіею сукномъ и полотномъ. По нашей гипотезѣ, Англія можетъ производить 10 ярдовъ сукна по стоимости, одинаковой съ 15 ярдами полотна, а Германія по стоимости, одинаковой съ 20 ярдами полотна, и товары эти обмѣниваются между Англіею и Германіею, (не считая стоимости провоза). По какой нибудь пропорціи, лежащей между двумя этими, напримѣръ по 10 ярдовъ сукна за 17 ярдовъ полотна, Германія не можетъ быть изгнана прочнымъ образомъ съ англійскаго рынка иначе, какъ если другая страна будетъ предлагать за 10 ярдовъ сукна не только больше 17, но и больше 20 ярдовъ полотна. Безъ этого соперничество только заставитъ Германію дороже платить за сукно, но не лишитъ ее возможности вывозить полотно. Слѣдовательно, чтобы отбить у Германіи рынокъ, другая страна должна производить полотно сравнительно съ сукномъ поменьшей стоимости, чѣмъ сама Германія и сверхъ того имѣть такой запросъ на сукно или на другіе англійскіе товары, чтобы приходилось ей и по захватѣ всего рынка давать Англіи больше выгоды, чѣмъ могла бы давать Германія, отказавшись отъ своей выгоды; напримѣръ давать 21 ярдъ за 10. Иначе (если напримѣръ по изгнаніи Германіи уравненіе международнаго запроса дастъ пропорцію 18 за 10), Германія снова явится соперницею и сама теперь будетъ отбивать рынокъ у другой страны; и найдется такая пропорція обмѣна (напримѣръ 19 за 10), при которой обѣ страны могутъ держаться на рынкѣ и продавать въ Англію столько полотна, сколько нужно въ уплату за сукно или другіе англійскіе товары, требуемые ими при этихъ новыхъ условіяхъ обмѣна. Точно такъ же и Англія, вывозящая сукно, можетъ быть изгнана съ германскаго рынка лишь такою страною, которая по своему преимущеетву въ производствѣ сукна можетъ, а по энергіи своего запроса на нѣмецкіе продукты принуждена будетъ предлагать 10 ярдовъ сукна не только меньше, чѣмъ за 17, но и меньше, чѣмъ за 15 ярдовъ полотна. Въ этомъ случаѣ Англія уже не могла бы вести торговлю безъ убытка себѣ; но пока обмѣнъ не доведенъ до этого предѣла, она только будетъ принуждена давать Германіи сукна больше чѣмъ прежде, за количество полотна меньшее чѣмъ прежнее.

Изъ этого мы видимъ, что боязнь быть отбитымъ отъ рынка можетъ являться неосновательно, когда на самомъ дѣлѣ надобно ожидать не прекращенія торговли, а лишь того, что придется вести ее на менѣе выгодныхъ условіяхъ; а этотъ убытокъ уже не

такъ великъ, какъ потеря торговли, и главнымъ образомъ падаетъ на потребителей заграничныхъ товаровъ, а не на производителей и продавцовъ вывозимаго товара. Англійскимъ производителямъ не надобно пугаться той мысли, что какая нибудь другая страна можетъ въ данное время продать на иностранныхъ рынкахъ сукно нѣсколько дешевле, чѣмъ могутъ продать они при существующемъ положеніи англійскихъ цѣнъ. Положимъ, что на время рынки будутъ у нихъ отбиты и вывозъ у нихъ уменьшится; ввозъ въ такомъ случаѣ станетъ больше вывоза; измѣнится распредѣленіе золота и серебра, цѣны упадутъ; и при уменьшеніи всѣхъ издержекъ англійскихъ производителей по денежному счету англійскіе купцы получатъ возможность снова вступить въ соперничество (если дѣло не доведено до крайности, о которой говорилось въ предъидущемъ параграфѣ). Убытокъ, которому подвергнется Англія, упадетъ не на людей, продающихъ сукно за границу, а на людей, потребляющихъ ввозимые товары; эти люди, при уменьшеніи денежной величины доходовъ, должны будутъ платить прежнюю или большую прежней цѣну за товары, привозимые изъ-за-границы.

2. Такова по моему понятію истинная или раціональная теорія соперничества на рынкахъ. Противъ нея могутъ замѣтить, что она не обращаетъ никакого вниманія на тѣ вещи, о которыхъ мы безпрестанно слышимъ, какъ о причинахъ подрыва рынка для извѣстной страны.

По нашей теоріи нельзя подорвать рынка для товара извѣстной страны, если борющаяся съ нею страна не имѣетъ сильнѣйшаго побужденія посвящать свой трудъ и капиталъ на производство этого товара; а побужденіе здѣсь происходитъ отъ того, что отъ этого сберегается больше труда и капитала, выигрышъ отъ чего дѣлится между нею и покупающею страною,— значительнѣе увеличивается общая сумма продуктовъ всего торговаго міра. Потому подрывъ рынка для извѣстной страны, будучи убыткомъ для нея, составляетъ выигрышъ для человѣчества въ общей суммѣ: торговля, замѣнившая собою прежнюю торговлю, сберегаетъ человѣчеству больше труда и капитала и значительнѣе увеличиваетъ общую сумму человѣческаго богатства, чѣмъ прежняя торговля, ею уничтоженная. Выигрышъ тутъ состоитъ конечно въ возможности производить товаръ лучшаго качества, или меньшимъ количествомъ труда (сравнительно съ другими товарами) или если не меньшимъ количествомъ труда, то быстрѣе, съ затратою капитала на меньшее время. Причиною того бываютъ или естествен-

ныя преимущества почвы, климата, изобилія рудниковъ и т. под.; преимущества работниковъ по природнымъ или пріобрѣтеннымъ способностямъ; лучшее раздѣленіе труда; превосходство орудій или машинъ. Но нѣтъ въ нашей теоріи мѣста подрыву рынка отъ меньшей величины рабочей платы; а въ господствующихъ теоріяхъ любимое объясненіе подрыва низкость рабочей платы. Мы постоянно слышимъ, что англійскій производитель страдаетъ и на заграничныхъ рынкахъ и даже на внутреннемъ отъ того, что заграничные соперники его платятъ работнику меньше, чѣмъ онъ. Намъ говорятъ, что по низкости рабочей платы заграницею они имѣютъ или ежеминутно могутъ получить возможность продать дешевле англійскаго фабриканта и тѣмъ вытѣснить его со всѣхъ рынковъ, на которыхъ не пользуется онъ искусственнымъ покровительствомъ.

Прежде чѣмъ разбирать это мнѣніе на основаніи принципа, не безполезно будетъ посмотрѣть на него какъ на фактическій вопросъ. Правда ли то, что рабочая плата фабричнаго труда заграницею дешевле, чѣмъ въ Англіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ низкость ея служитъ къ выгодѣ капиталиста? Гентскій или ліонскій работникъ, быть можетъ, получаетъ меньше платы въ день, но не меньше ли и сработаетъ онъ въ день? По разсчету успѣшности труда меньше ли стоитъ его трудъ хозяину? Рабочая плата на континентѣ, быть можетъ, ниже англійской, но найдется ли большая разница въ стоимости труда, которая собственно и важна въ соперничествѣ? Въ ней разницы нѣтъ по словамъ компетентныхъ судей, мнѣніе которыхъ подтверждается незначительностью разницы въ процентѣ прибыли въ Англіи и на континентѣ. Но если бы и была разница въ стоимости труда, все-таки нелѣпо думать, будто англійскіе производители могутъ быть подорваны своими континентальными соперниками по причинѣ этой разницы. Только относительно Америки можетъ хотя на первый взглядъ показаться справедливымъ это предложеніе. Въ Америкѣ рабочая плата гораздо выше чѣмъ въ Англіи, если подъ рабочею платою понимать сумму, получаемую за рабочій день; но производительная сила американскаго труда такъ велика, по своей успѣшности и по благопріятности своей обстановки онъ даетъ покупщику такую цѣнность, что стоимость труда въ Америкѣ ниже, чѣмъ въ Англіи, какъ видимъ изъ того факта, что общая величина прибыли и процентовъ тамъ гораздо выше.

3. Но правда ли то, что низкость рабочей платы, даже въ смыслѣ низкой стоимости труда, даетъ странѣ возможность удеше-

влять свой товаръ на заграничномъ рынкѣ. Разумѣется я говорю объ общей низкости рабочей платы въ цѣлой промышленной дѣятельности страны.

Если въ какой нибудь отдѣльной отрасли промышленности, отправляющей товаръ за границу, рабочая плата искуственнымъ образомъ или по какой нибудь случайной причинѣ держится ниже общаго уровня рабочей платы въ этой странѣ, это дѣйствительно даетъ выгоду на заграничномъ рынкѣ. Отъ этого уменьшается сравнительная стоимость производства этого товара передъ другими товарами; и результатъ здѣсь тотъ же самый, какъ если бы производство этого товара требовало меньше труда. Возьмемъ напримѣръ Соединенные Штаты по отношенію къ нѣкоторымъ товарамъ. Табакъ и хлопчатая бумага, главные вывозные товары Сѣверной Америки, производятся тамъ невольническимъ трудомъ, а хлѣбъ и фабричные товары вообще производятся свободными работниками работающими на свой счетъ или получающими плату. Невольничій трудъ менѣе успѣшенъ, чѣмъ свободный; но все-таки нѣтъ причинъ сомнѣваться, что въ странѣ, гдѣ рабочая плата такъ высока, работа, исполняемая невольниками, обходится капиталисту дешевле. Эта меньшая стоимость труда, будучи не общимъ правиломъ всей промышленности, а ограничиваясь лишь извѣстными отраслями ея, на полную свою пропорцію удешевляетъ и для внутренняго и для заграничнаго рынка производимые этими промышленностями товары, какъ будто они производятся меньшимъ количествомъ труда. Если бы невольники въ южныхъ штатахъ были освобождены и рабочая плата имъ поднялась до общаго уровня платы за свободный трудъ въ Америкѣ, страна эта, быть можетъ, была бы принуждена вычеркнуть изъ каталога вывозимыхъ ею товаровъ нѣкоторые товары, производимые невольничьимъ трудомъ, и навѣрное не могла бы продавать ни одного изъ нихъ на заграничномъ рынкѣ по нынѣшней цѣнѣ. Дешевизна ихъ, — отчасти искусственая; ее можно сравнить съ дешевизною, происходящею отъ преміи за производство или за вывозъ; или по характеру средства, которымъ достигается она, вѣрнѣе можно бы сравнить съ дешевизною украденныхъ товаровъ.

Таковъ же экономическій (хотя вовсе не таковъ нравственный) характеръ преимущества домашнихъ издѣлій, работъ, производимыхъ въ досужіе часы семействъ, занятыхъ отчасти другими дѣлами: существованіе работниковъ не зависитъ отъ продукта этихъ издѣлій и потому они могутъ продавать его по какой угодно низ-

кой цѣнѣ, лишь бы казалась она имъ стоющею хлопотъ производства. Въ описаніи цюрихскаго кантона, на которое уже случалось мнѣ ссылаться по другому поводу (Historisch—geographisch—statistiches Gemälde der Schweiz. Erstes Heft, 1834. стр. 105) говорится: «Цюрихскій работникъ нынѣ на фабрикѣ, завтра опять на пашнѣ, и постоянно измѣняетъ свои занятія, по временамъ года фабричная промышленность и земледѣліе идутъ у него рука объ руку въ неразрывномъ союзѣ, и въ этомъ соединеніи двухъ занятій находится разгадка тому, что простой и необученный швейцарскій фабричный работникъ можетъ увеличивать свое благосостояніе, выдерживая соперничество съ обширными фабриками имѣющими огромныя экономическія, и что еще важнѣе, умственныя средства. Даже въ тѣхъ частяхъ кантона, гдѣ наиболѣе распространены фабрики, лишь одна часть семействъ занимается однимъ фабричнымъ дѣломъ; $^4/_7$ части соединяютъ это занятіе съ земледѣліемъ. Главная выгода этой домашней или семейной фабрикаціи состоитъ въ томъ, что она совмѣстна со всѣми другими занятіями, или лучше сказать, можетъ отчасти считаться лишь добавочнымъ занятіемъ. Зимою въ домахъ мастеровыхъ все семейство занято ею; но лишь приходитъ весна, люди, которымъ надобно заниматься ранними полевыми работами, покидаютъ это комнатное дѣло; многіе станки останавливаются; по мѣрѣ того, какъ увеличивается полевая работа одинъ членъ семьи уходитъ на нее за другимъ, и наконецъ осенью, въ такъ называемую «большую рабочую пору», всѣ руки заняты земледѣльческими орудіями; но въ дурную погоду и во всѣ праздные часы возобновляется работа въ домѣ, а когда возвращается холодное время, люди такимъ же постепеннымъ порядкомъ возвращаются къ своему домашнему занятію и наконецъ принимаются за него всѣ».

Сравнительная стоимость производства, по которой устанавливается обмѣнъ между странами, въ этихъ домашнихъ издѣліяхъ гораздо ниже, чѣмъ приходилось бы по пропорціи употребляемаго на нихъ труда. Работники, ожидая отъ выручки за нихъ лишь части и, быть можетъ, незначительной части своего содержанія, могутъ поставлять работу тутъ за вознагражденіе столь низкое, что подобная постоянная рабочая плата не можетъ существовать въ занятіяхъ, которыми работникъ долженъ вполнѣ содержать свое семейство. Они работаютъ не на хозяина, а на самихъ себя, потому можно сказать, что издѣліе имѣетъ для нихъ лишь ту незначительную стоимость, какую составляютъ расходы на станокъ и

на матеріалъ; и граница дешевизны тутъ не необходимость жить своимъ ремесломъ, а необходимость заработывать имъ столько, чтобы не было для нихъ непріятнымъ такое занятіе свободныхъ часовъ.

4. Невольническій трудъ и домашнія издѣлія служатъ примѣрами тѣхъ условій, при которыхъ низкая рабочая плата даетъ странѣ возможность продавать свои товары на заграничныхъ рынкахъ дешевле другихъ странъ, и слѣдовательно подрывать своихъ соперниковъ, устраняя отъ себя опасность подрыва. Но не доставляетъ такого преимущества та низкость рабочей платы, которая обща для всѣхъ отраслей промышленности. Общая низкость рабочей платы никогда не доставляла странѣ возможности подрывать своихъ соперниковъ, а общая высокость рабочей платы никогда не мѣшала странѣ подрывать другія страны.

Чтобы доказать это, возвратимся къ тому элементарному принципу, который былъ изложенъ нами выше. (Кн. III. Гл. IV). Общая низкость рабочей платы не понижаетъ цѣнъ въ самой странѣ. Общая высокость ея не поднимаетъ ихъ. Общій уровень цѣнъ не возвышается отъ возвышенія рабочей платы, какъ не возвышался бы отъ увеличенія количества требуемаго труда во всѣхъ отрасляхъ производства. Расходы, равно касающіеся всѣхъ товаровъ, не имѣютъ вліянія на цѣны. Если фабрикантъ сукна или желѣзныхъ издѣлій станетъ платить работникамъ больше, а всѣ остальные производители будутъ давать прежнюю плату, цѣна его товара поднимается, все равно какъ будто пришлось ему употреблять труда больше прежняго; иначе онъ сталъ бы получать меньше прибыли, чѣмъ другіе производители, и никто не сталъ бы заниматься этимъ дѣломъ. Но если каждому пришлось платить больше прежняго или употреблять труда больше прежняго, отъ этой потери никому нельзя будетъ избавиться: она равно касается всѣхъ, потому никому нельзя надѣяться уйти отъ нея перемѣной занятія; итакъ каждый подчиняется уменьшенію прибыли и цѣны остаются прежнія. Точно такъ же общее пониженіе платы или общее увеличеніе производительности труда не понижаетъ цѣнъ, а только возвышаетъ прибыль. Отчего производитель станетъ понижать цѣну при уменьшеніи рабочей платы (понимая здѣсь подъ рабочею платою стоимость труда)? Могутъ сказать: онъ будетъ принужденъ къ этому соперничествомъ другихъ капиталистовъ, которые устремятся къ его занятію. Но другіе капиталисты такъ же стали платить работникамъ меньше, и соперничество съ нимъ не дало бы

имъ никакой новой выгоды. Пропорція платы труду, подобно количеству употребляемаго труда, имѣетъ вліяніе на цѣнность и цѣну товара лишь тогда, когда касается исключительно этого товара, а не относится ко всѣмъ вообще товарамъ.

Если же отъ пониженія рабочей платы не понижаются цѣны внутри страны, то не понижается отъ него и цѣна, по какой предлагаются товары страны на загранничныхъ рынкахъ. Безспорно то, что если стоимость труда въ Америкѣ ниже, чѣмъ въ Англіи, то Америка могла бы продавать свой коленкоръ въ Кубѣ дешевле англійскаго и все еще получать такую же прибыль, какъ Англія. Но американскій фабрикантъ будетъ сравнивать свою прибыль не съ прибылью англійскаго фибриканта, а съ прибылью другихъ американскихъ капиталистовъ. Они подобно ему пользуются выгодою низкой стоимости труда и отъ этого также имѣютъ высокую прибыль. Хлопчатобумажный фабрикантъ такъ же долженъ имѣть эту высокую прибыль,—онъ не удовольствуется англійскою прибылью. Правда, нѣсколько времени онъ можетъ оставаться при этой низкой прибыли, чтобы не перемѣнять своего занятія и торговля можетъ иногда довольно много времени быть продолжаема съ прибылью меньше той, какая была нужна, чтобы началась она. Страны, въ которыхъ стоимость труда низка, а прибыль высока, не подрываютъ другихъ, но упорнѣе противятся подрыву со стороны другихъ, потому что производители тутъ часто могутъ терпѣть уменьшеніе прибыли, сохраняя возможность жить своимъ занятіемъ и даже богатѣть отъ него. Но только эту выгоду и получаютъ они отъ своего преимущества; да и сопротивляться не станутъ они долго, когда очевидно станетъ, что нельзя надѣяться имъ перемѣны обстоятельствъ, которая бы уравняла ихъ прибыль съ прибылью остальныхъ капиталистовъ той страны.

5. Надобно сказать нѣсколько словъ объ особенномъ разрядѣ торгующихъ и вывозящихъ товары обществъ. Есть такія общества, которыя трудно назвать странами, ведущими обмѣнъ товаровъ съ другими странами, а вѣрнѣе надобно считать земледѣльческими или торговыми учрежденіями, принадлежащими болѣе обширному обществу. Напримѣръ нашихъ вестъ-индскихъ колоній нельзя считать отдѣльными странами, имѣющими свой собственный производительный капиталъ. Еслибы Манчестеръ (продолжая имѣть ту же промышленность, какъ теперь) лежалъ не на своемъ нынѣшнемъ мѣстѣ, а на какой нибудь скалѣ въ Нѣмецкомъ морѣ, онъ все таки былъ бы лишь англійскимъ городомъ, а не особенною стра-

ною, торгующею съ Англіею, — былъ бы лишь мѣстомъ, въ которомъ кажется удобно для Англіи вести свою хлопчато-бумажную фабрикацію. Точно такъ же вестъ-индскія колоніи — мѣсто, въ которомъ Англія находитъ удобнымъ вести производство сахара, кофе и нѣкоторыхъ другихъ тропическихъ товаровъ. Весь употребляемый тамъ капиталъ — англійскій капиталъ; почти вся промышленность ведется для англійскихъ надобностей; производятся тамъ почти только вывозные товары и посылаются они въ Англію, — не затѣмъ чтобы обмѣниваться на вещи, которыя были бы отвезены назадъ въ Вестъ-Индію и были бы потреблены ея жителями, а на то, чтобы продаваться въ Англіи въ пользу англійскихъ собственниковъ. Потому торговлю съ Вестъ-Индіею едва ли можно считать внѣшнею торговлею; она скорѣе походитъ на торговлю между городомъ и селомъ и подводится подъ принципы внутренней торговли. Величина прибыли въ Вестъ-Индіи опредѣляется англійскою прибылью; ожиданіе прибыли должно тамъ равняться существующему въ Англіи съ прибавкою вознагражденія за неудобства, соединенныя съ отдаленностью и большею рискованностью занятія; съ прибавкою вознагражденія за эти невыгоды, цѣнность и цѣна вестъ-индскихъ продуктовъ на англійскомъ рынкѣ должна опредѣляться (или, лучше сказать, должна была прежде опредѣляться) подобно цѣнности англійскихъ товаровъ, стоимостью производства. Въ послѣднія лѣтъ 10 или 12 принципъ этотъ нарушался: сначала цѣна держалась выше стоимости производства, по недостаточности снабженія, котораго нельзя было увеличить по недостатку труда; а потомъ допущеніемъ иностраннаго соперничества введенъ другой элементъ и рынокъ для Вестъ-Индіи подорванъ не столько потому, что рабочая плата въ ней выше, чѣмъ на Кубѣ и въ Бразиліи, сколько потому, что выше она въ ней, чѣмъ въ Англіи: еслибы рабочая плата на Ямайкѣ была не выше англійской, Ямайка могла бы продавать свой сахаръ по кубанскимъ цѣнамъ и всетаки получать прибыль, равную если не кубанской, то англійской.

Можно упомянуть и о другомъ классѣ мелкихъ, но въ этомъ отношеніи почти всегда независимыхъ обществъ, которыя поддерживаются и обогащаются, не имѣя никакихъ своихъ продуктовъ (кромѣ кораблей и принадлежностей мореходства), однимъ веденіемъ торговли и тѣмъ, что служатъ складочными мѣстами, покупаютъ продукты одной страны на продажу ихъ съ прибылью другой странѣ. Таковы были Венеція и Ганзейскіе города. Роль такихъ обществъ очень проста. Они съ своимъ капиталомъ стано-

вятся орудіями не производства, а совершенія обмѣновъ между продуктами другихъ странъ. Обмѣны эти сопровождаются выгодою для странъ, обмѣнивающихся продуктами, выручка за производство увеличивается отъ этого, часть увеличенія идетъ на вознагражденіе агентовъ обмѣна за издержки провоза, а другая часть въ вознагражденіе имъ за затрату капитала и за торговое искусство. Сами страны, обмѣнивавшіяся продуктами, не имѣли свободнаго капитала для такой операціи. Когда венеціанцы стали агентами общей торговли южной Европы, они почти не имѣли соперниковъ. Безъ нихъ это дѣло осталось бы вовсе не дѣлано и для ихъ прибыли не было въ сущности никакого предѣла, кромѣ того, сколько согласится дать невѣжественное феодальное дворянство за невѣдомые предметы роскоши, въ первый разъ предлагавшіеся тогда его глазамъ. Позднѣе явились венеціанцамъ соперники, и прибыль отъ этой операціи, подобно другимъ прибылямъ, подчинилась естественнымъ законамъ. Торговое посредничество перешло къ Голландіи, странѣ, имѣвшей собственные продукты и много накопленнаго капитала. Тутъ начали сберегать капиталъ и другія націи и стали способны сами вести свою заграничную торговлю. Но Голландія, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, имѣла у себя болѣе низкій процентъ прибыли; потому могла перевозить для другихъ націй товары съ меньшею надбавкою къ первоначальнымъ цѣнамъ, чѣмъ какой потребовали бы капиталисты самихъ этихъ странъ; такимъ образомъ Голландія овладѣла почти всею транспортною торговлею всѣхъ тѣхъ странъ, которыя не удержали ея за собою навигаціонными законами, подобно англійскимъ, составленными нарочно съ этой цѣлью.

ГЛАВА XXVI.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ОБМѢНА.

1. Мы вполнѣ изложили теперь, съ подробностями, допускаемыми нашею цѣлью и объемомъ трактата, механизмъ, посредствомъ котораго продуктъ страны раздѣляется между разными классами общества; механизмъ этотъ ни больше ни меньше какъ механизмъ обмѣна, факторами дѣйствій котораго служатъ законы цѣнности и цѣны. Воспользуемся же пріобрѣтеннымъ знаніемъ, чтобы обернуться и обозрѣть всю теорію распредѣленія. Раздѣлъ продукта между классами работниковъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ являлся подчиненнымъ силѣ извѣстныхъ общихъ законовъ, когда

*

мы разсматривали его безъ всякаго отношенія къ обмѣну. Теперь намъ слѣдуетъ сообразить, продолжаютъ ли дѣйствовать тѣ же самые законы, когда распредѣленіе совершается посредствомъ многосложнаго механизма обмѣна денегъ; или основные принципы видоизмѣняются вліяніемъ особенныхъ свойствъ этого механизма.

Мы видѣли, что кореннымъ образомъ продуктъ человѣческой энергіи и умѣренности раздѣляется на три доли: рабочую плату, прибыль и ренту; и что эти части выдѣляются получающимъ ихъ лицамъ въ видѣ денегъ процессомъ обмѣна; точнѣе сказать, капиталистъ, у котораго по обыкновенному общественному устройству остается продуктъ, выплачиваетъ деньгами двумъ другимъ участникамъ рыночную цѣнность ихъ труда и земли. Разсматривая условія, которыми опредѣляется денежная цѣнность труда и пользованія землею, мы найдемъ, что эти цѣнности опредѣляются тѣми же самыми законами, которыми опредѣлялась бы рабочая плата и рента въ обществѣ, въ которомъ не было бы ни денегъ, ни обмѣна товаровъ.

Вопервыхъ очевидно, что законъ рабочей платы остается одинаковъ при существованіи или несуществованіи денегъ. Рабочая плата опредѣляется пропорціею населенія къ капиталу; опредѣлялась бы ею во всякомъ случаѣ, хотя бы весь капиталъ на земномъ шарѣ былъ собственностью одной ассоціаціи, или хотя бы каждый изъ капиталистовъ, между которыми онъ раздѣленъ, содержалъ заведеніе для производства всѣхъ товаровъ, потребляемыхъ обществомъ и обмѣна товаровъ не существовало бы. А пропорція между населеніемъ и капиталомъ повсюду (кромѣ новыхъ колоній) зависитъ отъ силы задержекъ, которыми останавливается слишкомъ быстрое размноженіе людей; потому для простоты можно сказать, что рабочая плата опредѣляется силою задержекъ размноженія; что если задержкою ему не служитъ смерть отъ голода или изнуренія, то рабочая плата опредѣляется благоразуміемъ рабочаго класса; и что она бываетъ въ извѣстной странѣ очень низка, если работники ея соглашаются на упадокъ своего положенія, не соглашаясь сдерживать своего размноженія.

Но подъ рабочею платою понимается здѣсь реальный размѣръ благосостоянія работниковъ, количество получаемыхъ ими вещей, необходимыхъ или пріятныхъ имъ по природѣ или привычкѣ, рабочая плата въ томъ смыслѣ, въ какомъ размѣръ ея важенъ для получающаго. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ размѣръ ея важенъ для платящаго, она опредѣляется не исключительно одними этими простыми

принципами. Рабочая плата, въ первомъ смыслѣ, плата величиною которой опредѣляется благосостояніе работника, будетъ у насъ называться реальная рабочая плата или рабочая плата натурою. Рабочую плату во второмъ смыслѣ можно въ настоящемъ случаѣ называть намъ денежною рабочею платою; при этомъ будемъ мы принимать (какъ имѣемъ право принимать здѣсь), что деньги въ данное время остаются неизмѣнны и что не происходитъ измѣненій въ условіяхъ, подъ которыми добывается или получается самое орудіе обмѣна. Если стоимость самихъ денегъ не подвергается измѣненію, то денежная цѣна труда служитъ точною мѣрою стоимости труда и удобно можетъ служить символомъ для ея обозначенія.

Денежная рабочая плата — сложный результатъ двухъ элементовъ: первый изъ нихъ—реальная рабочая плата или плата натурою, иначе сказать, количество обыкновенныхъ предметовъ потребленія, получаемое работникомъ; второй элементъ—денежныя цѣны этихъ предметовъ. Во всѣхъ старыхъ странахъ, — во всѣхъ странахъ, гдѣ размноженіе населенія болѣе или менѣе задерживается трудностью добывать пропитаніе, — обыкновенная денежная цѣна труда ровно та, при какой работники въ общей сложности только что могутъ покупать товары, безъ которыхъ не могли бы или не захотѣли бы поддерживать свое размноженіе въ привычномъ процентѣ. При данной нормѣ ихъ благосостоянія (а подъ нормою благосостоянія рабочаго класса разумѣется та степень благосостоянія, отказаться отъ которой имъ труднѣе, чѣмъ удерживаться отъ размноженія) размѣръ денежной рабочей платы опредѣляется денежною цѣною, а слѣдовательно стоимостью производства товаровъ, обыкновенно потребляемыхъ работниками; иначе, если рабочая плата не доставляетъ имъ даннаго количества этихъ товаровъ, ихъ размноженіе ослабѣетъ и рабочая плата поднимется. Пища и другіе земледѣльческіе продукты составляютъ такую преобладающую статью въ этой суммѣ, что мало вліянія остается другимъ предметамъ.

Вотъ здѣсь мы можемъ призвать на помощь себѣ принципы, изложенные въ этой третьей части нашего трактата. Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы анализировали стоимость производства пищи и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Она опредѣляется производительностью наименѣе плодородной земли или дающей наименьшую выручку части употребленнаго капитала, изъ той земли или того капитала, какіе нужны обществу для земледѣльческихъ надобностей. Стоимостью производства пищи, воздѣланной

въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ опредѣляется, какъ мы видѣли, мѣновая цѣнность и денежная цѣна всей произведенной пищи. Потому, при данномъ состояніи привычекъ работника, денежная плата ему опредѣляется производительностью наименѣе плодородной земли или наименѣе производительной части земледѣльческаго капитала, тою степенью, до какой спустилось хлѣбопашество въ своемъ понижающемъ ходѣ, въ своемъ захватываніи плохихъ земель и въ своемъ обременяющемъ тяготѣніи надъ силами болѣе плодородныхъ земель. А мы знаемъ, что сила, влекущая хлѣбопашество въ этомъ понижающемся ходѣ — размноженіе, противодѣйствующей силой которому служитъ улучшеніе земледѣльческой науки и практики, задерживающее этотъ спускъ тѣмъ, что даетъ извѣстной почвѣ силу съ прежнимъ количествомъ труда доставлять выручку бо́льшую прежней. Стоимость той части продукта, воздѣлываніе которой самое дорогое, служитъ точнымъ выраженіемъ того, въ какомъ положеніи находится въ данное время борьба, постоянно происходящая между силою размноженія и силою земледѣльческаго искусства.

2. Докторъ Чомерсъ очень вѣрно замѣчаетъ, что многія важнѣйшія истины политической экономіи раскрываются на послѣднемъ предѣлѣ воздѣлыванія, на той границѣ, которой достигло хлѣбопашество въ своей борьбѣ съ самодѣйствующими силами природы. Степень производительности этого предѣла служитъ показателемъ того положенія, въ какомъ находится въ данное время распредѣленіе продукта между дѣлящими его тремя классами, — земледѣльцами, капиталистами и землевладѣльцами.

Когда запросъ возрастающаго населенія на увеличеніе количества хлѣба не можетъ быть удовлетворенъ безъ расширенія хлѣбопашества на менѣе плодородныя земли или безъ прибавки менѣе производительныхъ затратъ на землю, уже воздѣлываемую, необходимымъ условіемъ этого увеличенія земледѣльческаго продукта служитъ, чтобы предварительно поднялась цѣнность и цѣна этого продукта. Но какъ скоро цѣна поднялась на столько, чтобы приходилась обыкновенная прибыль на прибавочную затрату капитала, цѣна и цѣнность уже не станутъ подниматься выше, чтобы отъ новой земли или отъ новаго расхода на старую землю получалась сверхъ прибыли еще рента. Послѣдняя потребованная въ дѣло часть земли или капитала, занимающая, по выраженію Чомерса, границу хлѣбопашества, не даетъ и не дастъ ренты. Если же она не даетъ ренты, то рента, доставляемая всѣми другими частями

земли или земледѣльческаго капитала, будетъ въ точности равняться излишку производимаго ими продукта надъ продуктомъ этой послѣдней части. Средняя цѣна хлѣба всегда будетъ такова, чтобы худшая земля и наименѣе производительная часть капитала, употребленнаго на лучшую землю, ровно давали выручку расхода съ обыкновенною прибылью. Если эта часть земли или капитала даетъ такую выручку, то всѣ другія части земли и капитала будутъ давать излишекъ прибыли, равный выручкѣ съ получаемаго отъ большей ихъ производительности излишка продукта, и дѣйствіемъ соперничества этотъ излишекъ прибыли перейдетъ къ землевладѣльцамъ. Итакъ существованіемъ обмѣна и денегъ ни мало не измѣняется законъ ренты: онъ остается тотъ самый, какой нашли мы первоначально. Рента — излишекъ выручки на земледѣльческій капиталъ, употребляемый съ особенною выгодою; она въ точности равноцѣнна сбереженію въ стоимости производства, получаемому производителями отъ этихъ выгодъ и происходитъ оттого, что цѣнность и цѣна продукта устанавливаются стоимостью производства тѣхъ производителей, которые не имѣютъ никакихъ особенныхъ выгодъ, выручкою съ той части земледѣльческаго капитала, которая находится въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

3. Если же рабочая плата и рента, будучи выплачиваемы деньгами, подчиняются тѣмъ же принципамъ, какими онѣ опредѣлялись бы, будучи выдѣляемы продуктомъ въ натурѣ, то ясно, что таково же и положеніе прибыли; потому что прибыль составляетъ излишекъ, остающійся за покрытіемъ рабочей платы и уплатою ренты.

Въ послѣдней главѣ 2 книги мы нашли, что затраты капиталиста, анализируемыя до послѣднихъ элементовъ, оказываются состоящими изъ покупки или содержанія труда и изъ прибылей предшествующихъ капиталистовъ и что поэтому въ послѣднемъ выводѣ прибыль опредѣляется стоимостью труда, падая при ея возвышеніи и возвышаясь при ея пониженіи. Попробуемъ теперь подробнѣе обозначить ходъ дѣйствій этого закона.

Стоимость труда, вѣрно выражаемая (при предположеніи неизмѣнности денегъ) денежною платою работнику, можетъ увеличиваться двумя способами. Работникъ можетъ получать большее благосостояніе, т. е. можетъ возрастать плата натурою, реальная рабочая плата, или размноженіе можетъ спускать хлѣбопашество на низшія земли и къ болѣе дорогимъ процессамъ, возвышая такимъ образомъ стоимость производства, цѣность и цѣну главныхъ

предметовъ работническаго потребленія. При той и при другой гипотезѣ величина прибыли падаетъ.

Если работникъ получаетъ товаровъ больше прежняго лишь потому, что они удешевились; если при увеличеніи получаемаго имъ количества не увеличилась сумма стоимости этого количества товаровъ, то увеличится реальная, но не увеличится денежная рабочая плата, и величинѣ прибыли не отъ чего будетъ измѣняться. Но если онъ получаетъ товаровъ больше прежняго, а стоимость производства этихъ товаровъ не уменьшилась, онъ получаетъ большую сумму стоимости, и денежная плата ему увеличится. Расходъ отъ этого увеличенія денежной рабочей платы весь падаетъ на капиталиста. Нѣтъ возможности вообразить, какъ бы капиталисту уйти отъ этого. Могутъ сказать,—да и говорили прежде,—что онъ избавится отъ убытка, поднявъ цѣну продукта. Но это мнѣніе мы уже опровергли вполнѣ и даже не разъ (кн. III. Гл. IV, § 2; гл. XXV, § 4).

Въ самомъ дѣлѣ мысль, будто бы отъ возвышенія рабочей платы происходитъ равномѣрное возвышеніе цѣнъ, противорѣчитъ сама себѣ, какъ мы уже замѣчали: при возвышеніи цѣнъ не было бы возвышенія рабочей платы; работникъ не получалъ бы никакого товара больше прежняго, какъ бы ни возвышалась денежная плата ему; возвышеніе реальной рабочей платы было бы невозможностью. Это противорѣчитъ и теоріи и факту; потому очевидно, что возвышеніе рабочей платы не возвышаетъ цѣнъ. Общее возвышеніе рабочей платы падаетъ на прибыль; другой алтернативы тутъ нѣтъ.

Разсмотрѣвъ случай, когда денежная рабочая плата и стоимость труда возвышается оттого, что увеличивается получаемая работникомъ плата натурою, предположимъ теперь, что денежная рабочая плата и стоимость труда увеличивается отъ увеличенія стоимости производства предметовъ, потребляемыхъ работникомъ, т. е. отъ размноженія, не сопровождаемаго равносильнымъ увеличеніемъ земледѣльческаго искусства. Прибавка къ снабженію, требуемая размножившимся населеніемъ, получится лишь при такомъ возвышеніи цѣны хлѣба, которымъ вознаграждается фермеръ за увеличеніе стоимости производства. Но фермеръ въ этомъ случаѣ подвергается двойному убытку. Онъ долженъ вести хлѣбопашество при условіяхъ производительности менѣе прежняго благопріятныхъ. Этотъ убытокъ относится лишь къ нему, какъ къ фермеру и не раздѣляется съ нимъ другими хозяевами; слѣдовательно, по общимъ принципамъ цѣнности, фермеръ будетъ вознагражденъ за него воз-

вышеніемъ цѣны своего товара; да онъ и не представитъ на рынокъ требуемой прибавки къ продукту, пока не возвысится цѣна. Но это самое возвышеніе цѣны вовлекаетъ его въ другую необходимость, за которую онъ не вознаграждается. Онъ долженъ давать своимъ работникамъ денежную плату больше прежней. Эту необходимость раздѣляютъ съ нимъ всѣ другіе капиталисты, потому она не даетъ основанія къ возвышенію цѣны. Цѣна будетъ подниматься до той степени, чтобы онъ сталъ относительно прибыли въ положеніе, равное съ другими капиталистами, чтобы онъ былъ вознагражденъ за ту прибавку къ употребляемому имъ труду, какая нужна для производства даннаго количества хлѣба; но увеличеніе платы за трудъ,—обремененіе, общее всѣмъ капиталистамъ, и никто изъ нихъ не можетъ быть вознагражденъ за него. Оно все будетъ выплачиваться изъ прибыли.

Итакъ мы видимъ, что когда увеличеніе рабочей платы бываетъ общимъ для всѣхъ производительныхъ работниковъ и дѣйствительно выражаетъ собою увеличеніе стоимости труда, то оно всегда и необходимо бываетъ на счетъ прибыли. Сдѣлавъ гипотезу съ обратными условіями, мы точно также найдемъ, что когда уменьшеніе рабочей платы представляетъ собою реальное уменьшеніе стоимости производства, оно равнозначительно возвышенію прибыли. Но являющаяся тутъ противоположность денежныхъ выгодъ между классомъ капиталистовъ и классомъ работниковъ остается въ значительной мѣрѣ лишь видимой противоположностью. Размѣръ реальной рабочей платы — вещь, совершенно иная, чѣмъ размѣръ стоимости труда и вообще реальная рабочая плата бываетъ особенно высока въ тѣхъ странахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и когда по легкости условій, на которыхъ земля еще даетъ весь требуемый отъ нея продуктъ, цѣнность и цѣна пищи низка, а потому, не смотря на значительность вознагражденія за трудъ, стоимость труда для хозяина очень дешева и потому прибыль высока; примѣръ тому нынѣ—Соединенные Штаты.

Итакъ мы получаемъ полное подтвержденіе первоначальной нашей теоремы, что величина прибыли опредѣляется стоимостью труда или, выражая еще точнѣе ту же мысль, величина прибыли и стоимость труда измѣняются обратно пропорціонально другъ другу и составляютъ совокупный результатъ дѣйствія однихъ и тѣхъ же силъ или причинъ.

Но не надобно ли нѣсколько видоизмѣнить эту теорему, не измѣняется ли она принятіемъ въ разсчетъ той (хотя сравнительно

и незначительной) части издержекъ капиталиста, которая состоитъ не изъ рабочей платы, выданной имъ самимъ или предшествовавшими капиталистами, вознаграждаемыми отъ него, а изъ прибыли этихъ предшествующихъ капиталистовъ? Предположимъ напримѣръ, что въ выдѣлкѣ кожи сдѣлано изобрѣтеніе, при которомъ стало не нужно оставлять кожу въ дубильномъ чану такъ долго, какъ нынѣ. Сапожники, шорники и другіе мастеровые, употребляющіе кожу, сберегутъ часть той доли стоимости своего матеріала, которая составляется прибылью дубильщика за то время, на какое затрачивается имъ капиталъ; могутъ сказать, что это сбереженіе можетъ служить для нихъ источникомъ увеличенія прибыли, хотя рабочая плата и стоимость труда нисколько не измѣнились. Нѣтъ, въ этомъ случаѣ всю выгоду получитъ только потребитель, потому что цѣны сапогъ, шорнаго товара и всѣхъ другихъ предметовъ, дѣлаемыхъ изъ кожи, упадутъ на столько, чтобы прибыль производителей спустилась до общаго уровня. Чтобы отстранить такое возраженіе, предположимъ, что произошло подобное сбереженіе издержекъ вдругъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Въ этомъ случаѣ цѣнности и цѣны не измѣнятся; потому прибыль вѣроятно возвысится; но внимательнѣе всмотрѣвшись въ дѣло, мы найдемъ, что причиною возвышенія прибыли тутъ служитъ пониженіе стоимости труда.. Прибыль возвысится тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ возвышенія общей производительности труда, если работникъ будетъ получать лишь прежнюю реальную плату; но сохраненіе прежней реальной платы равнозначительно тутъ уменьшенію стоимости труда, потому что по нашему предположенію уменьшилась стоимость производства всѣхъ предметовъ. Если же напротивъ, реальная рабочая плата возрастаетъ соразмѣрно улучшенію производства и стоимость труда для хозяина останется прежняя, то затраты капиталиста будутъ составлять прежнюю пропорцію къ его выручкѣ и величина прибыли останется прежняя. Читатель, желающій болѣе подробнаго разбора этого вопроса, найдетъ его въ сборникѣ моихъ статей, на который я уже указывалъ (Essay IV. On Profits and Interest). Дѣло это, при своей запутанности, не такъ важно, чтобы подробнѣе разбирать его въ общемъ трактатѣ; и я только скажу, что изъ соображеній, приведенныхъ въ моей статьѣ, оказывается, что нѣтъ въ этомъ дѣлѣ никакихъ обстоятельствъ, могущихъ измѣнять теорію, которая находитъ, что величина прибыли и стоимость труда бываютъ въ строгой точности обратно пропорціональны другъ другу.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ОБЩЕСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

КНИГА IV.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ОБЩЕСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

ОВЩІЯ ЧЕРТЫ ПРОГРЕССИВНАГО СОСТОЯНІЯ БОГАТСТВА.

1. Три предъидущія части заключаютъ обозрѣніе того, что по удачному обобщенію математическаго термина называется статикою политической экономіи. Въ подробности, какая допускается объемомъ нашего трактата, мы обозрѣли поле экономическихъ фактовъ и изслѣдовали, въ какой причинной связи находятся они другъ къ другу, какими условіями опредѣляется размѣръ производства, занятія труду, капитала и населенія; какіе законы управляютъ рентой, прибылью и рабочей платою; при какихъ отношеніяхъ и въ какихъ пропорціяхъ происходитъ обмѣнъ товаровъ между отдѣльными лицами и между странами. Такимъ образомъ получили мы понятіе о совокупности экономическихъ феноменовъ общества съ точки зрѣнія одновременности ихъ существованія. Мы узнали до нѣкоторой степени принципы ихъ взаимной зависимости и когда состояніе нѣкоторыхъ изъ числа этихъ элементовъ извѣстно, мы мо-

гли бы теперь дѣлать общія заключенія о современномъ томъ состояніи почти всѣхъ другихъ элементовъ. Но все это познакомило насъ съ экономическими законами только неподвижнаго и неизмѣняющагося общества. Между тѣмъ экономическое положеніе человѣчества можетъ измѣняться и (въ передовыхъ частяхъ нашего племени и во всѣхъ странахъ, куда достигаетъ вліяніе этихъ частей) оно постоянно подвергается прогрессивнымъ измѣненіямъ, — эту сторону предмета намъ еще остается разсмотрѣть. Мы должны изслѣдовать, въ чемъ состоятъ эти перемѣны, по какимъ законамъ происходятъ и къ чему ведутъ въ окончательномъ результатѣ; черезъ это къ нашей теоріи равновѣсія прибавится теорія движенія, къ статикѣ политической экономіи—динамика.

Это изысканіе натурально начать намъ обозначеніемъ дѣйствія извѣстныхъ и всѣми признанныхъ силъ. Каковы бы ни были другія перемѣны, которымъ должна подвергаться экономія общества, есть одна перемѣна, прогрессивное развитіе которой не можетъ подлежать никакому спору. Въ передовыхъ странахъ земнаго шара и во всѣхъ другихъ странахъ, на которыя расширяется вліяніе этихъ передовыхъ странъ существуетъ по крайней мѣрѣ одно такое прогрессивное движеніе, почти безъ перерыва продолжающееся изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе,—прогрессъ въ богатствѣ, успѣхи въ такъ называемомъ благосостояніи. Всѣ націи, которыя привыкли мы называть цивилизованными, постепенно растутъ производствомъ и населеніемъ; и нѣтъ причины сомнѣваться, что не только эти націи будутъ еще нѣкоторое время продолжать расти такимъ образомъ, но что поочередно вступятъ на туже дорогу почти всѣ другія націи земнаго шара, въ томъ числѣ и нѣкоторыя еще не сформировавшіяся теперь. Поэтому первымъ предметомъ нашего изслѣдованія будутъ сущность и послѣдствія этой прогрессивной перемѣны; мы разсмотримъ элементы, ее составляющіе и вліяніе, ею оказываемое на экономическіе факты, законы которыхъ мы изложили и въ особенности на рабочую плату, прибыль, ренту, цѣнности и цѣны.

2. Изъ принадлежностей, характеризирующихъ это экономическое движеніе цивилизованныхъ обществъ, прежде всего возбуждаетъ къ себѣ вниманіе, по своей тѣсной связи съ феноменами производства, постоянное и, насколько можетъ предусматривать человѣкъ, безграничное возрастаніе власти человѣка надъ природой. Нѣтъ признаковъ, которые показывали бы, что наши знанія о свойствахъ и законахъ физическихъ предметовъ приближаются къ

предѣламъ возможной полноты: они расширяются быстрѣе и много-стороннѣе, чѣмъ когда либо прежде, а за границами нынѣшняго знанія открываются намъ неизслѣдованыя поля, взглядами на которыя оправдывается мнѣніе, что наше знакомство съ природою находится почти еще во младенчествѣ. Эти возрастающія физическія знанія быстрѣе чѣмъ когда нибудь обращаются теперь практическимъ умомъ въ физическую силу. Чудеснѣйшее изъ новыхъ изобрѣтеній, не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ осуществляющее сказочныя дѣла волшебниковъ, электро-магнитный телеграфъ, — явилось не больше какъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ открыта была научная теорія, осуществленіемъ и примѣромъ которой оно служитъ. Наконецъ, исполнительная часть этихъ великихъ научныхъ операцій никогда не отстаетъ отъ научной: теперь не трудно найти или образовать въ обществѣ достаточное число работниковъ, имѣющихъ ловкость требуемую для исполненія самыхъ тонкихъ процессовъ примѣненія науки къ практическимъ цѣлямъ. Отъ этого соединенія условій невозможно не ожидать длиннаго ряда многочисленныхъ изобрѣтеній для сбереженія труда и увеличенія его продукта, и невозможно не ожидать, что эти изобрѣтенія будутъ все больше входить въ практику и приносить пользы.

Другое измѣненіе, которое всегда было и навѣрное всегда будетъ характеристическою чертою прогресса цивилизованнаго общества—постоянное возрастаніе безопасности лица и имущества. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, и въ самыхъ отсталыхъ и самыхъ передовыхъ, люди съ каждымъ поколѣніемъ все лучше и лучше ограждаются отъ взаимнаго насилія и хищничества тѣмъ, что судилища и полиція все успѣшнѣе дѣйствуютъ противъ преступленій частныхъ лицъ, а вредныя привиллегіи, дававшія извѣстнымъ классамъ общества возможность безнаказанно грабить остальное общество, все ветшаютъ и постепенно уничтожаются. Точно также, съ каждымъ поколѣніемъ люди все лучше ограждаются учрежденіями или нравами и общественнымъ мнѣніемъ противъ произвола правительственной власти. Налоги во всѣхъ европейскихъ странахъ становятся менѣе произвольными и притѣснительными и по своей сущности и по способу взиманія. Войны и производимое ими разрушеніе теперь почти во всѣхъ странахъ ограничиваются тѣми отдаленными границами владѣній, гдѣ цивилизація соприкасается съ дикарями. Благодаря постоянному развитію спасительнаго страхованія, даже послѣдствія невѣрностей

счастія, возникающихъ изъ неизбѣжныхъ естественныхъ бѣдствій, все болѣе и болѣе смягчаются для тѣхъ, на кого падаютъ.

Однимъ изъ самыхъ непремѣнныхъ послѣдствій этого возрастанія безопасности служитъ большее возрастаніе и производства и накопленія. Трудолюбія и бережливости не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ сильнѣйшей вѣроятности, что трудящимся и сберегающимъ никто не помѣшаетъ пользоваться плодами труда и бережливости; и чѣмъ ближе эта вѣроятность подходитъ къ несомнѣнности, тѣмъ больше становятся господствующими качествами въ народѣ трудолюбіе и бережливость. Опытъ показалъ, что опредѣленные налоги могутъ брать значительную пропорцію плодовъ труда и воздержности, не ослабляя, а иногда даже возбуждая качества, изъ которыхъ возникаетъ значительность производства и обиліе капитала. Но противъ большой не безопасности эти качества не могутъ устоять. Правительство можетъ брать часть, но необходима увѣренность, что оно не прикоснется и никому не позволитъ прикоснуться къ остальному.

Одну изъ перемѣнъ, необходимо сопровождающихъ прогрессъ новаго общества, составляетъ улучшеніе дѣловыхъ способностей въ массѣ людей. Я говорю не то, что практическая проницательность отдѣльнаго человѣка увеличивается. Я готовъ думать скорѣе, что до сихъ поръ экономическій прогрессъ имѣлъ противоположное дѣйствіе. Человѣкъ съ хорошими природными дарованіями въ грубомъ состояніи общества можетъ довольно хорошо дѣлать столько вещей, что изъ 100 человѣкъ, знавшихъ только такъ называемую цивилизованную форму жизни, 99 уступятъ ему въ этомъ разнообразіи способностей, уступятъ и въ искусствѣ пріискивать средства къ дѣлу и въ умѣньѣ выпутывать себя и другихъ изъ непредвидѣннаго затрудненія. Къ нашему предмету не относится вопросъ о томъ, до какой степени вознаграждаются въ отдѣльномъ цивилизованномъ человѣкѣ другими преимуществами эти недостатки его способностей предъ дикаремъ, и какими средствами могли бы они вознаграждаться полнѣе нынѣшняго. Но для массы цивилизованныхъ людей, взятыхъ вмѣстѣ, они вознаграждаются съ избыткомъ. Потеря каждаго въ отдѣльности далеко перевѣшивается большою способностью всѣхъ къ соединенному дѣйствованію. По мѣрѣ того, какъ они теряютъ качества дикаря, они становятся способными дисциплинироваться, держаться плановъ, предварительно принятыхъ, въ составленіи которыхъ сами не участвовали, подчинять свой личный капризъ принятому впередъ рѣшенію, исполнять

поодиночкѣ части, назначенныя каждому въ комбинированномъ предпріятіи. Множество дѣлъ, не возможныхъ для дикарей или полуцивилизованныхъ людей, ежедневно совершаются цивилизованными націями, не потому чтобы въ исполнителяхъ было больше дарованій, а благодаря тому, что каждый можетъ съ увѣренностью ждать отъ другихъ исполненія разныхъ частей дѣла, за которыя берутся они. Словомъ сказать, характеристическую особенность цивилизованныхъ людей составляетъ способность къ сотрудничеству, которая подобно другимъ способностямъ совершенствуется практикой и пріобрѣтаетъ силу постоянно расширять кругъ своихъ приложеній.

Потому достовѣрнѣйшею принадлежностью прогрессивнаго измѣненія, происходящаго въ обществѣ, служитъ постоянное возрастаніе принципа и практики сотрудничества. Товарищества людей, добровольно соединяющихъ свои небольшія доли нужныхъ средствъ, исполняютъ теперь въ промышленной и во многихъ другихъ сферахъ такія дѣла, на совершеніе которыхъ недостало бы богатства никакого отдѣльнаго лица или небольшаго числа людей, или за совершеніе которыхъ немногія лица, имѣвшія возможность исполнять ихъ, могли прежде брать самое чрезмѣрное вознагражденіе. Мы можемъ ждать, что по мѣрѣ возрастанія богатства и развитія дѣловой способности значительно расширится кругъ учрежденій, составляемыхъ совокупными средствами многочисленныхъ товариществъ по промышленнымъ и другимъ дѣламъ,—учрежденій, подобныхъ такъ называемымъ акціонернымъ компаніямъ, или не имѣющимъ такого формальнаго существованія, но столь многочисленнымъ въ Англіи товариществамъ, собирающимъ суммы для общественныхъ или филантропическихъ цѣлей.

Прогрессъ, котораго должно ожидать въ естественныхъ наукахъ и технологіи, возрастаніе безопасности имущества и свободы располагать имъ, эти очевидныя черты цивилизаціи новыхъ націй, наконецъ расширеніе круга дѣйствій акціонернаго принципа и увеличеніе умѣнья примѣнять его къ дѣлу,—всѣ эти условія даютъ просторъ и возможность къ безграничному возрастанію капитала и производства и къ размноженію населенія, обыкновенно сопровождающему это возрастаніе. Нѣтъ основаній опасаться, что размноженіе населенія будетъ превосходить мѣру возрастанія производства; если же бѣднѣйшіе классы народа сколько нибудь улучшаются, то размноженіе не будетъ и равняться возрастанію производства. Но очень возможно то, что при большомъ прогрессѣ

промышленнаго улучшенія, при всѣхъ признакахъ такъ называемаго національнаго процвѣтанія, при значительномъ возрастаніи общаго богатства страны и даже при улучшеніи нѣкоторыхъ сторонъ въ его распредѣленіи,—когда не только богатые становятся богаче, но многіе изъ бѣдныхъ становятся богатѣе, когда средніе классы дѣлаются многочисленнѣе и сильнѣе, и средства къ благосостоятельной жизни разливаются на большее и большее число людей,—огромный классъ, служащій фундаментомъ всего, будетъ только возрастать числомъ, а благосостояніе и образованіе его не будетъ возрастать. Итакъ при разсмотрѣніи слѣдствій промышленнаго прогресса мы должны допустить возможность того случая (какъ ни сильно въ насъ желаніе чтобы не было такого случая), что размноженіе людей идетъ столь же долго, столь же безгранично и быть можетъ даже столь же быстро, какъ возрастаніе производства и накопленія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о причинахъ измѣненія, дѣйствующихъ въ обществѣ при развитіи экономическаго прогресса, я перехожу къ подробнѣйшему изслѣдованію самыхъ этихъ измѣненій.

ГЛАВА II.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ПРОМЫШЛЕННОСТИ И НАСЕЛЕНІЯ НА ЦѢННОСТИ И ЦѢНЫ.

1. Перемѣны, производимыя или предполагаемыя въ условіяхъ производства прогрессомъ промышленности, необходимо сопровождаются перемѣнами въ цѣнности товара.

Постоянныя цѣнности предметовъ, не находящихся въ естественной или искусственной монополіи, опредѣляются, какъ мы видѣли, стоимостью ихъ производства. Но постоянное возрастаніе власти, пріобрѣтаемой человѣкомъ надъ природою, все болѣе и болѣе усиливаетъ успѣшность человѣческихъ усилій, или иными словами, уменьшаетъ стоимость производства. Стоимость производства извѣстнаго товара уменьшается всѣми изобрѣтеніями, посредствомъ которыхъ даннымъ количествомъ труда производится большее количество этого товара или данное количество его производится съ меньшимъ трудомъ, или которымъ сокращается процессъ производства, такъ что уменьшается продолжительность времени, на какое

надобно затрачивать капиталъ. Но цѣнность—элементъ относительный; потому еслибы изобрѣтенія и усовершенствованія производства касались всѣхъ товаровъ и притомъ въ равной степени, то въ цѣнностяхъ не было бы никакой перемѣны. Вещи мѣнялись бы одна на другую по прежнимъ пропорціямъ и люди получали бы взамѣнъ за свой трудъ и воздержаніе большее количество всякихъ вещей; но это возрастаніе изобилія не измѣрялось бы и не обнаружилось бы уменьшеніемъ мѣновой цѣнности товара, какъ бываетъ когда перемѣна касается лишь одного предмета.

Цѣны при этихъ обстоятельствахъ измѣнялись бы или не измѣнялись бы, смотря потому, простирались ли бы или нѣтъ на драгоцѣнные металлы улучшенія производства. Если монетный матеріалъ былъ исключеніемъ изъ общаго уменьшенія стоимости производства, цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ упали бы сравнительно съ монетою, то-есть произошелъ бы всеобщій упадокъ цѣнъ. Но еслибы монета, подобно другимъ предметамъ и въ равной степени съ ними, стала бы добываться изобильнѣе и дешевле, то цѣны точно также не измѣнились бы какъ и цѣнности; положеніе рынковъ не представляло бы никакого видимаго знака тому, что произошли перемѣны; только было бы (если бы люди продолжали работать не меньше прежняго) больше прежняго количество товаровъ всѣхъ сортовъ, обращающихся по прежнимъ цѣнамъ посредствомъ большаго количества монеты.

Промышленный прогрессъ кромѣ улучшеній производства представляетъ и другое условіе, также ведущее къ уменьшенію стоимости производства или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію стоимости, по какой получаются товары. Это второе условіе—увеличеніе сношеній между разными частями земнаго шара. По мѣрѣ того какъ расширяется торговля и отживаютъ свой вѣкъ невѣжественныя попытки стѣснять ее тарифами, товары получаютъ тенденцію производиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ производство можетъ быть ведено съ наименьшимъ для человѣчества расходомъ труда и капитала. По мѣрѣ того какъ разливается цивилизація и установляется безопасность лица и собственности въ тѣхъ частяхъ земнаго шара, которыя прежде не имѣли этой выгоды, производительныя способности этихъ мѣстъ возбуждаются къ полнѣйшей дѣятельности на общую пользу и ихъ жителей и иностранцевъ. Судя по невѣжеству и дурному управленію, какими еще подавлены многія изъ странъ наиболѣе одаренныхъ природою, вѣроятно многимъ поколѣніямъ придется еще работать, чтобы возвысить эти

*

страны хотя до нынѣшняго уровня цивилизованнѣйшихъ частей Европы. Многое также будетъ зависѣть отъ возрастающаго переселенія труда и капитала въ незанятыя части земнаго шара, гдѣ, по нынѣшнимъ обширнымъ средствамъ изслѣдованія, почва, климатъ и мѣстоположеніе оказываются обѣщающими обильную выручку труду и большее удобство производить товары, требуемые рынками старыхъ странъ. Сумма промышленности всего земнаго шара должна стать гораздо успѣшнѣе нынѣшней отъ расширенія знаній и технологіи; но въ теченіе извѣстнаго періода будущности станутъ оказываться еще болѣе дѣятельнымъ источникомъ удешевленія въ производствѣ постепенно развивающіяся послѣдствія свободной торговли и возрастаніе размѣра, въ какомъ будетъ происходить эмиграція и колонизація.

Если вліяніе этихъ причинъ не уничтожается дѣйствіемъ другихъ, то прогрессъ даетъ странѣ возможность получать все съ меньшими и меньшими дѣйствительными издержками производства не только домашніе продукты, но и продукты другихъ земель. Мы уже видѣли, что всякое уменьшеніе стоимости производства туземныхъ продуктовъ, пригодныхъ къ вывозу, даетъ странѣ возможность получать привозные товары съ уменьшеніемъ дѣйствительныхъ издержекъ.

2. Но дѣйствительно ли нѣтъ условій, противодѣйствующихъ этимъ тенденціямъ? Дѣйствительно ли прогрессъ богатства и промышленности имѣетъ на стоимость производства лишь одно то вліяніе, что уменьшаетъ ее? Не вызываетъ ли тотъ же самый прогрессъ къ дѣятельности другія причины противоположнаго характера, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могущія не только нейтрализировать, но и превозмогать изложенную нами тенденцію и обращать нисходящее движеніе стоимости производства въ восходящее движеніе? Мы уже знаемъ, что такія причины есть и что по важнѣйшимъ разрядамъ товаровъ, по пищѣ и матеріаламъ, существуетъ тенденція, діаметрально противоположная той, о которой мы говорили прежде. Стоимость производства этихъ товаровъ стремится возрастать.

Такое свойство лежитъ не въ самой натурѣ этихъ товаровъ. Если бы населеніе не возрастало, и не нужно было возрастать въ количествѣ продукту земли, то не было бы причины возрастать и стоимости производства. Напротивъ, въ пользу людямъ шелъ бы полный размѣръ всѣхъ усовершенствованій въ земледѣліи и его вспомогательныхъ искусствахъ, и не было бы въ этомъ отношеніи

никакой разницы между земледѣльческимъ и фабричнымъ продуктами. Еслибы населеніе не размножалось, то изъ всѣхъ продуктовъ промышленности дѣйствительному возрастанію стоимости производства подлежали бы лишь продукты, по своему происхожденію изъ невозобновляющагося матеріала могущія вполнѣ или отчасти истощиться,—напримѣръ каменный уголь и многіе металлы, а можетъ быть и всѣ металлы; даже желѣзо—самый обильнѣйшій и вмѣстѣ самый полезнѣйшій изъ металлическихъ продуктовъ можетъ истощаться въ богатѣйшихъ и удобнѣйшихъ для разработки рудникахъ, хотя и входитъ въ составъ почти всѣхъ минераловъ и горныхъ породъ.

Но если населеніе возрастаетъ,—а оно возрастало всегда, когда давалась къ тому возможность возрастаніемъ промышленности и средствъ къ жизни, то соразмѣрно этому возрастаетъ запросъ почти на всѣ продукты земли и въ особенности на пищу. А въ такомъ случаѣ начинаетъ дѣйствовать тотъ основной законъ добыванія продукта земли, о которомъ мы такъ часто имѣли случай говорить,—тотъ законъ, что при каждомъ данномъ состояніи земледѣльческаго искусства возрастаніе труда даетъ возрастаніе продукта въ пропорціи меньшей, чѣмъ возрастаетъ трудъ. Стоимость производства произведеній земли возрастаетъ при равенствѣ другихъ условій съ каждымъ возрастаніемъ запроса.

Подобной тенденціи нѣтъ въ фабричныхъ продуктахъ, они имѣютъ противоположную тенденцію. Говоря вообще, чѣмъ обширнѣе размѣръ, въ которомъ ведутся фабричныя операціи, тѣмъ дешевле онѣ могутъ исполняться. Синьоръ даже считалъ закономъ, лежащимъ въ самой натурѣ фабричной промышленности, что въ ней возрастаніе производства происходитъ съ уменьшеніемъ стоимости, между тѣмъ какъ въ земледѣльческой промышленности оно происходитъ съ увеличеніемъ стоимости. Но я не полагаю, чтобы даже и въ фабричной промышленности удешевленіе было по неизмѣнному закону принадлежностью увеличенія въ производствѣ. Оно бываетъ вѣроятнымъ и обыкновеннымъ, но не непремѣннымъ слѣдствіемъ увеличенія въ производствѣ.

Притомъ же фабричная промышленность получаетъ свои матеріалы или отъ земледѣлія или изъ рудниковъ или изъ естественнаго продукта земли; потому съ одной изъ своихъ существенныхъ сторонъ она подлежитъ тому же самому закону, какъ земледѣліе. Но сырой матеріалъ вообще составляетъ столь незначительную часть въ суммѣ издержекъ, что тенденція къ прогрессивному возра-

станію стоимости по одной этой статьѣ далеко перевѣшивается уменьшеніемъ стоимости, постоянно происходящимъ во всѣхъ другихъ элементахъ фабричной промышленности; этому уменьшенію нельзя теперь назначить никакого предѣла.

Такимъ образомъ въ фабричной промышленности есть тенденція къ постоянному возрастанію производительной силы труда, а въ земледѣліи и рудокопномъ дѣлѣ происходитъ борьба между двумя тенденціями, изъ которыхъ одна ведетъ къ увеличенію производительной силы, а другая къ ея уменьшенію (стоимость производства уменьшается каждымъ улучшеніемъ процессовъ и увеличивается каждымъ увеличеніемъ населенія). Изъ этого слѣдуетъ, что мѣновыя цѣнности фабричныхъ издѣлій по сравненію съ продуктами земледѣлія и рудокопнаго дѣла имѣютъ постоянную и рѣшительную тенденцію падать по мѣрѣ успѣховъ промышленности и размноженія людей. Деньги—продуктъ рудокопнаго дѣла, потому можно считать правиломъ, что по мѣрѣ успѣховъ общества мануфактурныя издѣлія имѣютъ тенденцію падать и въ денежной цѣнѣ. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается промышленною исторіею новыхъ націй, особенно въ послѣднія сто лѣтъ.

3. Увеличивается ли, подобно относительной, и абсолютная стоимость производства земледѣльческаго продукта, это зависитъ отъ хода борьбы между двумя противоположными силами — размноженіемъ населенія и совершенствованіемъ земледѣльческаго искусства. Если взять всю поверхность земнаго шара, то оказывается, что въ большей части общественныхъ состояній и земледѣльческое искусство и населеніе остаются неподвижны или возрастаютъ очень медленно; потому и стоимость производства пищи остается почти неподвижною. Въ обществѣ, богатство котораго возрастаетъ, населеніе вообще растетъ быстрѣе земледѣльческаго искусства и потому пища имѣетъ тенденцію дорожать; но бываютъ времена, когда обнаруживается сильное стремленіе къ земледѣльческимъ усовершенствованіямъ. Такое стремленіе было въ Великобританіи въ послѣднія 15 или 20 лѣтъ. Въ послѣднее десятилѣтіе земледѣльческое искусство въ Англіи и Шотландіи росло значительно быстрѣе населенія, такъ что пища и другіе земледѣльческіе продукты, не смотря на размноженіе народа, могутъ производиться теперь дешевле, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ; отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ придало новое возбужденіе духу улучшеній. Въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, особенно во Франціи, земледѣльческое улучшеніе еще гораздо рѣшительнѣе перевѣшиваетъ размноженіе, потому что

если успѣхи земледѣлія, кромѣ немногихъ провинцій, медленнѣе во Франціи, то населеніе размножается тамъ еще гораздо медленнѣе и притомъ по пропорціи все замедляющейся не отъ бѣдности, которая уменьшается, по благодаря благоразумію.

Которая изъ двухъ борющихся силъ превозмогаетъ въ данное время, объ этомъ съ достаточною точностію можно судить по денежной цѣнѣ земледѣльческаго продукта, если нѣтъ значительныхъ измѣненій въ цѣнности благородныхъ металловъ. Только надобно при этомъ брать рядъ нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы получить средній выводъ независимо отъ колебаній урожая; но это едва ли возможно. Тукъ показалъ, что даже періодъ, обнимающій цѣлую половину столѣтія, можетъ заключать въ себѣ непормально большое число урожайныхъ лѣтъ и чрезмѣрно малое неурожайныхъ. Потому простой средній выводъ можетъ вести къ заключеніямъ, тѣмъ болѣе обманчивымъ, что точность ихъ кажется очень обольстительною. Если мы возьмемъ и небольшое число лѣтъ, но исправимъ ихъ цифры по предположенію о вліяніи урожаевъ и неурожаевъ на цѣны, то опасности ошибаться будетъ меньше, чѣмъ когда мы положимся на среднюю цифру болѣе длиннаго ряда лѣтъ безъ такихъ поправокъ. Едва ли надобно прибавлять, что, дѣлая выводы по рыночнымъ цѣнамъ, мы должны также по возможности принимать въ соображеніе измѣненія въ общей мѣновой цѣнности благородныхъ металловъ *).

4. Разсмотрѣвъ вліяніе прогресса общества на постоянныя и среднія цѣнности и цѣны товара, намъ остается разсмотрѣть какое вліяніе производитъ онъ на величину колебаній въ цѣнностяхъ и цѣнахъ. Тутъ въ отвѣтѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Экономическій прогрессъ имѣетъ очень сильную тенденцію уменьшать колебанія.

Въ бѣдныхъ и отсталыхъ обществахъ, каковы восточныя и средневѣковыя европейскія, чрезвычайная разница одного товара можетъ существовать въ мѣстахъ, не очень отдаленныхъ другъ отъ друга, потому что недостатокъ дорогъ и каналовъ, несовершенство мореплаванія и общая небезопасность путей сообщенія мѣшали перевозить вещи оттуда, гдѣ онѣ дешевы, туда, гдѣ онѣ дороги. Продукты, прямо зависящіе отъ погоды, т. е. наиболѣе подверженные колебаніямъ въ цѣнности, особенно пища, рѣдко перевозились на

*) Еще лучшимъ мѣриломъ вѣроятно служило бы увеличеніе или уменьшеніе суммы рабочей платы по оцѣнкѣ ея на земледѣльческій продуктъ.

большія разстоянія. Вообще говоря, каждая мѣстность могла разсчитывать лишь на свои продукты и продукты ближайшихъ окрестностей, потому почти каждый годъ въ каждомъ обширномъ государствѣ какая нибудь часть страдала сильной дороговизной. На обширномъ пространствѣ земли, при разнообразіи почвъ и климатовъ, почти всякая погода будетъ неблагопріятна какой нибудь мѣстности; но таже самая погода вообще бываетъ особенно благопріятна другимъ мѣстностямъ; потому въ цѣломъ продуктѣ всей страны недочетъ бываетъ рѣдко, да и тогда имѣетъ меньшую пропорцію, чѣмъ недочетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ страны, а значительный неурожай по цѣлому земному шару—случай почти безпримѣрный. Потому въ новыя времена бываетъ лишь дороговизна тогда, когда прежде былъ бы голодъ и бываетъ повсюду въ странѣ достаточно хлѣба, когда въ старину въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ бы недостатокъ, а въ другихъ излишество.

Точно такое же измѣненіе произошло и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ предметамъ торговли. Безопасность и дешевизна перевозки даютъ возможность съ не очень большимъ или даже съ очень небольшимъ повышеніемъ обыкновенной цѣны пополнять недостатокъ одной мѣстности избыткомъ другой; потому въ колебаніяхъ цѣнъ гораздо меньше крайностей, чѣмъ было прежде. Этому много помогаетъ существованіе большихъ капиталовъ, принадлежащихъ такъ называемымъ торговымъ спекулянтамъ, занимающимся покупкою товаровъ для продажи ихъ съ прибылью. Эти торговцы разумѣется покупаютъ товаръ въ самую дешевую пору и держатъ его, чтобы снова пустить на рынокъ, когда цѣна станетъ чрезмѣрно высока; потому ихъ обороты имѣютъ тенденцію уравнивать цѣну или по крайней мѣрѣ умѣрять ея неравенства. Цѣны товаровъ тутъ не падаютъ во время дороговизны такъ сильно, какъ было бы безъ торговыхъ спекулянтовъ.

Поэтому спекулянты имѣютъ занятіе, очень полезное въ общественной экономіи; и въ противность обыкновенному мнѣнію полезнѣйшая часть этого класса—торговцы, спекулирующіе товарами, зависящими отъ перемѣнъ погоды. Если бы не было хлѣбныхъ торговцевъ, цѣна хлѣба подвергалась бы перемѣнамъ гораздо сильнѣйшимъ нынѣшнихъ, а въ неурожайный годъ даже вовсе не являлось бы необходимаго подвоза. Еслибы не было хлѣбныхъ спекулянтовъ и еслибы при недостаткѣ спекулирующихъ торговцевъ не становились спекулянтами фермеры, цѣна въ урожайный годъ падала бы безгранично и единственною задержкою въ ея паденіи

было бы только расточительное потребленіе, неизмѣнно слѣдующее за чрезмѣрнымъ упадкомъ цѣнъ. Если часть излишка одного года остается на покрытіе неурожая другаго года, это бываетъ благодаря фермерамъ, не пускающимъ хлѣбъ на рынокъ и торговцамъ, покупающимъ его въ самую дешевую пору, чтобы держать въ запасѣ до доровизны.

5. У людей, мало думавшихъ объ этомъ предметѣ, есть мнѣніе, что спекулянты для своихъ барышей часто производятъ искусственную дороговизну, создавая высокую цѣну своими закупками и потомъ пользуясь дороговизною. Легко доказать ошибочность такой мысли. Если хлѣбный торговецъ дѣлаетъ закупки для спекуляціи и поднимаетъ цѣну, когда ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ времени нѣтъ для возвышенія цѣны никакихъ причинъ кромѣ спекуляцій торговца, то разумѣется онъ повидимому богатѣетъ пока продолжаются его закупки, потому что держитъ у себя товаръ, поднимающійся въ цѣнѣ; но этотъ видимый барышъ представляется доступнымъ ему только пока онъ не попробуетъ реализировать его. Если онъ купилъ напримѣръ милліонъ квартеровъ и, удаливъ его съ рынка, поднялъ цѣну 10 шиллингами на квартеръ, то возвращеніемъ этого милліона квартеровъ на рынокъ цѣна понизится ровно на столько же, на сколько была поднята его удаленіемъ съ рынка, и наилучшее чего можетъ ждать торговецъ, состоитъ въ томъ, что онъ потеряетъ только проценты и расходы по своей операціи. Если постепенною и осторожною продажею онъ можетъ на нѣкоторой части своего запаса реализировать часть возвысившейся цѣны, то безъ сомнѣнія онъ долженъ заплатить часть этой цѣны за покупку части своего запаса. Онъ подвергается значительному риску потерпѣть еще больше потери: временное повышеніе цѣны вѣроятно побудитъ выставить на рынокъ свой хлѣбъ другихъ торговцевъ, которые не учавствовали въ поднятіи цѣны и безъ того вовсе ничего не отправили бы на рынокъ; эти люди перехватятъ у него часть выгоды. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться произведенною имъ дороговизною, онъ, закупивъ по средней рыночной цѣнѣ, очень можетъ быть принужденъ продавать по цѣнѣ упавшей отъ переполненія рынка.

Какъ не можетъ отдѣльный спекулянтъ получить барыша отъ дороговизны, произведенной только имъ самимъ, такъ и партія спекулянтовъ, какъ бы многочисленна ни была, не можетъ въ общей сложности получить барыша отъ возвышенія цѣнъ, искусственно произведеннаго ея оборотами. Нѣкоторые изъ числа спекулянтовъ могутъ полу-

чить барышъ, благодаря удачѣ или особенной проницательности въ выборѣ времени для реализаціи; но выигрываютъ они не на счетъ потребителя, а на счетъ другихъ спекулянтовъ, менѣе проницательныхъ. Они обращаютъ въ свою выгоду дороговизну, произведенную спекуляціею другихъ, оставляя этимъ другимъ потерю, производимую упадкомъ цѣны. Такимъ образомъ безспорно, что спекулянты могутъ обогащаться съ убыткомъ для другихъ. Но убытокъ этотъ падаетъ на другихъ спекулянтовъ. Весь выигрышъ однихъ составляется потерею другихъ спекулянтовъ.

Если спекуляція извѣстнымъ товаромъ оказывается выгодна для всѣхъ торговцевъ, это происходитъ въ томъ случаѣ, когда между временемъ покупки и продажи цѣна поднимается по причинамъ, независимымъ отъ спекулянтовъ, съ дѣйствіями которыхъ причины эти связаны тутъ лишь тѣмъ, что они предусмотрѣли ихъ. Въ этомъ случаѣ отъ ихъ покупокъ цѣна начинаетъ подниматься раньше, чѣмъ стала бы подниматься безъ нихъ и нужда потребителей разливается на болѣе долгій періодъ, но во время крайней высоты бываетъ легче, — что очевидно выгодно для общества. Но тутъ мы предположили, что спекулянты не ошиблись, не разсчитывали на дороговизну больше той, какая будетъ. Часто случается, что спекулянты закупаютъ въ ожиданіи увеличенія въ запросѣ или недостачѣ въ предложеніи, а въ результатѣ ихъ ожиданіе не исполняется или исполняется меньше, чѣмъ они думали. Въ этомъ случаѣ спекуляція не уменьшаетъ, а увеличиваетъ колебаніе цѣны, или даже производитъ колебаніе, котораго безъ нея не произошло бы. Но въ такомъ случаѣ спекуляція приноситъ спекулянтамъ въ общей сложности убытокъ, каковъ бы ни былъ выигрышъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ сложности всѣ они не могутъ никакъ получать выгоды отъ той части дороговизны, на какую цѣна поднята ими выше, чѣмъ поднялась бы сама собою; потому что когда они станутъ продавать, цѣна упадаетъ на столько же, на сколько поднималась отъ ихъ закупокъ. А не получая барыша, они теряютъ свой трудъ и торговыя издержки, и сверхъ того почти всегда терпятъ еще гораздо больше убытка оттого, что искусственная дороговизна стѣсняетъ потребленіе и открываетъ подвозъ товара изъ мѣстъ, откуда не ждали его. Такимъ образомъ спекуляціи непремѣнно бываютъ полезны для общества, если выгодны они спекулянтамъ; а если приносятъ они иногда вредъ обществу, усиливая колебанія цѣны (которыя чаще облегчаются ими), то непремѣнно тутъ всего больше теряютъ сами спекулянты. Сло-

вомъ сказать, выгода спекулянтовъ совпадаетъ съ выгодою общества, и вредъ обществу отъ нихъ можетъ происходить лишь отъ того, когда они по ошибкѣ повредятъ сами себѣ; потому для общественной выгоды лучше всего предоставить спекулянтамъ полную свободу искать своей выгоды.

Я не спорю: спекулянты могутъ увеличивать *мѣстный* недостатокъ въ товарѣ. Собирая хлѣбъ изъ деревень на снабженіе городовъ, они проводятъ дороговизну въ такіе уголки, которые безъ нихъ могли бы избѣжать отъ участія въ ней. Если спекулянты продаютъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ закупаютъ, это облегчаетъ нужду; если же закупаютъ они въ одномъ мѣстѣ, а продаютъ въ другомъ, это можетъ увеличивать нужду въ первомъ мѣстѣ, но облегчаетъ ее въ послѣднемъ, гдѣ цѣна выше, а потому и нужда по всей вѣроятности больше. Страдаютъ отъ нужды всегда больше всѣхъ бѣднѣйшіе потребители,—богатые, не жалѣя расходовъ, могутъ, если захотятъ, не уменьшать своего обычнаго потребленія. Потому, говоря вообще, спекуляціи хлѣбныхъ торговцевъ больше всего приносятъ пользы бѣднымъ. Иногда въ исключительныхъ случаяхъ бѣдные могутъ страдать отъ нихъ: сельскому бѣдняку иногда было бы выгоднѣе дешевизна хлѣба зимою, когда онъ живетъ однимъ хлѣбомъ, хотя бы послѣдствіемъ зимней дешевизны была дороговизна весною, когда онъ можетъ отчасти замѣнять хлѣбъ другимъ продовольствіемъ. Но вообще говоря и весною не находятъ бѣдняки такой замѣны хлѣбу, чтобы не служилъ онъ главнымъ ихъ продовольствіемъ; это видимъ изъ того, что цѣна хлѣба весною не падаетъ, а постоянно все возвышается до самаго наступленія жатвы.

Въ минуту продажи непосредственная выгода хлѣбнаго торговца противорѣчитъ выгодѣ потребителя, — таково всегда отношеніе покупщика къ продавцу; а наибольшую свою выгоду получаетъ хлѣбный торговецъ во время дороговизны; потому онъ бываетъ въ эту пору предметомъ вражды и зависти людямъ, съ которыхъ беретъ свою выгоду. Но напрасно полагаютъ, что хлѣбный торговецъ получаетъ отъ своего занятія чрезмѣрную прибыль: онъ получаетъ выгоду не постоянно, а лишь по временамъ, потому должна бывать она иногда велика; но шансы прибыли въ дѣлѣ, въ которомъ такое сильное соперничество, не могутъ въ общей сложности превышать выгодности другихъ отраслей торговли. Неурожайный годъ, въ который хлѣбные торговцы получаютъ много барыша, рѣдко кончается безъ упадка цѣны, отъ котораго многіе изъ нихъ банкротятся. Рѣдко когда могли ждать хлѣбные торгов-

цы такихъ выгодъ, какъ въ 1847 году, и рѣдко бывало столько банкротствъ между спекулянтами, какъ осенью этого года. Хлѣбная торговля—дѣло самое измѣнчивое и шансами потери въ немъ уравновѣшиваются большіе выигрыши, получаемые по временамъ. Еслибы хлѣбный торговецъ продавалъ въ дороговизну свои запасы дешевле цѣны, открывающейся ему соперничествомъ потребителей, то дѣлалъ бы филантропическое пожертвованіе частью законной прибыли своей, чего нельзя требовать отъ него больше, чѣмъ отъ другихъ богатыхъ людей. Дѣло его полезное, потому для выгоды общества должны существовать обыкновенныя побужденія къ занятію этимъ дѣломъ, и ни законъ, ни общественное мнѣніе не должны мѣшать полезному для общества дѣлу — быть соединену съ личнымъ выигрышемъ, происходящимъ отъ полной свободы соперничества.

Такимъ образомъ надобно ожидать, что по мѣрѣ успѣховъ общества будутъ уменьшаться колебанія цѣнности и цѣнъ, происходящія отъ измѣненій въ размѣрѣ предложенія или отъ перемѣнъ въ дѣйствительномъ запросѣ (т. е. въ запросѣ не спекулянтовъ, а самихъ потребителей). Нельзя сказать того съ такою же увѣренностію о колебаніяхъ, происходящихъ отъ ошибочныхъ спекуляцій и въ особенности отъ переходовъ изъ чрезмѣрнаго расширенія къ чрезмѣрному стѣсненію кредита,—переходовъ, занимающихъ столь важное мѣсто въ числѣ коммерческихъ феноменовъ. Рѣзкость этихъ колебаній, начинающихся безразсудною спекуляціею и кончающихся коммерческимъ кризисомъ до сихъ поръ не уменьшалась возрастаніемъ капитала и развитіемъ промышленности, не дѣлались они и рѣже прежняго отъ экономическаго прогресса. Скорѣе можно сказать противное, они становятся чаще и сильнѣе прежняго. Обыкновенно приписываютъ это увеличенію соперничества, но по моему мнѣнію вѣрнѣе будетъ приписывать низкому проценту прибыли и дисконта, при которомъ капиталисты не довольствуются обыкновеннымъ ходомъ не рискованной коммерческой выгоды. Какую связь съ размноженіемъ населенія и накопленіемъ капитала имѣетъ этотъ низкій процентъ прибыли, будетъ объяснено въ слѣдующихъ главахъ.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ГЛАВА III.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ПРОМЫШЛЕННОСТИ И НАСЕЛЕНІЯ НА РЕНТУ, ПРИБЫЛЬ И РАБОЧУЮ ПЛАТУ.

1. Продолжая изслѣдованіе характера экономическихъ измѣненій, производимыхъ въ обществѣ промышленнымъ прогрессомъ, мы должны теперь разсмотрѣть вліяніе этого прогресса на распредѣленіе продукта между классами, получающими долю изъ него. Наше вниманіе можетъ сосредоточиться на одной той системѣ распредѣленія, которая сложнѣе всѣхъ другихъ и подъ которую въ сущности всѣ остальныя подходятъ,—на системѣ, при которой фабричный продуктъ дѣлится между двумя классами, работниками и капиталистами, а земледѣльческій продуктъ между тремя классами: работниками, капиталистами и землевладѣльцами.

Характеристическія черты явленія, обыкновенно называемаго промышленнымъ прогрессомъ, сводятся въ три главные факта: возрастаніе капитала, возрастаніе населенія и усовершенствованіе производства (понимая усовершенствованіе производства въ обширнѣйшемъ смыслѣ, обнимающемъ собою не одно производство продуктовъ, а также и доставку ихъ въ мѣста потребленія). Другія перемѣны, замѣчаемыя при экономическомъ прогрессѣ, происходятъ главнымъ образомъ отъ этихъ трехъ. Напримѣръ тенденція къ прогрессивному возрастанію въ стоимости производства пищи происходитъ отъ возрастанія запроса, которое происходитъ или отъ возрастанія населенія или отъ того, что возрастаніе капитала и рабочей платы даетъ бѣднымъ классамъ возможность увеличивать свое потребленіе. Удобнѣе всего будетъ намъ разсмотрѣть дѣйствіе каждой изъ этихъ трехъ причинъ въ отдѣльности; а потомъ можно будетъ намъ предполагать всѣ комбинаціи между ними, какія захотимъ.

Сначала предположимъ, что возрастаетъ населеніе при неподвижности капитала и производительныхъ искусствъ. Одно изъ послѣдствій этого измѣненія дѣлъ очевидно: рабочая плата будетъ падать; рабочіе классы будутъ впадать въ худшее положеніе. Положеніе капиталиста напротивъ станетъ улучшаться. При одинаковомъ капиталѣ онъ можетъ покупать больше труда и получать больше продукта. Процентъ его прибыли возрастаетъ. Вотъ фактъ, показывающій собою зависимость процента прибыли отъ стоимости

труда. Количество товаровъ, получаемое работникомъ, уменьшается, а въ ходѣ ихъ производства, по нашему предположенію, нѣтъ ни какой перемѣны; потому уменьшеніе количества составляетъ уменьшеніе стоимости. Вознагражденіе работника не только становится меньше само по себѣ, но и становится продуктомъ меньшаго количества труда. Первое обстоятельство важно для самого работника, второе для его хозяина.

Тутъ еще не является никакихъ причинъ, измѣняющихъ цѣнность разныхъ товаровъ, и потому еще не являлось причины для повышенія или для пониженія ренты. Но если мы взглянемъ на второй періодъ въ ряду дѣйствій этого факта, то увидимъ фактъ измѣняющій ренту. Число работниковъ размножилось; пропорціонально тому понизилось ихъ положеніе: между увеличившимся числомъ раздѣляется продуктъ прежняго количества труда. Но сократить свои расходы они могутъ по другимъ надобностямъ, а не по продовольствію: каждый быть можетъ потребляетъ прежнее количество пищи прежней стоимости; можетъ быть также, что они уменьшатъ потребленіе пищи, но въ меньшей пропорціи, чѣмъ увеличилось ихъ число. Въ такомъ случаѣ, не смотря на уменьшеніе реальной рабочей платы, размножившееся населеніе потребуетъ большее количество пищи. Но промышленное искусство и знанія остаются по нашему предположенію неподвижны; потому количество пищи можно увеличить только введеніемъ обработки худшей земли или способовъ воздѣлыванія, менѣе производительныхъ пропорціонально расходу на нихъ. Въ капиталѣ на это расширеніе земледѣлія не будетъ недостатка: правда, что по нашему предположенію нѣтъ увеличенія въ существующемъ капиталѣ; но достаточное количество его можетъ быть взято изъ промышленности, прежде удовлетворявшей другія менѣе настоятельныя нужды, въ которыхъ работники принуждены теперь отказывать себѣ. Потому будетъ произведено прибавочное количество пищи, но произведено по увеличившейся стоимости, и мѣновая цѣнность земледѣльческаго продукта должна подняться. Могутъ возразить, что лишняя стоимость производства пищи можетъ быть безъ возвышенія цѣны покрыта изъ прибыли, которая возвысилась. Конечно, это возможно, но этого не бываетъ, потому что въ этомъ случаѣ земледѣльческіе капиталисты стали бы въ положеніе, худшее другихъ капиталистовъ. Увеличеніе прибыли, будучи слѣдствіемъ пониженія рабочей платы, распространяется на всѣхъ капиталистовъ. Увеличеніе издержекъ, происходя отъ необходимости воздѣлывать землю болѣе дорогими

способами, относится только къ земледѣльческому капиталисту. Это особенное увеличеніе расхода онъ долженъ имѣть вознагражденіе, независимое отъ общей высоты или низкости прибыли. Онъ не станетъ долго подвергаться вычету изъ своей прибыли, которому не подвергаются другіе капиталисты. Онъ не станетъ расширять свое производство затратою новаго капитала, если на затрату не станетъ получать такой же прибыли, какую далъ бы равный капиталъ въ другихъ дѣлахъ. Потому цѣнность его товара поднимется и поднимется она пропорціонально увеличенію стоимости. Этимъ фермеръ вознаградится за особенное увеличеніе земледѣльческихъ издержекъ и у него останется прибыль того же увеличившагося размѣра, какимъ пользуются всѣ другіе капиталисты.

Изъ принциповъ, уже извѣстныхъ намъ, слѣдуетъ, что при такомъ положеніи дѣлъ рента поднимется. Каждая земля можетъ платить и при свободномъ соперничествѣ платитъ ренту, равную излишку ея продукта надъ выручкою на такой же капиталъ съ самой худшей земли или въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Потому если земледѣліе принуждено спускаться на худшую землю или до болѣе тяжелыхъ процессовъ, рента возвышается. Возвышается она вдвойнѣ. Во первыхъ увеличивается рента въ натурѣ или по хлѣбному счету; во вторыхъ по увеличенію цѣнности земледѣльческаго продукта рента возвышается также по оцѣнкѣ на фабричные или иностранные товары, (если цѣнность ихъ остается безъ перемѣнъ, это увеличеніе ренты выразится въ денежномъ ея счетѣ).

Если послѣ всего сказаннаго нужно еще обозрѣть ходъ этого процесса, порядокъ его таковъ: хлѣбъ поднимается въ цѣнѣ, чтобы съ обыкновенною прибылью оплачивался капиталъ, нужный на производство добавочнаго хлѣба съ худшей земли или черезъ болѣе дорогіе процессы. Относительно этого добавочнаго хлѣба возвышеніе цѣнъ только равномѣрно добавочнымъ издержкамъ. Но распространяясь на весь хлѣбъ, оно даетъ лишнюю прибыль на всемъ хлѣбѣ, кромѣ послѣдняго добавочнаго количества. Если фермеръ производилъ прежде 100 квартеровъ пшеницы по 40 шиллинговъ, а теперь требуется 120 квартеровъ, изъ которыхъ послѣдніе 20 нельзя произвести дешевле 45 шиллинговъ, то онъ получаетъ по 5 шиллинговъ прибавки на всѣхъ 120 квартерахъ, а не на однихъ послѣднихъ 20. Такимъ образомъ онъ имѣетъ сверхъ обыкновенной прибыли 500 шиллинговъ (25 фунтовъ) и при свободномъ соперничествѣ онъ не удержитъ въ своихъ рукахъ эту

прибавку. Но отдать ее потребителю онъ не можетъ быть вынужденъ, потому что цѣна меньше 45 шиллинговъ была бы несовмѣстна съ производствомъ послѣднихъ 20 квартеровъ. Итакъ цѣна останется на 45 шиллингахъ, и 25 фунтовъ будутъ переданы сопричествомъ не потребителю, а землевладѣльцу. Потому возвышеніе ренты служитъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличенія въ запросѣ на земледѣльческій продуктъ, если съ этимъ увеличеніемъ запроса не бываетъ усовершенствованія въ производствѣ. Послѣ этого окончательнаго разъясненія мы станемъ принимать нашу теорему за безспорную.

Введенный теперь новый элементъ, — увеличеніе запроса на пищу, кромѣ того что возвышаетъ ренту, производитъ перемѣну въ распредѣленіи продукта между капиталистами и работниками. Размноженіе населенія уменьшило плату за трудъ; и если стоимость труда уменьшилась на столько же, какъ его дѣйствительное вознагражденіе, то прибыль увеличится всею разницею между прежнею и нынѣшнею рабочею платою. Если же размноженіе населенія ведетъ къ увеличенію производства пищи, невозможному безъ увеличенія стоимости производства, то стоимость труда не уменьшится на столько, какъ дѣйствительное вознаграждение за трудъ, и потому прибыль не возвысится всею разницею между прежнею и нынѣшнею рабочею платою. Очень можетъ быть, что прибыль и вовсе не увеличится. Быть можетъ работники имѣли прежде такія удобства жизни, что вся потеря ихъ можетъ покрыться уменьшеніемъ другихъ ихъ удобствъ и необходимость или рѣшимость не дозволяетъ имъ потреблять пищи меньше или пищу хуже прежней. Производство пищи для прибылыхъ людей можетъ сопровождаться такимъ увеличеніемъ издержекъ, что рабочая плата, хотя и уменьшилась въ количествѣ, будетъ представлять собою такую же стоимость—быть продуктомъ такого же количества труда, какъ прежде, и капиталистъ тогда вовсе не получитъ выгоды. Тутъ потеря работника отчасти поглощается прибавочнымъ трудомъ, нужнымъ на производство послѣдней прибавки земледѣльческаго продукта, а остальная часть потери выигрывается землевладѣльцемъ, который одинъ всегда получаетъ выгоду отъ размноженія населенія.

2. Перемѣнимъ теперь гипотезу. Прежде мы предполагали неподвижность капитала при размноженіи населенія, а теперь предположимъ возрастаніе капитала при неподвижности населенія; естественныя и техническія условія производства мы по прежнему предположимъ не измѣняющимися. Дѣйствительная рабочая плата теперь будетъ

не падать, а возвышаться; стоимость производства вещей, потребляемыхъ работникомъ, не уменьшается; потому возвышеніе рабочей платы равнозначительно соразмѣрному увеличенію стоимости труда и уменьшенію прибыли. Иными словами: работники не стали многочисленнѣе прежняго, и производительная сила ихъ труда осталась прежняя; потому увеличенія въ продуктѣ нѣтъ; стало быть возвышеніе рабочей платы должно обращаться въ потерю капиталиста. Очень можетъ быть, что стоимость труда увеличилась больше, чѣмъ дѣйствительное вознагражденіе за него. Улучшеніе въ бытѣ работниковъ, можетъ быть, увеличило запросъ на пищу. Быть можетъ оно было прежде такъ дурно, что работники не имѣли достаточнаго продовольствія, и теперь стали потреблять больше прежняго; или быть можетъ прибавку своихъ средствъ они вздумали вполнѣ или отчасти употреблять на болѣе дорогую пищу, требующую больше труда и большаго пространства земли, напримѣръ стали ѣсть пшеницу вмѣсто овса или картофеля. Расширеніе земледѣлія обыкновенно соединено съ возвышеніемъ стоимости производства или цѣны; такъ что кромѣ увеличенія стоимости труда отъ увеличенія рабочей платы, стоимость труда увеличится, а прибыль понизится еще отъ увеличенія стоимости товаровъ, составляющихъ рабочую плату. Отъ тѣхъ же обстоятельствъ возвысится рента. За вычетомъ выигрыша работниковъ, остальная потеря капиталистовъ отчасти пойдетъ въ выгоду землевладѣльца, отчасти поглотится стоимостью производства пищи на худшей землѣ или менѣе производительными способами.

3. Разсмотрѣвъ два простѣйшіе случая, — размноженіе населенія при неподвижности капитала и увеличеніе капитала при неподвижности населенія, мы приготовились къ разсмотрѣнію сложнаго случая, когда сочетаются два расширяющіеся элемента, когда возрастаетъ и населеніе и капиталъ. Если одинъ изъ этихъ элементовъ возрастаетъ быстрѣе другаго, дѣло принимаетъ характеръ того или другаго изъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ; потому предположимъ здѣсь, что оба они возрастаютъ съ одинаковою быстротою, признакомъ чего будетъ то, что работникъ получаетъ прежніе товары въ прежнемъ количествѣ. Посмотримъ, каково будетъ вліяніе этого двойнаго прогресса на ренту и прибыль.

Если населеніе размножилось, а положеніе работниковъ не понизилось, то разумѣется потребуется пищи больше прежняго. Производительныя искусства по нашему предположенію неподвижны; стало быть эту пищу надобно производить по увеличившейся стои-

мости. Для вознагражденія за это увеличеніе стоимости прибавочнаго количества пищи, цѣна земледѣльческаго продукта должна подняться. Это повышеніе простирается на все количество производимой пищи, а увеличеніе издержекъ относится только къ части ея; потому явился значительный излишекъ прибыли, передаваемый соперничествомъ землевладѣльцу. Рента поднимется и по количеству продукта и по стоимости; а рабочая плата, остающаяся по нашему предположенію въ прежнемъ количествѣ, увеличится по стоимости. Работникъ получаетъ прежнюю сумму предметовъ необходимости, но денежная плата ему возвысилась; это возвышеніе простирается на всѣ отрасли производства; потому капиталистъ не можетъ вознаградить себя перемѣною своего занятія и потеря будетъ понесена прибылью.

Итакъ возрастаніе капитала и населенія имѣетъ тенденцію увеличивать ренту на счетъ прибыли. Впрочемъ рента выигрываетъ не всю потерю прибыли: часть потери поглощается увеличеніемъ издержекъ производства, т. е. наемомъ или прокормленіемъ большаго числа работниковъ для полученія данной суммы земледѣльческаго продукта. Подъ прибылью конечно слѣдуетъ понимать процентъ прибыли; меньшій процентъ прибыли на большій капиталъ можетъ давать большую валовую сумму прибыли, хотя сумма эта и будетъ составлять меньшую долю въ суммѣ всего продукта.

Тенденція прибыли къ упадку задерживается по временамъ улучшеніями въ производствѣ, возникающими или изъ увеличенія знаній или изъ полнѣйшаго приложенія прежнихъ знаній. Усовершенствованіе производства — третій изъ тѣхъ элементовъ, вліяніе которыхъ на распредѣленіе продукта начали мы изслѣдовать; изслѣдованіе его дѣйствій облегчится, когда мы предположимъ сначала, какъ въ прежнихъ случаяхъ, что онъ дѣйствуетъ одинъ.

4. Итакъ предположимъ, что при неподвижности капитала и населенія сдѣлано внезапное улучшеніе въ производительныхъ искусствахъ изобрѣтеніемъ болѣе успѣшныхъ машинъ или введеніемъ болѣе успѣшныхъ процессовъ или открытіемъ доступа къ болѣе дешевымъ товарамъ черезъ заграничную торговлю.

Улучшеніе можетъ относиться къ нѣкоторымъ изъ предметовъ необходимости или комфорта, входящихъ въ обыкновенное потребленіе рабочаго класса; но можетъ также примѣняться только къ предметамъ роскоши, потребляемымъ болѣе богатыми людьми. Но очень рѣдко великія промышленныя улучшенія принадлежатъ исклю-

чительно къ послѣднему разряду. Земледѣльческія улучшенія относятся прямо къ главнымъ предметамъ расходовъ работника, если не относятся спеціально къ какимъ нибудь рѣдкимъ и особеннымъ продуктамъ. Паровая машина и всѣ другія изобрѣтенія, дающія въ распоряженіе человѣка силу, примѣняясь ко всему, примѣняются конечно и къ предметамъ потребляемымъ работниками. Даже паровой станокъ и ткацкая машина, прилагающіеся къ самымъ нѣжнымъ матеріямъ, ровно столько же прилагаются къ грубымъ бумажнымъ и шерстянымъ тканямъ, носимымъ работниками. Всѣ улучшенія въ способахъ передвиженія удешевляютъ перевозку и предметовъ необходимости вмѣстѣ съ предметами роскоши. Почти каждая новая отрасль промышленности имѣетъ прямымъ или косвеннымъ слѣдствіемъ удешевленіе производства или перевозки тѣхъ или другихъ предметовъ, потребляемыхъ массою народа. Такимъ образомъ можно сказать, что улучшенія въ производствѣ вообще имѣютъ тенденцію удешевлять товары, на которые расходуется плата рабочаго класса.

Касаясь товаровъ, вообще не потребляемыхъ работниками, улучшеніе не производитъ никакой перемѣны въ распредѣленіи продукта. Правда, оно удешевляетъ товары, которыхъ касается: при уменьшеніи стоимости производства, они падаютъ въ цѣнности и цѣнѣ и удобства жизни увеличиваются у ихъ потребителей, будутъ ли эти потребители землевладѣльцы, капиталисты или спеціальные работники, находящіеся въ привиллегированномъ положеніи. Но процентъ прибыли не возвышается. Валовая прибыль по оцѣнкѣ на товары увеличивается; но также увеличилась и цѣнность капитала по оцѣнкѣ его на эти товары. Прибыль составляетъ такой же процентъ на капиталъ, какъ прежде. Капиталисты выигрываютъ не какъ капиталисты, а какъ потребители. Точно такимъ же выигрышемъ пользуются землевладѣльцы и привиллегированные классы работниковъ, если они потребители того же товара.

Иной характеръ имѣютъ улучшенія, уменьшающія стоимость производства предметовъ необходимости или товаровъ, составляющихъ обычное потребленіе массы работниковъ. Вліяніе различныхъ силъ въ этомъ случаѣ довольно многосложно; потому надобно разобрать его подробнѣе.

Выше (т. 1 стр. 226) мы замѣчали, что земледѣльческія усовершенствованія бываютъ двоякаго рода. Одни состоятъ въ простомъ сбереженіи количества труда, давая возможность произво-

*

дить извѣстное количество пищи съ меньшими расходами, но не производить его на меньшемъ пространствѣ земли. Другія даютъ возможность получать съ меньшимъ количествомъ труда на данномъ пространствѣ земли продуктъ не только не меньше, а даже больше прежняго, такъ что если не требуется увеличеніе продукта, то становится излишнею часть земли, воздѣлывавшейся прежде. Въ этомъ случаѣ, бросаемая часть земли, будетъ земля наименѣе производительная; потому рынокъ будетъ зависѣть отъ земли лучшаго сорта, чѣмъ какой воздѣлывался прежде.

Чтобы разъяснить вліяніе такого усовершенствованія, мы должны предположить, что оно происходитъ внезапно, такъ что во время его исполненія не успѣетъ возрасти ни капиталъ ни населеніе. Первымъ результатомъ такого случая будетъ пониженіе цѣнности и цѣны земледѣльческаго продукта. Оно необходимо слѣдуетъ за обоими разрядами земледѣльческихъ улучшеній, но въ особенности за улучшеніями втораго разряда.

Улучшеніе перваго разряда, не увеличивающее продукта, не даетъ возможности бросить часть земли; предѣлъ воздѣлыванія (по выраженію Чомерса) не передвигается; земледѣліе не измѣняется ни по пространству воздѣлываемой земли, ни по тщательности способовъ обработки; цѣна опредѣляется тою же землею и тѣмъ же капиталомъ, какъ прежде. Но эта земля или этотъ капиталъ производитъ теперь пищу съ меньшею стоимостію; и пропорціонально тому упадетъ цѣна пищи. Если сбережена десятая часть издержекъ производства, цѣна продукта падетъ на десятую часть.

Но предположимъ, что усовершенствованіе принадлежитъ ко второму разряду, дающему землѣ не только возможность производить прежнее количество пищи съ уменьшеніемъ труда на десятую часть, но и производить съ прежнимъ трудомъ на десятую часть больше хлѣба, чѣмъ прежде. Тутъ результатъ улучшенія будетъ еще сильнѣе. Воздѣлываемое пространство можетъ быть теперь уменьшено и запросъ рынка удовлетворенъ меньшимъ количествомъ земли. Если это меньшее пространство земли по среднему качеству и было не выше прежняго большаго пространства, цѣна все таки упала бы на десятую часть, потому что прежній продуктъ получался бы количествомъ труда уменьшившимся на десятую часть, но покинутая часть земли — наименѣе плодородная часть, потому цѣна продукта будетъ установляться землею лучшаго качества, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ сверхъ первоначальнаго уменьшенія издержекъ производства на десятую часть будетъ еще

дальнѣйшее уменьшеніе пропорціональное отступленію «земледѣльческаго предѣла» на землю болѣе плодородную. Цѣна упадетъ вдвойнѣ.

Разсмотримъ теперь дѣйствіе такихъ внезапныхъ усовершенствованій на распредѣленіе продукта и во первыхъ на ренту. Улучшеніе перваго разряда уменьшаетъ ренту; улучшеніе втораго разряда уменьшаетъ ее еще сильнѣе.

Предположимъ, что запросъ на пищу требуетъ воздѣлыванія трехъ сортовъ земли, дающихъ, на равномъ пространствѣ и при равныхъ расходахъ, по 100, 80 и 60 бушелей пшеницы. Средняя цѣна пшеницы будетъ достаточна для того, чтобы земля третьяго сорта могла воздѣлываться съ обыкновенною прибылью. Потому земля перваго сорта будетъ давать 40, а втораго — 20 бушелей излишка прибыли, который составитъ ренту землевладѣльца. Предположимъ теперь сначала, что сдѣлано улучшеніе, которое не открывая возможности получать хлѣба больше прежняго, даетъ возможность получать прежнее количество хлѣба съ уменьшеніемъ труда на четвертую долю. Цѣна хлѣба упадетъ въ такой же пропорціи и 80 бушелей будутъ продаваться за цѣну, какой стоили прежде 60 бушелей. Но продуктъ земли, дающей 60 бушелей, остается пуженъ, а издержки уменьшились соразмѣрно цѣнѣ; земля эта еще можетъ воздѣлываться съ обыкновенною прибылью. Потому земля перваго и втораго сорта будетъ давать по прежнему 40 и 20 бушелей излишка и хлѣбная рента останется прежняя Но хлѣбъ упалъ въ цѣнѣ на 4 долю; потому прежняя хлѣбная рента потеряла четвертую долю прежней цѣнности по счету на деньги и всѣ другіе товары. Въ той части дохода, которую землевладѣлецъ употреблялъ на фабричные и иностранные продукты, онъ потерялъ четвертую долю. Доходъ его какъ землевладѣльца сталъ равняться только тремъ четвертямъ прежней величины и лишь только какъ потребитель хлѣба онъ остался въ прежнемъ положеніи.

Если же улучшеніе будетъ втораго разряда, рента упадетъ еще сильнѣе. Предположимъ, что требуемое рынкомъ количество продукта можетъ быть получаемо съ уменьшеніемъ на четвертую часть не только труда, но и пространства воздѣлываемой земли. Еслибы продолжать воздѣлываніе всего прежняго пространства, получилось бы продукта гораздо больше, чѣмъ надобно. Надобно бросить часть земли, дававшую прежде четвертую часть продукта; земля третьяго сорта давала ровно эту четвертую часть (60 бушелей изъ 240), потому прекратится воздѣлываніе земли третьяго сорта. 240 бушелей могутъ теперь получаться съ земли однихъ первыхъ двухъ

сортовъ: земля перваго сорта, дастъ на одну треть больше 100 бушелей, т. е. 133⅓ бушелей, а втораго сорта 80 бушелей съ прибавкою третьей части, т. е. 106⅔ бушелей; всего 240 бушелей. Теперь низшій сортъ земли уже второй, а не третій, и онъ опредѣляетъ цѣну. Теперь довольно если не 60, а 106⅔ бушелей оплачиваютъ капиталъ съ обыкновенною прибылью. Потому цѣна хлѣба упадетъ не съ 80 на 60, какъ въ прежнемъ случаѣ, а съ 106⅔ на 60. Но еще и это не даетъ намъ полнаго понятія объ огромности паденія ренты. Весь продуктъ земли втораго сорта надобенъ теперь на покрытіе издержекъ производства. Это самый худшій сортъ воздѣлываемой земли и потому онъ не даетъ ренты. А первый сортъ даетъ только разницу между 133⅓ и 106⅔ бушелей, т. е. только 26⅔ бушелей вмѣсто прежнихъ 40. Въ одной хлѣбной рентѣ землевладѣльцы потеряли 33⅓ изъ 60 бушелей, а цѣнность и цѣна оставшейся имъ доли упала по пропорціи съ 106⅔ на 60.

Мы видимъ такимъ образомъ, что выгода землевладѣльца рѣшительно противна быстрому и всеобщему введенію земледѣльческихъ улучшеній. Этотъ выводъ многіе называютъ парадоксомъ и обвиняютъ изъ за него въ умственной испорченности или въ недостаткахъ еще худшихъ Рикардо, который первый высказалъ такое заключеніе. Въ чемъ тутъ парадоксальность, я не могу понять, а умственную испорченность нахожу я не въ Рикардо, а въ людяхъ, нападающихъ на него. Выводъ Рикардо кажется нелѣпъ лишь тогда, когда излагается въ превратномъ видѣ. Еслибы Рикардо говорилъ, что землевладѣльцу убыточно улучшеніе его помѣстья, такой мысли нельзя было бы защитить, но говорится вовсе не то: землевладѣлецъ терпитъ убытокъ отъ улучшеній не его помѣстья, а другихъ помѣстій, хотя бы вмѣстѣ съ ними улучшалось и его помѣстье. Никто не сомнѣвается, что онъ очень много выигралъ бы отъ улучшенія, еслибы могъ удержать улучшеніе на одномъ своемъ помѣстьѣ и соединить выигрышъ отъ увеличенія продукта своей земли съ прежнею высокою цѣною. Но если улучшеніе происходитъ одновременно на всѣхъ земляхъ, то цѣна не остается на прежней высотѣ, и нѣтъ ничего страннаго утверждать, что землевладѣльцы въ этомъ случаѣ не выигрывали бы, а проигрывали. Всѣ согласны, что всякая перемѣна, навсегда понижающая цѣну продукта, уменьшаетъ ренту; и совершенно согласенъ съ господствующими понятіями выводъ, что еслибы отъ увеличенія производительности земли понадобилось воздѣлывать меньшее простран-

ство земли чѣмъ прежде, то цѣнность земли упадала бы, какъ падаетъ цѣнность всякаго другаго предмета, запросъ на которой уменьшается.

Я совершенно готовъ согласиться, что въ дѣйствительности рента не понижалась отъ земледѣльческихъ усовершенствованій; но почему не было пониженія? Потому что улучшеніе въ дѣйствительности никогда не бывало внезапно, а всегда происходило медленно, никогда много не опережало успѣховъ капитала и населенія, а часто далеко отставало отъ нихъ; а увеличеніе капитала и населенія въ противоположность понижающимъ ренту улучшеніямъ возвышаетъ ее, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, увеличеніе капитала и населенія пользуется самыми земледѣльческими усовершенствованіями для сильнѣйшаго возвышенія ренты, благодаря тому, что расширяется предѣлъ воздѣлыванія. Но сначала мы должны разсмотрѣть, какое вліяніе на прибыль и рабочую плату произвело бы внезапное удешевленіе земледѣльческаго продукта.

Въ началѣ денежная рабочая плата по всей вѣроятности осталась бы прежняя и весь выигрышъ отъ дешевизны пошолъ бы въ пользу работниковъ. Они могли бы увеличить свое потребленіе пищи или другихъ предметовъ и получали бы за прежнюю стоимость большее количество товаровъ. Пока это продолжится, прибыль останется безъ перемѣны. Но постоянный размѣръ вознагражденія работниковъ зависитъ въ сущности отъ того, что мы назвали обычною пормою ихъ, отъ размѣра требованій, безъ удовлетворенія которымъ не хотятъ они имѣть дѣтей. Если ихъ вкусы и потребности прочно измѣнятся отъ внезапнаго улучшенія въ ихъ положеніи, то выигрышъ сословія работниковъ будетъ проченъ. Но обстоятельство, дающее имъ возможность покупать большее количество удобствъ и удовол ствій при прежней платѣ, также даетъ имъ возможность покупать прежнее количество удобствъ и удовольствій при пониженіи платы и населеніе можетъ теперь размножиться безъ пониженія того быта, къ которому привыкли работники. До сихъ поръ работники только въ этомъ смыслѣ вообще и пользовались всякимъ увеличеніемъ своихъ средствъ къ жизни: они принимали его только для того, чтобы размѣнять на продовольствіе для большаго числа дѣтей. Потому надобно полагать, что улучшеніе въ производствѣ послужитъ возбужденіемъ къ размноженію и что въ слѣдующемъ поколѣніи дѣйствительная рабочая плата будетъ не выше той, какая существовала до улучшенія; она понизится отъ пониженія денежной платы, отчасти возвышеніемъ

цѣны пищи, стоимость которой снова возрастаетъ отъ запроса произведеннаго размноженіемъ населенія. Прибыль возвысится въ той пропорціи, въ какой упадетъ денежная рабочая плата, потому что капиталистъ прежнимъ расходомъ капитала будетъ покупать большее количество труда, имѣющаго прежнюю успѣшность. Такимъ образомъ мы видимъ, что когда стоимость предметовъ необходимости уменьшается отъ земледѣльческихъ улучшеній или отъ ввоза иностранныхъ продуктовъ, а привычки и потребности работниковъ не возвышаются, то денежная рабочая плата и рента понижается, а общій процентъ прибыли увеличивается.

О замѣнѣ дорогаго сорта пищи болѣе дешевымъ надобно сказать то же, что и объ улучшеніяхъ удешевляющихъ производство пищи. Данное количество земли съ даннымъ количествомъ труда производитъ въ формѣ маиса или картофеля гораздо больше продовольствія, чѣмъ въ формѣ пшеницы. Если работники покинутъ пшеничный хлѣбъ и будутъ питаться только маисомъ и картофелемъ, вознаграждая себя за то не увеличеніемъ потребленія другихъ предметовъ, а болѣе раннимъ бракомъ и рожденіемъ большаго числа дѣтей, то стоимость труда значительно уменьшится, потому что пищу для цѣлаго населенія можно будетъ тогда производить на половинѣ или одной третьей части земли, засѣваемой нынѣ хлѣбомъ. Очевидно также, что земля слишкомъ плохая для пшеницы, можетъ въ случаѣ необходимости давать количество картофеля, нужное на продовольствованіе незначительнаго труда, воздѣлывающаго этотъ картофель; и производительная сила земли допускала населеніе размножаться гораздо больше нынѣшняго; потому при картофельной или маисной системѣ воздѣлываніе можетъ напослѣдокъ спуститься и ниже, а рента—подняться и выше степени, возможной при хлѣбной системѣ.

Если улучшеніе происходитъ не въ производствѣ пищи, а въ производствѣ фабричнаго товара потребляемаго рабочимъ классомъ, оно будетъ имѣть такое же дѣйствіе на рабочую плату и прибыль; но иначе оно подѣйствуетъ на ренту Если окончательнымъ слѣдствіемъ улучшенія будетъ размноженіе населенія, то рента не понизится, а повысится. Причинъ тому не нужно излагать по ихъ очевидности.

5. Мы разсматривали, какъ измѣняется распредѣленіе продукта на ренту, прибыль и рабочую плату съ одной стороны отъ обыкновеннаго возрастанія населенія и капитала, а съ другой стороны отъ улучшеній въ производствѣ и бенноосо въ земледѣліи. Мы

нашли, что отъ перемѣнъ перваго рода прибыль понижается, а рента и стоимость труда возвышается; что земледѣльческія усовершенствованія имѣютъ тенденцію понижать ренту, а всѣ улучшенія, которыми удешевляются предметы, потребляемые работниками, ведутъ къ уменьшенію стоимости труда и къ возвышенію прибыли. Узнавъ такимъ образомъ тенденцію каждой причины дѣйствующей въ отдѣльности, намъ легко опредѣлить тенденцію дѣйствительнаго хода вещей, въ которомъ одновременно идутъ оба эти движенія: капиталъ и населеніе возрастаютъ довольно постоянно, происходятъ по временамъ земледѣльческія улучшенія, а знаніе и употребленіе улучшенныхъ способовъ постепенно распространяются въ обществѣ.

При данныхъ обычаяхъ и потребностяхъ рабочаго класса, служащихъ нормою реальной рабочей платы, рента, прибыль и денежная рабочая плата въ каждое данное время бываютъ произведеніемъ сложнаго дѣйствія этихъ противоположныхъ силъ. Если въ извѣстный періодъ земледѣльческія улучшенія развиваются быстрѣе населенія, то рента и денежная рабочая плата въ этомъ періодѣ будутъ имѣть тенденцію падать, а прибыль—возвышаться. Если же населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ идетъ земледѣльческое улучшеніе, то возможны два случая: или работники соглашаются на пониженіе въ количествѣ или въ качествѣ своей пищи, или когда не согласны они на это, рента и денежная рабочая плата будутъ постепенно подниматься, а прибыль падать.

Земледѣльческое искуство и знаніе растутъ медленно, а разливаются еще медленнѣе. Изобрѣтенія и открытія также случаются лишь по временамъ, а возрастаніе населенія и капитала дѣйствуетъ постоянно. Потому рѣдко бываетъ, чтобы усовершенствованіе даже на короткое время могло опередить ростъ населенія и капитала, чтобы дѣйствительно понизить ренту или повысить процентъ прибыли. Во многихъ странахъ населеніе и капиталъ растутъ не быстро; но земледѣльческое улучшеніе въ нихъ дѣйствуетъ еще слабѣе. Размноженіе почти вездѣ тяготѣетъ надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ и сглаживаетъ его дѣйствія почти при самомъ ихъ появленіи.

Земледѣльческое улучшеніе рѣдко понижаетъ ренту потому, что рѣдко оно удешевляетъ пищу, а почти всегда только мѣшаетъ ей дорожать; рѣдко оно выводитъ изъ подъ обработки землю или и никогда не успѣваетъ въ этомъ,—оно только даетъ возможность землѣ все низшихъ и низшихъ сортовъ воздѣлываться на удовле-

твореніе растущаго запроса. То, что называется естественнымъ состояніемъ страны, только на половину воздѣланной, именно, что страна чрезвычайно производительна и хлѣбъ получается въ большомъ изобиліи, при незначительномъ трудѣ,—можетъ быть вѣрно только относительно незанятыхъ странъ, колонизированныхъ цивилизованнымъ народомъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ худшая обрабатываемая земля отличается прекрасными качествами (исключая развѣ земли, находящейся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ рынками и путями сообщенія, гдѣ худое качество ихъ вознаграждается выгоднымъ положеніемъ); и даже если бы не было сдѣлано больше никакихъ улучшеній въ земледѣліи и въ средствахъ сообщенія, обработка могла бы еще спуститься на нѣсколько ступеней, прежде чѣмъ возрастаніе населенія и капитала достигли бы своей высшей точки; но въ Европѣ, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, хотя она и была населена гораздо меньше чѣмъ теперь, худшая обрабатывавшаяся земля, отъ дурнаго состоянія земледѣлія, была вѣроятно совершенно такъ же непроизводительна, какъ и худшая земля, обрабатываемая теперь; и земледѣліе вѣроятно и тогда достигало почти крайняго предѣла, при которомъ оно могло представлять какую нибудь выгоду, какъ и въ настоящее время. Существенное, что было сдѣлано позднѣйшимъ улучшеніемъ земледѣлія, было то, что оно увеличило производительность земли вообще и дало возможность распространить обработку и на земли гораздо худшаго качества, чѣмъ тѣ худыя земли, какія въ то время капиталистъ находилъ еще выгоднымъ обрабатывать; такимъ образомъ улучшеніе дѣлало возможнымъ гораздо большее возрастаніе капитала и населенія и постоянно подвигало дальше стѣсненную ихъ границу; но въ то же время населеніе постоянно такъ напирало на эту границу, что для него никогда не оставалось никакого свободнаго пространства, и каждый новый дюймъ земли, который улучшеніе открывало для него, въ ту же минуту былъ занимаемъ надвигавшимися колоннами. Такимъ образомъ земледѣльческое улучшеніе можно считать не столько силою, противоборствующею вліянію размноженія, сколько силою, отчасти ослабляющею узы, связывающія размноженіе.

При совокупномъ вліяніи размноженія, возрастанія капитала и земледѣльческихъ усовершенствованій, возрастаніе производства дѣйствуетъ на распредѣленіе продукта далеко не такъ, какъ дѣйствовало оно въ гипотетическихъ случаяхъ, изложенныхъ нами. Въ особенности рента подвергается тутъ измѣненію, суще-

ственно различному отъ перемѣнъ, изложенныхъ нами. Мы говорили, что великое земледѣльческое улучшеніе при внезапномъ и всеобщемъ введеніи своемъ непремѣнно понизило бы ренту, а въ дѣйствительномъ развитіи общества улучшенія даютъ рентѣ возможность постепенно подниматься до высоты, недостижимой безъ нихъ, доставляя средства воздѣлывать гораздо худшія сорты земли. Но въ случаѣ, предполагаемомъ нами теперь, и близко соотвѣтствующемъ дѣйствительному ходу дѣлъ, они немедленно имѣютъ это дѣйствіе, которое прежде являлось только отдаленнымъ результатомъ ихъ. Предположимъ, что воздѣлываніе достигло или почти достигло крайняго предѣла, допускаемаго положеніемъ техническихъ искуствъ, и потому рента почти достигла крайней высоты, до какой можетъ подняться возрастаніемъ населенія и капитала при существующемъ размѣрѣ искусства и знанія. Если бы внезапно было введено большое земледѣльческое улучшеніе, оно могло бы оттѣснить ренту далеко назадъ, предоставляя ей возвратить потерянное ею при дальнѣйшемъ возрастаніи населенія и капитала, и потомъ подниматься еще выше прежняго. Но если такое улучшеніе происходитъ медленно, какъ всегда и бываетъ, оно не оттѣсняетъ назадъ ни ренту, ни воздѣлываніе; оно только даетъ возможность рентѣ подниматься, а земледѣлію расширяться гораздо дальше предѣла, на которомъ они остановились бы безъ него. Такое дѣйствіе оно произвело бы и безъ необходимости спускаться на худшій сортъ земли, уже однимъ тѣмъ, что при немъ земля, воздѣлывавшаяся прежде, начинаетъ давать больше продукта безъ пропорціональнаго увеличенія стоимости. Если бы отъ земледѣльческихъ улучшеній всѣ воздѣлываемыя земли стали, даже съ полнымъ удвоеніемъ труда и капитала, давать удвоенный продуктъ, то всѣ ренты удвоились бы (конечно, предполагая, что по возрастанію населенія потребовалось бы это удвоеніе продукта).

Чтобы увидѣть доказательство тому, возвратимся къ прежнему нашему числовому примѣру. Три сорта земли, при одной затратѣ, даютъ съ одинаковаго пространства по 100, 80 и 60 бушелей. Если не больше, какъ съ удвоеніемъ расходовъ и потому безъ увеличенія стоимости производства, земля № 1-й станетъ давать 200, № 2-й—160, а № 3-й—120 бушелей, а если населеніе удвоившись потребуетъ всей этой прибавки продукта, то рента № 1-й будетъ не 40, а уже 80 бушелей, рента № 2-й—не 20, а уже 40 бушелей, а цѣна и цѣнность бушеля хлѣба останется прежняя; такимъ образомъ рента въ хлѣбѣ и денежная рента удвоятся. Нѣтъ на-

добности выставлять разницу между этимъ результатомъ и тѣмъ результатомъ, который, какъ мы прежде показали, происходитъ отъ улучшенія въ производствѣ, не сопровождаемаго увеличеніемъ запроса на пищу,—разница эта видна сама собою.

Такимъ образомъ земледѣльческое улучшеніе всегда въ окончательномъ результатѣ, а по обыкновенному ходу дѣлъ и немедленно,—бываетъ выгодно землевладѣльцу. Можно прибавить, что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ оно и никому, кромѣ него, не приноситъ выгоды. Когда запросъ на продуктъ идетъ совершенно ровно съ возрастаніемъ производительной силы, пища не дешевѣетъ; работники не получаютъ и временной выгоды; стоимость труда не уменьшается, а прибыль не возвышается. Сумма производства увеличилась; между работниками раздѣляется большее количество продукта, и сумма прибыли больше; но рабочая плата дѣлится между большимъ числомъ населенія, а прибыль получается съ большаго капитала, потому положеніе работника не лучше прежняго, а капиталистъ получаетъ съ извѣстнаго капитала доходъ не больше прежняго.

Результатъ этого длиннаго изслѣдованія можно выразить слѣдующими словами: экономическій прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ, ведетъ къ прогрессивному обогащенію сословія землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія работниковъ имѣетъ вообще тенденцію возрастать, а прибыль падать. Земледѣльческія усовершенствованія противодѣйствуютъ двумъ послѣднимъ результатамъ; но первый изъ нихъ, если и можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на время останавливаться, то въ окончательномъ выводѣ сильно увеличивается тѣми же самыми усовершенствованіями, и возрастаніе населенія переноситъ на однихъ землевладѣльцевъ всѣ выгоды, происходящія отъ земледѣльческаго улучшенія. Какія другія послѣдствія, дополняющія или видоизмѣняющія эти выводы, проистекаютъ изъ промышленнаго прогресса общества, построеннаго такимъ образомъ, я постараюсь показать въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

ТЕНДЕНЦІЯ ПРИБЫЛИ КЪ minimum'У

1. Въ предъидущей главѣ мы показали, что прибыль имѣетъ тенденцію падать по мѣрѣ успѣховъ общества; феноменъ этотъ былъ давно замѣченъ учеными, писавшими о промышленности и торговлѣ,

но приписывался не истинной его причинѣ, потому что не были разъяснены тогда законы, управляющіе прибылью. Адамъ Смитъ полагалъ, что прибыль опредѣляется «соперничествомъ капитала», какъ онъ выражался, и заключалъ изъ того, что при возрастаніи капитала должно также возрастать это соперничество и прибыль должна падать. Какое соперничество разумѣлъ тутъ Адамъ Смитъ, это не совсѣмъ ясно. Вотъ его слова (Wealth of Nations, кн. I, гл. 9, on Profits of Stock): «когда деньги многихъ богатыхъ купцовъ обращаются на одно дѣло, ихъ взаимное соперничество естественно ведетъ къ пониженію прибыли въ немъ; а когда возрастаютъ подобнымъ образомъ суммы во всѣхъ разныхъ отрасляхъ промышленности въ обществѣ, тоже самое соперничество должно производить во всѣхъ отрасляхъ такой же результатъ.» Эти слова заставляли бы полагать, что по мнѣнію Адама Смита, соперничество капитала понижаетъ прибыль черезъ пониженіе цѣнъ,—таковъ обыкновенный путь пониженія прибыли въ отрасли отдѣльной промышленности при увеличеніи обращаемаго на нее капитала. Но если онъ хотѣлъ сказать это, онъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство: упадокъ цѣны, дѣйствительно понижающій прибыль производителя, когда ограничивается однимъ товаромъ, перестаетъ имѣть это дѣйствіе, когда простирается на всѣ товары; потому что когда упали всѣ вещи, то упадокъ тутъ лишь номинальный, а въ дѣйствительности нѣтъ никакого упадка; даже и по счету на деньги, расходы каждаго производителя уменьшились тутъ на столько же, какъ его выручка. Конечно не то бываетъ, если при упадкѣ денежной цѣны всѣхъ другихъ вещей остается безъ упадка одна вещь, — трудъ; въ этомъ случаѣ дѣйствительный фактъ — повышеніе рабочей платы, и отъ него, а не отъ упадка цѣнъ, понизилась прибыль на капиталъ. Есть и другое обстоятельство, незамѣченное Адамомъ Смитомъ: предполагаемый тутъ у него всеобщій упадокъ цѣнъ отъ увеличившагося соперничества капиталовъ — дѣло, которому нельзя произойти. Цѣны опредѣляются соперничествомъ не однихъ продавцевъ, а также и покупателей, не однимъ предложеніемъ, а также и запросомъ. Запросъ, опредѣляющій денежныя цѣны, составляется всею суммою денегъ находящеюся въ обществѣ и назначенною на покупку товаровъ; и пока пропорція этой суммы къ товарамъ не уменьшится, нѣтъ общаго упадка цѣнъ. А если капиталъ возрастаетъ и порождаетъ увеличеніе въ производствѣ товаровъ, то какъ бы онъ ни возросталъ, извѣстная пропорція его все-таки будетъ обращена на производство или ввозъ денегъ и количество денегъ

будетъ увеличиваться пропорціонально количеству товаровъ. Если-бъ было иначе и еслибъ деньги, какъ предполагается въ такой теоріи, постоянно пріобрѣтали все больше и больше покупательной силы, то люди, которые производятъ или ввозятъ деньги, постоянно пріобрѣтали бы все больше и больше прибыли; а это неизбѣжно привлекло бы трудъ и капиталъ отъ другихъ занятій къ производству или ввозу денегъ. Въ дѣйствительности общій упадокъ цѣнъ и увеличеніе цѣнности денегъ могли бы произойти лишь вслѣдствіе увеличенія стоимости ихъ производства отъ постепеннаго истощенія рудниковъ.

Такимъ образомъ въ теоріи нельзя никакъ сказать, что возрастаніе капитала производитъ или имѣетъ тенденцію производить общее пониженіе денежныхъ цѣнъ. Да и въ дѣйствительности не обнаруживалось никогда общаго упадка цѣнъ при возрастаніи капитала. Падали въ цѣнѣ при успѣхахъ общества только тѣ вещи, въ производствѣ которыхъ происходили улучшенія болѣе значительныя, чѣмъ въ производствѣ драгоцѣнныхъ металловъ; напримѣръ, пряжа и ткани. Другія вещи не падали, а поднимались въ цѣнѣ, потому что стоимость ихъ производства увеличивалась сравнительно съ производствомъ золота и серебра. Между прочимъ поднялась цѣна всѣхъ видовъ пищи сравнительно съ цѣнами отдаленной старины. Такимъ образомъ мнѣніе, будто бы соперничество капитала понижаетъ прибыль черезъ пониженіе цѣнъ, фактически не вѣрно, а теоретически не правильно.

Но нельзя положительно сказать, что Адамъ Смитъ дѣйствительно имѣлъ такое мнѣніе: онъ говоритъ объ этомъ вопросѣ въ шаткихъ и перемѣнчивыхъ выраженіяхъ, показывающихъ, что у него не было опредѣленнаго и ясно соображеннаго мнѣнія. Иногда онъ какъ будто говоритъ, что соперничество капитала понижаетъ прибыль черезъ повышеніе рабочей платы. А говоря о величинѣ прибыли въ новыхъ колоніяхъ, онъ какъ будто готовъ уловить полную теорію этого вопроса. «При возрастаніи колоніи прибыль на затрачиваемыя суммы постепенно уменьшается; когда плодороднѣйшія и находящіяся въ наилучшемъ положеніи земли всѣ уже заняты, то воздѣлываніе земель худшихъ почвою и положеніемъ не доставляетъ уже такой большой прибыли, какъ воздѣлываніе прежнихъ.» Еслибы Адамъ Смитъ больше занялся этимъ предметомъ и систематизировалъ свое понятіе о немъ, приводя въ гармонію между собою разные взгляды, случайно брошенные на него съ разныхъ точекъ его изслѣдованія, онъ увидѣлъ бы, что въ этомъ послѣд-

немъ обстоятельствѣ находится истинная причина упадка прибыли, обыкновенно слѣдующаго за возрастаніемъ капитала.

2. Уэкфильдъ, въ своихъ комментаріяхъ на Смита и своихъ важныхъ изслѣдованіяхъ о колонизаціи, смотритъ на вопросъ гораздо яснѣе и рядомъ выводовъ, существенно правильныхъ, доходитъ до практическихъ заключеній, кажущихся мнѣ справедливыми и важными. Но не такъ хорошо удалось ему связать свои замѣчательныя соображенія съ выводами предшественниковъ и согласить съ другими истинами. Въ главѣ «о возрастаніи и предѣлахъ капитала» и слѣдующихъ двухъ главахъ у Чомерса есть нѣкоторыя мысли, сходныя тенденціей и духомъ своимъ съ мыслями Уэкфильда; но хотя онъ, какъ обыкновенно, излагаетъ свои понятія объ этомъ предметѣ съ привлекательнѣйшею наружностью ясности, въ сущности они еще сбивчивѣе понятій даже Адама Смита и еще рѣшительнѣе испорчены невѣрнымъ мнѣніемъ, будто бы соперничествомъ капитала производится общее пониженіе цѣнъ (по всему видно, что вопросъ о деньгахъ не принадлежалъ къ тѣмъ отдѣламъ политической экономіи, которые внимательно изучалъ этотъ сильный и зоркій мыслитель).

Въ короткихъ словахъ, объясненіе паденія прибыли у Уэкфильда таково. Производство имѣетъ своею границею кромѣ количества капитала и труда размѣръ «поля занятія». Поле занятія для капитала двоякое: земля страны и способность заграничныхъ рынковъ брать ея фабричные товары. На ограниченномъ пространствѣ земли находитъ себѣ занятіе съ прибылью можетъ лишь ограниченное количество капитала. При приближеніи количества капитала къ этому предѣлу прибыль падаетъ; когда предѣлъ достигается, прибыль уничтожается; возстановляться она можетъ только расширеніемъ поля занятія черезъ пріобрѣтеніе плодородной земли или черезъ открытіе новыхъ рынковъ въ заграничныхъ странахъ, изъ которыхъ пища и матеріалы могутъ закупаться продуктами домашняго капитала. Мысли эти кажутся мнѣ въ сущности вѣрными и даже противъ способа выраженія ихъ я не имѣю ничего возразить, зная, что онъ приспособленъ не столько къ научной цѣли, сколько къ популярности и практичности. Ошибка, находящаяся, по моему мнѣнію, у Уэкфильда та, что онъ полагалъ, будто его теорія противорѣчитъ принципамъ лучшей школы прежнихъ политико-экономовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она служитъ выводомъ изъ этихъ принциповъ, хотя сами эти политико-экономы вѣроятно не приняли бы такого вывода.

Самое точное научное изложеніе вопроса, сколько я знаю, представлено Уильямомъ Эллисомъ въ его статьѣ «о вліяніи машинъ» помѣщенной въ Westminster Review за январь 1826. Уэкфильдъ очевидно не зналъ этой статьи, но она раньше его пришла ко многимъ изъ главныхъ его выводовъ, хотя и другимъ путемъ. Она мало была замѣчена, отчасти потому, что напечатана была безъ имени въ журналѣ, а не отдѣльною книгою, отчасти потому, что далеко опережала собою тогдашнее положеніе политической экономіи *). Въ теоріи Эллиса вопросы и недоумѣнія, поднятые изслѣдованіями Уэкфильда и Чомерса, получаютъ разрѣшеніе согласное съ принципами политической экономіи, изложенными въ моемъ трактатѣ.

3. Въ каждой мѣстности въ данное время существуетъ извѣстная величина прибыли, ниже которой люди этой страны этого времени не находятъ въ себѣ побужденія накоплять сбереженія и производительно употреблять ихъ. Этотъ minimum прибыли различенъ по различію обстоятельствъ; онъ опредѣляется двумя элементами. Первый изъ нихъ — сила дѣятельнаго стремленія къ накопленію, степень цѣнности, какую даютъ люди этой мѣстности и эпохи будущимъ выгодамъ сравнительно съ настоящими. Онъ опредѣляетъ главнымъ образомъ наклонность къ сбереженію. Другой элементъ, опредѣляющій не столько охоту къ сбереженію, сколько наклонность къ производительному употребленію сбереженій, — степень безопасности капитала, занятаго промышленными операціями. Общая небезопасность конечно дѣйствуетъ и на наклонность къ сбереженію. Спрятанныя деньги могутъ быть источникомъ лишней опасности человѣку, который считается имѣющимъ деньги. Но они могутъ служить также могущественнымъ средствомъ отвращать опасности; потому вліяніе небезопасности въ этомъ отношеніи можно считать уравновѣшивающимся. Но когда человѣкъ употребляетъ свое сбереженіе какъ капиталъ на свои обороты, или даетъ его другимъ взаймы на такое употребленіе, тутъ всегда есть лишній рискъ сверхъ того, какому подвергается онъ, держа деньги въ праздности, спрятанными. Величина этого риска соразмѣрна общей небезопасности общественнаго быта: она можетъ равняться 20, 30 или

*) Теперь Эллисъ гораздо больше извѣстенъ по своей апостольской дѣятельности — перомъ, деньгами и личными трудами — для улучшенія народнаго образованія и въ особенности для введенія въ немъ начальныхъ основаній практической политической экономіи.

50%, можетъ не превышать одного или двухъ процентовъ: но нѣкоторый рискъ неизбѣжно тутъ есть и вѣроятная прибыль должна быть достаточна на его уравновѣшеніе.

Еслибъ капиталъ не давалъ никакой прибыли, существовали бы достаточныя побужденія дѣлать нѣкоторое количество сбереженій. Былъ бы разсчетъ откладывать въ хорошее время запасъ на дурное, сберегать что нибудь на болѣзнь и хилыя лѣта, на свободу и независимость въ старости, на помощь дѣтямъ въ началѣ ихъ карьеры. Но сбереженія, дѣлаемыя лишь для такихъ цѣлей, имѣютъ мало тенденціи увеличивать постоянно существующій капиталъ. Эти побужденія склоняютъ человѣка лишь сберегать въ одинъ періодъ жизни то, что думаетъ онъ потребить въ другомъ періодѣ, или что потребятъ его дѣти, пока не начнутъ вполнѣ обезпечивать сами себя. Тѣ сбереженія, которыми увеличивается національный капиталъ, обыкновенно проистекаютъ изъ желанія людей улучшать свое такъ называемое положеніе въ жизни или приготовлять дѣтямъ и другимъ людямъ обезпеченіе, независимое отъ ихъ усилій. А сила этихъ наклонностей очень много зависитъ отъ того, въ какой степени желаемая цѣль достигается даннымъ количествомъ и временемъ пожертвованій,—а это зависитъ отъ величины прибыли. И въ каждой странѣ есть извѣстная величина прибыли, ниже которой люди вообще не находятъ достаточныхъ причинъ сберегать только для своего обогащенія или для предоставленія другимъ лучшаго состоянія. Такимъ образомъ сбереженіе, отъ котораго увеличивается общая сумма капитала, непремѣнно требуетъ извѣстной величины прибыли,—величины, которая человѣку среднихъ свойствъ казалась бы достаточнымъ вознагражденіемъ за воздержность и давала достаточную страховую премію за рискъ. Всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ, въ которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше средняго уровня и которыхъ величина меньшая этого средняго процента прибыли уже достаточно побуждала бы къ накопленію. Но они только уравновѣшиваютъ собою другихъ, у которыхъ любовь къ тратамъ и наслажденіямъ выше средняго уровня и которые, вмѣсто сбереженія, быть можетъ расточаютъ полученное.

Я уже замѣчалъ, что этотъ minimum прибыли, необходимый для возрастанія капитала, въ однихъ состояніяхъ общества бываетъ ниже, чѣмъ въ другихъ. Можно прибавить, что характеръ общественнаго прогресса, принадлежащій нашей нынѣшней цивилизаціи, имѣетъ тенденцію понижать minimum прибыли. Вопервыхъ, одинъ изъ

безспорныхъ результатовъ этого прогресса—увеличеніе общей безопасности. Все меньше и меньше опасности представляется, что имущество будетъ истреблено войною или отнято частнымъ или общественнымъ насиліемъ, а улучшенія, которыхъ надобно ждать въ воспитаніи и въ отправленіи правосудія, или даже при отсутствіи такихъ улучшеній, возрастающее уваженіе къ общественному мнѣнію даютъ все больше и больше охраненія отъ обмана или расточительнаго и дурнаго веденія дѣлъ. Потому рискъ, соединенный съ обращеніемъ сбереженій на производительное занятіе, вознаграждается теперь меньшимъ процентомъ прибыли, чѣмъ какой требовался на это 100 лѣтъ назадъ, а впослѣдствіи будетъ требовать еще меньшаго процента, чѣмъ нынѣ. Вовторыхъ, къ слѣдствіямъ цивилизаціи принадлежитъ и то, что люди становятся все меньше и меньше рабами настоящаго, все больше и больше привыкаютъ расширять свои желанія и намѣренія на отдаленное будущее. Это возрастаніе предусмотрительности—естественный результатъ возрастанія увѣренности, съ какою можно смотрѣть на будущее; кромѣ того, ему благопріятствуютъ почти всѣ вліянія, какія имѣетъ промышленная жизнь на страсти и наклонности человѣческой натуры. Соразмѣрно тому, какъ уменьшаются катастрофы въ жизни, какъ утверждаются привычки, какъ уменьшается вѣроятность достичь большаго выигрыша чѣмъ нибудь кромѣ долгой и твердой дѣятельности, люди становятся все болѣе наклонны жертвовать настоящимъ удовольствіемъ для цѣлей въ будущемъ. Конечно, возрастающая способность къ предусмотрительности и самообладанію находитъ себѣ и другія цѣли стремленій, кромѣ увеличенія богатствъ, и скоро мы коснемся нѣкоторыхъ соображеній, проистекающихъ изъ этой стороны дѣла. Но все таки нынѣшній общественный прогрессъ имѣетъ рѣшительную тенденцію,—если не увеличивать стремленіе къ накопленію, то ослаблять препятствія къ нему и уменьшать величину прибыли, необходимую для побужденія людей къ тому, чтобы сберегать и накоплять. Но этимъ двумъ причинамъ,—по уменьшенію риска и по увеличенію предусмотрительности,—прибыль или процентъ по ссудамъ въ 3 или 4 на 100 служитъ нынѣ въ Англіи такимъ же достаточнымъ побужденіемъ къ возрастанію капитала, какъ 30 или 40 на 100 въ Бирманской имперіи или въ Англіи временъ Іоанна Безземельнаго. Въ Голландіи въ прошломъ вѣкѣ доходъ въ 2 на 100 съ государственныхъ бумагъ былъ достаточенъ для сохраненія или даже возрастанія капитала. Но если minimum прибыли можетъ измѣняться, онъ все

таки всегда существуетъ, хотя невозможно съ точностью опредѣлить его величину въ данное время: какова бы ни была она, высока или низка, но когда прибыль спустилась до нея, уже не можетъ въ это время возрастать капиталъ: страна достигла того состоянія, которое политико-экономы называютъ неподвижнымъ.

4. Теперь мы пришли къ тому окончательному выводу, для разъясненія котораго должна служить эта глава. Когда страна долго уже имѣетъ большое производство и большой чистый доходъ, служащій источникомъ сбереженій, когда поэтому давно существуютъ въ ней средства дѣлать ежегодно большую прибавку къ капиталу, то одною изъ принадлежностей быта этой страны (если она не имѣетъ, какъ Америка, большаго запаса еще невоздѣланной плодородной земли) становится тотъ фактъ, что процентъ прибыли въ ней обыкновенно держится у самой границы minimum'а и оттого страна находится на самомъ рубежѣ неподвижнаго состоянія. Я хочу сказать не то, что хотя въ одной какой нибудь изъ большихъ европейскихъ странъ скоро наступитъ это состояніе или что капиталъ не дастъ въ ней прибыли гораздо большей minimum'а необходимаго для побужденія народа этой страны къ сбереженію и накопленію. Я говорю только, что не большаго времени было бы достаточно для пониженія прибыли этого minimum'а, если бы капиталъ продолжалъ возрастать по нынѣшней пропорціи, а не происходило бы въ тоже время обстоятельствъ, имѣющихъ тенденцію возвышать прибыль. Расширеніе капитала скоро достигло бы своей крайней границы, если бы сама эта граница не раздвигалась постоянно и не оставляла больше мѣста его развитію.

Въ Англіи обыкновенный процентъ государственныхъ фондовъ, въ которыхъ риска почти не существуетъ, можно полагать съ небольшимъ 3 на 100. Потому во всѣхъ другихъ оборотахъ требуется, сверхъ вознагражденія за талантъ или хлопоты, прибыль или процентъ на столько выше этого количества, на сколько нужно для уравновѣшенія риска, какому подвергается капиталъ въ этомъ другомъ занятіи. Предположимъ, что въ Англіи достаточнымъ возбужденіемъ къ сбереженію служила бы (сверхъ страховой преміи за рискъ) чистая прибыль только въ одинъ процентъ, но что прибыль ниже этой величины не служила бы достаточнымъ возбужденіемъ. Я говорю, что простое продолженіе нынѣшняго годичнаго увеличенія капитала было бы достаточно, чтобы въ немногіе годы понизить чистую прибыль до одного процента.

*

Въ соотвѣтствіе условіямъ этой гипотезы мы должны предположить полное прекращеніе вывоза капитала на занятіе за границею. Не посылается капитала за границу ни на желѣзныя дороги, ни въ колоніи, ни въ чужія земли; эмигранты не берутъ съ собою капитала туда, банкиры и купцы перестаютъ авансировать суммы и давать кредитъ своимъ заграничнымъ корреспондентамъ. Надобно также предположить, что ни правительство, ни частные люди не дѣлаютъ займовъ на непроизводительные расходы и что прекратилась потеря капитала, происходящая теперь отъ неудачи предпріятій привлекающихъ къ себѣ надеждою на доходъ, лучшій дохода получаемаго вѣрными путями при нынѣшнемъ обыкновенно низкомъ процентѣ прибыли. Надобно предположить, что всѣ сбереженія общества ежегодно обращаются на дѣйствительно производительное занятіе въ самой Англіи и что не открывается новыхъ путей капиталу промышленными изобрѣтеніями или распространеніемъ лучшихъ существующихъ способовъ производства въ замѣну менѣе совершенныхъ.

Едва ли кто усомнится сказать, что въ такомъ случаѣ очень трудно будетъ ежегодно находить выгодное употребленіе такой массѣ новаго капитала и почти всѣ скажутъ, что произойдетъ такъ называемое общее переполненіе рынковъ, что производящіеся товары будутъ оставаться не проданными или продаваться лишь въ убытокъ. Но сдѣланное нами полное изслѣдованіе этого вопроса уже показало (кн. III, гл. XIV), что затрудненіе обнаружится не этимъ способомъ. Онъ будетъ состоять не въ недостаткѣ рынка. Если новый капиталъ будетъ распредѣляться какъ слѣдуетъ, по множеству разныхъ занятій, онъ будетъ усиливать запросъ на свой продуктъ и не будетъ причины, чтобы какая нибудь часть этого продукта оставалась тогда безъ сбыта дольше, чѣмъ прежде. Въ дѣйствительности произошло бы нѣчто иное: стало бы не только трудно, но и невозможно употреблять этотъ капиталъ въ дѣло, не подвергаясь быстрому уменьшенію процента прибыли.

При возрастаніи капитала населеніе или станетъ также возрастать или не станетъ. Если не станетъ, то будетъ подниматься рабочая плата и между прежнимъ числомъ работниковъ станетъ распредѣляться на рабочую плату большая сумма капитала. Между тѣмъ количество труда не увеличилось и нѣтъ изобрѣтеній, увеличивающихъ болѣе его успѣшность; потому не будетъ увеличенія въ продуктѣ. Капиталъ, возрастая въ какой угодно пропорціи, доставляетъ валовую выручку не больше прежней; потому все сбереженіе

каждаго года составляетъ вычетъ изъ прибыли слѣдующаго года и всѣхъ будущихъ годовъ. Едва ли надобно говорить, что въ такихъ обстоятельствахъ прибыль очень скоро упадетъ до границы, на которой прекращается дальнѣйшее возрастаніе капитала. Увеличиваясь гораздо быстрѣе населенія, капиталъ скоро долженъ достичь крайняго предѣла, если съ тѣмъ вмѣстѣ не будетъ отъ изобрѣтеній и открытій или отъ улучшеній нравственнаго и физическаго воспитанія увеличиваться успѣшность труда, или не станутъ дѣлаться производительными работниками нѣкоторые изъ непроизводительныхъ работниковъ и праздныхъ людей.

Если населеніе будетъ возрастать вмѣстѣ съ возрастаніемъ капитала и соразмѣрно ему, то пониженіе прибыли также будетъ не избѣжно. Съ размноженіемъ людей соединено возрастаніе запроса на земледѣльческій продуктъ. При отсутствіи промышленныхъ усовершенствованій этотъ запросъ не можетъ удовлетворяться иначе, какъ съ увеличеніемъ стоимости производства или отъ воздѣлыванія худшей земли или отъ тщательнаго и дорогаго воздѣлыванія прежней земли. Такимъ образомъ стоимость содержанія работника увеличивается и если работники не согласны на ухудшеніе своего быта, прибыль должна падать. Въ старой странѣ, какова Англія, упадокъ прибыли будетъ очень быстръ, если, предположивъ, что остановилось всякое улучшеніе англійскаго земледѣлія, мы предположимъ также, что въ заграничныхъ странахъ не увеличивается производство для англійскаго рынка. Если будутъ заперты оба эти пути къ увеличенію предложенія пищи, а населеніе станетъ возрастать по тысячѣ человѣкъ въ день (какъ возрастаетъ, говорятъ, теперь), то скоро будетъ воздѣлана вся праздная земля, доступная воздѣлыванію при нынѣшнемъ состояніи знаній и стоимость производства и цѣна пищи такъ возрастутъ, что прибыль очень быстро дойдетъ до minimum'а, если работники будутъ получать увеличенную денежную плату, необходимую для уравновѣшенія прибавки въ ихъ расходахъ. Упадокъ прибыли замедлится, если денежная рабочая плата не станетъ подниматься или будетъ подниматься меньше цѣны хлѣба, но отсрочка, какую можно выиграть ухудшеніемъ быта работниковъ, очень мала: вообще положеніе работниковъ *не можетъ* стать много хуже нынѣшняго; а если положеніе нѣкоторыхъ работниковъ выше общаго уровня, то у нихъ выше и норма необходимыхъ потребностей, и они *не согласятся* много понизить ее. Такимъ образомъ — дѣло доказанное, что въ странахъ, подобныхъ Англіи, прибыль быстро упала бы до minimum'а и всякое дальнѣйшее накопленіе капитала при

данномъ положеніи вещей прекратилось бы, если бы продолжался нынѣшній годичный размѣръ сбереженій и не было бы противодѣйствующихъ обстоятельствъ, задерживающихъ теперь естественную тенденцію этихъ сбереженій понижать прибыль.

5. Въ чемъ же состоятъ эти противодѣйствующія обстоятельства, которыя при существующемъ порядкѣ дѣлъ выдерживаютъ довольно ровную борьбу противъ тенденціи прибыли къ пониженію и не даютъ большому ежегодному сбереженію, происходящему въ Англіи, понизить прибыль до гораздо большей близости къ minimum'у, къ которому она постоянно тяготѣетъ и котораго она такъ скоро достигла бы будучи предоставлена самой себѣ? Эти противодѣйствующія силы различны.

На первомъ мѣстѣ между ними поставимъ силу, которая такъ проста и замѣтна, что нѣкоторые политико-экономы, особенно Сисмонди и Чомерсъ, почти забывали изъ-за нея о всѣхъ другихъ. Это обстоятельство — потеря капитала въ періоды чрезмѣрныхъ оборотовъ и опрометчивой спекуляціи и въ коммерческіе кризисы, всегда слѣдующіе за такими періодами. Правда, что значительная часть теряемаго въ такіе періоды не уничтожается, а только переходитъ, подобно потерямъ игрока, въ руки болѣе счастливыхъ спекулянтовъ. Но даже и изъ этой только переходящей части очень большая доля достается всегда иностранцамъ черезъ опрометчивую покупку чрезвычайнаго количества иностранныхъ товаровъ по высокимъ цѣнамъ. А многое безусловно пропадаетъ. Открываются рудники, строятся желѣзныя дороги и мосты, начинается много другихъ работъ, прибыль отъ которыхъ невѣрна, и въ эти предпріятія кладется много капитала, который не даетъ выручки, соразмѣрной издержкамъ или вовсе никакой выручки. Строятся фабрики и машины въ количествѣ, какого не требуетъ рынокъ и какому не достанетъ занятія. Если они и будутъ заняты, все таки капиталъ затраченъ, — онъ перешолъ изъ оборотнаго въ основной и пересталъ имѣть вліяніе на рабочую плату и прибыль. Кромѣ того потребляется много капитала непроизводительнымъ образомъ во время застоя, слѣдующаго за періодомъ чрезмѣрнаго расширенія оборотовъ. Промышленныя заведенія закрываются или работаютъ изъ прибыли, работники отпускаются, а множество лицъ всѣхъ сословій, будучи лишены своего дохода, должны жить насчетъ прежнихъ сбереженій и по минованіи кризиса видятъ себя болѣе или менѣе обѣднѣвшими. Таковы слѣдствія коммерческаго кризиса, а происходятъ такіе кризисы почти періодически отъ самой

тенденціи прибыли къ пониженію. Когда нѣсколько лѣтъ прошло безъ такого кризиса, накопляется столько капитала въ прибавокъ къ прежнему, что невозможно находить ему занятія съ обычною прибылью: всѣ общественные фонды поднимаются до высокой цѣны, процентъ по первоклассным торговымъ векселямъ падаетъ очень низко, а всѣ коммерческіе люди жалуются, что нѣтъ выгодныхъ оборотовъ. Не доказываетъ ли это, какъ быстро спустилась бы прибыль до minimum'а и капиталъ достигъ бы неподвижнаго состоянія, еслибъ эти накопленія шли безъ противодѣйствующихъ силъ? Но уменьшеніе всѣхъ нерискованныхъ выгодъ располагаетъ людей охотно принимать всѣ проэкты, представляющіе надежду болѣе высокой прибыли, хотя и съ рискомъ потери; изъ этого проистекаютъ спекуляціи, которыя съ послѣдующими реакціями уничтожаютъ или передаютъ иностранцамъ значительное количество капитала, производятъ временное повышеніе процентовъ и прибыли, очищаютъ мѣсто новымъ накопленіямъ, и затѣмъ снова совершается тотъ же кругъ.

Эта причина безъ сомнѣнія сильно останавливаетъ упадокъ прибыли къ minimum'у, поглощая отъ времени до времени часть накопленной массы, давящей прибыль внизъ. Но главная причина задержки не въ этомъ, какъ можно было бы подумать по словамъ нѣкоторыхъ писателей. Еслибъ дѣло зависѣло главнымъ образомъ отъ этихъ потрясеній, капиталъ страны не возросталъ бы, а въ Англіи возрастаетъ онъ сильно и быстро, какъ видимъ изъ того, что увеличивается доходность почти всѣхъ налоговъ, постоянно растутъ всѣ признаки національнаго богатства и быстро размножается населеніе и притомъ состояніе работниковъ въ общей сложности навѣрное не становится хуже. Эти факты доказываютъ, что каждая коммерческая реакція при всей своей раззорительности далеко не уничтожаетъ всего капитала, прибавленнаго къ накопленіямъ страны со времени предшествовавшей реакціи и что постоянно находится или открывается мѣсто выгодному занятію постоянно возрастающаго капитала безъ пониженія прибыли.

6. Это приводитъ насъ къ другой силѣ противодѣйствующей паденію прибыли, къ улучшеніямъ въ производствѣ. Они очевидно расширяютъ такъ называемое у Уэкфильда поле занятія, то есть открываютъ возможность накоплять и употреблять въ дѣло большую сумму капитала безъ пониженія прибыли,—разумѣется, если они не возвышаютъ соразмѣрно своему дѣйствію привычекъ и потребностей работника. Если рабочій классъ пользуется всею выго-

дою отъ удешевленія продуктовъ, иными словами, если денежная рабочая плата не падаетъ, то прибыль не возвышается и не замедляется ея паденіемъ. Но если работники размножаются пропорціонально улучшенію ихъ обстоятельствъ и черезъ это падаютъ до прежняго положенія, то прибыль возвышается. Всѣ изобрѣтенія, удешевляющія тотъ или другой потребляемый работниками предметъ, понижаютъ съ теченіемъ времени денежную рабочую плату, если потребности работниковъ не возвышаются соразмѣрно удешевленію; а пониженіе денежной рабочей платы даетъ возможность накопиться и пойти въ дѣло большему количеству капитала прежде, чѣмъ прибыль снова упадетъ до прежней величины.

Не совершенно такимъ способомъ дѣйствуютъ улучшенія, касающіяся предметовъ, исключительно употребляемыхъ богатыми сословіями. Удешевленіе кружевъ или бархата нимало не уменьшаетъ стоимости труда, и невозможно отыскать, какимъ бы способомъ могло оно возвысить прибыль и дать мѣсто расширенію капитала безъ пониженія прибыли къ minimum'у. Но оно производитъ другой результатъ, въ сущности равносильный тому: оно понижаетъ или имѣетъ тенденцію понижать самый minimum. Во первыхъ дешевизна предметовъ потребленія возбуждаетъ наклонность къ сбереженію, давая всѣмъ потребителямъ излишекъ, который могутъ они беречь, сохраняя прежній образъ жизни, и если прежде не подвергались они тяжелымъ лишеніямъ, то немного нужно самообладанія имъ, чтобы сберечь хотя часть этого излишка. Во вторыхъ всякая возможность жить по прежнему съ меньшимъ доходомъ располагаетъ людей капитализировать для меньшаго процента прибыли. Если на 500 ф. дохода стало можно вести такой же независимый образъ жизни, какъ на 1000 ф., то изъ людей, которыхъ прежде отталкивала отдаленность цѣли, нѣкоторые станутъ сберегать для цѣли, сдѣлавшейся болѣе близкою. Такимъ образомъ всякое улучшеніе въ производствѣ почти всякаго безъ исключенія товара ведетъ въ нѣкоторой степени къ расширенію промежутка, по которому должна спуститься прибыль, прежде чѣмъ настанетъ неподвижное состояніе. Но это качество въ особенно сильной степени принадлежитъ улучшеніямъ, касающимся предметовъ, потребляемыхъ работниками, потому что такія улучшенія дѣйствуютъ двояко: возбуждаютъ людей къ накопленію для менѣе высокой прибыли и съ тѣмъ вмѣстѣ возвышаютъ самую прибыль.

7. Пріобрѣтеніе новой возможности получать готовые товары изъ за границы равнозначительно улучшеніямъ производства машинными усовершенствованіями или привозомъ изъ за границы удешевляются предметы необходимости, это все равно по отношенію къ рабочей платѣ и прибыли. Если работникъ не получаетъ и не удерживаетъ улучшеніемъ своей привычной нормы всю выгоду отъ этого, стоимость труда понижается, а процентъ прибыли увеличивается. Пока привозъ пищи для размножающагося населенія можетъ продолжаться безъ уменьшенія дешевизны, пониженіе прибыли отъ роста населенія и капитала задерживается и накопленіе можетъ продолжаться, не приближая прибыль къ minimum'у. Поэтому нѣкоторые думаютъ, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ открыла Англіи долгую эру быстраго возрастанія капитала безъ уменьшенія прибыли.

Прежде чѣмъ станемъ разсматривать, основательна ли такая надежда, мы должны сдѣлать замѣчаніе, сильно разнорѣчащее съ господствующими мыслями. Заграничная торговля не всегда непремѣнно увеличиваетъ поле занятія для капитала. Прибыль еще не возвышается отъ одного того, что открылся рынокъ для продуктовъ страны. Если въ обмѣнъ за эти продукты получаются только предметы роскоши для богатыхъ людей, издержки капиталиста не уменьшаются, прибыль нимало не поднимается и не очищается мѣсто для большаго накопленія капитала безъ уменьшенія прибыли; и если тутъ сколько нибудь замедляется наступленіе неподвижнаго состоянія, то развѣ потому, что уменьшеніе стоимости, за какую можно пользоваться извѣстною степенью роскоши, можетъ возбудить людей дѣлать съ этою цѣлью новыя сбереженія съ процентомъ прибыли, низшимъ прежняго. Заграничная торговля очищаетъ мѣсто для увеличенія капитала съ прежнею прибылью тогда, когда черезъ нее за меньшую стоимость получаются предметы необходимости или обыкновеннаго потребленія работниковъ. Заграничная торговля дѣлаетъ это двумя способами, ввозомъ или самыхъ товаровъ или средствъ и принадлежностей къ ихъ производству. Дешевизна желѣза въ извѣстной степени дѣйствуетъ на прибыль и на стоимость труда, точно также какъ дешевизна желѣза удешевляетъ земледѣльческія орудія и машины, выдѣлывающія одежду. Но такая заграничная торговля, которая ни прямо ни косвенно не удешевляетъ ничего, потребляемаго работниками, точно такъ же ни мало не повышаетъ прибыли и не замедляетъ ея паденія, какъ изобрѣтеніе или открытіе подобнаго же рода;

она только замѣняетъ производствомъ товаровъ для иностранныхъ рынковъ домашнее производство предметовъ роскоши, не уменьшая и не увеличивая размѣръ занятія для капитала. Правда впрочемъ, что въ странѣ, уже ввозящей предметы необходимости или матеріалы, едва ли найдется вывозная торговля подходящая подъ эти условія; въ такой странѣ всякое увеличеніе вывоза даетъ странѣ возможность получать всѣ привозные товары дешевле прежняго.

Если страна допускаетъ свободный привозъ всякой пищи, всѣхъ предметовъ необходимости и всѣхъ матеріаловъ для такихъ предметовъ изъ всѣхъ частей свѣта (какъ теперь можно почти безусловно, а скоро можно будетъ совершенно безусловно сказать объ Англіи), то величина прибыли въ ней поддерживается уже плодородностью не ея собственной земли, а земли цѣлаго свѣта. Остается намъ разсмотрѣть, много ли можно разсчитывать на то, что этотъ ресурсъ очень долгое время въ силахъ будетъ устоять противъ тенденціи прибыли понижаться съ возрастаніемъ капитала.

Разумѣется надобно предположить тутъ, что съ возрастаніемъ капитала возрастаетъ и населеніе, потому что иначе повышеніе рабочей платы отъ неподвижности населенія понизило бы прибыль, несмотря ни на какую дешевизну пищи. Предположимъ же, что населеніе Великобританіи возрастаетъ по нынѣшней пропорціи и съ каждымъ годомъ требуетъ привоза пищи значительно большаго, чѣмъ въ прошломъ году. Это ежегодное увеличеніе пищи, требуемой изъ вывозящихъ странъ, должно получаться или большими улучшеніями въ ихъ земледѣліи или приложеніемъ значительнаго прибавочнаго капитала къ производству пищи въ нихъ; другихъ способовъ къ тому нѣтъ. По первому пути прогрессъ едва ли можетъ не быть очень медленъ отъ грубости и невѣжества земледѣльческихъ классовъ въ европейскихъ странахъ, вывозящихъ хлѣбъ, а Британскія колоніи и Соединенные Штаты уже пользуются почти всѣми существующими улучшеніями, годящимися для ихъ обстоятельствъ. Остается другой ресурсъ — расширеніе воздѣлываемой земли. Объ этомъ надобно замѣтить, что надобно еще создать почти весь капиталъ, требуемый на такое дѣло. Въ Польшѣ, Россіи, Венгріи, Испаніи капиталъ растетъ чрезвычайно медленно. Въ Америкѣ быстро, но не быстрѣе, чѣмъ населеніе. Главный фондъ, который можно употребить теперь на снабженіе Англіи ежегодно возрастающимъ ввозомъ хлѣба — та часть ежегодныхъ сбереженій Америки, которая до сихъ поръ употреблялась на увеличеніе фабричныхъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ и кото-

рую свободная торговля, быть можетъ, обратитъ отъ этого дѣла на производство пищи для нашего рынка. Если не произойдетъ большихъ улучшеній въ земледѣліи, то нельзя и ожидать, чтобы этотъ ограниченный источникъ снабженія расширялся въ уровень съ растущимъ запросомъ населенія, столь быстро размножающагося въ Англіи; и если наше населеніе и нашъ капиталъ будутъ возрастать съ нынѣшнею быстротою, то единственнымъ способомъ продлить снабженіе населенія дешевою пищею будетъ посылать капиталъ за границу на производство пищи.

8. Это приводитъ насъ къ послѣдней изъ силъ противодѣйствующихъ тенденціи прибыли къ упадку въ странѣ, капиталъ которой растетъ быстрѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ и прибыль въ которой спустилась потому ближе къ minimum'у, чѣмъ въ нихъ. Сила эта—постоянный переливъ капитала въ колоніи или въ чужія земли для полученія прибыли выше той, какая получается на родинѣ. Я полагаю, что уже давно эта сила служитъ одною изъ главныхъ причинъ, останавливавшихъ пониженіе прибыли въ Англіи. Дѣйствуетъ она двояко: во первыхъ она производитъ то, что произвели бы пожаръ, наводненіе или коммерческій кризисъ: она уноситъ часть той прибавки къ капиталу, отъ которой происходитъ уменьшеніе прибыли. Вовторыхъ, уносимый ею капиталъ не пропадаетъ, а употребляется главнымъ образомъ или на основаніе колоній, начинающихъ вывозить большое количество дешеваго земледѣльческаго продукта, или на расширеніе и отчасти на улучшеніе земледѣлія старыхъ обществъ. Отъ эмиграціи англійскаго капитала должны мы главнымъ образомъ ждать возможности, что поддержится пропорціональный нашему размноженію подвозъ дешевой пищи и дешевыхъ матеріаловъ для одежды и будетъ находиться безъ пониженія прибыли занятіе для возрастающаго капитала на родинѣ въ производствѣ фабричныхъ товаровъ для уплаты за это снабженіе насъ сырыми матеріалами. Такимъ образомъ вывозъ капитала — очень сильное средство для расширенія поля занятія остающемуся капиталу и до извѣстной степени можно сказать, что чѣмъ больше капитала мы высылаемъ, тѣмъ больше будемъ мы имѣть и прибыльно употреблять капиталъ на родинѣ.

Въ странахъ, опередившихъ другія промышленностію и густотою населенія, а потому имѣющихъ болѣе низкій процентъ прибыли, задолго до достиженія дѣйствительнаго minimum'а, непремѣнно является практическій minimum,—онъ является, когда прибыль уже упала на столько ниже, чѣмъ за границею, что еслибы

она упала еще ниже, то всѣ дальнѣйшія накопленія пошли бы за границу. При настоящемъ положеніи промышленности, когда надобно соображать для практическихъ цѣлей minimum прибыли въ богатой и прогрессирующей странѣ, то слѣдуетъ принимать въ соображеніе только этотъ практическій minimum. Пока есть старыя страны, гдѣ капиталъ растетъ очень быстро, и новыя страны, гдѣ прибыль еще высока, прибыль въ старыхъ странахъ не упадетъ до величины, при которой останавливалось бы накопленіе: паденіе остановится на той степени, съ которой капиталъ идетъ за границу. Но только улучшеніями въ производствѣ и собственно только въ производствѣ предметовъ, потребляемыхъ работниками, капиталъ въ такой странѣ, какъ Англія, удерживается отъ быстраго доведенія прибыли до такого низкаго процента, при которомъ всѣ дальнѣйшія сбереженія посылались бы искать занятія въ колоніяхъ или чужихъ земляхъ.

ГЛАВА V.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕНДЕНЦІИ ПРИБЫЛИ КЪ minimum.

1. Теорія связи между накопленіемъ процента прибыли, изложенная въ предъидущей главѣ, существенно измѣняетъ многіе изъ практическихъ выводовъ, которые безъ того казались бы вытекающими изъ принциповъ политической экономіи и на самомъ дѣлѣ признавались за истину первокласными политико-экономами.

Теорія эта должна очень ослабить или лучше сказать совершенно уничтожить въ странахъ, гдѣ прибыль низка, прежнюю привычку политико-экономовъ приписывать безмѣрную важность вліянію событій или правительственныхъ мѣръ на увеличеніе или уменьшеніе капитала страны. Низшій процентъ прибыли служитъ, какъ мы видѣли, доказательствомъ, что энергія духа накопленія и быстрота возрастанія капитала далеко превозмогаютъ противоборствующія имъ элементы,—силу улучшеній въ производствѣ и возрастаніе подвоза дешевыхъ предметовъ необходимости изъ-за границы, и что если бы значительная часть ежегодной прибавки къ капиталу не уничтожалась періодически или не вывозилась на заграничное употребленіе, то страна быстро достигла бы той степени, на которой дальнѣйшее накопленіе прекратилось бы, или по крайней мѣрѣ само собою ослабилось бы, чтобы не опережать хода изобрѣтеній въ искусствахъ, производящихъ предметы необходи-

мости. При такомъ положеніи дѣлъ, внезапное увеличеніе капитала страны, не сопровождаемое увеличеніемъ въ производительной силѣ, сохранится не на долго: уменьшая прибыль и проценты, оно или уменьшитъ на соотвѣтствующую сумму сбереженія, какія были бы сдѣланы въ слѣдующій годъ или въ два, или заставитъ выслать такую же сумму за границу или растратить ее въ опрометчивыхъ спекуляціяхъ. Внезапный вычетъ изъ капитала также не производитъ существеннаго обѣдненія страны, если не будетъ имѣть чрезмѣрной величины. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ странѣ будетъ существовать столько же капитала, какъ еслибъ не было взято изъ него ничего. Вычетъ, поднявъ прибыль и проценты, дастъ накопляющей силѣ новое возбужденіе, которое быстро пополнитъ опустѣвшее мѣсто. Единственнымъ результатомъ будетъ вѣроятно то, что на нѣсколько времени меньше капитала будетъ вывозиться или пропадать въ рискованныхъ спекуляціяхъ.

Такой взглядъ на вещи, во первыхъ, значительно ослабляетъ въ богатой и промышленной странѣ силу экономическаго аргумента противъ расходованія общественныхъ денегъ на предметы, существенно полезные, хотя бы и непроизводительные въ промышленномъ смыслѣ. Если предлагается взять займомъ значительную сумму для какого-нибудь великаго дѣла справедливости или филантропіи,—напримѣръ, для промышленнаго возрожденія Ирландіи, для обширнаго плана колонизаціи или для національнаго воспитанія—политическіе люди не должны возражать, что поглощеніе такой массы капитала изсушитъ постоянные источники богатства страны, уменьшитъ фондъ, изъ котораго содержится рабочее сословіе. При самой крайней величинѣ, расходъ, нужный для той или другой изъ подобныхъ цѣлей, по всей вѣроятности не отниметъ занятія ни у одного работника и не уменьшитъ производство слѣдующаго года ни однимъ локтемъ миткаля, ни однимъ бушелемъ пшеницы. Въ бѣдныхъ странахъ, капиталъ страны требуетъ заботливыхъ попеченій законодателя, обязаннаго прикасаться къ нему лишь съ величайшей осторожностью и всѣми силами покровительствовать тому, чтобъ онъ накоплялся въ самой странѣ и вносился въ нее изъ-за границы. Но у богатыхъ, многолюдныхъ и высоко воздѣланныхъ странъ недостатокъ не въ капиталѣ, а въ плодородной землѣ, и законодатель долженъ желать не увеличенія въ массѣ накопленій, а увеличенія выручки съ этихъ накопленій черезъ улучшенія въ земледѣліи или открытіе доступа къ продукту болѣе плодородной земли другихъ странъ; этому, а не увеличенію накопле-

ній долженъ помогать законодатель въ такихъ странахъ. Тутъ и правительство можетъ, не уменьшая національнаго богатства брать (лишь бы не слишкомъ большую) часть капитала страны и расходовать ее какъ доходъ; эта сумма будетъ взята изъ той части годичныхъ сбереженій, которая иначе пошла бы за границу, или изъ непроизводительныхъ расходовъ частныхъ лицъ въ слѣдующій годъ или два; каждый взятый такимъ образомъ милліонъ оставляетъ націи мѣсто сберечь другой милліонъ, не доходя до степени, съ которой капиталъ переливается за границу. Когда цѣль правительственнаго расхода заслуживаетъ того, чтобы пожертвовать для нея извѣстною суммою, идущею на мимолетныя удовольствія націи, то единственнымъ основательнымъ экономическимъ возраженіемъ противъ способа брать необходимую сумму прямо изъ капитала черезъ заемъ служитъ возникающее изъ этого неудобство брать потомъ суммы посредствомъ налоговъ на уплату процентовъ долга.

Эти же самыя соображенія даютъ намъ возможность оставить въ сторонѣ, какъ не стоющій вниманія, одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ аргументовъ противъ эмиграціи, какъ средства для улучшенія положенія рабочихъ классовъ. Говорятъ, эмиграція не можетъ принести пользу рабочему классу, потому что вслѣдствіе издержекъ на эмиграцію на столько уменьшается капиталъ страны, на сколько уменьшилось отъ эмиграціи ея населеніе. Но при самой обширной колонизаціи капиталъ уменьшается, я думаю, не въ равной пропорціи съ населеніемъ, а въ гораздо меньшей, чѣмъ утверждаютъ: но даже если допустить и это невозможное предположеніе, то все-таки было бы ошибкой предполагать, что эмиграція не даетъ выгодъ рабочему классу. Еслибы одна десятая часть рабочаго населенія Англіи была переселена въ колоніи и на это была истрачена одна десятая часть оборотнаго капитала страны, взятая изъ рабочей платы или изъ прибыли, или изъ обѣихъ, то все-таки произошли бы большія выгоды для Англіи, вслѣдствіе уменьшенія гнета капитала и населенія на плодородіе почвы. Тогда уменьшился бы запросъ на пищу: самыя неудобныя земли перестали бы обрабатываться, а самыя высшія по качеству обрабатывались бы по низшей цѣнѣ, но съ большей пропорціей дохода; пища понизилась бы въ цѣнѣ, и хотя денежная рабочая плата и не повысилась бы, однако положеніе каждаго работника значительно улучшилось бы; и это улучшеніе сдѣлалось бы прочнымъ, еслибы оно не сопровождалось вліяніемъ на увеличеніе населенія и на пониженіе рабочей платы; вслѣдствіе этого возрасла

бы прибыль и накопленіе усилилось бы на столько, чтобы возна-градить потерю капитала на эмиграцію. Землевладѣльцы потерпѣли бы нѣкоторое уменьшеніе въ ихъ доходахъ, да и то только въ томъ случаѣ, еслибы эмиграція была такъ обширна, чтобы дѣйствительно уменьшила постоянную сумму капитала и населенія, а не просто только уносила изъ страны ежегодное ихъ приращеніе.

2. По тѣмъ же основаніямъ мы теперь можемъ дойти до окончательнаго вывода о томъ, какъ и какое вліяніе машины и вообще всякія безвозвратныя затраты капитала съ производительною цѣлью имѣютъ на интересы рабочаго класса немедленно и въ окончательномъ результатѣ. Характеристическое свойство промышленныхъ улучшеній этого рода—превращеніе оборотнаго капитала въ основной; мы показывали (т. I, стр. 127), что въ странѣ, гдѣ капиталъ накопляется медленно, введеніе машинъ, прочныхъ усовершенствованій земли и т. д. дѣйствуетъ въ первое время очень вредно: быть можетъ, что употребленный на то капиталъ прямо вынутъ изъ фонда рабочей платы, средства жизни для народа и занятіе для труда сократились, валовой годичный продуктъ страны сталъ меньше прежняго. Но въ странѣ, гдѣ годичное сбереженіе велико, а прибыль низка, нельзя опасаться такого хода дѣлъ. Въ такой странѣ общая сумма фонда рабочей платы нисколько не уменьшается даже отъ эмиграціи капитала, ни отъ его непроизводительнаго расхода, ни его совершенной потери, если эти факты происходятъ не въ чрезмѣрномъ объемѣ; тѣмъ меньше можетъ являться такое слѣдствіе отъ простого обращенія такой же суммы въ основной капиталъ. Тутъ лишь выпускается однимъ жолобомъ то, что уже вытекало другимъ; а если бы и не такъ, то увеличившійся просторъ въ резервуарѣ только втягиваетъ больше втекающей массы. Потому я не могу согласиться съ людьми, опасающимися вреда для производительныхъ средствъ страны отъ затраты большихъ суммъ на желѣзныя дороги, хотя отъ процесса ихъ затраты случались вредныя колебанія денежнаго рынка. Я не согласенъ съ съ ними не по нелѣпому мнѣнію (которое напрасно и опровергать передъ человѣкомъ, знающимъ первыя начала науки), будто бы расходъ на желѣзныя дороги — простой переходъ суммъ изъ рукъ въ руки, при которомъ ничто не теряется и не уничтожается. Это можно сказать только о суммахъ, расходуемыхъ на покупку земли, и о части суммъ платимыхъ парламентскимъ агентамъ, повѣреннымъ инженерамъ и землемѣрамъ, которые сберегаютъ часть получаемаго, такъ что она снова дѣлается капиталомъ. Но то, что

дѣйствительно израсходовано на самую постройку желѣзной дороги, потеряно и пропало: разъ будучи израсходованъ, этотъ капиталъ уже никогда не будетъ годиться въ рабочую плату и на содержаніе работниковъ; въ балансѣ выходитъ, что потреблено извѣстное количество пищи, одежды и орудій, и въ замѣнъ того страна пріобрѣла желѣзную дорогу. Я говорю другое: суммы употребленныя на это просто взяты изъ годичнаго переполненія, которое иначе вылилось бы за границу или растеклось бы непроизводительно, не оставивъ по себѣ ни желѣзной дороги и никакого осязаемаго результата. Биржевая игра на желѣзныя дороги въ 1844 и 1845 годахъ вѣроятно избавила Англію отъ упадка прибыли и процентовъ и отъ возвышенія всѣхъ государственныхъ и частныхъ бумагъ, которое породило бы еще болѣе сумасбродства въ спекуляціяхъ; а при неурожаѣ, дѣйствіемъ котораго потомъ еще больше запутались результаты реакціи, дѣло кончилось бы коммерческимъ кризисомъ еще гораздо сильнѣйшимъ испытаннаго въ слѣдующіе годы. Въ странахъ болѣе бѣдныхъ, пароксизмы горячки по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ могли бы имѣть слѣдствія болѣе вредныя чѣмъ въ Англіи, еслибы въ этихъ странахъ значительная часть капитала въ подобныхъ предпріятіяхъ не принадлежала иностранцамъ. Операціи постройки желѣзныхъ дорогъ у многихъ націй могутъ считаться какъ бы соперничествомъ запроса на переполняющійся капиталъ странъ, гдѣ прибыль низка, а капиталъ изобиленъ, какъ въ Англіи и Голландіи. Спекуляціи на желѣзныя дороги въ Англіи служатъ выраженіемъ усилій удержать капиталъ дома, а въ другихъ странахъ—усилій получить его *).

Изъ этихъ разъясненій уже видно, что въ богатыхъ странахъ валовой продуктъ и масса занятія для труда едва ли могутъ когда уменьшаться отъ превращенія оборотнаго капитала въ основной, черезъ постройку желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, кораблей, машинъ, каналовъ, черезъ сооруженія по рудникамъ, по дренажу и орошенію. Дѣло рѣшается въ пользу этого факта, когда мы сообразимъ, что всякое такое превращеніе капитала имѣетъ харак-

*) Едва ли надобно выставлять, до какой степени оправдались послѣдующими событіями эти замѣчанія, оставленныя мною въ первоначальномъ видѣ, какъ были въ первомъ изданіи. Капиталъ Англіи, вмѣсто того чтобы сколько нибудь уменьшиться отъ великости суммъ, положенныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, скоро сталъ снова переполняться.

теръ улучшеній въ производствѣ, которые въ результатѣ ведутъ—что уменьшаютъ оборотный капиталъ, а напротивъ служатъ необходимыми условіями его возрастанія, потому что только черезъ нихъ страна получаетъ возможность постоянно увеличивать капиталъ, безъ пониженія прибыли до процента, при которомъ остановилось бы накопленіе. Едва ли найдется такой способъ увеличенія основнаго капитала, отъ котораго не пріобрѣтала бы страна возможность имѣть оборотный капиталъ большаго размѣра, чѣмъ какой могъ безъ того возникнуть и найти себѣ занятіе въ странѣ; это оттого, что возникновеніемъ каждой отрасли основнаго капитала (если дѣло окажется успѣшно) удешевляются товары, на которые расходуется рабочая плата. Всякая затрата капитала на прочное улучшеніе земли уменьшаетъ стоимость пищи и матеріаловъ; почти всякое усовершенствованіе машинъ удешевляетъ пищу или квартиру работника или орудія, которыми производятся одежда и жилища; улучшенія путей, напримѣръ, желѣзныя дороги удешевляютъ для потребителя всѣ товары, подвозимые къ его рынку. Слѣдствіе всѣхъ этихъ улучшеній то, что работники, если не увеличиваютъ пропорцію своего размноженія, живутъ на прежнюю денежную рабочую плату лучше прежняго. Если же они размножаются быстрѣе прежняго и потому рабочая плата падаетъ, то по крайней мѣрѣ возвышаетъ прибыль, и при этомъ прямомъ возбужденіи къ накопленію, открывается капиталу мѣсто увеличиться прежде, чѣмъ снова будетъ разсчетъ посылать его за границу. Промежутокъ для накопленія передъ границею неподвижнаго состоянія расширяется даже улучшеніями, не удешевляющими потребляемыхъ работникомъ вещей, не поднимающими въ странѣ прибыли и не удерживающими въ ней капитала, потому что они, какъ мы видѣли, понижаютъ minimum прибыли, нужной для того, чтобы люди хотѣли сберегать.

Такимъ образомъ слѣдуетъ заключить, что улучшенія въ производствѣ и переселеніе капитала на болѣе плодородную почву и неразработанные рудники ненаселенныхъ и слабо населенныхъ странъ не уменьшаютъ на родинѣ валоваго продукта и запроса на трудъ (какъ представляется поверхностному взгляду), а напротивъ должны считаться главнымъ средствомъ къ увеличенію домашняго продукта и запроса на трудъ, и даже необходимыми условіями для значительнаго или продолжительнаго ихъ увеличенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ извѣстныхъ и довольно широкихъ предѣлахъ чѣмъ больше расходуетъ капитала

этими двумя путями страна подобная Англіи, тѣмъ больше капи-
тала останется въ ней.

ГЛАВА VI.

НЕПОДВИЖНОЕ СОСТОЯНІЕ.

1. Предшествующія главы содержатъ общую теорію экономи-
ческаго прогресса общества въ обыкновенномъ смыслѣ этого тер-
мина, обнимающаго собою прогрессъ капитала, населенія и произ-
водительныхъ искусствъ. Но при разсмотрѣніи прогрессивнаго
движенія, не безпредѣльнаго по своей натурѣ, умъ не удовлетво-
ряется однимъ опредѣленіемъ законовъ движенія; онъ не можетъ
не предложить и дальнѣйшаго вопроса: каковъ же конецъ? къ ка-
кому окончательному результату идетъ общество своимъ промыш-
леннымъ прогрессомъ? Какъ должны мы представлять себѣ поло-
женіе, въ которомъ прогрессъ оставитъ человѣчество, когда онъ
прекратится?

Кажется, что политико-экономы всегда болѣе или менѣе пони-
мали, что возрастаніе богатства не безгранично, что въ концѣ
такъ называющагося у нихъ прогрессивнаго состоянія лежитъ не-
подвижное состояніе, что каждый прогрессъ въ богатствѣ—только
отсрочка этой неподвижности и что каждый шагъ впередъ — при-
ближеніе къ нему. Мы пришли къ тому, что поняли еще одно:
этотъ окончательный предѣлъ постоянно такъ близокъ, что ясно
обозначается на горизонтѣ; мы постоянно на рубежѣ его и если
не достигли его давно, то лишь потому, что самъ этотъ предѣлъ
убѣгаетъ отъ насъ. Богатѣйшія и наиболѣе успѣшныя въ прогрессѣ
страны очень скоро достигли бы неподвижнаго состоянія, еслибы не
дѣлалось новыхъ улучшеній въ производительныхъ искусствахъ, и
еслибы капиталъ пересталъ переливаться изъ этихъ странъ въ не-
воздѣланныя или плохо воздѣланныя части земнаго шара.

Эта невозможность окончательно избѣгнуть неподвижнаго со-
стоянія, эта неизбѣжная необходимость, что потокъ человѣческой
промышленности вольется наконецъ въ море, кажущееся неподвиж-
нымъ,—эта перспектива должна была казаться непріятною и по-
давляющею бодрость духа политико-экономамъ двухъ послѣднихъ
поколѣній: по тону и тенденціи всѣхъ ихъ мыслей всѣ хорошія
экономическія явленія вполнѣ отожествлялись съ прогрессивнымъ
состояніемъ и притомъ съ нимъ однимъ. У Макъ-Коллока, напри-
мѣръ, благосостояніе значитъ не обширность производства и хо-

рошее распредѣленіе богатства, а быстрое возрастаніе его; при-
знакъ благосостоянія у него—высокій процентъ прибыли; а самое
возрастаніе богатства, называющееся у него благосостояніемъ, ве-
детъ къ пониженію прибыли, потому экономическій прогрессъ, по
его понятію, долженъ вести къ уничтоженію благосостоянія. Адамъ
Смитъ постоянно предполагаетъ, что при неподвижномъ состояніи
положеніе массы, если не положительно бѣдственно, то непре-
мѣнно стѣснено и тяжело и удовлетворительно можетъ оно бы-
вать только при прогрессивномъ состояніи. Напрасно многіе счи-
таютъ злымъ изобрѣтеніемъ Мальтуса мнѣніе, что прогрессъ об-
щества все-таки долженъ «кончиться обмеленіемъ и нищетою»,
какъ бы ни отдаляли непрерывною борьбою эту нашу судьбу, —
такой взглядъ прямо или косвенно выражался у всѣхъ его знаме-
нитыхъ предшественниковъ и можетъ быть съ успѣхомъ опровер-
гаемъ только на основаніи теоріи самаго Мальтуса. Когда еще не
было замѣчено, что принципъ населенія есть сила, опредѣляющая
вознагражденіе за трудъ, размноженіе людей принимали за вели-
чину постоянную; или полагали, по крайней мѣрѣ, что при есте-
ственномъ и нормальномъ положеніи человѣческихъ дѣлъ населеніе
должно постоянно возрастать; а изъ этого слѣдовало, что посто-
янное возрастаніе средствъ продовольствія необходимо для благо-
состоянія массы. Обнародованіе книги Мальтуса—эра, съ которой
должно считать начало болѣе вѣрнаго взгляда на этотъ предметъ;
и несмотря на признанныя ошибки въ первомъ изданіи, едва ли
кто больше, чѣмъ въ послѣдующихъ изданіяхъ Мальтусъ, сдѣлалъ
для развитія этихъ болѣе вѣрныхъ и бодрыхъ ожиданій.

Даже при прогрессивномъ состояніи капитала въ старыхъ стра-
нахъ необходимо, чтобы размноженіе задерживалось совѣстью или
благоразуміемъ,—иначе размноженіе опередитъ ростъ капитала и
бытъ классовъ, составляющихъ низшій слой общества, ухудшится.
Гдѣ въ цѣломъ народѣ или по крайней мѣрѣ въ очень значитель-
ной пропорціи нѣтъ рѣшительнаго сопротивленія этому ухудшенію,
нѣтъ рѣшимости сохранять установившуюся норму благосостоянія,
тамъ положеніе бѣднѣйшаго класса понижается даже и въ прогрес-
сивномъ состояніи до величайшихъ лишеній, какимъ эти люди со-
гласны подчиняться. Такая же рѣшимость столь же успѣшно стала
бы поддерживать ихъ положеніе въ неподвижномъ состояніи и мо-
гла бы существовать точно также. Да и теперь мы видимъ, что
изъ странъ, въ которыхъ размноженіе сильнѣе всего сдерживается
благоразуміемъ, во многихъ капиталъ растетъ съ наименьшею бы-

*

стротою. Гдѣ есть неограниченная вѣроятность занятія для размножившагося народа, тамъ легко можетъ казаться, что нѣтъ необходимости сдерживать размноженіе благоразуміемъ. Еслибъ стало очевидно, что новый работникъ не можетъ получить занятіе иначе, какъ наслѣдовавъ другому или смѣстивъ его, то можно было бы до нѣкоторой степени имѣть увѣренность, что соединенная сила благоразумія и общественнаго мнѣнія ограничила бы слѣдующее поколѣніе числомъ, необходимымъ для замѣщенія нынѣшняго.

2. Потому я не могу смотрѣть на неподвижное состояніе капитала и богатства съ неподдѣльнымъ отвращеніемъ, какое обнаруживали къ нему политико-экономы старой школы. Я расположенъ думать, что въ сущности оно было бы значительно лучше нашего нынѣшняго положенія. Признаюсь, меня не очаровываетъ идеалъ жизни, представляемый писателями, думающими, что нормальное состояніе человѣка—борьба для своего повышенія; что толкаться, карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступать другъ другу на ноги, что этотъ нынѣшній типъ общественной жизни — прекраснѣйшая для людей участь, а не непріятный симптомъ одного изъ фазисовъ общественнаго прогресса. Сѣверные и средніе штаты Американскаго союза представляютъ образецъ этого періода цивилизаціи при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ: они повидимому избавились отъ всѣхъ общественныхъ несправедливостей и неравенствъ по отношенію къ мущинамъ кавказскаго племени; а пропорція населенія къ землѣ и капиталу въ нихъ такова, что обезпечиваетъ изобиліе каждому здоровому члену общества, не портящему своей судьбы собственными дурными качествами. Они уже имѣютъ всѣ шесть пунктовъ чартизма и не имѣютъ нищеты; но изъ всѣхъ этихъ преимуществъ они извлекли кажется (несмотря на появляющіеся признаки лучшей тенденціи) только ту пользу, что жизнь всѣхъ мущинъ посвящена у нихъ ловленію долларовъ, а всѣхъ женщинъ—выкармливанію дѣтей, которые будутъ ловить доллары. Филантропъ не почувствуетъ особенно жаркаго желанія трудиться для осуществленія общественнаго идеала такого рода. Конечно слѣдуетъ, чтобы дорога къ богатству была безъ всякихъ привиллегій и пристрастій открыта для всѣхъ, пока богатство есть могущество, и богатѣть какъ можно больше служитъ предметомъ всеобщаго честолюбія. Но самое лучшее для человѣческой натуры состояніе то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттолкнутъ назадъ усиліями другихъ пробиться впередъ.

Конечно, пока лучшіе люди не успѣли еще воспитать для [illegible] шей жизни другихъ, то лучше силамъ человѣка поддерживаться въ энергической дѣятельности борьбою за богатство (какъ прежде поддерживались онѣ военною борьбою), чѣмъ гнить въ бездѣйствіи. Пока люди грубы, имъ нужны грубыя возбужденія и пусть они имѣютъ ихъ. Но пока это измѣнится, люди, не считающіе нынѣшней очень низкой ступени человѣческаго развитія окончательнымъ его типомъ, могутъ быть извинены въ томъ, что они довольно холодны къ нынѣшнему экономическому прогрессу, съ которымъ поздравляютъ себя дюжинные публицисты,—къ простому возрастанію производства и накопленія. Чтобы національная независимость была безопасна, необходимо для страны не отставать далеко отъ сосѣдей въ этихъ вещахъ. Но сами по себѣ онѣ маловажны, пока размноженіе или какое другое обстоятельство не допускаетъ массу народа получать долю въ ихъ выгодахъ. Я не знаю, чѣмъ тутъ восхищаться, что люди, которые уже богаче чѣмъ нужно для человѣка, удваиваютъ свои средства потреблять предметы, которые приносятъ мало или не приносятъ вовсе нисколько удовольствія, кромѣ того, что служатъ признаками богатства; или что множество отдѣльныхъ людей переходятъ каждый годъ изъ среднихъ сословій въ болѣе богатый классъ, или изъ класса занятыхъ дѣломъ богачей въ классъ праздныхъ. Только въ отсталыхъ странахъ возрастаніе производства еще остается важнымъ дѣломъ; въ передовыхъ странахъ экономическая надобность состоитъ въ лучшемъ распредѣленіи, для чего однимъ изъ необходимыхъ средствъ должна служить строжайшая воздержность въ размноженіи. Одни нивеллирующія учрежденія, справедливыя или несправедливыя, не могутъ исполнить этого дѣла: они могутъ понизить общественныя вершины, но сами по себѣ не могутъ прочнымъ образомъ поднять низменности.

Но слѣдуетъ полагать, что до этого лучшаго распредѣленія собственности можетъ довести соединенное дѣйствіе благоразумія и бережливости въ отдѣльныхъ лицахъ и законодательной системы, благопріятствующей равенству состояній, на сколько оно совмѣстно съ справедливымъ требованіемъ каждаго, чтобы ему принадлежали плоды его собственнаго труда, велики ли, малы ли будутъ они. Можно предположить напримѣръ (сообразно мысли, которой касались мы раньше, т. I, стр. 273—76) ограниченіе суммы, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать черезъ дареніе или наслѣдство, количествомъ достаточнымъ для обезпеченія скромной независимости-

Подъ этимъ двоякимъ вліяніемъ главными чертами общества явились бы слѣдующія: работники, получая хорошую плату, живутъ изобильно; громадныхъ состояній нѣтъ, кромѣ состояній, выработанныхъ и накопленныхъ въ теченіе жизни однимъ человѣкомъ; но за то гораздо больше, чѣмъ теперь будетъ лицъ, избавленныхъ отъ грубѣйшихъ видовъ работы и также пользующихся достаточнымъ физическимъ и умственнымъ досугомъ отъ машинальныхъ мелочей, такъ что могутъ они свободно предаваться лучшимъ сторонамъ жизни и служить примѣромъ изящнаго для сословій, положеніе которыхъ менѣе благопріятно изящному развитію. Такое положеніе общества, несравненно лучшее нынѣшняго, совершенно совмѣстно съ неподвижнымъ состояніемъ и, какъ надобно думать, естественнѣе связано съ этимъ состояніемъ, чѣмъ со всякимъ другимъ.

Если техническія искусства будутъ по прежнему улучшаться, а капиталъ возрастать, то конечно есть на свѣтѣ, и даже въ старыхъ странахъ, мѣсто для значительнаго размноженія. Но признаюсь, если оно и безвредно, я вижу мало прибыли желать его. Страны наиболѣе населенныя, уже достигли той густоты населенія, какая нужна людямъ, чтобы въ полнѣйшей степени пользоваться всѣми выгодами и сотрудничества и общественныхъ сношеній. Населеніе можетъ имѣть слишкомъ мало простора, хотя бы каждый былъ обильно снабженъ пищею и одеждою. Не хорошо человѣку постоянно быть по необходимости среди людей. Міръ, изъ котораго изгнано уединеніе, слишкомъ бѣдный идеалъ. Безъ уединенія, безъ того чтобы оставаться наединѣ съ самимъ собою,—не возможны ни глубокое размышленіе, ни глубина характера; уединеніе передъ лицомъ красоты и величія природы—колыбель мыслей и стремленій, которыя хороши не только для отдѣльнаго человѣка, но безъ которыхъ не хорошо было бы жить обществу. Мало и удовольствія смотрѣть на міръ, въ которомъ не оставлено ничего естественной дѣятельности природы; гдѣ обращенъ подъ пашню каждый футъ земли, на которой можетъ расти пища для людей, вспаханъ всякій кусокъ, на которомъ росли дикіе цвѣты или былъ натуральный лугъ; потреблены какъ соперники человѣка въ пищѣ всѣ четвероногіе и птицы, не сдѣланныя домашними на его пользу, вырублены всѣ рощи и лишнія деревья, и едва ли осталось мѣсто, на которомъ могъ бы расти дикій кустъ или цвѣтокъ, не будучи вырванъ какъ сорная трава во имя улучшеннаго земледѣлія. Если для того, чтобъ содержаться на землѣ болѣе многочисленному, но не болѣе развитому и счастливому населенію, должна земля потерять ту великую

часть своей привлекательности, которую даютъ ей вещи, осужденныя на истребленіе при безграничномъ возрастаніи богатства и населенія, то я искренно надѣюсь для блага потомства, что оно захочетъ остановиться въ неподвижномъ состояніи гораздо раньше, чѣмъ принудитъ его необходимость.

Едва ли надобно замѣчать, что неподвижное состояніе капитала и населенія вовсе еще не заключаетъ въ себѣ неподвижности человѣческаго развитія. При немъ оставалось бы не меньше чѣмъ прежде цѣлей для всѣхъ направленій умственнаго образованія, нравственнаго и общественнаго прогресса; столько же мѣста усовершенствованію искусства жить и гораздо больше возможности совершенствоваться этому искусству, когда мысли перестанутъ быть поглощаемы искусствомъ пробиться впередъ другихъ. Даже промышленныя искусства могутъ развиваться тогда также дѣятельно и успѣшно, съ тою только разницею, что промышленное усовершенствованіе стало бы производить тогда законное свое дѣйствіе—сокращать трудъ вмѣсто того, что теперь не служитъ ни къ чему кромѣ увеличенія богатства. До сихъ поръ еще сомнительно, облегчили ли хотя одному человѣку трудъ для насущнаго хлѣба всѣ наши механическія изобрѣтенія. Они дали возможность большему числу людей жить тою же тяжелою острожною жизнію и большему числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться. Они увеличили удобство жизни среднихъ сословій, но они еще не начали производить въ человѣческой судьбѣ тѣ великія перемѣны, къ совершенію которыхъ назначены они своей сущностью и своею будущностью. Лишь тогда, когда будутъ справедливыя учрежденія и размноженіе людей будетъ обдуманно руководиться здравою предусмотрительностію, побѣды, одержанныя надъ силами природы умомъ и энергіею мыслителей и изобрѣтателей, станутъ общею собственностію человѣческаго рода и средствомъ къ улучшенію и возвышенію судьбы всѣхъ людей.

ГЛАВА VII.

ВѢРОЯТНАЯ БУДУЩНОСТЬ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ.

1. Замѣчанія предъидущей главы имѣли главной цѣлью разоблачить фальшивый идеалъ человѣческаго общества. Ихъ приложимость къ практическимъ цѣлямъ нынѣшняго времени состоитъ въ томъ, чтобы умѣрить излишнюю важность приписываемую простому возрастанію производства, и обратить вниманіе на улучше-

ніе въ распредѣленіи и на обильное вознагражденіе труда, какъ на главныя потребности. Возрастаетъ или не возрастаетъ безотносительная величина продукта,—это такое дѣло, которымъ не долженъ сильно интересоваться ни законодатель, ни филантропъ, когда уже достигло оно извѣстнаго размѣра; но дѣло величайшей важности то, возрастаетъ ли продуктъ относительно къ числу лицъ, между которыми дѣлится; а это во всякомъ случаѣ и при неподвижномъ состояніи богатства и при быстрѣйшемъ его возрастаніи, какое когда либо бывало въ старыхъ странахъ, зависитъ отъ мыслей и привычекъ многочисленнѣйшаго сословія простыхъ работниковъ.

Когда я говорю здѣсь или въ другихъ мѣстахъ книги «о рабочихъ классахъ или о работникахъ какъ о сословіи», я употребляю эти выраженія въ соотвѣтственность обычаю и въ соотвѣтственность существующему, но вовсе не необходимому или вѣчному состоянію общественныхъ отношеній. Я не признаю ни справедливости, ни благотворности за такими состояніями общества, въ которыхъ есть какой нибудь «классъ» нерабочій, есть люди, изъятые отъ несенія своей доли необходимыхъ трудовъ человѣческой жизни, кромѣ людей, неспособныхъ работать или правильно заслужившихъ отдыхъ прежней работой. Но пока существуетъ великое общественное зло, нерабочій классъ, работники также составляютъ классъ и о нихъ можно, — впрочемъ только временно,—говорить какъ о сословіи.

Состояніе работниковъ съ нравственной и общественной стороны стало въ послѣднее время гораздо больше чѣмъ прежде занимать собою мыслителей и общественныхъ людей. И очень распространилось мнѣніе, что теперь ихъ состояніе не таково, какъ слѣдуетъ ему быть. Обнародованы предположенія, возбуждены споры, — не столько о самыхъ основаніяхъ предмета, сколько объ отдѣльныхъ частяхъ его; эти предположенія и пренія обнаружили, что существуютъ двѣ противоположныя теоріи о томъ, какого общественнаго положенія слѣдуетъ желать для рабочихъ классовъ. Одну изъ нихъ можно назвать теоріею зависимости и покровительства, другую — теоріею самостоятельности.

По первой теоріи участь бѣдныхъ, во всемъ, что касается ихъ всѣхъ вмѣстѣ, должна быть опредѣляема *за нихъ*, а не *ими*. Не надобно требовать отъ нихъ или возбуждать ихъ, чтобы они думали о себѣ сами, не надобно ихъ мыслямъ или предусмотрительности давать важнаго голоса въ опредѣленіи судьбы ихъ. Теорія эта говоритъ, что высшіе классы обязаны думать за нихъ, при-

нимать на себя отвѣтственность за ихъ судьбу какъ командиръ и офицеръ арміи берутъ на себя отвѣтственность за составляющихъ ее солдатъ. Теорія говоритъ, что высшіе классы должны приготовляться къ добросовѣстному исполненію этой обязанности и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій внушать бѣднымъ увѣренность въ томъ, что пасивно и активно повинуясь предписаннымъ для нихъ правиламъ они во всемъ могутъ предаваться довѣрчивой беззаботности и покоиться подъ сѣнью своихъ покровителей. По этой теоріи (примѣняемой также къ отношенію между мужчинами и женщинами), отношеніе между богатыми и бѣдными только отчасти должно быть повелительное: оно должно быть также дружеское, нравственное и сантиментальное: съ одной стороны любящее опекунство, съ другой почтительное и признательное послушаніе. Богатые должны быть отцами, in loco parentis бѣднымъ, руководя и удерживая ихъ какъ дѣтей. Самобытнаго дѣйствованія бѣднымъ не нужно. Все ихъ призваніе въ томъ, чтобы исполнять свою насущную работу и быть нравственными и религіозными. Нравственность и религію должны доставлять имъ старшіе, обязанные наблюдать, чтобы они хорошо обучались этому и въ награду за ихъ трудъ и привязанность, дѣлать все необходимое для обезпеченія имъ, для надлежащаго пропитанія, одѣянія, жилища, духовнаго назиданія и невиннаго развлеченія.

Таковъ идеалъ будущности въ понятіяхъ людей, у которыхъ недовольство настоящимъ принимаетъ форму любви къ прошедшему и сожалѣнія, что оно миновалось. Подобно другимъ идеаламъ, онъ имѣетъ безсознательное вліяніе на мысли и чувства множества людей, никогда не руководящихся сознательно никакимъ идеаломъ. Сходенъ онъ съ другими идеалами и въ томъ, что никогда не осуществлялся въ исторіи. Онъ взываетъ къ нашимъ фантастическимъ симпатіямъ подъ видомъ возстановленія добрыхъ нашихъ прадѣдовскихъ временъ. Но нельзя указать никакого времени, когда высшіе классы нашей или какой другой страны исполняли роль хотя отдаленнымъ образомъ сходную съ назначаемой для нихъ по этой теоріи. Это—идеализація, основанная на образѣ дѣйствій и характерѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ людей. Всѣ привиллегированные и могущественные классы какъ классы пользовались своимъ могуществомъ въ интересѣ своего эгоизма и удовлетвореніе своему тщеславію находили въ томъ, чтобы презирать людей по ихъ мнѣнію униженныхъ необходимостью работать на нихъ, а не въ томъ, чтобы съ любовью пещись объ этихъ людяхъ. Я не

говорю, что какъ всегда было, такъ всегда должно быть, не говорю, что человѣческое развитіе не имѣетъ тенденціи улучшать сильный эгоизмъ, порождаемый могуществомъ; но если зло это и можетъ уменьшиться, то не можетъ оно быть искоренено, пока не отстранено самое могущество. То по крайней мѣрѣ кажется мнѣ безспорнымъ, что низшіе классы разовьются до невозможности быть управляемыми по этой теоріи опекунства гораздо раньше, чѣмъ высшіе классы достаточно улучшатся чтобы управлять по ней.

Я очень хорошо понимаю всю обольстительность представляемаго этою теоріею общественнаго быта; факты этой картины не имѣютъ прототипа въ прошедшемъ, но есть въ немъ примѣры чувствъ, о которыхъ она говоритъ, и въ чувствахъ заключается вся доля реальности этой теоріи. Очень непріятна для чувства мысль объ обществѣ, связью которому служатъ лишь отношенія и чувства, основанныя лишь на денежныхъ выгодахъ и есть нѣчто привлекательное для человѣческой природы въ устройствѣ общества, изобилующемъ сильными личными привязанностями и безкорыстнымъ самоотверженіемъ. Обильнѣйшимъ источникомъ такихъ чувствъ до сихъ поръ было отношеніе между покровителемъ и покровительствуемымъ, — въ этомъ надобно согласиться. Сильнѣе всего люди вообще привязываются къ вещамъ или лицамъ, ограждающимъ ихъ отъ какого нибудь страшащаго зла. Потому въ вѣкъ беззаконнаго насилія и небезопасности, общей жестокости и грубости обычаевъ, когда жизнь на каждомъ шагу окружена опасностями и страданіями для людей, не имѣющихъ ни личнаго могущественнаго положенія, ни права на покровительство отъ могущественнаго человѣка, — въ такомъ вѣкѣ благородное покровительствованіе и признательное принятіе его бываютъ сильнѣйшими узами между людьми; чувства, возникающія изъ этого отношенія, бываютъ самыми теплыми чувствами; весь энтузіазмъ и вся нѣжность людей съ пылкою душою сосредоточиваются на этомъ отношеніи; преданность съ одной стороны, рыцарскій духъ съ другой бываютъ принципами экзальтирующимися до страстности. Я не думаю уменьшать цѣну этихъ качествъ. Ошибка состоитъ въ томъ, что не понимаютъ, что эти добродѣтели и чувства, подобно племенному чувству и гостепріимству кочеваго араба, принадлежатъ въ сильнѣйшей степени грубому и неудовлетворительному состоянію общественнаго быта, и что чувства между покровителемъ и покровительствуемымъ, будетъ ли то правитель и управляемый или богатый и бѣдный, или мужчина и женщина, — уже не могутъ имѣть этого

обольстительнаго и милаго характера тамъ, гдѣ уже нѣтъ серьезныхъ опасностей, противъ которыхъ была бы нужда въ покровительствѣ. Что такого есть въ нынѣшнемъ состояніи общества, чтобы натурально было людямъ обыкновенной силы и храбрости пылать жарчайшею благодарностію и преданностію въ замѣнъ за покровительство? Они находятъ покровительство въ законахъ, когда законы не измѣняютъ преступно своему долгу. Быть подъ властью какого нибудь лица, — это положеніе, прежде бывшее единственнымъ условіемъ безопасности, теперь, говоря вообще, остается единственнымъ отношеніемъ подвергающимъ тяжелой несправедливости. Такъ называемые покровители — теперь единственныя лица, противъ которыхъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ нужно покровительство. Обиды и тиранство, которыми наполненъ каждый списокъ полицейскихъ дѣлъ, — обиды мужей женамъ, родителей дѣтямъ. Что законъ не предупреждаетъ этихъ жестокостей, что онъ только теперь дѣлаетъ первую робкую попытку прекращать и наказывать ихъ, это не слѣдствіе необходимости, а глубокій стыдъ тѣмъ, которые составили и исполняютъ законъ. Никакой мужчина, никакая женщина, если они могутъ жить или могутъ чему нибудь выучиться, чтобы жить независимымъ трудомъ, не нуждаются ни въ какомъ другомъ покровительствѣ, кромѣ того, которое могли бы и обязаны давать имъ законы. При такихъ обстоятельствахъ продолжать считать за безспорное дѣло, что вѣчно должны существовать отношенія, основанныя на покровительствѣ, это свидѣтельствуетъ о глубокомъ незнаніи человѣческой натуры: какъ не видѣть, что принятіе роли покровителя и власти, принадлежащей покровителю безъ всякой оправдывающей то надобности, должно пораждать чувства, прямо противоположныя преданности?

О рабочихъ людяхъ, — по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ Европы, — можно сказать навѣрное, что патріархальной или отеческой системѣ опекунства надъ ними они вновь уже не подчинятся. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, когда они выучились читать и получили доступъ къ газетамъ и политическимъ брошюрамъ; когда допустили диссентерскихъ проповѣдниковъ явиться къ нимъ и призывать ихъ умъ и чувства, отвлекая ихъ отъ исповѣданія, котораго держатся и которое поддерживаютъ ихъ старшіе; когда ихъ собрали во множествѣ вмѣстѣ работать подъ одною кровлею; когда желѣзныя дороги открыли имъ возможность переноситься съ мѣста на мѣсто и перемѣнять своихъ патроновъ и хозяевъ также легко, какъ

перескидать платье; когда ихъ стали возбуждать искать избирательнаго права, чтобы имѣть участіе въ управленіи. Рабочіе классы взяли свои интересы въ свои руки и постоянно показываютъ, что считаютъ интересы своихъ хозяевъ противоположными своимъ, не одинаковыми съ ними. Есть въ высшихъ сословіяхъ люди, надѣющіеся, что эти тенденціи могутъ быть измѣнены моральнымъ и религіознымъ воспитаніемъ; но они пропустили время дать работникамъ воспитаніе, которое могло соотвѣтствовать подобной цѣли. Принципы реформаціи проникли во всѣ слои общества съ умѣньемъ читать и писать, и бѣдные уже не захотятъ принимать мораль и религію по предписанію другихъ. Я говорю въ частности о Великобританіи, особенно о городскомъ населеніи и о сельскихъ округахъ Шотландіи и Сѣверной Англіи, гдѣ земледѣліе ведется самымъ научнымъ образомъ, а рабочая плата высока. Въ южныхъ графствахъ, гдѣ земледѣльческое населеніе апатичнѣе и патріархальнѣе, сельское дворянство быть можетъ успѣло бы еще на нѣсколько времени поддержать въ бѣдныхъ слѣды старинной почтительности и послушности, если бы стало подкупать бѣдныхъ высокою рабочею платою, не оставлять ихъ никогда безъ занятія, обезпечивать средства къ жизни и не требовать отъ нихъ ничего непріятнаго имъ. Но эти условія никогда не бывали и не могутъ быть надолго соединены. Гарантировать средства къ жизни практически возможно лишь съ возложеніемъ обязанности работать и съ тѣмъ, чтобы сдерживать излишнее размноженіе, если не физическимъ, то по крайней мѣрѣ нравственнымъ стѣсненіемъ. Взявшись за это, дилетанты, желающіе возстановить старину, которой сами не понимаютъ, увидѣли бы на практикѣ, какъ безнадежно ихъ намѣреніе. Все зданіе патріархальнаго или владѣльческаго вліянія, проэктируемое на фундаментѣ любезнаго обращенія съ бѣдными, разбилось бы о необходимость наложить на бѣдныхъ строгій законъ противъ размноженія и праздности.

2. Основа для благосостоянія рабочихъ людей должна отнынѣ быть совершенно иного рода. Бѣдные уже переросли возможность водить ихъ на помочахъ, и нельзя поступать съ ними, какъ съ дѣтьми. Забота о ихъ судьбѣ должна быть нынѣ предоставлена имъ самимъ. Нынѣшней націи приходится понять, что благосостояніе народа должно основываться на справедливости и самоуправленіи, dikaiosynê и sôphrosynê, каждаго гражданина. Теорія зависимости хочетъ обойтись безъ этихъ качествъ въ зависимыхъ сословіяхъ. Но теперь, когда и по общественному положенію они

становятся все менѣе и менѣе зависимы, а мысли ихъ все менѣе и менѣе довольны и тою степенью зависимости, какая еще остается, необходимо относительно ихъ сохранять качества нужныя для независимыхъ людей. Если дается теперь совѣтъ рабочимъ классамъ, надобно подавать его имъ какъ равнымъ, чтобы они судили о немъ собственнымъ умомъ. Будущность зависитъ отъ того, до какой степени они могутъ стать разумными людьми.

Судя по всему, надобно имѣть надежду на будущность. Правда, прогрессъ до сихъ поръ шелъ, да и теперь еще идетъ медленно. Но умы въ массѣ воспитываются по собственному влеченію, и это ихъ самовоспитаніе можно значительно ускорить и улучшить внѣшнимъ содѣйствіемъ. Образованіе пріобрѣтаемое изъ газетъ и политическихъ брошюръ — не превосходнѣйшій родъ образованія, но все таки оно гораздо выше, чѣмъ отсутствіе всякаго образованія. Публичныя лекціи, сборы для публичныхъ преній, общія совѣщанія по вопросамъ общаго интереса, работническія общества (trades unions), политическая агитація — все это служитъ къ возбужденію общественнаго духа, распространяетъ въ массѣ множество понятій, пробуждаетъ мысль и привычку къ обдуманности въ даровитѣйшихъ работникахъ. Слишкомъ раннее полученіе политическихъ правъ наименѣе образованнымъ классомъ могло бы замедлить, а не ускорить его развитіе; но то едва подлежитъ сомнѣнію, что желаніе пріобрѣсти политическія права сильно поощряетъ этотъ классъ къ развитію. Еще не имѣя политическихъ правъ, рабочіе классы уже составляютъ теперь часть публики; они, или нѣкоторые люди изъ нихъ, участвуютъ во всякомъ обсужденіи предметовъ общественнаго интереса; каждый пишущій въ газетѣ можетъ имѣть ихъ читателями своихъ статей; пути къ образованію, которыми достигаютъ средніе классы нынѣшнихъ своихъ понятій, доступны и работникамъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ. Имѣя эти средства, работники безъ сомнѣнія будутъ просвѣщаться, если даже и не найдутъ содѣйствія своимъ усиліямъ. Но есть основаніе надѣяться, что важныя улучшенія въ качествѣ и размѣрѣ школьнаго воспитанія будутъ сдѣланы усиліями правительства или частныхъ лицъ, и что прогрессъ массы народа въ умственномъ образованіи и въ происходящихъ отъ него хорошихъ качествахъ пойдетъ гораздо быстрѣе съ меньшими колебаніями и уклоненіями, чѣмъ пошелъ бы безъ посторонняго содѣйствія.

Отъ развитія образованности въ массѣ съ увѣренностью можно ожидать многихъ результатовъ. Во первыхъ работники еще меньше

нынѣшняго будутъ имѣть охоты, чтобы другіе люди руководили или управляли ими помощію одного авторитета и репутаціи своего старшинства. Если уже и теперь не имѣютъ они, то послѣ еще меньше будутъ имѣть почтительной робости или суевѣрной послушности, держащей ихъ въ умственномъ подданствѣ высшему классу. Теорія зависимости и покровительства будетъ становиться для нихъ все несноснѣе и они станутъ требовать, чтобы въ сущности самимъ имъ было предоставлено опредѣлять свое положеніе и образъ своихъ дѣйствій. Очень возможно, что при этомъ во многихъ случаяхъ они будутъ требовать вмѣшательства законодательной власти въ ихъ дѣла и законодательнаго регулированія многихъ касающихся до нихъ предметовъ, и часто будутъ при этомъ сами ошибаться относительно своей выгоды. Но все-таки они будутъ требовать исполненія своей воли, своихъ мыслей и предположеній, а не принятія правилъ, составленныхъ для нихъ другими. Ни мало не будетъ противорѣчить этому, что они станутъ чувствовать уваженіе къ людямъ, превосходящимъ ихъ знаніями и умственнымъ развитіемъ, и станутъ во многомъ полагаться на мнѣнія лицъ, считающихся у нихъ хорошо знакомыми съ предметомъ,— это глубоко лежитъ въ самой человѣческой природѣ; но они сами станутъ судить о томъ, какія лица достойны или недостойны подобнаго довѣрія.

3. Непремѣннымъ послѣдствіемъ умственнаго развитія, просвѣщенія и любви къ независимости въ рабочихъ классахъ я считаю возрастаніе здраваго смысла, обнаруживающагося въ предусмотрительныхъ привычкахъ; потому не сомнѣваюсь, что число населенія будетъ тогда составлять постепенно все меньшую и меньшую пропорцію сравнительно съ капиталомъ и количествомъ занятія. Ходъ этого благотворнаго результата будетъ значительно ускоряться другою перемѣною, прямо лежащею на пути лучшихъ тенденцій нашего времени,—открытіемъ одинаковой свободы въ промышленныхъ занятіяхъ для обоихъ половъ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ прекратилась необходимость бѣдному быть въ зависимости отъ богатаго, прекратилась также необходимость женщинѣ быть въ зависимости отъ мужчины, а наименьшее, чего требуетъ справедливость, состоитъ въ томъ, чтобы законъ и обычай не ставили насильственно женщинъ, (по достиженіи совершеннолѣтія), въ зависимость своими правилами, по которымъ женщина, не получившая средствъ къ жизни чрезъ наслѣдство, почти не имѣетъ теперь никакой возможности пріобрѣтать средства къ жизни иначе,

какъ становясь женою и матерью. Пусть женщины, предпочитающія эту карьеру другимъ, принимаютъ ее; но теперь для огромнаго большинства женщинъ нѣтъ никакого выбора, никакой возможности другой карьеры, кромѣ того какъ быть служанкою,—это явная и сильная общественная несправедливость. Конечно недалеко уже время, когда будутъ признаны высочайшимъ препятствіемъ нравственному, общественному и даже умственному улучшенію общества тѣ понятія и учрежденія, по которымъ случайное различіе пола служитъ основаніемъ неравенства юридическихъ правъ и вынужденнаго различія въ общественныхъ отношеніяхъ *). Изъ числа вѣроятныхъ послѣдствій промышленной и общественной независимости женщинъ, здѣсь я укажу только одно сильное уменьшеніе чрезмѣрнаго размноженія. Цѣлую половину человѣческаго рода мы обрекли исключительно на эту функцію, сдѣлали ее единственнымъ содержаніемъ цѣлой жизни одного пола и переплели ее почти со всякою дѣятельностію другаго пола, — вотъ причина тому, что животный инстинктъ размноженія развивается до чрезмѣрнаго перевѣса, какимъ до сихъ поръ пользовался въ человѣческой жизни.

4. Слишкомъ обширнымъ предметомъ для нашего трактата было бы изложеніе политическихъ результатовъ того, что растетъ сила и важность рабочихъ классовъ и растетъ значеніе большинства передъ меньшинствомъ, такъ что даже въ Англіи при нынѣшнихъ учрежденіяхъ воля большинства быстро пріобрѣтаетъ въ правитель-

---

*) Постыдно для насъ то, что въ царствованіе женщины не сдѣлано ни одного шага къ устраненію хотя бы самомалѣйшей части существующей несправедливости относительно женщинъ. Грубые люди до сихъ поръ могутъ бить, чуть не убивать своихъ женъ почти совершенно безнаказанно. Что же касается до гражданскаго и общественнаго ихъ положенія, то при составленіи новаго билля реформы для расширенія избирательнаго права, не воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать хотя то ничтожное признаніе чего нибудь въ родѣ равенства правъ, какое было бы сдѣлано предоставленіемъ голоса женщинамъ, платящимъ одинаковую сумму налоговъ или занимающимъ такія же квартиры какъ мужчины имѣющіе голосъ по этому цензу. Законъ объ охраненіи женщинъ и дѣтей отъ побоевъ (Fitz roy's Act for the Better Protection of Women and Children against Assaults) — благонамѣренная, но неудовлетворительная попытка снять съ насъ первый упрекъ; но второй упрекъ ложится на насъ теперь еще сильнѣе прежняго: въ послѣднее время былъ представленъ новый билль реформы, значительно расширявшій право голоса на многіе классы мужчинъ, но всѣхъ женщинъ оставлялъ онъ въ нынѣшнемъ состояніи политическаго ихъ рабства, соединеннаго съ ихъ общественнымъ рабствомъ.

ственныхъ дѣлахъ, если еще не положительный, то, по крайней мѣрѣ, отрицательный голосъ. Но ограничиваясь экономическою стороною дѣла, я полагаю, что не смотря на перемѣну въ распредѣленіи продукта къ ихъ выгодѣ, какая будетъ произведена развитіемъ образованности въ рабочихъ классахъ и справедливыми законами,—я полагаю, что не смотря на эту перемѣну, они все таки никакъ не удовольствуются навсегда тѣмъ своимъ положеніемъ, что работаютъ по найму, не захотятъ видѣть въ этомъ своего окончательнаго состоянія. Они могутъ быть согласны на то, чтобы переходить черезъ положеніе слуги къ положенію хозяина, но не оставаться слугами всю жизнь. Начинать службою по найму, потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ начинать работать самому на себя, наконецъ самому имѣть работниковъ—таково нормальное положеніе работниковъ въ новой странѣ, гдѣ богатство и населеніе быстро растутъ, какъ въ Америкѣ или въ Австраліи. Но въ старой и густо населенной странѣ люди, начинающіе жизнь наемными работниками вообще остаются ими до конца, если не падаютъ еще ниже, въ положеніе людей содержимыхъ общественной благотворительностію. Въ нынѣшнемъ періодѣ человѣческаго прогресса, когда идеи равенства съ каждымъ годомъ шире разливаются между бѣднѣйшими классами и когда нельзя задержать ихъ ничѣмъ, кромѣ совершеннаго уничтоженія свободы печатной и даже словесной рѣчи, нельзя ожидать, чтобы навсегда удержалось раздѣленіе человѣческаго рода на два наслѣдственные класса хозяевъ и ихъ работниковъ. Это отношеніе почти столько же неудовлетворительно и для хозяина, дающаго плату, какъ и для работника, получающаго ее. Если богатые смотрятъ на бѣдныхъ какъ будто на людей отъ природы назначенныхъ быть ихъ слугами и подчиненными, то бѣдные въ свою очередь смотрятъ на богатыхъ какъ просто на добычу, которую надобно обирать, какъ на предметъ рѣшительно безграничныхъ просьбъ и ожиданій, возрастающихъ съ каждою уступкою. Совершенный недостатокъ уваженія къ справедливости въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ столько же замѣтенъ и въ работникахъ, сколько въ хозяевахъ. Напрасно ищемъ мы въ массѣ работниковъ той справедливой гордости, которая хочетъ давать за хорошую плату хорошую работу: почти всѣ они стараются лишь о томъ, чтобы получить какъ можно больше, а возвратить въ формѣ работы какъ можно меньше. Раньше или позже, классу хозяевъ покажется невыносимо жить въ тѣсномъ ежеминутномъ соприкосновеніи съ лицами, интересы и чувства которыхъ враждебны имъ. Капитали-

сты почти столько же, какъ работники, заинтересованы въ томъ, чтобы придать промышленнымъ операціямъ устройство, при которомъ люди, работающіе на нихъ, имѣли бы къ дѣлу такой же интересъ, какъ имѣютъ люди, работающіе сами на себя.

Мнѣніе о мелкой поземельной собственности и поселянахъ собственникахъ, высказанное въ одной изъ предъидущихъ книгъ этого трактата, вѣроятно заставляетъ читателя предполагать, что широкое распространеніе поземельной собственности представляется мнѣ средствомъ вычесть по крайней мѣрѣ земледѣльческихъ работниковъ изъ подъ исключительной зависимости отъ наемной платы. Но мое мнѣніе не таково. Правда, я полагаю, что эта форма земледѣльческаго хозяйства опорочена самымъ неосновательнымъ образомъ, и что по всей суммѣ своего вліянія на человѣческое счастіе она далеко выше всѣхъ нынѣ существующихъ формъ наемнаго труда: размноженіе сдерживается въ ней благоразумiемъ прямѣе, и, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, успѣшнѣе; кромѣ того, по обезпеченности, по независимости, по употребленію въ дѣло всѣхъ высшихъ способностей состояніе земледѣльца собственника гораздо выше состоянія земледѣльческаго работника въ Англіи и другихъ старыхъ странахъ. Гдѣ система мелкой поземельной собственности уже существуетъ и дѣйствуетъ вообще удовлетворительно, тамъ, кажется мнѣ, жаль было бы при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго просвѣщенія видѣть, что она уничтожается для замѣны наемнымъ трудомъ по педантическому мнѣнію, будто бы улучшенное земледѣліе должно быть одинаково при всевозможномъ различіи обстоятельствъ. Гдѣ промышленное развитіе низко, какъ въ Ирландіи, тамъ я желаю введенія этой системы предпочтительно передъ исключительною системою наемнаго труда, потому что она могущественнѣе поднимаетъ населеніе изъ полудикой небрежности и безпечности къ упорному трудолюбію и благоразумной разсчетливости.

Но народъ, однажды принявшій систему производства въ большомъ размѣрѣ, — фабричнаго или земледѣльческаго производства, все равно, едва ли отступитъ отъ нея; и если населеніе сдерживается въ должной пропорціи къ средствамъ продовольствія, то и не слѣдуетъ желать, чтобы онъ отступалъ отъ нея. Трудъ безспорно производительнѣе бываетъ при системѣ обширныхъ промышленныхъ предпріятій, и продукта получается отъ нихъ больше если не по абсолютной суммѣ, то по пропорціи къ употребленному на него труду; равное число лицъ можетъ содержаться тутъ въ равномъ благосостояніи съ меньшимъ трудомъ и большимъ досу-

гомъ; а это будетъ давать полное превосходство обширнымъ предпріятіямъ, когда цивилизація улучшится на столько, что выгода цѣлаго дѣла станетъ выгодою каждаго участвующаго въ немъ. Съ нравственной стороны вопроса, которая еще важнѣе экономической, надобно цѣлью промышленнаго развитія ставить нѣчто лучшее, чѣмъ система, которая разбрасываетъ людей по землѣ отдѣльными семействами, находящимися каждое подъ управленіемъ патріархальнаго деспота, какъ теперь, и почти не имѣющими ни общности интересовъ, ни необходимаго умственнаго сношенія съ другими людьми. Владычество главы семейства надъ другими членами безгранично при этомъ состояніи, а мысли этого главы ведутся такимъ порядкомъ къ сосредоточенію всѣхъ выгодъ на семействѣ, которое онъ считаетъ своею принадлежностію, къ сосредоточенію всѣхъ страстей на страсти исключительнаго обладанія, всѣхъ заботъ на заботѣ объ охраненіи и пріобрѣтеніи. Можно съ удовольствіемъ смотрѣть на такое нравственное состояніе какъ на шагъ изъ чисто животнаго состоянія къ человѣческому быту, на шагъ отъ безпечнаго повиновенія животнымъ инстинктамъ къ предусмотрительному благоразумію и самообладанію. Но если мы хотимъ, чтобы существовали общественные интересы, благородныя чувства, истинная справедливость и равенство, то школою, воспитывающею эти качества, служитъ не разъединеніе, а ассоціація интересовъ. Цѣлью улучшеній должно быть не одно то, чтобы поставить людей въ положеніе обходиться другъ безъ друга, но и то, чтобы они могли трудиться другъ съ другомъ или другъ на друга въ отношеніяхъ независимыхъ. Людямъ, живущимъ своею работою, до сихъ поръ не было другаго выбора, какъ—или работать каждому особо отъ другихъ, или работать на хозяина. Но цивилизующее и развивающее вліяніе товарища, успѣшность и экономія производства въ большомъ размѣрѣ могутъ быть достигнуты безъ раздѣленія производителей на двѣ партіи съ враждебными интересами и чувствами, какъ теперь, когда многіе работаютъ простыми служителями подъ командою одного, дающаго средства къ работѣ и не имѣютъ въ дѣлѣ никакой своей выгоды, кромѣ той, чтобы получать рабочую плату, работая какъ можно меньше. Изслѣдованія и пренія послѣднихъ 50 лѣтъ и событія послѣднихъ десяти лѣтъ достаточно разъяснили этотъ вопросъ. Если военный деспотизмъ, торжествующій нынѣ на континентѣ, не успѣетъ въ своихъ нечестивыхъ усиліяхъ подвинуть назадъ человѣческую мысль, то нельзя сомнѣваться, что положеніе наемныхъ работниковъ будетъ посте-

пенно идти къ тому, что наконецъ останутся въ немъ лишь тѣ работники, которые по недостатку нравственныхъ качествъ не способны къ положенію, болѣе независимому, а отношеніе между хозяевами и работниками постепенно замѣнится товариществомъ двухъ слѣдующихъ формъ: на время и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ассоціаціею работниковъ съ капиталистомъ, а въ другихъ случаяхъ и на послѣдокъ во всѣхъ товариществомъ между самими работниками.

5. Первая изъ этихъ формъ ассоціацій существуетъ давно, но не какъ правило, а въ видѣ исключенія. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности уже существуютъ случаи, гдѣ каждый участвующій въ дѣлѣ или трудомъ или денежными средствами имѣетъ въ выгодахъ дѣла долю, соразмѣрную съ цѣнностью его участія. Уже вошло во всеобщее обыкновеніе вознаграждать процентами изъ прибыли тѣхъ, которымъ хозяева должны особенно довѣрять; есть случаи, въ которыхъ тотъ же принципъ съ превосходнымъ успѣхомъ распространенъ и на классъ простыхъ чернорабочихъ.

На американскихъ корабляхъ, ведущихъ торговлю съ Китаемъ, давно принято, чтобы каждый матросъ имѣлъ свой процентъ изъ прибыли каждаго рейса; этому приписываютъ фактъ, что матросы эти вообще держутъ себя хорошо и чрезвычайно рѣдки столкновенія между ними и правительствомъ или народомъ Китайской имперіи. Подобнымъ примѣромъ въ Англіи служатъ корнуэльскіе рудокопы, положеніе которыхъ менѣе знакомо публикѣ, чѣмъ слѣдовало бы. «Въ Корнуэллѣ рудники разработываются по строгой системѣ товарищества, партіи рудокоповъ заключаютъ съ повѣреннымъ владѣльца рудника условіе разработать извѣстную часть рудной жилы и приготовить руду на продажу, получая сами извѣстный процентъ изъ суммы, за которую будетъ продана руда. Контракты эти заключаются по извѣстнымъ срокамъ, вообще на два мѣсяца, и разработку по ихъ условіямъ берутъ на себя артели добровольныхъ участниковъ, привычныхъ къ работѣ. Система эта имѣетъ свои невыгоды по невѣрности и неправильности въ полученіи денегъ работниками, которымъ приходится оттого подолгу жить въ долгъ; но въ ней есть выгоды, съ избыткомъ перевѣшивающія это неудобство. Она развиваетъ ту образованность, независимость и нравственность, по которымъ матеріальное положеніе и характеръ корнуэльскаго рудокопа гораздо выше обыкновеннаго между работниками уровня. Докторъ Бергемъ говоритъ, что корнуэльскіе рудокопы вообще не только люди образованные сравнительно съ другими работниками, но и безусловно люди хорошо

*

образованные, въ характерѣ ихъ есть независимость, похожая на американскую, благодаря системѣ контрактовъ, оставляющей имъ полную свободу распоряжаться дѣломъ между собою, такъ что каждый изъ нихъ какъ компаньонъ своей маленькой фирмы чувствуетъ себя при встрѣчѣ съ хозяиномъ почти равнымъ ему. Зная образованность и независимость ихъ характера, мы не удивимся услышавъ, что очень многіе рудокопы имѣютъ теперь свои участки, снятые по контрактамъ на три жизни или на 99 лѣтъ и живутъ на этихъ участкахъ въ собственныхъ домахъ, что 281,541 фунтовъ находятся въ сберегательныхъ кассахъ Корнуэля, и двѣ трети изъ этой суммы принадлежатъ рудокопамъ» *).

Беббэджъ, также разсказывающій объ этой системѣ, говоритъ, что плата матросамъ на китоловныхъ судахъ опредѣляется на подобномъ основаніи, «а прибыль отъ ловли рыбы сѣтями на южномъ берегу Англіи дѣлится такимъ образомъ: половина продукта принадлежитъ владѣльцу лодки и сѣтей; другая половина поровну дѣлится между людьми, ловившими рыбу, обязанными также помогать въ починкѣ сѣти, когда понадобится». Беббеджу принадлежитъ та великая заслуга, что онъ указалъ возможность и выгодность распространить этотъ принципъ вообще на всю фабричную промышленность (Babbage, Economy of Machinery and Manufactures, изд. 3, гл. 26).

Довольно большое вниманіе возбудилъ опытъ этого рода, начатый лѣтъ 16 тому назадъ въ Парижѣ, подрядчикомъ маляромъ Леклеромъ, (заведеніе котораго помѣщалось Rue Saint Georges № 11) и описанный имъ въ брошюрѣ, изданной въ 1842 г. Леклеръ говоритъ въ этой брошюрѣ, что у него работаютъ среднимъ числомъ до двухъ сотъ человѣкъ, которымъ онъ платитъ обыкновенное опредѣленное жалованье. Себѣ онъ назначаетъ кромѣ процентовъ за свой капиталъ опредѣленную сумму за свою отвѣтственную работу по управленію дѣломъ. Въ концѣ года остальная прибыль дѣлится между всѣми, считая тутъ и его самого, пропорціонально платѣ, получаемой каждымъ **). Очень поучительны причины, за-

---

*) Отрывокъ этотъ взятъ изъ Prize Essays on the Causes and Remedies of National Distress, by Samuel Laing; слова Бергема, приводимыя Ленгомъ, взяты изъ приложенія къ Report of the Children's Employment Commission.

**) Но мы видимъ, что допущенные къ этому участію въ прибыли работники составляютъ только часть (нѣсколько менѣе половины) всего числа

ставившія Леклера принять эту систему. Находя своихъ работниковъ неудовлетворительными, онъ сначала попробовалъ дать имъ больше жалованья и такимъ образомъ успѣлъ получить превосходныхъ работниковъ, которые уже не промѣняли бы его ни на какого другаго хозяина. «Успѣвъ достичь такимъ способомъ нѣкоторой прочности въ дѣлахъ своего заведенія, Лекларъ ожидалъ, что теперь ему будетъ спокойнѣе, (я пользуюсь тутъ извлеченіемъ изъ брошюры Леклера въ Chambers Journal, for September 27, 1845), но онъ обманулся въ этомъ. Пока онъ могъ наблюдать самъ за всѣмъ отъ общаго веденія дѣлъ до мельчайшихъ подробностей, дѣло шло удовлетворительно; но когда по расширенію своихъ оборотовъ онъ могъ только остаться центромъ, отъ котораго выходятъ распоряженія и которому приносятся отчеты, тотчасъ же подвергся онъ прежнимъ тревогамъ и неудовольствіямъ». Другимъ источникомъ промышленныхъ непріятностей онъ не придаетъ большой важности, но безпорядочное поведеніе работниковъ выставляетъ причиною ежеминутныхъ потерь. «Хозяинъ имѣетъ работниковъ, равнодушіе которыхъ къ его интересамъ таково, что они не исполняютъ двухъ третей работы, которую могли бы сдѣлать; потому хозяева безпрестанно раздражаются: видя пренебреженіе къ своимъ интересамъ, они находятъ себя въ правѣ полагать, что работники постоянно находятся въ заговорѣ раззорить людей, дающихъ имъ хлѣбъ. Если бы работникъ былъ увѣренъ, что не останется безъ работы, его положеніе съ нѣкоторыхъ сторонъ было бы пріятнѣе чѣмъ положеніе хозяина: онъ впередъ знаетъ, что получитъ извѣстную плату и получитъ ее, хорошо ли, дурно ли работаетъ. Онъ не подвергается риску и возбуждается къ добросовѣстной работѣ лишь чувствомъ долга. А выручка хозяину напротивъ значительно подвергнута риску; онъ постоянно имѣетъ непріятности и безпокойства. Далеко не такъ было бы, если бы интересы хозяина и работниковъ были связаны между собою, соединены какими нибудь узами взаимнаго обезпеченія, какъ напримѣръ системою ежегоднаго раздѣла прибыли».

людей, работающихъ у Леклера. Это объясняется тою чертою его системы, что онъ платитъ всѣмъ своимъ работникамъ полное рыночное жалованье. Потому назначенная имъ доля прибыли служитъ вся уже прибавкою къ обыкновеннымъ доходамъ работниковъ малярнаго ремесла и онъ очень хорошо поступаетъ, дѣлая ее средствомъ къ ихъ улучшенію, наградою за усердіе или вознагражденіемъ за особенную благонадежность.

Леклеръ достигъ замѣчательнаго успѣха уже и въ первый годъ полнаго дѣйствія своей попытки. Изъ работниковъ, работавшихъ всѣ триста дней, ни одинъ не получилъ въ этотъ годъ меньше 1500 фр., а нѣкоторые получили значительно больше. Высшая плата у него была 4 франка въ день или 1200 фр. за 300 дней; потому остальные 300 франковъ слѣдуетъ считать наименьшею суммою, какую поденьщикъ, работавшій 300, дней получилъ на свою долю изъ чистой прибыли. Леклеръ сильными эпитетами описываетъ улучшеніе уже и тогда обнаружившееся въ привычкахъ и образѣ дѣйствій его работниковъ не только за работою и въ отношеніяхъ съ нимъ, но и во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ отношеніяхъ: въ работникахъ видно стало больше уваженія и къ другимъ и къ самимъ себѣ. Въ 1848 г. эта система еще сохранялась и мы узнаемъ изъ Шевалье, что усердіе работниковъ продолжало даже и въ денежномъ смыслѣ вполнѣ вознаграждать Леклера за пожертвованіе частью прибыли въ ихъ пользу *). И Вильоме въ 1857 г. **) замѣчаетъ: «Самъ Леклеръ, хотя всегда отвращался отъ обмана въ работѣ, который слишкомъ употребителенъ въ его промыслѣ, могъ выдержать соперничество и пріобрѣсти отличное положеніе, несмотря на пожертвованіе столь огромною частью своей выгоды. Конечно, онъ достигъ этого лишь оттого, что необыкновеннымъ усердіемъ работниковъ и взаимнымъ ихъ надзоромъ другъ за другомъ въ многочисленныхъ мѣстахъ работы вознаградилось уменьшеніе его личныхъ выгодъ».

Благодѣтельному примѣру Леклера послѣдовали, съ блестящимъ успѣхомъ, другіе хозяева, имѣвшіе большія работы въ Парижѣ; и я привожу изъ названнаго сейчасъ сочиненія (одного изъ лучшихъ между многими хорошими трактатами о политической экономіи, написанными нынѣшнимъ поколѣніемъ французскихъ политико-экономовъ) нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ благотворнаго экономическаго и нравственнаго вліянія, происходящаго отъ этихъ удивительныхъ учрежденій ***).

---

*) Lettres sur l'Organisation du Travail, par Michel Chevalier, lettre XIV

**) Nouveau Traité d'Economie Politique, par Villiaumè, Paris 1857.

***) «Въ мартѣ 1847 года, г. Поль Дюпонъ, управлявшій одною изъ парижскихъ типографій, вздумалъ ввести своихъ работниковъ въ ассоціацію съ собою, обѣщавъ имъ десятую часть выгоды. Постоянныхъ работниковъ у него до 300 человѣкъ, въ томъ числѣ 200 съ платою по счету сработаннаго, а 100 съ поденною платою. Кромѣ того, бываетъ у него до 100 вспомогательныхъ работниковъ, не входящихъ въ составъ ассоціаціи.

6. Но если человѣческій родъ будетъ продолжать развиваться, то надобно ожидать, что напослѣдокъ станетъ господствовать не та форма ассоціаціи, которая можетъ существовать между капиталистомъ какъ главою дѣла и работниками, не имѣющими голоса въ управленіи, а другая форма ассоціація самихъ работниковъ на условіяхъ равенства, съ принадлежностью всему ихъ обществу капитала, на который ведутся ихъ операціи, и подъ управленіемъ распорядителей, избираемыхъ и смѣняемыхъ ими самими. Пока эта идея еще оставалась только теоріею въ сочиненіяхъ Овена или Луи Блана, могла она казаться для обыкновеннаго разсужденія неосуществимой; могло казаться, что попытокъ къ ея осуществленію нельзя сдѣлать иначе, какъ конфискаціей существующаго капитала въ пользу работниковъ; и въ Англіи и на континентѣ есть и до сихъ поръ много людей воображающихъ и еще больше говорящихъ, что таковъ смыслъ и такова цѣль соціализма. Но въ массахъ есть способность къ энергіи и къ самоотреченію, высказывающаяся только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда призываютъ ее во имя какой нибудь великой идеи или возвышеннаго чувства.

«Часть прибыли, приходящаяся работникамъ, среднимъ числомъ не превышаетъ ихъ жалованья за двѣ недѣли; но получая обыкновенную плату по тарифу, установленному во всѣхъ парижскихъ типографіяхъ, они сверхъ того пользуются выгодою леченія на счетъ общины и получаютъ по 1 фр. 50 сант. въ день во время болѣзни. Каждый годъ этотъ фондъ, состоящій отчасти въ вещахъ, отчасти въ государственныхъ облигаціяхъ, увеличивается причисленіями процентовъ къ капиталу, и такимъ образомъ создается пенсіонная касса для работника.

«Дюпонъ и капиталисты, хозяева управляемой имъ типографіи, получаютъ при этой ассоціаціи доходъ гораздо выше того, чѣмъ имѣли бы безъ нея, а работники постоянно видятъ себѣ выгоду отъ счастливой идеи Дюпона. Работники, возбужденные заботиться объ успѣхѣ заведенія, доставили ему золотую медаль въ 1849 и почетную медаль на всемірной выставкѣ 1855 г.; а нѣкоторые изъ нихъ даже лично получили награды за свои изобрѣтенія и работы. У обыкновеннаго хозяина они не имѣли бы досуга заниматься своими изобрѣтеніями иначе какъ съ тѣмъ, чтобы всю честь ихъ предоставить человѣку, который не самъ сдѣлалъ ихъ.

«Я самъ посѣщалъ это заведеніе и могъ убѣдиться, какъ совершенствуетъ привычки работниковъ эта ассоціація.

«Жиске, бывшій префектъ полиціи, давно имѣетъ въ Сенъ-Дени маслобойный заводъ, самый большой во Франціи послѣ дорбельскаго завода г. Дарбле. Взявшись въ 1848 году самъ управлять заводомъ, Жиске нашелъ работниковъ привыкшихъ напиваться по нѣскольку разъ въ недѣлю, а за работою пѣть, курить, иногда браниться. Онъ много разъ безъ успѣха, пытался

Такой призывъ былъ сдѣланъ французскою революціею 1848 года. Въ первый разъ тогда показалось просвѣщеннымъ и благороднымъ людямъ рабочихъ классовъ великой націи, что они пріобрѣли правительство, искренно желающее свободы и достоинства массы, а не считающее естественнымъ и законнымъ положеніемъ массы то, чтобы она служила орудіемъ производства, приводимымъ въ работу для выгоды владѣтелей капитала. Ободренныя этимъ, выросли и принесли плодъ посѣянныя соціалистскими писателями идеи объ эманципаціи труда посредствомъ ассоціаціи; и многіе работники пришли къ рѣшимости работать другъ на друга вмѣсто того чтобъ работать на хозяина негоціанта или фабриканта, — пришли и къ рѣшимости освободиться, какихъ бы трудовъ и лишеній ни стоило то, отъ необходимости платить изъ продукта своего труда тяжелую дань за пользованіе капиталомъ, уничтожить эту по-

---

запретить работникамъ, подъ страхомъ удаленія съ завода, напиваться въ рабочіе дни и обѣщавъ раздѣлять между ними, въ видѣ годичной награды, 5% своей чистой прибыли пропорціонально рабочей платѣ каждаго, величина которой остается обыкновенная, какъ на другихъ заводахъ. Съ той же минуты реформа совершилась вполнѣ: онъ увидѣлъ себя окруженнымъ, сотнею усердныхъ и преданныхъ работниковъ. Ихъ благосостояніе увеличилось всѣми деньгами, которыя перестали они тратить на вино и тѣми, которыя выиграли они аккуратностью въ работѣ. Награда, даваемая имъ Жиске, равняется, среднимъ числомъ, платѣ ихъ за 1½ мѣсяца.

«Беле́, бывшій депутатомъ въ 1830 — 1839 годахъ и народнымъ представителемъ въ конституціонномъ собраніи, основалъ большую фабрику паровыхъ машинъ въ тампльскомъ предмѣстьѣ. Въ началѣ 1847 года онъ ввелъ работниковъ этой фабрики въ ассоціацію съ собою. Я выписываю здѣсь уставъ этой ассоціаціи, который можно считать однимъ изъ самыхъ полныхъ между всѣми, какіе были заключены между хозяевами и работниками.

«Одинъ путешественникъ, недавно бывшій на филиппинскихъ островахъ, говоритъ о похожей на Леклерову систему у китайцевъ въ Манильѣ. У китайцевъ хозяинъ лавки обыкновенно привлекаетъ къ своему дѣлу все усердіе служащихъ въ его лавкѣ его соотечественниковъ, давая каждому изъ нихъ долю изъ прибыли дѣла или дѣлая ихъ всѣхъ маленькими компаньонами въ своей торговлѣ, въ которой онъ разумѣется не забываетъ оставлять себѣ львиную часть, такъ что, принося ему пользу хорошимъ исполненіемъ дѣла, они доставляютъ выгоду и себѣ. Этотъ принципъ развитъ до того, что даже кули вмѣсто опредѣленнаго жалованья получаютъ долю изъ прибыли дѣла и кажется, что эта система соотвѣтствуетъ характерамъ ихъ: работая за опредѣленную плату они очень лѣнивы, но если заинтересованы хотя ничтожнѣйшею долею изъ прибыли, то оказываются усерднѣйшими и полезнѣйшими работниками.» Mac Micking, Recollections of Manilla and the Philippines during 1848, 1849 and 1850, стр. 24.

дать не отнятіемъ у капиталистовъ того, что пріобрѣли они, или ихъ предшественники посредствомъ труда и сохранили посредствомъ экономіи, а честнымъ пріобрѣтеніемъ капитала для себя. Еслибъ лишь немногіе работники взялись за это тяжелое дѣло или еслибы взялись за него многіе, а успѣли въ немъ лишь немногіе, то можно было бы сказать, что ихъ успѣхъ не служитъ аргументомъ въ пользу ихъ системы какъ нормальнаго способа промышленной организаціи, но кромѣ всѣхъ случаевъ неудачи существуютъ или недавно существовали болѣе ста успѣшныхъ и въ томъ числѣ много чрезвычайно цвѣтущихъ ассоціацій работниковъ въ одномъ Парижѣ, кромѣ значительнаго числа въ департаментахъ. Поучительный очеркъ ихъ исторіи и принциповъ издалъ Фёгере (H. Feugueray) подъ заглавіемъ: L'Association ouvrière industrielle et agricole; въ Англіи газеты часто утверждаютъ, что парижскія ассоціаціи не удались (люди, пишущіе это какъ будто приняли по недоразумѣнію предсказанія ихъ враговъ при ихъ возникновеніи за свидѣтельство о послѣдующемъ результатѣ опыта); потому я считаю нужнымъ показать выписками изъ Фёгере, что эти отзывы не только лишены истины, а прямо противоположны ей.

Почти у всѣхъ ассоціацій капиталъ первоначально ограничивался немногими инструментами, принадлежавшими основателямъ, и маленькими суммами, какія могли быть собраны ихъ сбереженіями или получены ими взаемъ отъ другихъ работниковъ, такихъ же бѣдняковъ какъ они. Нѣкоторымъ ассоціаціямъ сдѣланы были ссуды отъ республиканскаго правительства; но оказывается, что вовсе не принадлежали къ числу успѣшнѣйшихъ тѣ ассоціаціи, которыя получили такія ссуды или по крайней мѣрѣ тѣ, которыя получили ихъ до упроченія своего успѣха. Поразительнѣйшіе примѣры процвѣтанія находятся между тѣми ассоціаціями, у которыхъ не было никакой опоры кромѣ ихъ собственныхъ скудныхъ средствъ и мелкихъ ссудъ отъ другихъ работниковъ и члены которыхъ питались лишь хлѣбомъ съ водою, посвящая весь остатокъ заработываемыхъ денегъ на составленіе капитала. «Часто касса была совершенно пуста, говоритъ Фёгере (стр. 112), а рабочей платы не было никакой. Продажа не шла, а денегъ за проданное надобно было еще ждать, векселя не принимались къ дисконту, а магазинъ матеріаловъ былъ пустъ; и надобно было терпѣть лишенія, обрѣзывать себя во всѣхъ издержкахъ, ограничиваться иногда хлѣбомъ съ водой.... Такими-то мученіями и лишеніями, такимъ-то скорбнымъ путемъ люди, не имѣвшіе вначалѣ почти никакихъ средствъ кро-

мѣ твердой воли и своихъ рукъ достигли того, что создали себѣ кругъ покупателей, пріобрѣли кредитъ, создали наконецъ общественный капиталъ и основали ассоціаціи, будущность которыхъ теперь кажется упроченною».

Я приведу вполнѣ замѣчательную исторію одной изъ такихъ ассоціацій (Фёгере стр. 113 — 116).

«Необходимость большаго капитала для основанія фортепьянной фабрики была вполнѣ сознаваема корпораціею фортепьянныхъ работниковъ, такъ что въ 1848 г. нѣсколько сотъ ихъ, соединившись для образованія большой ассоціаціи, просили для нея у правительства пособія въ 300,000 фр., то есть, десятой части всего фонда назначеннаго конституціоннымъ собраніемъ въ пособіе ассоціаціямъ. Я помню, что будучи членомъ коммиссіи, распредѣлявшей этотъ фондъ, я напрасно старался убѣдить двухъ выборныхъ присланныхъ въ коммиссію отъ ассоціаціи, что просьба ихъ чрезмѣрна. Всѣ мои слова остались безуспѣшны; напрасно я толковалъ съ ними часа два. Выборные отвѣчали мнѣ все одно и тоже,—что ихъ промыселъ находится въ исключительномъ положеніи, что ассоціація не можетъ основатся съ надеждою на успѣхъ иначе какъ въ большомъ размѣрѣ и съ большимъ капиталомъ, что 300,000 фр., наименьшая сумма, ниже которой не могутъ они опуститься,—словомъ сказать, что не могутъ они уменьшить своего требованія ни на одинъ су. Коммиссія отказала.

«Послѣ этого отказа планъ большой ассоціаціи былъ покинутъ. Но вотъ дальнѣйшая исторія. 14 человѣкъ работниковъ(и, странное дѣло, въ числѣ ихъ одинъ изъ двухъ выборныхъ) рѣшились одни основать ассоціацію для дѣланія фортепьяно,—это было опрометчивостью, если не безумствомъ со стороны людей, не имѣвшихъ ни денегъ ни кредита; но вѣра не разсуждаетъ, а дѣйствуетъ.

Итакъ, эти 14 человѣкъ принялись за дѣло, и вотъ разсказъ о ихъ первыхъ трудахъ, я беру его изъ статьи National'я, прекрасно написанной г-мъ Котю,—за вѣрность фактовъ я съ удовольствіемъ ручаюсь.

«Нѣкоторые изъ членовъ ассоціаціи, работавшіе прежде на свой счетъ, внесли въ нее инструментовъ и матеріаловъ тысячи на двѣ франковъ. Кромѣ того нуженъ былъ оборотный капиталъ. Товарищи, не безъ труда, внесли каждый по 10 франк. Нѣсколько работниковъ, непринадлежавшихъ къ ассоціаціи, выразили ей свое сочуствіе слабыми приношеніями. Словомъ сказать,

10 марта 1849 г. набралось 229 фр. 50 сант. и ассоціація была объявлена основанною.

«Этой суммы не было достаточно даже для найма квартиры и мелкихъ ежедневныхъ издержекъ по содержанію мастерской. На плату за работу ничего не оставалось, и около двухъ мѣсяцевъ члены ассоціаціи прибыли не получали ни сантима. Какъ они жили въ это критическое время? Какъ живутъ работники во время остановки работы, раздѣляя обѣдъ какого нибудь товарища, продавая или закладывая вещь за вещью изъ своего имущества.

«Кончено было нѣсколько работъ. 4 мая получены были деньги за нихъ. Этотъ день для работниковъ былъ тоже, что для воина первая побѣда въ походѣ.

По уплатѣ долговъ, требовавшихъ немедленной уплаты, остался на члена ассоціаціи дивидентъ въ 6 фр. 61 сант.; они согласились взять по 5 фр. въ зачетъ рабочей платы, а остальные посвятить на братскій обѣдъ. Члены ассоціаціи, большая часть изъ которыхъ уже годъ не пили вина, собрались на обѣдъ съ женами и дѣтьми. Израсходовано было по 1 фр. 60 сант. на семейство. Въ мастерскихъ до сихъ поръ говорятъ объ этомъ днѣ съ чувствомъ, котораго трудно не раздѣлить.

«Еще мѣсяцъ пришлось довольствоваться платою по 5 фр. въ недѣлю. Въ іюнѣ, одинъ булочникъ, меломанъ или спекулянтъ, предложилъ купить фортепьяно съ уплатою хлѣбомъ. Фортепьяно продали за 480 фр. Это было великимъ счастіемъ для ассоціаціи: теперь она имѣла покрайней мѣрѣ необходимое. Хлѣбъ рѣшили не становить въ зачетъ платы. Каждый бралъ его по своей надобности или лучше сказать по надобности своей семьи, женамъ и дѣтямъ.

«Между тѣмъ ассоціація, составленная изъ отличныхъ работниковъ, постепенно побѣждала препятствія и лишенія, затруднявшія начало дѣла. Кассовыя книги ея служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ успѣховъ, какіе пріобрѣлись ея работами во мнѣніи покупателей. Съ августа 1849 года недѣльная плата поднимается до 10, потомъ 15, наконецъ 20 франковъ. Но эта послѣдняя сумма не представляетъ еще всей выгоды: каждый членъ оставлялъ въ общемъ фондѣ гораздо больше, чѣмъ получалъ.

«Дѣйствительно положеніе каждаго члена ассоціаціи надобно опредѣлять не по суммѣ, еженедѣльно получаемой имъ, а по долѣ какая принадлежитъ ему въ имуществѣ заведенія, уже ставшаго

большимъ. Вотъ счетъ положенія ассоціаціи, взятый мною изъ инвентаря 30 декабря 1850 г.

«Въ это время членовъ ассоціаціи считается 32. Обширныя мастерскія или магазины, нанимаемыя за 2,000 франковъ уже тѣсны для нихъ.

	фр.	сант.
Кромѣ инструментовъ, цѣнящихся въ . . .	5,922	60
Они имѣютъ товаровъ, а особенно матеріаловъ на	22,972	28
Въ кассѣ находятся	1,021	10
Въ портфелѣ, цѣнностей на	3,540	»
По счету должниковъ *)	5,861	90
Итого, имущество ассоціаціи простирается до	39,317	88
Изъ этого итога надобно вычесть только 4,737 фр. 86 долговъ кредиторамъ и 1,650 фр. долговъ 24 участникамъ **), всего . .	6,387	86
Въ остаткѣ .	32,930	2

Таково дѣйствительное имущество ассоціаціи, состоящее изъ нераздѣльнаго капитала, и резервнаго капитала ея членовъ. Ассоціація имѣла тогда въ постройкѣ 76 фортепьянъ и получала заказовъ больше чѣмъ могла принять.»

Изъ послѣдующаго отчета мы узнаемъ, что это общество раздѣлилось впослѣдствіи на двѣ отдѣльныя ассоціаціи, изъ которыхъ одна, въ 1854 владѣла уже оборотнымъ капиталомъ въ 56.000 франковъ ***).

---

*) Эти послѣднія двѣ статьи состоятъ изъ вѣрныхъ векселей, которые всѣ уплачены потомъ.

**) Эти участники—работники фортепьяннаго ремесла, дававшіе ссуды при началѣ ассоціаціи; часть долговъ имъ уплачена въ началѣ 1851 г. Счетъ кредиторовъ также очень уменьшился: 23 апрѣля онъ простирался только 1,113 франковъ, 59 сантимовъ.

***) Статья Шербюлье: «Les Associations Ouvrières», въ Journal des Economistes, за ноябрь 1860.

Я привожу здѣсь изъ Вильоме и Шербюлье подробности о другихъ чрезвычайно успѣшныхъ опытахъ рабочихъ ассоціацій:

«Изъ ассоціацій, достигшихъ своей цѣли и представляющихъ опредѣлительный результатъ, говоритъ Шербюлье, мы прежде всего назовемъ ассоціацію Ремке, въ Парижѣ, rue Garancière, основатель которой былъ въ 1848 г. факторомъ въ типографіи Ренуара. Когда эта типографія принуждена была ликвидировать свои дѣла, онъ предложилъ другимъ рабочимъ составить съ

Удивительныя качества, которыми восторжествовали ассоціаціи надъ первоначальными затрудненіями, все увеличивали потомъ успѣхъ ихъ. Дисциплинарныя правила въ ассоціаціяхъ не слабѣе, а напротивъ строже чѣмъ въ обыкновенныхъ мастерскихъ. Но этимъ

нимъ ассоціацію и продолжать предпріятіе на ихъ собственный счетъ, прося пособіе отъ правительства, чтобы покрыть покупку и первыя издержки. Пятнадцать рабочихъ приняли это предложеніе и составили подъ собирательнымъ именемъ общество, уставъ котораго опредѣлялъ вознагражденіе за каждый родъ работы и озаботился постепеннымъ образованіемъ оборотнаго капитала посредствомъ вычета 25 проц. со всякаго вознагражденія, — этотъ вычетъ не давалъ никакого дивиденда и никакого процента до истеченія десятилѣтняго срока, въ теченіе котораго общество должно существовать. Ремке желалъ получить и получилъ полное распоряженіе дѣломъ, съ опредѣленнымъ, весьма умѣреннымъ жалованьемъ. При окончательной ликвидаціи вся прибыль должна была быть раздѣлена между всѣми участниками ассоціаціи, по размѣру доли каждаго въ фондѣ, т. е. по размѣру положеннаго каждымъ труда. Правительство не безъ большихъ затрудненій и на весьма отяготительныхъ условіяхъ выдало пособіе въ 80,000 франк. Но несмотря на эти тяжелыя условія и несмотря на неблагопріятныя обстоятельства отъ политическаго положенія страны, ассоціація Ремке достигла такого цвѣтущаго состоянія, что во время послѣдней ликвидаціи оказалось, что по уплатѣ правительственнаго пособія она имѣла чистаго капитала 155,000 франк., раздѣлъ которыхъ далъ среднимъ числомъ отъ 10,000 до 11,000 франк. на каждаго участника: 7,000 — minimum и 18,000 maximum».

«Братское Общество жестяныхъ дѣлъ мастеровъ и ламповщиковъ основано было въ мартѣ 1848 г. пятью стами рабочихъ: это были почти всѣ рабочіе, занимавшіеся тогда этимъ промысломъ. Этотъ первый опытъ, внушенный эксцентрическими и неприложимыми идеями, не пережилъ роковыхъ іюньскихъ дней, и по возстановленіи порядка образовалась новая ассоціація въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Составленная въ началѣ сорока участниками, она открыла свои дѣла въ 1849 г., съ капиталомъ, образовавшимся изъ складчины участниковъ, не прося никакихъ пособій. Послѣ различныхъ перипетій, которыя сократили число участниковъ только до трехъ, потомъ подняли до четырнадцати и затѣмъ снова свели его къ тремъ, эта ассоціація установилась наконецъ прочно между сорока шестью участниками: они мирно передѣлали свой уставъ въ тѣхъ пунктахъ, которые по опыту оказались неудовлетворительными, и затѣмъ, когда послѣдующее вступленіе новыхъ участниковъ довело ихъ число до ста, оказалось, что въ 1858 г. они владѣли имуществомъ въ 50,000 франк. и въ состояніи были ежегодно дѣлить между собою дивиденды въ 20,000 франк.

«Ассоціація золотыхъ дѣлъ мастеровъ, самая старая изъ всѣхъ, составилась въ 1831 г. изъ восьми рабочихъ, съ капиталомъ въ 200 франк., собраннымъ изъ ихъ общихъ сбереженій. Пособіе въ 24,000 франк. дало ассоціаціи въ 1849 г. возможность значительно расширить свои дѣла, годовая цифра ко-

правиламъ работники подчинились сами, для очевидной выгоды своей общины, а не для удобства хозяина, выгоды котораго считаютъ они противоположными своимъ; потому исполняются эти правила гораздо добросовѣстнѣе и добровольное повиновеніе пробуждаетъ

торыхъ возвышалась уже въ 1858 г. до 140,000 франк. и обезпечивала каждому участнику дивидендъ, равный его двойной рабочей платѣ».

Слѣдующее взято нами изъ Вильоме:

«Послѣ іюньскихъ дней 1848 года работа остановилась въ Сент-Антуанскомъ предмѣстьѣ, которое занято главнымъ образомъ мебельщиками. Нѣсколько работниковъ—столяровъ, дѣлавшихъ кресла, пригласили товарищей, которые захотятъ работать вмѣстѣ съ ними. Изъ 600—700 работниковъ этого ремесла, 400 записались въ число желающихъ. Но капитала не было; потому только 9 человѣкъ, самыхъ ревностныхъ, начали ассоціацію, въ капиталъ которой внесли все, что имѣли,—всего инструментовъ на 369 франк. и 135 фр. 20 сант. деньгами.

«Благодаря ихъ искусству, добросовѣстности и аккуратности въ срокахъ поставки, сбытъ у нихъ увеличивался и скоро ассоціація имѣла до 800 членовъ. Они получили отъ казны ссуду въ 25,000 франк. съ обязательствомъ выплатить ихъ въ 14 лѣтъ съ процентами по $3^3/_4$ на 100 въ годъ.

«Въ 1858 году число членовъ этой ассоціаціи 65; съ ними работаютъ среднимъ числомъ до 100 помощниковъ. Голосами всѣхъ членовъ ассоціаціи избирается административный совѣтъ изъ 8 членовъ и одного управителя, имя котораго служитъ торговою фирмою. Распредѣленіе работы и надзоръ за мастерскими поручены подмастерьямъ, которые назначаются управителемъ и административнымъ совѣтомъ. На каждыхъ 20—25 работниковъ назначается одинъ подмастерье.

«За работу платится поштучно, по таксамъ, опредѣляемымъ въ общемъ собраніи. Плата простирается отъ 3 до 7 франк. въ день, смотря по усердію и искусству работника. Среднимъ числомъ она 100 франк. въ мѣсяцъ. Многіе заработываютъ по 160 франк. Рѣзчики и столяра получаютъ до 200 франковъ въ мѣсяцъ. Каждый обязывается работать 120 часовъ въ двѣ недѣли, т. е. по 10 часовъ день. По уставу, за каждый часъ недочета платится штрафъ: по 10 сант. до 30 часовъ и по 15 сант. за часы сверхъ этихъ 30. Цѣлью такого правила было искоренить прогулъ по понедѣльникамъ,—и цѣль эта достигнута. Въ послѣдніе два года система штрафовъ уже не примѣняется къ дѣлу, потому что члены ассоціаціи ведутъ себя хорошо.

«Внесено въ ассоціацію было только 369 франк., но въ 1851 г. цѣнность матеріаловъ и инструментовъ, принадлежащихъ ассоціаціи *), простиралась уже до 5,713 франк., а ея имущество, считая долги, до 24,000 франк. Послѣ того дѣла ассоціаціи стали еще лучше, побѣдивъ всѣ препятствія, возбужденныя противъ нея. Она самое обширное заведеніе по своей части въ Па-

---

*) Она помѣщается въ Rue de Chavonne, cour Saint-Joseph въ Сент-Антуанскомъ предмѣстьѣ.

въ работникахъ чувство личнаго достоинства. Съ удивительной быстротой работники ассоціацій поняли надобность исправить идеи, съ которыхъ они начали, когда эти идеи оказывались не согласны съ разсудкомъ и опытомъ. Сначала почти всѣ ассоціаціи не допу-

---

рижѣ, а обороты ея простираются до 400,000 франк. въ годъ. Вотъ ея балансъ за декабрь 1855 года:

Кредитъ.

	Фр.	Сан.
Наличныя деньги	445	50
Товары (по заказу, такъ что не будетъ промедленія въ сбытѣ)	82,930	—
Жалованье, уплаченное впередъ	2,421	70
Матеріалы	20,891	35
Портфель	9,711	75
Мебель	211	—
Уплачено за квартиру впередъ	4,933	10
Въ долгахъ	48,282	95
	169,831	55

Дебетъ.

Долги по векселямъ	8,655	—
Фондъ ассоціаціи	133	—
По 100 франк. дивидента каждому члену (долгъ самимъ себѣ)	7,600	—
Уплата ссуды отъ казны, которая беретъ по 10% въ годъ съ чистой прибыли; должно быть уплачено въ 14 лѣтъ	9,205	84
Ссуда отъ казны съ процентами	27,053	—
Разные долги	12,559	65
	66,752	65

«Остатокъ имущества, за вычетомъ долговъ, 100,398 франк. 90 сант.

«Въ дѣйствительности ассоціація имѣетъ чистаго имущества 123,000 франковъ.

«Но самая замѣчательная изъ всѣхъ была ассоціація каменщиковъ.

«Ассоціація каменщиковъ была основана 10 августа 1848 года. Находится она въ Rue Saint-Victor, № 155. Число членовъ ея 85, а вспомогательныхъ работниковъ отъ 300 до 400. Она имѣетъ двухъ управителей: одинъ спеціально занимается постройками, а другой—администраціею. Оба они считаются самыми хорошими подрядчиками въ Парижѣ и довольствуются скромнымъ жалованьемъ. Ассоціація эта недавно построила три или четыре большихъ дома, изъ числа самыхъ замѣчательныхъ въ столицѣ. Она работаетъ экономнѣе обыкновенныхъ подрядчиковъ, но получаетъ уплату по отдаленнымъ срокамъ, и для нея банкъ былъ бы необходимѣе, чѣмъ для многихъ другихъ ассоціацій, потому что она должна дѣлать впередъ значительныя затраты. Но и теперь дѣла ея идутъ очень хорошо; доказательство тому—дивидендъ въ 56% на ея собственный капиталъ, данный нынѣшнимъ годомъ гражданамъ, участвующимъ въ ея операціяхъ.

скали поштучной работы и давали равную плату какъ бы ни была исполнена работа. Почти всѣ онѣ отмѣнили эту систему и назначивъ каждому minimum платы, достаточной для жизни, остальное вознагражденіе даютъ они по разсчету исполненной работы; и при-

---

«Она состоитъ изъ работниковъ, вносящихъ въ нее только трудъ, другихъ, вносящихъ трудъ и нѣкоторый капиталъ; наконецъ, гражданъ, которые не работаютъ, но присоединились къ ней внесеніемъ капитала.

«По вечерамъ каменщики эти занимаются взаимнымъ обученіемъ. Какъ и у столяровъ, дѣлающихъ кресла, больной у нихъ лечится на счетъ общества и кромѣ того получаетъ во время болѣзни плату. Каждый во всѣхъ обстоятельствахъ жизни пользуется покровительствомъ ассоціаціи. Столяры скоро будутъ имѣть тысячи по 2 или по 3 капитала каждый въ своемъ распоряженіи: на приданое дочерямъ, или на обезпеченіе будущаго. Изъ каменщиковъ многіе имѣютъ уже по 4,000 франк. сбереженія, остающагося въ общественномъ фондѣ.

«До основанія ассоціаціи работники эти имѣли изъ одежды только плохія жилеты и блузы, оттого что по непредусмотрительности, а главное по перерывамъ въ работѣ никогда не имѣли въ рукахъ 60 франк. на покупку сюртука. Теперь большая часть изъ нихъ одѣты какъ буржуа, иные даже съ лучшимъ вкусомъ. Это оттого, что работникъ, имѣющій кредитъ въ своей ассоціаціи, вездѣ получаетъ все, что ему нужно, давая записку на кассу, которая при каждой двухнедѣльной выдачѣ ему денегъ, удерживаетъ часть на погашеніе его долга. Такимъ образомъ у работника сберегаются, можно сказать, сами собою деньги. Многіе, не имѣя долговъ, даютъ сами на себя векселя по 100 франк., срокомъ на 5 мѣсяцевъ, чтобы избѣжать соблазна на безполезныя издержки. У нихъ вычитаютъ каждыя двѣ недѣли по 10 франк., и черезъ 5 мѣсяцевъ у нихъ оказывается волею-неволею сбереженіе въ 100 франковъ.

«Слѣдующая таблица, взятая Шербюлье изъ книги (Die Gewerblichen und wirthschaftlichen Genossenschaften der arbeitenden Classen in England, Frankreich und Deutschland), изданной въ Тюбингенѣ въ 1860 г. профессоромъ Губеромъ (однимъ изъ самыхъ пламенныхъ и глубоко убѣжденныхъ проповѣдниковъ этого рода сотрудничества), показываетъ быстрое увеличеніе благосостоянія ассоціаціи каменщиковъ до 1858 года:

Годы.	Общая цифра дѣла. Франк.	Полученная прибыль. Франк.
1852	45,530	1,000
1853	297,208	7,000
1854	344,240	20,000
1855	614,694	46,000
1856	998,240	80,000
1857	1,330,000	100,000
1858	1,231,461	130,000

«Изъ этого послѣдняго дивиденда, прибавляетъ Шербюлье, 30,000 франк. было исключено въ запасный капиталъ, а остальныя 100,000 франк. раздѣ-

быль въ концѣ года почти всѣ они дѣлятъ пропорціонально заработанному жалованью *).

Эти ассоціаціи прямо говорятъ, что существуютъ онѣ не для одной частной выгоды своихъ членовъ, а для доставленія торжества дѣлу сотрудничества. Потому съ каждымъ расширеніемъ своихъ оборотовъ они принимаютъ новыхъ членовъ, берутъ ихъ не въ наемные работники себѣ, а прямо даютъ имъ полную выгоду товарищества, не требуя отъ нихъ никакого взноса кромѣ ихъ труда: единственное условіе для новаго работника лишь то, что онъ извѣстное недолгое время будетъ получать меньшую противъ прочихъ долю при годичномъ раздѣлѣ прибыли въ нѣкоторое вознагражденіе за пожертвованія прежнихъ членовъ ассоціаціи. Когда членъ покидаетъ ассоціацію,—въ чемъ онъ всегда воленъ, онъ не

ленныя между участниками, дали каждому отъ 500 до 1,500 франк., кромѣ ихъ жалованья и кромѣ ихъ доли въ общей собственности, состоящей изъ недвижимости и матеріаловъ работы».

Вообще о ходѣ дѣла въ ассоціаціяхъ, Вильоме говоритъ: «Я лично убѣдился въ томъ, какъ хорошо выбираются работническими ассоціаціями распорядители и административные совѣты. По уму, усердію и даже благовоспитанности эти распорядители гораздо выше большинства хозяевъ и подрядчиковъ. А у работниковъ ассоціацій постепенно исчезаютъ гибельныя привычки невоздержности, вмѣстѣ съ грубостью и невѣжливостью, происходящими въ ихъ сословіи отъ слишкомъ недостаточнаго воспитанія».

*) Даже ассоціація, основанная Луи Бланомъ, державшись его системы полтора года, потомъ приняла поштучную работу. Стоитъ того, чтобы замѣтить здѣсь одну изъ причинъ, по которымъ она оставила первоначальную систему. «Кромѣ другихъ недостатковъ портные осуждали ее за то, что она порождаетъ безпрестанные споры и ссоры оттого, что каждый имѣетъ выгоду понуждать къ работѣ своихъ товарищей. Взаимный надзоръ въ мастерской обращался такимъ образомъ въ невольничество, не оставлявшее никому свободы времени и дѣйствія. Эти раздоры исчезли при введеніи поштучной работы». Фёгере (стр. 88). Одинъ изъ самыхъ невыгодныхъ признаковъ низкаго нравственнаго положенія англійскаго рабочаго сословія въ послѣднее время—враждебность противъ поштучной работы. Если поштучная плата не довольно высока, это — справедливая причина къ несогласію на нее. Но отвращаться отъ поштучной работы по самому принципу, — это значитъ или имѣть фальшивыя понятія, или не любить справедливость и вѣрность счета, желать обманывать въ количествѣ работы. Поштучная работа даетъ контракту совершенство, а контрактъ во всякой работѣ и до мельчайшихъ подробностей, — принципъ извѣстной платы за извѣстную услугу, доведенный до крайняго развитія, это—система, которая при нынѣшнемъ состояніи общества и цивилизаціи выгоднѣе всѣхъ другихъ для работника, хотя невыгоднѣе всѣхъ другихъ для человѣка, желающаго получать плату за лѣность.

получаетъ ничего изъ капитала, остающагося нераздѣльною собственностію, которою пользуются члены ассоціаціи пока остаются въ ней, но которая не въ произвольномъ ихъ распоряженіи: по правилу почти всѣхъ уставовъ даже при разрушеніи ассоціаціи капиталъ не дѣлится, а долженъ быть употребленъ весь на какое нибудь благотворительное или общеполезное дѣло. Опредѣленная и вообще значительная доля годичной прибыли не дѣлится между членами, а прибавляется къ капиталу ассоціаціи или обращается на уплату прежнихъ займовъ ея; другая доля отлагается на содержаніе больныхъ и стариковъ, а третья на составленіе фонда для основанія новыхъ ассоціацій или на пособіе нуждающимся ассоціаціямъ. Распорядители получаютъ подобно другимъ членамъ жалованье за время, занятое у нихъ должностью, обыкновенно по разсчету самой высшей платы простымъ работникамъ; но принято за правило, что административная власть не даетъ никакого процента изъ прибыли.

О томъ что ассоціаціи даже въ ранній періодъ своего существованія могли успѣшно выдерживать соперничество съ капиталистами Фегерё (стр. 37 и 38) говоритъ: «ассоціаціи, основанныя два года тому назадъ, встрѣчали много затрудненій; большая часть изъ нихъ почти вовсе не имѣли капитала; имъ представлялись опасности, всегда грозящія нововводителямъ и начинающимъ людямъ. Однакоже во многихъ изъ отраслей промышленности, въ которыхъ основаны онѣ, онѣ уже составляютъ для прежнихъ фирмъ страшное соперничество, даже вызывающее многочисленныя жалобы въ части буржуазіи,—не отъ однихъ трактирщиковъ, кандитеровъ и парикмахеровъ, не въ однихъ этихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ свойство дѣла дозволяетъ ассоціаціямъ разсчитывать на простонародныхъ покупателей, а также и въ другихъ промышленностяхъ, не представляющихъ имъ такой выгоды. Напримѣръ надобно только спросить мебельщиковъ, дѣлающихъ кресла, стулья, скамьи, и мы узнаемъ отъ нихъ, что въ этихъ отрасляхъ производства самыя обширныя заведенія принадлежатъ ассоціаціямъ.»

Жизненность этихъ ассоціацій должна быть въ самомъ дѣлѣ велика, если около двадцати изъ нихъ могли пережить не только анти-соціалистскую реакцію, которая на время дѣлала невозможными всѣ попытки доставить работнику полное распоряженіе своимъ собственнымъ трудомъ,—не только полицейскія tracasseries — но, въ дополненіе къ этимъ обстоятельствамъ, и всѣ затрудненія, происходившія отъ запутаннаго положенія финансовыхъ и торговыхъ

дѣлъ съ 1854 до 1858 года. Я уже привелъ примѣры того благо-состоянія, котораго достигли нѣкоторыя изъ этихъ ассоціацій, даже въ то время, когда они проходили этотъ трудный періодъ, и эти примѣры должны убѣдить всѣхъ въ томъ блестящемъ будущемъ, какое предстоитъ принципу сотрудничества.

Эти ассоціаціи стали процвѣтать не въ одной Франціи. Не говоря о Піемонтѣ и Германіи, Англія можетъ представить примѣры успѣха, соперничающіе даже съ тѣми, какіе приводилъ я для Франціи. Подъ вліяніемъ возбужденій, начатыхъ Оуэномъ и въ новѣйшее время распространяемыхъ сочиненіями и личными усиліями кружка друзей, особенно духовныхъ и адвокатовъ, благородная дѣятельность которыхъ едва найдетъ себѣ достаточную похвалу, доброе сѣмя было далеко разсѣяно; по доброжелательной и проникнутой чувствомъ общественнаго блага иниціативѣ г. Слэни (Slaney), были получены отъ парламента необходимыя измѣненія въ англійскомъ законѣ о товариществѣ; основано было много промышленныхъ ассоціацій и еще больше корпоративныхъ складовъ для мелочной продажи. Между ними есть уже много примѣровъ замѣчательнаго процвѣтанія, образцы котораго—мукомольная мельница въ Лидсѣ и Рочдэльское Общество Equitable Pioneers. Весьма интересная исторія этой послѣдней ассоціаціи, самой успѣшной изъ всѣхъ, была написана г. Голіокомъ *); и извѣстность, которую получили черезъ нее и черезъ другія средства, столь ободряющіе, факты, произвела быстрое распространеніе ассоціацій съ тѣми же цѣлями въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ.

Первоначальный капиталъ Рочдэльскаго Общества состоялъ изъ 28 ф. стерл., собранныхъ безъ всякихъ пособій, экономіей работниковъ, числомъ около сорока, медленнымъ путемъ подписки по два пенса (потомъ по три пенса) въ недѣлю. Съ этой суммой они основали въ 1844 г. небольшую лавочку или складъ немногихъ обыкновенныхъ предметовъ для потребленія ихъ собственныхъ семействъ. Ихъ заботливость и честность привлекла имъ новыхъ покупщиковъ и подписчиковъ и они распространили свои операціи на большее число предметовъ потребленія, и черезъ нѣсколько лѣтъ были въ состояніи обратить значительную сумму въ акціи кооперативной мельницы. Голіокъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ ихъ постепенный прогрессъ до 1857.

---

*) Self-help by the People—history of Cooperation in Rochdale.

*

«Общество Equitable Pioneers раздѣляется на семь отдѣленій—овощное; суконное; мясное; сапожное отдѣленіе, приготовленіе башмаковъ; приготовленіе платья; оптовая торговля.

«По каждому промыслу дается особый отчетъ, и каждую четверть года отдается общій отчетъ, показывающій положеніе цѣлаго.

«Овощная торговля начата была, какъ мы сказали, въ декабрѣ 1844, только съ четырьмя предметами. Теперь въ этомъ отдѣленіи есть все, что только бываетъ въ овощной лавкѣ.

«Торговля сукномъ началась въ 1847 въ размѣрахъ весьма ограниченныхъ. Въ 1854 она составила особое отдѣленіе.

«Годомъ раньше, въ 1846, складъ началъ продавать мясной товаръ, покупая отъ восьмидесяти до ста фунтовъ у городскаго купца. Потомъ, эта продажа была остановлена до 1850, когда общество завело собственный магазинъ. Джонъ Мурхаузъ, у котораго теперь два помощника, покупаетъ и бьетъ для общества трехъ быковъ, восемь барановъ, свиней и телятъ, что среднимъ числомъ составляетъ въ недѣлю 130 ф. наличными деньгами.

«Сапожное мастерство началось въ 1852. Работало три мастера и подмастерье, и работа шла въ продажу.

«Изготовленіе башмаковъ и платья началось въ томъ же году.

«Оптовое отдѣленіе открылось въ 1852 и показываетъ важное развитіе въ дѣйствіяхъ общества. Это отдѣленіе устроено было съ цѣлью доставлять необходимые предметы тѣмъ членамъ общества, которымъ они требовались въ большомъ количествѣ и съ цѣлью поддерживать кооперативные склады для оптовой закупки въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ, которые, по своимъ ограниченнымъ средствамъ, не могли сами дѣлать закупокъ на лучшихъ рынкахъ, и притомъ не имѣли въ своемъ распоряженіи того, что вообще необходимо для всякаго подобнаго общества оптовой закупки—*хорошаго закупщика*, знающаго рынки и свое дѣло, знающаго—что, какъ и гдѣ купить. Оптовое отдѣленіе ручается за доброту, качество, сходныя цѣны, должный вѣсъ и мѣру, но все это при одномъ неизмѣнномъ правилѣ—платѣ наличными деньгами.»

Вслѣдствіе того, что многіе изъ участниковъ жили далеко, и вслѣдствіе трудности удовлетворять сильно увеличившееся число покупщиковъ, «открыты были отдѣленія въ другихъ мѣстахъ, такъ названныя вѣтви (Branch stores). Въ 1856, первая вѣтвь была открыта въ Oldham Road, въ разстояніи около мили отъ центра Рочдэля. Въ 1857 основаны были кэстльтонская вѣтвь и другая въ Wgitworth Road, и четвертая вѣтвь въ Пинфольдѣ.»

Магазинъ, въ которомъ первоначальный складъ составлялъ только одно отдѣленіе, взятъ былъ Обществомъ въ 1849, на срокъ и въ очень дурномъ положеніи. «Онъ во всѣхъ частяхъ былъ исправленъ и получилъ скромныя украшенія, и теперь имѣетъ видъ совершенно респектабельнаго магазина. Одна изъ залъ составила изящную залу для чтенія журналовъ. Въ другой удобно помѣщена библіотека. Зала для журналовъ снабжена ими не хуже, чѣмъ въ лондонскомъ клубѣ.» Она «открыта теперь для участниковъ и поддерживается на деньги воспитательнаго капитала (Education Fund),» который состоитъ изъ 2½ процентнаго сбора со всей раздѣляемой прибыли, откладываемаго на воспитательныя цѣли». Библіотека заключаетъ 2200 томовъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, и въ томъ числѣ много самыхъ роскошныхъ изданій. Библіотека также открыта для всѣхъ участниковъ. Съ 1850 до 1855 существовала школа для молодыхъ людей, съ платой по два пенса (5 коп. сер.) въ мѣсяцъ. Съ 1855 одна зала отдана была въ распоряженіе отъ двадцати до тридцати лицъ, отъ 14 до 40 лѣтъ, для взаимнаго обученія по воскресеньямъ и вторникамъ.

«Была конечно нанята мельница, — у Малаго моста, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города—на полторы мили. Впослѣдствіи общество выстроило собственно для себя совершенно новую мельницу въ городѣ. Устройство и машины ея самаго прочнаго и лучшаго свойства. Капиталъ, положенный на эту мельницу, составлялъ 8,450 ф. стерл., и изъ нихъ на 3,731 ф. 15 шилл. 2 пенса подписалось общество Equitable Pioneers. На мельницѣ работаютъ одиннадцать человѣкъ».

Впослѣдствіи общество распространило свои операціи и на мануфактурную дѣятельность. Успѣхъ общества Equitable Pioneers произвелъ не только кооперативную мельницу, но и кооперативное общество хлопчато-бумажной и шерстяной мануфактурной промышленности. «Капиталъ этого отдѣленія составляетъ 4000 ф. стерл., изъ которыхъ общество Equitable Pioneers подписалось на сумму 2042 ф. стерл. Мануфактурное общество имѣетъ въ дѣлѣ девяносто шесть механическихъ станковъ и имѣетъ работниковъ — двадцать шесть мужчинъ, семь женщинъ, четыре мальчика и пять дѣвочекъ, всего сорокъ два человѣка»...

«Въ 1853 складъ купилъ за 745 ф. стерл. магазинъ (freehold) на противоположной сторонѣ улицы, гдѣ и производится продажа муки, мяса, картофеля и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ томъ же зданіи помѣщены залы собраній и конторы. Общество нани-

маетъ другіе сосѣдніе дома для своихъ складовъ каленкора, вязальнаго товара и обуви. Такъ какъ залы смѣшаны, посѣтитель тутъ же встрѣчаетъ сапожниковъ и портныхъ, работающихъ въ здоровомъ помѣщеніи и совершенно спокойныхъ относительно субботней ночи. Эти магазины всегда снабжены изобильно какъ новѣйшимъ ковчегъ и вѣрные покупатели совершенно наполняютъ Toad Lane, облѣпляя какъ пчелы каждую контору. Въ промышленныхъ округахъ Англіи нельзя найти другаго такого зрѣлища, какъ рочдэльскій товарищескій складъ въ субботнюю ночь *). Послѣ не-

*) Но самый глубокій интересъ для писателя и для читателя представитъ конечно не блестящее состояніе коммерческой дѣятельности, а новый, лучшій духъ, одушевляющій эти торговыя отношенія. Покупщикъ и продавецъ встрѣчаются здѣсь какъ друзья; здѣсь нѣтъ ни обмана съ одной стороны, ни подозрѣнія—съ другой. Эти толпы скромныхъ рабочихъ, которымъ никогда не приходилось имѣть хорошей пищи, у которыхъ каждый обѣдъ былъ плохой, сапоги промокали, жилеты лоснились отъ грязи и которыхъ жены носили коленкоръ, не меньше грязный, теперь эти работники покупаютъ на рынкѣ, какъ милліонеры, и относительно качества пищи живутъ какъ лорды». Даже гораздо лучше вѣроятно въ этомъ отношеніи, потому что при нынѣшнихъ размѣрахъ безчестной конкуренціи, лорды конечно не послѣдніе покупщики, которые подвергаются обману. «Они сами ткутъ свои матеріи, имѣютъ свое платье и обувь и мелютъ свой хлѣбъ. Они покупаютъ самый чистый сахаръ и лучшій чай и сами мелютъ свой кофе. У нихъ своя собственная мясная лавка и лучшій скотъ въ странѣ отправляется по улицамъ Рочдэля къ ихъ бойнѣ для потребленія ткачей и башмачниковъ. (Въ прошломъ году общество приказало своему агенту, завѣдующему этой провизіей, дѣлать свои закупки въ Ирландіи и посвятить все свое время этому дѣлу). Когда конкуренція давала бѣднымъ людямъ такія выгоды? Подъ этими вліяніями улучшился и нравственный характеръ этого населенія и рочдэльскіе защитники трезвости признаются, что Складъ имѣлъ съ своего основанія гораздо больше вліянія на распространеніе трезвости, чѣмъ имѣли въ это время они сами. Работники, которые прежде никогда не могли выйти изъ долговъ и бѣдныя жены которыхъ по сорока лѣтъ не имѣли въ карманѣ свободнаго сиксъ-пенса, теперь имѣютъ небольшіе запасы денегъ, достаточные для постройки коттеджей, и каждую недѣлю отправляются на свой собственный рынокъ съ звонящей въ карманахъ монетой; и на этомъ рынкѣ нѣтъ ни недовѣрія, ни обмана; нѣтъ поддѣлки и нѣтъ запрашиванья. Вся атмосфера честная. Тѣ, кто служитъ, не торопится, не хитритъ, не льститъ. Имъ нѣтъ никакого интереса въ кляузничествѣ. Все ихъ дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы дать точную мѣру, полный вѣсъ и хорошій товаръ. Въ другихъ частяхъ города, гдѣ торговля основана на началѣ соперничества, всѣ проповѣдники Рочдэля не въ состояніи произвести нравственнаго дѣйствія, подобнаго этому.

«Такъ какъ Складъ не дѣлалъ долговъ, онъ не подвергался никакимъ по-

счастнаго банкротства Рочдэльской сберегательной кассы въ 1849, общество склада стало настоящей сберегательной кассой этого города.

Слѣдующая таблица, дополненная по альманаху общества по 1860 г. показываетъ съ самаго начала денежный результатъ его дѣлъ.

Годы.	Число участниковъ.	Величина капитала.			Объемъ продажи на наличныя деньги въ Складѣ (годовой).			Величина прибыли (годовая).		
		ф. ст.	шил.	пенс.	ф. ст.	шил.	пенс.	ф. ст.	шил.	пенс.
1844	28	28	0	0	—	—	—	—	—	—
1845	74	181	12	5	700	6	5	32	17	6
1846	86	252	7	1½	1,146	17	7	80	16	3½
1847	110	286	5	3½	1,924	13	10	72	2	10
1848	140	397	0	0	2,276	6	5½	117	16	10½
1849	390	1,193	19	1	6,611	18	0	561	3	9
1850	600	2,299	10	5	13,179	17	0	889	12	5
1851	630	2,785	0	1½	17,638	4	0	990	19	8½
1852	680	3,471	0	6	16,352	5	0	1,206	15	2½
1853	720	5,848	3	11	22,760	0	0	1,674	18	11½
1854	900	7,172	15	7	33,364	0	0	1,763	11	2½
1855	1,400	11,032	12	10½	44,902	12	0	3,106	8	4½
1856	1,600	12,920	13	1½	63,197	10	0	3 921	13	1½
1857	1,850	15,142	1	2	79,788	0	0	5,470	6	8½
1858	1,950	18,160	5	4	71,689	0	0	6,284	17	4½
1859	2,703	27,060	14	2	104,012	0	0	10.739	18	6½
1860	3,450	37,710	9	0	152,063	0	0	15,906	9	11

терямъ; и въ тринадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ведетъ свое дѣло, и при оборотѣ, дошедшемъ до 303,852 фунт. стерл., у него не было ни одного процесса. Арбитры обществъ во все время своего назначенія не имѣли случая рѣшать никакого затрудненія и недовольны тѣмъ, что никто не ссорится».

Я не буду входить въ такія подробности относительно Мувомольнаго общества, и упомяну только, что въ 1860, по свидѣтельству того же авторитета, капиталъ его опредѣлялся въ 26,618 ф. стерл. 14 шилл. 6 пенс., и прибыль, за этотъ одинъ годъ, въ 10,164 ф. 12 шилл. 5 пенс. О мануфактурномъ учрежденіи я не имѣю положительныхъ свѣдѣній позднѣе данныхъ Голіока, который въ 1857 считаетъ капиталъ его въ 5500 ф. ст. Но письмо помѣщенно въ «Рочдэльскомъ наблюдателѣ» отъ 26 мая 1860, и по словамъ издателей принадлежащее лицу, хорошо знающему дѣло, говоритъ, что въ это время капиталъ дошелъ до 50.000 ф. ст. Тоже письмо приводитъ чрезвычайно благопріятныя свѣдѣнія относительно другихъ подобныхъ ассоціацій: Россендэльская промышленная компанія, капиталъ—40,000 ф. ст,; Уольсдэнская кооперативная компанія, капиталъ — 8,000 ф. ст.; Бакопъ — Уордльская торговая компанія, съ капиталомъ въ 40,000 ф. ст., «изъ котораго больше одной третьей доли занято по 5 процентовъ, и это обстоятельство, въ послѣдніе два года безпримѣрной торговой удачи, подняло девидентъ, полученный участниками, до размѣра почти баснословнаго».

Едва ли можно смотрѣть иначе, какъ съ полной надеждой, на будущность человѣчества, когда въ двухъ передовыхъ странахъ міра темный низшій классъ общества представляетъ простыхъ работниковъ, которымъ честность, здравый смыслъ, самообладаніе и почтенное довѣріе другъ къ другу дали возможность привести эти благородныя попытки къ такому побѣдоносному результату, о которомъ свидѣтельствуютъ сейчасъ приведенные нами факты. Ихъ поразительная исторія показываетъ до какихъ обширныхъ размѣровъ возрасла бы даже цѣлая производительность труда, ежели бы работники во всей своей массѣ поставлены были въ такое отношеніе къ труду, которое бы сдѣлало ихъ правиломъ и интересомъ (чего теперь нѣтъ)—работать за получаемое ими вознагражденіе сколько можно больше, а не сколько можно меньше. Теперь можно считать обезпеченнымъ прочность этого кооперативнаго движенія, и оно даетъ намъ примѣръ и объясненіе того, какимъ способомъ будетъ произведена въ обществѣ перемѣна, которая соединитъ свободу и независимость отдѣльнаго человѣка съ нравственными, умственными и экономическими выгодами производства въ большомъ размѣрѣ и которая безъ насилія или конфискаціи даже и безъ внезапнаго нарушенія существующихъ привычекъ и ожиданій осуществитъ по крайней мѣрѣ въ промышленномъ отношеніи лучшія

стремленія демократическаго духа. Ассоціаціи, подобныя описаннымъ у насъ, посамому процессу своего успѣха служатъ курсомъ воспитанія въ тѣхъ качествахъ дѣятельности и характера, которыми однѣми и заслуживается и пріобрѣтается успѣхъ. Размножаясь, ассоціаціи пойдутъ къ нему, чтобы обнять собою все рабочее сословіе, кромѣ людей по своей неразсудительности или по недостатку нравственныхъ качествъ не способныхъ научиться дѣйствовать по иной системѣ, кромѣ системы узкаго своекорыстія. При развитіи этой перемѣны капиталисты постепенно будутъ находить свою выгоду въ томъ, чтобы вмѣсто усилій поддержать старую систему съ одними работниками самаго худшаго качества отдавать свой капиталъ въ ссуду ассоціаціямъ; проценты по такимъ ссудамъ будутъ уменьшаться и наконецъ капиталисты вѣроятно промѣняютъ ихъ на пожизненныя пенсіи. Такимъ или инымъ подобнымъ способомъ существующія накопленія капитала могутъ честно и натурально стать напослѣдокъ общею собственностью всѣхъ участвующихъ въ производительномъ ихъ употребленіи; такое преобразованіе (при которомъ конечно оба пола должны имѣть равное участіе *) въ правахъ и въ управленіи ассоціаціею) было бы самымъ точнѣйшимъ осуществленіемъ общественной справедливости и самымъ благотворнымъ устройствомъ промышленныхъ дѣлъ на всеобщую пользу, какое только можно намъ теперь предвидѣть.

7. Такимъ образомъ я согласенъ съ соціалистскими писателями въ понятіяхъ о формѣ, къ принятію которой идетъ развитіе промышленныхъ операцій, и совершенно раздѣляю ихъ мнѣніе, что уже созрѣло время для начинанія этой реформы и что ей надобно помогать и поощрять ее всѣми справедливыми и дѣйствительно

*) Рочдэльское общество и въ этомъ отношеніи дало примѣръ здраваго смысла и справедливости, достойныхъ той разсудительности и благородныхъ понятій, которыя обнаруживаются въ его дѣйствіяхъ вообще. «Рочдэльскій Складъ—говоритъ Голіокъ—подаетъ хотя и невысказанную прямо, но сильную помощь осуществленію гражданской независимости женщинъ. Женщины могутъ быть участницами Склада наравнѣ съ мужчинами и имѣютъ голосъ въ его дѣлахъ. Многія замужнія женщины стали участницами, потому что объ этомъ не хотѣли хлопотать ихъ мужья, другія вступили въ общество изъ самосохраненія, чтобы предупредить растрату денегъ мужьями на пьянство. Мужъ не имѣетъ права вынуть изъ Склада денегъ, записанныхъ на имя его жены, если она сама не подпишетъ требованія. При нынѣшнемъ состояніи закона, мужъ конечно могъ бы завладѣть деньгами посредствомъ процесса. Но процессъ затянется на долго, и прежде чѣмъ законъ двинется, мужъ остается трезвъ и одумывается».

успѣшными средствами. Но соглашаясь и симпатизируя съ соціалистами въ этой практической части ихъ стремленій, я совершенно не согласенъ съ самою видною и горячею частью ихъ доктрины, съ декламаціями ихъ противъ соперничества. Имѣя нравственныя идеи во многихъ отношеніяхъ далеко высшія существующаго общественнаго устройства, они имѣютъ вообще очень смутныя и ошибочныя мысли о фактическомъ дѣйствованіи этого порядка, и одна изъ ихъ главныхъ ошибокъ, по моему понятію, состоитъ въ томъ, что они приписываютъ соперничеству всѣ нынѣшнія экономическія бѣдствія. Они забываютъ, что гдѣ нѣтъ соперничества, тамъ непремѣнно монополія, а монополія, во всѣхъ своихъ формахъ,—налогъ на трудящихся въ пользу лѣности или хищничества. Они забываютъ также, что кромѣ соперничества между работниками, всѣ остальныя проявленія соперничества дѣйствуютъ къ выгодѣ работниковъ, удешевляя потребляемые ими товары; что даже и на рабочемъ рынкѣ соперничество не только понижаетъ рабочую плату, — оно и возвышаетъ ее всегда, когда соперничество въ запросѣ на трудъ больше соперничества въ предложеніи труда, какъ въ Америкѣ, въ колоніяхъ, и въ спеціальныхъ занятіяхъ; что причиною низкости рабочей платы оно можетъ быть лишь тогда, когда рабочій рынокъ переполненъ слишкомъ большимъ числомъ работниковъ, а если число это чрезмѣрно, то и самый соціализмъ не можетъ сдѣлать, чтобы вознагражденіе ихъ не было низко. Кромѣ того, если бы форма ассоціаціи распространялась на все общество, то не было бы соперничества между отдѣльными работниками, а соперничество между ассоціаціями было бы въ пользу потребителей, то есть, ассоціацій, въ пользу всего трудящагося класса.

Я не говорю, что въ соперничествѣ нѣтъ неудобствъ, или что совершенно неосновательны нравственныя возраженія соціалистовъ противъ соперничества, какъ источника зависти и вражды между людьми, занятыми однимъ промысломъ, но если соперничество имѣетъ свою дурную сторону, оно предотвращаетъ еще больше дурнаго. Фегерё справедливо говоритъ (стр. 90): «глубочайшій корень золъ и бѣдствій, покрывающихъ промышленный міръ, не соперничество, а эксплуатація труда капиталомъ, и чрезмѣрность доли, которую берутъ изъ продукта владѣльцы орудій труда... Если соперничество имѣетъ много силы производить зло, то не меньше плодотворно оно на добро, особенно для развитія способностей въ отдѣльномъ человѣкѣ и для успѣха нововведеній.» Соціалисты

вообще ошибаются въ томъ, что упускаютъ изъ виду естественную безпечность человѣка, его расположеніе быть пассивнымъ рабомъ привычки, оставаться безконечно на пути, разъ принятомъ. Если люди достигаютъ существованія, кажущагося для нихъ сноснымъ, тотчасъ является опасность, что они предадутся застою, не станутъ хлопотать, чтобы улучшить свое положеніе, дадутъ заглохнуть своимъ способностямъ, потеряютъ даже энергію, нужную на то, чтобы не дать ихъ положенію портиться. Быть можетъ, соперничество не наилучшее изъ всѣхъ представляющихся мысли возбужденій, но теперь оно необходимо, и никто не можетъ предусмотрѣть времени, когда оно перестало бы быть необходимымъ для прогресса. Ограничиваясь даже одною промышленною стороною жизни, о которой больше чѣмъ о другихъ можно предположить, что большинство въ состояніи стремиться къ улучшенію своего быта,—все таки трудно будетъ склонить общее собраніе какой нибудь ассоціаціи подвергнуться хлопотамъ и неудобствамъ измѣненія привычекъ для принятія новаго, обѣщающаго выгоду изобрѣтенія, если эта ассоціація, зная о другихъ соперничествующихъ ассоціаціяхъ не станетъ опасаться, что другія ассоціаціи примутъ нововведеніе, отвергаемое ею, и опередятъ ее въ состязаніи.

Вмѣсто того чтобы считать соперничество тлетворнымъ и противу-общественнымъ принципомъ, какъ считаетъ его большинство соціалистовъ, я полагаю, что даже и при нынѣшнемъ состояніи общества всякое стѣсненіе его вредно, а всякое расширеніе его, хотя бы на время и вредило какому нибудь классу работниковъ, непремѣнно приноситъ пользу въ результатѣ. Быть охраняему отъ соперничества значитъ быть охраняему въ лѣности, въ умственной тупости, быть избавляему отъ необходимости быть столь же разумнымъ и дѣятельнымъ какъ другіе; и если охраненіе избавляетъ работниковъ отъ опасности, что отобъетъ у нихъ работу другой классъ работниковъ, берущихъ нищую плату, то лишь тамъ, гдѣ старинный обычай или мѣстная и несправедливая монополія поставила извѣстный классъ работниковъ въ привилегированное положеніе передъ всѣми остальными; а теперь пришло время, что интересу общаго улучшенія въ бытѣ всѣхъ неблагопріятно продолженіе привилегій, принадлежащихъ немногимъ. Если ветошники и тому подобные люди понизили рабочую плату портныхъ и нѣкоторыхъ другихъ мастеровыхъ, ставъ соперниками имъ изъ потребителей, тѣмъ лучше въ результатѣ. Теперь нужно не строить подпорки для старинныхъ обычаевъ, благодаря которымъ малочислен-

ные классы работниковъ получали частную выгоду, заинтересовывающую ихъ поддерживать нынѣшнюю организацію общества, а вводить новое всеобщее устройство, благотворное для всѣхъ; и надобно радоваться всему, заставляющему привилегированные классы мастеровыхъ понимать, что интересы ихъ тѣ же, что величина вознагражденія ихъ зависитъ отъ тѣхъ же общихъ причинъ, и къ улушенію ихъ состоянія должны у нихъ служить тѣ же средства, какъ у массы, поставленной въ менѣе выгодныя условія и сравнительно съ ними безпомощной.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

КНИГА ПЯТАЯ.

ВЛІЯНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

КНИГА V.

ВЛІЯНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I.

СФЕРА ПРАВИТЕЛЬСТВА ВООБЩЕ.

1. Обозначеніе надлежащихъ границъ обязанностей и дѣятельности правительствъ — одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ политической науки и государственной практики въ нашу эпоху. Въ прежнія времена предметомъ спора было то, какое устройство должны имѣть правительства, по какимъ принципамъ и правиламъ должны они пользоваться своею властію, а теперь почти столько же разномыслія о томъ, на какія отрасли человѣческихъ дѣлъ должна простираться эта власть. При нынѣшней силѣ стремленія къ измѣненіямъ въ правительствѣ и законодательствѣ, какъ средствамъ улучшить положеніе людей, важность этихъ преній скорѣе должна возрасти, чѣмъ уменьшиться. Нетерпѣливые реформисты, находящіе, что легче и быстрѣе можно овладѣть управленіемъ, чѣмъ умами и наклонностями публики, постоянно влекутся расширять сферу правительства далѣе надлежащихъ границъ, а съ другой стороны человѣческій родъ такъ пріученъ своими правительствами къ вмѣ-

шательствамъ, имѣющимъ цѣлію не общія блага, или порожденнымъ ошибочными понятіями о требованіяхъ этого блага и столько опрометчивыхъ проэктовъ дѣлается искренними друзьями улучшеній съ мыслями достичь принудительнымъ регулированіемъ такихъ цѣлей, которыя съ дѣйствительнымъ успѣхомъ или съ пользою можетъ исполнить лишь общественное мнѣніе и преніе,—что возникъ духъ сопротивленія самому принципу правительственнаго вмѣшательства и явилось расположеніе ограничивать сферу правительственной дѣятельности самыми тѣсными предѣлами. По различію въ историческомъ развитіи разныхъ націй,—различію, о которомъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь, — первая крайность — преувеличеніе правительственной сферы, особенно господствуетъ и въ теоріи и въ практикѣ у континентальныхъ націй, а въ Англіи до сихъ поръ преобладало противоположное направленіе.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я сдѣлаю попытку опредѣлить общіе принципы этого вопроса, насколько онъ зависитъ отъ принциповъ; а прежде я разсмотрю результаты, производимые образомъ дѣйствія правительства при исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя всѣ принадлежатъ ему. Для этого здѣсь надобно перечислить обязанности или нераздѣльныя отъ самой идеи правительства, или по общей привычкѣ и безъ всякаго противорѣчія исполняемыя всѣми правительствами; я отдѣлю ихъ отъ обязанностей, относительно которыхъ существуетъ теперь сомнѣніе, должны ли они принадлежать правительствамъ. Первыя можно назвать необходимыми, а вторыя произвольными функціями правительства. Терминомъ «произвольныя» я хочу сказать не то, что можетъ быть предметомъ равнодушія или произвольнаго выбора, беретъ или не беретъ на себя правительство такія обязанности; я хочу выразить терминомъ этимъ лишь то, что надобность исполнять такія обязанности не простирается до необходимости и остается предметомъ, о которомъ существуютъ или могутъ существовать разныя мнѣнія.

2. Приступая къ перечисленію необходимыхъ функцій правительства, мы находимъ, что онѣ гораздо многоразличнѣе, чѣмъ кажется огромному большинству людей, и что ихъ нельзя ввести подъ тѣ очень опредѣленныя границы, которыми часто думаютъ обнять ихъ въ поверхностной публичной полемикѣ. Напримѣръ, мы слышимъ иногда, что правительства должны ограничиваться охраненіемъ противъ насилія и обмана; что за исключеніемъ этихъ двухъ дѣлъ люди должны быть свободными дѣятелями, обязанными заботиться сами о себѣ, и что пока человѣкъ не дѣлаетъ насилія

или обмана во вредъ личности или собственности другихъ, законы и правительства ни мало не призваны заниматься имъ. Но почему люди должны быть охраняемы своимъ правительствомъ, т. е. своею коллективною силою противъ насилія и обмана, а не противъ другихъ золъ, если не по той причинѣ, что выгодность охраненія тутъ очевиднѣе? Если правительству не слѣдуетъ дѣлать для людей ничего, кромѣ того, чего люди никакъ не могутъ сдѣлать сами для себя, то можно сказать, что люди должны охранять себя сами своимъ искусствомъ и мужествомъ даже противъ насилія или выпрашивать и покупать охраненіе отъ него, какъ они и дѣлаютъ тамъ, гдѣ правительство не можетъ охранить ихъ, а противъ обмана каждый имѣетъ охраненіе въ собственномъ умѣ. Но не касаясь принциповъ, рѣчь о которыхъ будетъ впослѣдствіи, достаточно здѣсь разсмотрѣть факты.

Подъ какой изъ этихъ двухъ разрядовъ,—отстраненіе насилія или отстраненіе обмана,—подведемъ мы напримѣръ дѣйствіе законовъ о наслѣдствѣ? Какому нибудь закону о наслѣдствѣ необходимо существовать во всѣхъ обществахъ. Могутъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ правительство даетъ только силу распоряженію, какое сдѣлалъ человѣкъ относительно своего имущества черезъ завѣщаніе. Но это чрезвычайно сомнительно, чтобы не сказать: совершенно ложно. Едвали есть такая страна, по законамъ которой свобода завѣщанія была бы совершенно неограниченна. И притомъ, что же сказать объ очень обыкновенномъ случаѣ, когда не сдѣлано никакого завѣщанія? Развѣ законъ, т. е. правительство, не рѣшаетъ тутъ по принципамъ общей полезности, кому достается наслѣдство? А если наслѣдникъ почему нибудь не можетъ управлять самъ, развѣ правительство не назначаетъ извѣстныхъ лицъ и часто своихъ чиновниковъ управлять имуществомъ и употреблять его въ пользу наслѣдника? Есть много и другихъ случаевъ, въ которыхъ правительство беретъ на себя управленіе имуществомъ по предположенію, что того требуетъ общая польза или даже только польза отдѣльныхъ лицъ, которыхъ касается дѣло. Часто это дѣлается со спорнымъ имуществомъ и въ случаяхъ судебнаго признанія несостоятельности. Никто никогда не утверждалъ, что этими дѣйствіями правительство переходитъ границы своей сферы.

Не такое простое дѣло, какъ можетъ быть кажется, и обязанность закона опредѣлить самое понятіе имущества. Иному можетъ казаться, что закону надобно только провозгласить и охранять право каждаго на то, что произвелъ самъ онъ или пріобрѣлъ по

добровольному согласію, правильно получилъ отъ людей, которыми произведена вещь. Но развѣ собственностью признается только то, что произведено кѣмъ нибудь? Развѣ не признается собственностію самая земля съ ея лѣсами или водами и всѣми другими естественными богатствами надъ поверхностію и подъ поверхностію земли? Это наслѣдіе человѣческаго рода и должны быть правила для общаго пользованія имъ. Какія права и на какихъ условіяхъ предоставляются извѣстному человѣку надъ извѣстною частью этого общаго наслѣдія,—этого нельзя оставить неразрѣшеннымъ. Нѣтъ ни одной функціи правительства, которая была бы такъ необходима и такъ нераздѣльна съ идеею цивилизованнаго общества, какъ опредѣленіе этихъ дѣлъ.

Идемъ далѣе. Признается безспорнымъ, что должно преслѣдовать насиліе и обманъ, но къ которой изъ этихъ рубрикъ мы отнесемъ принужденіе людей къ исполненію заключенныхъ ими договоровъ? Неисполненіе не всегда заключаетъ въ себѣ обманъ; лицо, заключившее договоръ, могло имѣть искреннее намѣреніе исполнить его; понятіе обмана едвали простирается даже на случаи произвольнаго нарушенія договора, когда не было лжи; а навѣрное уже не прилагается оно къ случаямъ, когда неисполненіе произошло отъ небрежности. А развѣ правительство не обязано принуждать къ исполненію договоровъ? Тутъ приверженцы теоріи невмѣшательства сдѣлаютъ небольшую натяжку и скажутъ, что принуждать къ исполненію договоровъ не значитъ давать правила для дѣлъ частныхъ лицъ, по соображенію правительства, а значитъ только давать силу собственному желанію, выраженному этими лицами. Допустимъ такое расширеніе ограничивающей теоріи,—но мы уже видимъ, что ее надобно расширить. Притомъ же правительства не ограничиваютъ своего отношенія къ договорамъ простымъ вынужденіемъ исполнять ихъ. Они берутъ на себя опредѣлять, къ исполненію какихъ договоровъ слѣдуетъ вынуждать людей. Мало того, что человѣкъ, не будучи обманутъ, а добровольно даетъ другому обѣщаніе. Есть такія обѣщанія, которыми не должны имѣть права связывать себя люди, — того требуетъ общее благо. Не говоря объ обязательствахъ сдѣлать что нибудь противное закону, есть обязательства, вынуждать исполненіе которыхъ законъ отказывается, по причинамъ, касающимся пользы обязавшагося, или общаго государственнаго устройства. Договоръ, по которому человѣкъ продалъ бы себя другому въ невольники, былъ бы объявленъ недѣйствительнымъ въ судилищахъ Англіи и почти всѣхъ другихъ

европейскихъ земель. Мало найдется такихъ земель, законы которыхъ вынуждали бы исполнять договоръ о дѣлѣ, считающемся въ нихъ проституціей или брачное обязательство, условія котораго не согласны съ правилами, считающимися за нужныя по закону. Если же разъ признано, что есть обязательства, исполненія которыхъ законъ не долженъ вынуждать по причинѣ общей пользы, тотъ же вопросъ необходимо открывается относительно всѣхъ обязательствъ. Напримѣръ, долженъ ли законъ вынуждать исполненіе договора по работѣ, когда плата слишкомъ низка, или число рабочихъ часовъ слишкомъ тяжело, или договоръ, по которому лицо обязывается оставаться въ службѣ извѣстнаго человѣка на срокъ, превышающій очень ограниченное время; должно ли выполненіе брачнаго договора, заключеннаго на всю жизнь, быть вынуждаемо противъ обдуманнаго желанія обоихъ лицъ, или одного изъ лицъ, заключившихъ его? Каждый вопросъ, могущій появиться относительно договоровъ и установляемыхъ ими между людьми отношеній, касается законодательной власти, которая не можетъ уклониться отъ его разсмотрѣнія или отъ разрѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ.

Далѣе предупрежденіе и подавленіе насилія и обмана служитъ дѣломъ солдатъ, полиціи и уголовныхъ судей; но сверхъ того есть гражданскія судилища. Наказаніе дурныхъ поступковъ—одно дѣло правосудія, а рѣшеніе споровъ — другое. Безчисленные споры возникаютъ между людьми безъ всякой недобросовѣстности, по ошибочному мнѣнію о законныхъ правахъ, или отъ несогласія относительно фактовъ, отъ доказательства которыхъ юридически зависятъ эти права. Развѣ общій интересъ не требуетъ, чтобы государство назначало людей для разъясненія этихъ споровъ? Нельзя сказать, что это безусловно необходимо. Спорящіе могли бы выбирать посредника, обязываясь подчиняться его рѣшенію; такъ они и дѣлаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ судилищъ, или гдѣ нѣтъ довѣрія къ судилищамъ, или ихъ медленность, убыточность и нерациональность требуемыхъ ими доказательствъ отвращаютъ людей отъ нихъ. Но все-таки всѣ согласны, что государство должно учреждать гражданскія судилища; и если ихъ недостатки часто заставляютъ людей замѣнять ихъ другими средствами, все-таки главную силу этимъ другимъ средствамъ даетъ возможность перенести дѣло въ законно учрежденное судилище.

Мало того, что государство беретъ на себя рѣшеніе споровъ, оно заранѣе принимаетъ предосторожности, чтобы не возникало

*

споровъ. Почти во всѣхъ странахъ постановлены закономъ опредѣлительныя правила для многихъ вещей не потому, чтобы важно было опредѣлить эти вещи именно тѣмъ или другимъ способомъ, а для того, чтобы онѣ были какъ нибудь опредѣлены и не могло быть недоумѣній о томъ. Законъ предписываетъ для многихъ родовъ договора форму выраженій, чтобы не возникло споровъ или недоразумѣній о ихъ смыслѣ: законъ напередъ заботится, чтобы при возникновеніи спора могло быть получено основаніе къ его рѣшенію,—для этого онъ требуетъ, чтобы документъ былъ засвидѣтельствованъ нѣсколькими лицами и подвергнутъ извѣстнымъ формальностямъ. Законъ хранитъ подлинныя доказательства фактамъ, изъ которыхъ возникаютъ юридическія послѣдствія, для этого онъ ведетъ реэстръ такимъ фактамъ, напримѣръ: ведетъ списки раждающимся, умирающимъ и вступающимъ въ бракъ, завѣщаніямъ, контрактамъ и судебнымъ дѣйствіямъ. Никто никогда не говорилъ, что правительство переступаетъ надлежащія границы своихъ обязанностей, дѣлая такимъ образомъ.

Далѣе, какое широкое значеніе ни придавать теоріи, что отдѣльный человѣкъ — лучшій сберегатель своихъ интересовъ и что правительство не обязано передъ нимъ ничѣмъ кромѣ охраненія его отъ вмѣшательства другихъ, эта теорія все-таки приложима только къ тѣмъ лицамъ, которыя способны дѣйствовать сами за себя. Но есть дѣти, есть помѣшанные, есть люди ослабѣвшіе умомъ. Законъ конечно обязанъ заботиться объ интересахъ такихъ лицъ. Нѣтъ ему необходимости дѣлать это черезъ своихъ чиновниковъ. Часто онъ ввѣряетъ эту заботу какому нибудь родственнику или другу. Но кончается ли этимъ его обязанность? Можетъ ли онъ поручить интересы извѣстнаго лица наблюденію другаго и быть избавленъ отъ контроля надъ повѣреннымъ, отъ подчиненія этого повѣреннаго отчету въ исполненіи возложенной обязанности?

Есть множество случаевъ, въ которыхъ правительства съ общаго одобренія принимаютъ на себя власть и исполняютъ обязанности, которымъ нельзя найти никакого основанія, кромѣ той простой причины, что при этомъ для всѣхъ бываетъ удобнѣе. Возьмемъ въ примѣръ обязанность (которая притомъ и монополія) чеканить монету. Она присвоена правительствомъ ни больше ни меньше какъ для того, чтобы избавить каждаго отъ хлопотъ, промедленій и издержекъ, повѣрять вѣсъ и пробу монеты. Однакоже никто изъ самыхъ горячихъ противниковъ государственнаго вмѣшательства не называлъ этого излишнимъ расширеніемъ правитель-

ственныхъ дѣйствій. Другой примѣръ—установленіе нормальныхъ вѣсовъ и мѣръ. Третій примѣръ—мощеніе, освѣщеніе и содержаніе въ чистотѣ улицъ и переулковъ или центральнымъ правительствомъ, или какъ чаще бываетъ и вообще бываетъ удобнѣе городскимъ начальствомъ. Другими примѣрами служатъ: устройство или улучшеніе пристаней, постройка маяковъ, топографическія и гидрографическія работы для составленія вѣрныхъ картъ, устройство плотинъ для сдерживанія морскихъ и рѣчныхъ наводненій.

Число такихъ примѣровъ можно бы увеличить до безконечности, не приводя ни одного сомнительнаго случая. Но довольно и приведенныхъ, чтобы показать, что безспорныя обязанности правительства обнимаютъ такое обширное поле, котораго нельзя обвести межою никакого стѣсняющаго опредѣленія, и что едвали можно найти для нихъ какое нибудь общее основаніе кромѣ многообъемлющаго основанія, которое есть всеобщая выгода; наконецъ, что нельзя назначить границъ правительственному вмѣшательству никакимъ общимъ правиломъ, кромѣ простаго и неопредѣленнаго правила, что вмѣшательство это должно быть допускаемо лишь тогда, когда польза отъ него очевидна.

3. Можно однакоже сдѣлать нѣсколько полезныхъ замѣчаній о характерѣ соображеній, отъ которыхъ чаще всего зависитъ вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ и о способѣ оцѣнивать сравнительную величину выгодъ вмѣшательства или невмѣшательства. Это составитъ послѣднюю изъ трехъ частей, на которыя удобно раздѣляется наше изслѣдованіе о принципахъ и результатахъ правительственнаго невмѣшательства. Вотъ главныя стороны этого нашего изслѣдованія.

Прежде всего мы разсмотримъ экономическіе результаты, происходящіе отъ способа, которымъ правительство исполняетъ свои необходимыя и безспорныя функціи.

Потомъ мы перейдемъ къ нѣкоторымъ правительственнымъ вмѣшательствамъ такъ названнаго мною произвольнаго класса (т. е. переступающимъ границы безспорныхъ функцій),—вмѣшательствамъ, происходившимъ и отчасти еще происходящимъ отъ ошибочныхъ общихъ теорій.

Наконецъ намъ надобно будетъ разсмотрѣть, существуютъ ли независимо отъ ложныхъ теорій и совмѣстно съ правильнымъ понятіемъ объ управляющихъ человѣческими дѣлами законахъ такіе случаи произвольнаго правительственнаго вмѣшательства, въ которыхъ оно дѣйствительно полезно, и каковы именно эти случаи.

Первый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ очень разнообразное содержаніе: необходимыя функціи правительства, полезность которыхъ такъ очевидна, что никогда, или почти никогда, не спорили противъ нихъ, не могутъ по своему разнообразію, какъ мы уже говорили, подойти ни подъ какую простую классификацію. Но важнѣйшія изъ нихъ, которыя однѣ слѣдуетъ намъ разсмотрѣть здѣсь, можно подвести подъ слѣдующія общія рубрики:

Вопервыхъ, средства, принимаемыя правительствами для собиранія дохода, необходимаго для ихъ существованія.

Вовторыхъ, характеръ законовъ, установляемыхъ правительствами по двумъ великимъ предметамъ, — по собственности и по договорамъ.

Въ третьихъ, достоинства или недостатки системы способовъ, посредствомъ которыхъ правительства вообще обезпечиваютъ исполненіе своихъ законовъ, то есть отправленіе правосудія и полиція.

Мы начнемъ съ перваго отдѣла, т. е. съ теоріи налоговъ.

ГЛАВА II.

ОБЩІЕ ПРИНЦИПЫ СИСТЕМЫ НАЛОГОВЪ.

1. Качества, которыхъ надобно желать въ системѣ налоговъ, формулированы Адамомъ Смитомъ въ четырехъ правилахъ или принципахъ, съ которыми вообще соглашались послѣдующіе писатели, такъ что они стали, можно сказать, классическими, и эту главу лучше всего начать намъ приведеніемъ ихъ здѣсь (Wealth of Nations, кн. V, гл. 2).

«1. Подданные государства должны давать на содержаніе правительства каждый повозможности соразмѣрно своимъ средствамъ, т. е. пропорціонально доходу, которымъ онъ пользуется подъ покровительствомъ государства. Въ соблюденіи или пренебреженіи этого правила состоитъ то, что называется равенствомъ или неравенствомъ налоговъ.

«2. Налогъ, который обязано платить извѣстное лицо, долженъ быть извѣстенъ и непроизволенъ. Время платежа, количество платежа — все должно быть извѣстно и просто для платящаго и для всякаго другаго лица. Иначе каждое лицо, подлежащее налогу, болѣе или менѣе отдается во власть сборщика налоговъ, могущаго или обременять излишнимъ налогомъ непріятное ему лицо или, страхомъ такого обремененія, вынуждать подарокъ или взятку въ свою

пользу. Неопредѣленность налога поощряетъ наглость и благопріятствуетъ взяточничеству класса людей, уже и по самой сущности своей непопулярнаго даже и тогда, когда въ немъ нѣтъ ни наглости, ни взяточничества. Извѣстность количества, какое долженъ платить каждый, составляетъ въ налогахъ такую важность, что очень значительная степень неравенства, какъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ націй, зло не столь великое, какъ незначительная степень неизвѣстности.

«3. Каждый налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ наиболѣе удобно платящему уплачивать его. Налогъ на ренту съ земли или съ домовъ, платимый въ тотъ самый срокъ, въ какой обыкновенно платится эта рента, взимается въ то самое время, въ которое вѣроятно удобнѣе всего для платящаго этотъ налогъ уплата. Налоги на тѣ вещи, которыя служатъ для потребителей предметами роскоши, въ окончательномъ результатѣ, всегда уплачиваются потребителемъ и вообще уплачиваются имъ очень удобнымъ для него способомъ. Онъ выплачиваетъ ихъ понемногу каждый разъ, какъ покупаетъ товаръ. Притомъ же онъ воленъ платить или не платить, какъ ему угодно, потому уже его собственная вина, если онъ терпитъ значительное неудобство отъ подобныхъ налоговъ.

«4. Каждый налогъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы брать изъ кармана у людей и не допускать въ карманъ къ нимъ какъ можно меньше денегъ сверхъ тѣхъ, какія приноситъ онъ въ государственную казну. Налогъ беретъ изъ кармана у людей и не допускаетъ въ карманъ ихъ гораздо больше, чѣмъ приноситъ въ государственную казну въ каждомъ изъ четырехъ слѣдующихъ случаевъ. Вопервыхъ, взиманіе налога можетъ требовать значительнаго числа служащихъ, жалованье которымъ, можетъ быть, пожираетъ большую половину доставляемой налогомъ суммы и взяточничество которыхъ можетъ быть налагаетъ другую прибавочную подать на народъ». Вовторыхъ, налогъ можетъ отклонять часть общественнаго труда и капитала отъ болѣе производительнаго употребленія къ менѣе производительному. «Въ третьихъ, конфискаціями и другими штрафами, которымъ подвергаются несчастливцы, неудачно пытавшіеся избѣжать налога, онъ часто можетъ разорять ихъ и тѣмъ прекращать пользу, какую общество могло бы получить отъ занятія ихъ капиталовъ. Не разсудительный налогъ подаетъ большой соблазнъ къ контрабандѣ. Въ четвертыхъ, подвергая народъ частымъ посѣщеніямъ сборщиковъ налога и пена-

вистнымъ обыскамъ, налогъ можетъ подвергать людей многимъ напраснымъ хлопотамъ, непріятностямъ и притѣсненіямъ»; къ этому можно прибавить, что стѣснительныя правила, которымъ часто подвергаются фабрики и торговля въ предупрежденіе контрабанды, не только хлопотливы и убыточны сами по себѣ, но часто служатъ еще непреодолимыми препятствіями улучшенію экономическихъ процессовъ.

Изъ этихъ четырехъ принциповъ три послѣдніе почти не требуютъ разъясненія больше того, сколько находится въ словахъ, нами приведенныхъ. На сколько извѣстный налогъ сообразенъ съ ними или нарушаетъ ихъ, разсматривать это надобно при разсмотрѣніи каждаго налога въ отдѣльности. Но первый принципъ, равенство налога, надобно разсмотрѣть полнѣе, потому что для многихъ онъ не вполнѣ ясенъ и больше или меньше укоренилось относительно его много фальшивыхъ понятій, по недостатку опредѣленныхъ основаній мнѣнія въ публикѣ.

2. Почему равенство должно быть правиломъ въ дѣлѣ налоговъ? Потому что оно должно быть правиломъ во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ. Правительство не должно дѣлать различія между лицами или сословіями въ правахъ ихъ на его защиту; потому и пожертвованія, требуемыя отъ нихъ, должны какъ можно равнѣе ложиться на всѣхъ, и надобно замѣтить, что при этомъ принципѣ сумма пожертвованій наименѣе обременительна для всего общества. Если кто нибудь несетъ меньшую долю бремени, чѣмъ приходилось бы на его часть, то другой кто нибудь долженъ терпѣть больше обремененія, чѣмъ слѣдовало бы ему, а облегченіе перваго (при одинаковости остальныхъ условій) не составляетъ ему столько пользы, сколько зла составляетъ для втораго излишнее обремененіе. Потому равенство налоговъ, какъ политическій принципъ, значитъ то же самое, что равенство пожертвованій. Оно означаетъ собою такое соразмѣреніе суммы, платимой каждымъ на правительственные расходы, чтобы онъ отъ своей доли платежа испытывалъ ни больше, ни меньше неудобства, чѣмъ сколько всякое другое лицо испытываетъ отъ своей доли платежа. Эта норма, подобно другимъ нормамъ совершенства, не можетъ быть осуществима вполнѣ; но во всякомъ практическомъ вопросѣ первымъ дѣломъ должно быть то, чтобы знать, въ чемъ состоитъ совершенство.

Но есть люди, которые не довольствуются принятіемъ общихъ принциповъ справедливости за основаніе для финансовыхъ правилъ, а хотятъ имѣть принципъ, по ихъ мнѣнію точнѣйшимъ образомъ

удовлетворяющій дѣлу. По ихъ мнѣнію лучше всего смотрѣть на налоги, платимые каждымъ членомъ общества, какъ на вознагражденіе съ его стороны за цѣнность, получаемую имъ въ видѣ услугъ, оказываемыхъ ему правительствомъ, и по ихъ мнѣнію справедливость того, чтобы каждый платилъ соразмѣрно своимъ средствамъ, слѣдуетъ основывать на томъ, что лицо, у котораго вдвое болѣе собственности, нуждающейся въ охраненіи, получаетъ по точному разсчету вдвое больше охраненія и по принципу коммерческихъ сдѣлокъ должно платить за то вдвое больше. Но мнѣніе, изъ котораго это выводится, что правительство существуетъ только для охраненія собственности, — такая мысль, которую нельзя принять, вникнувъ въ дѣло; потому послѣдовательные приверженцы принципа «равное за равное, quid pro quo», говорятъ также, что при надобности охраненія не для одного имущества, но и для личности, опредѣленная поголовная подать будетъ справедливымъ вознагражденіемъ за эту часть оказываемыхъ правительствомъ услугъ, а за остальную часть ихъ, за охраненіе собственности надобно платить пропорціонально собственности. Въ этомъ приспособленіи есть обманчивая наружность соотвѣтственности съ дѣломъ, могущая показаться для нѣкоторыхъ справедливою. Но вопервыхъ, нельзя сказать, что охраненіе личности и охраненіе собственности служатъ единственными цѣлями правительства. Кругъ цѣлей, для которыхъ существуетъ правительство, также обширенъ, какъ кругъ цѣлей общественнаго союза. Онъ обнимаетъ собою всю ту пользу и отвращеніе всего того зла, какую можетъ принести и какое можетъ отвратить прямо или косвенно существованіе правительства. Вовторыхъ, придаваніе опредѣленныхъ цѣнностей вещамъ, по своей сущности не допускающимъ точнаго измѣренія и поставленіе ихъ за основу для практическихъ выводовъ, — обычай, порождающій чрезвычайно много фальшивыхъ взглядовъ на общественные вопросы. Нельзя согласиться съ тѣмъ, что получать охраненіе для собственности, въ десять разъ большей, значитъ получать въ десять разъ больше охраненія. Чѣмъ бы ни стали мы измѣрять охраненіе,—трудомъ ли и расходомъ на него, или чувствами охраняемаго лица, мы не найдемъ такой пропорціи и не найдемъ вовсе никакой опредѣленной пропорціи. Еслибы захотѣли оцѣнивать степень пользы, получаемой людьми отъ правительственнаго охраненія, намъ пришлось бы смотрѣть на то, кто болѣе пострадалъ бы, лишившись этого охраненія; а на этотъ вопросъ, если можно дать какой нибудь отвѣтъ,—отвѣтъ будетъ тотъ, что наиболѣе постра-

дали бы лица, слабѣйшія тѣломъ или умомъ, по природѣ или по положенію. Да, эти лица почти навѣрное были бы тогда рабами. Потому, если въ разсматриваемой нами теоріи справедливости есть какая нибудь справедливость, то наибольшую долю цѣны за правительственное охраненіе приходилось бы платить тѣмъ лицамъ, которыя наименѣе способны держаться сами собою и сами защищать себя, потому что для нихъ оно наиболѣе необходимо, а это прямо противоположно истинной теоріи справедливаго распредѣленія, состоящей въ томъ, чтобы не повторять неравенствъ и несправедливостей природы, а исправлять ихъ.

Правительство надобно считать дѣломъ до такой степени нужнымъ для всѣхъ, что уже нѣтъ существенной важности опредѣлять, для кого оно наиболѣе важно. Если извѣстное лицо или извѣстное сословіе получаетъ такую малую долю выгоды отъ его существованія, что необходимо поднимается этотъ вопросъ, неудовлетворительность тутъ заключается не въ налогахъ, а уже въ чемъ нибудь иномъ, и тутъ нужно исправленіе этого недостатка, а не то, чтобы признавать его и ставить его основаніемъ для уменьшенія налоговъ. Какъ при добровольной подпискѣ на дѣло, которымъ всѣ заинтересованы, считается давшимъ надлежащую долю каждый, кто далъ соразмѣрно своимъ средствамъ, т. е. принесъ равное съ другими пожертвованіе общему дѣлу; точно также надобно ставить этотъ принципъ правиломъ для обязательныхъ платежей, и уже лишнее дѣло будетъ отыскивать болѣе замысловатыя и далекія основанія для этого правила.

3. Итакъ, выходя изъ принципа, что отъ всѣхъ надобно требовать равныхъ пожертвованій, мы прежде всего должны посмотрѣть, осуществляется ли это правило тѣмъ, что каждый обязанъ будетъ давать одинаковый процентъ своихъ денежныхъ средствъ. Многіе отрицаютъ это, говоря, что платежъ десятой части изъ маленькаго дохода болѣе обременителенъ, чѣмъ платежъ такой же доли изъ гораздо большаго дохода; и на этомъ основана очень популярная теорія такъ называемаго прогрессивнаго налога, процентъ котораго увеличивается съ величиною дохода.

Я обдумывалъ этотъ вопросъ, какъ только могъ, и полагаю, что та часть истины, которая находится въ этой теоріи, входитъ въ нее главнымъ образомъ изъ разницы между налогомъ, берущимся изъ расходовъ на предметы роскоши, и налогомъ, который хотя сколько нибудь берется изъ расходовъ на предметы жизненной необходимости. Брать 1,000 фунтовъ у человѣка, имѣющаго

10,000 фунтовъ дохода, не значитъ лишить его хотя чего-нибудь дѣйствительно нужнаго или для поддержанія, или для удобства жизни, и если*бы* таковъ *былъ* результатъ, когда берутся 5 фунтовъ у человѣка, имѣющаго 50 фунтовъ дохода, то отъ этого втораго лица требовалось бы пожертвованіе не только большее, чѣмъ отъ перваго, но и совершенно непзмѣримое съ его пожертвованіемъ. Мнѣ кажется, что самый справедливый способъ исправлять эти неравенства тяготѣнія,—способъ, предлагаемый Бентамомъ: оставлять изъятымъ отъ налога извѣстный minimum дохода, достаточный на удовлетвореніе жизненнымъ необходимостямъ. Положимъ, что 50 фунтовъ дохода достаточно на то, чтобы число лицъ, обыкновенно живущее однимъ доходомъ, могли содержаться съ соблюденіемъ условій, нужныхъ для здоровой жизни, но безъ всякаго превышающаго это комфорта. Если такъ, minimum долженъ быть 50 фунтовъ и доходы, превышающіе его, должны платить налоги не со всей своей величины, а съ части, превышающей этотъ minimum. Если налогъ будетъ въ 10%, доходъ въ 60 фунтовъ надобно принимать какъ чистый доходъ въ 10 фунтовъ и брать съ него 1 фунтъ налога, а доходъ въ 1,000 фунт. долженъ платить налогъ съ 950 фунт. Тогда каждый будетъ платить опредѣленную пропорцію не всѣхъ своихъ средствъ, а своего избытка. Доходъ, не превышающій 50 фунт., не долженъ вовсе платить никакихъ налоговъ, ни прямыхъ, ни чрезъ пошлины съ предметовъ необходимости; потому что, по нашему предположенію, это—наименьшій доходъ, какой долженъ быть у работника, и не слѣдуетъ правительству содѣйствовать его уменьшенію. Но такое устройство налога было бы еще новою причиною, сверхъ всѣхъ другихъ возможныхъ причинъ, не отмѣнять налоговъ на предметы роскоши, потребляемые бѣднымъ сословіемъ. Изъятіе отъ налога, предоставляемое доходу, нужному на предметы необходимости, должно обусловливаться тѣмъ, чтобы онъ дѣйствительно расходовался на эти предметы; и бѣдные, которые не имѣя лишняго, обращаютъ на предметы роскоши часть своего дохода, достаточнаго лишь на предметы необходимости, должны, подобно другимъ, давать изъ этихъ расходовъ на предметы роскоши часть на государственные расходы.

Льгота въ пользу небольшихъ доходовъ не должна, по моему мнѣнію, простираться выше количества дохода, необходимаго для здоровой жизни и свободы отъ физическаго страданія. Мнѣ кажется, что доходъ въ 100 фунтовъ получитъ всю льготу, на какую имѣетъ право сравни-

тельно съ доходомъ въ 1,000 фунтовъ, если изъ него будетъ подвергнута налогу только часть въ 50 фунт. Правда, можно сказать, что брать изъ 1,000 фунтовъ 100 фунт. (или даже 95 фунт., за вычетомъ 5)—налогъ болѣе тяжелый, чѣмъ брать изъ 10,000 фун. 1,000 (или 995 за вычетомъ тѣхъ же 5), но эту мысль я считаю слишкомъ сомнительною; а еслибъ и была въ ней часть правды, часть эта такъ ничтожна, что не можетъ служить основаніемъ для закона о налогахъ. Меньше ли дорожитъ 1,000 фунтами человѣкъ, имѣющій 10,000 фунт. дохода, чѣмъ дорожитъ 100 фунтами человѣкъ, имѣющій 1,000 фунт. дохода, и если меньше, то на сколько меньше, — этого мнѣ кажется нельзя рѣшить съ тою достовѣрностью, какою долженъ руководиться законодатель и финансистъ.

Правда, нѣкоторые говорятъ, что правило пропорціональнаго платежа ложится на доходы средней величины тяжелѣе, чѣмъ на большіе, потому что одинаковая пропорція платежа въ первомъ случаѣ имѣетъ больше силы, чѣмъ во второмъ, понижать общественное положеніе лица, платящаго налогъ. Но я нахожу, что такая мысль болѣе чѣмъ сомнительна. Впрочемъ, если и признать ея основательность, я скажу, что не слѣдуетъ вмѣнять правительству въ обязанность руководиться такими соображеніями, не слѣдуетъ признавать и того понятія, что общественное положеніе человѣка опредѣляется или должно опредѣляться размѣромъ его расходовъ. Правительство должно подавать собою примѣръ въ томъ, чтобы цѣнить все по истинной цѣнности каждой вещи, а потому цѣнить и богатство по удобству или пріятности, доставляемымъ покупаемыми на богатство вещами; оно не должно давать санкцію пошлости, цѣнящей богатство по презрѣнному тщеславію быть извѣстну за богатаго человѣка, или по трусливому стыду быть подозрѣваему въ недостаткѣ богатства,—по этимъ побужденіямъ, изъ которыхъ раждается $^3/_4$ расходовъ въ среднихъ классахъ. Правительство обязано распредѣлять между людьми съ всевозможнымъ равенствомъ требуемыя отъ нихъ пожертвованія реальными удобствами или удовольствіями; но можетъ не принимать на себя хлопотъ оцѣнивать ихъ пожертвованія мнимымъ почетомъ, основаннымъ на величинѣ расходовъ.

И въ Англіи, и на континентѣ прогрессивный налогъ на собственность имѣлъ приверженцевъ, говорившихъ прямо, что государство должно употреблять налоги какъ средство смягчать неравенство по богатству. Я не меньше, чѣмъ кто нибудь, желаю, чтобы принимаемы были средства къ уменьшенію этихъ неравенствъ, но

не желаю такихъ средствъ, которыми давалось бы моту льгота на счетъ бережливаго. Брать налогъ большаго процента съ большихъ доходовъ и меньшаго съ меньшихъ — значитъ брать налогъ съ трудолюбія и бережливости; значитъ налагать на человѣка штрафъ за то, что онъ работалъ усерднѣе и сберегалъ заботливѣе своего сосѣда. Общественное благо требуетъ подвергать ограниченію не то богатство, которое пріобрѣтается трудомъ, а то, которое достается человѣку задаромъ. Справедливое и мудрое законодательство не захочетъ возбуждать къ тому, чтобы плоды честнаго труда не сберегались, а расточались. Его безпристрастіе между соперниками будетъ состоять въ заботѣ о томъ, чтобы не имѣлъ одинъ выгодъ предъ другимъ при началѣ бѣга, а не въ томъ, чтобы вѣшать гирю на быстраго, чтобы меньше опережалъ онъ медленнаго. Правда, часто бываетъ, что иной терпитъ неудачу при большихъ усиліяхъ, чѣмъ при какихъ достигаетъ успѣха другой; и не потому, чтобы меньше было у него заслугъ, а потому, что меньше было для него удачныхъ случаевъ; но еслибы правительство и сдѣлало все, что можетъ сдѣлать заботами о воспитаніи и законами для смягченія этихъ неравенствъ случая хорошее правительство, то неравенство состоянія, происходящее отъ разницы въ достоинствѣ самихъ людей, уже не было бы справедливою причиною къ ропоту. Относительно большихъ состояній, пріобрѣтаемыхъ по наслѣдству или въ подарокъ, власть дѣлать завѣщанія — одна изъ тѣхъ привиллегій собственности, которыя удобно могутъ быть для общей пользы ограничены правилами; и я уже указывалъ (кн. II. гл. II) наилучшій способъ уменьшать накопленіе огромныхъ состояній въ рукахъ людей, не получившихъ эти богатства своимъ трудомъ; я говорилъ, что должна быть ограничена сумма, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать по подарку, наслѣдству или завѣщанію. Кромѣ этого и кромѣ предложенія Бентама объ уничтоженіи наслѣдства по боковымъ линіямъ и о переходѣ имущества къ государству въ этомъ случаѣ (эта мысль была также изложена мною въ одной изъ предъидущихъ главъ),—кромѣ этихъ двухъ правилъ я полагаю, что чрезвычайно удобнымъ предметомъ налога были бы наслѣдства, по завѣщанію или безъ завѣщанія все равно, превышающія извѣстную сумму, и что пошлину съ нихъ надобно положить такую, которая бы лишь не пораждала въ слишкомъ сильной степени уклоненій отъ нея дарственными записями при жизни или утайкою собственности. Принципъ такъ называемой прогрессивности, т. е. возвышеніе процента налога соразмѣрно увеличенію сум-

мы, не признаваемой мною въ примѣненіи къ налогу вообще, будетъ и справедливъ и полезенъ въ примѣненіи къ пошлинамъ съ наслѣдства.

Возраженіе противъ прогрессивнаго налога на собственность примѣняется еще сильнѣе къ мысли объ исключительномъ налогѣ на такъ называемую реализированную собственность, то есть собственность, не составляющую части капитала, занятаго производствомъ, или точнѣе сказать, не составляющую части капитала, занятаго производствомъ подъ наблюденіемъ самаго собственника, каковы напр. земля, фонды государственнаго долга, деньги, отданныя въ проценты и (вѣроятно) акціи акціонерныхъ обществъ. Кромѣ мысли отвергнуть государственный долгъ, между мыслями, находившими себѣ хотя какую-нибудь поддержку въ Англіи въ наше время, и споръ противъ которыхъ можетъ представляться нужнымъ, нѣтъ ни одной, которая была бы такимъ осязательнымъ нарушеніемъ первыхъ правилъ честности. Она не имѣетъ за собой той отговорки, какъ мысль о прогрессивномъ налогѣ на собственность, — тутъ нельзя сказать, что бремя налагается на людей, наиболѣе способныхъ нести его. Къ «реализированной собственности» принадлежитъ большая половина суммъ, которыми живутъ лица, неспособныя къ работѣ, и значительная часть этой собственности состоитъ изъ чрезвычайно мелкихъ долей. Я не умѣю представить себѣ ничего безстыднѣе той претензіи, чтобы большая половина англійской собственности, — собственность оптовыхъ и розничныхъ торговцевъ, фабрикантовъ, фермеровъ, — была освобождена отъ участія въ налогахъ; чтобы люди этихъ сословій начинали платить свою долю налога лишь тогда, когда выйдутъ изъ дѣлъ, а если никогда не будутъ выходить изъ дѣлъ, то вѣчно оставались бы избавлены отъ налога. Но даже и этимъ обнаруживается еще не вся несправедливость такой мысли. Бремя, ею налагаемое исключительно на разрядъ лицъ, которымъ принадлежитъ лишь незначительная часть богатства страны, не было бы постояннымъ бременемъ даже и для всѣхъ лицъ этого разряда, а упало бы исключительно на тѣхъ, кому случилось бы принадлежать къ этому разряду во время установленія налога. Чистый доходъ отъ земли и другой реализированной собственности уменьшился бы сравнительно съ общею величиною процентовъ на капиталъ и промышленной прибыли; и равновѣсіе возстановилось бы тѣмъ, что цѣна собственности этихъ разрядовъ навсегда понизилась бы. Послѣдующіе покупщики стали бы пріобрѣтать землю и фонды по цѣнѣ, упав-

шей соразмѣрно величинѣ налога на нихъ; потому они избавились бы отъ платежа налога, а первоначальные владѣльцы остались бы обременены имъ и тогда, когда собственность уже вышла изъ ихъ рукъ, потому что свою землю или фонды продали бы они съ потерею цѣнности, соразмѣрною капитализаціи налога. Такимъ образомъ установленіе налога этого было бы равнозначительно конфискаціи въ пользу государства процента ихъ собственности, равнаго проценту налога, которому подвергся ихъ доходъ. То, что подобная мысль могла найти себѣ приверженцевъ, служитъ поразительнымъ доказательствомъ смутности понятій по вопросамъ о налогахъ, — смутности, происходящей отъ недостатка твердыхъ принциповъ въ общественномъ мнѣніи и отъ отсутствія всякихъ признаковъ чувства справедливости въ дѣйствіяхъ правительства вообще по вопросамъ о налогахъ. Еслибы планъ этотъ нашелъ себѣ когда нибудь значительную партію приверженцевъ, это свидѣтельствовало бы о такой шаткой честности въ національныхъ денежныхъ дѣлахъ, которую можно сравнить лишь съ отказомъ нѣкоторыхъ американскихъ штатовъ отъ государственнаго долга.

4. Не требуетъ ли справедливость, чтобы прибыль отъ промышленности облагалась меньшимъ процентомъ налога, чѣмъ доходы отъ отдачи въ проценты или отъ ренты, этотъ вопросъ — часть болѣе обширнаго вопроса, очень часто возбуждавшагося по поводу нынѣшняго англійскаго налога на доходы, вопроса о томъ, должны ли пожизненные доходы платить налогъ одинаковой величины съ вѣчными доходами; напримѣръ, слѣдуетъ ли съ жалованья, съ пенсій и съ дохода, получаемаго отъ профессіи, брать такой же процентъ, какъ съ дохода отъ собственности, передающейся по наслѣдству.

Существующій налогъ не дѣлаетъ никакого различія между доходами разныхъ родовъ: онъ беретъ 7 пенсовъ съ фунта и у лица, доходъ котораго умираетъ вмѣстѣ съ нимъ и у землевладѣльца, рентьера или лица, дающаго взаемъ деньги, состояніе котораго можетъ, не уменьшаясь, переходить къ его наслѣдникамъ. Это явная несправедливость; но ею не нарушается ариѳметически то правило, что налогъ долженъ быть пропорціоналенъ средствамъ. На слова, что временный доходъ долженъ менѣе вѣчнаго платить налога, есть неоспоримый отвѣтъ, что онъ уже и платитъ меньше налога; потому что доходъ, продолжающійся лишь 10 лѣтъ, платитъ и налогъ лишь 10 лѣтъ; между тѣмъ какъ вѣчный доходъ платитъ налогъ вѣчно. Нѣкоторые изъ при-

верженцевъ финансовыхъ реформъ говорятъ тутъ очень фальшивый софизмъ. Они утверждаютъ, что доходы должны подвергаться налогу не по своей годичной величинѣ, а по своей капитализированной цѣнности; напримѣръ, если цѣнность вѣчнаго дохода въ 100 ф.—3,000 ф., а пожизненный доходъ во 100 ф. можетъ капитализоваться лишь на половину и можетъ быть проданъ лишь за 1,500 ф., то вѣчный доходъ долженъ платить вдвое большій процентъ налога, чѣмъ временный доходъ; напримѣръ, когда вѣчный доходъ платитъ 10 ф., временный долженъ платить только 5. Но въ этомъ силлогизмѣ есть явная ошибка: доходы цѣнитъ онъ по одной нормѣ, а платежи по другой; онъ капитализуетъ доходы, но забываетъ капитализовать платежи. Говорятъ: доходъ, продаваемый за 3,000 ф., долженъ платить налога вдвое больше, чѣмъ доходъ, который продается только за 1,500 ф.; въ этомъ не можетъ быть спору; но тутъ забывается, что доходъ продающійся за 3,000 фунтовъ, платитъ по 10 фунтовъ налога вѣчно, и этотъ платежъ по самымъ условіямъ гипотезы равенъ 300 фунтамъ, между тѣмъ какъ временный доходъ платитъ тѣ же 10 ф. лишь въ продолженіе жизни своего владѣльца, а такой платежъ по тому же самому разсчету имѣетъ цѣнность лишь въ 150 ф. Итакъ доходъ, имѣющій цѣнность, вдвое меньшую, уже платитъ вдвое меньше налога; а если сверхъ того еще убавить годичный платежъ его съ 10 фунтовъ на 5, то онъ будетъ платить не вдвое, а уже въ четверо меньше платежа съ вѣчнаго дохода. Чтобы справедливо было брать съ временнаго дохода ежегодный платежъ вдвое меньше, чѣмъ съ вѣчнаго, было бы нужно, чтобы эту половину платилъ онъ столько же времени, т. е. вѣчно.

Способъ платежа налоговъ, предлагаемый этою школою финансовыхъ реформаторовъ, былъ бы очень хорошъ, еслибы налогъ платился только однажды, для удовлетворенія какимъ нибудь непредвидѣннымъ и случайнымъ національнымъ нуждамъ. По принципу требующему, чтобы всѣ платящіе подати приносили одинаковую жертву государству, каждое лицо, имѣющее какую нибудь собственность, должно неисключая и его наслѣдниковъ, платить налогъ пропорціональный настоящей цѣнности, какую имѣетъ его собственность. Я удивляюсь, какъ рефоматоры, о которыхъ идетъ рѣчь, упускаютъ изъ виду то, что этотъ принципъ, будучи совершенно справедливымъ при платежѣ налога однажды, не можетъ быть справедливымъ въ примѣненіи къ постоянному налогу. Если каждый платитъ только однажды, то всѣ платятъ одинаково и ни-

кто не платитъ чаще чѣмъ другіе; и пропорція, справедливая въ этомъ случаѣ, не можетъ быть справедливою въ томъ случаѣ, когда одни платятъ налогъ только однажды, а другіе платятъ его много разъ. А этотъ послѣдній случай именно и бываетъ въ дѣйствительности. Постоянный доходъ платитъ налогъ во столько разъ чаще, чѣмъ временный доходъ, во сколько разъ вѣчность превосходитъ опредѣленный или неопредѣленный срокъ времени, въ теченіи котораго получается доходъ пожизненный или продолжающійся нѣсколько лѣтъ.

Всѣ попытки доказать справедливость льготы для временныхъ доходовъ ариѳметическими основаніями, иначе говоря доказать, что пропорціональный налогъ — не пропорціональный налогъ, — явно нелѣпы. Основаніе тутъ дается не ариѳметикою, а человѣческими чувствами и надобностями. Владѣлецъ временнаго дохода долженъ платить меньшій процентъ налога не потому, что средствъ у него меньше, а потому что нуждъ у него больше, чѣмъ у владѣльца вѣчнаго дохода.

Несмотря на номинальное равенство дохода, — А, получающій пожизненный доходъ въ 1,000 ф., не можетъ платить изъ него 100 ф. налога съ такою же легкостію, какъ В, получающій столько же дохода отъ наслѣдственной собственности, потому что А имѣетъ обыкновенно надобность въ такомъ расходѣ, котораго не нужно дѣлать В, — онъ долженъ дѣлать сбереженія на обезпеченіе дѣтей и другихъ близкихъ лицъ; а если пожизненный доходъ состоитъ въ жалованьи или въ доходѣ отъ профессіи, то сверхъ того обыкновенно бываетъ нужно человѣку сберегать обезпеченіе и на собственную старость. Напротивъ В можетъ расходовать весь свой доходъ безъ вреда для своей старости и все-таки оставить весь этотъ доходъ по своей смерти другимъ. Если А на эти надобности долженъ откладывать по 300 ф. въ годъ изъ своего дохода, брать съ него налога 100 фунтовъ значитъ брать 100 фунтовъ съ 700 фунт., потому что на уплату налога онъ можетъ отдавать часть лишь изъ тѣхъ своихъ средствъ, которыя могъ бы расходовать на свое потребленіе. Конечно, если А разложитъ этотъ платежъ пропорціонально и на свои расходы и на свое сбереженіе, будетъ вычитать на него по 70 фунтовъ изъ своего потребленія и по 30 изъ своего годичнаго сбереженія, тогда его немедленное пожертвованіе будетъ пропорціонально таково же, какъ пожертвованіе В; но въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе налога, хуже будутъ обезпечены его дѣти или его старость. Сумма, накопленная имъ, бу-

детъ на 10% меньше, и уменьшенный доходъ съ этой уменьшенной суммы будетъ во второй разъ платить налогъ; между тѣмъ какъ наслѣдники А будутъ платить налогъ лишь одинъ разъ.

Итакъ принципъ равенства налога, понимаемый въ единственномъ своемъ справедливомъ смыслѣ, въ смыслѣ равенства пожертвованій, требуетъ, чтобы лицо, не имѣющее къ обезпеченію своей старости или близкихъ ему людей никакихъ средствъ кромѣ сбереженія изъ своего дохода, было освобождено отъ налога со всей той части своего дохода, которая дѣйствительно употребляется имъ на эту цѣль.

Конечно, еслибы можно было положиться на добросовѣстность лицъ, платящихъ налоги или принять достаточныя прочныя мѣры для обезпеченія вѣрности ихъ показаній, то лучшій способъ опредѣлять налогъ съ дохода у каждаго былъ бы—брать налогъ лишь съ той части дохода, которая расходуется, избавляя отъ налога сберегаемую часть. Въ самомъ дѣлѣ, когда эта часть сбережена и дано ей какое нибудь помѣщеніе (а говоря вообще всѣ сбереженія помѣщаются такъ или иначе, а не лежитъ праздно), то она будетъ платить налогъ съ прибыли или съ процентовъ, какіе даетъ; а между тѣмъ съ нея уже взятъ налогъ, когда она капитализировалась. Слѣдовательно, если сбереженія не освобождены отъ налога на доходы, человѣкъ платитъ налогъ два раза съ того, что сберегаетъ, платя налогъ лишь одинъ разъ съ того, что расходуетъ. Человѣкъ, проживающій весь свой доходъ, платитъ налога лишь по 7 пенсовъ съ фунта, т. е. около 3%, а если онъ сберегаетъ часть дохода и покупаетъ фонды, онъ, сверхъ трехъ процентовъ, заплаченныхъ при капитализаціи (и уменьшающихъ на три процента доходъ его съ этого сбереженія), платитъ еще по три процента изъ дохода отъ этого сбереженія, а это все равно, что заплатить двойной налогъ при самой капитализаціи. Такимъ образомъ непроизводительный расходъ платитъ лишь 3%, а сбереженія платятъ 6% или, точнѣе говоря, 3% съ капитализируемой суммы и еще 3% съ остатка. Преимущество, даваемое такимъ образомъ расточительности надъ благоразуміемъ и бережливостью, противно не только политическому разсчету, но и справедливости. Брать налогъ съ капитализируемой суммы и потомъ брать налогъ съ дохода отъ нея, значитъ дважды брать налогъ съ одной и той же части имущества. Капитализованная сумма и проценты съ нея не могутъ считаться двумя частями имущества или дохода; они составляютъ одну часть, которая лишь считается два раза; чело-

вѣкъ получаетъ проценты лишь потому, что не пользуется суммою, дающею проценты; а если онъ расходуетъ эту сумму, онъ не получаетъ процентовъ. Но за то, что онъ можетъ дѣлать то или другое, съ него берется налогъ, какъ будто онъ можетъ дѣлать то и другое вмѣстѣ, какъ будто онъ пользуется и дѣланіемъ сбереженій и растратою.

Какъ на возраженіе противъ освобожденія сбереженій отъ обложенія налогомъ указываютъ на то соображеніе, что законъ не долженъ своимъ искуственнымъ вмѣшательствомъ нарушать естественную конкурренцію между побужденіями къ сбереженію и побужденіями къ растратѣ. Но мы видѣли, что законъ нарушаетъ эту естественную конкурренцію именно тогда, когда облагаетъ налогомъ сбереженія, а не тогда, когда онъ освобождаетъ ихъ отъ налога; потому что если каждая часть сбереженій платитъ полный налогъ тотчасъ же, какъ сдѣланы эти сбереженія, то ихъ освобожденіе отъ платежа въ этомъ первомъ періодѣ необходимо для того, чтобы избавить ихъ отъ платежа въ другой разъ, отъ уплаты налога дважды, такъ какъ деньги, растрачиваемыя непроизводительно платятъ налогъ только однажды. Далѣе возражаютъ еще, что такъ какъ богатые имѣютъ самыя большія средства къ сбереженію, то всякое покровительство оказываемое сбереженію есть преимущество, даваемое богатымъ на счетъ бѣдныхъ. На это я отвѣчаю, что такое преимущество дается имъ только тогда, когда они сберегаютъ свои доходы отъ растраты на ихъ собственныя нужды и обращаютъ ихъ на производительное употребленіе, вслѣдствіе котораго доходъ ихъ, вмѣсто того чтобы потребляться ими самими, распредѣляется въ видѣ рабочей платы между бѣдными. Если это значитъ покровительствовать богатымъ, то я уже и не знаю, какой способъ прямыхъ податей можетъ заслуживать названіе покровительствующаго бѣднымъ.

Налогъ на доходы бываетъ дѣйствительно справедливъ лишь тогда, когда отъ него освобождены сбереженія, и при установленіи такого налога всегда слѣдуетъ дѣлать эту оговорку, если форма сбора и характеръ требуемыхъ удостовѣреній могутъ быть устроены такъ, чтобы льготою не пользовались фальшивымъ образомъ, сберегая одною рукою, а другою дѣлая долги или растрачивая на слѣдующій годъ то, что было какъ сбереженіе освобождено отъ налога въ предъидущемъ году. Если можно преодолѣть эту трудность, то исчезнутъ затрудненія и запутанности, порождаемыя различеніемъ временныхъ доходовъ отъ вѣчныхъ, потому что времен-

*

ные доходы имѣютъ основательное право на облегченіе налоговъ сравнительно съ вѣчными лишь въ томъ отношеніи, что владѣльцы ихъ имѣютъ болѣе надобности сберегать, и освобожденіе сберегаемой части вполнѣ удовлетворило бы этому праву. Но если нельзя придумать для освобожденія дѣйствительно сберегаемой части такихъ правилъ, которыя достаточно ограждали бы отъ обмана, ближе всего къ справедливости было бы при опредѣленіи размѣра налога принимать въ разсчетъ, сколько *долженъ* сберегать человѣкъ извѣстнаго класса. И вѣроятно можно было бы сдѣлать лишь то, чтобы, не запутываясь въ подробности, принять лишь два разряда доходовъ. Принимать въ разсчетъ разницу долговременности разныхъ временныхъ доходовъ вѣроятно было бы трудно; а наибольшая часть ихъ, — пожизненные доходы, имѣютъ по разницѣ лѣтъ и здоровья такую чрезвычайную разницу продолжительности, что было бы невозможно принимать ее въ соображеніе, какъ слѣдовало бы по настоящему. Вѣроятно пришлось бы удовольствоваться одною однообразною пропорціею для всѣхъ наслѣдственныхъ доходовъ и другою, также однообразною пропорціею для всѣхъ доходовъ, необходимо кончающихся съ жизнію человѣка. Въ опредѣленіи пропорціи между этими двумя формами необходимъ былъ бы нѣкоторый произволъ; вычетъ 1/4 въ пользу пожизненныхъ доходовъ былъ бы пропорціею, точнѣе которой едва ли можно найти; тутъ предполагается, что по средней цифрѣ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній здоровья четвертая часть пожизненнаго дохода составляетъ ту долю, которую слѣдуетъ откладывать на обезпеченіе близкихъ людей и собственной старости *).

---

*) Губеръ первый, какъ практическій законодатель, стремился къ исправленію налога на доходъ по принципамъ строгой справедливости, и его хорошо обдуманному плану немногаго не достаетъ для того, чтобы быть возможно точнымъ приближеніемъ къ истинѣ, такъ что вѣроятно легко можно было бы найти средства для осуществленія его на практикѣ; онъ предлагаетъ въ пользу доходовъ съ промышленности и отъ разныхъ профессій дѣлать вычетъ не 1/4, а 1/3. Онъ принимаетъ эту пропорцію на томъ основаніи, что—независимо отъ всякихъ соображеній о томъ, сколько промышленные классы и люди занимающіеся профессіями *должны* сберегать — очевидные факты доказываютъ, что они круглымъ числомъ *дѣйствительно* и *сберегаютъ* 1/3 ихъ доходовъ, по сравненію съ пропорціею сберегаемою другими классами. «Сбереженія, замѣчаетъ Губеръ, дѣлаемыя изъ доходовъ, получаемыхъ съ собственности дающей проценты, оцѣниваются въ 1/10. Сбереженія, дѣлаемыя изъ промышленныхъ доходовъ, оцѣниваются въ 4/10. Количества дохода, облагаемыя податью, должны быть почти одинаковы у этихъ двухъ классовъ, по-

Мы уже замѣчали, что часть чистой прибыли коммерческаго человѣка можетъ считаться процентомъ на его капиталъ, и этотъ доходъ вѣченъ; а остальная часть—вознагражденіемъ за исскуство и трудъ надзора. Эта остальная часть прекращается съ жизнью человѣка и даже съ выходомъ его изъ дѣлъ; потому должна вполнѣ пользоваться льготою, даваемою временнымъ доходамъ. Мало того: она имѣетъ, по моему мнѣнію, право на большую льготу по своей невѣрности. Доходъ, который при случаяхъ довольно частыхъ, можетъ уменьшаться до нуля или даже обращаться въ убытокъ, совершенно не то для своего владѣльца, что постоянный доходъ въ 1000 фунтовъ, хотя бы по выводу за многіе годы и выходила средняя цифра этого непостояннаго дохода 1000 фунтовъ. Если

этому для правильности просто слѣдуетъ избавлять отъ налога $^1/_{10}$ съ одной стороны и $^3/_{10}$ или $^1/_3$ со всего облагаемаго налогомъ количества промышленныхъ доходовъ». (Докладъ, стр. XIV въ Report und Evidence of the Committee of 1861). Въ этомъ разсчетѣ должно быть много чисто гипотетическаго; но еслибы онъ могъ быть доказанъ, то послужилъ бы сильнымъ основаніемъ для практическаго заключенія, какое выводитъ изъ него Губеръ.

Нѣкоторые изъ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, между прочимъ Джонсъ Милль (въ своихъ «Основаніяхъ Политической Экономіи») и Макъ Куллокъ, утверждали, что величина вычета должна быть достаточна для застрахованія жизни получающаго доходъ лица въ такую сумму, которая дала бы его наслѣдникамъ вѣчный доходъ, равный доходу, какой оставляетъ онъ для себя; потому что лицо, владѣющее наслѣдственною собственностью, достигаетъ этого безъ всякаго сбереженія; иными словами, что при раскладкѣ налога временные доходы должны считаться по такой величинѣ, какую имѣли бы при обращеніи своемъ въ вѣчные доходы. Но это значитъ давать имъ слишкомъ большую льготу. Лицо, имѣющее пожизненный доходъ, не обязано стѣснять себя столько, чтобы оставить всему своему потомству на вѣчныя времена независимое обезпеченіе, равное суммѣ, какою самъ пользуется, да никто и не мечтаетъ объ этомъ. Отъ человѣка, доходъ котораго—результатъ его личнаго труда,—можно всего менѣе требовать или ожидать, чтобы онъ оставилъ своему потомству на вѣкъ безъ надобности въ трудѣ тотъ самый доходъ, какимъ пользуется самъ. Даже и для своихъ дѣтей онъ обязанъ сдѣлать лишь то, чтобы поставить ихъ въ положеніе, въ которомъ они имѣли бы хорошіе шансы для пріобрѣтенія средствъ къ жизни. Но расположеніе оставлять своимъ дѣтямъ или другимъ близкимъ наслѣдство лежитъ въ природѣ человѣка; и лицо, получающее пожизненный доходъ, можетъ удовлетворить этой наклонности лишь при помощи сбереженія, а владѣлецъ наслѣдственной собственности и безъ сбереженія; вотъ это дѣйствительное неравенство между ними при равенствѣ доходовъ должно въ надлежащей степени приниматься въ разсчетъ при раскладкѣ налога, такъ чтобы отъ обоихъ требовалось по возможности равное пожертвованіе.

пожизненный доходъ облагается податью лишь за $^3/_4$ своей суммы, то коммерческая прибыль, остающаяся за вычетомъ процентовъ на капиталъ, должна облагаться податью не за $^3/_4$, а за меньшую долю своей величины. Можетъ быть, что справедливость была бы удовлетворена тутъ и по другому способу,—вычетомъ четвертой доли изъ всей суммы дохода со включеніемъ процентовъ.

Вотъ важнѣйшіе изъ тѣхъ обыкновенныхъ фактовъ, къ которымъ болѣе или менѣе трудно примѣнить правило о равенствѣ налога. Существенный смыслъ этого правила, какъ мы видѣли въ предъидущемъ примѣрѣ тотъ, чтобы человѣкъ платилъ налогъ соразмѣрно не тому, сколько имѣетъ, а тому, сколько можетъ расходовать. Невозможность послѣдовательнаго приложенія этого принципа ко всѣмъ частнымъ случаямъ не служитъ опроверженіемъ ему. Человѣкъ съ пожизненнымъ доходомъ, если слабъ здоровьемъ или долженъ содержать своими трудами большое семейство, принужденъ соблюдать болѣе строгую экономію чѣмъ другой, у котораго пожизненный доходъ такой же, но здоровье крѣпче и семейство меньше; а если согласимся, что законодательство не можетъ примѣняться къ этимъ разницамъ, то, говорятъ нѣкоторые, напрасно ему обращать вниманіе на какія бы то ни было разницы, когда безотносительная величина дохода одинакова. Но трудность достичь совершенства въ справедливости не служитъ причиной — не оказывать справедливость на сколько можно. Конечно несправедливо относительно человѣка, имѣющаго при пожизненномъ доходѣ такое здоровье, что средняя вѣроятность его жизни лишь 5 лѣтъ, не дѣлать для него вычетъ изъ налога больше, чѣмъ дѣлается для другаго, у котораго средняя вѣроятность жизни 20 лѣтъ; но и для него одинаковая со вторымъ сбавка будетъ лучше, чѣмъ когда бы не сдѣлалось никакой сбавки.

5. Прежде чѣмъ покинемъ вопросъ о равенствѣ налоговъ, надобно замѣтить, что есть случаи, въ которыхъ слѣдуетъ дѣлать исключенія изъ этого правила сообразно той равной справедливости, которая служитъ основаніемъ правила. Предположимъ, что есть извѣстнаго рода доходъ, имѣющій постоянную тенденцію увеличиваться безъ всякаго усилія или пожертвованія со стороны владѣльца; владѣльцы такихъ доходовъ будутъ составлять въ обществѣ классъ, прогрессивно обогащающійся естественнымъ ходомъ дѣлъ безъ всякихъ усилій. Тутъ не будетъ нарушеніемъ принциповъ, на которыхъ основана частная собственность, если государство будетъ присвоивать себѣ эту прибавку къ богатству или часть ея по мѣрѣ

того, какъ она возникаетъ. Государство тутъ ничего ни у кого не беретъ; оно только употребляетъ въ пользу общества прибавку къ богатству, создаваемую обстоятельствами вмѣсто того, чтобы оставлять эту прибавку въ незаслуженное увеличеніе богатствъ одного сословія.

Вотъ это самое и надобно сказать о рентѣ. Обыкновенный прогрессъ обогащающагося общества неизмѣнно имѣетъ тенденцію увеличивать доходы землевладѣльцевъ, давать имъ, независимо отъ всякаго ихъ труда или расхода, все больше богатства, — больше и по абсолютной массѣ и по сравненію съ общею суммою общественнаго богатства. Они богатѣютъ можно сказать во снѣ, безъ всякаго труда, риска и сбереженія. Какое право имѣютъ они по общимъ принципамъ общественной справедливости на эту прибавку богатствъ? Въ чемъ была бы несправедливость передъ ними, еслибы общество съ самаго начала оставило за собою право брать себѣ посредствомъ налога всю требуемую финансовыми надобностями сумму изъ натуральнаго возрастанія ренты? Я согласенъ, что несправедливо было бы брать налогомъ всю эту прибавку съ каждаго помѣстья, въ которомъ рента возрасла; потому что не было бы тутъ различенія между возрастаніемъ ренты исключительно отъ общаго прогресса страны и возрастаніемъ ея, происшедшимъ отъ искусства и расходовъ собственника. Единственный правильный способъ тутъ былъ бы — руководиться общею нормой. Первымъ шагомъ должна быть оцѣнка всѣхъ земель въ странѣ. Нынѣшняя цѣнность земли должна быть изъята отъ налога; но по прошествіи извѣстнаго срока, во время котораго общество возросло и населеніемъ и капиталомъ, слѣдовало бы сдѣлать приблизительную оцѣнку натуральнаго возрастанія ренты съ той поры, какъ произведенъ былъ первый кадастръ. Пособіемъ для этого измѣренія можетъ служить средняя цѣна продукта: если она поднялась, то навѣрное увеличилась и рента, и увеличилась (какъ мы уже доказывали) даже въ болѣе значительной пропорціи, чѣмъ поднялась цѣна. По этимъ и по другимъ даннымъ можно приблизительно оцѣнить, сколько цѣнности пріобрѣла земля страны отъ естественныхъ причинъ; и, опредѣляя общій поземельный налогъ (размѣръ котораго слѣдуетъ постановить значительно ниже полученнаго вывода, потому что въ немъ есть рискъ ошибки), мы уже будемъ имѣть увѣренность, что нимало не коснулись тѣхъ увеличеній дохода, которыя произошли отъ затраты капитала или отъ работы собственника надъ землею.

Не могло бы быть и спора о справедливости брать въ налогъ увеличеніе ренты, еслибы общество положительно оставило за собою это право; но не утратило ли оно его чрезъ то, что не пользовалось имъ? Въ Англіи, напримѣръ, вотъ уже лѣтъ 100 или больше, каждый, покупающій землю, платитъ не за одну цѣнность настоящаго дохода, но и за перспективу будущаго его увеличенія, будучи косвенно увѣряемъ законодательствомъ, что поземельный доходъ будетъ платить налогъ не больше, какъ соразмѣрный съ другими доходами. Въ этомъ возраженіи есть нѣкоторая доля основательности, и въ иныхъ странахъ доля эта меньше, въ другихъ больше, смотря по тому, до какой степени забылось въ обществѣ право, нѣкогда несомнѣнно принадлежавшее обществу. Въ большей части европейскихъ странъ никогда не было допускаемо до забвенія право брать посредствомъ налога такую часть ренты, какая понадобится государству. Въ нѣкоторыхъ частяхъ континента поземельный налогъ составляетъ значительную часть государственныхъ доходовъ и постоянно признавалось за правительствомъ право увеличивать или уменьшать его и безъ увеличенія или уменьшенія другихъ налоговъ. Въ этихъ странахъ никто не можетъ утверждать, что, дѣлаясь собственникомъ земли, имѣлъ увѣренность, что поземельный налогъ не увеличится. Въ Англіи величина поземельнаго налога оставалась неизмѣнною почти съ начала прошлаго вѣка. Послѣдній относившійся къ нему актъ законодательной власти состоялъ въ томъ, что онъ былъ уменьшенъ; съ той поры рента въ Англіи колоссально возрасла и отъ успѣховъ земледѣлія и кромѣ того отъ возрастанія городовъ и увеличенія числа построекъ; но сила землевладѣльцевъ въ законодательной власти не дозволяла подвергнуть справедливому налогу ту громадную часть увеличенія ренты, которая возникла безъ участія собственниковъ, сама собою. Мнѣ кажется, что ожиданія, основанныя на этомъ, будутъ уже достаточно вознаграждены, если вся прибавка къ доходу, наставшая въ теченіе этого долгаго періода только силою естественнаго закона, безъ всякаго труда и пожертвованія, будетъ оставлена изъятою отъ всякаго особеннаго налога. Я не вижу никакихъ возраженій противъ того, чтобы объявить, что съ нынѣшняго дня или съ того дня, въ который законодательная власть разсудитъ воспользоваться своимъ правомъ, всякое дальнѣйшее увеличеніе ренты будетъ подлежать особенному налогу; тутъ не будетъ никакой несправедливости относительно землевладѣльцевъ, если сохранится нынѣшняя рыночная цѣна ихъ земли, потому что въ этой

цѣнѣ уже включена нынѣшняя цѣнность всѣхъ ожиданій будущаго увеличенія дохода. Пропорція, въ какой возвышается общій уровень цѣны земли, вѣроятно будетъ еще лучшею нормою такого налога, чѣмъ возвышеніе ренты или цѣны хлѣба. Легко будетъ соразмѣрять налогъ такъ, чтобы рыночная цѣнность земли не падала ниже первоначальной оцѣнки; а пока цѣна земли не падаетъ ниже этой оцѣнки, не будетъ сдѣлано налогомъ никакой несправедливости передъ собственниками, каковъ бы ни былъ размѣръ налога.

6. Но какъ бы ни думали мы о законности того, чтобы дать государству участіе во всякомъ будущемъ увеличеніи ренты отъ естественныхъ причинъ, все равно нынѣшній поземельный налогъ надобно считать не налогомъ, а платою аренды въ пользу публики, частью ренты, съ самаго начала оставленною государствомъ въ свою пользу, частью, которая никогда не принадлежала землевладѣльцамъ и не составляла части ихъ дохода, которую поэтому и не должны они считать налогомъ, взимаемымъ съ нихъ, и дающимъ землевладѣльцу право на льготу отъ другихъ налоговъ. Это все равно, что десятина, которая не была налогомъ на землевладѣльцевъ; это дѣло похожее на то, что видимъ въ Бенгалѣ, гдѣ государство, имѣющее право на всю ренту, отдало десятую долю ренты частнымъ лицамъ, удержавъ за собою остальныя $^{9}/_{10}$. Эти $^{9}/_{10}$ не могутъ считаться неравнымъ и несправедливымъ налогомъ на людей, которымъ подарена десятая часть ренты. Если частное лицо получило въ собственность часть ренты, изъ этого не слѣдуетъ, что оно имѣетъ право на остальную часть ренты, и что оно несправедливо лишается этой остальной части. Первоначально землевладѣльцы владѣли помѣстьями подъ условіемъ исправлять феодальныя повинности, за которыя нынѣшній поземельный налогъ служитъ чрезвычайно незначительною замѣною, и за освобожденіе отъ которыхъ можно было бы требовать отъ нихъ гораздо большей платы. Каждый, кто покупалъ землю при существованіи налога, покупалъ ее подверженною налогу. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать налогъ платежемъ, требуемымъ съ нынѣшняго поколѣнія землевладѣльцевъ.

Эти замѣчанія прилагаются лишь къ той части поземельнаго налога, которая служитъ особеннымъ налогомъ, а не къ той, которая служитъ лишь способомъ взиманія съ землевладѣльцевъ платежа, который былъ бы равномѣренъ взимаемому съ другихъ сословій. Во Франціи, напримѣръ, есть особенные налоги на другіе

разряды собственности и дохода (налогъ на движимое имущество и патентный сборъ); если поземельный налогъ не больше какъ равномѣренъ этимъ налогамъ, то нельзя сказать, что государство оставило за собою часть поземельной ренты. Но если доходъ отъ земли прямо подвергается вычету на общественныя надобности, превышающему размѣръ налоговъ, взимаемыхъ съ другихъ доходовъ, то излишекъ поземельнаго налога надъ другими уже не налогъ въ собственномъ смыслѣ, а доля поземельной собственности, оставленная за собою государствомъ. Въ Англіи нѣтъ особенныхъ налоговъ на другіе классы, соотвѣтствующихъ поземельному налогу или предназначенныхъ уравновѣшивать его. Потому весь поземельный налогъ въ Англіи не собственно налогъ, а доля изъ ренты, и равнозначителенъ тому, какъ бы государство удержало за собою не часть ренты, а часть земли. Онъ вовсе не лежитъ обремененіемъ на землевладѣльцѣ, какъ не лежитъ бременемъ на одномъ изъ совладѣльцевъ доля, принадлежащая другому. Землевладѣльцы не имѣютъ права на вознагражденіе за этотъ платежъ и не слѣдуетъ давать имъ никакого вознагражденія за него льготою отъ другихъ налоговъ. Продолжать взиманіе этого налога въ существующемъ размѣрѣ вовсе не служитъ нарушеніемъ принципа равенства налоговъ *).

Когда мы впослѣдствіи будемъ говорить о косвенныхъ налогахъ, мы разсмотримъ, въ какой степени и съ какими видоизмѣненіями примѣняется правило равенства къ этимъ налогамъ.

7. Кромѣ правилъ, изложенныхъ нами, выставляется иногда общимъ правиломъ для налоговъ еще то, что они должны взиматься съ дохода, а не съ капитала. Дѣйствительно чрезвычайно важная вещь то, чтобы налоги не касались національнаго капитала, не уменьшали его суммы; но если они касаются его, это происходитъ не столько отъ спеціальнаго характера ихъ системы, сколько отъ чрезмѣрности ихъ. Если налоги слишкомъ чрезмѣрны, они въ состояніи разорить самую трудолюбивую страну, въ особенности

*) Очевидно, что всѣ эти замѣчанія прилагаются и къ тѣмъ мѣстнымъ налогамъ, о спеціальномъ тяготѣніи которыхъ надъ поземельною собственностью такъ много толкуютъ остатки партіи протекціонистовъ. Тѣ изъ этихъ мѣстныхъ налоговъ, которые существуютъ издавна, должны считаться вычетомъ или удержаніемъ части ренты на общественную надобность, а всѣ новыя прибавки къ нимъ или сдѣланы въ пользу землевладѣльцевъ, или произошли отъ ихъ же собственной вины; въ томъ и другомъ случаѣ не даютъ они справедливаго основанія для жалобы.

если есть у нихъ какая нибудь произвольность, такъ что плательщій никакъ не знаетъ, сколько будетъ оставлено ему, или когда правила налоговъ таковы, что трудолюбіе и бережливость становятся невыгодны. Но если налоги не имѣютъ этихъ недостатковъ, а по размѣру своему не выше того, каковы нынѣ они даже и въ тѣхъ европейскихъ странахъ, которыя наиболѣе обременены налогами, то нѣтъ никакой опасности, чтобы они лишали страну части ея капитала.

Сдѣлать, чтобы налогъ падалъ весь на доходъ, нисколько не падая на капиталъ,—сдѣлать этого не въ силахъ никакая система финансоваго устройства. Нѣтъ налога, часть котораго не платилась бы изъ того, что безъ налога было бы сбережено; нѣтъ такого налога, вся сумма котораго при его отмѣненіи пошла бы на увеличеніе расходовъ и никакая часть не стала бы откладываться на увеличеніе капитала. Потому въ извѣстной степени всѣ налоги выплачиваются изъ капитала, а въ бѣдной странѣ невозможно назначить никакого налога, который не мѣшалъ бы возрастанію національнаго богатства. Но въ странѣ, гдѣ капиталъ изобиленъ, а духъ накопленія силенъ, дѣйствіе налоговъ почти не замѣтно. Капиталъ достигъ въ нихъ развитія, при которомъ дальнѣйшее возрастаніе его скоро прекратилось бы безъ постоянныхъ улучшеній въ производствѣ, и имѣетъ такую сильную тенденцію опережать своимъ возрастаніемъ даже ходъ улучшеній, что прибыль держится выше minimum лишь выселеніемъ капитала или періодическимъ уничтоженіемъ его такъ называемыми коммерческими кризисами; потому брать изъ капитала налогомъ ту часть, которая унеслась бы выселеніемъ или уничтожилась бы коммерческимъ кризисомъ, значитъ дѣлать лишь то, что иначе было бы сдѣлано однимъ изъ этихъ двухъ способовъ,—значитъ лишь очищать мѣсто для дальнѣйшаго сбереженія.

Поэтому я не придаю въ богатой странѣ никакой важности тому возраженію противъ налога на наслѣдство, что онъ налогъ на капиталъ. Что онъ налогъ на капиталъ, это совершенно такъ. По справедливому замѣчанію Рикардо, если берутся у человѣка 100 фунтовъ налогомъ на дома или на вино, есть вѣроятность, что онъ сбережетъ всю эту сумму или часть ея тѣмъ, что будетъ жить на менѣе дорогой квартирѣ, потреблять меньше вина или уменьшитъ какой нибудь другой свой расходъ; но если берется съ него 100 фунтовъ потому, что онъ получилъ наслѣдство въ 1000 фун., онъ станетъ считать свое наслѣдство состоящимъ только изъ 900

фун., а между тѣмъ все таки побужденіе экономничать въ расходахъ не увеличивается (а скорѣе напротивъ уменьшается) у него. Такимъ образомъ вся сумма налога выплачивается изъ капитала; и есть такія страны, въ которыхъ это было бы серьознымъ вредомъ. Но во первыхъ, аргументъ этотъ не прилагается ни къ какой странѣ, имѣющей національный долгъ и употребляющей часть доходовъ на его уплату: при такомъ употребленіи сумма, доставленная налогомъ попрежнему остается капиталомъ и лишь только передается отъ платящаго налогъ лица лицу, имѣвшему облигаціи государственнаго долга. Во вторыхъ это возраженіе никакъ не прилагается ни къ какой странѣ, богатство которой быстро возрастаетъ. Даже при очень высокой пошлинѣ съ наслѣдства сумма, ею даваемая, составляетъ въ такой странѣ лишь незначительную долю ежегоднаго наростанія капитала; и ея вычетъ изъ капитала только очистилъ бы мѣсто сбереженію на такую же сумму; а единственнымъ результатомъ невзиманія пошлины было бы то, что не произошло бы этого сбереженія, или происшедши, оно отправилось бы искать помѣщенія себѣ за границу. А въ Англіи, странѣ, которая накопляетъ капиталъ не для себя одной, а для цѣлой половины свѣта, можно сказать, что всѣ свои государственные расходы дѣлаетъ она изъ избытка своихъ сбереженій; и ея богатство теперь, вѣроятно, не меньше того, каково было бы и безъ всякихъ налоговъ. Настоящее дѣйствіе налоговъ въ Англіи не то, что уменьшаются ими средства производства, а то, что уменьшаются средства къ пользованію удобствами: всю ту сумму, которая берется у человѣка налогомъ, онъ могъ бы употребить на свой комфортъ и на удовлетвореніе какой нибудь надобности или наклонности, остающейся теперь неудовлетворенною.

ГЛАВА III.

ПРЯМЫЕ НАЛОГИ.

1. Налоги бываютъ прямые и косвенные. Прямой налогъ тотъ, который требуется съ тѣхъ самыхъ лицъ, съ которыхъ предполагается дѣйствительно взимать его. Непрямые налоги тѣ, которые требуются съ извѣстнаго лица въ ожиданіи и намѣреніи, что оно вознаградитъ себя насчетъ другаго лица; наприм. акцизы и таможенныя пошлины. Налогъ на товаръ берется съ лица, которое производитъ или ввозитъ его, но берется не въ томъ намѣреніи,

чтобы брать налогъ собственно съ этого лица, а въ томъ, чтобы черезъ него взять налогъ съ потребителей товара по предположенію, что заплаченную сумму оно выручитъ съ нихъ черезъ возвышеніе цѣны товара.

Прямые налоги берутся или съ дохода или съ расхода. Большая часть налоговъ на расходъ—косвенные, но нѣкоторые прямые, взимаемые не съ производителя или продавца товаровъ, а непосредственно съ потребителя; напр. налогъ на дома бываетъ прямымъ налогомъ на расходъ, если взимается (какъ въ Англіи) съ лица, занимающаго квартиру (еслибы онъ взимался съ лица, строющаго домъ или владѣющаго имъ, онъ былъ бы косвеннымъ налогомъ). Подать съ оконъ—прямой налогъ на расходъ; подати съ лошадей и экипажей и другія называющіяся въ Англіи assessed taxes также прямые налоги.

Источники дохода—рента, прибыль и рабочая плата. Кромѣ трехъ этихъ источниковъ нѣтъ никакого другаго, кромѣ какъ доходъ отъ подарка. Каждый изъ этихъ трехъ источниковъ дохода можетъ быть облагаемъ особеннымъ налогомъ; можетъ также взиматься со всѣхъ нихъ однообразный налогъ. Мы пересмотримъ эти источники.

2. Налогъ на ренту падаетъ весь на землевладѣльца. Нѣтъ ему никакого средства переложить это бремя на кого нибудь другаго. Налогъ этотъ не возвышаетъ ни цѣнности, ни цѣны земледѣльческаго продукта, потому что она опредѣляется стоимостью производства въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, а часть продукта производимаго въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ неплатитъ ренты, какъ мы уже доказывали много разъ. Потому единственное дѣйствіе налога на ренту — очевидное его дѣйствіе. Онъ просто беретъ всю свою сумму у землевладѣльца и передаетъ ее государству.

Но съ строгой точностью можно сказать это о налогѣ лишь съ той ренты, которая произошла отъ естественныхъ причинъ или отъ улучшеній, сдѣланныхъ фермеромъ. Если улучшенія, увеличивающія производительность земли, сдѣланы землевладѣльцемъ, онъ вознаграждается за нихъ прибавкою платежа отъ фермера; эта прибавка, составляющая для землевладѣльца собственно прибыль на капиталъ сливается и смѣшивается съ рентою; она и дѣйствительно рента по отношенію къ фермеру и по отношенію къ экономическимъ законамъ, опредѣляющимъ ея величину. Если налогъ на ренту захватываетъ и эту часть ренты, онъ отбиваетъ у земле-

владѣльцевъ охоту производить улучшенія; но изъ этого не слѣдуетъ, что хотя и тутъ онъ возвыситъ цѣну земледѣльческаго продукта. Тѣ же самыя улучшенія могъ бы сдѣлать фермеръ на свой капиталъ или даже на капиталъ землевладѣльца, данный ему въ ссуду; для этого нужно только, чтобы землевладѣлецъ согласился дать фермеру аренду на такой долгій срокъ, чтобы до его истеченія успѣли вознаградиться затраты фермера. Но если извѣстное обстоятельство мѣшаетъ производству улучшеній тѣмъ способомъ, какимъ наиболѣе расположены люди производить ихъ, часто оно будетъ совершенно мѣшать производству улучшеній; съ этой стороны налогъ на ренту былъ бы не выгоденъ, еслибы нельзя было придумать способа изъять отъ налога ту часть номинальной ренты, которая можетъ считаться прибылью на капиталъ землевладѣльца. Впрочемъ нѣтъ надобности въ этомъ соображеніи, чтобы осудить такой налогъ. Спеціальный налогъ на какой бы то ни было доходъ нарушаетъ справедливость, если не уравновѣшивается налогами на доходы другихъ разрядовъ и равняется конфискаціи той части дохода, которая берется подобнымъ налогомъ. Я выше приводилъ основанія, по которымъ свободенъ отъ этого упрека налогъ, не касающійся существующихъ рентъ и довольствующійся присвоеніемъ той части будущаго наростанія рентъ, которая будетъ происходить отъ одного дѣйствія естественныхъ причинъ. Но и этотъ налогъ можно установить безъ нарушенія справедливости лишь съ тѣмъ, чтобы несогласнымъ на него была предлагаема рыночная цѣна за ихъ землю. Если налогъ на ренту не спеціальный налогъ, а сопровождается равнозначительнымъ налогомъ на другіе доходы, то менѣе прилагается къ нему возраженіе, основанное на томъ, что онъ захватываетъ прибыль, получаемую отъ улучшеній: когда прибыль наравнѣ съ рентою подлежитъ налогу, часть прибыли, принимающая форму ренты, должна нести свою долю налога, подобно прибыли въ другихъ формахъ. Но по основаніямъ, уже приведеннымъ у насъ, налогъ на прибыль долженъ быть нѣсколько ниже налога на собственно такъ называемую ренту; потому возраженіе тутъ лишь ослабляется, а не отстраняется вполнѣ.

3. Налогъ на прибыль, подобно налогу на ренту, весь падаетъ на лицо, съ котораго взимается,—по крайней мѣрѣ всегда таково непосредственное его дѣйствіе. Налогъ равно ложится на всѣ прибыли; потому нельзя избавиться отъ него перемѣною занятія. Но еслибы установленъ былъ налогъ лишь на извѣстную отрасль производительнаго занятія, онъ въ сущности составилъ бы собою при-

бавку къ издержкамъ производства, потому цѣнность и цѣна обложеннаго имъ товара возрасла бы; а черезъ это налогъ перенесся бы на потребителей товара, а прибыль избавилась бы отъ него. Но общій и равный налогъ на всѣ виды прибыли не измѣнилъ бы общаго уровня цѣнъ и упалъ бы по крайней мѣрѣ первымъ своимъ дѣйствіемъ на однихъ капиталистовъ.

Но есть у него и дальнѣйшее дѣйствіе, которое имѣетъ важность въ богатой и развивающейся странѣ. Когда масса накопленнаго капитала такъ велика, а ходъ годичнаго накопленія такъ быстръ, что страна не допускается до неподвижнаго состоянія лишь вы еленіемъ капитала или постоянными улучшеніями производства, то не можетъ оставаться безъ вліянія на эти феномены никакое обстоятельство, отъ котораго въ сущности понижается процентъ прибыли. Дѣйствіе этого обстоятельства можетъ обнаруживаться разными способами. Уменьшеніе прибыли и чрезъ то увеличеніе трудности составить себѣ состояніе или получить обезпеченіе отъ употребленія капитала можетъ служить возбужденіемъ къ тому, чтобъ дѣлались изобрѣтенія и примѣнялись къ дѣлу. Если ходъ улучшеній въ производствѣ очень ускорится и отъ нихъ прямо или косвенно удешевятся предметы обыкновеннаго потребленія работниковъ, прибыль поднимется и можетъ подняться на столько, что покроется этимъ все уменьшеніе въ ней сдѣланное налогомъ. Въ этомъ случаѣ налогъ будетъ собираться безъ всякаго убытка кому бы то ни было, потому что продуктъ страны возрастетъ на сумму, равную налогу или, точнѣе говоря, на сумму несравненно большую чѣмъ самъ налогъ. Но и въ этомъ случаѣ надобно сказать, что налогъ уплачивается изъ прибыли, потому что именно получающимъ прибыль досталась бы польза отъ снятія налога.

Но и въ такомъ случаѣ, если искусственное уменьшеніе прибыли дѣйствительно имѣетъ тенденцію ускорять ходъ улучшеній въ производствѣ, можетъ быть не произведетъ эта тенденція значительныхъ улучшеній, или произведетъ лишь такія улучшенія, отъ которыхъ общій уровень прибыли вовсе не возвышается, или возвышается не на столько, на сколько понизился отъ налога. Въ этомъ случаѣ величина прибыли приблизится къ тому практическому minimum'у, къ которому постоянно приближается; и отъ уменьшенія выручки на капиталъ или рѣшительно задержится его дальнѣйшее накопленіе, или увеличится та доля, какая изъ годичнаго наростанія отправляется за границу или растрачивается въ неприбыльныхъ спекуляціяхъ. При своемъ установленіи налогъ первона-

чально падаетъ весь на прибыль; но еслибы не было налога, капиталъ возросталъ бы въ такомъ размѣрѣ, который привелъ бы прибыль къ тому же самому уровню; и черезъ каждые десять или двадцать лѣтъ мы будемъ находить все меньше и меньше разницы между существующею величиною прибыли и тою величиною, какую имѣла бы она безъ налога, а напослѣдокъ не окажется тутъ никакой разницы и весь налогъ будетъ перенесенъ или на работника, или на землевладѣльца. Существенное дѣйствіе налога на прибыль то, что въ данное время страна при немъ имѣетъ меньше капитала и меньшую сумму производства, раньше и съ меньшею суммою національнаго богатства достигаетъ неподвижнаго состоянія, чѣмъ было бы безъ него. Возможенъ и тотъ случай, что налогъ на прибыль даже уменьшитъ капиталъ, существовавшій въ странѣ. Если величина прибыли уже спустилась до практическаго minimum'а, т. е. до предѣла, на которомъ уносится вывозомъ за границу или спекуляціею вся та часть ѓодичнаго наращенія, которая имѣла бы тенденцію понижать прибыль, то при установленіи налога, отъ котораго прибыль еще больше понизится, конечно и часть уже существующаго капитала будетъ унесена тѣми же причинами, которыми прежде уносилось наращеніе. Поэтому при положеніи капитала и накопленія, подобномъ англійскому, налогъ на прибыль чрезвычайно вреденъ народному богатству. Это качество принадлежитъ всякому налогу на прибыль, а не одному спеціальному и несправедливому по своей сущности. Уже и тотъ самый фактъ, что прибыль должна нести свою долю общихъ тяжелыхъ налоговъ имѣетъ подобную спеціальному налогу тенденцію вытѣснять капиталы заграницу, возбуждать неблагоразумныя спекуляціи уменьшеніемъ вѣрныхъ выгодъ, отклонять отъ дальнѣйшаго накопленія и ускорять достиженіе неподвижнаго состоянія. Такова вѣроятно была главная причина того, что Голландія стала падать, или, вѣрнѣе сказать, перестала дѣлать успѣхи.

Даже въ странахъ, накопляющихъ не такъ быстро, чтобы всегда находиться недалеко отъ неподвижнаго состоянія, накопленіе капитала (если онъ сколько нибудь накопляется) не можетъ до нѣкоторой степени не замедляться вычетомъ части прибыли на него; и если возбужденіемъ улучшеній налогъ не уравновѣшиваетъ вполнѣ этого вычета, часть бремени неизбѣжно переляжетъ съ капиталиста на работника или землевладѣльца, изъ которыхъ на того или другаго непремѣнно ложится потеря отъ уменьшенія быстроты накопленія. Если населеніе будетъ размножаться попрежнему, потеря

ляжетъ на работника; если размноженіе уменьшается, то задерживается развитіе земледѣлія и землевладѣльцы теряютъ ту прибавку ренты, какую получили бы отъ него. Окончательно можетъ остаться исключительнымъ бременемъ на капиталистахъ налогъ на прибыль только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ капиталъ неподвиженъ, потому что въ нихъ нѣтъ новаго накопленія. Въ такихъ странахъ налогъ можетъ быть не помѣшаетъ прежнему капиталу сохраняться по привычкѣ или по нерасположенію обѣднѣть, и такимъ образомъ весь налогъ быть можетъ останется на капиталистѣ. Изъ этихъ соображеній видимъ, что результаты налога на прибыль гораздо сложнѣе, гораздо разнообразнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ пишущіе о немъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ труднѣе, чѣмъ они думаютъ, предусмотрѣть его вліяніе.

4. Обратимся теперь къ налогу на рабочую плату. Вліяніе его бываетъ различно, смотря по тому, съ какой рабочей платы онъ берется: съ платы ли за обыкновенный черный трудъ, или съ вознагражденія за тѣ техническія или привиллегированныя умственныя или физическія занятія, которыя изъяты изъ круга соперничества естественною или искусственною монополіею.

При нынѣшнемъ низкомъ положеніи народнаго воспитанія, всѣ высшія ступени умственнаго или требующаго приготовленій труда имѣютъ, какъ я уже замѣчалъ, монопольную цѣну, которая выше платы простому работнику на пропорцію далеко выше пропорціи, какая приходилась бы за издержки, труды и потерю времени на приготовленіе къ такому занятію. Налогъ, взимаемый съ этой высшей платы, падаетъ на тѣхъ, кто платитъ его, если выгоду отъ занятія еще оставляетъ онъ выше (а не спускаетъ ниже) справедливой пропорціи: въ этомъ случаѣ платящее налогъ лицо не имѣетъ никакого способа избавиться отъ него на счетъ другихъ сословій. Тоже самое можно сказать и о платѣ за простой трудъ въ тѣхъ случаяхъ, когда (какъ напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ новыхъ колоніяхъ) капиталъ растетъ со всею быстротою, съ какою только можетъ размножаться населеніе и уровень рабочей платы поддерживается возрастаніемъ капитала, а не привязанностію работниковъ къ извѣстной нормѣ удобствъ. Тутъ положеніе работниковъ можетъ—отъ налога ли, или отъ другой какой причины—нѣсколько ухудшиться, не ослабляя размноженія населенія. Если такъ, налогъ упадетъ на самихъ работниковъ и преждевременно понизитъ ихъ состояніе до той ступени, до которой, при предполагаемой нами нормѣ ихъ привычекъ, во всякомъ случаѣ оно на-

конецъ понизилось бы чрезъ неизбѣжное уменьшеніе въ пропорціи возрастанія капитала отъ занятія всей плодородной земли.

Нѣкоторые возразятъ, что даже и въ этомъ случаѣ налогъ на рабочую плату не можетъ быть въ потерю работникамъ, потому что доставляемыя налогомъ деньги, будучи расходуемы въ странѣ, возвращаются къ работнику черезъ запросъ на трудъ. Но фальшивость этого мнѣнія была такъ безспорно обнаружена въ первой книгѣ (т. I, стр. 109—121), что мнѣ достаточно будетъ сослаться на этотъ разборъ. Тамъ было доказано, что суммы, растрачиваемыя непроизводительно, не имѣютъ никакой тенденціи возвышать или поддерживать рабочую плату, кромѣ того случая, когда расходуются на прямую покупку труда. Если правительство будетъ брать налогомъ по шиллингу въ недѣлю съ каждаго работника и расходовать всю эту сумму на наемъ работниковъ для военной службы, для общественныхъ построекъ и т. п., то разумѣется сословіе работниковъ въ общемъ своемъ составѣ будетъ вознаграждаться за всю сумму, взимаемую съ него налогомъ. Это дѣйствительно будетъ «расходованіемъ денегъ въ народѣ». Но если весь налогъ будетъ расходоваться на покупку товаровъ или на прибавку къ жалованью служащихъ, покупающихъ на жалованье товары, отъ этого не увеличится запросъ на трудъ и не возвысится рабочая плата. Но и не возвращаясь къ общимъ принципамъ, можно опровергнуть это фальшивое мнѣніе очевиднымъ reductio ad absurdum. Если брать деньги съ работника и расходовать ихъ на покупку товаровъ—значитъ возвращать ихъ работнику, то брать деньги съ другихъ сословій и расходовать ихъ тоже на покупку товаровъ—значитъ отдавать ихъ работнику; слѣдовательно, чѣмъ больше налоговъ станетъ брать правительство, тѣмъ больше будетъ запросъ на трудъ и тѣмъ зажиточнѣе состояніе работниковъ, — мнѣніе, нелѣпость котораго очевидна каждому.

Почти во всѣхъ обществахъ размѣръ рабочей платы опредѣляется привычною нормою житейскихъ удобствъ, къ которой привязаны работники, такъ что не хотятъ размножаться при низшей нормѣ. При такомъ положеніи дѣлъ налогъ на рабочую плату сначала дѣйствительно ляжетъ на самихъ работниковъ, но если отъ этого временнаго уменьшенія рабочей платы не понизится самая норма, то размноженіе населенія задержится, а отъ этого поднимется рабочая плата и возстановится прежнее положеніе работниковъ. На комъ въ этомъ случаѣ будетъ лежать налогъ? По Адаму Смиту на всѣхъ членахъ цѣлаго общества, какъ на потребителяхъ,

потому что отъ возвышенія рабочей платы поднимается, по его мнѣнію, общій уровень цѣнъ. Но мы видѣли, что общій уровень цѣнъ опредѣляется другими отношеніями и никогда не возвышается вліяніемъ условій, одинаково и въ одинаковомъ размѣрѣ касающихся всѣхъ отраслей производительнаго занятія. Возвышеніе рабочей платы отъ налога, подобно всякому другому увеличенію стоимости труда, должно покрываться на счетъ прибыли. Попытка подвергнуть налогу простыхъ работниковъ въ старой странѣ просто оказывается равносильною установленію спеціальнаго налога со всѣхъ хозяевъ, употребляющихъ черный трудъ, если не производитъ такой налогъ другаго, гораздо худшаго дѣйствія пониженіемъ постоянной нормы того, что считаютъ работники благосостояніемъ.

Въ этихъ соображеніяхъ мы находимъ новое доказательство прежнему нашему мнѣнію, что прямые налоги не должны касаться доходовъ той величины, которая не превышаетъ необходимаго для здоровой жизни. Эти очень маленькіе доходы почти всѣ пріобрѣтаются матеріальною работою, и мы теперь видимъ, что всякій налогъ на нихъ или понижаетъ постоянный уровень привычекъ рабочаго класса, или падаетъ на прибыль и обременяетъ капиталистовъ косвеннымъ налогомъ сверхъ выплачиваемой ими доли прямыхъ налоговъ; а это вдвойнѣ вредно: вопервыхъ, какъ нарушеніе основнаго принципа равенства, а вовторыхъ, по тѣмъ изложеннымъ нами причинамъ, по которымъ спеціальный налогъ на прибыль убыточенъ общественному богатству, а слѣдовательно и средствамъ общества къ уплатѣ всякихъ вообще налоговъ.

5. Отъ налоговъ на отдѣльные источники дохода, мы переходимъ къ прямому налогу, имѣющему цѣль равно распредѣляться на всѣ разряды доходовъ, — переходимъ къ подоходному налогу. Въ предъидущей главѣ мы уже разсмотрѣли условія, необходимыя для того, чтобы онъ былъ согласенъ съ справедливостью. Предположимъ же теперь, что эти условія исполнены. Первое изъ нихъ: доходы ниже извѣстной суммы должны быть совершенно освобождены отъ налога. Этотъ minimum не долженъ превышать сумму, достаточную на предметы необходимости при существующей степени размноженія людей. По нынѣшнимъ правиламъ подоходнаго налога, отъ него освобождены всѣ доходы ниже 100 фунтовъ, а съ доходовъ отъ 100 до 150 фунтовъ берется налогъ въ уменьшенномъ размѣрѣ; такую широту льготы можно оправдывать лишь тѣмъ, что почти всѣ косвенные налоги тяготѣютъ надъ доходами

*

отъ 50 до 150 фунтовъ обременительнѣе, чѣмъ надъ доходами другихъ размѣровъ. Второе условіе то, что изъ доходовъ выше minimum'а должна платить налогъ лишь та часть, которая въ нихъ превышаетъ minimum. Третье условіе то, чтобы отъ налога освобождены были всѣ сберегаемыя и употребляемыя на покупку фондовъ суммы; если же это оказывается неудобоисполнимымъ, то пожизненные доходы и доходы отъ коммерческихъ дѣлъ и профессій должны платить меньшій процентъ налога, чѣмъ наслѣдственные доходы, и размѣръ этого облегченія долженъ какъ можно ближе соотвѣтствовать тому, на сколько больше надобности въ сбереженіи при доходахъ временныхъ, а для доходовъ перемѣнчивой величины должна дѣлаться льгота, сообразная ихъ невѣрности.

Подоходный налогъ, установленный по этимъ принципамъ, былъ бы, со стороны справедливости, наименѣе дурнымъ изъ всѣхъ налоговъ. При нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности, есть въ немъ то неудобство, что невозможно узнать дѣйствительный доходъ лицъ, съ которыхъ берется налогъ. Говорятъ, что принуждать людей объявлять величину своихъ доходовъ—значитъ слишкомъ стѣснять ихъ; мнѣ кажется, что это возраженіе не имѣетъ большой важности. Въ Англіи есть привычка, ставшая почти обязательнымъ обычаемъ, жить или стараться жить такъ, чтобы казалось, будто у человѣка больше дохода, чѣмъ сколько онъ имѣетъ; но этотъ обычай вреденъ для общества; и для лицъ, покоряющихся этой слабости, было бы гораздо полезнѣе, еслибы размѣръ ихъ средствъ сталъ всѣмъ извѣстенъ съ точностью и былъ устраненъ соблазнъ тратить больше, чѣмъ дозволяютъ средства и отказывать себѣ въ дѣйствительно нужномъ для фальшиваго внѣшняго блеска. Притомъ же, смотря на дѣло и съ той точки зрѣнія, съ какой дѣлается возраженіе, можно отыскать доводы и въ пользу дѣла, а не только противъ него, какъ предполагаютъ нѣкоторые. Пока масса людей въ странѣ находится въ томъ низкомъ умственномъ состояніи, какое предполагается подобнымъ обычаемъ, пока уваженіе (если можно примѣнить здѣсь такое слово) свое къ человѣку соразмѣряютъ люди съ тѣмъ, сколько денежныхъ средствъ предполагаютъ у него, всякое условіе, отстраняющее сомнѣніе о денежныхъ средствахъ, вѣроятно стало бы значительно увеличивать надменность и тщеславіе пошлыхъ богачей и наглость ихъ передъ людьми, которые выше ихъ по уму и честности, но ниже ихъ по богатству.

Надобно сказать еще, что не смотря на такъ называемый инквизиторскій характеръ этого налога, агенты, имъ завѣдывающіе, не

могутъ распредѣлять его съ дѣйствительнымъ знаніемъ денежныхъ обстоятельствъ каждаго, хотя бы агенты эти имѣли всю ту инквизиторскую власть, какую только можетъ вынести народъ, самый расположенный подчиняться ей. Величину ренты, жалованья, пенсій и всѣхъ опредѣленныхъ доходовъ можно узнать съ точностью. Но не всегда съ точностью можетъ опредѣлить доходъ отъ профессіи, а тѣмъ болѣе выгоду отъ коммерческихъ дѣлъ, и самъ человѣкъ, получающій этотъ доходъ, а еще меньше возможность сборщику налога оцѣнить такіе доходы, хотя съ приблизительною вѣрностію. Главнымъ основаніемъ тутъ должно быть и всегда принималось показаніе самого лица. Разсмотрѣніе счетовъ можетъ быть полезно только въ случаяхъ слишкомъ очевиднаго обмана; да и противъ него эта повѣрка очень недостаточна, потому что если человѣкъ хочетъ обмануть, то почти всегда можетъ составить фальшивые счеты такъ, что никакъ нельзя будетъ изобличить ихъ никакими средствами повѣрки, находящимися у сборщиковъ налога. Тутъ часто бываетъ достаточенъ легкій способъ не вписывать въ счетную книгу полученія денегъ, не прибѣгая и къ тому, чтобы вписывать въ нее фиктивные долги или расходы. Такимъ образомъ подоходный налогъ, на какихъ бы справедливыхъ принципахъ равенства ни былъ установленъ, имѣетъ на практикѣ самое дурное неравенство, тяжелѣе всего падая на людей, наиболѣе честныхъ. Человѣкъ безъ совѣсти успѣваетъ избавиться отъ значительной части платежа, какой бы слѣдовало съ него; даже люди, въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ честные, подвергаются искушенію кривить душою, по крайней мѣрѣ въ томъ, что рѣшаютъ въ свою пользу всѣ тѣ вопросы, относительно которыхъ можетъ явиться хотя малѣйшее сомнѣніе; а люди строго правдивые часто принуждены бываютъ платить больше, чѣмъ хочетъ брать государство, потому что агентамъ, распредѣляющимъ налогъ, необходимо ввѣряется произвольная власть, какъ послѣднее охранительное средство противъ утайки со стороны платящихъ налогъ лицъ.

Итакъ подоходный налогъ представляетъ ту опасность, что нельзя придать ему на практикѣ ту справедливость, какую имѣетъ онъ въ своемъ принципѣ; что, будучи повидимому справедливѣйшимъ изъ всѣхъ способовъ собирать доходъ, онъ въ дѣйствительности будетъ несправедливѣе многихъ другихъ налоговъ, на первый взглядъ кажущихся менѣе справедливыми. А если такъ, мы должны будемъ согласиться съ мнѣніемъ, господствовавшимъ до недавняго времени: прямые налоги на доходъ должны употребляться лишь какъ экстрен-

ный ресурсъ въ великихъ національныхъ надобностяхъ, при которыхъ необходимостью большой прибавки къ доходу опровергаются всѣ возраженія.

Затруднительность установить подоходный налогъ справедливымъ образомъ вызвала мысль о прямомъ налогѣ въ извѣстное число процентовъ не съ дохода, а съ расхода. Сумму расхода у каждаго лица предполагается тутъ опредѣлять по показанію самого лица, какъ опредѣляется теперь сумма дохода. Авторъ этого плана Ривенсъ. Въ своей брошюрѣ (A Percentage Tax on Domestic Expenditure to supply the whole of the Public Revenue. By John Revans. 1847) съ большимъ искусствомъ доказываетъ, что показанія людей о ихъ расходахъ будутъ достовѣрнѣе нынѣшнихъ показаній о ихъ доходахъ, потому что расходъ, по самой своей сущности, бываетъ болѣе явенъ, чѣмъ доходъ и утайка его легче открывается. Мнѣ кажется, что онъ мало обратилъ вниманія на то, что лишь немногія статьи годичнаго расхода у большей части семействъ могутъ быть опредѣлены съ приблизительною вѣрностію по внѣшнимъ признакамъ. Единственною гарантіею и тутъ осталась бы правдивость каждаго и нельзя предполагать, что показанія о расходахъ будутъ достовѣрнѣе показаній о доходахъ; это тѣмъ невѣроятнѣе, что почти у каждаго расходъ состоитъ изъ гораздо большаго числа статей, чѣмъ доходъ, потому въ перечисленіи расходовъ было бы больше простора для утайки, чѣмъ въ самомъ перечисленіи доходовъ.

Нынѣшніе налоги на расходъ и въ Англіи и въ другихъ странахъ падаютъ лишь на нѣкоторыя отрасли расхода и отличаются отъ налоговъ на товары лишь тѣмъ, что уплачиваются прямо лицомъ, потребляющимъ товаръ вмѣсто того, чтобы преждевременно взиматься съ производителя или продавца, вознаграждающаго себя повышеніемъ цѣны. Таковы налоги на лошадей и экипажи, на собакъ, на прислугу. Очевидно они падаютъ на тѣ лица, съ которыхъ взимаются, на лица, употребляющія товаръ, обложенный налогомъ. Къ этому же разряду принадлежитъ болѣе важный налогъ,— налогъ на дома; о немъ надобно поговорить нѣсколько подробнѣе.

6. Рента съ дома состоитъ изъ двухъ частей: ренты за землю и (по выраженію Адама Смита) ренты за зданіе. Величина ренты за землю опредѣляется обыкновенными законами ренты. Она служитъ вознагражденіемъ за пользованіе мѣстомъ, которое занимаетъ домъ съ своими принадлежностями; отъ величины ренты, какую давало бы это мѣсто въ земледѣліи, она возвышается до моно-

польныхъ рентъ, какія платятся за выгодное положеніе на многолюдныхъ улицахъ. Рента за самый домъ, въ отдѣльности отъ ренты за землю, бываетъ равноцѣнна труду и капиталу, употребленному на постройку. То, что она уплачивается не вдругъ за цѣлый годъ, а по полугодіямъ или четвертямъ года, нимало не измѣняетъ законовъ, управляющихъ ею. Она составляется изъ обыкновенной прибыли на капиталъ съ прибавкою погашенія, какое при существующей величинѣ процентовъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ на поправки, нужно на то, чтобы возстановился первоначальный капиталъ въ теченіе времени, какое можетъ простоять домъ или на какое обыкновенно снимается земля подъ постройку дома.

Налогъ, берущій извѣстный процентъ изъ валовой ренты, одинаково падаетъ на всѣ эти части ея. Чѣмъ больше ренты даетъ домъ, тѣмъ больше налога и платитъ онъ, все равно, за свойства ли мѣстности, или за самый домъ платится рента. Но результаты дѣйствій налога на ту и на другую часть ренты надобно разсмотрѣть отдѣльно.

Часть налога, падающая на ренту за строеніе, окончательно лежитъ на потребителяхъ или лучше сказать на лицѣ, занимающемъ квартиру. Прибыль съ капитала, употребленнаго на постройку, не превышаетъ обыкновеннаго процента прибыли; потому еслибы налогъ падалъ на домовладѣльца, а не на жильца, она стала бы ниже прибыли отъ занятій, не подлежащихъ налогу и дома перестали бы строится. Но очень можетъ быть, что при первоначальномъ установленіи налога значительная часть его падала не на жильца, а на домовладѣльца. Многіе потребители конечно не могли или не хотѣли платить прежнюю ренту съ прибавкою налога, и стали довольствоваться квартирами худшими прежнихъ. Потому квартиръ вѣроятно оказалось больше, чѣмъ запроса на нихъ. Въ большей части товаровъ результатомъ такого излишка было бы немедленное уменьшеніе снабженія; но количество товара, столь прочнаго, какъ домы, не могло уменьшиться быстро. Конечно перестали строиться новые квартиры того разряда, запросъ на который уменьшился, или строились онѣ лишь въ особенныхъ случаяхъ; но все-таки цѣна квартиръ на время понизилась отъ ихъ излишка, и очень можетъ быть, что потребители получали почти прежнее помѣщеніе за прежнюю плату, въ которой кромѣ ренты былъ налогъ. Но помѣрѣ того, какъ существовавшіе дома изнашивались или при размноженіи населенія увеличивался запросъ, ренты снова поднимались, пока наконецъ стало выгодно возобновить пос-

тройку ихъ, которая не была выгодна, пока весь налогъ не перенесся на жильца. Слѣдовательно въ окончательномъ результатѣ не домохозяинъ, а жилецъ платитъ ту часть налога на ренту, которая падаетъ на плату за самый домъ, а не на плату за мѣсто, имъ занимаемое.

Не совсѣмъ таково дѣйствіе той части налога, которая падаетъ на ренту за землю. Налогъ на ренту, собственно такъ называемую, падаетъ на землевладѣльца; потому можно бы подумать, что и налогъ на ренту за мѣсто, занимаемое домомъ, падаетъ на лицо, которому принадлежитъ это мѣсто, по крайней мѣрѣ падаетъ по истеченіи прежняго арендnаго срока. Но весь онъ упадетъ на землевладѣльца лишь въ томъ случаѣ, когда съ налогомъ на мѣсто, занимаемое домомъ, соединенъ налогъ такого же размѣра на земледѣльческую ренту. Низшая рента за землю, отдаваемую подъ строеніе очень немногимъ выше той ренты, какую стало бы давать это мѣсто за земледѣліе: разницы большой нельзя предполагать потому что, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, земля конечно отдается въ аренду или продается для постройки зданій, какъ только становится это дѣло выгоднѣе землепашества. Слѣдовательно если налогъ на мѣсто, занимаемое строеніемъ, будетъ существовать безъ налога на земледѣльческую ренту, то наименьшая рента за мѣсто, занимаемое строеніемъ, станетъ ниже обыкновенной ренты за землю на всю сумму налога за вычетомъ небольшой его части; отъ этого остановятся новыя постройки точно такъ же, какъ остановились бы отъ налога на строенія и возобновится постройка домовъ лишь тогда, когда рента за мѣста, ими занимаемыя, возвысится на всю сумму налога отъ увеличенія запроса при размноженіи населенія или отъ уменьшенія квартиръ по обыкновенному ходу обветшанія. А если возвышается низшая рента, то возвышаются и всѣ другія ренты за мѣста, занимаемыя строеніями, потому что каждая высшая рента стоитъ выше низшей на рыночную цѣнность особенныхъ выгодъ мѣста. Итакъ, если бы налогъ на ренту за мѣсто подъ строеніемъ составлялъ одну извѣстную плату за квадратный футъ и болѣе цѣнныя мѣста платили бы не больше самыхъ дешевыхъ мѣстъ, этотъ опредѣленный платежъ окончательно падалъ бы на жильца. Предположимъ, что низшая рента за мѣсто подъ строеніемъ 10 фунтовъ за экръ, а высшая 1,000 фунтовъ; отъ налога въ 1 ф. съ экра занимаемыхъ строеніемъ мѣстъ первая рента въ окончательномъ результатѣ поднялась бы до 11 фунтовъ; слѣдовательно вторая поднялась бы до 1,001 ф., потому что

разница цѣнности между этими двумя мѣстами осталась бы прежняя; такимъ образомъ по фунту въ годъ на уплату налога платитъ бы жилецъ. Но налогъ за мѣста подъ постройками считается частью налога на дома, а этотъ налогъ не составляетъ извѣстную сумму, а составляетъ извѣстный процентъ съ ренты. Поэтому если самое дешевое мѣсто платитъ фунтъ налога, какъ мы предполагали, то самое дорогое будетъ платить 100 ф. налога и только 1 фунтъ изъ нихъ можетъ лечь на жильца, потому что рента возвысится только до 1,001 фунта. Слѣдовательно на лицо, владѣющее мѣстомъ, будутъ падать 99 фунтовъ изъ 100 фунтовъ налога съ дорогаго мѣста. Итакъ налогъ на дома надобно разсматривать съ двухъ сторонъ: какъ налогъ на всѣхъ жильцовъ и какъ налогъ на ренту, даваемую мѣстомъ.

Въ огромномъ большинствѣ домовъ рента за мѣсто составляетъ лишь незначительную долю годичной платы за домъ и почти весь налогъ падаетъ на жильца. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ въ любимыхъ улицахъ большихъ городовъ, главную часть ренты за домъ составляетъ рента за мѣсто; эти ренты за мѣсто составляютъ важнѣйшую изъ тѣхъ немногихъ отраслей дохода, которыя справедливо могутъ подвергаться спеціальнымъ налогамъ: тутъ представляются громаднѣйшіе примѣры быстраго и чрезвычайнаго, а во многихъ случаяхъ и неожиданнаго обогащенія какой нибудь фамиліи просто потому, что она владѣетъ извѣстною полосою земли и сама нимало не участвовала въ своемъ обогащеніи ни трудомъ, ни расходомъ, ни рискомъ. Такимъ образомъ нельзя сдѣлать никакого дѣльнаго возраженія противъ той части налога на дома, которая падаетъ на лицо, владѣющее мѣстомъ.

Другую часть этого налога, падающую на жильца, надобно назвать однимъ изъ лучшихъ и справедливѣйшихъ налоговъ, если она правильно соразмѣряется съ цѣнностью дома. Плата за квартиру служитъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ средствъ человѣка и, вообще говоря ,нѣтъ въ расходахъ ни одной статьи, которая составляла бы такую одинаковую долю въ расходахъ каждаго. Налогъ на дома подходитъ къ справедливому подоходному налогу такъ близко, что трудно придать подобную близость подоходному налогу въ прямой его формѣ; налогъ на дома имѣетъ то важное преимущество, что при немъ сами собою дѣлаются всѣ тѣ льготы, которыя такъ трудно дѣлать и такъ невозможно дѣлать съ точностью при распредѣленіи подоходнаго налога; дѣйствительно если платою за квартиру измѣряется что нибудь, то измѣряется не сумма имущества лица, а

сумма, какую считаетъ возможнымъ расходовать это лицо. Но со стороны равенства есть въ этомъ налогѣ два рѣшительные недостатка. Во первыхъ скупецъ можетъ избѣжать его. Этотъ недостатокъ свойственъ всѣмъ налогамъ на расходъ; только отъ прямаго налога на доходъ не можетъ уйти скупецъ. Но скряги теперь не прячутъ своихъ денегъ, а даютъ имъ производительное помѣщеніе; слѣдовательно ихъ имущество служитъ на увеличеніе національнаго богатства, т. е. и къ увеличенію суммы средствъ для платежа налоговъ; и притомъ плата налога за это имущество только переводится съ капитальной суммы на доходъ, который подвергается налогамъ, какъ только начнетъ расходоваться. Второе возраженіе то, что извѣстный человѣкъ можетъ быть нанимаетъ квартиру больше и дороже другаго не потому, что у него болѣе средствъ, а потому, что у него больше семейство. Но тутъ онъ не въ правѣ жаловаться: многочисленное семейство возникло по его собственному желанію, которое для общественнаго блага должно быть не поощряемо, а обуздываемо *).

---

*) Другимъ обыкновеннымъ возраженіемъ служитъ то, что большое и дорогое помѣщеніе часто бываетъ нужно не на собственную квартиру, а по дѣламъ. Но всѣ согласны въ томъ, что отъ налога на дома должны быть освобождены тѣ строенія или части строеній, которыя служатъ исключительно дѣловыми помѣщеніями; напримѣръ лавки, товарные амбары и фабрики. Говорятъ: человѣкъ по своимъ торговымъ надобностямъ можетъ быть принужденъ жить въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣна квартиръ имѣетъ монопольную высоту, напримѣръ на большихъ лондонскихъ улицахъ; это выраженіе мнѣ кажется пустымъ: онъ живетъ въ такой мѣстности лишь потому, что разсчитываетъ получить отъ этой мѣстности такую прибавку прибыли, которая съ избыткомъ вознаградитъ его за лишній расходъ. А во всякомъ случаѣ масса налога съ этой высокой ренты упадетъ не на жильца, а на владѣльца мѣстности.

Возражаютъ также, плата за квартиры въ сельскихъ округахъ гораздо дешевле, чѣмъ въ городахъ и въ иномъ городѣ дешевле, чѣмъ въ другомъ, въ иномъ сельскомъ округѣ дешевле, чѣмъ въ другомъ; слѣдовательно налогъ пропорціональный этой платѣ будетъ такъ же тяготѣть не надъ всѣми равно. Но на это можно отвѣчать, что въ мѣстахъ, гдѣ квартиры дешевы, человѣкъ съ извѣстнымъ доходомъ обыкновенно нанимаетъ квартиру больше и лучше, чѣмъ въ мѣстѣ, гдѣ квартиры дороги; слѣдовательно пропорція расхода на квартиру изъ суммы дохода оказывается болѣе одинаковою, чѣмъ представляется съ перваго взляда. Если же такъ, то надобно думать, что многія изъ лицъ, живущихъ въ дешевомъ мѣстѣ, живутъ въ немъ именно потому, что слишкомъ бѣдны для жизни въ другомъ мѣстѣ; стало быть имѣютъ главнѣйшее право на облегченіе въ налогѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плата за квартиры остается дешева именно потому, что жильцы бѣдны.

Въ Англіи налогъ на дома составляетъ значительную часть всей общей суммѣ налоговъ: въ городахъ онъ доставляетъ всю сумму приходскаго сбора, а въ сельскихъ округахъ часть ее. Налогъ на окна, который былъ также налогомъ на дома, но дурнымъ налогомъ (онъ дѣйствовалъ какъ налогъ на свѣтъ и безобразилъ строенія), былъ въ 1851 г. замѣненъ собственно такъ называемымъ налогомъ на дома, который установили въ размѣрѣ, меньшемъ прежняго налога, существовавшаго до 1834 г. Надобно жалѣть, что въ новомъ налогѣ удержанъ несправедливый принципъ распредѣленія, бывшій въ старинномъ налогѣ на дома и не меньше эгоизма среднихъ сословій содѣйствовавшій возникновенію ропота на него. Публика справедливо скандализировалась, слыша, что зданія, подобныя Четсуорту и Бельвайру, были обложены по воображаемой рентѣ въ какихъ нибудь 200 фунт. подъ тѣмъ предлогомъ, что при значительности расходовъ на ихъ поддержаніе нельзя было бы отдать ихъ въ наемъ за большую сумму. Правда, быть можетъ не дадутъ за наемъ ихъ и такой суммы и если основаніе подобной раскладки справедливо, то слѣдуетъ вовсе не брать съ нихъ налога. Но налогъ на дома установляется какъ налогъ не на доходы, полученные съ домовъ, а на расходы, какихъ стоитъ квартира. Для него должно опредѣляться не то, сколько домъ принесъ бы, будучи отданъ въ наемъ, а то, сколько онъ стоитъ живущему въ немъ лицу. Если квартиру занимаетъ не домохозяинъ, платимая жильцомъ рента показываетъ, сколько онъ стоитъ жильцу; но если живетъ въ немъ самъ хозяинъ, надобно искать другаго мѣрила. Надобно оцѣнить это жилище не въ ту сумму, за какую можно продать его, а въ ту, какую стоило бы построить его вновь, и отъ времени до времени надобно производить переоцѣнку, чтобы дѣлать вычетъ, если цѣнность его уменьшилась отъ времени, или прибавку, если цѣнность увеличилась отъ ремонта и улучшеній. Эта оцѣнка должна составлять капитальную сумму, проценты съ которой по существующей цѣнѣ государственныхъ фондовъ должны составлять годичную цѣнность, съ какой слѣдуетъ опредѣлять налогъ.

Доходы, ниже извѣстной суммы, должны быть изъяты отъ подоходнаго налога; точно такъ же должны быть изъяты отъ налога на дома квартиры ниже извѣстной цѣнности по всеобщему принципу, что предметы, совершенно неоходимые для здоровой жизни, должны быть свободны отъ всякаго налога. Чтобы лица, живущія не въ отдѣльныхъ квартирахъ, а на квартирахъ у другихъ могли

(какъ и требуетъ справедливость) пользоваться этою льготою, платящему нанимающему квартиру, должно дать право оцѣнивать отдѣльно каждую часть квартиры, занимаемую отдѣльнымъ жильцомъ, какъ и допускается теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

ГЛАВА IV.

НАЛОГИ НА ТОВАРЫ.

1. Налогами на товары вообще называются тѣ, которые взимаются или съ производителей или съ лицъ, перевозящихъ товаръ или торгующимъ имъ, служащихъ посредниками между производителями и лицами, покупающими товаръ для окончательнаго потребленія. Налоги, взимаемые прямо съ потребителей извѣстныхъ товаровъ, напримѣръ налогъ на дома или въ Англіи налогъ на лошадей и экипажи, могли бы называться, но не называются, налогами на товаръ; обычай ограничиваетъ это выраженіе косвенными налогами,—тѣми, которые впередъ взимаются съ извѣстнаго лица, въ намѣреніи и ожиданіи, что оно будетъ вознаграждено другимъ лицомъ. Налоги на товары взимаются или съ производства ихъ въ самой странѣ, или со ввоза ихъ въ страну, или съ перевозки ихъ по странѣ, или съ продажи ихъ въ ней; потому раздѣляются на акцизы, таможенные пошлины и внутреннія или транзитныя пошлины. Къ какому изъ этихъ классовъ ни принадлежитъ косвенный налогъ и съ какого фазиса въ движеніи товара ни взимается, онъ равнозначителенъ увеличенію стоимости производства, принимая это выраженіе въ обширнѣйшемъ его смыслѣ, обнимающемъ стоимость провоза и распредѣленія или по обыкновенному выраженію стоимость доставки товара на рынокъ.

Искуственное увеличеніе стоимости производства налогомъ имѣетъ точно такой же результатъ, какъ бы она увеличилась отъ естественныхъ причинъ. Если налогу подвергается лишь одинъ товаръ или лишь нѣкоторые товары, отъ налога поднимается ихъ цѣнность и цѣна, такъ чтобы производитель или торговецъ вознаграждался за это особенное обремененіе; но если налогъ ложится на всѣ товары въ точной пропорціональности съ цѣнностью каждаго, то не будетъ получено такого вознагражденія: общій уровень цѣнностей не поднимется, потому что поднятіе его — нелѣпость; не поднимется и общій уровень цѣнъ, потому что его поднятіе зависитъ отъ совершенно иныхъ причинъ. Но, по справедливому замѣчанію Макъ Куллока, произойдетъ въ цѣнностяхъ нѣкоторое ко-

лебаніе, однѣ изъ нихъ упадутъ, другія поднимутся отъ обстоятельства, вліяніе котораго на цѣнность и цѣны мы уже излагали, — отъ неодинаковой прочности капитала въ разныхъ занятіяхъ. Валовой продуктъ промышленности состоитъ изъ двухъ частей: одна служитъ на замѣщеніе потребленнаго капитала, другая служитъ прибылью. А равная сумма капитала въ двухъ отрасляхъ производства должна имѣть равныя ожиданія прибыли; если же въ одной отрасли основнымъ капиталомъ служитъ большая доля изъ извѣстной суммы капитала или если этотъ основной капиталъ прочнѣе въ ней, чѣмъ въ другой отрасли, то годичное потребленіе капитала въ ней будетъ меньше и меньше будетъ нужно на его возмѣщеніе, такъ что если бы абсолютная величина прибыли была въ ней такая же, какъ въ другой, то составляла бы большую долю въ годичной выручкѣ. Чтобы получить прибыль въ 100 фунтовъ на капиталъ въ 1000 фун., одному производителю нужно продать продукта на цѣнность 1,100 фун., а другому достаточно продать только на 500 фун. Если на обѣ отрасли промышленности установится налогъ въ 5% съ цѣнности продукта, первый производитель заплатитъ 55 ф., а второй лишь 25, и у перваго останется только 45 фунтовъ., а у другаго 75 фун. прибыли. Потому, чтобы уравнялось у нихъ ожиданіе прибыли, цѣна одного товара должна подняться или цѣна другаго товара должна упасть или то и другое вмѣстѣ, цѣна одного подняться и другаго упасть: цѣна товаровъ, производимыхъ преимущественно прямымъ трудомъ, поднимается сравнительно съ товарами, которые выдѣлываются преимущественно машинами. Разсматривать этотъ вопросъ подробнѣе нѣтъ надобности.

2. Будетъ ли налогъ на извѣстный товаръ взиматься съ его производства или съ его ввоза въ страну, или при перевозкѣ по странѣ, или при продажѣ и будетъ ли составлять этотъ налогъ опредѣленную сумму съ извѣстнаго количества товара или составлять извѣстный процентъ съ его цѣнности, отъ него вообще цѣнность и цѣна товара возвысится по крайней мѣрѣ на всю сумму налога, а почти всегда возвысится даже больше, чѣмъ на эту сумму. Во первыхъ почти при всякомъ налогѣ на производство оказывается или полагается нужнымъ постановить для фабрикантовъ или торговцевъ стѣснительныя правила, чтобы не допустить контрабанды. Эти правила всегда бываютъ источникомъ хлопотъ и неудобствъ, а почти всегда и издержекъ; за всѣ эти спеціальныя свои невыгоды производители или торговцы должны вознаграждаться цѣною то-

вара. Часто эти ограничительныя правила мѣшаютъ и производительнымъ процессамъ, требуя, чтобы производитель велъ свои операціи способомъ самымъ удобнымъ для взиманія налога, хотя бы способъ этотъ былъ не самый дешевый и не самый успѣшный для производства. А вообще всякая законодательная регламентація затрудняетъ производителю принятіе новыхъ усовершенствованныхъ процессовъ. Далѣе: надобность впередъ уплачивать налогъ принуждаетъ производителей вести свои операціи капиталомъ большаго размѣра, чѣмъ какой былъ бы достаточенъ безъ налога; и на весь этотъ капиталъ они должны получать обыкновенную прибыль, хотя только часть его употребляется на покрытіе дѣйствительныхъ издержекъ производства или ввоза товара. Цѣна товара должна быть такова, чтобы давать прибыль не на одну естественную цѣнность его, а на цѣнность, большую естественной. Словомъ: часть капитала страны употребляется не на производство, а на предварительный платежъ государству, который долженъ оплатиться цѣною товара; и потребители должны давать продавцамъ вознагражденіе, равное той прибыли, какую получили бы они на эту сумму капитала, еслибы она была дѣйствительно употреблена на производство. Не забудемъ и того, что соперничество въ извѣстной отрасли производства или торговли уменьшается отъ всѣхъ обстоятельствъ, увеличивающихъ размѣръ капитала, необходимаго для занятія этимъ дѣломъ; давая нѣчто похожее на монополію немногимъ капиталистамъ, такое условіе можетъ давать имъ возможность держать цѣну товара выше той, какая давала бы обыкновенную прибыль, или получать обыкновенную прибыль за меньшую степень усилій къ улучшенію и удешевленію своего товара. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ налогъ на товаръ черезъ увеличеніе цѣны товара часто стоитъ потребителю суммы, гораздо большей, чѣмъ какую доставляетъ государственной казнѣ. Есть еще другое обстоятельство. Отъ повышенія цѣны, производимаго налогомъ, почти всегда уменьшается запросъ на товаръ; а въ производствѣ есть много такихъ улучшеній, для осуществленія которыхъ требуется извѣстная величина запроса; такія улучшенія задерживаются или становятся вовсе невозможными отъ налога. Менѣе всего улучшеній дѣлается въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыя вмѣшивается сборщикъ налоговъ,—это фактъ извѣстный; извѣстно и то, что снятіе налога, стѣснявшаго рынокъ для товара служитъ обыкновенно самымъ сильнымъ возбужденіемъ улучшеній въ его производствѣ.

3. Таковы общія дѣйствія налоговъ на товары; но есть товары, цѣнность которыхъ имѣетъ вліяніе на распредѣленіе богатства между разными классами обществами (таковы товары, составляющіе предметъ необходимости для работника), и надобно нѣсколько подробнѣе изслѣдовать дѣйствіе налоговъ на эти товары. Если установляется налогъ положимъ на хлѣбъ и поднимается соразмѣрно ему цѣна хлѣба, результатъ этого вздорожанія бываетъ одинъ изъ двухъ. Вопервыхъ отъ этого можетъ понизиться положеніе рабочихъ классовъ и временнымъ образомъ оно понизится почти неизбѣжно. Если отъ этого работники начинаютъ потреблять земледѣльческихъ продуктовъ меньше прежняго или начинаютъ употреблять пищу, родящуюся изобильнѣе и потому болѣе дешевую, отъ этого въ извѣстной мѣрѣ земледѣліе сжимается на болѣе производительныя земли или на менѣе дорогіе процессы и цѣнность и цѣна хлѣба понижается, такъ что съ прибавкою налога хлѣбъ будетъ продаваться по цѣнѣ, возвысившейся не на всю суму налога, а лишь на часть ея. Но можетъ произойти и другой результатъ: быть можетъ отъ вздорожанія пищи, подвергнувшейся налогу, не понизится обычная норма потребностей работника, а напротивъ черезъ задержку размноженія рабочая плата постепенно поднимется такъ, чтобы работники вознаградились за платимый налогъ; это вознагражденіе разумѣется происходитъ насчетъ прибыли. И такъ налоги на предметы необходимости имѣютъ двоякій результатъ: или понижаютъ состояніе рабочаго класса или требуютъ съ капиталистовъ сверхъ суммы налога, платимой за предметы собственнаго потребленія капиталистовъ, сумму, платимую работниками. Въ послѣднемъ случаѣ налогъ на предметы необходимости, подобно налогу на рабочую плату, оказывается равносиленъ спеціальному налогу на прибыль, который, подобно всѣмъ другимъ неравномѣрнымъ налогамъ, несправедливъ, спеціально вреденъ возрастанію національнаго богатства.

Надобно сказать еще о вліяніи такого налога на ренту. Если предположить, (какъ обыкновенно и бываетъ), что потребленіе пищи не уменьшится отъ налога, то на удовлетвореніе требованію общества нуженъ будетъ прежній размѣръ хлѣбопашества; то, что названо у Чомерса краемъ воздѣлыванія, останется на прежнемъ мѣстѣ; и цѣнность и цѣна всего продукта по прежнему будетъ устанавливаться тою самою частію земли или капитала, какая прежде устанавливала ее, какъ наименѣе производительная часть. Какое дѣйствіе на ренту произведетъ налогъ на земледѣльческій

продуктъ, зависитъ отъ того, измѣняется или не измѣняется налогомъ разница выручки съ наименѣе производительной части и съ другихъ частей земли и капитала. А это зависитъ отъ способа взиманія налога. Если налогъ берется съ цѣнности, иначе сказать составляетъ опредѣленную пропорцію продукта (такова была десятина), то очевидно онъ понижаетъ ренту, оцѣниваемую количествомъ хлѣба: такой налогъ беретъ съ лучшихъ земель больше, чѣмъ съ худшихъ и беретъ соразмѣрно большему ихъ плодородію; земля, вдвое болѣе производительная платитъ десятины вдвое больше. А если изъ большаго изъ двухъ количествъ дѣлается большій вычетъ, то разница между ними уменьшается. Установленіе десятины на хлѣбъ взяло бы десятину и съ ренты, считаемой хлѣбомъ: если въ ряду числъ мы уменьшаемъ каждое на десятую часть, то и разницы между ними уменьшатся на десятую часть.

Напримѣръ пусть будетъ земля пяти сортовъ, дающихъ съ одного пространства при одинаковомъ расходѣ неодинаковый урожай: одинъ сортъ 100, другой 90, третій 80, четвертый 70 и пятый 60 бушелей пшеницы; послѣдній сортъ пусть будетъ низшимъ изъ тѣхъ, какіе надобно воздѣлывать по существующему запросу на пищу. Рента съ этихъ земель будетъ слѣдующая.

Земля дающая			будетъ давать ренту	
100 бушелей			100—60 или 40	бушелей
90	—		90—60 или 30	—
80	—	—	80—60 — 20	—
70	—	—	70—60 — 10	—
60	—	—	не даетъ ренты.	

Пусть теперь будетъ установлена десятина, берущая съ этихъ участковъ: съ 1-го 10, со 2-го 9, съ 3-го 8, съ 4-го 7, съ 5-го 6, бушелей пшеницы. Послѣдній сортъ по прежнему установляетъ цѣну, но за уплатою десятины даетъ фермеру уже только 54 бушеля:

Земля дающая			будетъ давать ренту	
100 бушелей,	уменьшающихся до		90 — 90—54=36	буш.
90	—	—	81 — 81—54=27	
80	—	—	72 — 72—54=18	
70	—	—	63 — 63—54— 9	

А земля производящая 60 бушелей, уменьшающихся до 54, по прежнему не будетъ давать ренты. Итакъ рента перваго сорта потеряла 4 бушеля, втораго сорта—3, третьяго 2, четвертаго 1, т. е. рента каждаго сорта потеряла ровно десятую часть. Слѣдователь-

но налогъ, берущій извѣстную пропорцію продукта, понижаетъ въ той же самой пропорціи ренту, считаемую на хлѣбъ.

Но понизилась отъ него только рента на хлѣбъ, а не рента, считаемая на деньги или на какой нибудь другой товаръ, потому что цѣнность хлѣба составляющаго ренту, поднялась въ той же самой пропорціи, въ какой уменьшилось количество хлѣба, ея составляющаго. При установленіи десятины 54 бушеля будутъ стоить на рынкѣ столько же, сколько стоили прежде 60 бушелей, и $^{9}/_{10}$ частей прежней ренты будутъ продаваться за столько же за сколько продавалась прежде полная рента. Слѣдовательно землевладѣльцы будутъ вознаграждены цѣнностью и цѣною за то, что потеряли въ количествѣ; и убытокъ потерпятъ они лишь на столько, на сколько потребляютъ свою ренту въ натурѣ или получивъ ее деньгами, расходуютъ ее на земледѣльческій продуктъ; т. е. потерпятъ они убытокъ лишь какъ потребители земледѣльческаго продукта и лишь соразмѣрно всѣмъ другимъ потребителямъ. Какъ землевладѣльцы они имѣютъ прежніе доходы; слѣдовательно десятина падаетъ на потребителя, а не на землевладѣльца.

Точно такое же было бы вліяніе на ренту и такого налога, который составлялъ бы не опредѣленную долю продукта, а извѣстную сумму съ квартера или съ бушеля пшеницы. Налогъ, берущій по шиллингу съ каждаго бушеля, беретъ съ одной земли ровно на столько же больше шиллинговъ, чѣмъ съ другой, на сколько больше бушелей пшеницы производитъ она; и дѣйствуетъ онъ совершенно такъ же, какъ десятина, съ тою одною разницею, что десятина, берущая одинаковую пропорцію со всѣхъ земель, беретъ такъ же одинаковую пропорцію и во всѣ годы, а извѣстная денежная плата съ бушеля будетъ составлять иногда большую, а иногда меньшую пропорцію продукта, смотря по дешевизнѣ или дороговизнѣ хлѣба.

Есть другіе способы налога съ земледѣлія, дѣйствующіе на ренту не такъ. Налогъ, соразмѣрный рентѣ, весь падалъ бы на ренту и нимало не поднялъ бы цѣны хлѣба, установляемой тою частью продукта, которая не платитъ ренты. Взиманіе опредѣленной суммы съ каждаго воздѣлываемаго экра имѣло бы дѣйствіе прямо противоположное. Съ самой лучшей земли бралось бы тутъ не больше того, сколько съ самой худшей, потому разницы между землями остались бы прежнія, слѣдовательно и ренты по оцѣнкѣ въ хлѣбѣ остались бы прежнія и все возвышеніе цѣны пошло бы въ выгоду землевладѣльцевъ. Иными словами: цѣна должна под-

няться на столько, чтобы самая худшая земля могла платить налогъ; черезъ это всѣ земли, которыя производительнѣе самой худшей, начинаютъ платить, кромѣ налога, прибавку къ рентѣ въ пользу землевладѣльца. Но такіе налоги — налоги не столько на продуктъ земли, сколько на самую землю. Собственно такъ называемые налоги на продуктъ, будутъ ли взиматься опредѣленною суммой или по цѣнности, не измѣняютъ ренты, а падаютъ на потребителя; но прибыль вообще должна нести или всю сумму или наибольшую долю той суммы платежа, какая берется съ потребленія рабочихъ классовъ.

4. Я полагаю, что въ предъидущихъ словахъ правильно изложено вліяніе, какое имѣютъ при своемъ установленіи налоги на земледѣльческій продуктъ. Но когда они существуютъ издавна, то они могутъ обнаруживать иное вліяніе, что первый указалъ, какъ мнѣ кажется, Синьйоръ. Мы видѣли, что отъ уменьшенія прибыли почти неизбѣжно замедляется ходъ накопленія. А если накопленіе сопровождается размноженіемъ населенія, какъ обыкновенно и бываетъ, то отъ него возвышается цѣнность и цѣна пищи, возвышается рента и понижается прибыль, т. е. результаты его точно таковы же, какъ результаты налога на земледѣльческій продуктъ, съ тою одною разницею, что отъ налога на земледѣльческій продуктъ не возвышается рента. Такимъ образомъ налогъ на земледѣльческій продуктъ только ускоряетъ возвышеніе цѣны и упадокъ прибыли, — факты, которые произошли бы напослѣдокъ и безъ налога отъ одного прогресса накопленія; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ прекращаетъ или по крайней мѣрѣ замедляетъ этотъ прогрессъ. Если до установленія десятины размѣръ прибыли былъ таковъ, что десятина доводитъ ее до практическаго minimum, то установленіе десятины прекратитъ всякое дальнѣйшее накопленіе или заставитъ это накопленіе уходить за границу; и единственнымъ результатомъ для потребителя будетъ то, что она заставляетъ потребителя раньше платить цѣну, которую безъ десятины пришлось бы ему платить нѣсколько позднѣе, часть которой впрочемъ пришлось бы ему платить почти тогда же по постепенному прогрессу богатства и размноженія. По истеченіи времени когда отъ естественныхъ успѣховъ богатства произошло бы возвышеніе цѣны на десятую часть, потребитель станетъ платить не больше того, сколько платилъ бы еслибы десятины вовсе не существовало: потребитель тутъ уже не платитъ никакой доли изъ десятины, а въ сущности платитъ всю десятину землевладѣлецъ, лишающійся отъ нея той прибавки

къ рентѣ, какая возникла бы въ теченіе этого времени. А по истеченіи этого срока съ каждымъ годомъ все меньшая и меньшая часть десятины будетъ оставаться на потребителѣ и все большая и большая часть будетъ ложиться на землевладѣльца; и въ окончательномъ результатѣ общество дойдетъ до minimum прибыли при меньшемъ капиталѣ и населеніи и при существованіи меньшей суммы рентъ, чѣмъ дошло бы тогда, когда бы ходъ дѣлъ не нарушался установленіемъ налога. Если же отъ десятины или другаго налога на земледѣльческій продуктъ прибыль понижается не до minimum'а, а до какой нибудь степени, еще превышающей minimum, накопленіе не совершенно прекратится, а только ослабится, и если населеніе также будетъ размножаться, то это двоякое возрастаніе по прежнему будетъ производить свои слѣдствія: цѣна хлѣба будетъ подниматься, а рента возрастать. Но эти послѣдствія будутъ происходить не съ такою быстротою какъ тогда, если бы продолжалась высота прибыли. Черезъ 20 лѣтъ страна будетъ имѣть меньше населенія и капитала, чѣмъ имѣла бы къ этому времени безъ налога; землевладѣльцы будутъ имѣть меньше ренты, а цѣна хлѣба, возрастая не такъ быстро какъ возрастала бы безъ налога, не будетъ на десятую долю выше того, какова была бы безъ налога. Слѣдовательно часть налога уже перестанетъ лежать на потребителѣ и перейдетъ на землевладѣльца; и съ теченіемъ времени часть эта будетъ становиться все больше и больше.

Синьйоръ разъясняетъ это понятіе, сравнивая дѣйствіе десятины и другихъ налоговъ на земледѣльческій продуктъ съ результатами естественнаго безплодія почвы. Если бы земля страны, недоступной заграничному подвозу, была внезапно поражена постояннымъ ухудшеніемъ качества въ такой степени, чтобы для полученія прежняго продукта стало нужно труда на десятую часть больше прежняго, то цѣна хлѣба несомнѣнно поднялась бы на $^1/_{10}$ часть. Но изъ этого нельзя еще заключать, что еслибы почва страны съ самаго начала была на десятую часть хуже нынѣшняго, то хлѣбъ былъ бы на $^1/_{10}$ часть дороже своей нынѣшней цѣны. Гораздо вѣроятнѣе то, что отъ меньшей выручки за трудъ и капиталъ съ самаго начала поселенія въ этой странѣ при каждой смѣнѣ поколѣній размноженіе было бы менѣе быстро, чѣмъ каково было при дѣйствительныхъ условіяхъ; что страна имѣла бы меньше капитала и кормила бы меньшее число населенія, чѣмъ теперь, такъ что несмотря на худшее качество почвы цѣна хлѣба

*

была бы не выше, а прибыль не ниже нынѣшняго. Предположимъ два острова, равные по пространству, по естественному плодородію и по промышленнымъ успѣхамъ; предположимъ, что до извѣстнаго времени они были равны населеніемъ и капиталомъ, имѣли одинаковую ренту и одинаковую цѣну хлѣба. Представимъ себѣ, что на одномъ изъ этихъ острововъ установлена десятина, а на другомъ не установлена. Тотчасъ же на нихъ явится разница въ цѣнѣ хлѣба, отъ нея конечно и въ величинѣ прибыли. Пока ни на томъ, ни на другомъ островѣ прибыль не понижается, т. е. пока улучшенія въ производствѣ предметовъ необходимости успѣваютъ не отставать отъ хода размноженія, эта разница цѣнъ и прибыли между островами будетъ продолжаться. Но если на томъ островѣ, гдѣ нѣтъ десятины, капиталъ и съ нимъ вмѣстѣ населеніе возрастутъ на столько, что превозмогутъ всѣ произведенныя улучшенія, то цѣна хлѣба постепенно поднимется, прибыль упадетъ и рента увеличится; а на томъ островѣ, гдѣ существуетъ десятина, капиталъ и населеніе или не возрастаютъ быстрѣе хода улучшеній или, если возрастаютъ быстрѣе его, то все-таки меньше, чѣмъ на первомъ островѣ, такъ что рента и цѣна хлѣба или вовсе не будутъ возрастать или будутъ возрастать медленнѣе. Потому рента на островѣ, гдѣ нѣтъ десятины, скоро будетъ выше, чѣмъ на островѣ, гдѣ существуетъ десятина, а прибыль будетъ на немъ не на столько выше и хлѣбъ не на столько дешевле сравнительно съ первымъ островомъ, какъ было въ первое время по установленіи десятины. Ходъ этихъ результатовъ будетъ постепенный. Черезъ каждыя 10 лѣтъ разница ренты, разница суммы богатства и величины населенія между островами будетъ увеличиваться, а разница между ними по высотѣ прибыли и по цѣнѣ хлѣба уменьшаться.

На какой степени совершенно прекратится разница между ними по величинѣ прибыли и по цѣнѣ хлѣба и временное вліяніе налога на земледѣльческій продуктъ, состоящее въ возвышеніи цѣны, совершенно уступитъ мѣсто окончательному результату налога состоящему въ уменьшеніи общаго продукта страны? Островъ, гдѣ нѣтъ десятины, постоянно стремится на такую степень, на которой цѣна хлѣба тамъ была бы выше, чѣмъ на островѣ, гдѣ существуетъ десятина, но его стремленіе къ этой степени естественно ослабляется по мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ ней: разница между этими островами по быстротѣ накопленія опредѣляется разницею величины прибыли на нихъ; а по мѣрѣ того

какъ эти величины сближаются, ослабѣваетъ энергія движенія, сближающаго ихъ. Первый островъ не можетъ фактически возвыситься надъ вторымъ, пока оба они не достигнутъ minimum'а, прибыли; а до этой поры первый островъ можетъ по цѣнѣ хлѣба быть больше или меньше впереди острова, не имѣющаго десятины. Онъ будетъ много впереди его, пока далекъ отъ minimum'а и потому пока быстро производитъ накопленіе; онъ будетъ очень мало впереди его, когда близокъ къ minimum'у и накопляетъ медленно.

То, что происходитъ на этихъ двухъ островахъ, по нашей гипотезѣ, прилагается ко всякой странѣ, имѣющей десятину сравнительно съ тѣмъ, каковъ былъ бы въ ней ходъ вещей, еслибы никогда не имѣла она десятины.

Сильное выселеніе капитала и почти періодическое повтореніе коммерческихъ кризисовъ отъ спекуляціи, порождаемой обыкновенною низкостью прибыли, служитъ въ Англіи признакомъ, что прибыль уже достигла если не теоретическаго, то практическаго minimum, и что всѣ сбереженія превосходящія мѣсто, очищаемое для новыхъ сбереженій улучшеніями, удешевляющими предметы необходимости, — всѣ эти сбереженія или отправляются заграницу или періодически уничтожаются. Потому трудно, кажется мнѣ, сомнѣваться въ томъ, что еслибы Англія никогда не имѣла ни десятины, никакого другаго налога на земледѣльческій продуктъ, то цѣна хлѣба въ ней была бы нынѣ не ниже, а величина прибыли не выше нынѣшняго. Не говорю уже о томъ, что еслибы прибыль не была преждевременно понижена этими налогами, то накопленіе шло бы быстрѣе: для произведенія такого результата было бы уже совершенно достаточно одно сбереженіе той части капитала, которая растратилась на неуспѣшныя спекуляціи и удержаніе въ странѣ части того капитала, который пересланъ заграницу. Потому я раздѣляю мнѣніе Синьйора, что десятина еще и до своей замѣны другими налогами перестала понижать прибыль или возвышать цѣну хлѣба, и сдѣлалась простымъ вычетомъ изъ ренты; другая сторона ея вліянія состояла въ томъ, что она уменьшала капиталъ, производство и число населенія на столько, какъ будто земля въ Англіи была менѣе настоящаго плодородна на десятую часть, или лучше сказать на двадцатую часть, (потому что очень значительная часть земли въ Великобританіи освобождена отъ десятины).

Но хотя десятина и другіе налоги на земледѣльческій про-

дуктъ, если существуютъ издавна, то или вовсе не возвышаютъ цѣны на хлѣбъ и не понижаютъ прибыли, или производятъ это дѣйствіе не на всю свою величину; однакоже отмѣненіе такихъ налоговъ все-таки уменьшаетъ цѣну хлѣба и вообще возвышаетъ процентъ прибыли. Уничтоженіемъ десятины отнимается десятая часть стоимости производства, а слѣдовательно и цѣны всего земледѣльческаго продукта; и если отъ этого не возвысится постоянная норма потребностей работника, то понизится стоимость труда и возвысится прибыль. По оцѣнкѣ на деньги или на товары рента вообще остается прежняя, а по оцѣнкѣ на земледѣльческій продуктъ она возвышается отмѣною десятины; страна на столько же расширяетъ интервалъ между собою и неподвижнымъ состояніемъ, на сколько отрѣзано было изъ этого интервала установленіемъ десятины. Быстрота накопленія сильно увеличивается, и если населеніе такъ же возрастаетъ, цѣна хлѣба немедленно начинаетъ возстановляться, а рента подниматься, постепенно перенося такимъ образомъ выгоду отмѣны отъ потребителя къ землевладѣльцу.

Замѣненіе десятины вычетомъ изъ ренты въ родѣ того, какъ въ Англіи по Commutation Act'у, имѣетъ такое же вліяніе, какъ и отмѣна десятины. Когда налогъ, взимавшійся со всего продукта земли, замѣняется налогомъ на тѣ участки земли, которые даютъ ренту и не касается уже участковъ, вновь обращаемыхъ подъ воздѣлываніе, то онъ уже не составляетъ части стоимости производства той доли продукта, по которой установляется цѣна всего продукта. Часть земли или капитала, не платящая ренты, можетъ теперь посылать свой продуктъ на рынокъ дешевле прежняго на десятую долю. Потому замѣненіе десятины налогомъ на ренту должно было произвести значительное пониженіе средней цѣны хлѣба. Еслибы замѣна эта не была произведена такъ постепенно и еслибы цѣна хлѣба въ этотъ періодъ не подверглась вліянію разныхъ другихъ измѣняющихъ ее причинъ, то конечно дѣйствіе этой замѣны было бы очень замѣтно. Но и теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что обстоятельство это содѣйствовало происшедшему пониженію стоимости производства и цѣны англійскаго хлѣба; но его вліяніе было замаскировано вліяніемъ великихъ земледѣльческихъ улучшеній, происходившихъ въ тотъ же періодъ и допущеніемъ свободнаго привоза заграничнаго земледѣльческаго продукта. Самъ по себѣ этотъ упадокъ цѣны не былъ бы убыточенъ для земледѣльца, потому что рента возрасла количествомъ

хлѣба въ той же самой пропорціи, въ какой уменьшилась цѣна хлѣба. Но не имѣетъ эта перемѣна и тенденціи увеличивать доходъ землевладѣльца. Потому замѣна десятины вычетомъ изъ ренты составляетъ чистую потерю для землевладѣльцевъ при окончаніи прежнихъ контрактовъ; и не была эта замѣна простымъ измѣненіемъ въ способѣ взиманія налога, уже лежавшаго на землевладѣльцѣ, а была установленіемъ новаго налога на него: облегченіе было дано тутъ потребителю насчетъ землевладѣльца, который впрочемъ тотчасъ же началъ получать прогрессивно увеличивающееся вознагражденіе насчетъ потребителя, благодаря тому, что усилилось отъ этой перемѣны накопленіе и размноженіе.

5. Вліяніе налоговъ на товары разсматривали мы до сихъ поръ въ томъ предположеніи, что они безпристрастно взимаются со всѣхъ тѣхъ способовъ, какими можетъ товаръ доставляться на рынокъ. Иной рядъ соображеній открывается, когда мы предположимъ, что это безпристрастіе не соблюдается и что налогъ установленъ не на товаръ, а на какой нибудь извѣстный способъ полученія этого товара.

Предположимъ, что товаръ можно производить двумя разными процессами (напр. мануфактурный товаръ можно производить ручною работою и паровой машиною; сахаръ можно дѣлать изъ тростника и изъ свекловицы; скотъ можно откармливать сѣномъ и кормовыми травами или выжимками изъ масляныхъ сѣмянъ и бардою). Выгода общества требуетъ, чтобы изъ этихъ двухъ способовъ производители выбирали тотъ, по которому товаръ получается лучшаго сорта по дешевѣйшей цѣнѣ. Въ этомъ находятъ свою выгоду и производители, если не охраняются отъ соперничества и не прикрываются отъ убытковъ за беззаботность; они находятъ выгоднымъ для себя окончательно принимать тотъ процессъ, который наиболѣе выгоденъ для общества, если тутъ нѣтъ правительственнаго вмѣшательства. Но предположимъ, что одинъ изъ этихъ процессовъ подвергнутъ налогу, а другой совершенно свободенъ отъ него. Если налогу подвергнутъ тотъ процессъ, котораго не приняли бы сами производители, это чистый вздоръ. Но если налогъ установленъ (какъ всегда и стараются установить его) на тотъ процессъ, который приняли бы производители то налогомъ создается искусственное побужденіе предпочитать процессъ, оставшійся свободнымъ отъ налога, хотя онъ и хуже. Потому если налогъ не остается пустымъ словомъ, товаръ при немъ производится худшаго качества или съ большимъ расходомъ труда; много труда въ обществѣ тратится понапрасну, и капиталъ, употребляемый на содержаніе

и вознагражденіе этого труда, расходуется такъ же безплодно, какъ будто бы тратился на наемъ людей, чтобы они копали ямы и потомъ закапывали ихъ. Эта потеря труда и капитала составляетъ прибавку къ стоимости производства товара и, соразмѣрно ей, возвышается цѣнность и цѣна; черезъ это вознаграждаются собственники капитала. Потеря падаетъ на потребителей; но при этомъ можетъ уменьшаться и капиталъ страны отъ того, что уменьшаются у потребителей средства, а въ извѣстной степени и побужденія къ сбереженію.

Такимъ образомъ налогъ, падающій на одинъ изъ разныхъ способовъ производства, нарушаетъ собою правило, что налоги должны брать съ платящаго лица какъ можно меньшую сумму сверхъ той, какую приносятъ въ государственную казну. При такомъ налогѣ потребитель платитъ два разные налога, изъ которыхъ лишь одинъ и часто меньшій уплачивается правительству. Если подвергнуть пошлинѣ тростниковый сахаръ, оставивъ безъ пошлины свекловичный, пошлина съ того тростниковаго сахара, производство котораго будетъ продолжаться, будетъ идти правительству и, быть можетъ, этотъ налогъ самъ по себѣ былъ бы ничѣмъ не хуже другихъ налоговъ; но если тростниковый сахаръ, бывшій прежде дешевле свекловичнаго, станетъ дороже его и въ значительной степени замѣнится имъ, такъ что будутъ устроены свекловичныя плантаціи и свекло-сахарные заводы, то правительство не будетъ получать отъ свекловичнаго сахара никакого дохода, а потребители его будутъ въ сущности платить налогъ. Они будутъ платить за свекловичный сахаръ дороже, чѣмъ платили прежде за тростниковый, и излишекъ этотъ будетъ идти на вознагражденіе производителямъ за ту часть національнаго труда, которая тратится совершенно задаромъ оттого, что трудомъ, напримѣръ, трехъ сотъ человѣкъ производится теперь то, что при другомъ процессѣ могло бы производиться трудомъ лишь двухъ сотъ человѣкъ.

Самый обыкновенный разрядъ этихъ неравномѣрныхъ налоговъ — взиманіе налога со ввоза товара, который можетъ производиться въ самой странѣ безъ установленія соразмѣрнаго налога на внутреннее производство. Постоянный ввозъ товара можетъ происходить лишь тогда, когда изъ-за границы получается онъ съ меньшимъ валовымъ расходомъ труда и капитала, чѣмъ стоило бы его внутреннее производство. Поэтому если отъ таможенной пошлины становится дешевле производить товаръ въ странѣ, чѣмъ привозить его изъ-за границы, то безъ всякой прибавки къ ре-

зультату расходуется лишнее количество труда и капитала. Трудъ этотъ безполезенъ, а капиталъ растрачивается на то, чтобы дурачлика платила за хлопотливое бездѣлье. Итакъ всѣ тѣ таможенныя пошлины, которыя служатъ поощреніемъ къ производству въ самой странѣ товара ими обложеннаго, — чрезвычайно убыточный способъ полученія государственнаго дохода.

Въ особенности должно сказать это о налогахъ на земледѣльческій продуктъ, если они не уравновѣшиваются акцизами на внутреннее производство. Сравнительно съ тѣмъ, что берутъ такіе налоги съ потребителей, они приносятъ казнѣ меньше дохода, чѣмъ всякіе другіе налоги, употребительные у цивилизованныхъ народовъ. Если производится въ странѣ 20 милліоновъ квартеровъ пшеницы, а потребляется 21 милліонъ, такъ что ежегодно ввозится одинъ милліонъ, и если на этотъ милліонъ наложена пошлина, поднимающая цѣну 10-ю шиллингами на квартеръ, то цѣна поднимается не на одномъ этомъ милліонѣ, а на всѣхъ 21 милліонахъ. Предположивъ и тотъ самый благопріятный, но чрезвычайно невѣроятный случай, что ввозъ ни мало не стѣсняется, а внутреннее производство ни мало не расширяется отъ этой пошлины, мы видимъ, что государство получаетъ лишь 500 тысячъ дохода, а потребители платятъ 10,500,000 фунтовъ налога, изъ которыхъ 10 милліоновъ служатъ контрибуціею внутреннимъ производителямъ хлѣба, принужденнымъ по соперничеству отдавать всю эту сумму землевладѣльцамъ. И такъ потребитель платитъ землевладѣльцамъ добавочный налогъ въ 20 разъ большій того налога, какой платитъ онъ государству. А предположимъ теперь, что пошлиною стѣсняется ввозъ. Предположимъ, что въ обыкновенные годы ввозъ совершенно устраняется ею, потому что милліонъ квартеровъ можно получить посредствомъ болѣе высокаго воздѣлыванія или посредствомъ распахиванія худшей земли съ надбавкою менѣе 10 шиллинговъ на прежнюю цѣну, напримѣръ 5 шиллинговъ на квартеръ. Казна теперь не получаетъ ничего кромѣ какъ съ того экстреннаго ввоза, который случается въ неурожайный годъ. Но потребители ежегодно платятъ налогъ по 5 шиллинговъ на всѣ 21 милліонъ квартеровъ, т. е. платятъ 5,250,000 фунтовъ. Изъ этой суммы 250,000 ф. идутъ на вознагражденіе лицъ, которыя произвели послѣдній милліонъ квартеровъ за трудъ и капиталъ, растраченный по законодательному принужденію. Остальные 5 милліоновъ попрежнему идутъ на обогащеніе землевладѣльцевъ.

Такое вліяніе имѣютъ при своемъ установленіи законы, из-

вѣстные подъ техническимъ именемъ хлѣбныхъ законовъ; и оно продолжается пока отъ ихъ вліянія сколько нибудь зависитъ высокая цѣна хлѣба. Но я вовсе не думаю, чтобы они могли долгое время содѣйствовать высотѣ цѣнъ или рентъ такъ сильно, какъ можно было бы предположить по этимъ соображеніямъ. То, что мы сказали о вліяніи десятинъ и другихъ налоговъ на земледѣльческій продуктъ, въ значительной степени примѣняется и къ хлѣбнымъ законамъ: они искуственно вводятъ раньше срока ту высоту цѣны и ренты, которая и безъ нихъ явилась бы отъ прогресса населенія и производства. Страна, уже долго имѣющая хлѣбные законы, отличается отъ страны не имѣющей ихъ не столько тѣмъ, что цѣна въ ней выше или рента больше, сколько тѣмъ, что ту же самую цѣну и ту же самую ренту имѣетъ она при меньшей суммѣ капитала и меньшемъ населеніи. Отъ установленія хлѣбныхъ законовъ поднимается рента, но замедляется тотъ прогрессъ накопленія, который безъ этихъ законовъ довольно скоро поднялъ бы ренту до такой же высоты. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ имѣетъ тенденцію понижать ренту, но развязываетъ силу, которая при прогрессивномъ состояніи капитала и населенія возстановляетъ и даже увеличиваетъ прежнюю высоту ренты. Судя по всему, надобно ожидать, что при свободномъ ввозѣ хлѣба, на который вынуждены были согласиться господствующіе въ Англіи классы, цѣна хлѣба станетъ постоянно, но постепенно возвышаться, если размноженіе будетъ продолжаться, хотя навремя этотъ результатъ можетъ быть отсроченъ начавшимся въ Англіи (и могущимъ расшириться на другія страны) сильнымъ движеніемъ къ развитію земледѣльческой науки и къ большему примѣненію ея къ практикѣ.

То, что мы сказали вообще о ввозныхъ пошлинахъ, примѣняется также къ тѣмъ дифференціальнымъ пошлинамъ, которыя покровительствуютъ ввозу товара изъ извѣстнаго мѣста или извѣстнымъ способомъ въ противоположность другимъ мѣстамъ или способамъ; напримѣръ къ льготамъ въ пользу продукта колоніи или страны, съ которою заключенъ торговый договоръ или къ тому, что до недавняго времени бралась въ Англіи болѣе высокая пошлина съ товаровъ, привозимыхъ не на англійскихъ корабляхъ. Какими доводами ни защищать эту неравномѣрность, но если она не остается пустымъ словомъ, она убыточна въ экономическомъ отношеніи. Она заставляетъ обращаться къ убыточнѣйшему способу полученія товара вмѣсто болѣе дешеваго спосо-

ба и отъ этого напрасно жертвуется часть труда, который употребляетъ страна на свое снабженіе заграничными товарами.

6. Надобно обратить вниманіе еще на одну сторону вліянія налоговъ на товары, перевозимые изъ страны въ страну,—вопросъ о ихъ вліяніи на международные обмѣны. Всякій налогъ на товаръ имѣетъ тенденцію возвышать его цѣну и слѣдовательно уменьшать запросъ на него на томъ рынкѣ, гдѣ онъ продается. Потому всѣ налоги на международную торговлю имѣютъ тенденцію производить нарушеніе и перестановку въ уравненіи международнаго запроса. Это замѣчаніе ведетъ къ выводамъ, довольно страннымъ, указаннымъ нами въ статьѣ о международной торговлѣ, на которую мы уже нѣсколько разъ ссылались въ этомъ трактатѣ.

Налоги на внѣшнюю торговлю бываютъ двухъ родовъ, на ввозъ и на вывозъ. Съ перваго взгляда кажется, будто тѣ и другіе налоги уплачиваются потребителями товара, т. е. налоги на вывозъ падаютъ исключительно на иностранцевъ, а налоги на ввозъ исключительно на внутреннихъ потребителей. Но въ дѣйствительности ходъ вещей гораздо многосложнѣе.

«Установленіемъ пошлины съ вывоза можно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ произвести намъ выгоднѣйшій для себя раздѣлъ выгодъ торговли. Есть случаи, въ которыхъ мы можемъ брать въ свою пользу съ иностранцевъ не только всю сумму, но даже и больше, чѣмъ всю сумму налога; въ другихъ случаяхъ мы пріобрѣтемъ ровно сумму налога; въ иныхъ случаяхъ лишь меньше, чѣмъ эту сумму. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы несемъ часть налога, иногда и весь налогъ, а иногда, какъ увидимъ, даже и больше, чѣмъ весь налогъ».

Возвращаясь къ гипотезѣ, которою пользуемся мы въ статьѣ о международной торговлѣ,—гипотезѣ торговли сукномъ и полотномъ между Германіею и Англіею, «предположимъ, что Англія установляетъ пошлину съ вывозимаго ею сукна, — пошлину, не столь высокую, чтобы Германія нашла нужнымъ сама производить сукно для себя. Цѣна, по которой продается сукно въ Германіи, возвышается на величину налога. Отъ этого, по всей вѣроятности, уменьшится количество потребляемаго тамъ сукна. Оно можетъ уменьшиться на столько, что даже и по увеличившейся цѣнѣ Германія будетъ требовать сукна на денежную цѣнность, меньшую прежней. А быть можетъ оно вовсе не уменьшится, или уменьшится такъ незначительно, что отъ возвышенія цѣны будетъ покупаться его на

денежную цѣнность, большую прежней. Въ этомъ случаѣ Англія выиграетъ на счетъ Германіи не только на всю сумму пошлины, но даже больше этой суммы: денежная цѣнность ея вывоза въ Германію возрастаетъ, а денежная цѣнность ея ввоза остается прежняя, потому деньги пойдутъ изъ Германіи въ Англію. Цѣна сукна поднимется въ Англіи, слѣдовательно и въ Германіи; а цѣна полотна упадетъ въ Германіи, слѣдовательно и въ Англіи. Вывозъ сукна у насъ будетъ увеличиваться, а ввозъ полотна уменьшаться, пока равновѣсіе возстановится. Изъ этого мы видимъ, — выводъ, на первый взглядъ нѣсколько странный, — что могутъ встрѣчаться такія обстоятельства, при которыхъ Англія, обложивъ пошлиною свой вывозъ, можетъ выиграть отъ своихъ заграничныхъ покупателей всю сумму налога и сверхъ того получать ввозимые товары дешевле прежняго. Они удешевятся для нея двоякимъ образомъ: она будетъ покупать ихъ на меньшую сумму денегъ, а между тѣмъ будетъ имѣть большую сумму денегъ для ихъ покупки. Наоборотъ, Германія подвергнется двойному убытку: она должна будетъ платить за сукно цѣну увеличившуюся и отъ налога и отъ перехода денегъ въ Англію, а между тѣмъ отъ этой самой перемѣны въ распредѣленіи благородныхъ металловъ у ней останется меньше денегъ на покупку сукна.

«Но это лишь одинъ изъ трехъ возможныхъ случаевъ. Если по установленіи налога количество сукна, требуемаго Германіею, уменьшится на столько, что цѣнность требуемой суммы останется прежняя, то торговый балансъ останется безъ перемѣны; Англія выиграетъ только сумму налога, Германія потеряетъ только сумму налога. Но если отъ установленія пошлины запросъ уменьшится до того, что Германія будетъ требовать сукна на денежную цѣнность, меньшую прежней, то нашъ вывозъ станетъ уже недостаточенъ на уплату за нашъ ввозъ; деньги должны пойти изъ Англіи въ Германію и увеличится доля выгоды, получаемой Германіею отъ торговли. Отъ этой перемѣны въ распредѣленіи денегъ сукно въ Англіи упадетъ; потому разумѣется упадетъ оно и въ Германіи. Итакъ Германія будетъ платить не всю сумму налога. Отъ той же самой причины цѣна полотна поднимется въ Германіи, слѣдовательно и въ Англіи. Когда этимъ измѣненіемъ цѣнъ запросъ уравновѣсится такъ, что сукно и полотно снова будутъ оплачиваться другъ другомъ, результатъ будетъ тотъ, что Германія станетъ платить лишь часть налога, а остальная часть суммы, доставленной въ нашу казну налогомъ, косвенно будетъ взята изъ кошелька нашихъ по-

требителей полотна, которые платятъ теперь за этотъ ввозный товаръ дороже прежняго отъ установленія пошлины на нашъ вывозъ и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ перехода денегъ за границу, имѣютъ на покупку полотна по этой увеличившейся цѣнѣ денежныхъ доходовъ меньше прежняго.

«Возможенъ въ дѣйствительности и тотъ случай, что отъ установленія пошлины на нашъ вывозъ мы не только ничего не выиграемъ съ иностранцевъ, платя пошлину изъ своего кошелька, а напротивъ можемъ даже заставить своихъ соотечественниковъ платить еще второй налогъ въ пользу иностранцевъ. Предположимъ, какъ прежде, что запросъ Германіи на сукно уменьшился отъ установленія пошлины на столько, что Германія требуетъ сукна на денежную цѣнность, меньшую прежней; но что относительно полотна, въ Англіи дѣло идетъ иначе,—что при возвышеніи цѣны его запросъ или вовсе не уменьшается, или уменьшается такъ незначительно, что сукна въ Англіи требуется на денежную цѣнность, большую прежней. Первый результатъ пошлины по прежнему будетъ тотъ, что вывозимымъ сукномъ не будетъ уже оплачиваться ввозимое полотно, потому деньги пойдутъ изъ Англіи въ Германію. Однимъ изъ результатовъ этого будетъ возвышеніе цѣны полотна въ Германіи, слѣдовательно и въ Англіи. Но по нашему предположенію теченіе денегъ изъ Англіи отъ этого не останавливается, а напротивъ, только усиливается, потому что, чѣмъ выше цѣна, тѣмъ больше будетъ денежная цѣнность потребляемаго полотна. Итакъ равновѣсіе можетъ возстановиться лишь другимъ результатомъ, развивающимся вмѣстѣ съ этимъ: цѣна полотна падаетъ на англійскомъ, слѣдовательно и на германскомъ рынкѣ. Даже при такомъ упадкѣ цѣны сукна, что она со включеніемъ налога будетъ уже не превышать той, какая была первоначально безъ налога, нѣтъ необходимости прекращаться дальнѣйшему упадку: прежняя масса вывоза теперь уже недостаточна на уплату за ввозъ, денежная цѣнность котораго увеличилась, и хотя германскіе потребители получаютъ теперь сукно по прежней цѣнѣ, а денежные доходы ихъ увеличились; но, быть можетъ, и не станутъ они употреблять эту прибавку своихъ доходовъ на то, чтобы покупать сукна больше прежняго. Итакъ, очень можетъ быть, что для возстановленія равновѣсія цѣнѣ сукна, надобно упасть больше, чѣмъ на всю сумму пошлины; быть можетъ, что Германія, при налогѣ на вывозъ сукна изъ Англіи, станетъ получать сукно дешевле, чѣмъ получала безъ налога; этотъ выигрышъ она получитъ на счетъ англійскихъ потребителей

полотна, которые кромѣ того будутъ въ сущности уплачивать весь доходъ, получаемый англійской таможнею подъ именемъ пошлины съ вывоза сукна».

Едва ли есть надобность замѣчать, что сукно и полотно служатъ здѣсь представителями вывоза и ввоза вообще; и что если отъ пошлины съ вывоза увеличивается стоимость ввоза, эта перемѣна будетъ простираться на ввозъ изо всѣхъ странъ, а не въ особенности только на тѣ товары, которые ввозятся изъ одной той страны, куда посылаются товары, обложенные вывозною пошлиною.

«Таковы чрезвычайно разнородныя послѣдствія, могущія происходить для насъ и для нашихъ покупателей отъ установленія пошлинъ на нашъ вывозъ; и условія, отъ которыхъ зависитъ появленіе того, а не другаго послѣдствія, такъ малоизвѣстны, что почти невозможно бываетъ, даже и по установленіи налога, съ достовѣрностью узнать, выгоду или убытокъ онъ принесъ намъ». Вообще впрочемъ дѣло почти достовѣрное, что страна, установляющая вывозныя пошлины, успѣваетъ заставить чужія земли платить больше или меньше денегъ въ ея казну; но всю сумму, доставляемую вывозною пошлиною, получитъ она съ иностранцевъ развѣ тогда, когда заграничный запросъ на обложенный пошлиною товаръ чрезвычайно настоятеленъ *). «А во всякомъ случаѣ, выигрываемое нами служитъ убыткомъ кому нибудь и кромѣ того взиманіе пошлины стоитъ расходовъ; потому еслибы правила международной нравственности вѣрно понимались и соблюдались, такія пошлины, будучи противны всеобщему благу, не существовали бы».

Мы говорили, о вывозныхъ пошлинахъ, перейдемъ теперь къ пошлинамъ болѣе обыкновеннымъ, — къ пошлинамъ съ ввозимыхъ товаровъ. «Мы имѣли примѣръ тому, что пошлина съ вывоза, т. е. съ иностранцевъ, падаетъ отчасти на самихъ насъ, потому не удивимся мы, если найдемъ, что пошлина съ ввоза, т. е. съ насъ, падаетъ частію на иностранцевъ.

---

*) Изъ всѣхъ извѣстныхъ примѣровъ большаго дохода, получаемаго съ иностранцевъ чрезъ вывозную пошлину, едва ли не самый поразительный — торговля опіумомъ съ китайцами. Дороговизна опіума при правительственной монополіи (равнозначительная высокой вывозной пошлинѣ) такъ мало ослабляетъ его потребленіе, что, говорятъ, будто бы опіумъ иногда продавался въ Китаѣ на вѣсъ серебра.

«Предположимъ, что пошлиною обложено не сукно, вывозимое нами, а полотно, ввозимое къ намъ. Предполагаемая нами пошлина должна быть не такая, какая называется охранительною, т. е. не должна быть такъ высока, чтобы возбуждать насъ самихъ производить полотно. Еслибы она была такова, она совершенно уничтожила бы торговлю и сукномъ и полотномъ и обѣ страны потеряли бы всю выгоду, какую прежде получали отъ обмѣна этихъ товаровъ. Мы предполагаемъ такую пошлину, отъ которой можетъ быть и уменьшится потребленіе полотна, но которая не помѣшаетъ намъ по прежнему ввозить изъ-за границы все полотно, потребляемое нами.

«Равновѣсіе торговли нарушится, если отъ установленія пошлины хотя сколько нибудь уменьшится количество потребляемаго полотна. Пошлина взимается въ нашей таможнѣ, стало быть Германія получаетъ лишь прежнюю цѣну, хотя англійскій потребитель платитъ высшую. Потому, если уменьшится покупаемое количество, то хотя бы расходовалась на полотно въ Англіи сумма денегъ больше прежняго, уменьшится сумма денегъ, какую должна заплатить Англія Германіи; эта сумма уже не будетъ равноцѣнна суммѣ, какую должна заплатить Англіи Германія за полотно; потому балансъ надобно уплатить деньгами. Цѣны въ Германіи упадутъ, а въ Англіи поднимутся; полотно упадетъ на германскомъ рынкѣ, сукно поднимется на англійскомъ. Нѣмцы должны будутъ платить за сукно дороже прежняго, а денежные доходы на покупку его у нихъ будутъ меньше; напротивъ, англичане будутъ получать полотно дешевле прежняго, т. е. цѣна его будетъ превышать прежнюю цѣну меньше, чѣмъ на величину пошлины, а средства ихъ для покупки полотна увеличатся увеличеніемъ ихъ денежныхъ доходовъ.

«Если отъ установленія пошлины не уменьшается запросъ, торговля останется совершенно въ прежнемъ положеніи. Мы будемъ и ввозить, и вывозить столько же, какъ прежде; и вся сумма налога будетъ уплачиваться изъ нашихъ кошельковъ.

«Но отъ установленія пошлины съ товара, почти всегда уменьшается запросъ на товаръ, а увеличиться онъ отъ него никакъ не можетъ. Потому можно считать правиломъ, что налогъ на ввозимые товары, если дѣйствуетъ въ самомъ дѣлѣ какъ налогъ, а не какъ полное или не полное запрещеніе, почти всегда отчасти падаетъ на иностранцевъ, потребляющихъ наши товары; и этимъ способомъ нація можетъ насчетъ иностранцевъ присвоивать себѣ

бо́льшую, чѣмъ доставалось бы ей безъ налога, долю изъ того возрастанія общей производительности всемірнаго труда и капитала, которая происходитъ отъ обмѣна націй товарами».

Слѣдовательно, справедливы люди, утверждающіе, что вывозныя пошлины отчасти уплачиваются иностранцами; но они ошибаются, говоря, что уплачиваются эти пошлины иностраннымъ производителемъ. Естественнымъ путемъ часть нашихъ пошлинъ падаетъ не на то лицо, у котораго мы покупаемъ, а на всѣ тѣ лица, которыя покупаютъ у насъ. Сохраненіе у насъ пошлинъ съ иностранныхъ товаровъ, какъ источника дохода, заставляетъ платить высшую цѣну за наши вывозные товары иностраннаго потребителя ихъ.

На производителя пошлины съ товаровъ могутъ хотя сколько нибудь или хотя какъ нибудь падать только въ двухъ случаяхъ. Вопервыхъ, если товаръ составляетъ строгую монополію и имѣетъ цѣну недостачи. Въ этомъ случаѣ цѣна имѣетъ себѣ предѣломъ лишь желаніе покупателя; за товаръ, снабженіе которымъ недостаточно берется вся сумма, какую согласятся дать покупщики, чтобы не остаться безъ него; если казна захватываетъ часть этой суммы, то цѣну товара уже нельзя поднять еще выше для вознагражденія пошлины и она будетъ уплачена изъ прибыли монополиста. Пошлина съ рѣдкихъ и дорогихъ винъ вся падаетъ на ихъ производителей, или, вѣрнѣе сказать, на собственниковъ виноградниковъ. Важнѣе второй изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ часть пошлины падаетъ иногда на производителя. Это бываетъ съ налогами на продуктъ земли или рудниковъ. Она можетъ быть такъ высока, что отъ нея значительно уменьшается запросъ на продуктъ, такъ что надобно бываетъ покинуть участки земли или рудники низшаго сорта. Если такъ, то потребители и въ самой этой странѣ и въ странахъ, торгующихъ съ нею, будутъ получать продуктъ по уменьшившейся стоимости, и лишь часть пошлины упадетъ на покупателя, а за большую часть своего платежа пошлины онъ будетъ вознаграждаться на счетъ землевладѣльцевъ производящей страны или лицъ, владѣющихъ въ ней рудниками.

Итакъ ввозныя пошлины можно раздѣлить «на два разряда: тѣ, которыми поощряется какая нибудь отрасль внутренняго производства, и тѣ, у которыхъ нѣтъ такого слѣдствія. Пошлины перваго рода чисто вредны и для страны, установляющей ихъ, и для странъ, съ которыми она торгуетъ. Они мѣшаютъ сбереженію труда и капитала, которое, если бы не было останавливаемо ими, раздѣлялось

бы въ той или другой пропорціи между ввозящею страною и странами, покупающими товары, которые вывозятъ или могла бы вывозить эта страна.

«Другой родъ пошлинъ — тѣ, которыми не поощряется одинъ способъ производства на счетъ другаго, которыя дозволяютъ обмѣну происходить точно такъ же, какъ происходилъ бы онъ безъ нихъ, и производить то сбереженіе труда, которое служитъ побужденіемъ къ международной, какъ и ко всякой другой торговлѣ. Сюда принадлежатъ пошлины съ ввоза всѣхъ тѣхъ товаровъ, которые никакъ не могли бы производиться въ самой странѣ, и пошлины, которыя не такъ высоки, чтобы уравновѣшивать разницу въ расходѣ по производству товара въ странѣ и по ввозу его. Изъ денегъ, приносимыхъ въ казну страны пошлинами этого втораго рода, только часть уплачивается народомъ этой страны, остальная часть уплачивается заграничными потребителями ея товаровъ.

«Однакоже и налоги этого втораго разряда по своему принципу такъ же неудобны, какъ и налоги перваго разряда, хотя причина неудобства ихъ иная. Охранительная пошлина никакъ не можетъ служить источникомъ выигрыша, а всегда и необходимо бываетъ въ убытокъ странѣ, установляющей ее, — на сколько оказываетъ дѣйствія такая пошлина, все оно убыточно. Напротивъ того, неохранительная пошлина въ большей части случаевъ служитъ для имѣющей ее страны источникомъ выигрыша (выигрыша тутъ на столько, на сколько выигрыша въ томъ, чтобы слагать часть бремени своего на другихъ); но она — такое средство, принятіе котораго трудно бываетъ совѣтовать, потому что очень легко могутъ противодѣйствовать ему другія страны точно тѣмъ же способомъ.

«Если въ предположенномъ нами случаѣ Англія, желая получать отъ торговли съ Германіею больше выгоды, чѣмъ натурально приходилось бы ей, установитъ пошлину съ полотна, то Германіи стоитъ только наложить на сукно такую пошлину, отъ которой запросъ на него уменьшился бы на столько же, на сколько уменьшился отъ англійской пошлины запросъ на полотно: отъ этого дѣло станетъ въ прежнее положеніе и каждая страна будетъ сама платить свой налогъ. Разумѣется, иное будетъ дѣло, если сумма обѣихъ этихъ пошлинъ будетъ превышать всю выгоду торговли: въ этомъ случаѣ и торговля и выгода отъ нея совершенно прекратятся.

«Слѣдовательно, нѣтъ выгоды установлять такія пошлины съ цѣлью получить отъ нихъ выигрышъ, о которомъ мы говорили. Но если часть дохода получается налогами на товары, таможенныя пошлины часто бываютъ ничѣмъ не хуже другихъ налоговъ на товары. Притомъ же очевидно, что разсчеты взаимности, совершенно теряющіе важность, если споръ идетъ объ охранительной пошлинѣ, имѣютъ важное значеніе, если дѣло идетъ объ отмѣнѣ пошлинъ неохранительныхъ. Нельзя ожидать отъ страны отказа брать налогъ съ иностранцевъ, если иностранцы сами не хотятъ оказывать къ ней такой же снисходительности. Чтобы избавиться странѣ отъ потери, какая наносится ей неохранительными пошлинами, взимаемыми въ другихъ странахъ съ ея товаровъ,—для этого ей одинъ только способъ: брать соотвѣтственныя неохранительныя пошлины съ товаровъ этихъ странъ. Надобно тутъ лишь остерегаться, чтобы пошлины эти своею высотою не превзошли всего остатка выгоды отъ торговли и не прекратили вовсе ввозъ, не заставили производить товаръ въ самой странѣ или ввозить его съ другаго и болѣе дорогаго рынка».

ГЛАВА V.

НѢКОТОРЫЕ ДРУГІЕ НАЛОГИ.

1. Кромѣ прямыхъ налоговъ на доходъ и налоговъ на товары почти во всѣхъ странахъ финансовая система имѣетъ много разныхъ налоговъ, которые не подходятъ вполнѣ ни подъ одинъ изъ этихъ двухъ разрядовъ. Въ новыхъ европейскихъ системахъ удержано еще много такихъ налоговъ, хотя и остается ихъ теперь гораздо меньше и не столь они разнообразны, какъ у тѣхъ полуварварскихъ правительствъ, которыхъ еще не коснулось европейское вліяніе. Изъ этихъ правительствъ у нѣкоторыхъ почти ни одинъ случай человѣческой жизни не избѣжалъ того, чтобы служить предлогомъ для фискальнаго побора; не можетъ сдѣлать человѣкъ почти ничего, выходящаго изъ ежедневной рутины безъ разрѣшенія отъ правительственнаго агента, которое дается только со взысканіемъ платежа, особенно когда дѣло требуетъ помощи или спеціальной гарантіи общественной власти. Въ своемъ трактатѣ мы можемъ ограничиться пересмотромъ лишь тѣхъ налоговъ, которые существуютъ или до недавняго времени существовали въ странахъ обыкновенно называемыхъ образованными.

Почти у всѣхъ націй значительный доходъ доставляется пошлинами съ договоровъ. Форма взиманія этихъ пошлинъ различна. Первый способъ сбора—взиманіе налога съ юридическаго акта, служащаго доказательствомъ договора и обыкновенно единственнымъ имѣющимъ законную силу доказательствомъ. Въ Англіи почти всякій договоръ обязателенъ лишь тогда, когда совершенъ на гербовой бумагѣ, заплатившей пошлину правительству; и до очень недавняго времени договоры, относящіеся къ недвижимой собственности, платили болѣе тяжелый налогъ, когда заключались на небольшую сумму, чѣмъ когда на большую; въ пошлинахъ съ нѣкоторыхъ другихъ договоровъ это остается до сихъ поръ. Кромѣ того есть гербовыя пошлины съ юридическихъ документовъ служащія доказательствомъ исполненія договоровъ, напр. съ квитанцій въ полученіи денегъ. Но не всегда пошлины съ договоровъ взимаются этимъ способомъ. Напримѣръ существовала въ Англіи пошлина съ аукціонныхъ продажъ (она отмѣнена сэромъ Робертомъ-Пилемъ). Точно также пошлины съ передачи поземельной собственности, взимаемыя въ Англіи посредствомъ гербовой бумаги, во Франціи взимаются иначе. Въ нѣкоторыхъ странахъ многіе договоры считаются дѣйствительными лишь когда засвидѣтельствованы правительствомъ, и при ихъ засвидѣтельствованіи берется пошлина.

Изъ всѣхъ пошлинъ съ договоровъ самыя важныя—пошлины съ передачи собственности, особенно съ продажи и покупки. Пошлины съ продажи потребляемыхъ товаровъ—просто налоги на эти товары. Если они касаются лишь нѣкоторыхъ товаровъ, они поднимаютъ ихъ цѣну и уплачиваются потребителемъ. Если законъ пытается брать пошлину со всѣхъ покупокъ и продажъ,—дѣло, которое, несмотря на свою нелѣпость, производилось въ Испаніи нѣсколько сотъ лѣтъ,—то пошлина была бы равнозначительна налогу на всѣ товары, еслибы могла дѣйствительно взиматься со всѣхъ покупокъ и тогда не измѣняла бы она цѣнъ; взимаясь съ продавцовъ она была бы налогомъ на прибыль; взимаясь съ покупщиковъ была бы налогомъ на потребленіе, и ни тотъ, ни другой классъ не могли бы сложить съ себя этого платежа на другихъ. Если она ограничивается однимъ способомъ продажи, напримѣръ продажею съ аукціона, она уменьшаетъ пользованіе этимъ способомъ, а если значительна по размѣру, то и вовсе мѣшаетъ обращаться къ нему кромѣ случаевъ особенной надобности; а въ этихъ случаяхъ продавцу необходимо продать, между тѣмъ какъ покупщику нѣтъ необходимости купить, потому пошлина падаетъ

на продавца; это и было сильнѣйшимъ аргументомъ противъ аукціонной пошлины: она почти всегда падаетъ на человѣка, находящагося въ нуждѣ и въ самый кризисъ его нужды.

То же самое можно сказать въ большой части странъ противъ налоговъ на покупку и продажу земли. Въ старыхъ странахъ рѣдко продаютъ собственность иначе какъ по обѣдненіи или по крайней надобности; слѣдовательно продавецъ принужденъ брать, что̀ дадутъ, а покупщикъ, думающій о выгодномъ помѣщеніи капитала, разсчитываетъ, сколько процентовъ можетъ онъ получить со своихъ денегъ другими путями и не купитъ, если на него ложится правительственная пошлина за покупку. На это возражаютъ, что этого неудобства не будетъ, если такой же пошлинѣ подвергнуты всѣ способы долговременнаго помѣщенія капитала,—покупка фондовъ государственнаго долга, акцій, закладныхъ листовъ и проч. Но и въ такомъ случаѣ, если пошлина уплачивается покупщикомъ, она равнозначительна налогу на процентъ; и если велика на столько, чтобы составлять разсчетъ, она нарушитъ установившуюся пропорцію между процентами и прибылью; а это нарушеніе уравновѣсится возвышеніемъ величины процентовъ и упадкомъ цѣны земли и всѣхъ биржевыхъ бумагъ. Потому я полагаю, что такія пошлины всегда, кромѣ исключительныхъ обстоятельствъ, будутъ ложится на продавца.

Надобно назвать дурными всѣ тѣ пошлины, которыя затрудняютъ продажу земли или другихъ орудій производства. Эти продажи имѣютъ по своей сущности тенденцію дѣлать собственность болѣе производительною. По нуждѣ ли или по доброй волѣ продаетъ собственность продавецъ, во всякомъ случаѣ надобно полагать, что онъ лишенъ или средствъ или способности выгоднѣйшимъ способомъ употреблять свою собственность на производительныя дѣла; а покупщикъ напротивъ уже никакъ не находится въ нуждѣ, и часто имѣетъ наклонность и способность улучшить собственность,—высшую цѣну скорѣе всего дастъ за нее именно такой человѣкъ, потому что она ему выгоднѣе, чѣмъ другимъ. Слѣдовательно всѣ пошлины и всякія затрудненія и расходы при такихъ договорахъ рѣшительно убыточны; особенно убыточны они при продажѣ земли, которая—источникъ продовольствія, коренное основаніе всякаго богатства и отъ улучшенія которой поэтому такъ много зависитъ. Надобно какъ можно больше облегчать переходъ земли въ другія руки, въ которыхъ она будетъ наиболѣе производительна, облегчать соединеніе или раздробленіе ея для наибольшей производительности.

Если помѣстья слишкомъ велики, ихъ отчужденіе должно быть освобождено отъ пошлинъ, чтобы они могли раздробиться; а если слишкомъ мелки, то чтобы они могли соединиться. Всѣ пошлины съ передачи поземельной собственности должны быть отмѣнены. Но землевладѣльцы не имѣютъ права на то, чтобы государство подарило имъ ту часть ренты, какую оставляло за собою; потому надобно учредить ежегодный налогъ, равноцѣнный среднему доходу отъ этихъ пошлинъ, и разложить его на всѣ земли въ видѣ поземельнаго налога.

Нѣкоторыя изъ пошлинъ съ договоровъ очень вредны тѣмъ, что составляютъ, можно сказать, штрафъ за такіе обороты, которые законъ долженъ былъ бы поощрять для государственной выгоды. Таковъ гербовый сборъ съ арендныхъ контрактовъ, которые въ странѣ большой собственности составляютъ условіе для хорошаго земледѣлія; такова же пошлина съ застрахованій,—прямой штрафъ за разсудительность и предусмотрительность. Застрахованіе отъ огня платитъ въ Англіи пошлину ровно вдвое большую самой страховой преміи, какая берется съ обыкновенныхъ домовъ; такъ что страхующее лице принуждено правительствомъ платить за страхованіе ровно втрое больше, чѣмъ надобно. Еслибы такая пошлина существовала во Франціи, не видѣли бы мы, какъ видимъ въ нѣкоторыхъ ея областяхъ, доску страховаго общества почти на каждой избѣ. Конечно это надобно приписывать предусмотрительности и разсчетливости, развившейся отъ того, что большинство людей въ рабочемъ классѣ получили недвижимую собственность; но какова бы ни была предусмотрительность въ народѣ, она сильно пострадала бы отъ пошлины столь чрезмѣрной.

2. Близки къ пошлинамъ съ контрактовъ налоги на средства сообщенія. Главный изъ нихъ — почтовый сборъ; къ нему можно прибавить пошлины съ объявленій и съ газетъ, служащія налогами на сообщеніе свѣдѣній.

Обыкновенный способъ взиманія налога за пересылку писемъ— тотъ, что правительство предоставляетъ себѣ исключительное право пересылки и беретъ за нее монопольную цѣну. Если цѣна эта такъ умѣренна, какъ сдѣлалась въ Англіи по введеніи однообразной платы одного пенса за письмо, такъ что едва ли выше или вовсе не выше платы, какая бралась бы частною компаніею при самомъ свободномъ соперничествѣ, — если она такова, то едва ли можно считать ее налогомъ, а скорѣе надобно назвать коммерческою прибылью; и если прибыль эта больше обыкновенной прибыли

на капиталъ, излишекъ тутъ является справедливымъ слѣдствіемъ сбереженія въ расходахъ, происходящаго оттого, что для цѣлой страны, вмѣсто множества соперничествующихъ учрежденій, заведено одно учрежденіе съ однимъ рядомъ своихъ вѣтвей. Притомъ же это дѣло и можно и надобно вести по точнымъ правиламъ; слѣдовательно оно одно изъ тѣхъ немногихъ коммерческихъ дѣлъ, правительственное веденіе которыхъ не представляетъ неудобствъ. Потому почта въ Англіи служитъ нынѣ однимъ изъ лучшихъ источниковъ государственнаго дохода; но если плата за письма много выше той, какая бралась бы при свободномъ соперничествѣ, то она — дурной налогъ. Главная тяжесть его падаетъ на коммерческую переписку и увеличиваетъ расходы торговыхъ сношеній между разными городами. Это похоже на попытку собирать большой доходъ тяжелыми таможенными пошлинами; это мѣшаетъ всѣмъ операціямъ передвиженія товаровъ, и отбиваетъ охоту производить въ одной мѣстности товары для потребленія въ другой мѣстности, — производство, которое само по себѣ одинъ изъ главныхъ источниковъ экономіи въ трудѣ и сверхъ того служитъ необходимымъ условіемъ почти для всѣхъ улучшеній въ производствѣ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбужденій къ развитію промышленности и одною изъ главныхъ пружинъ прогресса цивилизаціи.

Пошлина съ объявленій имѣетъ такое же неудобство: на сколько объявленія полезны для промышленныхъ дѣлъ, на сколько они облегчаютъ сближеніе торговца или производителя съ потребителемъ, на столько же отъ пошлины съ объявленій удлиняется періодъ, въ теченіе котораго товаръ остается непроданъ и капиталъ лежитъ празднымъ, если пошлина такъ высока, что существенно стѣсняетъ объявленія.

Налогъ на газеты вреденъ не столько тѣмъ, что беретъ, сколько тѣмъ, что не беретъ, то есть тѣмъ, что мѣшаетъ распространенію газетъ. Для большинства лицъ, покупающихъ нынѣ газеты, онѣ служатъ предметомъ роскоши, за который они точно такъ же въ силахъ платить, какъ и за всѣ предметы роскоши и который справедливо служитъ источникомъ дохода. Но для той значительной части общества, которая, научившись читать, мало училась чему нибудь другому, газеты служатъ источникомъ почти всѣхъ общихъ свѣдѣній, какія получаются этими людьми, главнымъ источникомъ почти всего ихъ знакомства съ понятіями и вопросами, занимающими человѣчество; и газеты легче книгъ и другихъ менѣе доступныхъ источниковъ образованія привлекаютъ къ себѣ

интересъ. Прямымъ образомъ газеты такъ мало содѣйствуютъ возникновенію полезныхъ понятій, что многіе слишкомъ мало цѣнятъ важность ихъ для распространенія этихъ понятій. Газетами исправляется множество предразсудковъ и суевѣрій, поддерживается привычка разсуждать о вещахъ, интересъ къ общественнымъ дѣламъ, отсутствіе котораго бываетъ главною причиною умственнаго застоя, обыкновенно встрѣчаемаго въ низшихъ и среднихъ, если не во всѣхъ слояхъ общества тѣхъ странъ, гдѣ газеты не имѣютъ важности и занимательности. Не должны существовать налоги, затрудняющіе доступъ къ этимъ великимъ распространительницамъ знанія, умственнаго движенія и умственнаго упражненія,—затрудняющіе доступъ къ нимъ для той части общества, которую всего нужнѣе выводить въ область понятій и интересовъ, превышающихъ предѣлы ея собственнаго узкаго горизонта.

3. Въ спискѣ дурныхъ налоговъ видное мѣсто надобно отвести судебнымъ пошлинамъ, извлекающимъ для казны доходъ изъ дѣйствій, соединенныхъ съ обращеніемъ къ судебной защитѣ. Подобно всѣмъ лишнимъ издержкамъ по судебнымъ дѣламъ, они служатъ налогомъ на полученіе справедливости, слѣдовательно преміею въ пользу несправедливости. Какъ источникъ общаго государственнаго дохода, такія пошлины въ Англіи уничтожены, но еще остаются какъ источникъ дохода самихъ судилищъ на покрытіе издержекъ дѣлопроизводства: тутъ очевидно вліяніе мысли, что издержки по отправленію правосудія справедливо могутъ падать на тѣхъ, кто пользуется правосудіемъ. Фальшивость этого взгляда превосходно раскрыта Бентамомъ. Лица, которымъ необходимо бываетъ обращаться къ суду, не больше, а меньше всѣхъ другихъ получаютъ выгоды отъ отправленія правосудія, говоритъ онъ. Относительно ихъ оказалось неполно охраненіе, даваемое закономъ, потому что они были принуждены обратиться къ судилищу для удостовѣренія въ своихъ правахъ или для защиты ихъ отъ нарушенія; а остальные члены общества между тѣмъ пользовались даваемою закономъ и судилищами безопасностію отъ несправедливости, безъ неудобства обращаться къ нимъ.

4. Кромѣ общихъ государственныхъ налоговъ во всѣхъ или почти во всѣхъ странахъ существуютъ мѣстные налоги на покрытіе тѣхъ общественныхъ издержекъ, которыя сочтено лучшимъ предоставить надзору или распоряженію мѣстныхъ властей. Нѣкоторые изъ этихъ расходовъ производятся по дѣламъ исключительно или почти исключительно нужнымъ для мѣстности, въ которой они про-

изводятся; таковы напримѣръ мощеніе, очищеніе и освѣщеніе улицъ; устройство и поправка дорогъ и мостовъ, важныхъ для жителей извѣстной мѣстности, но лишь потому, что проѣзжаютъ по нимъ они сами и провозятъ также лишь по своей надобности товары. Другіе мѣстные расходы имѣютъ такую же національную важность, какъ и дѣлаемые прямо государствомъ, но остаются мѣстными потому, что отъ мѣстныхъ властей ожидаютъ лучшаго распоряженія этими расходами. Таковы въ Англіи расходы на пособіе бѣднымъ и содержаніе тюремъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ и на содержаніе школъ. По какимъ общественнымъ дѣламъ мѣстное управленіе лучше государственнаго, какія должны оставаться подъ прямымъ управленіемъ центральной власти, какія въ управленіи мѣстной власти подъ надзоромъ центральнаго правительства,—это вопросъ не политической экономіи, а администраціи. Но важенъ тотъ принципъ, что налоги, установляемые мѣстною властью, непремѣнно должны быть спеціальными, установленными для опредѣленной цѣли, и не превышать расхода, дѣйствительно нужнаго для этого дѣла; важно это потому, что мѣстные налоги менѣе подлежатъ публичному обсужденію, чѣмъ дѣйствія центральнаго правительства. Кромѣ этого ограниченія надобно желать, чтобы падали они по возможности на тѣ лица, для которыхъ дѣлается расходъ; напримѣръ, чтобы расходъ на дороги и мосты покрывался пошлиною съ лицъ, проходящихъ или проѣзжающихъ, и съ товаровъ, провозимыхъ по нимъ, такъ чтобы издержки распредѣлялись между людьми, которые пользуются мостами и дорогами для своего удовольствія или удобства, и между потребителями товаровъ, доставка которыхъ на рынокъ и съ рынка удешевляется этими мостами и дорогами. Но когда весь расходъ съ процентами покрытъ этими пошлинами, дороги и мосты должны быть освобождены отъ пошлины, чтобы могли пользоваться ими и люди, которымъ были бы они безполезны при взиманіи пошлины; а на поправку должны быть доставляемы деньги или государственною казною или сборомъ съ тѣхъ мѣстностей, которыя получаютъ главную выгоду отъ нихъ.

Въ Англіи значительнѣйшая часть государственныхъ доходовъ доставляется косвенными налогами, но почти всѣ мѣстные налоги—прямые (главнымъ исключеніемъ служитъ пошлина съ каменнаго угля, собираемая лондонскою Сити; есть нѣсколько и другихъ исключеній). Наоборотъ во Франціи, въ Австріи и другихъ земляхъ, гдѣ государство болѣе собираетъ прямыхъ налоговъ, мѣстные городскіе расходы покрываются преимущественно пошлинами съ

товаровъ при ввозѣ въ городъ. Эти косвенные налоги, взимаемые въ городахъ, гораздо хуже пошлинъ, взимаемыхъ на границѣ, потому что товары, доставляемые изъ селъ въ города, главнымъ образомъ предметы первой необходимости, между тѣмъ какъ большая часть привоза изъ чужихъ странъ обыкновенно состоитъ изъ предметовъ роскоши. Если пошлина со ввоза въ городъ приноситъ большой доходъ, ею непремѣнно бываютъ тяжело обременены рабочіе классы городскаго населенія, кромѣ того случая, когда соразмѣрно тому поднимается и рабочая плата, при чемъ значительная часть пошлины падаетъ на потребителей городскихъ продуктовъ, одинаково между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, потому что капиталъ не останется въ городахъ, если прибыль на него въ нихъ будетъ меньше, чѣмъ въ сельскихъ округахъ.

ГЛАВА VI.

СРАВНЕНІЕ МЕЖДУ ПРЯМЫМИ И КОСВЕННЫМИ НАЛОГАМИ.

1. Какіе налоги лучше, прямые или косвенные? — Этотъ вопросъ, бывшій интереснымъ всегда, сталъ возбуждать много споровъ въ послѣднее время. Въ Англіи общественное мнѣніе издавна расположено въ пользу косвенныхъ налоговъ или вѣрнѣе сказать противъ прямыхъ налоговъ. Это мнѣніе основано не на сущности дѣла, а мнѣніе ребяческое. Англичанинъ не любитъ не столько самый платежъ, сколько актъ уплаты. Ему не нравится видѣть передъ собою сборщика налоговъ и подвергаться его неуклонному требованію. Быть можетъ онъ твердо знаетъ, что платитъ налогъ лишь тогда, когда прямо платитъ его изъ своего кармана. Разумѣется неоспоримая вещь, что пошлина въ 2 шиллинга съ фунта чаю или 3 шиллинга съ бутылки французскаго вина возвышаетъ на всю свою сумму и даже больше, чѣмъ на всю свою суму, цѣну каждаго фунта чаю и каждой бутылки вина, которые онъ потребляетъ; это фактъ, безъ этого налогъ и не бываетъ, и англичанинъ по временамъ очень хорошо знаетъ это; но это не производитъ почти никакого практическаго впечатлѣнія на его мысли; такъ что дѣло это служитъ примѣромъ разницы между сознаніемъ о фактѣ и живымъ чувствомъ факта. Непопулярность прямыхъ налоговъ и легкость, съ какою общество соглашается на то, чтобы обирали его въ цѣнѣ товаровъ, часто заставляетъ друзей прогресса разсуждать способомъ, прямо противоположнымъ приведенному на-

ми. Они доказываютъ, что прямые налоги лучше косвенныхъ, именно по той самой причинѣ, отъ которой происходитъ ихъ непопулярность. При прямомъ налогѣ каждый знаетъ сколько платитъ онъ на самомъ дѣлѣ; и если онъ подаетъ голосъ въ пользу войны или другой убыточной національной роскоши, онъ рѣшается на дѣло съ яснымъ понятіемъ о томъ, сколько оно стоитъ ему. Если-бы всѣ налоги были прямые, масса ихъ замѣчалась бы гораздо лучше нынѣшняго и для экономіи въ общественныхъ расходахъ было бы обезпеченіе, котораго теперь нѣтъ.

Аргументація эта не лишена силы, но важность ея будетъ постоянно уменьшаться. Реальное значеніе косвенныхъ налоговъ съ каждымъ днемъ лучше понимается большинствомъ и сильнѣе входитъ въ его мысли; и какъ ни судить о перемѣнахъ, происходящихъ въ расположеніи человѣческихъ мыслей, нельзя мнѣ кажется не сказать, что чѣмъ дальше, тѣмъ ближе подходитъ мнѣніе о каждой вещи къ ея точной цѣнности и менѣе составляется по его несущественнымъ принадлежностямъ. Нелюбовь къ прямымъ налогамъ или оппозиція противъ нихъ и пассивное согласіе на косвенные налоги происходитъ уже не отъ одной той разницы, что при однихъ деньги платятся прямо сборщику, а при другихъ тѣже деньги отдаются черезъ посредство чайнаго или виннаго торговца. Скажу больше: пока еще существуетъ эта слабость въ общественномъ мнѣніи, свидѣтельствуетъ она отчасти и въ пользу косвенныхъ налоговъ. Еслибы нынѣшній англійскій бюджетъ, превышающій 70 милл. фунтовъ, весь доставлялся прямыми налогами, навѣрное возникло бы чрезвычайное недовольство тѣмъ, что приходится платить такъ много; а пока человѣческія мысли такъ мало руководятся разсудкомъ, какъ надобно заключать изъ такой перемѣны ихъ отъ такой неважной причины, слишкомъ большое неудовольствіе на налоги могло бы имѣть и не одну хорошую сторону. Изъ 70 милл. англійскаго государственнаго дохода около 30 должны отдаваться по самымъ безспорнымъ обязательствамъ лицамъ, имущество которыхъ было занято и израсходовано государствомъ; а пока этотъ долгъ остается не уплаченъ, отъ слишкомъ усиленнаго недовольства огромностью налога являлась бы большая опасность нарушить данное обязательство, какъ по той же самой причинѣ нарушили его тѣ штаты Сѣверной Америки, которые отреклись отъ своего государственнаго долга, — иные изъ нихъ отрекаются отъ него и до сихъ поръ. Та часть общественныхъ расходовъ, которая употребляется на содержаніе гражданскихъ и

военныхъ учрежденій (т. е. всѣ расходы кромѣ процентовъ государственнаго долга) дѣйствительно представляетъ большой просторъ для сокращеній. Но при такой значительной тратѣ доходовъ подъ пустыми предлогами остается неисполненнымъ такъ много важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ, что всѣ сбереженія отъ безполезныхъ расходовъ настоятельно нужны на полезные расходы. Воспитаніе, лучшее и доступнѣйшее отправленіе правосудія, эмиграція и колонизація, всякія реформы, требующія вознагражденія частныхъ интересовъ, какъ освобожденіе невольниковъ, или дѣло не менѣе важное, содержаніе достаточнаго числа способныхъ и образованныхъ людей на государственной службѣ, чтобы они вели законодательство и администрацію лучше нынѣшняго жалкаго порядка,—каждое изъ этихъ дѣлъ требуетъ значительныхъ расходовъ и многія изъ нихъ много разъ отлагались по нежеланію правительства просить у парламента увеличенія расходовъ, хотя расходы эти оплатились бы часто во сто разъ, и чисто денежною выгодою отъ нихъ для всего общества, не говоря уже о томъ, что существующія средства были бы болѣе, чѣмъ достаточны для нихъ, еслибы употреблялись какъ слѣдуетъ. При томъ увеличеніи общественнаго нерасположенія къ налогамъ, которое произошло бы отъ исключительнаго употребленія прямыхъ налоговъ, классы, получающіе себѣ выгоду отъ дурнаго расходованія государственныхъ денегъ, вѣроятно успѣли бы сохранить расходы для нихъ выгодные насчетъ расходовъ полезныхъ только для публики.

Но въ защиту косвенныхъ налоговъ часто приводятъ и такой аргументъ, который надобно совершенно отбросить, какъ основанный на фальши. Часто мы слышимъ, будто косвенные налоги менѣе прямыхъ обременительны, потому что каждый можетъ избавиться отъ нихъ, переставъ употреблять товаръ, обложенный пошлиною. Разумѣется, онъ можетъ, если хочетъ, лишить правительство денегъ; но онъ тутъ лишаетъ себя пользованія товаромъ, а это лишеніе (если онъ не отказывается отъ него) также можетъ сберечь для него сумму такой же величины, взимаемую съ него и прямымъ налогомъ. Положимъ, что виноградное вино обложено такою пошлиною, отъ которой увеличивается на пять фунтовъ цѣна вина, потребляемаго человѣкомъ въ теченіе года. Намъ говорятъ, что стоитъ ему только уменьшить свое потребленіе вина на 5 фунтовъ, и онъ избавится отъ обремененія пошлины. Правда; но если 5 фунтовъ будутъ не наложены на вино, а будутъ взиматься съ этого человѣка подоходнымъ налогамъ, онъ, расходуя на вино сумму въ 5

фунтовъ меньшую расходованной имъ на этотъ предметъ прежде, также сбережетъ всю сумму налога; стало быть разница косвеннаго налога отъ прямаго въ этомъ отношеніи — чистая иллюзія. Если правительство беретъ у человѣка 5 фунтовъ, прямымъ ли налогомъ или косвеннымъ, все равно, онъ долженъ уменьшить на эту сумму свое потребленіе, чтобы не испортить своихъ денежныхъ дѣлъ; въ томъ и въ другомъ случаѣ на него возлагается совершенно одинаковое пожертвованіе.

Напротивъ есть нѣкоторая выгода на сторонѣ косвенныхъ налоговъ въ томъ, что требуемая ими сумма берется съ человѣкатогда и такъ, когда и какъ по всей вѣроятности удобно ему. Она уплачивается въ то время, когда во всякомъ случаѣ уже приходилось бы ему платить; потому не дѣлается ему прибавки хлопотъ, нѣтъ ему (если пошлина берется не съ предметовъ первой необходимости) и неудобствъ, кромѣ того, которое неразлучно съ самымъ платежемъ. Притомъ же, кромѣ покупки очень непрочныхъ товаровъ, онъ можетъ выбрать удобнѣйшее для себя время, чтобы запастись товаромъ, т. е. и заплатить налогъ. Производитель или торговецъ, впередъ уплачивающій налоги, иногда подвергается правда неудобству; но относительно ввозныхъ товаровъ это неудобство до крайности уменьшается тѣмъ правиломъ, что пошлина взимается съ товаровъ не при самомъ ввозѣ ихъ, а когда они вынимаются изъ таможенныхъ магазиновъ на потребленіе,—торговецъ вынимаетъ ихъ почти всегда уже тогда, когда нашелъ или надѣется тотчасъ же найти покупщика.

Но сильнѣйшее возраженіе противъ взиманія всего государственнаго налога или большей половины его прямыми налогами есть невозможность правильной раскладки ихъ безъ добросовѣстнаго содѣйствія платящихъ, на которое нельзя надѣяться при нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности. Говоря о подоходномъ налогѣ, мы уже видѣли, что если нельзя совершенно освободить отъ него сбереженія, то невозможно съ удовлетворительною справедливостію соразмѣрить сумму, какую надобно требовать съ лицъ, получающихъ доходы отъ профессій и коммерческихъ дѣлъ; съ этимъ согласны почти всѣ приверженцы прямыхъ налоговъ, но я долженъ прибавить, что почти всѣ они хотятъ отстранить это затрудненіе тѣмъ, чтобы оставить лица этихъ классовъ свободными отъ налога, подвергая подоходному налогу по своимъ планамъ одну реализированную собственность, — а въ этой формѣ налогъ дѣйствительно становится очень легкою формою грабежа. Мы уже достаточно гово-

рили въ осужденіе такой системы. Мы видѣли впрочемъ, что налогъ на дома — форма прямаго налога свободная отъ неудобствъ подоходнаго налога и вѣроятно не уступающая ни одному изъ нашихъ косвенныхъ налоговъ своею свободностью отъ всякихъ неудобствъ. Но получать почти весь государственный доходъ Англіи налогомъ на дома непремѣнно значило бы производить очень вредное сгущеніе людей въ квартирахъ, потому что у всѣхъ было бы тогда очень сильное стремленіе избѣгать налога наниманіемъ болѣе тѣсныхъ помѣщеній. Сверхъ того даже и въ налогѣ на дома есть неравенство, т. е. несправедливость; нѣтъ налога, въ которомъ бы не было ея; а справедливость и разсчетъ одинаково не одобряютъ того, чтобы всѣ неравенства сосредоточивать на однихъ и тѣхъ же лицахъ покрываніемъ всего или почти всего государственнаго расхода однимъ налогомъ. Въ Англіи масса мѣстныхъ сборовъ, уже взимаемыхъ налогомъ на дома, такъ велика, что вѣроятно не больше десяти милліоновъ фунтовъ въ годъ полезно было бы брать этимъ налогомъ на государственные расходы.

Извѣстная сумма государственнаго дохода можетъ, какъ мы видѣли, безъ несправедливости быть доставляема спеціальнымъ налогомъ на ренту. Я доказывалъ, что сверхъ нынѣшняго англійскаго поземельнаго налога и новаго налога равноцѣннаго нынѣшнимъ гербовымъ пошлинамъ съ передачи земли, можно черезъ нѣсколько времени установить еще налогъ на землю, который давалъ бы государству участіе въ постоянномъ увеличеніи дохода землевладѣльцевъ отъ естественныхъ причинъ. Мы видѣли также, что наслѣдство и по завѣщанію и безъ завѣщанія должно подлежать такому налогу, который можетъ давать значительный доходъ. Этими налогами и налогомъ надлежащаго размѣра на дома мы достигнемъ полнаго размѣра, допускаемаго, по моему мнѣнію, для прямыхъ налоговъ благоразуміемъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ (въ случаяхъ особенной національной нужды крайность можетъ заставлять правительство справедливо пренебрегать неравенствомъ и неточностью раскладки, вѣроятно неразлучными отъ подоходнаго налога). Остальная часть дохода должна доставляться налогами на потребленіе, и вопросъ теперь въ томъ, какіе изъ нихъ наименѣе дурны.

2. Есть такія формы косвенныхъ налоговъ, которыя должны быть безусловно отвергнуты. Налоги на товары, взимаемые по бюджетному разсчету, не должны получать характеръ охранительныхъ пошлинъ, а должны безпристрастно взиматься со всѣхъ спо-

собовъ, какими получается товаръ и черезъ ввозъ и черезъ внутреннее производство. Должны быть отвергнуты также всѣ налоги на предметы первой необходимости и на матеріалы и орудія для производства такихъ предметовъ. Эти налоги всегда способны захватывать то, что должно быть изъято отъ налога, захватывать доходы не болѣе какъ достаточные для здоровой жизни; и при самомъ благопріятномъ предположеніи, — предположеніи, что работникъ вознаградится за эти налоги возвышеніемъ рабочей платы, они дѣйствуютъ какъ спеціальные налоги на прибыль, — налоги и несправедливые и убыточные для народнаго богатства *). Остаются налоги на предметы роскоши. Они имѣютъ свойства, сильно говорящія въ ихъ пользу. Во первыхъ никакъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ они касаться лицъ, весь доходъ которыхъ употребляется на предметы необходимости, а ложатся на лица, расходующія на предметы роскоши то, что слѣдовало бы расходовать ими на предметы необходимости. Во вторыхъ, иногда они служатъ полезнымъ и единственно полезнымъ видомъ законовъ противъ роскоши. Я отвергаю всякій аскетизмъ и вовсе не желаю того, чтобы закономъ или общественнымъ мнѣніемъ отвлекались люди отъ тѣхъ удобствъ и удовольствій, къ которымъ влекутся неподдѣльною наклонностью къ этому удобству или удовольствію (лишь бы оно было совмѣстно со средствами и обязанностями пользующагося ими лица); но почти во всѣхъ странахъ значительная часть, а въ Англіи огромнѣйшая половина расхода, дѣлаемаго высшимъ и среднимъ классами, дѣлается не ради удовольствія доставляемаго вещами, на которыя расходуются деньги, а въ угожденіе общему мнѣнію и по той мысли, что оно ждетъ отъ человѣка въ извѣстномъ положеніи извѣстныхъ расходовъ, какъ принадлежности его положенія; а я непоколебимо думаю, что такой расходъ всего лучше подвергать налогу. Если налогъ отбиваетъ охоту отъ него, это полезно; а если и не отбиваетъ, вреда нѣтъ, потому что ни-

*) Нѣкоторые говорятъ, что должны быть изъяты отъ налоговъ матеріалы и орудія всякаго производства; но когда они служатъ не для производства предметовъ необходимости, они конечно такъ же справедливо должны подлежать налогу, какъ и готовый товаръ. Такіе налоги считаются вредными преимущественно для заграничной торговли. Съ международной точки зрѣнія ихъ можно считать налогами на вывозъ, и потому они должны сопровождаться равносильнымъ налогомъ на ввозъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣйствительно полезенъ налогъ на вывозъ). Но нѣтъ достаточныхъ причинъ освобождать отъ налоговъ матеріалы и орудія, служащіе для производства предметовъ, которые сами по себѣ служатъ справедливымъ предметомъ налога.

кому не бываетъ убытка отъ тѣхъ налоговъ, которые взимаются съ предметовъ, бывающихъ цѣлью желанія и пріобрѣтенія по такимъ побужденіямъ. Когда вещь покупается не сама за себя, а за свою дороговизну, то дешевизна напрасна. По справедливому замѣчанію Сисмонди, когда предметы тщеславія удешевляются, результатъ бываетъ не тотъ, что уменьшается расходъ на такіе предметы, а то, что удешевившійся предметъ покупщики замѣняютъ другимъ, болѣе дорогимъ, или изысканнѣйшимъ сортомъ того же предмета; а прежній сортъ точно такъ же удовлетворялъ тщеславію, когда былъ дорогъ; стало быть налогъ на этотъ предметъ не ложится въ сущности ни на кого: онъ создаетъ государству доходъ безъ убытка кому бы то ни было *).

---

*) «Если предположить, что брильянты можно было бы получать изъ одной и отдаленной мѣстности, и жемчугъ также изъ одной, и что по естественнымъ причинамъ добываніе рудокопнаго продукта въ первой странѣ и добываніе жемчужныхъ раковинъ во второй стало вдвое труднѣе, результатъ былъ бы лишь тотъ, что черезъ нѣсколько времени для обозначенія извѣстной пышности и важности достаточно сдѣлалось бы половины того количества брильянтовъ и жемчуга, какое было нужно для этого прежде. На полученіе этой половины нужна стала бы такая же сумма золота или другаго товара (т. е. въ послѣднемъ анализѣ, такая же сумма труда), какая прежде нужна была на вдвое большее количество. Еслибы трудность произведена была законодательными правилами, половина прежняго количества точно такъ же удовлетворяла бы тщеславію». Предположимъ, что найдено средство по произволу вызывать физіологическій процессъ, отъ котораго раждается жемчугъ, такъ что отъ этого добываніе каждой жемчужины стало бы стоить въ 500 разъ меньшаго труда. «Окончательный результатъ этой перемѣны зависѣлъ бы отъ того, свободна или несвободна ловля раковинъ. Если она совершенно свободна, т. е. жемчугъ получается просто за стоимость труда ловли ихъ, нитка жемчуга покупалась бы за нѣсколько пенсовъ; потому бѣднѣйшій классъ общества могъ бы наряжаться въ жемчугъ. Жемчугъ скоро сталъ бы чрезвычайно вульгаренъ, вышелъ бы изъ моды и наконецъ потерялъ бы всякую цѣнность. Но если предположить, что ловля раковинъ не свободна, а присвоена правительству, и что оно можетъ отвратить всякую контрабандную ловлю на томъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ добывается жемчугъ, то по мѣрѣ развитія новооткрытаго способа правительство могло бы облагать жемчугъ пошлиною, соразмѣрною уменьшенію труда, нужнаго на его добываніе. Тогда жемчугъ продолжалъ бы цѣниться по прежнему. Собственная красота его осталась бы прежняя. Трудность его полученія была бы инаго рода, чѣмъ прежде, но велика по прежнему и оттого жемчугъ по прежнему служилъ бы для обозначенія пышности носящихъ его». Чистый доходъ, доставляемый такимъ налогомъ, и не стоилъ бы обществу ничего. Если бы не было злоупотребленій въ его примѣненіи, онъ былъ бы весь чистою прибылью къ общественнымъ средствамъ. Rae. New Principles of Political Economy, стр. 369—371.

3. Чтобы по возможности уменьшить неудобства и увеличить выгоды, принадлежащія налогамъ на товары, представляются слѣдующія практическія правила. 1) Взимать весь, какой только удобно взимать, доходъ съ тѣхъ видовъ роскоши, которые наиболѣе связаны съ тщеславіемъ и наименѣе соединены съ положительнымъ наслажденіемъ; напримѣръ съ дорогихъ сортовъ всякихъ нарядовъ и вещей личнаго потребленія. 2) Повозможности брать налогъ не съ производителя, а прямо съ потребителя, потому что при взиманіи налога съ производителя цѣна всегда поднимается больше и часто гораздо больше, чѣмъ на всю величину налога. Почти всѣ англійскіе налоги на роскошь хороши по соотвѣтствію съ обоими этими правилами. Но о налогѣ на лошадей и экипажи надобно сказать, что есть много лицъ, для которыхъ по ихъ тѣлосложенію или состоянію здоровья лошади и экипажи служатъ предметами не столько роскоши, сколько необходимости; потому налогу съ лицъ, имѣющихъ только одну верховую лошадь или только одинъ экипажъ, въ особенности дешевыхъ сортовъ, слѣдуетъ быть низкимъ; но слѣдуетъ ему очень быстро возвышаться по числу лошадей и экипажей и по ихъ дороговизнѣ. 3) Но большой доходъ даютъ лишь тѣ налоги, которые падаютъ на предметы, употребляемые всѣми или большинствомъ; и слѣдовательно необходимо имѣть нѣкоторые налоги на предметы реальной роскоши, т. е. на вещи, которыя доставляютъ удовольствіе сами по себѣ и привлекаютъ къ себѣ не столько своею дороговизною, сколько дѣйствительными качествами; эти налоги должны быть распредѣлены такъ, чтобы по возможности равномѣрно падать и на мелкіе и на средніе и на большіе доходы. Достичь этого нелегко: предметы доходнѣйшихъ пошлинъ таковы, что небогатые члены общества потребляютъ ихъ сравнительно больше, чѣмъ богатые. Пошлины на чай, кофе, сахаръ, табакъ, спиртные напитки почти невозможно установить такъ, чтобы бѣдные платили не больше, чѣмъ приходилось бы съ нихъ по справедливости. Нѣсколько исправить этотъ недостатокъ можно тѣмъ, чтобы съ высшихъ сортовъ, употребляемыхъ богатыми людьми, брать пошлину гораздо болѣе высокаго процента съ ихъ цѣнности (вмѣсто того что при нынѣшней англійской системѣ почти во всѣхъ товарахъ она гораздо ниже); но говорятъ (справедливо ли, я не знаю), что есть случаи, въ которыхъ непреоборима трудность предотвратить контрабанду даже и при простомъ соразмѣреніи пошлины съ цѣнностью; такъ что полагаютъ необходимымъ брать одну пошлину со всѣхъ сортовъ то-

вара; это будетъ явною несправедливостью къ небогатымъ классамъ потребителей, если не будетъ уравновѣшиваться существованіемъ другихъ налоговъ, отъ которыхъ они были бы совершенно освобождены, въ родѣ нынѣшняго подоходнаго налога. 4) Лучше чѣмъ раздроблять налоги по множеству предметовъ, слѣдуетъ сосредоточивать ихъ на немногихъ предметахъ, на-сколько это согласно съ предъидущими правилами. Отъ этого уменьшаются расходы сбора и по возможности уменьшается число занятій, стѣсняемыхъ обременительнымъ вмѣшательствомъ. 5) Изъ предметовъ роскоши, употребляемыхъ всѣми, налогъ по преимуществу долженъ ложиться на возбуждающіе напитки: конечно само по себѣ ихъ потребленіе такъ же законно, какъ и другія удовольствія, но въ немъ скорѣе другихъ удовольствій бываетъ излишество, такъ что стѣсненіе потребленія, естественно происходящее отъ налога, въ общей сложности полезнѣе бываетъ въ нихъ, чѣмъ въ другихъ вещахъ. 6) На сколько допускается другими соображеніями, налогъ долженъ ограничиваться ввозными предметами, потому что при сборѣ его съ нихъ вмѣшательство можетъ имѣть менѣе стѣснительности и можетъ производить меньше дурныхъ слѣдствій, чѣмъ при взиманіи налога съ посѣвовъ и мастерскихъ. Таможенныя пошлины при равенствѣ другихъ условій гораздо менѣе дурны, чѣмъ акцизы; но ими надобно облагать лишь предметы, которые или не могутъ или не будутъ производиться внутри страны; или внутреннее производство такихъ предметовъ должно быть воспрещаемо (какъ воздѣлываніе табаку въ Англіи) или облагаться акцизомъ, равноцѣннымъ таможенной пошлинѣ. 7) Никакую пошлину не надобно держать на такой высотѣ, чтобы она служила къ контрабандѣ побужденіемъ, столь сильнымъ, чтобы нельзя было отвратить ее обыкновенными предупредительными мѣрами; въ особенности не надобно облагать никакого товара такою высокою пошлиною, чтобы ею пораждался разрядъ преступниковъ, — пораждались контрабандисты, корчемщики и т. п.

Изъ акцизныхъ и таможенныхъ пошлинъ, существовавшихъ до недавняго времени въ Англіи, всѣ существенно несообразныя съ хорошею системою налоговъ были уничтожены послѣдними реформами Гладстона. Таковы всѣ налоги на обыкновенные сорты пищи для людей и для скота; пошлины съ лѣса, падающія на матеріалъ жилищъ, одного изъ предметовъ первой необходимости; всѣ налоги на металлы и дѣлаемыя изъ нихъ орудія; пошлина съ мыла, необходимаго для опрятности (теперь она уже уничтожена),

и съ сала, матеріала для выдѣлки мыла и другихъ предметовъ необходимости; пошлина съ бумаги, необходимаго орудія почти всѣхъ коммерческихъ дѣлъ и почти всякаго обученія,—но бумага, служащая для украшеній, напримѣръ для обоевъ и т. п., можетъ оставаться обложена пошлиною. Пошлины, доставляющія значительнѣйшую часть англійскихъ таможенныхъ и акцизныхъ доходовъ, напримѣръ пошлины съ сахара, чая, кофе, виноградного вина, пива, хлѣбнаго вина и табаку, сами по себѣ очень хороши при необходимости имѣть большой бюджетъ; но въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онѣ грубо нарушаютъ справедливость несоразмѣрностью, съ какою тяготѣютъ надъ небогатымъ классомъ; а нѣкоторыя изъ нихъ (пошлины съ хлѣбнаго вина и табаку) такъ высоки, что порождаютъ громадную контрабанду. Вѣроятно почти всѣ эти пошлины можно бы значительно понизить безъ большаго уменьшенія доходовъ. Какимъ образомъ выгоднѣе всего установить пошлину съ товаровъ высшаго сорта, потребляемыхъ богатыми людьми, я долженъ оставить рѣшенію лицъ, владѣющихъ нужными для того практическими знаніями. Затрудненіе здѣсь въ томъ, чтобы достичь цѣли безъ такого вмѣшательства въ производство, какого нельзя одобрить. Въ странахъ, которыя, подобно Соединеннымъ Штатамъ, получаютъ изъ заграницы большую половину потребляемыхъ ими товаровъ высшаго сорта, вопросъ этотъ представляетъ мало затрудненій; да и въ тѣхъ странахъ, которыя ввозятъ лишь матеріалъ для этихъ товаровъ, легко обложить пошлиною матеріалъ, особенно тѣ сорты его, которые исключительно идутъ на издѣлья, употребляемыя богатымъ классомъ потребителей. Потому въ Англіи была бы согласна съ принципомъ высокая пошлина на шолкъ; и быть можетъ удобно было бы обложить пошлиною высшіе сорты хлопчато-бумажной и льняной пряжи, какъ привозные, такъ и изготовляемые въ самой Англіи.

ГЛАВА VII.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ДОЛГЪ.

1. Вопросъ, который надобно здѣсь разсмотрѣть намъ, тотъ, справедливо ли или полезно ли получать деньги на правительственныя надобности не черезъ установленіе налоговъ въ размѣрѣ требуемой суммы, а черезъ взятіе части капитала подъ формою

займа и возложеніе на государственный бюджетъ процентовъ этой суммы. Нечего говорить о займахъ на покрытіе временной недостачи, напримѣръ о выпускѣ билетовъ казначейства, которые выплачиваются изъ обыкновенныхъ налоговъ въ одинъ годъ или много въ два года. Это средство удобное, а если правительство не имѣетъ въ казначействѣ резерва, то часто и необходимое при чрезвычайныхъ расходахъ или временномъ ослабленіи обыкновенныхъ источниковъ дохода. Вопросъ идетъ о томъ, слѣдуетъ ли дѣлать національный долгъ вѣчнаго рода, покрывать расходы на войну или на какія нибудь трудныя обстоятельства займами, которые будутъ выплачиваться лишъ очень медленно и въ отдаленное время или вовсе не будутъ выплачиваться.

Вопроса этого мы уже касались въ первой книгѣ (т. I, стр. 100—110). Мы замѣчали тамъ, что если капиталъ, который берется взаемъ, отвлекается изъ суммъ, занятыхъ производствомъ или назначавшихся къ занятію имъ, ихъ отклоненіе отъ этого дѣла равнозначительно взятію суммы займа изъ рабочей платы. Въ этомъ случаѣ и при займѣ всѣ расходы дѣлаются изъ фондовъ текущаго года. Такимъ займомъ правительство въ сущности производитъ покрытіе всѣхъ расходовъ налогомъ въ тотъ же годъ и притомъ налогомъ исключительно съ рабочихъ классовъ; а это ни чуть не лучше того, какъ еслибы оно взяло деньги на свои расходы формальнымъ налогомъ; и въ такомъ случаѣ весь оборотъ и всѣ его дурныя слѣдствія кончились бы съ окончаніемъ экстренныхъ расходовъ; а при косвенномъ пути займа цѣнность, какая берется у работниковъ, идетъ, въ выгоду не государству, а хозяевамъ работниковъ, и государство въ прибавокъ остается на вѣкъ обременено долгомъ и его процентами. Систему государственныхъ займовъ такого рода можно назвать самымъ худшимъ изъ всѣхъ финансовыхъ оборотовъ, остающихся при нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи.

Но мы замѣчали, что бываютъ обстоятельства другаго рода, при которыхъ займы не имѣютъ этихъ гибельныхъ послѣдствій: когда во первыхъ занимается иностранный капиталъ, переливающійся изъ страны въ страну излишекъ всемірнаго накопленія; или когда во вторыхъ занимается капиталъ, который вовсе не былъ бы сбереженъ, еслибы не открывалось ему такого помѣщенія, или капиталъ, который, будучи сбереженъ, растратился бы на непроизводительныя предпріятія или ушелъ бы искать занятія заграницу. Когда отъ прогресса накопленія прибыль понизилась или до окончательнаго или до практическаго minimum, до той величины, при-

*

уменьшеніи которой или остановилось бы накопленіе капитала, или всѣ новыя накопленія стали бы отправляться за границу, — правительство можетъ каждый годъ перехватывать эти новыя накопленія, не уменьшая ни суммы занятія для рабочаго класса, ни платы ему въ самой странѣ, а можетъ быть и нигдѣ въ другихъ странахъ. Слѣдовательно въ этомъ размѣрѣ система займовъ можетъ быть ведена, не подвергаясь рѣшительному и безусловному осужденію ложащемуся на нее, когда она переходитъ эту границу. Нуженъ только признакъ, по которому было бы видно, превзойдена или не превзойдена эта граница въ извѣстномъ періодѣ времени, напримѣръ въ наполеоновскія войны.

Существуетъ такой признакъ и достовѣрный и очевидный. Подняло ли величину процентовъ правительство своими заемными операціями? Если оно только открыло ими помѣщеніе капиталу, который безъ того не былъ бы накопленъ или, будучи накопленъ, не нашелъ бы себѣ занятія въ странѣ, то значитъ, капиталъ, взятый и израсходованный правительствомъ, не могъ бы найти себѣ занятія съ процентами существующаго размѣра. Пока займы только поглощаютъ этотъ излишекъ, они отвращаютъ пониженіе процентовъ, но никакъ не могутъ возвышать ихъ. Когда они возвышаютъ величину процентовъ, какъ напримѣръ до чрезвычайности возвышали ее въ войны Англіи съ Франціею, это положительно свидѣтельствуетъ, что правительство является соискателемъ на капиталъ въ соперничествѣ съ обыкновенными способами его помѣщенія, что оно беретъ не однѣ тѣ суммы, которыя не нашли бы себѣ производительнаго занятія въ странѣ, но и тѣ, которыя нашли бы его. Слѣдовательно, вся та часть правительственныхъ займовъ, отъ которой во время наполеоновскихъ войнъ величина процентовъ возвысилась надъ уровнемъ, существовавшимъ до войнъ и послѣ войнъ, вся эта часть принесла всѣ вредныя слѣдствія, нами перечисленныя. Если возразятъ, что проценты поднялись лишь отъ возвышенія прибыли, я отвѣчаю, что этимъ не ослабляется, а увеличивается сила моего аргумента. Если правительственные займы возвысили прибыль огромностью поглощенной ими суммы капитала, то какимъ способомъ произвели они это, кромѣ какъ пониженіемъ рабочей платы? Скажутъ, что высота прибыли во время войны поддерживалась не отъ поглощенія національнаго капитала займами, а отъ быстраго хода промышленныхъ усовершенствованій. Въ значительной степени оно такъ и было, и безъ сомнѣнія этимъ облегчалось обремененіе рабочихъ классовъ и уменьшалось гибельное

вліяніе тогдашней финансовой системы; но принципъ нимало не колеблется тѣмъ. Эти промышленныя усовершенствованія открывали помѣщеніе для большей суммы капитала, и правительство, поглощая значительнѣйшую половину годичнаго накопленія, если не могло помѣшать окончательному возникновенію капитала, (который очень быстро сталъ возникать по заключеніи мира) то мѣшало его своевременному возникновенію, и все-таки отнимало отъ распредѣленія между производительными работниками тѣ суммы, которыя брало. Если бы правительство не брало этого капитала въ займы и давало ему доходить до работниковъ, а собирало нужные ему доходы прямымъ налогомъ на рабочіе классы, оно производило бы (во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ расходовъ и неудобствъ по сбору налога) тѣ же самыя экономическія послѣдствія, какія производились имъ тогда, съ тою одною разницею, что мы не имѣли бы теперь долга. Слѣдовательно тогдашній способъ дѣйствій его былъ хуже самаго худшаго изъ всѣхъ возможныхъ способовъ покрытія годичныхъ издержекъ годичными налогами: и единственнымъ возможнымъ извиненіемъ или оправданіемъ была тутъ тяжелая необходимость (на сколько дѣйствительно существовала тутъ необходимость), — невозможность собирать ежегодно столь громадную сумму налогами иначе какъ при установленіи налоговъ, сборъ которыхъ оказался бы невозможностью или по ихъ ненавистности или по легкости уклоненій отъ нихъ.

Когда правительственные займы ограничиваются избыткомъ накопленій національнаго капитала, или тѣми накопленіями, которыя не дѣлались бы иначе какъ для перелива заграницу, займы эти не подлежатъ по крайней мѣрѣ одному тяжелому упреку: они въ свое время не подвергаютъ никого никакимъ лишеніямъ, кромѣ какъ на уплату процентовъ, и пока занятыя суммы расходуются, они могутъ быть даже выгодны рабочему классу, употребляя на прямую покупку труда (наемъ солдатъ, матросовъ и т. д.) такія суммы, которыя иначе вовсе ушли бы можетъ быть заграницу. Итакъ лишь при займахъ такого рода дѣйствительно является вопросъ, который обыкновенно считаютъ прилагающимся ко всякимъ займамъ, — вопросъ о томъ, что лучше: большое ли одновременное пожертвованіе или меньшее вѣчно продолжающееся пожертвованіе. Мнѣ кажется, что въ этомъ дѣлѣ теорія находитъ благоразумнымъ для націй тотъ же самый образъ дѣйствій, какой внушается благоразуміемъ честному человѣку: принимать на себя немедленно все то пожертвованіе, какое можно вынести безъ труда

и лишь ту часть бремени, которая слишкомъ стѣснила бы или задавила бы, покрывать отдачею своего будущаго дохода въ залогъ. Пусть нынѣшними средствами удовлетворяются нынѣшнія нужды; будущему придется заботиться о своихъ собственныхъ надобностяхъ, — это превосходное правило. Съ другой стороны, основательно можно брать въ разсчетъ и то, что въ странѣ, богатство которой возрастаетъ, необходимыя правительственныя издержки растутъ не такъ быстро, какъ капиталъ или населеніе; слѣдовательно всякое бремя будетъ становиться все меньше и меньше чувствительно, а изъ чрезвычайныхъ правительственныхъ расходовъ почти всѣ тѣ, которые сами по себѣ недостойны порицанія, бываютъ полезны и не одному нынѣшнему поколѣнію; стало быть нѣтъ несправедливости слагать на потомство часть уплаты, если слишкомъ трудно было бы уплатить весь расходъ усиліями и пожертвованіями того поколѣнія, при которомъ онъ дѣлался.

2. Когда страна, благоразумно или неблагоразумно, но уже обременила себя долгомъ, то полезно ли принимать мѣры къ его выкупу? Въ принципѣ невозможно не отвѣчать на это утвердительно. Правда, что платежъ процентовъ, когда кредиторы — члены того же самаго общества, — не потеря для націи, а только передвиженіе суммъ. Но это передвиженіе принудительное; потому оно приноситъ важный вредъ; а взиманіе большой добавочной суммы на проценты долга приноситъ, какова бы ни была система налоговъ, столько издержекъ, стѣсненій, неудобствъ для промышленныхъ операцій и другихъ обремененій сверхъ самаго платежа денегъ, нужныхъ правительству, что для устраненія надобности въ этихъ налогахъ никогда не слѣдуетъ жалѣть и значительнаго усилія. Въ какомъ размѣрѣ стоило дѣлать жертву для избѣжанія займа, въ такомъ же размѣрѣ стоитъ въ слѣдующіе годы дѣлать жертву для его погашенія.

Для уплаты національнаго долга предлагаются два способа: мгновенный посредствомъ всеобщей раскладки, и постепенный посредствомъ бюджетнаго излишка. Первый былъ бы безъ всякаго сравненія лучше, если бы былъ удобоисполнимъ; а удобоисполнимъ былъ бы онъ, еслибы справедливость дозволяла сдѣлать раскладку этого экстреннаго налога лишь на имущество. Еслибы собственность несла весь платежъ процентовъ долга, она могла бы выплатить долгъ съ большою выгодою для себя: это значило бы просто уступить кредитору капитальную сумму, весь доходъ съ которой уже отданъ ему закономъ; это было бы то же самое, что дѣлаетъ

землевладѣлецъ, продавая часть помѣстья на очищеніе остальнаго помѣстья отъ долга. Но почти нѣтъ надобности и замѣчать, что не одна собственность платитъ всѣ проценты долга, и что нельзя по справедливости требовать отъ нея этого. Есть люди, говорящіе, что требовать этого можно отъ нея на томъ основаніи, что нынѣшнее поколѣніе обязано платить долги своихъ предшественниковъ лишь изъ наслѣдства, полученнаго отъ нихъ, а не изъ продукта собственнаго труда. Но развѣ никто кромѣ лицъ, наслѣдовавшихъ собственность, ничего не получилъ отъ предшествующихъ поколѣній? Развѣ вся разница нынѣшней земли, расчищенной и улучшенной съ ея дорогами и каналами, городами и фабриками, отъ той земли, какою была она, когда въ первый разъ ступила на нее человѣческая нога, — развѣ вся эта разница служитъ въ пользу только лицамъ, называющимся землевладѣльцами? Развѣ капиталъ, накопленный трудомъ и воздержаніемъ всѣхъ прежнихъ поколѣній, не приноситъ пользы никому, кромѣ наслѣдовавшихъ юридическое право собственности надъ частью его? и развѣ не наслѣдовали мы массу научнаго и эмпирическаго знанія, пріобрѣтеннаго проницательностію и трудолюбіемъ нашихъ предшественниковъ, и развѣ польза отъ него не общее богатство каждаго? Лица, родившіяся владѣтелями собственности, имѣютъ кромѣ общихъ выгодъ еще особенное наслѣдство, и справедливо принимать во вниманіе эту разницу при распредѣленіи налоговъ. Брать въ разсчетъ этотъ принципъ должна общая система налоговъ страны, и я уже показалъ надлежащій способъ брать его въ разсчетъ — установленіе значительнаго налога со всякихъ наслѣдствъ. Опредѣляйте прямо и ясно, сколько должна давать собственность государству и чѣмъ обязано ей государство, и устроивайте сообразно тому государственныя учрежденія. Какую долю должна справедливо давать собственность на общіе расходы государства, точно такую же, а не большую долю должна давать она и на проценты и на уплату національнаго долга.

Если же мы согласимся съ этимъ, это убиваетъ всякій планъ погашенія долга общею раскладкою на націю. Собственники могли бы уплатить свою долю суммы пожертвованіемъ части собственности и сохранить прежній чистый доходъ; но если потребуется отъ лицъ, не имѣющихъ накопленій, а имѣющихъ лишь доходъ, чтобы они внесли однимъ платежомъ цѣнность, равную той, процентами съ которой служатъ налоги, взимаемые съ нихъ на проценты государственнаго долга, они не могли бы взнести эту уплату иначе

какъ сдѣлавъ личный долгъ, равный приходящейся на нихъ долѣ государственнаго долга; а по недостаточности обезпеченія, какое въ силахъ представить почти всѣ они, проценты этого личнаго долга составляли бы ежегодный платежъ гораздо больше того, сколько платятъ они теперь государству. Притомъ же общій долгъ, уплачиваемый налогами, имѣетъ надъ раздробленною на отдѣльныхъ лицъ такою же суммою долга то громадное преимущество, что въ немъ есть, можно сказать, взаимное застрахованіе между платящими. Если состояніе человѣка уменьшается, уменьшаются и его налоги; если онъ разорился, они совершенно прекращаются, и его часть долга вся переносится на состоятельныхъ членовъ общества. Еслибы она была переложена лично на него, онъ остался бы долженъ эту сумму, хотя бы потерялъ рѣшительно все.

Когда государство имѣетъ поземельную или другую собственность и нѣтъ сильныхъ причинъ удерживать ее въ его распоряженіи для общественной пользы, она должна быть употреблена на погашеніе или уменьшеніе долга. Всякій случайный выигрышъ, всякій подарокъ судьбы натурально обращать на ту же цѣль. Затѣмъ единственный справедливый и практичный способъ погашать или уменьшать національный долгъ — обращать на это остатокъ дохода.

3. Хорошо ли само по себѣ сохранять излишекъ доходовъ на это дѣло, тутъ мнѣ кажется не можетъ быть сомнѣнія. Правда, говорятъ иные, что сумму эту лучше оставлять «оплодотворяться въ карманѣ народа». Насколько соотвѣтствуетъ фактамъ этотъ аргументъ, онъ годится противъ излишняго взиманія налоговъ на непроизводительный расходъ; но не годится онъ противъ уплаты національнаго долга. Какой смыслъ въ словѣ «оплодотворяться»? Если есть какой смыслъ въ немъ, то конечно смыслъ: идти на производительное употребленіе, а какъ аргументъ противъ налоговъ мы должны понимать его въ томъ смыслѣ, что если сумма останется у народа, онъ сбережетъ ее и обратитъ въ капиталъ. И точно, надобно думать, что онъ сбережетъ часть ея, но совершенно невѣроятно, что онъ сбережетъ ее всю; а если она взята налогомъ и употреблена на уплату долга, она вся сбережена и сдѣлана производительною. Для лица, имѣвшаго государственныя облигаціи и получившаго ее въ уплату за нихъ, она—уже капиталъ, а не доходъ, и оно «оплодотворитъ» ее, чтобы она продолжала давать ему доходъ. Слѣдовательно это возраженіе не только не основательное, а служащее аргументомъ для противоположнаго вывода:

сумма эта гораздо вѣрнѣе «оплодотворится», если не будетъ «оставлена въ карманѣ народа».

Но не во всякихъ обстоятельствахъ хорошо оставлять излишекъ дохода на уплату долга. Напримѣръ для Англіи выгода отъ уплаты національнаго долга — та, что это дало бы намъ возможность избавиться отъ худшей половины нашихъ нынѣшнихъ налоговъ. Но въ этой худшей половинѣ конечно есть части, которыя еще хуже другихъ и избавиться отъ нихъ было бы, сравнительно говоря, полезнѣе, чѣмъ избавиться отъ остальныхъ. Если отказавшись отъ излишка дохода, мы могли бы обойтись безъ какого нибудь налога, то мы должны считать, что именно тотъ изъ нашихъ налоговъ, который хуже всѣхъ, сохраняется нами для того, чтобы наконецъ отмѣнить налоги, не столь дурные, какъ онъ. Въ странѣ, богатство которой увеличивается и возрастаніе доходовъ даетъ возможность ей отъ времени до времени отбрасывать неудобнѣйшія части своей системы налоговъ, возрастаніемъ дохода по моему лучше пользоваться для отмѣненія налоговъ, чѣмъ для ликвидаціи долга, пока остаются какіе нибудь очень дурные налоги. Потому я считаю при нынѣшнемъ положеніи Англіи хорошимъ правительственнымъ разсчетомъ, при появленіи излишка, кажущагося неимолетнымъ, отмѣнять налоги, лишь бы налоги эти выбирались вѣрно. Да и когда остаются уже только такіе налоги, которые годятся на сохраненіе въ постоянной бюджетной системѣ, хорошо продолжать тотъ же образъ дѣйствій опытами уменьшенія этихъ налоговъ, пока найдется предѣлъ, на которомъ данная сумма дохода можетъ получаться государствомъ съ наименьшимъ обремененіемъ для платящихъ. Затѣмъ излишекъ доходовъ, могущій возникать изъ дальнѣйшаго увеличенія производительности этихъ налоговъ, не надобно уничтожать ихъ уменьшеніемъ, а слѣдуетъ, мнѣ кажется, обращать на выкупъ долга. Тутъ полезно быть можетъ опредѣлять весь доходъ отъ извѣстныхъ налоговъ на это дѣло, потому что будетъ больше вѣрности въ постоянномъ выкупѣ, если суммы, назначенныя на то, будутъ оставляемы въ отдѣльности, а не смѣшиваемы съ общимъ государственнымъ доходомъ. Особенно пригодны къ этому пошлины съ наслѣдствъ, потому что онѣ уплачиваются изъ капитала, слѣдовательно лучше употреблять ихъ на выкупъ капитала, чѣмъ на текущія издержки. Если будутъ такимъ образомъ отдѣлены на выкупъ извѣстные налоги, то излишекъ, возникающій отъ увеличенія доходности другихъ налоговъ

и отъ сбереженія процентовъ по выкупленнымъ частямъ долга, можетъ служить основаніемъ для уменьшенія налоговъ.

Говорятъ иногда, что нѣкоторой суммѣ національнаго долга хорошо и даже почти необходимо существовать, какъ помѣщенію для сбереженій небогатой или неопытной части общества. Удобство его въ этомъ отношеніи неоспоримо; но вопервыхъ успѣхами промышленности постепенно создаются другіе способы помѣщенія, почти столь же вѣрные и спокойные, напримѣръ акціи и облигаціи большихъ акціонерныхъ обществъ; а во вторыхъ единственное существенное превосходство государственныхъ фондовъ состоитъ въ національной гарантіи, а ее можно дать и другими способами кромѣ государственнаго долга, соединеннаго съ принудительнымъ налогомъ. Однимъ изъ хорошихъ способовъ къ тому былъ бы національный депозитный и дисконтный банкъ съ конторами по всему государству; онъ могъ бы принимать всякіе вклады на вѣчные проценты по всему вкладу, или давать проценты по текущему балансу, какъ дѣлаютъ англійскіе акціонерные банки; проценты эти конечно были бы ниже процентовъ, по какимъ занимаютъ частныя лица, соразмѣрно тому, что помѣщеніе въ правительственный банкъ представляетъ больше вѣрности, а расходы банка покрывались бы разницею платимыхъ имъ процентовъ и процентовъ, какіе онъ получалъ бы, давая свои вклады въ ссуду подъ коммерческіе, поземельные и другіе залоги. Не представляется въ принципѣ и не представляетъ по моему мнѣнію въ практикѣ непреодолимыхъ трудностей устроить такое учрежденіе, какъ средство для помѣщенія столь же удобнаго какъ нынѣшнее помѣщеніе, даваемое государственными фондами. Черезъ это государство стало бы огромнымъ страховымъ обществомъ для застрахованія класса лицъ, живущихъ процентами съ своей собственности, противъ риска потерять ее черезъ банкротство лицъ, которымъ безъ того они принуждены были бы ввѣрять ее.

ГЛАВА VIII.

ОБЫКНОВЕННЫЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ФУНКЦІИ СО СТОРОНЫ СВОЕГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ВЛІЯНІЯ.

1. Прежде чѣмъ станемъ мы разсматривать линію разграниченія между предметами, въ которые должно, и предметами, въ ко-

торые не должно прямо вмѣшиваться правительство, необходимо намъ разсмотрѣть, какія дурныя и хорошія послѣдствія происходятъ отъ образа дѣйствій правительства по обязанностямъ, которыя лежатъ на немъ во всѣхъ обществахъ, которыя должны лежать на немъ по безспорному согласію всѣхъ.

Первое изъ нихъ охраненіе личности и собственности. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какое вліяніе на экономическіе интересы общества оказываетъ степень удовлетворительности въ отправленіи этой обязанности правительствомъ. Небезопасность личности и собственности, это значитъ невѣрность всякой связи между человѣческими усиліями или пожертвованіями и достиженіемъ цѣлей, для которыхъ они дѣлаются. Это значитъ: неизвѣстность того, пожнетъ ли сѣющій, достанется ли потреблять производящему, будетъ ли человѣкъ завтра пользоваться тѣмъ, что сберегаетъ нынѣ. Это значитъ, что трудъ и бережливость не ведутъ къ пріобрѣтенію, а ведетъ къ нему насиліе. Когда небезопасность личности и собственности простирается до извѣстной степени, все имущество слабаго находится во власти сильнаго. Сохранить то, что произвелъ, можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ больше силы защитить свое имущество, чѣмъ сколько имѣютъ силы отнять его люди, не отдающіе своего времени и труда полезной дѣятельности. Слѣдовательно когда небезопасность простирается до извѣстной степени, лица производительнаго класса, будучи не въ силахъ защитить себя отъ хищничества населенія, принуждены бываютъ каждое ставить себя въ зависимость отъ какого нибудь члена хищническаго класса, чтобы онъ находилъ свою выгоду защищать ихъ отъ всякаго грабежа кромѣ своего собственнаго. Этимъ способомъ въ средніе вѣка аллодіальная собственность вообще сдѣлалась феодальною и свободные люди бѣднаго класса добровольно дѣлали себя и свое потомство рабами какого нибудь военнаго господина.

Но придавая этому великому условію безопасности личности и собственности всю ту важность, какая справедливо приписывается ему, мы не должны забывать, что даже и для экономическихъ цѣлей столь же необходимы другія условія, существованіемъ которыхъ часто въ значительной степени вознаграждается несовершенство охраненія, даваемаго правительствомъ. Мы уже замѣчали однажды (т. I, стр. 153), что свободные города Италіи, Фландріи и Ганзейскаго союза обыкновенно находились въ состояніи такого внутренняго волненія, разнообразившагося такими разрушительны-

ми внѣшними войнами, что охраненіе личности и собственности въ нихъ было очень неудовлетворительно; но въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ богатство и благосостояніе въ нихъ быстро расло, промышленныя искусства доведимы были ими до высокой степени развитія, они совершали съ необыкновеннымъ успѣхомъ далекія и опасныя путешествія для открытій и для торговли, превзошли могуществомъ самыхъ сильныхъ феодальныхъ владѣльцевъ и могли даже защищаться противъ европейскихъ государей; это потому, что среди безпорядковъ и насилій граждане этихъ городовъ пользовались извѣстною грубою свободою, подъ условіемъ единства и взаимнаго содѣйствія, такъ что отъ всего этого вмѣстѣ сдѣлались они людьми мужественными, энергическими, отважными и развился въ нихъ сильный общественный духъ и патріотизмъ. Процвѣтаніе этихъ и другихъ свободныхъ государствъ въ вѣкъ беззаконія показываетъ, что въ извѣстной обстановкѣ нѣкоторая степень небезопасности имѣетъ кромѣ дурныхъ слѣдствій и хорошія, дѣлая энергію и практическую ловкость условіями безопасности. Небезопасность парализируетъ лишь тогда, когда характеръ и размѣръ ея таковъ, что всей энергіи, къ какой способенъ обыкновенный человѣкъ, недостаточно бываетъ для самоохраненія. Вотъ главная причина тому, что притѣснительныя дѣйствія правительства, сила которыхъ вообще была непреодолима никакими усиліями частныхъ лицъ, имѣла на пружины общественнаго благосостоянія гораздо гибельнѣйшее вліяніе, чѣмъ даже извѣстная степень беззаконности и смутъ при свободныхъ учрежденіяхъ. Націи пріобрѣтали нѣкоторое богатство и дѣлали нѣкоторый прогрессъ при такомъ несовершенствѣ общественнаго союза, которое граничило съ анархіею; но ни промышленной дѣятельности ни богатства не оставалось въ странахъ, гдѣ народъ безгранично подвергался произвольнымъ поборамъ правительственныхъ агентовъ. Въ нѣсколько поколѣній при такихъ правительствахъ непремѣнно исчезали и промышленность и богатство. Прекраснѣйшія и нѣкогда чрезвычайно процвѣтавшія страны земли обратились отъ этой одной причины въ пустыню подъ римскимъ и потомъ подъ турецкимъ господствомъ. Я говорю: отъ этой одной причины, потому что они чрезвычайно быстро оправились бы, какъ и всегда чрезвычайно быстро страны оправляются отъ военныхъ опустошеній и всякихъ другихъ бѣдствій. Случайныя бѣдствія и трудности часто служатъ возбужденіемъ къ новому труду; гибельно для него убѣжденіе, что его не допустятъ производить свои результаты.

2. Если правительственные налоги просто только чрезмѣрны, это конечно великое бѣдствіе, но экономическая сторона вреда отъ него все-таки несравненно меньше, чѣмъ сборы гораздо меньшаго размѣра, подчиняющіе человѣка произвольнымъ распоряженіямъ правительственныхъ чиновниковъ или распредѣляемые такъ, что искусство, трудолюбіе и бережливость становятся невыгодны. Въ Англіи бремя налоговъ очень велико, но каждый знаетъ его предѣлъ и рѣдко кому приходится платить больше, чѣмъ онъ ожидаетъ и разсчитываетъ, а способъ распредѣленія налоговъ не таковъ, чтобы много вредить побужденіямъ къ трудолюбію и бережливости; потому источники благосостоянія не слишкомъ уменьшаются тяготѣніемъ налоговъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ они даже увеличиваются отъ налоговъ черезъ возбужденіе чрезвычайныхъ усилій въ человѣкѣ, чтобы вознаградить себя за тяжесть налоговъ. Но при варварскомъ деспотизмѣ многихъ восточныхъ странъ, гдѣ налогъ состоитъ въ томъ, чтобы бросаться на людей, успѣвшихъ пріобрѣсти что нибудь и конфисковать ихъ имущества, если человѣкъ не откупится платежомъ большой суммы въ видѣ сдѣлки, — въ такихъ странахъ конечно нельзя найти ни добровольнаго трудолюбія, ни богатствъ, пріобрѣтенныхъ чѣмъ нибудь кромѣ грабежа. Даже въ странахъ, сравнительно цивилизованныхъ, подобныя слѣдствія, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, имѣютъ дурные способы полученія доходовъ. Французскіе писатели во времена до революціи представляли подушную подать главною причиною отсталости земледѣлія и бѣдственнаго положенія поселянъ; не потому, чтобы она была слишкомъ велика, а потому, что, соразмѣряясь съ видимымъ капиталомъ землепашца, она заставляла его казаться бѣднымъ, а этого было довольно, чтобы дать лѣности перевѣсъ въ человѣкѣ. Произвольная власть финансовыхъ чиновниковъ, интендантовъ и субделегатовъ, уничтожая безопасность, также вредила благосостоянію больше, чѣмъ вредили бы налоги гораздо высшаго размѣра; провинціи, избавленныя отъ этого бича, были замѣтно благосостоятельнѣе другихъ.

Но и независимо отъ несправедливости налоговъ, уже и одна чрезмѣрность ихъ — важное экономическое зло, если даже и не усиливается неопредѣленностью ихъ. Она можетъ доходить до того, что ослабляетъ трудолюбіе недостаточностью вознагражденія. И задолго до достиженія этой степени она уничтожаетъ или сильно задерживаетъ накопленіе или заставляетъ накопленный капиталъ уходить на помѣщеніе заграницу. Налоги, падающіе на при-

быль, хотя бы она платила лишь равную часть съ другими видами дохода, непремѣнно уменьшаютъ охоту сберегать иначе какъ для помѣщенія въ чужія страны, гдѣ прибыль выше. Напримѣръ Голландія давно достигла, надобно думать, практическаго minimum прибыли: еще въ прошломъ вѣкѣ у богатыхъ ея капиталистовъ значительная часть состоянія была помѣщена въ займахъ и акціонерныхъ спекуляціяхъ другихъ земель. Эта низкость прибыли приписывается тяжелымъ налогамъ, въ извѣстной степени вынуждавшимся у нея особенностями ея положенія и исторіи. Правда и то, что кромѣ своей огромности, значительная часть налоговъ лежала на предметахъ необходимости, а такіе налоги особенно вредны трудолюбію и сбереженію. Но если общая сумма налоговъ очень велика, то неизбѣжно часть ихъ должна состоять изъ налоговъ дурнаго рода. А всякіе налоги на потребленіе, когда бываютъ тяжелы, становятся сходны по дѣйствію съ налогами на прибыль, хотя берутся и не съ нея: они заставляютъ людей средняго состоянія жить заграницею, а часто брать съ собою и свой капиталъ. Я нимало не согласенъ съ тѣми политико-экономами, которымъ кажется хорошо лишь такое состояніе, въ которомъ богатство быстро растетъ; но нельзя не видѣть многихъ невыгодъ для независимой націи въ томъ, когда она преждевременно введена въ неподвижное состояніе, между тѣмъ какъ сосѣднія страны продолжаютъ идти впередъ.

3. Правительственное охраненіе личности и собственности широко развѣтвляется многоразличными косвенными отраслями. Напримѣръ, сюда принадлежитъ весьвопросъ объ удовлетворительности или достаточности способовъ, опредѣленныхъ для подтвержденія правъ и исправленія обидъ. Личность и собственность не можетъ считаться безопасною, если отправленіе правосудія не удовлетворительно по недостатку честности или способности въ судилищахъ или потому что медленность, хлопотливость и убыточность дѣлопроизводства бываетъ тяжелымъ налогомъ на обращающихся въ судилища и лучше бываетъ для людей терпѣть до послѣдней крайности несправедливость, противъ которой назначены судилища. Въ Англіи отправленіе правосудія безупречно со стороны денежной неподкупности; надобно думать, что и у многихъ другихъ европейскихъ націй произведенъ этотъ результатъ прогрессомъ общественнаго улучшенія. Но много бываетъ другихъ законодательныхъ и судебныхъ недостатковъ; и они, особенно въ Англіи, сильно уменьшаютъ цѣнность услугъ, оказываемыхъ правительствомъ

народу взамѣнъ за чрезмѣрные англійскіе налоги. Во первыхъ неузнаваемость закона (по выраженію Бентама) и чрезвычайная шаткость его даже для людей, наиболѣе знающихъ, часто заставляетъ обращаться къ трибуналу для полученія справедливости по такимъ дѣламъ, по которымъ не нужно было бы никакого процесса, еслибы не было спора о фактахъ. Во вторыхъ судопроизводство такъ исполнено промедленій, хлопотъ и издержекъ, что цѣна, за какую наконецъ получается правосудіе, бываетъ обремененіемъ, перевѣшивающимъ очень значительную несправедливость; и неправая сторона, даже и тогда, когда по закону считается неправою, имѣетъ много шансовъ выиграть или чрезъ то, что процессъ будетъ брошенъ противникомъ по недостатку денегъ или черезъ сдѣлку, въ которой жертвуется право для окончанія тяжбы, или черезъ какую нибудь техническую уловку, получающую приговоръ о дѣлѣ не по его сущности, а по другимъ основаніямъ. Этотъ послѣдній постыдный случай часто безъ вины судьи встрѣчается при англійскихъ законахъ, изъ которыхъ значительная часть не основана на разумныхъ принципахъ, сообразныхъ съ нынѣшнимъ общественнымъ состояніемъ, а была первоначально основана можно сказать на капризахъ и фантазіяхъ или на принципахъ и обстоятельствахъ феодальныхъ отношеній (остающихся нынѣ въ Англіи только юридическими фикціями) и часто слишкомъ неудовлетворительно примѣнялась по мѣрѣ надобности къ перемѣнамъ, происходившимъ въ обществѣ. Изъ всѣхъ англійскихъ судилищъ канцлерскій судъ, руководящійся законами, которые сами по себѣ лучше другихъ, до сихъ поръ былъ безъ всякаго сравненія самымъ худшимъ изъ всѣхъ судилищъ по медленности, хлопотливости и убыточности. А онъ—исключительное судилище почти для всѣхъ дѣлъ, наиболѣе запутанныхъ по своей сущности, напримѣръ по дѣламъ о совмѣстномъ владѣніи и по очень многочисленнымъ и разнообразнымъ дѣламъ, подходящимъ подъ рубрику опекунскихъ. Недавними реформами въ этомъ судилищѣ зло это уменьшено, но еще далеко не устранено.

Къ счастью для англійскаго благосостоянія большая часть коммерческихъ законовъ довольно новы и составлены тѣмъ простымъ способомъ, что судилища признавали и давали законную силу обычаямъ, которые для удобства дѣлъ возникли между самими купцами; такъ что по крайней мѣрѣ эта часть законовъ составлена въ сущности тѣми лицами, которыя наиболѣе заинтересованы, чтобы законы были хороши. А недостатки судилищъ имѣли по ком-

мерческимъ дѣламъ меньше вреда, чѣмъ по другимъ, оттого, что важность кредита, зависящаго отъ репутаціи, ставитъ силу общественнаго мнѣнія (хотя еще и недостаточнымъ, по свидѣтельству ежедневнаго опыта), но все-таки очень сильнымъ охраненіемъ противъ тѣхъ видовъ торговой безчестности, которые всѣми признаны за безчестные.

Недостатки законодательства и судопроизводства тяжелѣе всего падаютъ на интересы такъ называемой реальной собственности, т. е. по общей терминологіи европейскаго законодательства, недвижимой собственности. Относительно всей этой части общественнаго богатства англійскій законъ поразительно неудовлетворителенъ въ своемъ обѣщаніи охранять ее. Неудовлетворителенъ онъ во первыхъ по своей шаткости и по путаницѣ техническихъ тонкостей, отъ которыхъ никому ни съ какими издержками нельзя пріобрѣсти на землю такихъ документовъ, чтобы положительно быть увѣрену въ ихъ неоспоримости. Второй недостатокъ—то, что не установляетъ онъ надлежащаго удостовѣренія въ сдѣлкахъ хорошею регистровкою юридическихъ актовъ. Третій недостатокъ—тотъ, что независимо отъ казенныхъ пошлинъ существуетъ еще необходимость въ хлопотливыхъ и убыточныхъ документахъ и формальностяхъ при продажѣ и даже при арендованіи и залогѣ недвижимой собственности. Четвертый недостатокъ — несносныя убыточность и медленность судопроизводства почти по всѣмъ дѣламъ, касающимся недвижимой собственности. Конечно больше всего страдаютъ отъ недостатковъ высшихъ гражданскихъ судилищъ землевладѣльцы. Юридическіе расходы по поведеннымъ процессамъ или по составленію законныхъ документовъ составляютъ, какъ я думаю, значительную статью въ расходахъ почти всякаго владѣльца большой поземельной собственности, и продажная цѣна земли сильно понижается затруднительностью дать покупщику документъ, вполнѣ его обезпечивающій; о юридическихъ издержкахъ, соединенныхъ съ передачею собственности я уже не говорю. А между тѣмъ землевладѣльцы, хотя и были господами въ англійскомъ законодательствѣ, по крайней мѣрѣ съ 1688 г., никогда не дѣлали ни одного шага къ реформамъ въ законахъ и горячо противились иногда и такимъ законодательнымъ улучшеніямъ, отъ которыхъ всего больше было бы пользы именно для нихъ; въ особенности великому улучшенію въ засвидѣтельствованіи поземельныхъ договоровъ, которое, будучи предложено коммисіею знаменитыхъ юристовъ, занимавшихся дѣлами поземельной собственности, и, будучи внесено въ

палату общинъ лордомъ Кембелемъ, показалось такъ непріятно массѣ землевладѣльцевъ и было отвергнуто такимъ значительнымъ большинствомъ, что надолго была отнята этимъ охота къ повторенію подобной попытки. Эту неразумную враждебность улучшеніямъ по дѣлу, въ которомъ они были бы всего полезнѣе для нихъ самихъ, надобно приписывать чрезвычайной боязливости землевладѣльцевъ за документы, по которымъ они владѣютъ землями, — боязливости, порожденной неудовлетворительностью тѣхъ самыхъ законовъ, измѣнять которые они не соглашаются; и сознанію своего невѣжества но всѣмъ юридическимъ вопросамъ и неспособности своей судить о нихъ, — сознанію, заставляющему ихъ безполезно покоряться мнѣнію своихъ повѣренныхъ, забывая о фактѣ, что чѣмъ обременительнѣе для землевладѣльца каждый недостатокъ законовъ, тѣмъ больше выгоды даетъ онъ стряпчимъ.

Своею обременительностью собственно для землевладѣльцевъ недостатки законовъ мало вредятъ источникамъ производства; но шаткость права, по которому собственникъ владѣетъ землею, конечно часто служитъ большою помѣхою для фермера расходовать капиталъ на улучшеніе земли; а расходы по передачѣ земли мѣшаютъ ей доставаться въ руки лицъ, которыя извлекли бы изъ нея наибольшую выгоду; при покупкѣ мелкихъ участковъ расходы эти часто превышаютъ цѣну самой земли, слѣдовательно равносильны воспрещенію продавать и покупать землю мелкими участками,—эти возможно лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ. А эти продажи почти повсюду были бы чрезвычайно полезны, потому что почти нѣтъ такой страны, гдѣ поземельная собственность не была бы или чрезмѣрно сосредоточена или чрезмѣрно раздроблена, такъ что нужно было бы или распасться большимъ помѣстьямъ или соединиться въ одно мелкимъ участкамъ. Сдѣлать, чтобы земля могла передаваться столь же легко, какъ движимая собственность, значило бы сдѣлать одно изъ величайшихъ экономическихъ улучшеній, какія можно дать странѣ, и не разъ было доказываемо, что нѣтъ непреодолимаго затрудненія къ этому дѣлу.

Кромѣ того, хороши или дурны законы и судопроизводство страны какъ рядъ учрежденій для достиженія прямыхъ практическихъ цѣлей, важно даже съ экономической точки зрѣнія и нравственное вліяніе законовъ. Прежде (т. I, стр. 149) мы уже достаточно сказали о томъ, до какой степени успѣшность и промышленныхъ и всѣхъ другихъ сочетаній человѣческой дѣятельности обусловливается тѣмъ, чтобы люди могли полагаться другъ на друга

относительно честности и вѣрности обязательствамъ; изъ этого видно, что даже и экономическое благосостояніе страны должно чрезвычайно много зависѣть отъ того, честность ли и надежность или противоположныя качества развиваются въ людяхъ ея учрежденіямп. Формально законъ повсюду благопріятствуетъ, если не всякой, по крайней мѣрѣ денежной честности и вѣрности договора; но если онъ даетъ легкіе способы уклоняться отъ этихъ обязательствъ плутнями и крючкотворствомъ или безчестнымъ употребленіемъ денегъ на заведеніе несправедливыхъ или остановку справедливыхъ тяжебъ; если есть для людей пути и средства достигать плутовскихъ цѣлей по законной формѣ, — то законъ съ этой стороны деморализируетъ даже и денежную честность. И къ несчастію при системѣ англійскихъ законовъ такіе случаи часты. Точно также, если законъ неумѣстнымъ потворствомъ охраняетъ лѣность или мотовство отъ ихъ естественныхъ послѣдствій или оставляетъ преступленіе слишкомъ слабо наказаннымъ, онъ неблагопріятенъ и благоразумію и другимъ хорошимъ качествамъ въ обществѣ. Когда законъ въ своихъ льготахъ и обремененіяхъ установляетъ несправедливость въ отношеніяхъ частныхъ лицъ, — что надобно сказать о всѣхъ законахъ, признающихъ какую бы то ни было форму рабства,—надобно сказать, хотя въ неодинаковой степени, о законахъ всѣхъ странъ по семейнымъ отношеніямъ и надобно сказать, хотя также въ неодинаковой степени, о законахъ многихъ странъ по отношеніямъ между богатыми и бѣдными, — вліяніе законовъ на нравственность народа еще гораздо гибельнѣе. Но эти вопросы ведутъ къ соображеніямъ, гораздо болѣе обширнымъ и глубокимъ, чѣмъ одни политико-экономическія соображенія, такъ что я лишь упоминаю объ нихъ, чтобы не пройти совершеннымъ молчаніемъ предметы, превосходящіе своею важностію предметы, излагаемые мною.

ГЛАВА IX.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

1. Изложивъ то вліяніе, какое имѣютъ достоинства или недостатки общей системы законовъ, я коснусь теперь результатовъ, происходящихъ отъ особенностей отдѣльныхъ частей законодательства. Тутъ надобно ограничиться лишь нѣкоторыми примѣрами,

потому я выберу только немногіе главные вопросы. Послѣ законовъ, опредѣляющихъ состояніе работника, рабство, крѣпостную зависимость или свободу его,—въ экономическомъ отношеніи важнѣйшія части гражданскихъ законовъ — законы о наслѣдствѣ и о договорахъ. Изъ законовъ о договорахъ въ экономическомъ отношеніи важнѣе всего законы о коммерческомъ товариществѣ и о несостоятельности. По всѣмъ этимъ тремъ отдѣламъ есть въ Англіи законы, которые заслуживаютъ осужденіе.

Общіе принципы вопроса о наслѣдствѣ я уже разсматривалъ и показалъ, какія законодательныя правила были бы тутъ лучше всего, по моему мнѣнію, съ отстраненіемъ всякихъ предразсудковъ. Свобода завѣщанія — общее правило, но съ двумя ограниченіями: вопервыхъ, если есть наслѣдники по прямой линіи, которые не могутъ сами содержать себя, и потому стали бы обремененіемъ для государства, въ ихъ пользу должна быть оставляема изъ имущества такая сумма, какую стало бы давать имъ государство; во вторыхъ, никому не дозволяется получать по наслѣдству больше, какъ сумму, какою обезпечивается скромная независимость. Если нѣтъ завѣщанія, имущество поступаетъ въ казну, которая обязана дать потомкамъ справедливое и достаточное обезпеченіе, т. е. такое обезпеченіе, какое долженъ былъ бы оставить имъ отецъ (или дѣдъ) по ихъ лѣтамъ, способностямъ и воспитанію.

Но вѣроятно, что законы о наслѣдствѣ пройдутъ еще нѣсколько степеней улучшенія, прежде чѣмъ будутъ приняты къ серьезному вниманію понятія, столь далекія отъ нынѣшнихъ мнѣній; а изъ правилъ о наслѣдствѣ, уже признаваемыхъ людьми, конечно не всѣ одинаково хороши; слѣдовательно надобно разсмотрѣть, какія изъ нихъ заслуживаютъ предпочтенія. Потому, какъ переходную мѣру, я считалъ бы полезнымъ распространить на всякое имущество нынѣшній англійскій законъ о наслѣдствѣ движимаго имущества (свобода завѣщанія; а если завѣщанія нѣтъ, то равный раздѣлъ между дѣтьми), съ тѣмъ однакоже исключеніемъ, чтобы не признавать права наслѣдства по боковымъ линіямъ и чтобы имущество лицъ, не имѣющихъ наслѣдниковъ ни по нисходящей ни по восходящей линіямъ и не сдѣлавшихъ завѣщанія, переходило въ собственность государства.

Нынѣшніе законы разныхъ государствъ отступаютъ отъ этихъ правилъ въ двѣ противоположныя стороны. Въ Англіи и почти во всѣхъ странахъ, въ законахъ которыхъ еще чувствуется вліяніе феодализма, относительно земли и другой недвижимой собственно-

сти есть между прочимъ то стремленіе, чтобы удерживать ее сосредоточенной; потому, когда нѣтъ завѣщанія, она переходитъ вообще говоря (только вообще говоря, потому что мѣстные обычаи въ разныхъ мѣстахъ различны), исключительно къ старшему сыну. Для завѣщателей право первородства не обязательно, и номинально имѣютъ они въ Англіи свободу завѣщать свою собственность кому угодно; но каждый собственникъ можетъ употребить эту власть такъ, что у его наслѣдниковъ она отнимается: онъ можетъ установить субституцію по одной извѣстной линіи своихъ потомковъ; а это во первыхъ не допускаетъ идти наслѣдству иначе, какъ предписаннымъ путемъ, а вторымъ своимъ послѣдствіемъ имѣетъ то, что воспрещаетъ продажу собственности: каждый владѣлецъ имѣетъ ее лишь въ пожизненномъ владѣніи, слѣдовательно и отчуждать ее можетъ не дальше какъ на время своей жизни. Въ другихъ странахъ, напримѣръ во Франціи, законъ напротивъ установляетъ обязательный раздѣлъ наслѣдства: если нѣтъ завѣщанія, онъ дѣлитъ и движимое и недвижимое имущество по-ровну между всѣми дѣтьми или (за неимѣніемъ дѣтей) всѣми родственниками одной степени родства; а право завѣщанія онъ или вовсе не признаетъ или признаетъ его лишь надъ извѣстною частію собственности, подвергая остальную часть принудительному равному раздѣлу.

Я думаю, что обѣ эти системы были введены или поддерживаются въ странахъ, гдѣ онѣ существуютъ, не по общимъ соображеніямъ о справедливости, не по разсчету ихъ экономическихъ послѣдствій, а больше всего по политическимъ стремленіямъ: въ первомъ случаѣ, сохранить большія наслѣдственныя имущества и поземельную аристократію; во второмъ случаѣ, уничтожить и предотвратить ихъ возстановленіе. Имѣть первую цѣль въ національной политикѣ, по моему мнѣнію, очень дурно; а относительно второй цѣли я указалъ, что есть иной, лучшій способъ достигать ея. Но хороши или дурны эти цѣли, это вопросъ общей политической науки, а не той отдѣльной отрасли ея, которую мы излагаемъ. И та и другая система наслѣдства—успѣшно достигаетъ своей цѣли; но достигаетъ ея, какъ мнѣ кажется, съ большимъ вредомъ для общества.

2. Въ пользу первородства приводятся два аргумента экономическаго характера. Первый тотъ, что оно возбуждаетъ трудолюбіе и честолюбіе въ младшихъ дѣтяхъ, оставляя ихъ самихъ быть творцами своего богатства. Этому аргументу была дана Джонсономъ

форма не столько лестная для наслѣдственной аристократіи, сколько дѣятельная, въ словахъ: «первородство лишь одного въ семьѣ дѣлаетъ дуракомъ». Любопытно то, что защитникъ аристократическихъ учрежденій говоритъ, что наслѣдовать состояніе, избавляющее отъ надобности въ трудѣ, вообще бываетъ гибельно для умственной дѣятельности и силы. Впрочемъ при нынѣшнемъ положеніи воспитанія надобно, съ нѣкоторыми оговорками, согласиться, что слова эти справедливы. Но насколько этотъ аргументъ справедливъ онъ свидѣтельствуетъ, что наслѣдство даже и у старшаго сына, какъ у другихъ, надобно ограничить лишь умѣренною суммою, чтобы не было и «одного дурака», допускать котораго соглашался Джонсонъ. Если незаслуженное богатство такъ гибельно человѣку, то развѣ для избавленія младшихъ дѣтей отъ этого яда нѣтъ другаго средства кромѣ того, чтобы соединить всѣ ихъ доли яда и дать какъ можно большую дозу его одной избранной жертвѣ? Нѣтъ необходимости подвергать старшаго сына этому великому бѣдствію по неумѣнью рѣшить, что иное сдѣлать съ большимъ состояніемъ.

Но другіе писатели свойство первородства возбуждать къ энергіи приписываютъ не столько бѣдности младшихъ дѣтей, сколько контрасту между бѣдностью ихъ и богатствомъ старшаго; они считаютъ необходимымъ для дѣятельности и энергіи пчелъ, чтобы существовало нѣсколько громадныхъ трутней, на которыхъ рабочіе пчелы видѣли бы всю пользу меда. «Сравнительная бѣдность младшихъ сыновей (говоритъ Макъ Куллокъ) и желаніе ихъ выйти изъ этого низшаго положенія, подняться до одного уровня съ старшими братьями воодушевляетъ ихъ энергіею и бодростью, какой не имѣли бы они безъ того. Но выгода предохраненія большихъ помѣстій отъ раздробленія равнымъ раздѣломъ не ограничивается вліяніемъ такого помѣстья на младшихъ сыновей его владѣльца. Оно возвышаетъ уровень соперничества для всѣхъ, придаетъ новую силу пружинамъ, которыми движется усердіе къ труду. Образъ жизни большихъ землевладѣльцевъ представляется честолюбію каждаго желаннымъ образомъ жизни; ихъ пышность, хотя иногда и вредна для нихъ самихъ, служитъ могущественнымъ возбужденіемъ къ изобрѣтательности и предпріимчивости для другихъ классовъ, которымъ все кажется, что ихъ состояніе еще недостаточно, пока не дастъ имъ средства соперничать съ блескомъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ; такъ что отъ обычая первородства всѣ классы дѣлаются

трудолюбивы и въ то же время увеличивается масса богатства и норма пользованія имъ *).»

Часть истины, которая — не скажу: заключается въ этихъ соображеніяхъ, а напоминается черезъ нихъ,— состоитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что совершенное равенство состояній не было бы благопріятно для дѣятельной энергіи къ увеличенію богатства. Говоря о массѣ, дѣйствительно правда, что люди уже имѣющіе или полагающіе себя имѣющими извѣстнаго отличія, — таланта ли, знанія, богатства ли, другаго ли хорошаго качества, — не меньше, чѣмъ ихъ сосѣди, рѣдко будутъ стараться о томъ, чтобы пріобрѣсти больше. Но отъ этого еще нѣтъ необходимости, чтобы общество снабжало извѣстный разрядъ лицъ огромнымъ богатствомъ для исполненія общественной обязанности стоять на высотѣ, чтобы на нихъ съ завистью и удивленіемъ смотрѣли бѣдняки, желающіе сравниться съ ними. Когда человѣкъ самъ пріобрѣлъ богатство, цѣль эта также, или нѣтъ, гораздо лучше достигается. Люди именно возбуждаются примѣромъ человѣка, который самъ пріобрѣлъ богатство, чѣмъ видомъ человѣка, который только владѣетъ богатствомъ; первый непремѣнно бываетъ примѣромъ и благоразумія и бережливости и дѣятельности, а второй гораздо чаще показываетъ собою примѣръ расточительности, гибельно разливающейся отъ него и на тотъ классъ, на который будто бы хорошо дѣйствуетъ видъ богачей, то есть на людей, которые по слабости ума и по тщеславію сильнѣе всего очаровываются «блескомъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ». Въ Америкѣ наслѣдственныхъ богатыхъ состояній мало, или вовсе нѣтъ; а никто не говоритъ, что Америка отстала отъ другихъ странъ промышленною энергіею и горячею охотою къ накопленію. Когда только вступила порядкомъ страна на промышленную карьеру, которая служитъ главнымъ занятіемъ новаго міра, какъ война была главнымъ занятіемъ древняго и средневѣковаго міра, стремленіе къ промышленному накопленію уже не нуждается въ искусственныхъ пружинахъ: естественныя выгоды богатства и принимаемый имъ характеръ мѣры, по которой обыкновенно опредѣляется способность и житейскій успѣхъ, слишкомъ ручаются за то, что люди будутъ

*) Principles of Political Economy, изд. 1843 стр. 264. Гораздо подробнѣе говорится то же самое въ новомъ сочиненіи Макъ-Куллока On the Succession to Property vacant by Death.

стремиться къ богатству съ достаточной энергіею и ревностью. Есть соображеніе, болѣе важное: для общества хорошо не то, чтобы богатство сосредоточивалось, а то чтобы оно разливалось, и здоровѣе всего не тотъ общественный бытъ, въ которомъ громадныя богатства принадлежатъ немногимъ и возбуждаютъ зависть во всѣхъ, а тотъ, въ которомъ какъ можно больше число людей владѣющихъ и довольныхъ умѣренною зажиточностію, и каждый можетъ надѣяться достичь ея. На это соображеніе я лишь указываю мимоходомъ, чтобы только замѣтить, какъ далекъ по общественнымъ вопросамъ весь образъ мыслей защитниковъ первородства отъ образа мыслей, отчасти высказывающагося въ моемъ трактатѣ.

Другой экономическій доводъ въ пользу первородства спеціально относится къ поземельной собственности. Говорятъ, что обычай дѣлить наслѣдство между дѣтьми поровну или почти поровну ведетъ къ раздробленію земли на части, по своей мелкости не допускающія выгодныхъ способовъ воздѣлыванія. Этотъ аргументъ, вѣчно повторяемый, множество разъ былъ опровергнутъ и англичанами и континентальными писателями. Онъ выходитъ изъ предположенія, прямо разногласящаго съ мыслью, на которой основаны всѣ теоремы политической экономіи. Онъ предполагаетъ, что мало людей станетъ хотѣть дѣйствовать въ противность своей непосредственной и очевидной денежной выгодѣ. Раздѣлъ наслѣдства не предполагаетъ непремѣнно, что раздѣлится и земля: она можетъ или остаться въ общемъ владѣніи, какъ и бываетъ нерѣдко во Франціи и Бельгіи, или быть отдана въ собственность одному изъ сонаслѣдниковъ, съ наложеніемъ въ пользу другихъ наслѣдниковъ долга, равнаго ихъ долямъ; или прямо быть продана, съ раздѣломъ вырученныхъ денегъ. Когда раздѣлъ земли уменьшилъ бы ея производительную силу, прямая выгода наслѣдниковъ принять какое нибудь изъ этихъ рѣшеній. Но предположимъ случай, на которомъ основанъ аргументъ: пусть наслѣдники, по юридическимъ затрудненіямъ или по собственной тупости и дикости, не исполнятъ внушеній очевидной своей выгоды, а непремѣнно захотятъ физически разрѣзать землю на равныя доли, съ цѣлью, чтобы обѣднить самихъ себя. Это было бы неудобствомъ принудительнаго раздѣла по закону, какой существуетъ во Франціи, но вовсе не стало бы уменьшать въ завѣщателяхъ расположенія пользоваться правомъ завѣщанія сообразно съ правилами равенства: завѣщатель всегда могъ бы прибавить условіе, чтобы наслѣдство было

раздѣлено безъ раздѣла самой земли.—Столь же неудачны попытки приверженцевъ первородства доказать фактами вредность обычая дѣлить наслѣдство поровну, — это мы уже видѣли. Въ нѣкоторыхъ странахъ и провинціяхъ, гдѣ раздѣлъ наслѣдствъ соединенъ съ системою мелкаго хозяйства, онъ соединенъ съ нею лишь потому, что она господствуетъ въ тѣхъ странахъ даже и на помѣстьяхъ большихъ собственниковъ.

Если нельзя найти большой пользы для общества въ пользу первородства, то оно уже будетъ достаточно осуждено по общимъ принципамъ справедливости, будучи чрезвычайною неравномѣрностью относительно лицъ, разница между которыми дѣлается лишь по случайному обстоятельству. Потому нѣтъ надобности и доказывать, что первородство вредно въ экономическомъ отношеніи. Но можно доказать, что оно вредно и очень вредно. Естественный результатъ его тотъ, что классъ землевладѣльцевъ находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Цѣль закона или обычая, — держать землю сосредоточенной въ большихъ массахъ и этого онъ обыкновенно достигаетъ; но лицо, владѣющее по имени большимъ помѣстьемъ, не всегда бываетъ дѣйствительнымъ собственникомъ всего даваемаго помѣстьемъ дохода. Обыкновенно при каждой смѣнѣ поколѣній оно обременяется выдачею долей другимъ дѣтямъ прежняго владѣльца. Часто оно обременяется еще болѣе тяжелыми долгами отъ собственной расточительности. Большіе землевладѣльцы вообще бываютъ неразсчетливы въ своихъ расходахъ; они ведутъ образъ жизни по высшему размѣру своего дохода, а когда по обстоятельствамъ онъ уменьшается, они не скоро рѣшаются на сокращеніе расхода. Въ другихъ сословіяхъ моты разоряются и исчезаютъ изъ общества; а мотъ землевладѣлецъ обыкновенно остается владѣльцемъ своей земли, хотя и станетъ простымъ сборщикомъ ренты съ нея въ пользу своихъ кредиторовъ. То самое желаніе поддержать «блескъ» фамилій, изъ котораго возникъ обычай первородства, не допускаетъ владѣльца продать часть помѣстья для очищенія остальной части отъ долга; потому кажущіяся его средства обыкновенно бываютъ больше дѣйствительныхъ и онъ находится въ постоянномъ искушеніи вести образъ жизни по кажущимся, а не по дѣйствительнымъ средствамъ. По этимъ причинамъ почти во всѣхъ странахъ большой поземельной собственности большая часть помѣстій обременена долгами; у владѣльцевъ нѣтъ капитала для усовершенствованій, и нужна вся быстрота возрастанія цѣнности земли отъ быстраго возрастанія богатства и населенія

въ странѣ, чтобы не впадали большіе землевладѣльцы въ бѣдность.

3. Чтобы отвратить это обѣдненіе, были придуманы субституціи, которыми безвозвратно установляется порядокъ наслѣдства, и у владѣльца, имѣющаго помѣстье лишь въ пожизненномъ пользованіи, отнимается право обременять долгами своего преемника. Такимъ образомъ земля переходитъ во владѣніе наслѣдникамъ свободная отъ долговъ, и фамилія не можетъ раззориться неразсчетливостью своего представителя. Отъ такого устройства собственности происходитъ экономическій вредъ частью такой же, частью и еще иной, какъ отъ простаго права первородства, но вредъ, гораздо большій. Владѣлецъ не можетъ раззорить своихъ наслѣдниковъ, но все-таки можетъ раззориться самъ; у него точно такъ же, какъ и при простомъ правѣ первородства, мало вѣроятности, чтобы у него были средства для улучшенія помѣстья; а если они есть у него, еще меньше вѣроятности, что онъ употребитъ ихъ на это дѣло, выгода отъ котораго достанется лицу, независимому отъ него по правилу субституціи, между тѣмъ какъ у него почти всегда есть младшія дѣти, которыхъ онъ долженъ обезпечить и въ пользу которыхъ онъ теперь не можетъ назначить платежа изъ доходовъ помѣстья. Не будучи поэтому способенъ улучшать помѣстья, онъ не можетъ и продать его лицу, которое могло бы улучшить его: субституція воспрещаетъ отчуждать землю. Вообще онъ не могъ даже и отдавать ее въ аренду на срокъ болѣе своей жизни: «потому что, говоритъ Блекстонъ, еслибы такіе контракты имѣли силу, то подъ предлогомъ долгосрочныхъ контрактовъ наслѣдникъ могъ бы въ сущности лишаться наслѣдства»; и въ Великобританіи оказалось необходимо ослабить закономъ строгость субституцій, чтобы дать возможность контрактовъ на долгій срокъ и улучшеній земли насчетъ самого помѣстья. Можно еще сказать, что наслѣдникъ по субституціи, будучи увѣренъ, что получитъ фамильную собственность, какъ бы ни велъ себя, и зная это съ ранняго дѣтства, имѣетъ чрезвычайно большіе шансы вырости празднымъ и расточительнымъ негодяемъ.

Въ Англіи право субституціи болѣе ограничено закономъ, чѣмъ въ Шотландіи и въ другихъ странахъ, гдѣ оно существуетъ. Землевладѣлецъ можетъ назначать своими наслѣдниками въ преемственномъ порядкѣ сколько ему угодно живыхъ лицъ и одно еще нерожденное лицо, по достиженіи которымъ 21 года субституція кончается, такъ что оно становится неограниченнымъ собственникомъ земли.

Такимъ образомъ помѣстье можетъ быть назначено черезъ сына или черезъ сына и внука, находящагося въ живыхъ при совершеніи акта, будущему еще неродившемуся сыну этого внука. Говорятъ, что такая власть субституціи не столь обширна, чтобы быть вредною; но въ сущности она гораздо обширнѣе, чѣмъ кажется. Рѣдко случается, чтобъ срокъ субституціи кончался: первый наслѣдникъ ея, достигнувъ совершеннолѣтія, вмѣстѣ съ владѣльцемъ помѣстья дѣлаетъ новую субституцію, такъ что срокъ ея отодвигается еще на одну ступень. Потому большія помѣстья рѣдко выходятъ надолго изъ стѣсненій субституціоннаго порядка; и на фактѣ англійскія субституціи мало уступаютъ своею вредностью субституціямъ другихъ странъ.

Съ экономической точки зрѣнія лучшая система поземельной собственности — та, по которой земля бываетъ вполнѣ предметомъ торговли, легко переходя изъ рукъ въ руки, какъ только найдется покупщикъ, имѣющій разсчетъ предложить за нее сумму, превосходящую цѣнность дохода, получаемаго съ земли ея настоящимъ владѣльцемъ. Разумѣется, я говорю это не о паркахъ, дачахъ и другихъ участкахъ, отъ которыхъ владѣлецъ не получаетъ прибыли, а только тратитъ деньги на нихъ, а лишь о землѣ, употребляемой на промышленное занятіе и цѣнящейся по доходу, ею доставляемому. Все, чѣмъ облегчается продажа земли, ведетъ къ тому, чтобы она становилась для всего общества болѣе производительнымъ орудіемъ; все, что воспрещаетъ или стѣсняетъ ея продажу, уменьшаетъ ея полезность; а таково дѣйствіе не только субституцій, но и первородства. Если желаніе держать землю сосредоточенной въ большихъ массахъ происходитъ не изъ разсчета увеличить ея производительность, а изъ другихъ побужденій, оно часто мѣшаетъ перемѣнамъ и отчужденіямъ, которыми увеличилась бы ея производительность.

4. Съ другой стороны, хотя и по инымъ причинамъ, но такъ же очень дуренъ кажется мнѣ законъ, подобно французскому, стѣсняющій право завѣщанія узкою мѣркою и непремѣнно опредѣляющій ровный раздѣлъ всего помѣстья или большей половины его между всѣми дѣтьми. Почему признавать за дѣтьми право на наслѣдство, превышающее размѣръ обезпеченія, достаточнаго для начала ихъ карьеры и доставленія имъ возможности пріобрѣтать кусокъ хлѣба?—Единственнымъ основаніемъ тутъ можетъ служить высказанное или предполагаемое желаніе родителя, право котораго располагать дѣйствительно принадлежащимъ ему не можетъ устра-

няться никакою претензіею другихъ получать не принадлежащее имъ. Стѣснять въ законномъ собственникѣ свободу даренія черезъ созданіе за дѣтьми законнаго права, ставимаго выше его права, значитъ ставить дѣйствительное право ниже воображаемаго. Къ этому важному и главному возраженію можно прибавить много второстепенныхъ. Конечно слѣдуетъ желать, чтобы родители поступали съ своими дѣтьми безпристрастно, и не обижали другихъ для старшаго сына или меньшаго дитяти; но безпристрастный раздѣлъ не всегда значитъ равный раздѣлъ. Нѣкоторыя изъ дѣтей вовсе не по своей винѣ, можетъ быть, менѣе другихъ способны содержать себя; другія, быть можетъ, уже обезпечены изъ другихъ источниковъ кромѣ собственнаго труда, потому безпристрастіемъ, быть можетъ, требуется, чтобъ родитель руководился не правиломъ равенства, а правиломъ соразмѣренія. Да и тогда, когда цѣлью должно быть равенство, представляются иногда къ его достиженію средства лучше непреклонныхъ правилъ, которыми по необходимости долженъ дѣйствовать законъ. Если одинъ изъ сонаслѣдниковъ по неуживчивому, сутяжническому характеру не хочетъ дѣлать никакой уступки, законъ не можетъ дать хорошаго устройства дѣлу, не можетъ распредѣлить собственность такъ, какъ было бы лучше для совокупной выгоды всѣхъ сонаслѣдниковъ; если наслѣдство состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ участковъ и наслѣдники не могутъ согласиться въ ихъ цѣнности, законъ не можетъ дать каждому особый участокъ, а всякій участокъ долженъ быть или проданъ или раздѣленъ; если въ наслѣдствѣ есть домъ, паркъ или что-нибудь подобное, портящееся отъ раздѣла, имущество это должно быть продано, быть можетъ, съ большимъ денежнымъ убыткомъ. Но родитель могъ бы сдѣлать то, чего не можетъ сдѣлать законъ. При свободѣ завѣщанія всѣ эти вопросы можно бы разрѣшить сообразно разсудку и общей выгодѣ наслѣдниковъ; и при освобожденіи завѣщателя отъ буквы равнаго раздѣла, быть можетъ, лучше былъ бы соблюденъ принципъ такого раздѣла. Наконецъ не было бы тогда необходимости, существующей при принудительной системѣ, чтобы законъ вмѣшивался своею властью въ частныя дѣла не только при смерти, но и во-время жизни, чтобы отстранять попытки родителей къ отнятію у ихъ наслѣдниковъ законныхъ правъ подъ видомъ дареній и другихъ отчужденій при жизни.

Вотъ мое заключеніе: каждый владѣлецъ собственности долженъ имѣть право завѣщать всякую часть ея, но не долженъ назначать лицо, которое наслѣдуетъ ее по смерти всѣхъ лицъ, существо-

вавшихъ при составленіи завѣщанія. Съ какими ограниченіями должно допускаться завѣщаніе собственности извѣстному лицу на его жизнь, съ передачею потомъ другому лицу, уже существовавшему при совершеніи акта—это вопросъ общаго законодательства, а не политической экономіи. Такія завѣщанія не мѣшали бы отчужденію, какъ не мѣшаетъ ему совмѣстное владѣніе, потому что тутъ было бы нужно лишь согласіе уже существующихъ лицъ на новое распоряженіе относительно собственности.

5. Отъ вопроса о наслѣдствѣ перехожу къ вопросамъ о договорахъ и въ томъ числѣ къ важному вопросу о товариществѣ. Какое сильное вліяніе и въ дурную и въ хорошую сторону могутъ имѣть законы о товариществѣ и какъ важно, чтобы они были по возможности наилучшими, это очевидно каждому признающему въ расширеніи принципа сотрудничества великую экономическую необходимость новѣйшей промышленности. Прогрессъ требуетъ во многихъ отрасляхъ промышленнаго занятія, чтобы онѣ велись капиталами все болѣе и болѣе значительными; слѣдовательно производительная сила промышленности должна страдать отъ всего, что мѣшаетъ формироваться большимъ капиталамъ изъ соединенія мелкихъ. Почти нѣтъ такихъ странъ, гдѣ существовали бы въ требуемомъ изобиліи большіе капиталы у отдѣльныхъ лицъ; а еще малочисленнѣе стали бы такіе капиталы, еслибы законы благопріятствовали не сосредоточенію, а разлитію собственности; съ тѣмъ вмѣстѣ очень дурно, если всѣ эти улучшенные процессы, эти способы успѣшнаго и экономнаго производства, для которыхъ нужно владѣть большими суммами, становятся монополіями въ рукахъ немногихъ отдѣльныхъ богачей по трудностямъ для лицъ съ не очень большими или малыми средствами соединять свой капиталъ. Наконецъ я долженъ повторить свое убѣжденіе, что экономическое устройство, безусловно раздѣляющее общество на два отдѣла, дающихъ рабочую плату и получающихъ ее, первый состоящій изъ тысячъ, а второй изъ милліоновъ, — не годится и неспособно быть вѣчнымъ; а возможность замѣнить это устройство другимъ, въ которомъ сочетаніе было бы безъ зависимости, замѣнить организованную враждебность единствомъ интересовъ совершенно зависитъ отъ будущихъ развитій принципа товарищества.

А до сихъ поръ едва ли найдется страна, законы которой не ставили бы большихъ и почти всегда преднамѣренныхъ препятствій образованію многочисленныхъ товариществъ. Въ Англіи серьезнымъ затрудненіемъ служитъ уже то, что несогласія между товарищами,

практически говоря, могутъ рѣшаться только канцлерскимъ судомъ, а это часто бываетъ хуже поставленія такихъ дѣлъ внѣ всякаго покровительства законовъ: если одна изъ тяжущихся сторонъ не честна или любитъ тягаться, она можетъ подвергать другую какимъ хочетъ расходамъ, хлопотамъ и страхамъ, неизбѣжнымъ принадлежностямъ тяжбы въ канцлерскомъ судѣ, и люди эти не будутъ въ силахъ освободиться отъ бѣды даже уничтоженіемъ товарищества *). Кромѣ того до недавняго времени для законнаго составленія каждаго акціонернаго товарищества нуженъ былъ особенный парламентскій актъ, уполномочивавшій эту корпорацію. Законъ, изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отмѣнилъ эту надобность, но компетентные судьи называютъ этотъ законъ «массою путаницы», о которой говорятъ, что «никогда еще не бывало такой бѣды» лицамъ, вступающимъ въ товарищество (докладъ, цитованный выше, стр. 167). Когда нѣсколько лицъ, мало ли ихъ будетъ или много все равно, добровольно хотятъ соединить свои средства для общаго предпріятія, не прося никакой особенной привиллегіи, ни права экспропріаціи ни надъ кѣмъ, законъ не имѣетъ дѣльныхъ основаній ставить затрудненія исполненію ихъ проэкта. Съ условіемъ держаться нѣсколькихъ простыхъ правилъ публичности, всякое собраніе лицъ должно имѣть право образовать изъ себя акціонерную компанію или общество подъ собирательнымъ именемъ,

---

*) Фенъ, коммисаръ правительства въ банкротскомъ судѣ, говоритъ въ своемъ показаніи комитету, разсматривавшему законъ о товариществѣ: «мнѣ памятна бумага, недавно мною прочтенная: два знаменитые стряпчіе говорятъ въ ней, что знаютъ они много товариществъ, отчеты которыхъ поступили въ судъ канцлерства, но никогда не знали ни одного, вышедшаго изъ него... Почти никто изъ лицъ, расположенныхъ вступить въ сотрудническія товарищества между работниками и не подозрѣваетъ той истины, что рѣшеніе вопросовъ, возникающихъ между товариществами, практически невозможно.»

«Вопросъ комитета: итакъ они не знаютъ, что одинъ изъ товарищей можетъ обобрать другаго и этому другому не будетъ никакой возможности получить удовлетвореніе? — Отвѣтъ Фена: не отваживаюсь сказать знаютъ или не знаютъ они этого, но это такъ». Эту вопіющую несправедливость Фенъ приписываетъ исключительно недостаткамъ судилищъ. «Мое мнѣніе то, что если есть на свѣтѣ легкая вещь, эта вещь—рѣшеніе споровъ по товариществамъ и по той простой причинѣ, что все дѣлаемое въ товариществѣ вносится въ книги; стало быть документъ въ рукахъ; стало быть, если только принять разумное дѣлопроизводство, трудность вся исчезнетъ». — Minutes of Evidence annexed to the Report of the Select Committee on the Law of Partnership (1851), стр. 85—87.

не прося разрѣшенія ни у какого чиновника, ни у парламента. Многочисленное товарищество практически всегда будетъ подъ управленіемъ немногихъ лицъ; потому должна ему всячески облегчаться возможность контроля надъ этими немногими, будутъ ли они члены товарищества или только наемные его служители; въ этомъ отношеніи англійская система такъ же еще плачевно далека отъ нормы совершенства.

6. Но каковы бы ни были удобства, даваемыя англійскимъ закономъ къ составленію ассоціацій на принципахъ обыкновеннаго товарищества, есть разрядъ акціонернаго товарищества, безусловно запрещавшійся имъ до 1855 года и разрѣшавшійся къ существованію лишь особеннымъ актомъ парламента или королевской власти. Я говорю о товариществахъ съ ограниченною отвѣтственностью.

Есть два рода товариществъ съ ограниченною отвѣтственностью: въ однихъ ограничена отвѣтственность всѣхъ участниковъ, въ другихъ отвѣтственность лишь нѣкоторыхъ. Общество перваго разряда по французскому закону называется анонимное общество, а въ Англіи до недавняго времени не имѣло другаго имени какъ chartered company, «общество съ жалованною грамотою», т. е. акціонерная компанія, члены которой королевскою грамотою или особеннымъ постановленіемъ парламента освобождались отъ отвѣтственности за долги предпріятія сверхъ суммы, на какую подписался каждый изъ нихъ. Другой родъ обществъ съ ограниченною отвѣтственностью — тотъ, который во французскомъ законѣ называется коммандитнымъ обществомъ; о немъ, до сихъ поръ остающемся въ Англіи непризнаваемымъ и незаконнымъ, я теперь и буду говорить.

Если нѣсколько лицъ желаютъ вступить въ товарищество для веденія какого нибудь торговаго или промышленнаго дѣла, согласившись между собою и объявивъ лицамъ, съ которыми имѣютъ дѣло, что члены товарищества не берутъ на себя отвѣтственности сверхъ суммы подписаннаго ими капитала, то какое основаніе можетъ существовать для закона препятствовать этому дѣлу и возлагать на нихъ неограниченную отвѣтственность, отъ которой они отказываются? Ради кого дѣлалъ бы это законъ? Не ради самихъ участниковъ, потому что они находятъ выгоду и охраненіе себѣ въ ограниченіи отвѣтственности. Слѣдовательно это дѣлается ради постороннихъ лицъ, именно лицъ, съ которыми товарищество можетъ имѣть дѣла и которымъ оно можетъ задолжать на сумму

выше той, какая можетъ уплатиться подписаннымъ капиталомъ. Но никто не обязанъ имѣть дѣло съ этимъ товариществомъ, еще менѣе обязанъ кто нибудь давать ему безграничный кредитъ. Лица того класса, съ которымъ имѣютъ дѣла такія товарищества, вообще бываютъ совершенно способны сами беречь себя, и нѣтъ причинъ закону хлопотать объ ихъ интересахъ больше, чѣмъ заботятся сами они, лишь бы не выставляло себя передъ ними товарищество въ ложномъ видѣ и знали бы они, кому вѣрятъ. Законъ въ правѣ требовать отъ каждаго акціонернаго общества съ ограниченною отвѣтственностью, чтобы сумма капитала, какую оно объявляетъ у себя, или была выплачена или обезпечена залогами (если только окажется нужнымъ такое требованіе при полной публичности); въ правѣ законъ требовать и того, чтобы счеты такихъ обществъ держались открыты для всякаго и, если нужно, обнародывались, чтобы всегда можно было повѣрить положеніе дѣлъ общества и узнать, остается ли въ цѣлости капиталъ, единственное обезпеченіе заключенныхъ обществомъ обязательствъ; вѣрность такихъ счетовъ должна ограждаться достаточными наказаніями. Когда законъ черезъ это дастъ частнымъ лицамъ всѣ возможныя средства къ узнанію обстоятельствъ, которыя должно принимать ихъ благоразуміе въ разсчетъ при дѣлахъ съ обществомъ, то конечно уже нѣтъ надобности вмѣшиваться въ личныя соображенія каждаго о дѣлахъ подобнаго рода, какъ нѣтъ надобности вмѣшиватья въ другія отрасли частныхъ коммерческихъ дѣлъ.

Обыкновенный доводъ въ пользу такого вмѣшательства—тотъ, что управляющіе дѣлами товарищества съ ограниченною отвѣтственностію, не рискуя всѣмъ своимъ состояніемъ въ случаѣ убытка, а въ случаѣ удачи разсчитывая на большую прибыль, недостаточно заинтересованы въ соблюденіи надлежащей осмотрительности и имѣютъ соблазнъ подвергать суммы товарищества слишкомъ невѣрнымъ шансамъ. Но изъ показаній многихъ опытныхъ свидѣтелей передъ комитетомъ палаты общинъ мы удостовѣряемся, что общества съ неограниченною отвѣтственностью, если имѣютъ богатыхъ участниковъ, могутъ, даже и при извѣстной опрометчивости въ своихъ оборотахъ, получать незаслуженный кредитъ въ размѣрѣ, далеко превышающемъ тотъ, какой давался бы при подобномъ веденіи дѣлъ компаніямъ, кредиторы которыхъ обнадеживались бы лишь подписаннымъ капиталомъ (цитированный нами докладъ стр. 145—158). На которой бы сторонѣ ни былъ перевѣсъ зла, вопросъ этотъ важнѣе для самихъ акціонеровъ, чѣмъ для постороннихъ

лицъ: подлежащій публичности капиталъ товарищества съ ограниченною отвѣтственностью нельзя затратить въ дѣла рискованнѣе обыкновенныхъ дѣлъ того рода, безъ того, чтобы не сдѣлалось это извѣстно и не стало предметомъ замѣчаній, отъ которыхъ кредитъ общества конечно упадетъ не менѣе того сколько слѣдуетъ ему упасть. Если при обезпеченіи публичности окажется на практикѣ, что компаніи, составленныя по принципу неограниченной отвѣтственности, ведутъ дѣла искуснѣе и осторожнѣе, то компаніи съ ограниченною отвѣтственностью не въ силахъ будутъ выдержать соперничества съ ними и будутъ составляться почти только для тѣхъ дѣлъ, по которымъ ограниченіе отвѣтственности необходимо для собранія требуемой суммы капитала; а чтобы въ такихъ случаяхъ слѣдовало мѣшать ихъ составленію-,говорить это было бы очень несообразно.

Можно замѣтить еще, что при равномъ капиталѣ компанія съ ограниченною отвѣтственностью конечно представляетъ имѣющимъ съ нею дѣло нѣсколько меньше обезпеченія, чѣмъ компанія, въ которой каждый акціонеръ отвѣтствуетъ всѣмъ своимъ состояніемъ; но и это болѣе слабое обезпеченіе имѣетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такую прочность, какой не можетъ представлять отдѣльный капиталистъ. Обязательства отдѣльнаго капиталиста обезпечиваются его неограниченной отвѣтственностью, но нѣтъ при нихъ обезпеченія, доставляемаго публичностью отчетовъ, извѣстностью и обширностью внесеннаго капитала. Вопросъ этотъ хорошо изложенъ въ прекрасной статьѣ Коклена, въ Revue des Deux Mondes, за іюль 1843 (я цитирую по переводу Кери, напечатанному въ Американскомъ журналѣ Hunt's Merchant's Magazine, май и іюнь 1845).

«Люди имѣющіе дѣло съ частнымъ лицомъ (говоритъ Кокленъ), почти никогда не знаютъ въ точности, а развѣ лишь знаютъ приблизительно, да и то очень неопредѣленно и недостовѣрно размѣръ капитала, которымъ оно отвѣтствуетъ за исполненіе заключеннаго съ нимъ условія; а лица, имѣющія дѣла съ безъименною компаніею, всегда, если захотятъ, могутъ получить полныя свѣдѣнія и совершать свои операціи съ чувствомъ увѣренности, невозможной при дѣлахъ съ частнымъ лицомъ. При томъ же для отдѣльнаго торговца чрезвычайно легко скрыть величину своихъ долговыхъ обязательствъ, которую никто кромѣ его не знаетъ достовѣрно. Даже его довѣренный конторщикъ можетъ не знать этого, потому что торговецъ быть можетъ заключаетъ и такіе займы, ко-

торыхъ не нужно вносить въ торговыя книги. Это—секретъ только самого торговца, рѣдко и то лишь медленно доходящій до другихъ; раскрывающійся лишь когда произошла катастрофа. Напротивъ анонимная компанія не должна и не можетъ дѣлать займовъ безъ того, чтобы это не становилось извѣстно всѣмъ,—директорамъ, конторщикамъ, акціонерамъ и публикѣ. Ея дѣйствія похожи на дѣйствія правительства. Дневной свѣтъ проникаетъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ и не можетъ въ нихъ быть секретовъ отъ людей, желающихъ узнать. И по капиталу и по долгамъ въ анонимной компаніи все опредѣлено, записано, извѣстно, а у частнаго торговца все остается недостовѣрно и неизвѣстно. Гдѣ же, спросимъ читателя, представляется для коммерческихъ сдѣлокъ удобнѣйшее положеніе дѣлъ и вѣрнѣйшее обезпеченіе?

«Пользуясь темнотою, покрывающею его дѣла и самъ стараясь увеличивать ее, частный торговецъ можетъ, пока его дѣла кажутся идущими хорошо, выказывать себя имѣющимъ гораздо болѣе средствъ, чѣмъ сколько у него есть, и черезъ это пріобрѣтать кредитъ, не оправдываемый этими средствами. Въ случаѣ убытковъ, когда онъ видитъ передъ собой опасность банкротства, публика еще не знаетъ о его положеніи и онъ имѣетъ возможность сдѣлать долги, далеко превышающіе возможность уплаты. Настаетъ роковой день; кредиторы находятъ, что у него долговъ гораздо больше, чѣмъ они предвидѣли, а средствъ къ уплатѣ гораздо меньше. Это еще не все. Та самая темнота, которая до сихъ поръ такъ помогала его стараніямъ преувеличивать свой капиталъ и увеличивать свой кредитъ, теперь даетъ ему удобства утаить часть этого капитала отъ рукъ кредиторовъ. Онъ уменьшаетъ или вовсе уничтожаетъ свой капиталъ, прячетъ его и ни юридическія средства, ни дѣятельность кредиторовъ не могутъ извлечь этого капитала изъ темныхъ угловъ. Читатель легко рѣшитъ самъ, точно ли такъ же легки подобныя продѣлки въ акціонерной компаніи. Безспорно онѣ возможны; но читатель вѣроятно согласится съ нами, что опасность такихъ случаевъ чрезвычайно уменьшается самою сущностью акціонернаго общества, организаціею его и публичностію, необходимо сопровождающею всѣ его дѣйствія».

Почти во всѣхъ странахъ и въ томъ числѣ въ Англіи законы дѣлаютъ двоякую погрѣшность относительно коммерческихъ компаній. Они чрезвычайно стѣсняютъ своею подозрительностью возникновеніе этихъ компаній, особенно компаній съ ограниченною отвѣтственностью. А съ другой стороны вообще слишкомъ мало вы-

нуждаютъ ихъ къ публичности дѣйствій, составляющей лучшее обезпеченіе для публики противъ всякой опасности, могущей происходить отъ такихъ товариществъ,—обезпеченіе, столь же нужное и въ тѣхъ акціонерныхъ обществахъ, которыя допущены закономъ въ противность обыкновенному его правилу. Даже англійскому банку, имѣющему монополію отъ законодательной власти и отчасти управляющему столь важнымъ въ обществѣ дѣломъ, какъ состояніе денежной системы,—даже ему публичность вмѣнена въ обязанность всего лишь нѣсколько лѣтъ и сначала она была чрезвычайно неполна (теперь она увеличена на столько, что наконецъ вѣроятно можетъ назваться достаточною съ практической стороны).

7. Есть другой родъ акціонерныхъ товариществъ, заслуживающій нашего вниманія; это — компаніи, въ которыхъ участникъ, управляющій дѣлами (бываетъ иногда и по нѣскольку такихъ участниковъ) отвѣтствуетъ за долги компаніи всѣмъ своимъ имуществомъ, а другіе сотоварищи даютъ только опредѣленныя суммы, свыше которыхъ не обязаны отвѣтственностью, хотя участвуютъ въ прибыли по условіямъ, въ какихъ согласятся. Это называется коммандитнымъ обществомъ (société en commandite) и участники, отвѣтственность которыхъ ограничена, называются commanditaires (коммандитными сотоварищами); по французскому закону имъ запрещено всякое вмѣшательство въ управленіе дѣлами общества. Англійскій законъ не допускаетъ такихъ товариществъ: каждаго, кто участвуетъ въ прибыли, онъ обязываетъ отвѣтствовать за долги въ такомъ же полномъ размѣрѣ, какъ и управляющаго соучастника.

Сколько я знаю, никто не представилъ удовлетворительнаго оправданія такому запрещенію. Сюда не примѣняется даже и тотъ неудовлетворительный доводъ, какой дѣлаютъ противъ ограниченія отвѣтственности акціонеровъ въ акціонерной компаніи: тутъ уже нисколько не уменьшаются побужденія вести дѣло осмотрительно, потому что каждый участвующій въ управленіи дѣломъ отвѣтствуетъ за него всѣмъ своимъ имуществомъ. Для постороннихъ лицъ существованіемъ коммандитныхъ участниковъ безопасность увеличивается: вся сумма, вносимая этими участниками, обезпечиваетъ кредиторовъ, и пока не употреблена вся она на уплату долга, кредиторы ничего не теряютъ; а если бы коммандитные участники не были участниками дѣла, а просто дали эту сумму взаймы распорядителю подъ проценты, равные получаемой ими прибыли, то съ ними должны были бы другіе кредиторы раздѣлить капиталъ, остающійся

у распорядителей, и отъ этого каждому кредитору пришлось бы получить меньше. Такимъ образомъ коммандитное общество выгодно для кредиторовъ; а очень часто возможность основать такое общество выгодна и для вступающихъ въ него. Распорядители получаютъ черезъ это въ помощь себѣ капиталъ, гораздо больше того, какой могли бы занять подъ собственное обезпеченіе; а другія лица склоняются помогать полезнымъ предпріятіямъ, рискуя небольшими частями своего имущества, между тѣмъ какъ не захотѣли бы и часто не могли бы безъ безразсудства рисковать всѣмъ своимъ имуществомъ.

Могутъ сказать, что гдѣ открыты надлежащія удобства основанію акціонерныхъ обществъ, тамъ не нужны коммандитныя товарищества. Но есть дѣла, для которыхъ коммандитный принципъ всегда будетъ удобнѣе акціонернаго принципа. «Предположимъ (говоритъ Кокленъ), что изобрѣтатель ищетъ капитала для осуществленія практическаго своего изобрѣтенія. Чтобы получить помощь капиталистовъ, онъ долженъ предлагать имъ долю въ ожидаемой прибыли; они должны раздѣлять съ нимъ шансы успѣха. Какую же форму товарищества изберетъ онъ? разумѣется не форму простаго товарищества». Причинъ тому много, а главная та, что чрезвычайно трудно найти въ товарищи себѣ капиталиста, готоваго рисковать всѣмъ своимъ состояніемъ въ успѣхѣ изобрѣтенія *). «Не выберетъ онъ

*) «Очень много состраданія высказано къ участи бѣднаго изобрѣтателя (говоритъ Дёнкенъ); онъ былъ обремененъ дороговизной привиллегіи, но главнымъ обремененіемъ ему были законы о товариществѣ, не дозволяющіе ему пріобрѣтать человѣка, который помогъ бы развитію его изобрѣтенія. Онъ бѣденъ, потому не можетъ представить обезпеченія кредитору; денегъ взаймы не дастъ ему никто, какіе бы высокіе проценты ни предлагалъ онъ, они не привлекутъ къ нему. Но если измѣнить законъ, такъ чтобы онъ могъ допустить капиталистовъ къ соучастію въ прибыли, ограничивая рискъ ихъ капиталомъ, какой они дадутъ, то разумѣется онъ часто получалъ бы пособіе отъ капиталистовъ. А при нынѣшнихъ законахъ онъ совершенно гибнетъ и изобрѣтеніе безполезно ему; мѣсяцъ за мѣсяцъ онъ хлопочетъ, упрашиваетъ капиталиста не разъ и не два—напрасно. Я практически видѣлъ это, знаю это по двумъ или тремъ изобрѣтеніямъ, получившимъ привиллегію; особенно по одному случаю въ Ливерпулѣ, когда люди съ капиталомъ хотѣли вступить въ предпріятіе очень важное; изобрѣтатель пять или шесть разъ находилъ такихъ людей и всѣ они отказались по чрезвычайной неудобности законовъ о товариществѣ, которые каждый изъ нихъ называлъ проклятыми». (Report, стр. 155). Фенъ говоритъ: «будучи коммиссаромъ при банкротскомъ судѣ, я по своему должностному опыту убѣдился, что несчастнѣйшій въ мірѣ чело-

*

и анонимнаго общества, никакой другой формы акціонерныхъ обществъ, потому что тутъ могутъ отнять у него управленіе дѣломъ. Въ этомъ обществѣ онъ былъ бы ничѣмъ не выше всякаго другаго акціонера и могъ бы затеряться въ толпѣ. А если товарищество существуетъ имъ и для него, управленіе дѣлами кажется принадлежащимъ ему по праву. Бываютъ случаи, что купецъ или фабрикантъ, хотя онъ и не изобрѣтатель, имѣетъ безспорное право управлять предпріятіемъ, владѣя качествами, чрезвычайно нужными для успѣшности дѣла. Необходимость ограниченнаго товарищества такъ велика (продолжаетъ Кокленъ), что трудно вообразить во многихъ случаяхъ, какъ могли бы обойтись безъ него или замѣнить его»; и относительно своей родины онъ вѣроятно правъ.

Гдѣ у публики такъ велика готовность, какъ въ Англіи, составлять промышленныя товарищества даже и при недостаткѣ поощренія къ тому, даваемаго ограниченіемъ отвѣтственности; тамъ коммандитное товарищество нельзя считать крайнею необходимостью, какъ считаетъ Кокленъ, но въ принципѣ все-таки нелѣпо его запрещеніе. Впрочемъ значительны и неудобства, косвенно возникающія изъ правила, что каждый участвующій въ прибыли дѣла неограниченно отвѣтствуетъ за долги по немъ. Чрезвычайно многія и чрезвычайно полезныя товарищества становятся невозможны въ Англіи отъ этого постановленія. Чтобы осудить его, довольно сказать, что безъ нѣкотораго его ослабленія невозможно при немъ выдавать часть вознагражденія работнику процентомъ изъ прибыли, иными словами—невозможно вводить работниковъ въ товарищество съ капиталистомъ.

Полная свобода условій товарищества въ особенности необходима для улучшенія и возвышенія быта рабочихъ классовъ. Товарищества въ родѣ работническихъ ассоціацій, описанныхъ нами выше и имѣвшихъ столь блестящій успѣхъ во Франціи, служатъ могущественнѣйшимъ средствомъ совершить общественную эманципацію работниковъ посредствомъ ихъ собственной энергіи. Да и не одними примѣрами успѣха важна свобода составлять ассоціаціи, она столь же важна и тѣми попытками, которыя не удадутся, но своею неудачею представятъ урокъ, поучительнѣе котораго не можетъ быть

вѣкъ—изобрѣтатель. Трудность ему найти капиталъ вводитъ его во всяческія затрудненія и въ результатѣ онъ почти всегда остается раззоренъ, а изобрѣтеніемъ его овладѣваетъ кто нибудь другой.

ничто, кромѣ личнаго опыта. Слѣдовало бы дозволять и даже обо-
дрять испытанія на опытѣ всѣхъ тѣхъ теорій общественнаго улуч-
шенія, достоинство которыхъ можетъ быть провѣряемо опытомъ.
Изъ этихъ попытокъ энергическая часть рабочихъ сословій извлекла
бы себѣ уроки въ истинахъ, вѣрить которымъ трудно ей, когда
они излагаются лицами, о которыхъ работникъ предполагаетъ, что
они имѣютъ выгоды и предразсудки, противныя его благу; этимъ
безъ всякаго убытка обществу получилъ бы работникъ средство
исправить ошибки въ своихъ понятіяхъ о средствахъ достичь не-
зависимости; узналъ бы нравственныя, умственныя и промышлен-
ныя условія, при недостаткѣ которыхъ рѣшительно не можетъ или
не можетъ безъ несправедливости совершиться общественное воз-
рожденіе,—предметъ его желаній *).

Французскіе законы о товариществахъ выше англійскихъ тѣмъ,
что допускаютъ коммандитную компанію, выше и тѣмъ, что нѣтъ
во Франціи такого неудобнаго учрежденія, какъ судъ канцлерства,
а всѣ тяжбы по коммерческимъ дѣламъ рѣшаются болѣе дешев-
мымъ и быстрымъ производствомъ въ коммерческомъ судѣ. Въ дру-
гихъ отношеніяхъ французская система гораздо хуже англійской.
Акціонерное общество съ ограниченною отвѣтственностью учреж-
дается только по особенному разрѣшенію такъ называемаго госу-
дарственнаго совѣта, состоящаго изъ администраторовъ, обыкно-
венно людей, совершенно незнакомыхъ съ коммерческими дѣлами,
не имѣющихъ никакого интереса содѣйствовать развитію пред-
пріятій и расположенныхъ думать, что ихъ назначеніе — сдержи-
вать предпріимчивость. Чтобы получить согласіе государственнаго
совѣта, всегда нужно столько времени и хлопотъ, что это служитъ
очень серьезнымъ препятствіемъ основанію предпріятія, а всегдаш-
ній очень вѣроятный шансъ вовсе не получить разрѣшенія очень
отбиваетъ у капиталистовъ охоту вступать въ образующіяся ком-
паніи. Акціонерныя компаніи съ неограниченною отвѣтственностью,
которыхъ въ Англіи такъ много и которыя составляются въ ней

*) Закономъ 1852 года о промышленныхъ и страховыхъ товариществахъ (Industrial and Provident Societies Act), за который нація должна благодарить патріотическое усердіе Слейни, промышленныя ассоціаціи работниковъ допускаются въ Англіи къ пользованію правами такъ называемыхъ дружескихъ обществъ (friendly societies). Этимъ они избавляются отъ формальностей, которымъ подчинены акціонерныя компаніи и получаютъ возможность рѣшать свои споры, не прибѣгая къ суду канцлерства.

такъ легко, во Франціи совершенно невозможны: при неограниченной отвѣтственности французскій законъ не допускаетъ размѣнъ капитала на безъименныя акціи.

Изъ всѣхъ странъ, сколько я знаю, самые лучшіе законы о товариществѣ—законы штатовъ Новой Англіи. По словамъ Кери, въ примѣчаніи къ переводу статьи Коклена, «нигдѣ товарищество не стѣснено регламентаціей такъ мало, какъ въ Новой Англіи; потому въ ней и особенно въ Массачуссетсѣ и Родъ-Айлендѣ товарищества развиты, какъ нигдѣ. Въ этихъ штатахъ земля покрыта акціонерными обществами по всевозможнымъ предпріятіямъ. Каждый городъ—корпорація для хозяйственнаго управленія дорогами, мостами и школами, которыя находятся поэтому подъ прямымъ контролемъ лицъ, платящихъ деньги на нихъ, слѣдовательно управляются хорошо. Университеты (Academies) и церкви, гимназіи (lyceums) и библіотеки, сберегательныя и сохранныя компаніи существуютъ въ числѣ, соотвѣтственномъ надобности жителей и всѣ содержатся корпораціями. Въ каждомъ округѣ есть мѣстный банкъ, соразмѣрный его надобностямъ и управляемый мелкими капиталистами околодка, которымъ принадлежитъ его капиталъ; потому нигдѣ на свѣтѣ банковая система не развита до такого совершенства, не свободна до такой степени отъ колебаній въ размѣрѣ ссудъ, а потому, само собою разумѣется, нигдѣ и цѣнность собственности не колеблется такъ мало отъ перемѣнъ въ количествѣ и цѣнности денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ самими жителями черезъ эти банки. Въ Массачуссетсѣ и Родъ-Айлендѣ количество банковъ простирается почти до двухъ сотъ. Одинъ Массачуссетсъ представляетъ намъ 53 страховыхъ общества разнаго рода, разбросанныхъ по всему штату. Всѣ они основаны на акціяхъ. Фабрики устраиваются также на акціяхъ, и каждый участвующій въ управленіи дѣлами ихъ отъ покупки сыраго матеріала до продажи готоваго товара имѣетъ свою долю—акціонеръ фабрики; а каждый работающій на ней имѣетъ перспективу сдѣлаться акціонеромъ при помощи благоразумія, усердія и бережливости. Благотворительныхъ учрежденій очень много и всѣ они управляются компаніями. Рыболовныя суда принадлежатъ на акціяхъ людямъ, плавающимъ на нихъ; и у матросовъ китоловнаго корабля значительная часть вознагражденія или все вознагражденіе зависитъ отъ успѣха экспедиціи. Каждый старшій матросъ корабля, торгующаго на южномъ океанѣ, имѣетъ свою долю въ торговлѣ и собственный интересъ въ ней сильно развиваетъ въ немъ энергію и бережли-

вость, помощью которыхъ жители Новой Англіи быстро вытѣсня-ютъ другія націи изъ торговли въ этой части свѣта. Гдѣ ни по-селятся они, вездѣ обнаруживаютъ они ту же наклонность къ соединенному дѣйствію. Въ Нью-Йоркѣ имъ принадлежитъ большая часть почтовыхъ пароходовъ, раздѣленныхъ на акціи между кораблестроителями, купцами, шкиперомъ и его помощниками, которые вообще сами имѣютъ возможность стать со временемъ шкиперами; оттого и происходитъ замѣчательная успѣшность этихъ предпріятій. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего демократичнѣе этой системы. Она даетъ надежду на возвышеніе каждому матросу, каждому работнику, каждой работницѣ; и результаты ея совершенно таковы, какихъ слѣдуетъ ожидать. Нигдѣ способность, трудолюбіе и благоразуміе не имѣютъ такого вѣрнаго и большаго вознагражденія, какъ въ Новой Англіи.»

Случаи непреднамѣреннаго и злостнаго банкротства американскихъ акціонерныхъ компаній, надѣлавшіе столько убытковъ и столько скандаловъ въ Европѣ, происходили не въ той части Союза, къ которой относится этотъ отрывокъ, а въ другихъ штатахъ, въ которыхъ право ассоціаціи гораздо больше связано юридическими ограниченіями и въ которыхъ потому акціонерныя компаніи не равняются ни по числу, ни по разнообразію съ компаніями Новой Англіи. «Внимательный разборъ системъ разныхъ штатовъ (прибавляетъ Керп) долженъ, мнѣ кажется, убѣдить читателя въ выгодахъ разрѣшенія людямъ самимъ опредѣлять между собою условія, на которыхъ они вступаютъ въ товарищество, и въ выгодѣ дозволять товариществамъ самимъ опредѣлять передъ публикою условія, на которыхъ они будутъ вести съ нею дѣла, съ ограниченною ли, или съ неограниченною отвѣтственностію товарищей;» я согласенъ съ Керп, что и наука и законодательство должны придти къ этому заключенію.

8. Перехожу къ законамъ о несостоятельности должника.

Хорошіе законы о несостоятельности во первыхъ и болѣе всего важны для общественной нравственности, дурное или хорошее направленіе которой ни въ какихъ дѣлахъ не зависитъ отъ законовъ такъ много, какъ въ дѣлахъ необходимо подлежащихъ вѣдѣнію законовъ, въ дѣлахъ охраненія денежной честности. Но и съ чисто экономической стороны этотъ предметъ очень важенъ. Во-первыхъ экономическое благосостояніе народа и человѣчества чрезвычайно сильно обусловливается тѣмъ, чтобы люди могли другъ на друга полагаться въ обязательствахъ. Во-вторыхъ одинъ изъ рисковъ

или расходовъ въ промышленныхъ операціяхъ—рискъ или расходъ пропажи долговъ, и всякое уменьшеніе этого недочета служитъ уменьшеніемъ стоимости производства,—тутъ уменьшается статья расхода, вовсе неведущаго къ желаемой цѣли, расхода, который долженъ быть оплаченъ или потребителемъ товара или изъ общей прибыли на капиталъ, смотря потому, одинаковъ ли онъ со всѣми другими отраслями промышленности или составляетъ спеціальную тяжесть въ извѣстной промышленности.

Законы и обычаи націй по взысканію долговъ почти всегда впадали въ ту или въ другую крайность. Древніе законы почти во всѣхъ странахъ были безусловно строги къ должнику. Они давали кредитору власть болѣе или менѣе тиранскаго принужденія противъ несостоятельнаго должника, чтобы онъ могъ вымучивать у него скрытое имущество или получать удовлетвореніе мстительности, которою утѣшался бы за неплатежъ долга. Въ нѣкоторыхъ странахъ эта произвольная власть простиралась до права заставлять несостоятельнаго должника служить рабомъ кредитору; тутъ еще была искра здраваго смысла, потому что можно было считать рабство должника способомъ заработки долга. Въ Англіи принужденіе имѣло болѣе мягкую форму простаго заключенія въ тюрьму. Обѣ эти формы были варварскія средства грубаго вѣка, равно не допускавшаго ни справедливости, ни человѣчности. Къ несчастію за уничтоженіе этой жестокости взялись только какъ за дѣло одной человѣчности, а не за дѣло человѣчности и справедливости вмѣстѣ; и модная сострадательность нынѣшняго вѣка, въ сущности идеальная, и тутъ, какъ въ другихъ случаяхъ, перешла въ крутую реакцію противъ старинной суровости, такъ что чуть не кажется, будто бы умышленная или неумышленная растрата чужой собственности считается особеннымъ правомъ на милость. Постепенно были ослаблены или совершенно уничтожены всѣ непріятныя послѣдствія, какія соединялъ законъ съ такою растратою, и наконецъ деморализующее вліяніе этой безнравственности стало до того очевидно, что началось недавно въ англійскомъ законодательствѣ очень благотворное движеніе отчасти въ противную сторону.

Снисходительность законовъ къ лицамъ, сдѣлавшимся несостоятельными въ уплатѣ законныхъ долговъ, обыкновенно защищается тѣмъ, что въ случаѣ несостоятельности единственная цѣль закона должна быть та, чтобы взять имущество должника и справедливо раздѣлить его между кредиторами, а не та, чтобы стѣснять его

личность. Если согласиться, что это — единственная цѣль закона, то въ первомъ порывѣ англійскій законъ смягчонъ былъ такъ, что пересталъ достигать и этой цѣли. Заключеніе въ тюрьму по волѣ кредитора несомнѣнно служило сильнымъ средствомъ вынуждать у должника выдачу всего имущества, какое онъ скрылъ или перевелъ на другаго; и опытъ еще не показалъ, чтобы, лишивъ кредиторовъ этого средства, англійскій законъ снабдилъ его другимъ достаточнымъ къ тому средствомъ, даже и въ болѣе строгой формѣ, какую получилъ недавно. — Но самое мнѣніе, что законъ вполнѣ исполнилъ свою обязанность, когда передалъ кредиторамъ имущество несостоятельнаго должника,—это мнѣніе само по себѣ — совершенно несправедливый взглядъ фальшивой гуманности. Дѣло закона предупреждать вредныя дѣйствія, а не только смягчать послѣдствія такихъ дѣйствій, когда они уже совершены. Законъ обязанъ сдѣлать, чтобы несостоятельность не была выгодною денежною спекуляціею; чтобы человѣкъ не имѣлъ привиллегіи рисковать имуществомъ другихъ безъ ихъ вѣдома и согласія, брать себѣ прибыль дѣла въ случаѣ удачи, а въ случаѣ неудачи сваливать убытокъ на законныхъ собственниковъ; чтобы человѣкъ не находилъ выгоду дѣлать себя несостоятельнымъ къ уплатѣ законныхъ долговъ, растрачивая деньги кредиторовъ на личныя свои удовольствія. Всѣ согласны, что такъ называемое злостное банкротство — фальшивое выказываніе себя несостоятельнымъ должно быть наказываемо, когда откроется. Но если несостоятельность не притворна, то развѣ не можетъ быть она послѣдствіемъ дурныхъ дѣлъ? Если человѣкъ промоталъ или проигралъ собственность, принадлежавшую его кредиторамъ, то развѣ долженъ онъ остаться не наказаннымъ ради того, что вредъ дѣйствительно произведенъ имъ и деньги растрачены? Развѣ въ нравственномъ отношеніи есть существенная разница между такими поступками и другими нарушеніями честности, которыя называются обманомъ и утайкою?

Въ числѣ случаевъ несостоятельности такіе случаи составляютъ не меньшинство, а огромное большинство. Статистика банкротства доказываетъ это. «Значительнѣйшая половина всѣхъ случаевъ несостоятельности происходитъ отъ очевиднаго всѣмъ дурнаго образа поступковъ; процессы судилищъ по несостоятельности и по злостному банкротству доказываютъ это. Чрезмѣрное и неправильное расширеніе оборотовъ или нелѣпѣйшая спекуляція на товаръ, которую бѣдный спекуляторъ объясняетъ только словами: «я ду-

малъ, что цѣна поднимется», а почему думалъ, не можетъ сказать; спекуляція хмѣлемъ, чаемъ, шолкомъ, хлѣбомъ, вещами, торговля которыми ему совершенно неизвѣстна; сумазбродная покупка иностранныхъ бумагъ или акцій—вотъ невиннѣйшія причины банкротства» (изъ книги, изданной въ 1845, подъ заглавіемъ Credit the Life of Commerce, by J. H. Elliott). Опытный и даровитый писатель, цитируемый мною, подтверждаетъ свои слова свидѣтельствомъ оффиціальныхъ экспертовъ суда по злостному банкротству. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «сколько могу я судить по книгамъ и документамъ, доставленнымъ банкротами, я полагаю, что въ суммѣ дѣлъ, происходившихъ при отправленіи мною должности, 14 банкротовъ разорились спекуляціями на товары, съ торговлею которыми были незнакомы; трое — отъ неисправнаго веденія книгъ; десятеро — отъ веденія оборотовъ выше своихъ средствъ и капитала, и вслѣдствіе того отъ потерь и издержекъ по фиктивнымъ векселямъ; сорокъ девять отъ того, что тратили больше, чѣмъ сколько прибыли могли ждать, хотя получали хорошую прибыль; ни одинъ не обанкротился отъ всеобщаго бѣдствія или отъ упадка его спеціальнаго занятія.» Другой говоритъ: «въ полтора года я разобралъ 52 случая банкротствъ. Я нахожу, что 32 изъ нихъ произошли отъ неблагоразумной расточительности и пять отчасти отъ этой причины, отчасти отъ стѣсненія дѣлъ, которыми занимались банкроты. 15 я приписываю неблагоразумнымъ спекуляціямъ, съ которыми во многихъ случаяхъ соединялся слишкомъ пышный образъ жизни.»

Къ этимъ цитатамъ авторъ присоединяетъ слѣдующіе выводы изъ личнаго своего опыта: «часто несостоятельность происходитъ отъ беззаботности хозяина, который не ведетъ книгъ или ведетъ ихъ дурно и никогда не подводитъ баланса: иной никогда не провѣряетъ своего капитала; другой, у котораго дѣла обширны, такъ беззаботенъ, что даже не наблюдаетъ за своими служащими; отъ этого они банкротятся. Я не преувеличу, сказавъ, что половина коммерческихъ людей даже въ Лондонѣ никогда не провѣряютъ своего капитала: они годъ за годъ ведутъ дѣла, не зная, въ какомъ они положеніи и наконецъ, подобно школьникамъ, видятъ къ своему изумленію, что у нихъ въ карманѣ остается полъ-пенса. Могу сказать, что въ провинціяхъ не найдется между фабрикантами, торговцами и фермерами и четвертой доли такихъ, которые когда нибудь провѣряютъ свой капиталъ; а цѣлая половина изъ нихъ даже и не ведетъ счетныхъ книгъ, а развѣ дѣлаетъ какія

нибудь замѣтки для памяти. Я коротко знаю дѣла 500 мелкихъ торговцевъ въ провинціяхъ и могу сказать, что нѣтъ изъ нихъ и пятой части, которые повѣряли бы капиталъ или вели бы хотя необходимѣйшіе счеты. О такихъ торговцахъ по таблицамъ, внимательно составленнымъ, въ которыхъ при всякомъ сомнѣніи о причинахъ несостоятельности относилась она просто къ несчастію, я могу сказать, что на 9 банкротствъ отъ расточительности или нечестности приходится развѣ одно банкротство, которое можно приписать исключительно несчастію» (Elliott, стр. 50—51).

Возможно ли ждать отъ коммерческаго сословія высоко развитаго чувства справедливости, чести или честности, если законъ позволяетъ людямъ, такъ дѣйствующимъ, слагать послѣдствія своихъ дурныхъ поступковъ на людей, имѣвшихъ несчастіе повѣрить имъ, и въ сущности какъ будто провозглашаетъ, что происшедшее отъ такого образа дѣйствій банкротство считаетъ онъ «несчастіемъ», а не преступленіемъ.

Разумѣется, несостоятельность производится иногда причинами, не зависящими отъ должника, а еще чаще бываютъ случаи, когда вина его не очень велика — этого никто не отрицаетъ; и законъ долженъ быть снисходителенъ къ подобнымъ случаямъ, впрочемъ только по внимательномъ разборѣ дѣла; и никогда не слѣдуетъ пропускать банкротства безъ полнѣйшаго возможнаго изслѣдованія не только самого факта несостоятельности, но и причинъ его. Получить въ кредитъ деньги или другія цѣнности и потерять или растратить ихъ — это дѣло само по себѣ уже имѣетъ дурную наружность; и не кредиторъ долженъ доказывать (чего въ 9 случаяхъ изъ 10 и не можетъ доказать), что банкротство было злонамѣренное, а должникъ долженъ опровергнуть эту вѣроятность раскрытіемъ всѣхъ своихъ дѣлъ, доказавъ, что не было съ его стороны дурныхъ поступковъ или поступки эти не были неизвинительны. Если онъ не докажетъ этого, онъ никакъ не долженъ оставаться безъ наказанія, соразмѣрнаго степени порицанія, какому онъ справедливо можетъ подвергаться; впрочемъ это наказаніе можетъ быть сокращаемо или смягчаемо соразмѣрно вѣроятности, что онъ постарается исправить сдѣланный имъ вредъ.

Защитники слабыхъ законовъ о банкротствѣ ссылаются обыкновенно на то, что кредитъ хорошъ лишь въ большихъ торговыхъ операціяхъ, а въ мелкихъ вреденъ, и говорятъ, что лишать кредиторовъ юридическаго взысканія хорошее средство къ отнятію у нихъ охоты давать въ кредитъ. Кредитъ, даваемый розничными

торговцами непроизводительнымъ потребителямъ, — конечно, большое зло при чрезмѣрности, въ какой дается. Но сказать это надобно только о большомъ и въ особенности о долговременномъ кредитѣ, потому что товаръ дается въ кредитъ также и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не уплачивается за него до выноса изъ лавки или выхода его изъ подъ надзора продавца; а прекращать такой кредитъ было бы очень не удобно. Но значительную долю банкротствъ составляютъ долги мелкихъ торговцевъ оптовымъ купцамъ, снабжающимъ ихъ, и на этотъ классъ долговъ гибельнѣе всего дѣйствуетъ деморализація, производимая дурными законами. Есть такіе коммерческіе кредиты, уменьшенія которыхъ никто не желаетъ; они очень важны для общей промышленности страны и для множества честныхъ, благоразумныхъ лицъ съ небольшими средствами и очень дурно, когда несуществованіе закона, обезпечивающаго справедливое взысканіе съ нечестныхъ или расточительныхъ должниковъ мѣшаетъ этимъ честнымъ людямъ въ полученіи нужнаго имъ кредита, которымъ они не злоупотребляютъ.

Но если и согласиться, что въ розничной торговлѣ годятся только покупки на наличныя деньги, а не въ кредитъ, и что къ совершенному уничтоженію его въ ней долженъ стремиться законъ; все-таки, едвали можно придумать для этой цѣли средство хуже того, чѣмъ чтобы позволять человѣку безнаказанно обманывать и обкрадывать людей, довѣрившихъ ему. Законъ вообще не находитъ человѣческихъ пороковъ хорошими средствами для наказанія людей, почти невинныхъ; чтобы отвращать людей отъ извѣстныхъ поступковъ, онъ употребляетъ свои средства, а не отказываетъ въ защитѣ лицамъ, поступающимъ вредно и не даетъ воли грабить ихъ хищническимъ инстинктамъ дурныхъ людей. Если человѣкъ совершилъ убійство, законъ осуждаетъ его на смерть, а не обѣщаетъ безнаказанности каждому, кто убьетъ его, чтобы взять его кошелекъ. Тотъ проступокъ, что человѣкъ повѣрилъ (положимъ, и опрометчиво) слову другаго человѣка, не такъ низокъ, чтобы для удержанія отъ такихъ поступковъ нужно было каждому представлять картину законно торжествующаго плутовства, насмѣхающагося надъ своими жертвами. Этотъ заразительный примѣръ сталъ встрѣчаться слишкомъ часто по ослабленіи законовъ о несостоятельности. Напрасно ожидать, чтобы тотъ кредитъ, который считается вреднымъ, много сократился хотя бы чрезъ совершенное отнятіе у кредитора всѣхъ законныхъ средствъ взысканія. Плуты и моты еще исключеніе между людьми, и человѣкъ продолжаетъ

вѣрить обѣщаніямъ человѣка. Оптовые торговцы, при хорошемъ ходѣ торговли, станутъ тогда отказывать въ кредитѣ розничнымъ торговцамъ, какъ отказываютъ многіе и теперь; но при горячности соперничества въ большомъ городѣ, чего можно ожидать отъ торговца, которому важенъ и каждый постоянный покупщикъ, особенно если этотъ покупщикъ — человѣкъ, начинающій торговлю? оптовый негоціантъ будетъ рисковать, хотя бы рискъ сталъ еще больше нынѣшняго; онъ навѣрное раззорится, если не продастъ своего товара; а будетъ ли раззоренъ обманомъ, это еще неизвѣстно. Напрасно говорить, что онъ долженъ наводить точныя справки, разузнавать о людяхъ, которымъ вѣритъ свой товаръ. Есть случаи очевиднѣйшаго мошенничества должниковъ, судившихся за злостное банкротство, и однакоже представлявшихъ кредиторамъ самыя лучшія засвидѣтельствованія своей честности *).

*) Привожу изъ французскаго торговаго кодекса выписки, показывающія какъ внимательно различаетъ разные разряды несостоятельности и какія хорошія средства для ихъ разбора даетъ французскій законъ. Банкротствомъ онъ называетъ лишь ту несостоятельность, въ которой виноватъ самъ человѣкъ, и различаетъ «простое» банкротство отъ «злостнаго». Вотъ случаи простаго банкротства:

«Объявляется простымъ банкротомъ каждый несостоятельный торговецъ, который окажется подходящимъ подъ одинъ изъ слѣдующихъ случаевъ: если его личные или домашніе расходы найдены будутъ чрезмѣрными; если онъ потратитъ большія суммы или на чисто рискованныя операціи, или на фиктивныя операціи биржевыми бумагами или товарами; если, въ намѣреніи отсрочить свою несостоятельность, онъ покупалъ для перепродажи ниже курса; если въ этомъ же намѣреніи онъ прибѣгалъ къ займамъ, фиктивнымъ векселямъ и другимъ раззорительнымъ средствамъ получать деньги; если, по прекращеніи своихъ платежей, онъ уплатитъ одному кредитору въ предосужденіе другимъ.

«Можетъ быть объявляемъ простымъ банкротомъ каждый несостоятельный торговецъ, который окажется подходящимъ подъ одинъ изъ слѣдующихъ случаевъ: если по прекращеніи своихъ платежей онъ въ трехдневный срокъ не предъявилъ о томъ суду, если, безъ законной причины, онъ не явился лично къ синдикамъ въ постановленныхъ случаяхъ и въ постановленные сроки; если онъ не велъ книгъ и не дѣлалъ точныхъ описей; если его книги или описи не полны или неправильны, но безъ злаго умысла».

Наказаніе за «простое банкротство» — заключеніе въ тюрьму на срокъ не менѣе одного мѣсяца и не больше двухъ лѣтъ. Вотъ случай злостнаго банкротства, за которое наказаніемъ опредѣляется каторжная работа, болѣе или менѣе продолжительная.

«Злостнымъ банкротомъ объявляется каждый несостоятельный торговецъ, который скрылъ свои книги, передалъ другому или скрылъ часть своихъ средствъ къ уплатѣ или который частными ли росписками или формальными

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ГЛАВА X.

СЛУЧАИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО ВМѢШАТЕЛЬСТВА, ПРОИСХОДЯЩАГО ИЗЪ ЛОЖНЫХЪ ТЕОРІЙ.

1. Отъ необходимыхъ функцій правительства и отъ вліянія хорошаго или дурнаго способа ихъ отправленія на экономическіе интересы общества, мы переходимъ къ функціямъ, которыя за недостаткомъ лучшаго термина назвалъ я не необходимыми,—къ тѣмъ, которыя иногда беретъ, иногда не беретъ на себя правительство, и о которыхъ не всѣ согласны въ томъ, что правительство должно брать ихъ на себя.

До разсмотрѣнія общихъ принциповъ, полезно очистить намъ свой путь отъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ правительственное вмѣшательство оказывается невыгоднымъ, происходя изъ ошибочныхъ понятій о предметѣ, подвергаемомъ вмѣшательству. Такіе случаи не имѣютъ никакого отношенія къ теоріи границъ вмѣшательства. Въ извѣстные предметы правительство не должно, а въ другіе должно вмѣшиваться; но и основательное вмѣшательство оказывается невыгоднымъ, если правительство, не понимая предмета, хочетъ своимъ вмѣшательствомъ достичь результата, который въ сущности не выгоденъ. Потому мы начнемъ пересмотромъ ошибочныхъ теорій, въ разныя времена служившихъ основаніемъ правительственныхъ дѣйствій, болѣе или менѣе вредныхъ въ экономическомъ отношеніи.

Прежніе политико-экономы находили нужнымъ посвящать много труда и мѣста этому отдѣлу своего предмета. Теперь къ сча-

---

документами, или своими счетными книгами поставитъ за собою вымышленные долги; если имущество, ввѣренное ему только на сохраненіе или только на употребленіе для предназначенной цѣли, онъ обратитъ на собственную надобность (за такое расхищеніе по англійскимъ законамъ человѣкъ преслѣдуется лишь гражданскою тяжбою, да и то въ судѣ канцлерства); если онъ купилъ недвижимую собственность на чужое имя.

«Можетъ также быть объявляемъ злостнымъ банкротомъ несостоятельный торговецъ, если онъ не велъ книгъ, или въ этихъ книгахъ дебетъ и кредитъ его показаны невѣрно; если онъ получивъ разрѣшеніе на проѣздъ (sans-conduit) не явится къ суду».

Все это относится только къ торговой несостоятельности. Законы о не коммерческихъ дѣлахъ гораздо строже къ должнику.

стію явилась, по крайней мѣрѣ въ Англіи, возможность сократить эту чисто отрицательную часть нашихъ изслѣдованій. Ошибочныя политико-экономическія теоріи, дѣлавшія столько вреда въ прошлыя времена, теперь совершенно пали въ глазахъ людей, не совершенно отставшихъ отъ успѣховъ общественнаго мнѣнія; и мало остается въ англійскихъ законахъ безобразящихъ законы постановленій, основывавшихся на этихъ теоріяхъ. Принципы, по которымъ надобно отвергнуть ихъ, уже изложены подробно въ другихъ частяхъ нашего трактата; потому можно удовольствоваться намъ немногими и короткими указаніями.

Изъ этихъ ложныхъ теорій знаменитѣйшая теорія покровительства отечественной промышленности, т. е. запрещеніе или посредствомъ тяжелыхъ пошлинъ стѣсненіе привоза тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые могутъ производиться въ самой странѣ. Если бы теорія, служащая основаніемъ этой системѣ, была правильна, то дѣйствительно являлись бы изъ нея послѣдствія, какія выводились. Теорія была та, что покупать вещи внутренняго производства служитъ въ пользу націи, а ввозъ чужихъ товаровъ вообще — въ убытокъ ей. Но съ тѣмъ вмѣстѣ очевидно, что выгода потребителя—покупать иностранные товары предпочтительно передъ домашними, когда они дешевле или лучше; потому интересъ потребителя казался въ этомъ отношеніи противоположенъ общественному интересу: предоставленный собственнымъ наклонностямъ потребитель навѣрное сталъ бы дѣйствовать способомъ, по мнѣнію теоріи, вреднымъ для общества.

Но въ нашемъ разборѣ послѣдствій международной торговли было показано, какъ много разъ было показываемо прежними писателями, что при обыкновенномъ ходѣ торговли ввозъ заграничныхъ товаровъ бываетъ лишь тогда, когда онъ съ экономической точки зрѣнія выгоденъ для націи, когда при немъ данное количество товаровъ получается страною съ меньшимъ расходованіемъ труда и капитала. Слѣдовательно запрещать этотъ ввозъ или налагать пошлины, мѣшающія ему, значитъ дѣлать трудъ и капиталъ страны менѣе успѣшными въ производствѣ, чѣмъ были бы они безъ этихъ запрещеній или стѣсненій; значитъ вынуждать, чтобы пропадало все количество труда и капитала, какое нужно на внутреннее производство товара, сверхъ того количества труда и капитала, какое было бы нужно на производство предмета, за какое былъ бы купленъ этотъ товаръ изъ-за границы. Величина этого національнаго убытка измѣряется излишкомъ цѣны, какой

стоитъ товаръ при внутреннемъ производствѣ надъ цѣною, за какую могъ бы онъ ввозиться. Въ фабричныхъ товарахъ вся эта разница между двухъ цѣнъ поглощается вознагражденіемъ производителей за растрату труда или капитала, содержащаго трудъ. Лица, о которыхъ тутъ предполагается, что имъ это полезно, т. е. производители покровительствуемыхъ товаровъ, получаютъ прибыль не выше другихъ производителей (если не составляютъ замкнутой компаніи, не имѣютъ монополіи и противъ своихъ соотечественниковъ, какъ противъ иностранцевъ). Тутъ есть лишь чистый убытокъ и для страны и для потребителя. — Если покровительствуемый предметъ земледѣльческій продуктъ,—лишняя трата труда и капитала происходитъ не на всемъ продуктѣ, а лишь на той части его, которую можно назвать послѣднею, потому только часть лишней цѣны служитъ вознагражденіемъ за эту потерю, остальная часть служитъ налогомъ съ общества въ пользу землевладѣльцевъ.

Стѣснительныя и запретительныя мѣры первоначально основывались на такъ называемой меркантильной системѣ, которая поставляя всю выгоду внѣшней торговли лишь во ввозѣ денегъ, давала искуственное поощреніе вывозу товаровъ, и мѣшала ихъ ввозу. Единственными исключеніями были тутъ лишь тѣ, которыя вытекали изъ самой системы: съ матеріалами и орудіями производства поступала она, по своему разсчету, иначе, чѣмъ съ другими товарами, допускала свободный ввозъ ихъ и запрещала вывозъ, чтобы фабриканты, дешевле снабжаясь элементами фабрикаціи могли дешевле продавать и потому больше вывозить. По той же причинѣ допускался и даже поощрялся ввозъ продуктовъ тѣхъ странъ, о которыхъ предполагалось, что онѣ черезъ это станутъ у нашей страны брать больше товаровъ, чѣмъ продаютъ ей, и обогащать ее благопріятнымъ торговымъ балансомъ. По такому же разсчету основывались колоніи,—для предполагаемой выгоды принуждать ихъ покупать наши товары или по крайней мѣрѣ не покупать ихъ у другихъ странъ; въ замѣнъ, страна обыкновенно соглашалась подчиниться такому же обязательству относительно главныхъ колоніальныхъ товаровъ. Выводы изъ этой теоріи доходили до того, что нерѣдко давались преміи за вывозъ; чтобы склонять иностранцевъ искуственною дешевизною покупать наши товары предпочтительно передъ чужими, мы сами платили изъ своихъ налоговъ часть цѣны этихъ товаровъ за иностранцевъ. Такъ далеко еще не заходили частные торговцы въ своемъ соперничествѣ. Полагаю, что не было никогда купца, который подкупалъ бы поку-

пателей продажею имъ своихъ товаровъ въ постоянный убытокъ себѣ, пополняя этотъ убытокъ изъ другихъ своихъ доходовъ.

Отъ принципа меркантильной теоріи отступились нынѣ даже тѣ писатели и правительства, которыя еще держатся запретительной системы. Если эта система еще имѣетъ силу надъ умами, то основаніями тутъ служатъ, кромѣ опасеній дѣйствительнаго или мнимаго личнаго убытка отъ ея уничтоженія, не старинная мысль о накопленіи денегъ въ странѣ, а другія ошибочныя мнѣнія. Изъ нихъ самое сильное — благовидный софизмъ: надобно давать занятіе нашимъ соотечественникамъ и нашей національной промышленности, а не содержать и развивать иностранную промышленность. Очевидно, какъ слѣдуетъ отвѣчать на это по принципамъ изложеннымъ нами выше. Не возвращаясь къ изложенной нами въ первой части трактата (томъ I, стр. 109) основной теоремѣ о сущности и объ источникахъ занятія для труда, достаточно повторить обыкновенныя слова защитниковъ свободной торговли, что вопросъ тутъ не о томъ, соотечественникамъ или иностранцамъ давать занятіе, а о томъ, какое занятіе лучше для нашихъ соотечественниковъ. Ввозный товаръ всегда, прямо или косвенно, оплачивается продуктомъ нашей промышленности, которая отъ заграничнаго ввоза становится болѣе производительною, потому что съ прежнимъ количествомъ труда и расхода дастъ намъ большее количество товара. Люди не вникавшіе въ дѣло могутъ предположить, что отъ случайностей зависитъ, будемъ ли мы вывозить своихъ товаровъ на цѣнность равную иностраннымъ товарамъ, потребленнымъ нами,—что это зависитъ отъ согласія чужихъ странъ ослабить свои стѣснительныя мѣры подобно намъ, или отъ того, склоняются ли къ увеличенію своихъ покупокъ у насъ иностранцы при увеличеніи нашихъ покупокъ у нихъ, а если нѣтъ этихъ или равносильныхъ имъ обстоятельствъ, то за ввозные товары мы должны будемъ платить деньгами. Но во первыхъ, уплата деньгами нисколько не хуже уплаты какими нибудь товарами, когда по состоянію рынка деньги служатъ самымъ выгоднымъ средствомъ уплаты; да и самыя деньги были нами пріобрѣтены вывозомъ нашихъ товаровъ на равную имъ цѣнность, и количество ихъ снова пополнится тѣмъ же путемъ. Во вторыхъ, отъ уплаты деньгами очень скоро цѣны такъ понизились бы, что или часть ввоза остановится, или заграничный запросъ на нашъ продуктъ поднимется и ввозъ будетъ оплачиваться вывозомъ. Я согласенъ, что это временное нарушеніе въ уравненіи

международнаго запроса будетъ нѣсколько невыгодно намъ въ покупкѣ другихъ ввозныхъ товаровъ; что страна, запрещающая нѣкоторые изъ иностранныхъ товаровъ, при равенствѣ прочихъ условій, можетъ получать дешевле, чѣмъ пришлось бы безъ этого получать, тѣ товары, ввозъ которыхъ не запрещенъ. Иными словами, это значитъ: страна, совершенно уничтожающая у себя нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли, уничтожая черезъ это часть общаго человѣческаго выигрыша отъ нихъ, который въ извѣстной пропорціи распредѣлился бы между нею и другими странами, привлекаетъ себѣ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, на счетъ иностранцевъ, отъ остающейся части внѣшней торговли большую пропорцію выгоды, чѣмъ получала бы безъ запрещенія. Но это бываетъ лишь тогда, если иностранцы отказываются отъ такихъ же запрещеній или стѣсненій противъ товаровъ этой страны. А во всякомъ случаѣ не трудно понять, справедливо ли и полезно ли уничтожать одинъ изъ двухъ выигрышей, чтобы захватить большую долю изъ другаго, особенно когда по размѣру оборотовъ уничтожаемый выигрышъ больше сохраняемаго; что онъ больше, это предполагается самымъ опасеніемъ, что капиталъ именно къ нему и обратился бы, еслибы дана была свобода.

Будучи опровергнутъ въ общемъ своемъ принципѣ, протекціонизмъ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ опирается на соображенія, которыя были бы важнѣе простаго сбереженія труда, если бы были справедливы: онъ говоритъ объ интересахъ національнаго продовольствія и національной безопасности. Споры о хлѣбныхъ законахъ познакомили каждаго съ тѣмъ аргументомъ, что мы не должны зависѣть отъ иностранцевъ въ своемъ продовольствіи; и навигаціонные законы теоретически и формально основывались на необходимости содержать «разсадникъ матросовъ» для военнаго флота. Объ этомъ послѣднемъ дѣлѣ я совершенно согласенъ, что цѣль тутъ стоитъ пожертвованій, и что страна, открытая высадкамъ, имѣетъ полное право пріобрѣтать достаточное число купеческихъ кораблей и матросовъ для обезпеченія средствъ къ вооруженію достаточнаго военнаго флота въ случаѣ опасности,— пріобрѣтать ихъ даже съ экономическимъ пожертвованіемъ дешевизною перевозки, если не можетъ имѣть ихъ иначе. Когда установлялись англійскіе навигаціонные законы, голландцы, по своему морскому искусству и по своему низкому уровню прибыли дома, могли перевозить для другихъ націй, въ томъ числѣ и для Англіи, товары дешевле, чѣмъ могли эти другія націи; отъ этого всѣмъ другимъ

странамъ сравнительно съ Голландіею было очень трудно получать опытныхъ матросовъ для своихъ военныхъ кораблей. Навигаціонные законы, пособившіе этому недостатку и въ тоже время нанесшіе ударъ морскому могуществу націи, съ которою Англія часто была тогда во враждѣ, вѣроятно были полезны въ политическомъ отношеніи, хотя и невыгодны въ экономическомъ. Но теперь англійскіе корабли и матросы могутъ перевозить товары не дороже другихъ кораблей и матросовъ, и по крайней-мѣрѣ не уступаютъ другимъ морскимъ націямъ, если не превосходятъ ихъ въ соперничествѣ по ихъ собственной торговлѣ. Цѣли, которыми нѣкогда могли оправдываться навигаціонные законы, уже не нуждаются въ нихъ и не было никакого основанія сохранять это дурное исключеніе изъ общаго правила торговли.

Относительно продовольствія доводы протекціонистовъ были опровергнуты столько разъ и такъ побѣдоносно, что намъ не нужно здѣсь много заниматься ими. Страна снабжается продовольствіемъ тѣмъ постояннѣе и изобильнѣе, чѣмъ обширнѣе площадь, съ которой получаетъ она снабженіе. Смѣшно основывать общую систему на такой невѣроятной опасности, какъ война со всѣми націями свѣта вдругъ; или предполагать, что вся она можетъ быть блокируема подобно одному городу, если она и слабѣе морскими силами; или что производители хлѣба въ другихъ странахъ не будутъ такъ же сильно заботиться, чтобы не утратить выгоднаго рынка, какъ мы о томъ, чтобы не лишиться ихъ хлѣба. Но есть въ вопросѣ о продовольствіи сторона, заслуживающая болѣе внимательнаго разбора. Въ случаяхъ дѣйствительнаго или ожидаемаго неурожая многія европейскія страны имѣютъ обычай останавливать вывозъ продовольствія. Вѣрна или ошибочна такая система? При нынѣшнемъ состояніи международной нравственности разумѣется нельзя и народа, какъ отдѣльнаго человѣка, порицать за то, что онъ не подвергаетъ себя голоду для прокормленія другихъ. Но еслибы правила международной политики имѣли цѣлью наибольшее благо всего человѣчества, такая общая жестокость навѣрное осуждалась бы политикою. Предположимъ, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ торговля хлѣбомъ совершенно свободна, такъ что цѣна его въ одной странѣ вообще можетъ превышать цѣну въ другой только на стоимость перевозки съ умѣренною прибылью ввозящему негоціанту. Положимъ, что настаетъ общій неурожай во всѣхъ странахъ, впрочемъ въ однихъ странахъ сильнѣе, въ другихъ слабѣе. Если въ извѣстной странѣ цѣна хлѣба поднялась больше, чѣмъ

въ другихъ, это доказываетъ, что въ ней неурожай былъ самый жестокій, и что дозволеніемъ свободнаго провоза хлѣба туда изъ другихъ странъ мы даемъ хлѣбу идти оттуда, гдѣ менѣе настоятельна необходимость на облегченіе настоятельнѣйшей необходимости. Потому, когда мы возьмемъ въ соображеніе интересы всѣхъ странъ, надобно желать свободнаго вывоза. Если мы возьмемъ въ соображеніе отдѣльно одну вывозящую страну, онъ можетъ представляться неудобствомъ, по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, когда она вывозитъ хлѣбъ; но если принять въ разсчетъ, что страна, дающая нынѣ хлѣбъ, будетъ въ слѣдующее время получать его и имѣть пользу отъ свободы, то надобно думать, что даже и толпѣ, поднимающей волненія въ случаяхъ вывоза хлѣба при неурожаѣ, можно растолковать, что тутъ должны мы дѣлать другимъ то, чего желаемъ отъ другихъ для себя.

Въ странахъ, гдѣ протекціонная система падаетъ, но еще не совершенно покинута, напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ, появилась теорія, составляющая компромиссъ между свободною торговлею и запрещеніемъ; она говоритъ, что покровительство для покровительства не годится, но нѣтъ ничего дурнаго имѣть тѣ охранительныя пошлины, какія безъ протекціоннаго намѣренія могутъ сами собою вытекать изъ тарифа составленнаго единственно съ финансовой цѣлью. Даже въ Англіи выражается иногда сожалѣніе, что не сохранена «умѣренная неизмѣнная пошлина» съ хлѣба собственно для дохода, который она давала бы. Но независимо отъ общаго вреда налоговъ на предметы необходимости при такомъ мнѣніи забывается фактъ, что доходъ получается лишь съ ввозимаго количества, а налогъ платится со всего потребляемаго количества. Заставлять націю платить такъ много для доставленія казнѣ такого малаго дохода—дурной способъ собиранія дохода. Въ мануфактурныхъ товарахъ такое мнѣніе заключаетъ въ себѣ явную несообразность. Предметъ налога,—доставленіе дохода, не совмѣстенъ съ тѣмъ, чтобы онъ даже и непреднамѣренно давалъ покровительство. Онъ можетъ доставлять покровительство лишь тѣмъ, что мѣшаетъ ввозу; а на-сколько онъ мѣшаетъ ввозу, онъ не даетъ дохода.

По принципамъ политической экономіи независимо отъ другихъ соображеній покровительственныя пошлины могутъ допускаться лишь въ одномъ случаѣ: когда онѣ установляются на-время (особенно у молодой и цивилизующейся націи), съ надеждою акклиматизировать въ ней заграничную промышленность, совершенно

подходящую къ ея положенію. Превосходство одной страны надъ другою въ извѣстной отрасли промышленности часто происходитъ лишь оттого, что первая страна начала заниматься ею раньше. Она можетъ быть не имѣетъ внутреннихъ преимуществъ для этой промышленности, а вторая страна не имѣетъ внутренняго неудобства для нея, и преимущество тутъ лишь временное, происходящее отъ искусства и опытности. Страна, которой еще надобно пріобрѣсти эти качества, можетъ по другимъ условіямъ быть къ этому производству способнѣе страны, которая раньше начала заниматься имъ. Кромѣ того справедливо говорятъ, что сильную тенденцію къ усовершенствованію всякой отрасли производства имѣютъ опыты заниматься имъ при новыхъ условіяхъ. Но нельзя ожидать, чтобы частныя лица стали на свой рискъ или вѣрнѣе сказать съ вѣрнымъ убыткомъ себѣ вводить новую отрасль промышленности и нести эту тяжесть, пока производители не воспитаются до уровня другихъ производителей, уже имѣющихъ опытность. Покровительственная пошлина, сохраняемая не слишкомъ долго, бываетъ иногда для націи наименѣе неудобнымъ способомъ подвергать себя налогу на поддержку такого опыта. Но покровительство должно ограничиваться такими дѣлами, относительно которыхъ есть очень основательная увѣренность, что покровительствуемая отрасль промышленности черезъ нѣсколько времени будетъ въ состояніи обойтись безъ покровительства; и никакъ не должно допускать въ отечественныхъ производителяхъ ожиданія, что покровительство имъ будетъ продолжаться долѣе времени, необходимаго для хорошей провѣрки ихъ способности къ дѣлу.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ еще только объ одной сторонѣ протекціоннаго взгляда,—о политикѣ относительно колоній и чужихъ подвластныхъ намъ странъ, о принужденіи ихъ торговать исключительно съ господствующей страной. Страна, обезпечивающая себѣ этимъ лишній заграничный запросъ на свои товары, конечно доставляетъ себѣ нѣкоторую лишнюю выгоду въ распредѣленіи общаго выигрыша отъ всемірной торговли. Но она черезъ это отвращаетъ промышленность и капиталъ колоніи съ путей, наиболѣе производительныхъ (таковы непремѣнно тѣ пути, по которымъ пошли бы промышленность и капиталъ при свободѣ); слѣдовательно въ общей сложности производительнымъ силамъ человѣчества тутъ наносится потеря и метрополія выигрываетъ меньше, чѣмъ отнимаетъ у колоніи. Потому, если метрополія не подвергаетъ себя такому же обязательству относительно колоній, она

косвенно беретъ съ нея дань, гораздо притѣснительнѣйшую и несправедливѣйшую, чѣмъ прямая дань. Если же по духу справедливости она сама подчиняется подобному ограниченію въ пользу колоніи, то выходитъ изъ этого дѣла тотъ смѣшной результатъ, что каждая изъ двухъ сторонъ теряетъ много для доставленія маленькаго выигрыша другой странѣ.

2. Кромѣ протекціонизма въ числѣ вредныхъ вмѣшательствъ въ свободный ходъ промышленныхъ дѣлъ надобно замѣтить нѣкоторыя вмѣшательства въ договоры. Примѣромъ тому служатъ законы о процентахъ. Они родились изъ религіознаго предубѣжденія противъ полученія процентовъ на деньги, а это предубѣжденіе проистекло изъ обильнаго источника вредныхъ вещей въ новой Европѣ, изъ попытки примѣнить къ христіанству теоріи и правила, заимствованныя изъ еврейскихъ законовъ. У магометанъ проценты формально запрещены, и правило это строго соблюдается; а въ числѣ причинъ промышленной отсталости католической Европы отъ протестантской Сисмонди поставляетъ то, что католическая церковь въ средніе вѣка освящала тотъ же предразсудокъ; и онъ во всѣхъ католическихъ странахъ еще существуетъ, только ослабившись, но не уничтожившись. Гдѣ законъ или предразсудокъ не допускаетъ отдачи денегъ въ проценты, тамъ капиталъ, принадлежащій не коммерческимъ людямъ, потерянъ для производства или можетъ прилагаться къ нему лишь по особеннымъ личнымъ связямъ или тайкомъ. Потому производство ограничивается капиталомъ предпринимателей и капиталомъ, какой могутъ занять они у лицъ, не связанныхъ тѣми законами или тою религіею, какъ они. Въ мусульманскихъ странахъ банкиры и денежные торговцы — индусы, армяне и евреи.

Въ странахъ, болѣе цивилизованныхъ, законодательство уже не запрещаетъ получать вознагражденіе за денежныя ссуды; но повсюду оно вмѣшивалось въ свободную дѣятельность кредитора и заемщика, установляя законный предѣлъ процентовъ и подвергая уголовному наказанію полученіе болѣе высокихъ процентовъ. Это стѣсненіе, хотя и одобренное Адамомъ Смитомъ, осуждается всѣми просвѣщенными людьми со времени побѣдоноснаго опроверженія его Бентамомъ въ «письмахъ о процентахъ» (Letters on Usury), на которыя и до сихъ поръ можно сослаться какъ на лучшія сочиненія по этому вопросу.

Законодатели установляютъ и поддерживаютъ законы о процентахъ или по мнѣнію, что они полезны для цѣлаго общества,

или по мнѣнію, что они полезны для договаривающихся лицъ; конечно только для одной изъ договаривающихся сторонъ для заемщиковъ. По вопросу объ общественной пользѣ они вѣроятно руководились мнѣніемъ, что уровню процентовъ надобно быть для общей пользы низкому. Но предполагать, что законъ на самомъ дѣлѣ можетъ уменьшить проценты ниже того уровня, какой они имѣли бы по свободному дѣйствію запроса и снабженія, значитъ не понимать причинъ, которыми опредѣляется ходъ коммерческихъ сдѣлокъ. Если соперничество заемщиковъ, будучи оставлено безъ стѣсненій, подняло бы величину процентовъ до 6, это показываетъ, что при 5 процентахъ былъ бы запросъ на ссуды значительнѣе того, какой можетъ снабдиться существующимъ на рынкѣ капиталомъ. Если при этихъ обстоятельствахъ законъ запрещаетъ брать больше 5 процентовъ, нѣкоторые изъ людей, имѣющихъ деньги для отдачи въ ссуду, не желая нарушать законъ и не будучи въ состояніи употребить свой капиталъ иначе, удовольствуются законнымъ процентомъ. Но другіе, находя, что при сильномъ запросѣ можно другими способами извлечь больше пользы изъ ихъ капитала, чѣмъ отдачею въ ссуду по дозволенному проценту, вовсе не будутъ отдавать его въ проценты, и капиталъ ссудъ, и безъ того уже бывшій недостаточенъ сравнительно съ запросомъ, еще уменьшится. Въ такіе періоды будетъ много безуспѣшныхъ искателей, которымъ надобно получить ссуду по какой-бы-то ни-было цѣнѣ, и они легко найдутъ заимодавцевъ третьяго сорта, которые не откажутся нарушать законъ или кривыми сдѣлками, похожими на плутовство, или довѣряя честности занимающаго. Лишній расходъ на эти запутанныя сдѣлки и страховая премія за рискъ неплатежа и законныхъ наказаній должны будутъ уплачиваться занимающимъ сверхъ лишняго процента, какой потребовался бы отъ него по общему состоянію рынка. Такимъ образомъ законы, имѣющіе цѣлью понизить цѣну, платимую за снабженіе деньгами, въ результатѣ возвышаютъ ее. Кромѣ того они имѣютъ прямо демонализующее вліяніе. Зная трудность открыть незаконную денежную сдѣлку между двумя лицами, въ которой не замѣшано ни одно постороннее лицо, пока интересъ обѣихъ сторонъ требуетъ сохраненія тайны, законодатели прибѣгли къ мѣрѣ, искушающей заемщика становиться доносителемъ: они сдѣлали уничтоженіе долга частью наказанія за нарушеніе закона, то есть назначили награду людямъ за то, что получивъ чужую собственность ложными обѣщаніями, они откажутся отъ платежа и потребуютъ юри-

дическаго наказанія людямъ, которые помогли имъ въ нуждѣ. Нравственное чувство человѣческаго рода очень основательно признаетъ безчестнымъ человѣка, который отказывается удовлетворить справедливому требованію подъ предлогомъ незаконныхъ процентовъ, и допускаетъ такой предлогъ лишь тогда, когда онъ употребляется только какъ лучшее юридическое средство противъ требованія, дѣйствительно плутовскаго или грабительскаго. Но отъ самой этой строгости общественнаго мнѣнія исполненіе законовъ становится такъ трудно, а наложеніе наказаній такъ рѣдко, что когда бываетъ такой случай, тутъ только приносится въ жертву отдѣльное лицо безъ всякаго вліянія на общій ходъ дѣлъ.

Если же предположить основаніемъ для стѣснительнаго закона о процентахъ не общую пользу, а заботливость о пользѣ занимающаго, то трудно указать случай, въ которомъ такая нѣжность законодателя была бы болѣе неумѣстна. Человѣкъ въ здравомъ умѣ и въ возрастѣ, въ которомъ по закону онъ имѣетъ право самъ вести свои дѣла, долженъ считаться достаточно хорошимъ хранителемъ собственныхъ денежныхъ интересовъ. Если онъ можетъ продать помѣстье, отдать его въ аренду или передать другому все свое имущество безъ контроля со стороны закона, то едва ли есть необходимость, чтобы заемъ денегъ оставался единственною сдѣлкою, которой не можетъ онъ совершить безъ вмѣшательства законовъ. Законъ по видимому предполагаетъ, что заимодавецъ, имѣя дѣло съ человѣкомъ нуждающимся, можетъ воспользоваться его крайностью и вытребовать у него всякія условія по своему произволу. Это могло бы быть, еслибы занимателю былъ доступенъ лишь одинъ заимодавецъ. Но когда занимателю представляются всѣ денежные люди богатаго общества, настоятельность его нужды еще не ставитъ его въ невыгодное положеніе. Если онъ не можетъ найти денегъ по проценту, платимому другими, причина тутъ должна быть та, что онъ не можетъ представить такого хорошаго обезпеченія; и соперничество ограничитъ излишекъ запроса съ него количествомъ равноцѣннымъ риску, что онъ окажется несостоятеленъ. Законъ хочетъ благопріятствовать занимающему, но именно ему-то и дѣлаетъ онъ тутъ вреда больше всѣхъ. Что можетъ быть вреднѣе человѣку, не могущему дать вполнѣ хорошаго обезпеченія, какъ не то, что ему мѣшаютъ занимать у людей, согласныхъ дать ему деньги, мѣшаютъ тѣмъ, что запрещаютъ имъ получать проценты, которыми бы вознаграждался ихъ рискъ? По ошибочной попечительности закона онъ принужденъ или оста-

ться безъ денегъ, которыя быть можетъ необходимы ему для избѣжанія гораздо большихъ потерь, или прибѣгнуть къ средствамъ, гораздо болѣе разорительнѣйшимъ, запретить которыхъ законъ или не могъ или не догадался.

Адамъ Смитъ слишкомъ опрометчиво сказалъ, что люди лишь двухъ разрядовъ, «расточители и прожектеры», могутъ нуждаться въ займахъ по проценту выше рыночной величины. Ему слѣдовало прибавить всѣхъ лицъ, находящихся въ денежномъ затрудненіи, какъ бы мимолетно ни было оно. Каждому коммерческому человѣку можетъ случиться не получить въ срокъ тѣхъ средствъ, на которыя онъ разсчитывалъ для уплаты по своему обязательству, а не уплативъ по немъ въ назначенный день онъ сталъ бы банкротомъ. Въ періоды коммерческихъ затрудненій таково положеніе многихъ солидныхъ фирмъ, становящихся соискательницами на ту небольшую сумму свободнаго капитала, какую соглашаются владѣльцы давать въ ссуду во время общаго недовѣрія. До ослабленія законовъ о процентахъ, недавно сдѣланнаго въ Англіи, ограниченіе, установлявшееся этими законами, чрезвычайно усиливало всякій коммерческій кризисъ. Негоціанты, которые могли бы получить нужное вспоможеніе за 7 или за 8 процентовъ на короткій срокъ, бывали принуждены давать по 20 или по 30 процентовъ или вынуждаемы къ несвоевременной продажѣ товаровъ съ убыткомъ, еще большимъ. Опытъ заставилъ парламентъ обратить вниманіе на это зло и сдѣланъ былъ одинъ изъ тѣхъ компромиссовъ, примѣры которыхъ такъ часты въ англійскомъ законодательствѣ и которые содѣйствуютъ тому, что англійское законодательство и политика составляютъ массу несообразностей. Законъ былъ исправленъ, какъ исправленъ былъ тѣсный сапогъ человѣкомъ, прорѣзавшимъ дыру въ томъ мѣстѣ, гдѣ сапогъ тѣснѣе всего жалъ и продолжавшимъ носить его. Сохранивъ ошибочный принципъ какъ общее правило, парламентъ допустилъ исключеніе для того случая, въ которомъ практическій вредъ былъ особенно очевиденъ. Онъ не отмѣнилъ законовъ о процентахъ, но изъялъ отъ ихъ дѣйствія коммерческіе векселя, имѣющіе срокъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ были отмѣнены эти законы относительно всякихъ ссудъ, кромѣ ссудъ подъ залогъ земли. Ничего похожаго на какой нибудь практическій резонъ нельзя привести въ объясненіе этому удивительному исключенію; но землевладѣльцы полагали, что проценты по залогу земель, которые почти никогда не возвышаются до законнаго процента, станутъ гораздо выше его, если онъ отмѣнится; и законы о

процентахъ были сохранены, чтобы дать землевладѣльцамъ, по ихъ мнѣнію, возможность занимать по проценту ниже рыночнаго, какъ хлѣбные законы были сохраняемы для того, чтобы землевладѣльцы могли продавать хлѣбъ выше рыночной цѣны. Скромность ихъ претензіи была совершенно достойна степени ума людей, которые могли думать, что принятое ими средство сколько нибудь ведетъ къ желаемой ими цѣли.

Что же касается «расточителей и прожектеровъ», о которыхъ говоритъ Адамъ Смитъ, то никакой законъ не удержитъ расточителя отъ раззоренія, если не подвергнетъ его или его имущество фактической опекѣ по правилу римскаго права и нѣкоторыхъ континентальныхъ законодательствъ, основанныхъ на немъ, — правилу, защитить котораго невозможно. На судьбу расточителя законы о процентахъ имѣютъ лишь то вліяніе, что дѣлаютъ его раззореніе болѣе быстрымъ, принуждая его обращаться къ денежнымъ торговцамъ дурнаго класса и обременяя условія займа лишнею премією за рискъ, создаваемый закономъ. — Что же касается до прожектеровъ, — названіе несправедливо примѣняемое въ своемъ невыгодномъ смыслѣ къ каждому, имѣющему какой нибудь проектъ, — то законы о процентахъ мѣшаютъ осуществленію самаго выгоднаго предпріятія, если оно, какъ обыкновенно и бываетъ, задумано человѣкомъ, не имѣющимъ нужнаго на то капитала. Многія изъ величайшихъ изобрѣтеній сначала не внушали довѣрія капиталистамъ и должны были долго ждать, пока находился хотя одинъ, который рискнулъ бы пойти первый по новой дорогѣ. Много лѣтъ прошло, пока Стефенсонъ успѣлъ убѣдить предпріимчивое коммерческое общество Ливерпуля и Манчестера въ выгодности замѣнить шоссе желѣзными дорогами, и проэкты, на которые потрачено много труда и денегъ съ видимою безуспѣшностью (въ этотъ періодъ дѣла предсказанія неудачи кажутся очень основательными), могутъ остаться неосуществленными Богъ знаетъ сколько времени, или и вовсе на вѣки, и всѣ расходы могутъ пропасть, если по истощеніи первоначальной суммы законъ не дозволяетъ занять еще денегъ на такихъ условіяхъ, на какихъ люди соглашаются подвергнуть ихъ шансамъ предпріятія, еще необезпеченнаго въ успѣхѣ.

3. Есть кромѣ ссудъ и другіе договоры, въ которыхъ правительства считаютъ себя могущими опредѣлять условія лучше, чѣмъ могли бы сами лица, въ нихъ заинтересованныя. Едва ли найдется товаръ, который когда нибудь то или другое правительство не старалось бы сдѣлать дороже или дешевле, чѣмъ былъ бы онъ

самъ по себѣ. Товаръ, въ которомъ наиболѣе благовидна искусственная дешевизна, есть пища. Тутъ безспорно цѣль сама по себѣ хороша. Но средняя цѣна пищи, какъ и другихъ предметовъ, соотвѣтствуетъ стоимости производства съ прибавкою обыкновенной прибыли; и когда фермеръ не ждетъ получить такую цѣну, онъ будетъ производить пищу только на собственное потребленіе, если законъ не заставляетъ его производить пищу на продажу; потому, если законъ непремѣнно рѣшился удешевить пищу, онъ долженъ замѣнить обыкновенныя побужденія къ ея производству системою наказаній. Если же онъ ужасается этого, единственнымъ средствомъ ему остается подвергнуть налогу всю націю, чтобы давать пособіе или премію людямъ, воздѣлывающимъ или ввозящимъ хлѣбъ, то есть давать каждому дешевый хлѣбъ на счетъ всѣхъ; это въ сущности будетъ щедростью къ людямъ, не платящимъ налоговъ на счетъ платящихъ, одною изъ формъ существенно дурной политики, которая обращаетъ трудящіеся классы въ нетрудящіеся, давая продовольствіе въ подарокъ имъ.

Впрочемъ правительства озабочивались не столько пониженіемъ общей или средней цѣны хлѣба, какъ уменьшеніемъ дороговизны его въ неурожайные годы. Иногда принудительная регламентація цѣны была попыткою правительства отвратить необходимыя послѣдствія собственныхъ его дѣйствій, расточая одною рукою въ безграничномъ изобиліи денежные знаки, другою рукою сдерживать возвышеніе цѣнъ, — дѣло очевидно возможное только при управленіи безпощаднымъ терроризмомъ. Таковъ былъ знаменитый maximum революціоннаго правительства 1793 года. Въ случаяхъ неурожая часто требуютъ, чтобы правительство принимало какія нибудь мѣры для уменьшенія дороговизны пищи; такія требованія были во время ирландскаго голода въ 1847 году. Но отъ недостатка снабженія цѣна предмета не можетъ подняться выше величины, достаточной для того, чтобы потребленіе уменьшилось соотвѣтственно недостачѣ; и если правительство не даетъ совершиться этому уменьшенію черезъ дороговизну, остается правительству одинъ только способъ произвести его: взять въ свое распоряженіе всю пищу и выдавать ее порціями, какъ въ осажденномъ городѣ. При дѣйствительномъ неурожаѣ, существенное облегченіе не можетъ быть доставлено ничѣмъ, кромѣ рѣшимости богатыхъ классовъ уменьшить свое собственное потребленіе. Если они покупаютъ и потребляютъ обыкновенное количество пищи, довольствуясь тѣмъ, что жертвуютъ бѣднымъ деньги, это пожертвованіе не прино-

ситъ никакой пользы. Цѣна пищи поднимается до того, что бѣднѣйшіе соискатели уже не имѣютъ средствъ соперничествовать въ покупкѣ и недостатокъ пищи ложится исключительно на бѣдныхъ, а другіе классы страдаютъ только денежно. Когда снабженіе недостаточно, потребленіе должно уменьшиться у кого нибудь, и если каждый богатый рѣшился не быть этимъ «кѣмъ нибудь», то жертвуя деньги своимъ бѣднымъ соперникамъ, богатые только поднимаютъ цѣну на всю величину этихъ пожертвованій, то есть лишь обогащаютъ хлѣбныхъ торговцевъ,—результатъ, прямо противоположный желанію лицъ, рекомендующихъ такія мѣры. Правительство тутъ можетъ сдѣлать лишь одно — совѣтовать всѣмъ, чтобы каждый соблюдалъ умѣренность въ потребленіи и запрещать тѣ виды потребленія, которые не имѣютъ первостепенной важности. Прямыя мѣры доставлять пищу издалека на счетъ государства полезны, когда по особеннымъ причинамъ нельзя ожидать такой доставки отъ частной спекуляціи. Иначе онѣ — большая ошибка. Частные спекулянты не захотятъ въ такомъ случаѣ соперничать съ правительствомъ, а правительство хотя и можетъ сдѣлать больше всякаго отдѣльнаго купца, далеко не можетъ сдѣлать столько, какъ всѣ купцы.

4. Но чаще дѣлали правительства ту ошибочную попытку и дѣлали ее слишкомъ успѣшно, чтобы возвысить цѣну предметовъ, чѣмъ ту попытку, чтобы ошибочными средствами удешевлять вещи. Обыкновенный способъ производить искуственную дороговизну — монополія. Давать монополію одному производителю или торговцу или такой группѣ производителей или торговцевъ, которые по своей малочисленности могутъ войти въ соглашеніе между собою, значитъ давать имъ силу брать съ публики въ свою личную пользу какой угодно налогъ до величины, которая лишь не заставляла бы общество отказываться отъ употребленія товара. Когда участники монополіи такъ многочисленны и разбросаны, что не могутъ войти въ соглашеніе между собою, вредъ бываетъ значительно меньше; но и тутъ соперничество между ограниченнымъ числомъ продавцевъ бываетъ не такъ дѣятельно, какъ между неограниченнымъ. Человѣкъ, увѣренный, что будетъ имѣть порядочную долю изъ общей суммы оборотовъ, рѣдко старается увеличить эту долю пожертвованіемъ части своей прибыли. Самое слабое ограниченіе соперничества имѣетъ иногда вредныя слѣдствія, совершенно несоразмѣрныя съ видимою причиною. Одно уже исключеніе иностранцевъ изъ отрасли промышленности, открытой сво-

бодному соперничеству всѣхъ природныхъ гражданъ, часто дѣлалъ даже въ Англіи, какъ извѣстно, эту отрасль поразительнымъ исключеніемъ изъ общей промышленной энергіи страны. Англійскія шолковыя фабрики далеко отставали отъ другихъ шолковыхъ фабрикъ, пока заграничныя шолковыя ткани были запрещены. Такимъ образомъ сверхъ налога, идущаго въ дѣйствительную или воображаемую прибыль монополистовъ, потребитель платитъ еще налогъ за ихъ лѣность и неспособность. Будучи избавлены отъ прямаго возбужденія соперничествомъ, производители и торговцы становятся равнодушны къ внушеніямъ разсчета о будущихъ своихъ выгодахъ, предпочитая самой хорошей перспективѣ въ будущемъ удобство держаться рутины въ настоящемъ. Человѣкъ, уже ведущій дѣла выгодно, рѣдко измѣняетъ привычку, чтобы начать даже и выгодное улучшеніе, если нѣтъ еще того побужденія, что онъ опасается подрыва отъ соперника, если не введетъ улучшеніе раньше его.

Принципъ, осуждающій монополіи, не распространяется на тѣ привиллегіи, которыми изобрѣтателю улучшеннаго процесса дается на извѣстное время исключительное право пользоваться своимъ улучшеніемъ. Тутъ предметъ не дѣлается дороже въ его пользу, а только отсрочивается часть удешевленія, которымъ общество обязано изобрѣтателю, чтобы вознаградить и наградить его за услугу. Что онъ долженъ получить за нее вознагражденіе и награду, это несомнѣнно; безспорно и то, что еслибы каждому тотчасъ же было позволено воспользоваться плодомъ его ума, не раздѣлявъ труды и расходы, которымъ онъ подвергался для практическаго осуществленія своей мысли, то расходы и труды эти не предпринимались бы никѣмъ, кромѣ очень богатыхъ и патріотическихъ людей, или государство должно было бы оцѣнивать услугу, оказанную изобрѣтателемъ и выдавать ему деньги. Иногда такъ дѣлалось и можетъ дѣлаться это безъ неудобства относительно улучшеній, полезность которыхъ для общества очень видна. Но вообще удобнѣе временная привиллегія, потому что она не оставляетъ ничего ни на чей произволъ: награда, ею даваемая, зависитъ отъ полезности изобрѣтенія, и чѣмъ полезнѣе оно оказывается, тѣмъ больше бываетъ награда, да и уплачивается награда тѣми самыми лицами, которымъ оказана услуга,—потребителями товара. Эти соображенія такъ сильны, что еслибы отмѣнить систему временныхъ привиллегій изобрѣтателямъ, замѣнивъ ихъ наградами отъ государства, то лучшею формою для этихъ наградъ былъ бы небольшой времен-

ный налогъ въ пользу изобрѣтателя со всѣхъ лицъ, пользующихся его изобрѣтеніемъ.

5. Перехожу къ другому виду правительственнаго вмѣшательства,—виду, въ которомъ одинаково дурны и средства и цѣль, но который сохранялся въ Англіи еще на памяти нынѣшняго поколѣнія, а въ нѣкоторыхъ странахъ сохраняется до сихъ поръ. Я говорю о законахъ противъ соглашеній работниковъ для возвышенія рабочей платы, — законахъ, установленныхъ и сохраняемыхъ съ открытою цѣлью удерживать низкость рабочей платы, какъ знаменитый статутъ о работникахъ (Statute of Labourers), установленный парламентомъ хозяевъ для того, чтобы не дать работникамъ, когда число ихъ уменьшилось отъ повальной болѣзни, воспользоваться уменьшеніемъ соперничества для повышенія рабочей платы. Въ такихъ законахъ выказывается адскій духъ рабовладѣльца, когда невозможно стало ему удерживать рабочіе классы въ явномъ рабствѣ.

Еслибы рабочіе классы, соглашаясь между собою, могли возвысить или удержать общій уровень рабочей платы, то нечего и говорить, что этому дѣлу слѣдовало бы не опредѣлять наказаніе, а радоваться и давать поощреніе. Къ несчастію цѣль эта совершенно недостижима такими средствами. Число людей, составляющихъ рабочій классъ, такъ велико и такъ разбросано, что не только прочнымъ и успѣшнымъ образомъ, но и вовсе никакъ не могутъ они сдѣлать коалицію. Еслибъ возможна была для нихъ коалиція, они несомнѣнно успѣли бы уменьшить число рабочихъ часовъ и получить прежнюю плату за меньшее количество работы. Но еслибы они захотѣли получить плату дѣйствительно выше уровня, опредѣляемаго запросомъ и снабженіемъ, — уровня, распредѣляющаго весь оборотный капиталъ страны между всѣмъ работающимъ населеніемъ, этого могли бы они достичь лишь постояннымъ исключеніемъ извѣстнаго числа своихъ товарищей отъ работы. Въ общественномъ пособіи рѣзумѣется было бы отказано людямъ, могущимъ получить работу, но не берущимъ ея; потому содержаніе ихъ легло бы на работническіе союзы, къ которымъ они принадлежатъ, и въ общей сложности работникамъ будетъ не лучше прежняго: на прежнюю сумму рабочей платы будетъ содержаться прежнее число лицъ. Но этимъ путемъ вниманіе работниковъ невольно обратилось бы на излишество числа и на необходимость соразмѣрять снабженіе трудомъ съ запросомъ на него, чтобы рабочая плата была высока.

Коалиціи для повышенія рабочей платы бываютъ иногда успѣшны въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ работники мало-

численны и сосредоточены въ немногихъ мѣстностяхъ. Сомнительно, имѣли ли коалиціи хотя малѣйшее вліяніе на постоянную плату прядильщикамъ или ткачамъ; но говорятъ, что работники типографскихъ словолитенъ успѣваютъ поддерживать всю плату гораздо выше величины, какую имѣетъ плата 6 другихъ не менѣе трудныхъ занятій, требующихъ такого же искусства; говорятъ, что даже портные, хотя они гораздо многочисленнѣе, достигаютъ отчасти такого же успѣха. Когда высота рабочей платы ограничивается лишь нѣкоторыми отраслями промышленности, она покрывается не вычетомъ изъ прибыли (какъ общее повышеніе рабочей платы), а возвышеніемъ цѣнности и цѣны своихъ товаровъ, и падаетъ на потребителя; капиталистъ, производящій товаръ, теряетъ отъ нея лишь въ томъ отношеніи, что дороговизна товара стѣсняетъ рынокъ; да и въ этомъ отношеніи онъ теряетъ лишь тогда, если рынокъ стѣсняется въ большей пропорціи, чѣмъ возвышается цѣна: если же у него при возвышеніи рабочей платы бываетъ при данномъ капиталѣ меньше работниковъ и получается меньше товара, но все это уменьшенное количество онъ можетъ продавать по высшей цѣнѣ, то прибыль его остается прежняя.

Если это возвышеніе рабочей платы въ нѣкоторыхъ занятіяхъ получается не въ убытокъ остальному рабочему классу, оно не должно считаться вреднымъ. Правда, потребитель долженъ оплачивать его; но дешевизна товара хороша лишь тогда, когда происходитъ отъ того, что производство его стоитъ небольшаго количества труда, а не отъ того, что работникъ вознаграждается плохо. Но на первый взглядъ можетъ казаться, что напримѣръ работники словолитенъ получаютъ высокую плату насчетъ всего остальнаго рабочаго сословія. Отъ высокости ихъ вознагражденія или уменьшается число людей, находящихъ себѣ занятіе въ ихъ ремеслѣ, или увеличивается затрата капитала на счетъ другихъ занятій. Въ первомъ случаѣ выталкивается на общій рынокъ лишнее число работниковъ; во второмъ отнимается у рынка часть запроса; а то и другое одинаково вредно рабочему классу. Дѣйствительно таковъ и будетъ результатъ успѣшной коалиціи въ отдѣльномъ занятіи или въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ занятіяхъ, на первое время по достиженіи успѣха; но когда перемѣна эта войдетъ въ привычку, она уже не будетъ имѣть такого дѣйствія,—это доказывается принципами, о которыхъ мы такъ часто напоминаемъ въ своемъ трактатѣ. Обычное вознагражденіе рабочаго класса въ общей сложности измѣняется только отъ измѣненія въ обычныхъ потребностяхъ ра-

ботниковъ: конечно требовательность ихъ можетъ уменьшиться, пока она остается прежняя, рабочая плата никакъ не можетъ надолго упасть ниже нормы этихъ требованій и не можетъ долго оставаться и выше ея. Еслибы не было коалицій въ отдѣльныхъ занятіяхъ и плата въ нихъ не была бы выше нѣсколько общаго уровня, то по всей вѣроятности общій уровень все-таки былъ бы нисколько не выше нынѣшняго; а просто было бы только больше людей въ общей сложности и меньше было бы исключеній изъ общаго низкаго уровня рабочей платы.

Поэтому, еслибы нельзя было надѣяться улучшенія въ общемъ бытѣ рабочихъ классовъ, надобно было бы безусловно радоваться успѣху части работниковъ въ поддержаніи рабочей платы своими коалиціями выше общаго уровня, какъ бы ни была мала эта часть. Но когда возвышеніе личности и быта всего сословія работниковъ стало наконецъ предметомъ не недостижимымъ для раціональныхъ усилій, то пора тѣмъ классамъ мастеровыхъ, которые получаютъ наибольшую плату, искать своихъ выгодъ въ союзѣ съ другими сотоварищами работниками, а не чрезъ исключеніе ихъ изъ выгодъ. Пока они будутъ основывать свои надежды на огражденіи себя отъ соперничества, на защищеніи своей рабочей платы закрытіемъ для другихъ доступа къ своему занятію, отъ нихъ нельзя ожидать ничего инаго, какъ того совершеннаго отсутствія обширныхъ и благородныхъ цѣлей, того почти полнаго пренебреженія ко всему, кромѣ возвышенія платы и уменьшенія работы для своего малочисленнаго кружка, — кромѣ этихъ качествъ, столь прискорбно обнаруживавшихся дѣйствіями и прокламаціями соединеннаго общества машинистовъ (Amalgamated Society of Engineers) въ ихъ недавнюю борьбу съ хозяевами. Еслибъ и возможенъ былъ успѣхъ стремленія образовать привиллегированный классъ между работниками, успѣхъ этотъ былъ бы не помощью, а задержкою для общей эманципаціи рабочихъ классовъ.

Но если коалиціи для возвышенія рабочей платы рѣдко бываютъ успѣшны и въ случаѣ успѣха рѣдко бываютъ хороши по причинамъ, указаннымъ мною, то право дѣлать такія попытки все-таки принадлежитъ къ числу правъ, въ которыхъ нельзя никакому классу работниковъ отказывать безъ большой несправедливости и безъ того, чтобы не возбуждать въ нихъ гибельное заблужденіе относительно причинъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ положеніе. Пока коалиціи для возвышенія рабочей платы были запрещены закономъ, законъ казался работникамъ коренною причиною низкости рабочей

платы, о которой впрочемъ онъ и дѣйствительно старался. Опытъ отказовъ отъ работы былъ для рабочихъ классовъ лучшею наукою о зависимости рабочей платы отъ уравненія запроса и снабженія. И очень полезно, чтобы этотъ курсъ воспитанія не прекращался.

Было бы весьма ошибочно осуждать, безусловно и рѣшительно, и коалиціи и коллективное дѣйствіе стачекъ рабочихъ. Я согласенъ, что стачка—дурное дѣло, когда она безумна, а она безумна тогда, когда стремится поднять заработную плату выше рыночной мѣры, какая возможна по запросу и снабженію. Но запросъ и снабженіе — не физическія силы, которыя навязываютъ работнику извѣстную величину заработной платы безъ участія его собственной воли и дѣйствій. Рыночная цѣна не установляется для него какимъ нибудь произволомъ, но есть слѣдствіе того, что человѣческія существа торгуются между собой, того, что Адамъ Смитъ называетъ «the higgling of the market»; и тотъ, кто не торгуется, долго будетъ платить дороже, чѣмъ стоятъ его покупки по рыночной цѣнѣ. Бѣдные работники, имѣющіе дѣло съ богатыми хозяевами, еще дольше останутся безъ того увеличенія рабочей платы, какую могъ бы оправдывать запросъ на ихъ трудъ, — если только они, по употребительному выраженію, не упрутся на ней: и могутъ ли они упереться на ней надолго безъ правильнаго соглашенія? Чего могъ бы достигнуть каждый рабочій, еслибы онъ отдѣльно отъ другихъ отказался отъ работы для того, чтобы поднять рабочую плату? Могъ ли бы онъ даже знать, допускаетъ рынокъ или нѣтъ возвышеніе платы иначе, какъ по совѣту съ своими товарищами, который естественно приводитъ къ общему условленному дѣйствію? Я не колеблюсь сказать, что соединенія рабочихъ, подобныя коалиціямъ, не только не составляютъ препятствія для свободы рынка относительно пріобрѣтенія труда, но составляютъ необходимое содѣйствіе для этой свободы рынка, необходимое средство, съ помощью котораго продавецъ труда получаетъ возможность позаботиться должнымъ образомъ о своемъ собственномъ интересѣ при системѣ соперничества. Есть другое весьма важное обстоятельство, на которое въ первый разъ обратилъ вниманіе Генри Фосеттъ (Fowcett) въ статьѣ, помѣщенной въ «Вестминстерскомъ Обозрѣніи». Опытъ научилъ наконецъ болѣе развитыхъ рабочихъ опредѣлять довольно правильно обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ стачки для возвышенія рабочей платы. Работники знаютъ теперь почти не хуже хозяина состояніе рынка относительно производимыхъ ими товаровъ; они могутъ разсчитать его

прибыль и его издержки, они знаютъ, идетъ ли его торговля хорошо или нѣтъ, и только тогда, когда она идетъ хорошо, они опять устраиваютъ стачку для возвышенія рабочей платы; и заявленная готовность ихъ на стачку въ большой части случаевъ заставляетъ ихъ хозяевъ соглашаться на возвышеніе платы на этотъ разъ добровольно. Такимъ образомъ это положеніе вещей стремится къ тому, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ промыслѣ сдѣлать возвышеніе рабочей платы постояннымъ слѣдствіемъ возвышенія прибыли, и это, по замѣчанію Фосетта, есть начало того правильнаго участія работниковъ въ прибыли, получаемой отъ ихъ труда, всякое стремленіе къ которому—по причинамъ, изложеннымъ нами прежде (кн. V, гл. VII)—очень важно поощрять, потому что здѣсь главнымъ образомъ мы должны искать радикальнаго улучшенія общественныхъ и экономическихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ. Поэтому стачки и промышленныя общества, которыя дѣлаютъ стачки возможными, составляютъ, по этимъ разнообразнымъ причинамъ, не только не вредную, но напротивъ весьма важную часть современной общественной машины.

Впрочемъ для того, чтобы допускались коалиціи, необходимое условіе—добровольность ихъ. Если дѣлаются попытки принуждать работниковъ угрозами или насиліемъ къ вступленію въ работническій союзъ или къ участію въ отказѣ отъ работы, надобно употреблять противъ этихъ попытокъ всю строгость, какая нужна. Въ принужденіе чисто нравственное, дѣйствующее выраженіемъ мнѣнія, законъ не долженъ вмѣшиваться; оно должно сдерживаться болѣе просвѣщеннымъ мнѣніемъ, исправляющимъ нравственныя чувства народа. Другой вопросъ возникаетъ, когда коалиція, будучи совершенно добровольна, назначаетъ себѣ цѣль дѣйствительно противную общему благу. Высокость рабочей платы и короткость рабочаго дня сами по себѣ вообще цѣли хорошія и всегда могущія стать хорошими. Но во многихъ работническихъ союзахъ есть правило не допускать поштучной платы, или не допускать разницы въ платѣ самому искусному и самому неловкому работнику или не дозволять ни одному члену союза заработывать въ недѣлю больше извѣстной суммы, чтобы для другихъ было больше занятія; и отмѣненіе поштучной платы въ той или другой формѣ занимало видное мѣсто въ числѣ требованій соединеннаго общества машинистовъ. Цѣли такихъ коалицій вредны. Успѣхъ ихъ даже и временный вреденъ для общества. А еслибъ онѣ достигли полнаго успѣха, вредъ произошелъ бы едва ли меньшій, чѣмъ отъ самыхъ

дурныхъ законовъ; въ самомъ дурномъ для труда и вознагражденія за него законѣ, допускающемъ личную свободу работника, едва ли можетъ быть что нибудь хуже того, что энергическій и лѣнивый, искусный и неискусный ставятся на одну доску,—а это есть прямая цѣль такихъ правилъ работническихъ союзовъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что законъ поступитъ хорошо, объявивъ такія коалиціи незаконными и преступными. Независимо отъ правъ конституціонной свободы, важнѣйшіе интересы человѣка настоятельно требуютъ, чтобы всѣ экономическіе опыты, добровольно предпринимаемые, пользовались полнѣйшею свободою и чтобы насиліе и обманъ были единственными средствами попытокъ къ улучшенію своего быта, запрещенными для бѣдныхъ классовъ общества *).

6. Изъ дурныхъ способовъ правительственнаго вмѣшательства въ этой главѣ, я говорилъ лишь о тѣхъ, которые опираются на теоріяхъ, еще продолжающихъ имѣть больше или меньше силы въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ. Я не говорилъ о другихъ вмѣшательствахъ, которыя не такъ давно дѣлали еще больше вреда, но теперь всѣми отвергнуты покрайней мѣрѣ въ теоріи, хотя на практикѣ остается еще столько слѣдовъ ихъ, что невозможно причислить ихъ къ заблужденіямъ, уже уничтоженнымъ.

Напримѣръ, можно сказать, что никто уже не защищаетъ въ общемъ принципѣ ту теорію, что правительство должно само выбирать мнѣнія для народа и не дозволять печатнаго или другаго открытаго изложенія никакихъ политическихъ, нравственныхъ, юридическихъ или религіозныхъ ученій, кромѣ тѣхъ, какія само одобряетъ. Нынѣ хорошо понимаютъ, что такая система гибельна для всякаго состоянія, даже и для экономическаго; что когда человѣческій умъ не допускается страхомъ закона или боязнью обще-

*) Кто захочетъ понять вопросъ о рабочихъ союзахъ съ точки зрѣнія самихъ работниковъ, тотъ пусть самъ прочтетъ памфлетъ, изданный въ 1860 г. подъ заглавіемъ: Trades Unions and Strikes, their Philosophy and Intention, by T. J. Dunning, Secretary to the London Consolidated Society of Bookbinders». Въ этомъ умномъ трактатѣ есть много мнѣній, съ которыми я согласенъ только отчасти, и есть нѣсколько такихъ, съ которыми я вовсе не согласенъ. Но въ немъ есть также много здравыхъ разсужденій и поучительное изложеніе обыкновенной лжи противниковъ. Читатели изъ другихъ классовъ съ удивленіемъ увидятъ не только то, какая большая доля истины находится на сторонѣ союзовъ, но и то, какъ извинительны оказываются даже ихъ ошибки, если смотрѣть на нихъ съ той стороны, съ какой только и могутъ смотрѣть на нихъ сами рабочіе классы.

*

ственнаго мнѣнія къ свободному развитію своихъ силъ разборомъ важнѣйшихъ вопросовъ, онъ впадаетъ въ слабость и вялость по всѣмъ дѣламъ, и это доходитъ до того, что онъ становится неспособенъ къ успѣхамъ даже въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, а напослѣдокъ начинаетъ терять даже и то, чего достигалъ прежде. Неопровержимымъ примѣромъ тому служитъ судьба Испаніи и Португаліи съ реформаціи до нынѣшняго времени. Въ то время, какъ другія европейскія націи дѣлали непрерывные успѣхи, національное могущество и даже матеріальная цивилизація этихъ странъ падали; это приписывалось разнымъ причинамъ, но въ корнѣ всѣхъ ихъ лежитъ одна святая инквизиція и система умственнаго рабства, символъ которой эта инквизиція.

Но если признаваніе этихъ истинъ очень распространено, и свобода мнѣнія и преній поставляется аксіомою во всѣхъ свободныхъ странахъ, то эта видимая либеральность и терпимость такъ мало еще имѣетъ авторитетности принципа, что всегда готова уступать опасенію или отвращенію внушаемому какимъ нибудь особеннымъ образомъ мыслей. Въ послѣднія лѣтъ восемь или десять было въ Англіи нѣсколько примѣровъ, что люди подвергались тюремному заключенію за публичное изложеніе религіознаго невѣрія, иногда въ тонѣ очень умѣренномъ; и можно ждать, что и общество и правительство при первомъ паническомъ страхѣ по поводу чартизма или коммунизма прибѣгнутъ къ подобнымъ средствамъ, чтобы остановить распространеніе демократическихъ или враждебныхъ собственности ученій. Впрочемъ, сильныя на практикѣ стѣсненія умственной свободы установляются въ Англіи не столько правительствомъ и закономъ, сколько нетерпимостью національнаго духа; они уже и происходятъ даже не изъ столь возвышеннаго источника, какъ благочестивость или фанатизмъ, а больше отъ общей привычки держаться и въ мысляхъ и въ поступкахъ обычнаго житейскаго правила и страхомъ общественнаго негодованія подчинять ему каждаго, кто хотѣлъ бы не опираясь на цѣлую партію проявлять личную независимость.

ГЛАВА XI.

ОСНОВАНІЯ И ГРАНИЦЫ СИСТЕМЫ laisser faire ИЛИ ПРИНЦИПА НЕВМѢШАТЕЛЬСТВА.

1. Теперь мы дошли до послѣдней части нашего дѣла, — до вопроса о границахъ правительственной сферы, о томъ на какія

дѣла, сверхъ дѣлъ необходимо принадлежащихъ правительственному дѣйствію, можетъ или должно простираться правительственное вмѣшательство. Разсматривать этотъ вопросъ конечно мы должны по плану нашего трактата только въ принципѣ, а не въ подробностяхъ. Нѣтъ предмета, о которомъ велись бы въ нашемъ вѣкѣ такіе жаркіе споры, какъ объ этомъ; но споры эти велись главнымъ образомъ только о нѣкоторыхъ частныхъ сторонахъ, лишь съ бѣглыми замѣтками объ общемъ принципѣ. Разумѣется, люди разбиравшіе какой нибудь частный случай правительственнаго вмѣшательства, напримѣръ, учрежденіе свѣтскихъ или духовныхъ школъ отъ правительства, регламентацію часовъ работы, содержаніе бѣдныхъ на счетъ общества и т. д., часто и подробно доказывали свой взглядъ общими соображеніями, обнимающими гораздо больше, чѣмъ одинъ этотъ частный вопросъ, и обнаруживали довольно сильное предпочтеніе принципу вмѣшательства или принципу невмѣшательства; но рѣдко у нихъ высказалось и повидимому рѣдко даже было рѣшено въ ихъ мысляхъ, до какой степени они хотятъ примѣнять къ практикѣ предпочитаемый принципъ. Защитники вмѣшательства довольствовались доказываніемъ, что правительство вообще имѣетъ право и обязанность вмѣшательства во всѣ дѣла, въ которыхъ его участіе будетъ полезно; а когда школа такъ называемаго принципа laisser-faire пыталась въ точности опредѣлить кругъ правительственнаго дѣйствія, она обыкновенно ограничивала его охраненіемъ личности и имущества отъ обмана и насилія,—опредѣленіе, котораго не станетъ ни сама она, никто другой держаться, если вникнетъ въ него, потому что подъ него, какъ мы показали выше (глава I), не подходятъ нѣкоторыя изъ непзбѣжнѣйшихъ обязанностей правительства, предоставляемыхъ ему всѣми единодушно.

Я не скажу, что совершенно восполню недостатокъ общей теоріи по предмету, не допускающему, какъ мнѣ кажется, всеобщаго рѣшенія; но я попытаюсь представить хотя нѣкоторые матеріалы для рѣшенія вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи съ самой общей точки зрѣнія, выгодъ и невыгодъ или вреда отъ правительственнаго вмѣшательства.

Мы должны начать различіемъ двухъ видовъ правительственнаго вмѣшательства, которые относятся и къ одному дѣлу, но очень различны по своей сущности и послѣдствіямъ, и для оправданія которыхъ нужны побужденія, далеко не одинаковой силы. Вмѣшательство можетъ простираться до контролированія свобод-

ной дѣятельности частныхъ лицъ. Правительство можетъ запрещать всѣмъ дѣлать то или другое, или дѣлать безъ его дозволенія; оно можетъ также предписывать людямъ дѣлать то или другое, или дѣлать или не дѣлать извѣстнымъ способомъ то, что оставляетъ на ихъ волю дѣлать или не дѣлать. Это—*повелительное* вмѣшательство. Но есть другое вмѣшательство, не повелительное, — оно бываетъ, когда правительство, вмѣсто того, чтобы приказывать подъ страхомъ наказанія, обращается къ способу дѣйствій, который принимается правительствами такъ рѣдко и которымъ можно бы пользоваться съ такою выгодою, — когда оно даетъ совѣты и обнародуетъ свѣдѣнія, или когда, оставляя частнымъ лицамъ идти къ извѣстной общеполезной цѣли частными ихъ силами, не вступаясь въ ихъ дѣйствія, но не ввѣряя дѣло исключительно ихъ заботѣ, оно рядомъ съ частными учрежденіями устраиваетъ собственное учрежденіе для той же цѣли. Такъ напримѣръ, содержать оффиціальную Англиканскую церковь — одно дѣло, а отказывать въ терпимости другимъ исповѣданіямъ или людямъ не держащимся никакого исповѣданія другое дѣло. Учреждать школы — одно дѣло; а требовать, чтобы никто не могъ становиться преподавателемъ безъ разрѣшенія правительства — другое дѣло. Національный банкъ или правительственная фабрика могутъ существовать безъ всякой монополіи противъ частныхъ банковъ и фабрикъ. Почта можетъ существовать безъ штрафовъ противъ пересылки писемъ другими способами. Правительство можетъ содержать штатъ гражданскихъ инженеровъ, оставляя каждому свободу становиться частнымъ инженеромъ. Правительственныя госпитали могутъ существовать безъ всякаго стѣсненія медицинской или хирургической практики.

2. Съ перваго же взгляда очевидно, что кругъ полезнаго дѣйствія для повелительной формы правительственнаго вмѣшательства гораздо ограниченнѣе, чѣмъ для этой послѣдней формы его. Для своего оправданія повелительная форма всегда требуетъ гораздо сильнѣйшей необходимости, а есть въ человѣческой жизни обширныя области, изъ которыхъ она должна быть безусловно и непремѣнно исключена. Какую бы теорію ни приняли мы относительно основаній общественнаго союза, и подъ какими бы политическими учрежденіями мы ни жили, всегда есть около каждаго частнаго человѣка кругъ, котораго не должно переступать никакое правительство, — ни монархическое, ни аристократическое, ни демократическое; есть въ жизни каждаго взрослаго человѣка часть, въ которой должна цар-

ствовать личность этого человѣка безъ всякаго, чьего бы то ни было, частнаго или общественнаго контроля. Никто, хотя сколько нибудь признающій свободу или достоинство человѣка, не станетъ спорить, что есть или должно быть въ человѣческомъ существованіи пространство огражденное отъ повелительнаго вторженія и недоступное ему; вопросъ лишь о томъ, гдѣ поставить границу этого пространства, какъ велика въ человѣческой жизни область, которая должна находиться въ этой недоступной другимъ территоріи. Мнѣ кажется, что она должна обнимать всю ту часть внутренней и внѣшней жизни человѣка, которая касается только самаго этого человѣка, не затрогивая интересы другихъ или затрогивая ихъ лишь черезъ нравственное вліяніе примѣра. Относительно области внутренняго сознанія, мыслей и мнѣній, также и тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, которыя относятся лишь къ самому лицу, вовсе не имѣя послѣдствій, или не имѣя никакихъ тяжелыхъ или вредныхъ послѣдствій для другихъ людей, мнѣ кажется, что каждый имѣетъ право, а развитый просвѣщенный человѣкъ часто имѣетъ и обязанность выражать и распространять со всею возможною для него силою свое мнѣніе о томъ, что хорошо и что дурно, похвально или презрѣнно, но не принуждать другихъ сообразоваться съ этимъ мнѣніемъ ни посредствомъ закона, ни другими способами насилія.

Даже въ тѣхъ частяхъ жизни, которыя касаются интересовъ другихъ, защитники юридическихъ запрещеній должны относительно каждаго случая представить особенные доводы, что запрещеніе тутъ полезно. Одна возможность вреда для другихъ отъ свободы человѣка въ извѣстномъ дѣлѣ еще не оправдываетъ вмѣшательства закона. Запрещеніе дѣлать то, къ чему человѣкъ склоненъ или что по его разсчету полезно, всегда тяжело человѣку и всегда мѣшаетъ въ извѣстной степени развитію какой нибудь стороны физическихъ или умственныхъ, воспринимающихъ или дѣйствующихъ его способностей; и если сознаніе человѣка не соглашается свободно съ надобностью стѣсненія, юридическое стѣсненіе имѣетъ въ извѣстной степени унизительность рабства. Кромѣ безусловной необходимости ничто не оправдываетъ запретительной регламентаціи, если она не одобряется и общимъ сознаніемъ, если обыкновенные честные люди не думаютъ или не могутъ быть склонены думать, что запрещаемое дѣло—такое дѣло, которое не хорошо для нихъ совершать. Если этого нѣтъ, нужна для запрещенія полнѣйшая необходимость, а одною полезностью оно еще не оправдывается.

Иное дѣло — то правительственное вмѣшательство, которое не стѣсняетъ личной свободы человѣка. Нѣтъ никакого нарушенія свободы, нѣтъ ни обременительнаго, ни унизительнаго стѣсненія, если правительство приготовляетъ средства къ достиженію извѣстной цѣли, оставляя частному лицу свободу пользоваться къ тому другими средствами, какія кажутся ему лучшими. Тогда тутъ нѣтъ одного изъ главныхъ неудобствъ правительственнаго вмѣшательства. Но все-таки почти во всѣхъ формахъ правительственнаго дѣйствія есть принудительная сторона — полученіе денежныхъ средствъ. Они доставляются налогомъ; или, если предпочитается форма отдачи на извѣстное дѣло части доходовъ съ общественнаго имущества, налогъ все-таки увеличивается на столько на сколько иначе замѣнился бы продажею или доходомъ этого имущества *). А неудобство, необходимо принадлежащее принудительному взиманію денегъ, почти всегда значительно увеличивается убыточными предосторожностями и обременительными стѣсненіями, необходимыми, чтобы предотвратить уклоненія отъ платежа налога.

3. Другое возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства основывается на принципѣ раздѣленія труда. Всякая новая обязанность, принимаемя правительствомъ, составляетъ новое занятіе для учрежденія, уже и безъ того слишкомъ обремененнаго обязанностями. Естественный результатъ этого — тотъ, что почти все исполняется плохо; многія вещи вовсе не исполняются, потому что правительство не можетъ вести ихъ безъ промедленій, гибельныхъ для дѣла; болѣе хлопотливыя и менѣе блестящія изъ принятыхъ обязанностей отлагаются или пренебрегаются; и пренебреженіе всегда извиняется готовымъ предлогомъ; мысли главныхъ администраторовъ всегда такъ наполнены оффиціальными подробностями дѣлъ, какъ бы поверхностно ни занимались они ими, что не остается у нихъ ни времени ни свободы мыслей для великихъ государ-

*) Единственными случаями, въ которыхъ правительственное дѣйствіе не имѣетъ ничего принудительнаго, — тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ расходы на дѣло покрываются имъ самимъ безъ всякой искуственной монополіи. Примѣръ тому, — мостъ, построенный государствомъ, если пошлина за проѣздъ и проходъ по мосту достаточна на покрытіе текущихъ издержекъ и процентовъ первоначальнаго расхода. Другой примѣръ — правительственныя желѣзныя дороги въ Бельгіи и Германіи. Почта была бы третьимъ примѣромъ, еслибы по отмѣнѣ ея монополіи доходомъ съ нея продолжали покрываться ея расходы.

ственныхъ интересовъ и для приготовленія широкихъ мѣръ къ общественному улучшенію.

Эти неудобства дѣйствительны и серьезны; но происходятъ они не столько отъ обширности или разнообразія обязанностей, принимаемыхъ на себя правительствомъ, сколько отъ дурной организаціи правительства. Правительство не значитъ одинъ сановникъ или извѣстное число сановниковъ: количество соучастниковъ въ немъ можетъ увеличиваться по мѣрѣ надобности, и между самими чиновниками раздѣленіе труда можетъ быть развиваемо почти безгранично. Происходящее отъ сего неудобство можетъ быть уменьшено до того, что легко будетъ справиться съ нимъ въ такой странѣ, гдѣ обязанности какъ слѣдуетъ распредѣлены между центральными и мѣстными правительственными учрежденіями и гдѣ центральное правительство раздѣлено на достаточное число отраслей. Когда парламентъ почелъ нужнымъ поручить англійскому правительству надзоръ за желѣзными дорогами и отчасти ревизовку ихъ дѣлъ, онъ не прибавилъ этого дѣла къ занятіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, а учредилъ особенную коммиссію желѣзныхъ дорогъ. Когда онъ рѣшилъ поручить центральной власти власть контроля надъ исполненіемъ закона о пособіи бѣднымъ, онъ учредилъ для этого также особенную коммиссію (Pour Law Commission). Мало странъ, въ которыхъ на правительственныхъ агентахъ лежало бы такъ много обязанностей, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Американскаго Союза, особенно въ штатахъ Новой Англіи; но раздѣленіе труда въ общественныхъ дѣлахъ тамъ чрезвычайно развито: почти всѣ эти агенты даже и не имѣютъ надъ собой общихъ начальниковъ, а исполняютъ свои обязанности независимо подъ двойнымъ контролемъ: выбора своими согражданами и отвѣтственности передъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ.

Конечно необходимое условіе хорошаго управленія — то, чтобы главные правители, будутъ ли они постоянными или временными, все равно, имѣли господствующій, но только общій надзоръ за общимъ ходомъ всѣхъ интересовъ, въ большей или меньшей степени ввѣренныхъ отвѣтственности центральной власти. Но если организація внутренняго административнаго механизма устроена искусно, предоставляетъ подчиненнымъ и по возможности мѣстнымъ подчиненнымъ не только исполненіе, но въ значительной степени и контроль подробностей; требуетъ у нихъ отчета собственно за результаты ихъ дѣйствій, а не за самыя дѣйствія, кро-

мѣ того случая, когда сами дѣйствія подлежатъ суду; если приняты всѣ наилучшія мѣры для обезпеченія, чтобы назначались люди честные и способные; если открыта широкая дорога повышенію съ низшихъ ступеней административной лѣстницы на высшія; если съ каждою высшею ступенью предоставляется чиновнику все больше простора принимать новыя мѣры, не дожидаясь приказанія, такъ что мысли каждаго изъ главныхъ правителей могутъ быть сосредоточены на великихъ общественныхъ интересахъ страны по его части, — если устроено такъ, правительство навѣрное не будетъ чрезмѣрно обременено количествомъ дѣлъ, какое бы количество дѣлъ ни оказалось полезно возлагать на него; но излишнее обремененіе останется серьезнымъ новымъ неудобствомъ въ прибавокъ къ другимъ неудобствамъ, появляющимся тогда, когда правительство берется за то, за что не годится ему браться.

4. Улучшеніемъ правительственной организаціи сильно уменьшается затруднительность, происходящая отъ простаго размноженія правительственныхъ обязанностей; но все таки правда — то, что въ обществахъ, значительно развитыхъ, огромное большинство дѣлъ исполняется правительственнымъ участіемъ хуже того, чѣмъ исполнялось бы трудомъ или надзоромъ частныхъ лицъ, прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ, при оставленіи дѣла на ихъ волю. Основанія этой истины довольно точно выражаются обыкновенною фразою, что каждый знаетъ свои дѣла и свои интересы лучше всѣхъ и заботится о себѣ больше всѣхъ, такъ что правительство не равняется и никогда не сравняется съ нимъ въ этомъ. Афоризмъ этотъ примѣняется къ значительнѣйшей части житейскихъ дѣлъ; а къ какому дѣлу примѣняется онъ, въ томъ дѣлѣ уже слѣдуетъ осуждать всякое правительственное вмѣшательство, несогласное съ нимъ. Напримѣръ въ обыкновенныхъ промышленныхъ и торговыхъ операціяхъ правительственная дѣятельность хуже частной, какъ доказывается тѣмъ фактомъ, что она почти никогда не можетъ выдержать равнаго соперничества съ частными промышленниками и купцами, гдѣ у частныхъ людей есть нужная степень промышленной предпріимчивости и запасъ всѣхъ необходимыхъ средствъ. Нѣтъ нужды, что правительству удобнѣе получать самыя полныя свѣдѣнія, что у него есть средства вознаграждать, то есть и пріобрѣтать самые лучшіе таланты, какіе можно найти, — всѣмъ этимъ не вознаграждается та великая невыгода, что оно меньше частнаго предпринимателя заинтересовано результатомъ дѣла.

Не забудемъ также, что если бы правительство и превосходило умомъ и знаніемъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ націи, оно все таки непремѣнно ниже всѣхъ вмѣстѣ частныхъ людей цѣлой націи. По каждому дѣлу само имѣть и взять въ службу себѣ оно можетъ лишь только часть знаній и способностей, пригодныхъ для этого дѣла въ цѣлой націи. Если правительство даже станетъ выбирать людей для своей службы единственно по ихъ пригодности къ дѣлу, все таки останется много людей, способныхъ къ дѣлу не меньше тѣхъ, которые выбраны правительствомъ. А система частной дѣятельности, по обыкновенному ходу вещей, стремится передать дѣло именно въ руки этихъ людей, потому что они лучше и дешевле другихъ могутъ исполнять его. Съ этой стороны вопроса очевидно, что правительство, уменьшая или вовсе превращая частную дѣятельность, или замѣняетъ лучшихъ дѣятелей менѣе хорошими, или, если даже нѣтъ этого, замѣняетъ однимъ своимъ способомъ всѣ разнообразные способы исполненія дѣла, какіе были бы испытаны множествомъ не менѣе способныхъ лицъ, имѣющихъ ту же цѣль, т. е. замѣняетъ однообразіемъ соперничество, несравненно благопріятнѣйшее прогрессу улучшеній.

5. Я оставилъ подъ самый конецъ одинъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ противъ расширенія правительственной дѣятельности. Еслибы правительство даже и могло совмѣщать въ себѣ по каждому роду дѣлъ всѣ замѣчательнѣйшія умственныя силы и практическіе таланты цѣлой націи, все таки лучше было бы оставить значительнѣйшую часть общественныхъ дѣлъ въ рукахъ лицъ, прямо заинтересованныхъ ими. Дѣловая жизнь — существенный элементъ практическаго воспитанія народа; безъ нея книжное и школьное образованіе, хотя оно чрезвычайно нужно и спасительно, еще не даетъ людямъ нужныхъ для жизни качествъ и умѣнья приспособлять средства къ цѣли. Научное образованіе — лишь одно изъ двухъ условій умственнаго развитія; другое условіе — почти столь же необходимое — здоровая практика для силы дѣятельности, для труда, находчивости, разсудительности, самообладанія; а естественнымъ возбужденіемъ къ тому служатъ житейскія трудности. Этотъ взглядъ не надобно смѣшивать съ консервативнымъ оптимизмомъ, который бѣдствія жизни выставляетъ вещами хорошими, потому что ими развиваются качества, нужныя для борьбы съ ними. Качества, нужныя для борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, получаютъ свою цѣнность лишь потому, что существуютъ эти обстоятельства. Съ практической стороны дѣло человѣка—по возможности

освобождать человѣческую жизнь отъ трудныхъ обстоятельствъ, а не то, чтобы сберегать запасъ ихъ, какъ охотники сберегаютъ дичь для упражненія въ охотѣ за нею. Но какія бы благопріятныя обстоятельства ни предположить, въ дѣятельныхъ способностяхъ и въ практической разсудительности по житейскимъ дѣламъ надобность можетъ только уменьшиться, а не устраниться; потому нужно, чтобы эти качества развивались не въ однихъ лишь немногихъ избранныхъ, а во всѣхъ людяхъ; а для ихъ развитія нужно такое разнообразіе и полнота практики, какихъ почти никто не можетъ встрѣтить въ мѣстномъ кругу своихъ чисто личныхъ интересовъ. У народа, не имѣющаго привычки къ самостоятельному дѣйствованію для общихъ интересовъ, привыкшаго ждать отъ правительства приказаній или возбужденій во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, ожидающаго, что правительство станетъ дѣлать за него все выходящее изъ круга привычки и рутины, — у такого народа способности развиваются лишь на половину; въ его воспитаніи не достаетъ одной изъ главнѣйшихъ сторонъ.

Мало того, что воспитаніе практическихъ способностей заботами о дѣлахъ, распространенными по всему обществу, само по себѣ— одно изъ драгоцѣннѣйшихъ національныхъ имуществъ: оно становится еще нужнѣе, когда высокая степень этого необходимаго развитія систематически поддерживается въ государственныхъ сановникахъ и агентахъ. Нѣтъ сочетанія обстоятельствъ, болѣе опаснаго человѣческому благосостоянію какъ то, когда умъ и способность сохраняются на высокомъ уровнѣ въ управляющемъ сословіи, а внѣ его круга глохнутъ и подавляются. Такая система — самымъ полнѣйшимъ образомъ воплощаетъ идею деспотизма, вооружая людей, уже имѣющихъ юридическую власть, еще и умственнымъ превосходствомъ, какъ прибавочнымъ оружіемъ. Опытъ показываетъ, что чрезвычайно трудно держаться прочнымъ образомъ энергіи и общественному духу между управляемыми на уровнѣ довольно высокомъ; трудность эта возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ прогрессомъ цивилизаціи и безопасности устраняются другъ за другомъ бѣдствія, затрудненія и опасности, противъ которыхъ единственное оружіе отдѣльный человѣкъ имѣлъ прежде только въ своихъ личныхъ силахъ, искусствѣ и мужествѣ. Потому чрезвычайно важно, чтобы всѣмъ классамъ общества до самого низшаго надобно было много дѣлать самимъ для себя; чтобы была имъ надобность во всѣхъ тѣхъ силахъ ума и характера, какія только могутъ имѣть они; чтобы правительство какъ можно больше предоставляло собствен-

нымъ способностямъ каждаго человѣка веденіе всѣхъ дѣлъ, касающихся лично его, — и мало того, чтобы оно допускало или лучше сказать возбуждало людей какъ-можно больше дѣлъ ихъ вести добровольнымъ сотрудничествомъ. Совѣщанія объ общихъ интересахъ и управленіе ими — великая школа того общественнаго духа и великій источникъ того знакомства съ національными дѣлами, которое всегда считалось отличительнымъ признакомъ общества свободныхъ странъ.

Демократическая конституція, не поддерживаемая демократическими учрежденіями во всѣхъ отрасляхъ жизни, а ограничивающаяся демократическимъ устройствомъ центральной власти, еще не даетъ политической свободы,—напротивъ часто создаетъ противоположный ей духъ, распространяя до низшихъ ступеней общества желаніе политическаго господства. Въ однихъ странахъ народъ желаетъ того, чтобы его не притѣсняли; а въ другихъ онъ желаетъ просто того, чтобы каждый имѣлъ одинаковые шансы стать притѣснителемъ. Къ несчастію, это второе желаніе столь же естественно человѣку, какъ и первое, и въ извѣстныя эпохи встрѣчается оно гораздо чаще перваго даже въ цивилизованныхъ обществахъ. По мѣрѣ того, какъ люди привыкаютъ не предоставлять заботу о своихъ дѣлахъ правительству, а вести ихъ собственною дѣятельностью, желаніе притѣснять другихъ замѣняется въ людяхъ желаніемъ не допускать притѣсненія; если же находится у правительства вся дѣйствительная иниціатива и направленіе дѣлъ, и частныя лица имѣютъ привычку думать и дѣйствовать какъ бы подъ вѣчною его опекою, демократическія учрежденія развиваютъ въ людяхъ не желаніе свободы, а необузданную алчность къ должностямъ и власти, отвращая мысли и дѣятельность страны отъ главнаго ея дѣла къ дрянному соперничеству за корыстные расчеты и мелкую оффиціальную суетность.

6. Мы изложили важнѣйшіе изъ общихъ основаній того принципа, что вмѣшательство общественной власти въ дѣла общества должно ограничиваться какъ-можно болѣе тѣснымъ кругомъ; и едва ли кто не согласится, что этихъ доводовъ слишкомъ достаточно, чтобы по каждому данному вопросу надобно было оправдывать свое мнѣніе сильными доводами не тѣмъ, которые не желаютъ, а тѣмъ, которые желаютъ правительственнаго вмѣшательства въ какое-нибудь дѣло, словомъ сказать, laisser-faire должно быть общимъ правиломъ, а каждое отступленіе отъ этого правила навѣрное вредно, если не вынуждается какою-нибудь великою пользою.

Будущіе вѣка конечно съ трудомъ станутъ вѣрить тому, до какой степени нарушается до сихъ поръ эта аксіома даже въ тѣхъ случаяхъ, къ которымъ примѣняется очевиднѣйшимъ образомъ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ можно составить себѣ изъ слѣдующаго очерка стѣсненій, которымъ вмѣшивающійся и регламентирующій духъ законодательства подвергалъ фабричныя операціи при старомъ правительствѣ во Франціи.

«Общество имѣло безграничнѣйшую и произвольнѣйшую власть надъ фабриками: оно не церемонясь располагало способностями фабрикантовъ; рѣшало, кто можетъ работать, какую вещь можетъ онъ выдѣлывать, какіе матеріалы долженъ употреблять, какимъ способамъ слѣдовать въ работѣ, какія формы давать продуктамъ и пр. Мало было работать хорошо, работать лучше правилъ, — слѣдовало работать по правиламъ. Кто не знаетъ регламентъ 1670 г., предписывающій конфисковать и прибивать къ позорному столбу, съ именемъ фабриканта, матеріи, не сходныя съ правилами, а при вторичной уликѣ выставлять къ позорному столбу и самого фабриканта? Куппу слѣдовало сообразоваться не съ вкусомъ потребителей, а съ волею закона. Легіоны инспекторовъ, коммисаровъ, контролеровъ, присяжныхъ, сторожей наблюдали за исполненіемъ закона. Ломались станки, жгли матеріи, не сходныя съ правилами; за улучшенія наказывали; изобрѣтателей подвергали штрафу. Выдѣлка предметовъ, назначенныхъ для внутренняго потребленія была подчинена однимъ правиламъ, назначенныхъ для заграничной торговли — другимъ. Ремесленникъ не могъ выбирать мѣста для своей мастерской, долженъ былъ работать лишь въ извѣстное время года лишь для извѣстныхъ покупателей. Декретъ 30 марта 1700 г. ограничиваетъ 18 городами число мѣстъ, въ которыхъ можно ткать чулки; рѣшеніе 18 іюня 1723 г. повелѣваетъ руанскимъ фабрикантамъ останавливать фабричныя работы съ 1 іюля до 15 сентября, чтобы облегчить уборку хлѣба; Людовикъ XIV, начиная строить луврскую колоннаду, запретилъ подъ страхомъ штрафа въ 10,000 ливровъ частнымъ лицамъ нанимать работниковъ безъ его разрѣшенія, а работникамъ — работать на частныхъ людей подъ страхомъ тюремнаго заключенія на первый разъ и ссылки на галеры—за второй. (Dunoyer, De la liberte du travail, томъ 2, ст. 353—354).

Что подобныя регламентаціи не были мертвой буквой, и что оффиціальное стѣснительное вмѣшательство продолжалось до французской революціи, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство жиронди-

стскаго министра Ролана (я привожу его слова по цитатѣ Кери, Essay on the Rate ox Wages, стр. 195—196). «Я видѣлъ, что 80, 90, 100 кусковъ бумажной или шерстяной матеріи изрѣзываются или совершенно уничтожаются. Я видѣлъ такія сцены каждую недѣлю въ теченіи многихъ лѣтъ. Я видѣлъ, что конфискуютъ мануфактурныя издѣлія, налагаютъ тяжелые штрафы на фабрикантовъ; жгутъ матеріи на площадяхъ въ рыночные часы; прибиваютъ другія матеріи къ позорному столбу, написавъ на нихъ имя фабриканта и грозятъ самому фабриканту позорнымъ столбомъ за вторичное преступленіе. Все это сдѣлалось на моихъ глазахъ въ Руанѣ сообразно узаконеніямъ или министерскимъ приказамъ. Какое преступленіе подвергалось такому жестокому наказанію? Какой нибудь недостатокъ матеріала или выдѣлки матеріи или недостача нѣсколькихъ нитокъ въ ея основѣ.

«Часто я видѣлъ, какъ посѣщаютъ фабрикантовъ толпы сбирровъ, приводя все въ безпорядокъ на фабрикѣ, ужасая семейство фабриканта, какъ они срѣзываютъ матеріи съ рамы, рвутъ основу со станка и уносятъ съ собою какъ улику преступленія; послѣ того фабрикантовъ призываютъ къ суду, судятъ, осуждаютъ; имущество ихъ конфискуется; экземпляры приговора прибиваются по всѣмъ улицамъ; состояніе, репутація, кредитъ, все погибло, уничтожено. И за что же? За то, что они сдѣлали извѣстную шерстяную матерію изъ такой шерстяной пряжи, изъ какой дѣлается она въ Англіи (и эта англійская ткань даже продается во Франціи!), по французскимъ правиламъ эта матерія должна дѣлаться изъ пряжи другаго сорта. Я видѣлъ, что точно такъ же поступаютъ съ другими фабрикантами за то, что они дѣлали камлотъ такой ширины какъ въ Англіи и въ Германіи,-той ширины, какъ сильно требуется въ Испанію, Португалію, другія страны и въ разныя провинціи самой Франціи, между тѣмъ какъ по французскимъ правиламъ установлена для камлота другая ширина».

Прошло время возможности попытокъ къ такому примѣненію принципа «патріархальнаго управленія» даже съ наименѣе просвѣщенной изъ европейскихъ націй. Къ подобнымъ случаямъ прилагаются всѣ общія возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства, и нѣкоторые изъ нихъ почти во всей своей крайней силѣ. Но теперь намъ должно перейти ко второй части нашей задачи, обратить вниманіе на тѣ случаи, къ которымъ нимало не примѣняются многія изъ этихъ общихъ возраженій, а другія, отъ которыхъ никогда правительственное вмѣшательство не можетъ быть

совершенно свободно, переспливаются противоположными соображеніями, болѣе важными.

Общее правило, какъ мы замѣчали, таково, что житейскія дѣла исполняются лучше, когда люди, прямо заинтересованные въ нихъ, предоставляются собственной волѣ, не стѣсняемой ни законодательными приказаніями, ни вмѣшательствомъ чиновниковъ. Лица, занимающіяся дѣломъ, или нѣкоторыя изъ нихъ, по всей вѣроятности лучше правительства могутъ судить о средствахъ къ достиженію той спеціальной цѣли, къ которой стремятся. Если предположить случай, не очень вѣроятный, что само правительство владѣетъ полнѣйшимъ знаніемъ предмета, какое только пріобрѣтено въ извѣстную эпоху искуснѣйшими въ этомъ занятіи людьми,—даже и тутъ частные люди, будучи заинтересованы въ результатѣ гораздо сильнѣе и прямѣе, по всей вѣроятности гораздо скорѣе усовершенствуютъ операціи дѣла, если оно будетъ предоставлено ихъ независимому разсужденію. Но если работникъ вообще лучше всѣхъ умѣетъ выбирать средства къ дѣлу, то можно ли признать такимъ же общимъ правиломъ, что потребитель или лицо, для котораго дѣлается дѣло, самый знающій судья въ немъ? Всегда ли покупщикъ способенъ различать товаръ? А если нѣтъ, то не прилагается къ этому дѣлу доводъ, основанный на соперничествѣ рынка; и если товаръ таковъ, что отъ его качества много зависитъ общественное благосостояніе, то перевѣсъ выгодъ можетъ склониться на сторону нѣкотораго вмѣшательства оффиціальныхъ представителей общаго правительственнаго интереса.

7. А мысль, что потребитель хорошій судья товара, можно принять лишь съ многочисленными оговорками и исключеніями. Вообще (хотя и это не всегда) онъ лучшій судья матеріальныхъ предметовъ, производимыхъ для него. Они назначены на удовлетвореніе извѣстной матеріальной надобности или наклонности, относительно которой никто не можетъ спорить съ человѣкомъ, ее чувствующимъ; или они служатъ средствами или принадлежностями для какого нибудь занятія, и человѣкъ, живущій этимъ занятіемъ, справедливо можетъ считаться знатокомъ вещей, нужныхъ въ его обычномъ занятіи. Но есть другіе предметы, рыночный запросъ на которые еще не свидѣтельствуетъ о ихъ достоинствѣ; предметы, польза которыхъ состоитъ не въ удовлетвореніи наклонностей, не въ служеніи ежедневнымъ житейскимъ надобностямъ и недостатокъ которыхъ чувствуется тѣмъ меньше, чѣмъ больше бываетъ. Въ особенности надобно сказать это о предметахъ, главная польза кото-

рыхъ та, что они возвышаютъ достоинство человѣка. Необразованные люди не могутъ быть хорошими судьями образованія. Тотъ, кому наиболѣе нужно стать просвѣщеннѣе и лучше, обыкновенно меньше всѣхъ желаетъ этого, а еслибъ и желалъ, не способенъ найти себѣ дорогу собственнымъ разсужденіемъ. При системѣ невмѣшательства постоянно будетъ происходить, что при недостаткѣ стремленія къ цѣли вовсе не будетъ заготовляться для нея средствъ, или что люди желающіе развитія, имѣя неполныя и совершенно ошибочныя понятія о томъ, чего хотятъ, будутъ своимъ рыночнымъ запросомъ вызывать такое снабженіе, которое совершенно не таково, какъ дѣйствительно нужно. А правительство благонамѣренное и достаточно цивилизованное справедливо можетъ думать, что имѣетъ или должно имѣть степень образованія, превышающую уровень образованности въ обществѣ, которымъ оно управляетъ, и что поэтому оно способно предлагать людямъ лучшее воспитаніе и образованіе, чѣмъ какого станетъ само собою искать большинство людей. Потому воспитаніе—одинъ изъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ можно принять принципъ, что правительство должно снабжать народъ средствами. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, къ которымъ принципъ невмѣшательства не примѣняется безусловно всегда и вездѣ *).

---

*) Противъ этихъ мнѣній писатель, съ которымъ я во многомъ согласенъ, но враждебность котораго къ правительственному вмѣшательству кажется мнѣ слишкомъ неразборчивою и безусловною, Дюнойэ, замѣчаетъ, что какъ бы хорошо ни было преподаваніе само по себѣ, но полезно обществу оно бываетъ лишь на столько, на-сколько общество желаетъ пользоваться имъ, и что денежный успѣхъ преподаванія служитъ лучшимъ признакомъ сообразности его съ общественной надобностью. Этотъ аргументъ кажется мнѣ точно такъ же слабъ относительно умственнаго образованія, какъ былъ бы относительно физическаго леченія. Никакое лекарство не принесетъ пользы больному, если нельзя уговорить его принимать лекарство; но мы не обязаны заключать изъ этого, что самъ больной безъ чужаго пособія выберетъ себѣ лекарство. Развѣ не можетъ бывать того, что рекомендація отъ уважаемыхъ имъ лицъ склонитъ его принимать лекарство лучшее, чѣмъ выбралъ бы самъ онъ. Въ дѣлѣ образованія вотъ объ этомъ именно и споръ. Разумѣется, если преподаваніе на-столько выше народа, что нельзя его убѣдить пользоваться имъ, оно ему приноситъ такъ же мало пользы, какъ-бы вовсе не существовало. Но между образованіемъ, какое выбралъ бы себѣ самъ человѣкъ и образованіемъ, отъ котораго онъ откажется, когда оно ему будетъ предложено, существуетъ пространство, широкость котораго соразмѣрна уваженію человѣка къ рекомендателю. Кромѣ того, если люди плохіе судьи объ извѣстномъ предметѣ, нужно иногда бываетъ долго показывать имъ этотъ предметъ, долго обра-

Въ элементарномъ образованіи, отступленіе отъ обыкновеннаго правила можетъ, мнѣ кажется, быть еще значительнѣе. Есть извѣстные элементы и средства знанія, которыя чрезвычайно полезно съ дѣтства пріобрѣтать каждому, родящемуся въ обществѣ. Если родители или замѣняющія ихъ лица имѣютъ средства дать ребенку это образованіе, но не даютъ, они совершаютъ двойное нарушеніе обязанности: къ самому ребенку и къ всему обществу, которое все сильно страдаетъ отъ невѣжества и неразвитости своихъ согражданъ; потому можно сказать, что правительство поступаетъ хорошо, налагая на родителей юридическую обязанность давать первоначальное воспитаніе дѣтямъ. Но обязывать къ этому нельзя иначе, какъ принявъ мѣры, обезпечивающія, что элементарное воспитаніе каждому будетъ доступно или даромъ или съ ничтожными издержками.

Могутъ возразить, что воспитаніе дѣтей—одинъ изъ тѣхъ расходовъ, которые должны лежать на родителяхъ даже и въ рабочемъ сословіи, что полезно, чтобы родители чувствовали надобность исполнять свои обязанности собственными средствами, что давать воспитаніе на чужой счетъ — то же самое, какъ давать пособіе, что соразмѣрно величинѣ этого понижается норма необходимой рабочей платы и ослабляются побужденія къ энергіи и самообладанію. Аргументъ этотъ шелъ бы къ дѣлу развѣ лишь тогда, еслибы рѣчь была о замѣнѣ государственными средствами того, что сдѣлали бы безъ нихъ для себя сами частныя лица, еслибы всѣ родители въ рабочемъ классѣ признавали и исполняли обязанность образовывать дѣтей на свой счетъ. Но родители не исполняютъ этой обязанности и не включаютъ обученіе дѣтей въ число необходимыхъ издержекъ, которыя должны покрываться рабочею платою, слѣдовательно общая величина рабочей платы не такъ

щать на него ихъ вниманіе, доказывать выгоды его долгимъ опытомъ, чтобы они научились цѣнить его, и они напослѣдокъ научатся, а быть можетъ не научились бы никогда, еслибы предметъ не навязывался имъ практически, а только рекомендовался въ теоріи. А денежная спекуляція не можетъ ждать успѣха годы или быть можетъ цѣлыя поколѣнія; она должна получить быстрый успѣхъ или исчезнетъ. Другое соображеніе, повидимому забытое Дюнойе, то что есть виды образованія, которые никогда не могутъ стать настолько популярны, чтобы съ прибылью оплачивались расходы на нихъ, а между тѣмъ имѣютъ неоцѣнимую пользу, давая самое высокое образованіе немногимъ и сохраняя непрерывный рядъ людей высшаго развитія, ведущихъ впередъ науку и подвигающихъ впередъ цивилизацію общества.

высока, чтобы доставало ея на этотъ расходъ, и надобно покрывать его изъ другаго источника. Притомъ же дѣло это не принадлежитъ къ тѣмъ, въ которыхъ оказывать вспоможеніе значитъ увѣковѣчивать порядокъ вещей, требующій вспоможенія. Если обученіе дѣйствительно стоитъ своего имени, оно не ослабляетъ, а усиливаетъ и расширяетъ энергію дѣятельности; какимъ бы образомъ ни было оно пріобрѣтено, его вліяніе на человѣка благопріятно духу независимости; и еслибы человѣкъ вовсе не получилъ его, когда бы не получилъ его за-даромъ, то пособіе въ этой формѣ имѣетъ тенденцію, противоположную той, по которой оно вредно въ столь многихъ другихъ случаяхъ: это пособіе тому, чтобы обходиться безъ пособія.

Въ Англіи, да и почти во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, чернорабочіе не могутъ оплачивать всѣ расходы первоначальнаго воспитанія изъ своей платы, и не захотѣли бы дѣлать этого, еслибы могли. Потому вопросъ тутъ не о преимуществахъ частной спекуляціи и правительственнаго вмѣшательства, а о преимуществахъ правительственнаго дѣйстія и частной благотворительности, правительственнаго вмѣшательства и вмѣшательства частныхъ ассоціацій, собирающихъ на то деньги по добровольной подпискѣ, какъ англійскія общества элементарнаго первоначальнаго обученія. Разумѣется на деньги, получаемыя принудительнымъ налогомъ, не надобно дѣлать ничего такого, что достаточно уже хорошо дѣлается щедростью частныхъ людей. На-сколько дѣлается это въ первоначальномъ воспитаніи тамъ или здѣсь—это вопросъ объ отдѣльномъ фактѣ. Обученіе, даваемое въ Англіи по принципу добровольности, въ послѣднее время обсуждалось такъ много, что здѣсь не нужно разбирать его въ подробностяхъ, и я здѣсь просто выражу свое убѣжденіе, что даже по количеству оно совершенно недостаточно и вѣроятно останется таково, а по качеству оно бываетъ хорошо лишь по какому нибудь рѣдкому особенному случаю, вообще же хотя нѣсколько и улучшается (впрочемъ слабо), оно такъ плохо, что почти только называется обученіемъ. Потому я считаю обязанностью правительства восполнить этотъ недостатокъ назначеніемъ денежнаго пособія первоначальнымъ школамъ, чтобы они стали доступны всѣмъ дѣтямъ бѣднаго сословія или безплатно или съ платою, нечувствительною по своей незначительности.

Настойчиво должно требовать одного: чтобы правительство не присвоивало себѣ монополію обученія, ни въ низшихъ, ни въ высшихъ школахъ; не употребляло ни власти, ни вліянія своего на

*

то, чтобы люди учились въ его школахъ предпочтительно передъ другими, и чтобы никакихъ особенныхъ преимуществъ не давалось воспитанникамъ этихъ школъ. Правительственные преподаватели по всей вѣроятности будутъ выше средняго уровня частныхъ, но не будутъ же совмѣщать въ себѣ всего знанія и искусства, какое находится во всемъ сословіи преподавателей, и полезно оставлять какъ можно больше путей къ желаемой цѣли. Конечно, этимъ путемъ правительство de jure или de facto будетъ имѣть полный контроль надъ народнымъ образованіемъ и пріобрѣтетъ безграничную власть. Правительство, которое можетъ формировать съ дѣтства мнѣнія и стремленія націи, можетъ сдѣлать изъ нея что хочетъ. Потому правительство можетъ и во многихъ случаяхъ должно учреждать первоначальныя и другія училища; но не должно ни принужденіемъ ни выгодами заставлять людей идти въ нихъ; и право частныхъ лицъ основывать соперничествующія училища не должно нимало зависѣть отъ правительства.

8. Въ обученіи правительственное вмѣшательство оправдывается тѣмъ, что дѣло это не принадлежитъ къ предметамъ, въ которыхъ интересомъ и соображеніемъ потребителя достаточно обезпечивается качество товара. Разсмотримъ теперь случаи другаго рода, въ которыхъ нѣтъ лица, находящагося въ положеніи потребителя и надобно полагаться на интересъ и соображеніе самого занимающагося дѣломъ. Таково напримѣръ веденіе дѣлъ, въ которыхъ заинтересованъ исключительно самъ ведущій ихъ, или вступленіе въ обязательства и договоры, которыми связывается самъ заключающій.

Основаніемъ принципа невмѣшательства для практики должно здѣсь быть то, что почти каждый понимаетъ свою выгоду и средство къ ея достиженію вѣрнѣе и проницательнѣе, чѣмъ можно предписать ему общимъ законодательнымъ постановленіемъ или указать въ данномъ случаѣ чрезъ государственнаго чиновника. Въ общемъ правилѣ это безспорно справедливо; но не трудно замѣтить очень обширныя и видныя исключенія изъ него. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько классовъ.

Во-первыхъ человѣкъ, предполагаемый наилучшимъ судьею своихъ выгодъ, быть можетъ не способенъ судить и дѣйствовать самобытно; быть можетъ онъ помѣшанный, идіотъ, дитя; или хотя онъ не вовсе не способенъ къ этому, но онъ можетъ быть несовершеннолѣтенъ возрастомъ и разсудкомъ. Въ этомъ случаѣ принципъ невмѣшательства совершенно лишается своего основанія.

Лицо, наиболѣе заинтересованное въ дѣлѣ, не лучшій судья и вовсе не компетентный судья о немъ. Повсюду признается, что о сумасшедшихъ должно заботиться государство *). О дѣтяхъ и несовершеннолѣтнихъ обыкновенно говорятъ, что хотя они не могутъ сами заботиться о себѣ, но есть у нихъ родители или родственники, чтобъ заботиться о нихъ. Этимъ вопросъ переносится въ другую категорію: онъ идетъ уже не о томъ, должно ли правительство вмѣшиваться въ распоряженіе частнаго человѣка его собственными дѣйствіями и выгодами, а о томъ, должно ли оно предоставлять въ безусловную власть частнаго человѣка дѣйствія и интересы другаго человѣка. Родительскою властью можно злоупотреблять точно также, какъ и всякою другою, и фактически извѣстно, что ею постоянно злоупотребляютъ. Если законы не успѣваютъ удерживать родителей отъ жестокаго обращенія съ дѣтьми и даже отъ убійства ихъ, то еще меньше можно предполагать, что интересы дѣтей никогда не будутъ принесены въ жертву эгоизму или предразсудку родителей болѣе обыкновенными и менѣе возмути-

*) Практическая сторона англійскихъ законовъ о помѣшанныхъ и въ особенности важнѣйшій отдѣлъ закона,—правила о признаніи помѣшательства,—настоятельнѣйшимъ образомъ требуютъ реформы. Нынѣ никто не безопасенъ отъ признанія его помѣшаннымъ, если есть у него имѣнье, возбуждающее алчность, а ближайшіе родственники его безсовѣстны или въ ссорѣ съ нимъ. По требованію лицъ, которымъ признаніе его за помѣшаннаго было бы выгодно, могутъ быть созваны присяжные и назначено разслѣдованье, которое ведется на счетъ лица, подвергающагося ему и въ которомъ всѣ его личныя особенности со всѣми прибавками лживой болтовни дурныхъ слугъ выслушиваются легковѣрными ушами 12 какихъ-нибудь мелочныхъ лавочниковъ, не имѣющихъ понятія ни о какомъ иномъ образѣ жизни, кромѣ своего, и считающихъ помѣшательствомъ или развратомъ всякую эксцентричность, а эксцентричностью всякую черту индивидуальности въ характерѣ или вкусахъ. Если этотъ мудрый трибуналъ произнесетъ желаемый приговоръ, имущество передается лицамъ, которымъ быть можетъ менѣе всѣхъ другихъ пожелалъ бы или дозволилъ бы владѣть его законный собственникъ. Въ недавнее время было нѣсколько примѣровъ, составившихъ судебный скандалъ. Не говоря о всѣхъ измѣненіяхъ, какія слѣдовало бы сдѣлать въ этихъ законахъ, скажу, что по крайней мѣрѣ двѣ реформы необходимы: вопервыхъ тутъ, какъ въ другихъ судебныхъ слѣдствіяхъ, расходы должны падать не на лицо, подвергающееся слѣдствію, а на счетъ лицъ, возбуждающихъ слѣдствіе, съ возвращеніемъ издержекъ имъ, если они окажутся правы; во вторыхъ имущество лица, объявленнаго помѣшаннымъ, ни въ какомъ случаѣ не должно при его жизни передаваться наслѣдникамъ, а должно быть до его смерти или выздоровленія управляемо государственнымъ чиновникомъ.

тельными способами. Если законъ можетъ, то онъ имѣетъ право и вообще имѣетъ обязанность принуждать родителей дѣлать для дѣтей все, что очевидно должны они дѣлать для выгоды дѣтей. Возьмемъ примѣръ изъ сферы собственно экономической. Государству слѣдуетъ, насколько можетъ оно знать и исполнять, охранять дѣтей и несовершеннолѣтнихъ отъ чрезмѣрнаго обремененія работой. Имъ не должно быть позволяемо работать слишкомъ много часовъ или работать сверхъ силъ; потому что если дозволить это, они всегда могутъ быть вынуждаемы къ тому. Свобода договора въ примѣненіи къ дѣтямъ значитъ просто свобода насилія противъ нихъ. Родители или родственники не должны также имѣть права по безпечности, завистливости или скупости лишать дѣтей образованія, какое только могутъ получить они по своимъ средствамъ.

Доводы о надобности правительственнаго вмѣшательства въ пользу дѣтей примѣняются съ такою же силою и къ низшимъ животнымъ, этимъ несчастнымъ рабамъ и жертвамъ грубѣйшей части человѣческаго рода. Лишь самое грубѣйшее непониманіе принциповъ свободы могло называть вмѣшательствомъ правительства въ дѣла, ему не принадлежащія, вмѣшательствомъ въ домашнюю жизнь то, что стали подвергаться примѣрному наказанію жестокіе поступки съ этими беззащитными существами. Домашняя жизнь домашнихъ тирановъ — это одна изъ тѣхъ вещей, въ которыя всего необходимѣе вмѣшиваться закону; и жаль, что метафизическія тонкости о сущности и источникѣ правительственной власти заставляютъ иныхъ жаркихъ защитниковъ закона противъ жестокаго обращенія съ животными искать оправданія этому закону не во внутреннемъ характерѣ самого дѣла, а въ его случайныхъ послѣдствіяхъ, въ томъ, что привычка къ жестокости можетъ быть вредною для человѣческихъ интересовъ. Чего человѣкъ, имѣющій нужную физическую силу, обязанъ не допускать дѣлать въ своемъ присутствіи, противъ чего онъ долженъ употребить свою силу, то обязано преслѣдовать такъ же сильно и все общество. Главный недостатокъ нынѣшнихъ англійскихъ законовъ объ этомъ дѣлѣ — ничтожность наказанія за эти поступки; и за самые худшіе изъ нихъ даже высшая мѣра наказанія — наказаніе, почти только номинальное.

Многіе хотятъ причислять женщинъ къ тѣмъ членамъ общества, свобода которыхъ въ заключеніи договоровъ должна подлежать законодательному контролю для ихъ собственнаго огражденія, по

причинѣ (какъ говорятъ) ихъ зависимаго положенія; недавно изданный законъ о работѣ на фабрикахъ (Factory Act) поставилъ работу женщинъ подъ особенныя ограниченія, наравнѣ съ работою несовершеннолѣтнихъ. Но ставить тутъ и въ другихъ случаяхъ женщинъ вмѣстѣ съ дѣтьми кажется мнѣ вещью фальшивой въ теоріи и вредной на практикѣ. Дѣти ниже извѣстныхъ лѣтъ вовсе не могутъ разсуждать и дѣйствовать самостоятельно; потомъ еще довольно долго они неизбѣжно могутъ управлять собою лишь не вполнѣ; но женщины точно такъ же какъ и мужчины способны обсуждать свои дѣла и управлять ими, и единственное препятствіе къ этому—нынѣшнее ихъ общественное положеніе. Пока все, пріобрѣтаемое женою, законъ дѣлаетъ собственностью мужа, пока принуждая ее жить съ нимъ, онъ заставляетъ ее подвергаться иногда нравственному и даже физическому тиранству, не совсѣмъ напрасно считается каждое ея дѣйствіе совершающимся какъ бы по принужденію. Но сильно ошибаются тѣ реформаторы и филантропы, которые въ нашу эпоху хотятъ подрѣзывать слѣдствія несправедливой домашней власти, вмѣсто того, чтобы устранить самую несправедливость. Если женщины будутъ имѣть такую же, какъ мужчины, безусловную власть надъ своею личностью и надъ имуществомъ, какое наслѣдуютъ или пріобрѣтаютъ, то не будетъ никакого предлога ограничивать часы ихъ работы самихъ на себя, чтобы онѣ имѣли время работать на мужа по такъ-называемому у защитниковъ этаго ограниченія, *мужнину хозяйству*. Женщины, работающія на фабрикахъ, — единственныя женщины въ рабочихъ сословіяхъ, не находящіяся въ положеніи рабынь и вьючныхъ животныхъ; и это именно отъ того, что не легко заставлять ихъ работать и заработывать деньги на фабрикахъ противъ ихъ воли. По моему мнѣнію, чтобы улучшить положеніе женщинъ, надобно не закрывать или не стѣснять доступъ имъ въ тѣ независимыя промышленныя занятія, которыя уже открыты для нихъ, а напротивъ, давать имъ свободнѣйшій доступъ къ такимъ занятіямъ.

9. Второе исключеніе изъ правила, что каждый самъ бываетъ наилучшимъ судьею о своихъ выгодахъ, — тотъ случай, когда человѣкъ, пытается безвозвратно рѣшить теперь, что будетъ наиболѣе полезно для него въ отдаленномъ будущемъ. Предположеніе о здравости личнаго соображенія справедливо лишь тамъ, гдѣ соображеніе основывается на дѣйствительномъ и въ особенности на настоящемъ личномъ опытѣ; а не тамъ, гдѣ оно дѣлается предварительно, раньше опыта, и не допускаетъ отказа даже и по осуж-

деніи его опытомъ. Когда человѣкъ обязался договоромъ не только что исполнить одно извѣстное дѣло, а продолжать исполнять что нибудь на вѣкъ или на долгій періодъ, безъ возможности уничтожить это обязательство, то уже нѣтъ возможности считать выгоднымъ для него это положеніе только по тому признаку, что онъ остается въ немъ, — признаку, который безъ безвозвратнаго обязательства свидѣтельствовалъ бы объ этомъ; а тотъ аргументъ, что онъ вступилъ въ обязательство добровольно,—вступилъ, быть можетъ, въ ранней молодости и вовсе не зная того, къ чему обязывается, — этотъ аргументъ обыкновенно равняется нулю. Практическій принципъ невмѣшательства въ свободу договоровъ лишь съ большими ограниченіями можетъ прилагаться къ вѣчнымъ обязательствамъ, и законъ долженъ смотрѣть на такія обязательства чрезвычайно недовѣрчиво; онъ долженъ отказывать имъ въ своемъ утвержденіи, когда человѣкъ принимаетъ на себя такія обязанности, о которыхъ не можетъ судить основательнымъ образомъ; а если законъ утверждаетъ какіе нибудь изъ этихъ договоровъ, онъ долженъ требовать всевозможныхъ обезпеченій въ томъ, что они заключаются по основательному соображенію о будущемъ; и въ вознагражденіе за то, что не дозволяется самимъ договаривающимся разорвать свое обязательство, онъ долженъ давать имъ освобожденіе отъ него, когда будетъ приведена достаточная причина къ тому передъ безпристрастною властью. Эти соображенія въ особенности примѣняются къ браку, важнѣйшему изъ всѣхъ вѣчныхъ обязательствъ.

10. Третье исключеніе изъ правила, что правительство не можетъ вести дѣла частнаго человѣка такъ хорошо, какъ онъ самъ, относится къ многочисленнымъ случаямъ, когда частный человѣкъ можетъ вести дѣло только черезъ повѣреннаго, и когда такъ-называемое веденіе дѣла заинтересованными лицами въ сущности едва ли лучше веденія ихъ чиновникомъ правительства. Всѣ дѣла, которыя будучи предоставлены частной дѣятельности, могутъ вестись лишь акціонерными компаніями, не хуже, а иногда и лучше того для существенныхъ своихъ результатовъ будутъ ведены правительствомъ. Правда, казенное управленіе вошло въ поговорку медленностью, безпечностью и неуспѣшностью; но точно такъ же вошло въ поговорку и акціонерное управленіе. Правда, что директоры акціонернаго общества — всегда акціонеры; но члены правительства такъ же всегда — участники въ платежѣ налоговъ; и у директоровъ точно такъ же, какъ и у агентовъ прави-

тельства, доля въ выгодахъ отъ хорошаго хозяйства не равняется выгодѣ, какую они могутъ имѣть отъ злоупотребленій, не говоря уже о томъ, что быть безпечными — спокойнѣе для нихъ. Могутъ возразить, что акціонеры въ цѣломъ своемъ составѣ имѣютъ нѣкоторый контроль надъ директорами и почти всегда имѣютъ полную власть отрѣшать ихъ отъ должности. Но въ практикѣ контроль надъ дѣйствіями директоровъ оказывается такъ затруднителенъ, что акціонеры почти никогда не пользуются этимъ правомъ, кромѣ случаевъ такой явной неловкости или такой безуспѣшности управленія, которая вообще повела бы за собою удаленіе отъ должности и распорядителей, назначенныхъ правительствомъ. Въ замѣнъ гарантіи, представляемой собраніями акціонеровъ, и личныхъ наблюденій и изысканій того или другаго изъ акціонеровъ, можно выставить, что надобно ожидать большой публичности, болѣе дѣятельныхъ преній и замѣчаній о дѣлахъ, въ которыхъ участвуетъ общее правительство, чѣмъ о дѣлахъ частной компаніи. Потому недостатки казеннаго управленія не бываютъ необходимо много больше, а быть можетъ и во все не больше недостатковъ акціонернаго управленія.

Но основанія въ пользу того, чтобы предоставлять добровольнымъ товариществамъ всѣ тѣ дѣла, какія они способны вести, останутся столько же справедливы, если бы и было несомнѣнно, что оффиціальное управленіе будетъ вести эти дѣла также хорошо, или даже лучше. Эти основанія были уже нами указаны: это — вредъ и неудобство слишкомъ утруждать главныхъ чиновниковъ правительства новыми предметами, требующими ихъ вниманія, и отвлекать ихъ отъ дѣлъ, которыя они одни могутъ исполнять, къ дѣламъ, которыя и безъ нихъ могутъ быть сдѣланы достаточно хорошо; далѣе опасность слишкомъ расширить безъ необходимости непрямое вліяніе правительства и умножить случаи столкновеній между его агентами и частными лицами; наконецъ вредъ сосредоточенія въ господствующей бюрократіи всего искусства и опытности въ веденіи дѣлъ обширнаго интереса и сосредоточенія всей силы организованнаго дѣйствія, существующей въ обществѣ, — обстоятельство, которое удерживаетъ гражданъ относительно правительства въ положеніи дѣтей относительно опекуна, и которое составляетъ главную причину того недостатка способности къ политической жизни, какой до сихъ поръ отличалъ находящіяся подъ излишней опекой центральнаго

правительства страны континента, все равно имѣютъ ли они формы представительнаго правленія или нѣтъ *).

Но если по этимъ причинамъ надобно, вообще говоря, предоставлять добровольнымъ товариществамъ почти всѣ тѣ дѣла, которыя могутъ исполняться ими хотя посредственно, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы правительству слѣдовало оставлять безъ всякаго контроля веденіе дѣлъ этими товариществами. Во многихъ случаяхъ чьимъ бы силамъ ни было оставлено дѣло, лицо или товарищество, его исполняющее, будетъ по самому характеру дѣла въ сущности пользоваться монополіею, и никакъ нельзя уничтожить эту практическую монополію съ принадлежащей ей силою брать налогъ съ общества. Я уже не разъ указывалъ на газовыя и водопроводныя общества, между которыми на дѣлѣ нѣтъ соперничества, хотя предоставлена полная свобода соперничеству, и на практикѣ они оказываются еще безотвѣтственнѣе правительства, еще менѣе его доступны частнымъ жалобамъ. Тутъ существованіе нѣсколькихъ производителей вмѣсто одного не доставляетъ никакихъ выгодъ, а ведетъ лишь къ увеличенію расходовъ; и плата за предметъ, безъ котораго нельзя обойтись, становится тутъ такимъ же принудительнымъ налогомъ, какъ бы установлялась она закономъ: въ своемъ хозяйствѣ человѣкъ обыкновенно считаетъ плату водопроводной компаніи расходомъ такого же рода, какъ другіе налоги. Въ этихъ дѣлахъ перевѣсъ выгодъ на той сторонѣ, чтобы онѣ подобно мощенію и чисткѣ улицъ исполнялись правительствомъ,—разумѣется не центральнымъ государственнымъ правительствомъ, а городскимъ управленіемъ, а издержки покрывались бы, какъ оно и теперь въ сущности есть, мѣстнымъ нало-

*) Тоже обстоятельство можно видѣть и въ томъ отвращеніи къ политикѣ и въ отсутствіи общественнаго духа, — свойства, которыми въ настоящемъ положеніи общества отличаются женщины какъ цѣлый классъ, и которыя часто съ сожалѣніемъ замѣчаютъ политическіе реформаторы, не принимая впрочемъ на себя труда понять и не обнаруживая желанія отклонить ихъ причины. Это отсутствіе общественнаго духа происходитъ очевидно отъ того, что и общественныя учрежденія и все воспитаніе женщинъ пріучили ихъ совершенно исключать себя отъ политическихъ интересовъ. Вездѣ гдѣ женщины занимались политикой, онѣ показали къ этому дѣлу столько же интереса и, по духу времени, столько же способности къ нему, какъ и ихъ современники мужчины, — напримѣръ въ тотъ періодъ исторіи, когда Изабелла кастильская и Елизавета англійская были не рѣдкими исключеніями, а лишь блестящими примѣрами духа и способностей очень сильно распространенныхъ между европейскими женщинами высокаго сословія и образованія.

гомъ. Но во многихъ подобныхъ случаяхъ, когда лучше оставить дѣло частнымъ лицамъ, обществу нужна еще другая гарантія хорошаго исполненія дѣла, кромѣ выгоды распорядителей; и правительство должно или установить для этого дѣла надлежащія условія къ общей выгодѣ или оставить за собою такую власть надъ нимъ, чтобы общество не лишалось по крайней мѣрѣ тѣхъ выгодъ, какія имѣетъ монополія. Это надобно сказать о каналахъ и желѣзныхъ дорогахъ. На практикѣ онѣ всегда въ значительной степени бываютъ монополіями; и правительство, безусловно предоставляющее такую монополію частной компаніи, дѣлаетъ то же самое, какъ еслибы дозволяло отдѣльному лицу или обществу брать въ свою пользу какой угодно налогъ со всего производимаго въ Англіи солода или со всей привозимой въ нее хлопчатой бумаги. Уступать дорогу или каналъ во временное пользованіе строителямъ можно по той же причинѣ, которою оправдывается выдача привиллегій изобрѣтателямъ; но государство или должно постановлять, что по прошествіи срока дорога или каналъ переходятъ въ его собственность или должно оставлять за собою свободное право опредѣлять maximum платы за проѣздъ и за провозъ съ тѣмъ, чтобы отъ времени до времени измѣнять этотъ maximum. Вѣроятно нужно еще прибавить, что государство можетъ быть собственникомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, не управляя само ими и что почти всегда они будутъ лучше управляться частною компаніею, берущею ихъ у государства въ аренду на извѣстный срокъ.

11. На четвертое исключеніе я долженъ обратить особенное вниманіе читателя, потому что прежніе политико-экономы слишкомъ мало обращали вниманія на дѣла этого рода. Есть вещи, въ которыя вмѣшательство закона нужно не за тѣмъ, чтобы устранять соображеніе частнаго лица о своихъ выгодахъ, а за тѣмъ, чтобы могло исполняться это соображеніе, и нужно это потому, что воля частныхъ лицъ можетъ осуществляться тутъ лишь по соглашенію между ними, а самое соглашеніе будетъ имѣть силу лишь тогда, когда поддерживается и защищается закономъ. Возьму въ примѣръ уменьшеніе часовъ рабочаго дня, — только какъ примѣръ, не споря о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ быть этому уменьшенію. Предположимъ, — вѣдь можно хотя сдѣлать это предположеніе, не рѣшая вѣрно ли оно или невѣрно, — что общее уменьшеніе дня фабричной работы съ 12 часовъ на 10 было бы выгодно для работниковъ, что они за 10 часовъ работы стали бы

получать такую же или почти такую же плату какъ теперь за 12 часовъ. Если предположить это и предположить, что всѣ работники убѣждены въ этомъ, то иной скажетъ, что уменьшеніе произойдетъ само собою и что не нужно будетъ узаконять его юридическимъ постановленіемъ. Я отвѣчаю: оно произойдетъ лишь тогда, если всѣ работники обяжутся другъ передъ другомъ держаться этого уменьшенія. Если работникъ отказывается работать больше 10 часовъ, между тѣмъ какъ другіе работаютъ по 12, онъ или вовсе не будетъ нанятъ или плата ему будетъ уменьшена на шестую долю. Потому какъ бы твердо ни былъ онъ убѣжденъ, что 10-ти часовая работа выгоднѣе 12-ти часовой для его сословія, его интересу будетъ противно подавать этотъ примѣръ, если онъ не увѣренъ вполнѣ, что всѣ или почти всѣ послѣдуютъ за нимъ. Но предположимъ, что и все сословіе работниковъ вступило въ такое соглашеніе, — будетъ ли соглашеніе имѣть силу безъ законодательной санкціи? Лишь въ томъ случаѣ, если общественное мнѣніе охраняетъ его съ строгостію, на практикѣ равняющеюся юридическому наказанію. Вѣдь какъ ни полезно соблюденіе этого правила для всего сословія, но прямая выгода каждаго отдѣльнаго работника — нарушать его; и чѣмъ многочисленнѣе лица, вступившія въ соглашенія, тѣмъ больше будетъ число людей, могущихъ выиграть отступивъ отъ него. Если даже почти всѣ держатся правила работать 10 часовъ, люди, которые захотятъ работать 12 часовъ, получатъ полную выгоду отъ уменьшеннаго времени работы и кромѣ того прибыль за его нарушеніе: за 10-ти часовую работу они получатъ прежнюю 12-ти часовую плату и сверхъ того еще плату за два часа. Согласенъ, что вреда отъ этого не будетъ, если огромное большинство станетъ держаться 10-ти часовой работы: почти вся выгода, какая могла быть отъ этого, останется за сословіемъ работниковъ, а люди, желающіе работать и выработывать больше, будутъ имѣть возможность къ тому. Разумѣется такого порядка вещей и слѣдовало бы желать; и если предположить, что уменьшеніе часовъ съ сохраненіемъ прежней платы возможно безъ того, чтобъ товаръ не лишился нѣкоторыхъ своихъ рынковъ (этотъ вопросъ рѣшается, смотря по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая, а не по общему принципу), — если предположить это, то конечно наилучшимъ способомъ осуществленія была бы тихая перемѣна въ общемъ фабричномъ обычаѣ, чтобы 10-часовая работа вошла въ общую практику по доброй волѣ каждаго, а кто хочетъ отступать отъ нея, тотъ имѣлъ бы

полнѣйшую свободу работать больше. Но число людей, которые захотятъ по новой высшей платѣ работать 12 часовъ, будетъ такъ велико, что 10-ти часовая работа не удержится въ общемъ обычаѣ; что одинъ сталъ дѣлать по доброй волѣ, то другой скоро принужденъ будетъ дѣлать по необходимости, и люди захотѣвшіе работать по 12-ти часовъ для полученія большей платы, будутъ наконецъ принуждены работать по 12 часовъ за прежнюю плату. Значитъ, если предположить, что каждому было бы выгодно работать лишь 10 часовъ, когда могъ бы онъ быть увѣренъ, что и всѣ другіе станутъ работать не больше; то все-таки единственнымъ средствомъ достичь этой цѣли могло бы оказаться для работниковъ обратить свое взаимное соглашеніе въ юридическое обязательство съ наказаніями по закону за нарушеніе правила. Я не то что говорю въ пользу такого постановленія, — оно служитъ у меня лишь примѣромъ того какъ извѣстному сословію можетъ нужна быть помощь закона для осуществленія общаго мнѣнія этихъ людей о ихъ выгодѣ, — нужна для того, чтобы каждому дать гарантію, что его соперники будутъ держаться того же правила, которое нельзя принять и ему безъ такой гарантіи.

Другой примѣръ того же принципа — такъ называемая уэкфильдова система колонизаціи. Она основывается на той важной системѣ, что степень производительности земли и труда обусловливается существованіемъ надлежащей пропорціи между количествомъ земли и труда; что если немногіе люди займутъ и обратятъ въ свою собственность обширный округъ или если каждый работникъ слишкомъ рано станетъ земледѣльцемъ, то произойдетъ потеря производительной силы и успѣхи колоніи въ богатствѣ и цивилизаціи очень замедлятся; но что инстинктъ присвоенія (если можно назвать это инстинктомъ) и мысли, соединенныя въ старыхъ странахъ съ понятіемъ «поземельный собственникъ» станутъ почти каждаго эмигранта склонять къ тому, чтобы брать себѣ какъ можно больше земли и тотчасъ же становиться собственникомъ земледѣльцемъ, воздѣлывающимъ участокъ силами одной своей семьи. Если можно нѣсколько сдержать эту наклонность каждаго немедленно брать себѣ землю и если можно сдѣлать, чтобы каждый становился поземельнымъ собственникомъ лишь проработавъ нѣсколько лѣтъ по найму, то можно будетъ имѣть постоянный запасъ наемныхъ работниковъ для устройства дорогъ, каналовъ, работъ по орошенію, для занятія разными отраслями городской промышленности; отъ этого работникъ когда станетъ наконецъ зем-

левладѣльцемъ, найдетъ свою землю гораздо цѣннѣе, благодаря доступности рынковъ и удобству получать наемный трудъ. Потомъ Уэкфильдъ предлагалъ сдерживать прежде временное занятіе земли и разсѣяніе колонистовъ, назначая за незанятыя земли дорогую цѣну и расходуя получаемыя отъ продажи суммы на перевозку новыхъ наемныхъ работниковъ изъ метрополіи.

Противъ этого очень полезнаго предложенія возражали именемъ и авторитетомъ такъ называемаго великаго принципа политической экономіи, что каждый человѣкъ самъ наилучшій судья своихъ выгодъ. Говорили, что когда дѣламъ оставляется свободный ходъ, земля занимается по свободному выбору каждаго въ такомъ количествѣ и въ такое время, когда всего выгоднѣе каждому и всему обществу; что ставить искуственныя препятствія пріобрѣтенію земли значитъ мѣшать людямъ идти на тотъ путь, который по ихъ собственному разсужденію наиболѣе выгоденъ для нихъ — мѣшать этому изъ-за тщеславнаго мнѣнія законодателя, что онъ лучше частныхъ людей знаетъ, что выгоднѣе для нихъ. Но такія слова — полное непониманіе или системы Уэкфильда или принципа, въ противорѣчіи съ которымъ изобличаютъ ее. Ошибка здѣсь та же самая, какую мы видѣли въ прежнемъ примѣрѣ о сокращеніи часовъ работы. Какъ ни полезно будетъ всей колоніи и каждому изъ лицъ, ее составляющихъ, чтобы никто не занималъ больше земли, чѣмъ въ силахъ порядочно обработать и не становился собственникомъ, пока нѣтъ человѣка на занятіе его мѣста въ наемномъ трудѣ; но каждому выгодно будетъ держаться этой умѣренности лишь въ томъ случаѣ, если онъ обезпеченъ, что и другіе соблюдутъ ее. Если онъ окруженъ земледѣльцами, имѣющими по 1000 экровъ, то какая польза ему ограничиваться 50 экрами? и какой выигрышъ работнику отлагать пріобрѣтеніе земли на нѣсколько лѣтъ, если всѣ другіе работники спѣшатъ на первыя выработанныя деньги покупать въ пустынѣ участки на нѣсколько миль другъ отъ друга? Если они, бросившись на землю, не даютъ образоваться классу наемныхъ работниковъ, онъ отложивъ покупку земли все-таки не можетъ получить отъ нея больше выгоды, когда купитъ ее; зачѣмъ же ему быть въ положеніи, которое и для него и для другихъ представляется низшимъ, зачѣмъ оставаться наемнымъ работникомъ, когда всѣ вокругъ него собственники? Каждому выгодно дѣлать полезное для всѣхъ, но выгодно лишь тогда, когда всѣ поступаютъ такъ же.

Если понимать въ смыслѣ этихъ политико-экономовъ принципъ,

что каждый самъ наилучшій судья своихъ выгодъ, будетъ знать, что правительствамъ не слѣдуетъ исполнять ни одной изъ безспорныхъ ихъ обязанностей,—не слѣдуетъ имъ и вовсе существовать. Цѣлому обществу и каждому члену его очень выгодно то, чтобы люди не грабили и не воровали другъ у друга; но все-таки необходимы законы, наказывающіе грабежъ и воровство, потому что если и выгодно каждому, чтобы никто не грабилъ и не воровалъ, то никому не выгодно удерживаться отъ грабежа и воровства, когда всѣмъ другимъ дозволено грабить и обворовывать его. Въ этомъ и есть главная причина существованія уголовныхъ законовъ. Самое единодушное мнѣніе, что извѣстный образъ дѣйствій выгоденъ для всѣхъ не всегда достаточно, чтобы разсчетъ каждаго соотвѣтствовалъ этому образу дѣйствій.

12. Пятое исключеніе. Аргументъ противъ правительственнаго вмѣшательства, основанный на принципѣ, что каждый самъ—наилучшій судья своихъ выгодъ, не можетъ примѣняться къ очень обширному разряду тѣхъ случаевъ, въ которыхъ присвоивается правительству контроль надъ дѣйствіями частнаго лица, совершаемыми имъ не въ свою пользу, а въ пользу другихъ. Сюда принадлежитъ между прочимъ важный вопросъ объ общественной благотворительности, возбуждавшей столько споровъ. Вообще слѣдуетъ каждому оставлять свободу дѣлать все, къ чему онъ предполагается имѣющимъ достаточно способностей; но когда никакъ нельзя предоставлять человѣка самому себѣ, а нужна ему помощь другихъ, является вопросъ, лучше ли, чтобы онъ получалъ эту помощь исключительно отъ частныхъ лицъ, то есть помощь невѣрную и случайную, или получалъ ее по систематическому устройству, по распоряженію общества, черезъ его органъ государственную власть.

Это приводитъ насъ къ разбору законовъ о пособіи, вопросъ о которыхъ былъ бы очень не важенъ, еслибы привычки всѣхъ сословій въ Англіи были умѣренны и благоразумны, а распредѣленіе собственности удовлетворительно; но онъ чрезвычайно важенъ при порядкѣ дѣлъ, столь противоположномъ этимъ обоимъ условіямъ, какъ порядокъ дѣлъ на британскихъ островахъ.

Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ на сущность нравственности и общественнаго союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу; что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда и что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Потому право на

пособіе, происходящее отъ крайней бѣдности, одно изъ сильнѣйшихъ правъ на свѣтѣ; слѣдовательно при первомъ же взглядѣ на дѣло мы видимъ сильнѣйшее основаніе устроить для людей, столь сильно нуждающихся въ пособіи, самый вѣрный способъ доставки имъ пособія, какой только можетъ быть устроенъ общественными мѣрами.

Съ другой стороны при каждомъ пособіи надобно брать во вниманіе два ряда послѣдствій: послѣдствія самаго пособія и послѣдствія увѣренности въ томъ, что оно будетъ оказано. Послѣдствія перваго рода вообще полезны; но послѣдствія втораго рода почти всегда вредны; часто вредны дотого, что далеко перевѣшиваютъ свою пользу, и скорѣе всего это бываетъ именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ надобность пособія самая настоятельная. Одна изъ самыхъ вредныхъ надеждъ на постоянное пособіе—надежда на полученіе пищи и къ несчастію нѣтъ истины, въ которой легче было бы убѣдиться. Потому рѣшеніе этой важной задачи требуетъ большой осмотрительности; а задача въ томъ, какъ оказывать наибольшее количество нужной помощи съ наименьшимъ возбужденіемъ вредной надежды на нее.

Но энергія человѣка и надежда его на самаго себя могутъ и недостаткомъ пособія ослабляться точно также, какъ излишествомъ. Безнадежность еще гибельнѣе для энергіи труда, чѣмъ разсчетъ прожить безъ труда. Когда положеніе человѣка такъ бѣдственно, что силы его парализируются отчаяніемъ, пособіе не усыпляетъ, а возбуждаетъ, укрѣпляетъ, а не разслабляетъ энергію; разумѣется, если оно не таково, чтобы устранять надобность собственныхъ усилій, если оно не замѣняетъ человѣку его личнаго труда, искусства и благоразумія, а ограничивается доставленіемъ ему лучшей надежды обезпечить себя этими законными средствами успѣха. Вотъ критеріумъ, по которому надобно судить о всѣхъ филантропическихъ и гуманныхъ проэктахъ, все равно на облегченіе ли судьбы отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ сословій предназначаются они, и добровольною ли, или правительственною дѣятельностію должны исполняться.

На сколько можетъ тутъ быть общее правило, мнѣ кажется, что правило это таково: если пособіе дается въ такой формѣ, что положеніе человѣка, получающаго пособіе, не хуже того, въ какомъ находится человѣкъ пріобрѣтающій такое же обезпеченіе безъ пособія, то пособіе вредно, когда люди впередъ увѣрены, что получатъ его; но если оно, будучи доступно каждому, остав-

ляетъ человѣку сильное побужденіе обойтись, если возможно, безъ пособія, то оно почти всегда полезно. Въ примѣненіи къ государственной благотворительности этотъ принципъ принятъ закономъ 1834 года. Если положеніе человѣка, получающаго пособіе, ничѣмъ не хуже положенія работника, содержащагося своимъ трудомъ,—это система истребляющая въ самомъ корнѣ всякое личное трудолюбіе и самоуправленіе; и еслибы вполнѣ осуществлялся такой методъ, онъ требовалъ бы въ дополненіе къ себѣ организованной системы принужденія, чтобы управлять какъ скотомъ людьми, выведенными изъ подъ вліянія побужденій, дѣйствующихъ на людей, и заставлять ихъ работать какъ скотъ. Но если обезпечивая людей отъ крайней нужды, можно сдѣлать, чтобы положеніе человѣка, содержимаго на общественный счетъ, было значительно хуже, чѣмъ положеніе человѣка, содержащагося своимъ трудомъ, законъ, устраняющій возможность умереть съ голода, иначе какъ по собственной волѣ, будетъ имѣть только одни хорошія послѣдствія. Что въ Англіи можно осуществить это условіе, доказывается опытомъ долгихъ лѣтъ, предшествовавшихъ концу прошлаго вѣка и въ новыя времена опытомъ многихъ округовъ, въ которыхъ было очень много нищеты и которые избавились отъ нея къ великой и вѣчной пользѣ всего рабочаго сословія, принявъ строгія правила въ оказываніи пособія. Если видоизмѣнять правила сообразно народному характеру, вѣроятно и во всякой странѣ можно обезпечить неимущихъ правительственнымъ пособіемъ, не нарушая условій, необходимыхъ для того, чтобы отъ пособія не было вреда.

При соблюденіи этихъ условій, я считаю очень полезнымъ, чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Во первыхъ благотворительность всегда даетъ или слишкомъ много или слишкомъ мало; расточаетъ свою щедрость въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ оставляетъ людей умирать съ голоду. Во вторыхъ, государство обязано же по необходимости содержать бѣднаго преступника, пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ; значитъ, если оно не содержитъ невиннаго бѣдняка, оно назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ, если неимущіе предоставлены частной благотворительности, неизбѣжно нищенство въ обширномъ размѣрѣ. Забота различать разные разряды неимущихъ — вотъ дѣло, которое государство должно предоставить частной благотворительности. Она можетъ давать больше заслуживающему большаго пособія. Государство должно дѣйствовать по об-

щимъ правиламъ. Оно не можетъ брать на себя разбора, какой нуждающійся заслуживаетъ, какой не заслуживаетъ участія. Оно не обязано давать ничего сверхъ необходимаго для жизни первому, и не можетъ давать второму меньше необходимаго. Говорятъ о несправедливости закона, который бѣдняку, невинно обнищавшему, даетъ не больше того, чѣмъ обнищавшему отъ безнравственности, — говорить это значитъ не понимать, что такое законъ и общественная власть; — чиновники, завѣдывающіе общественнымъ пособіемъ, не инквизиторы. Имъ нельзя ввѣрять власти давать или не давать чужихъ денегъ по ихъ приговору о нравственности лица, просящаго денегъ. Предполагая, что они даже способны составлять себѣ разумное сужденіе о прошедшемъ поведеніи нуждающагося,—случай почти невозможный,—все-таки предположить, что они примутъ на себя трудъ разузнать и разобрать это прошедшее, значитъ совершенно не знать человѣческой натуры. Частная благотворительность можетъ дѣлать этотъ разборъ и, давая свои деньги, человѣкъ имѣетъ право давать ихъ по собственному соображенію. Надобно понимать, что это — особенное дѣло, принадлежащее собственно частной благотворительности и что оно полезно или вредно, смотря потому разсудительно или неразсудительно исполняется. Но распорядители общественныхъ денегъ не должны никому давать больше того minimum, какой обязаны давать и самому дурному человѣку. Иначе излишество очень скоро станетъ правиломъ, а отказъ болѣе или менѣе капризнымъ деспотическимъ исключеніемъ.

13. Подъ одинаковый съ общественной благотворительностью принципъ подходятъ случаи другаго рода,—тѣ случаи, когда дѣло частнаго лица, хотя и совершается имъ только въ свою пользу, влечетъ за собою слѣдствія, несравненно обширнѣйшія для всей націи или потомства, о которомъ только общество въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ и обязано заботиться. Одно изъ такихъ дѣлъ — колонизація. Никто не станетъ спорить, что дѣло основанія колоній слѣдуетъ вести не въ исключительномъ интересѣ частныхъ выгодъ первыхъ поселенцевъ, а съ обдуманнымъ разсчетомъ для прочнаго блага націй, которыя впослѣдствіи возникнутъ изъ этихъ маленькихъ зародышей; а это можетъ обезпечиваться лишь тѣмъ, когда дѣло съ самаго начала ведется по правиламъ, составленнымъ предусмотрительностью и широкими понятіями просвѣщенныхъ законодателей; одно правительство имѣетъ силу составить эти правила и охранить ихъ отъ нарушенія.

Вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ въ колонизаціи, вопросъ о будущности самой цивилизаціи и вѣчныхъ интересахъ ея; онъ далеко превышаетъ тѣсныя границы однихъ чисто-экономическихъ соображеній; но и по однимъ этимъ соображеніямъ, перемѣщеніе людей изъ переполненныхъ ими земель въ ненаселенныя—одно изъ тѣхъ высоко полезныхъ для общества дѣлъ, которыя и наиболѣе требуютъ правительственнаго вмѣшательства и наиболѣе вознаграждаютъ за него.

Чтобы оцѣнить пользу колонизаціи, надобно разсматривать ее не въ отношеніи къ одной странѣ, а въ отношеніи къ общимъ экономическимъ интересамъ человѣческаго рода. На колонизацію обыкновенно смотрятъ лишь какъ на вопросъ о распредѣленіи, о поднятіи цѣнности труда на одномъ рынкѣ, снабженіи трудомъ другаго рынка. Но она также и вопросъ о производствѣ, одно изъ могущественнѣйшихъ занятій для производительныхъ силъ земнаго шара. Много говорятъ о выгодѣ ввозить товары оттуда, гдѣ можно купить ихъ дешево, а слишкомъ мало думаютъ о выгодѣ производить ихъ тамъ, гдѣ производство ихъ обходилось бы дешево. Если привозъ товаровъ оттуда, гдѣ ихъ слишкомъ много, на потребленіе туда, гдѣ ихъ слишкомъ мало — хорошая денежная спекуляція, то хорошая спекуляція — поступать такъ и относительно труда и его орудій. Вывозъ работниковъ и капитала изъ старыхъ странъ въ новыя, оттуда, гдѣ они имѣютъ меньшую, туда гдѣ они имѣютъ большую производительную силу, увеличиваетъ сумму богатства старой и новой страны, такъ что этотъ выигрышъ скоро становится въ нѣсколько разъ больше выгоды, какую доставила бы одна перевозка товаровъ. Не колеблясь надобно сказать, что при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ на земномъ шарѣ колонизація —выгоднѣйшее изъ всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, какими можетъ заниматься капиталъ старой и богатой страны.

Но очевидно, что колонизацію въ большомъ размѣрѣ, какъ коммерческое дѣло, можетъ вести лишь правительство или какая нибудь частная компанія, дѣйствующая по полному соглашенію съ правительствомъ. Эмиграція по добровольному принципу рѣдко приносила существенное облегченіе тѣснотѣ населенія въ старой странѣ, хотя дѣйствіе ея и полезно для колоніи. Тѣ работники, которые выселяются добровольно, рѣдко бываютъ изъ класса самаго бѣднаго; это — мелкіе фермеры съ небольшимъ капиталомъ, или работники, умѣвшіе сберечь нѣсколько денегъ. Удаляя лишь свой трудъ съ переполненнаго рынка, они уносятъ изъ капитала

*

страны сумму, на которую содержалось и получало занятіе прежде большее число работниковъ. Кромѣ того, людей этихъ въ странѣ такъ мало, что еслибы они и всѣ удалились, не произошло бы чувствительной перемѣны ни въ числѣ населенія, ни даже въ годичномъ его размноженіи. Значительная эмиграція труда возможна лишь тогда, если производится не на счетъ самихъ работниковъ, въ видѣ ссуды безвозвратнаго пособія. Кто же долженъ дать эту ссуду? «Натурально капиталисты колоніи, нуждающіеся въ трудѣ и желающіе дать ему занятіе», могутъ сказать намъ. Но этому мѣшаетъ то, что капиталистъ, сдѣлавъ расходъ на перевозку работниковъ, не имѣетъ никакого обезпеченія, что онъ же самъ и получитъ выгоду отъ работниковъ. Еслибы даже соединились всѣ капиталисты страны и покрывали этотъ расходъ по подпискѣ, все-таки они не имѣли бы обезпеченія, что работники останутся работниками на нихъ. Заработавъ по найму нѣсколько фунтовъ, работники непремѣнно поселяются на незанятой землѣ и начинаютъ работать сами на себя, если правительство не мѣшаетъ тому. Много разъ дѣлали опытъ, нельзя ли заставить работниковъ исполнять заключенныя ими обязательства или выплатить расходы за перевозъ капиталистамъ, сдѣлавшимъ эти расходы,—но хлопотъ и издержекъ всегда было тутъ больше, чѣмъ выгоды. Остается другой способъ — добровольныя пособія приходовъ или частныхъ лицъ съ цѣлью освободиться отъ излишка работниковъ, содержаніе которыхъ лежитъ или можетъ лечь на приходъ. Еслибы эта спекуляція вошла въ общее обыкновеніе, она могла бы произвести эмиграцію въ размѣрѣ, достаточномъ для удаленія незанятаго капитала, но не въ такомъ, чтобы поднять плату занятымъ работникамъ, и меньше чѣмъ черезъ одно поколѣніе надобно было бы повторять прежнее дѣло.

Кромѣ очень рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, только тогда эмиграція можетъ быть ведена на выгоды, ею же доставляемыя, когда бываетъ національнымъ дѣломъ. Мы уже замѣчали, что вывозъ капитала и труда въ новую страну—одно изъ самыхъ выгодныхъ коммерческихъ дѣлъ; потому нелѣпо предположить, чтобы оно не оплачивало, подобно другимъ коммерческимъ дѣламъ, расходовъ на него дѣлаемыхъ. Оно дѣлаетъ великую прибавку къ суммѣ продукта земнаго шара, и нѣтъ причины почему бы часть этой прибавки не удерживать на покрытіе расходовъ, какихъ требовало дѣло. Мы уже изложили причины, по которымъ ни для частнаго лица, ни для компаніи частныхъ лицъ невозможно обез-

печить себѣ вознагражденія за такіе расходы; но для правительства это возможно. Оно можетъ изъ годичной прибавки къ богатству, производимой эмиграціею, брать долю, достаточную на покрытіе расходовъ по веденію эмиграціи съ процентами. Расходы эти должны быть уплачиваемы колоніею,—а говоря вообще, единственная возможная форма такой уплаты — уплата ихъ колоніальнымъ правительствомъ.

Изъ всѣхъ способовъ, какими можно собирать съ колоніи суммы для веденія колонизаціи, самый выгодный тотъ, который былъ первый предложенъ Уэкфильдомъ, столь хорошо и неутомимо защищавшимъ его: онъ предлагалъ отдавать незанятую землю не иначе, какъ за извѣстную сумму, и выручаемыя деньги употреблять на переселеніе. Мы уже опровергли въ этой главѣ неосновательныя и педантскія возраженія противъ этой системы, а теперь изложимъ ея выгоды. Вопервыхъ ею отстраняются трудности и непріятности, соединенныя съ полученіемъ денегъ посредствомъ налога,—съ дѣломъ, за которое почти напрасно и браться при разсѣянности поселенцевъ по пустынямъ: опытъ свидѣтельствуетъ, что принуждать такихъ поселенцевъ къ платежу прямыхъ налоговъ стоитъ слишкомъ дорого, — расходы тутъ будутъ больше самого дохода; а косвенные налоги въ младенчествующей странѣ имѣютъ очень тѣсныя границы своему расширенію. Потому продажа земли —самый легкій способъ получать требуемыя суммы. Но она представляетъ и другія еще большія выгоды. Ею сдерживается къ пользѣ колоніи тенденція переселенцевъ принимать вкусы и наклонности дикой жизни и разсѣеваться такъ, что теряются всѣ выгоды торговли, рынковъ, раздѣленія занятій и сочетанія труда. Людей, переселяющихся на счетъ эмиграціоннаго фонда, она ставитъ въ необходимость заработать значительную сумму для возможности пріобрѣсти землю, и черезъ это поддерживаетъ постоянно смѣняющійся классъ наемныхъ работниковъ, пособіе которыхъ очень важно повсюду, даже и для поселянъ-собственниковъ. Уменьшая жадность земледѣльческихъ спекулянтовъ къ захвату обширныхъ земель, она держитъ поселенцевъ вблизи другъ отъ друга, такъ что возможно между ними сочетаніе труда, соединяетъ значительное число ихъ по близости каждаго центра внѣшней торговли и неземледѣльческой промышленности, обезпечиваетъ возникновеніе и быстрое возрастаніе городовъ и городскихъ продуктовъ. При этомъ сосредоточеніи благосостояніе достигается гораздо быстрѣе, а фондъ для продолженія эмиграціи бываетъ гораздо зна-

чительнѣе, чѣмъ при разсѣяніи колонистовъ, которое непремѣнно бываетъ, когда незанятая земля получается даромъ. До принятія Уэкфильдовой системы всѣ новыя колоніи терпѣли въ первые годы множество бѣдствій и затрудненій;—замѣчательнѣйшій примѣръ тому—послѣдняя колонія, основанная по старому принципу, — колонія Лебяжьей Рѣки. Всѣ колоніи послѣ того стали основываться по Уэкфильдову принципу (хотя и не вполнѣ: только часть выручки отъ продажи земли обращалась на эмиграцію); и во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ больше или меньше слѣдовали ему, въ южной Австраліи, Портѣ Филиппѣ, Новой Зеландіи, задерживалъ онъ разсѣяніе колонистовъ, усиливалъ приливъ капитала обезпеченіемъ возможности имѣть наемныхъ работниковъ, и поэтому, несмотря на множество затрудненій и ошибокъ, благосостояніе колоній расло съ быстротою, болѣе похожею на сказку, чѣмъ на дѣйствительность *).

Если разъ установить систему, по которой расходы на колонизацію оплачиваются самою колонизаціею, то съ каждымъ годомъ она станетъ расширяться: размѣръ ея будетъ имѣть тенденцію возрастать въ геометрической прогрессіи. Отъ каждаго способнаго работать эмигранта богатство колоніи будетъ очень быстро получать прибавку, превышающую его потребленіе, такъ что этою прибавкою покроются издержки на переводъ новаго эмигранта и слѣдовательно, чѣмъ больше людей отправлено въ колонію, тѣмъ больше можно будетъ отправлять еще новыхъ переселенцевъ, пока вся страна вполнѣ населится: каждый эмигрантъ даетъ основаніе для ряда новыхъ эмигрантовъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ. Потому для метрополіи выгодно ускорить первый ходъ этой прогрессіи, давая колоніямъ ссуды для эмиграціи съ уплатою изъ выручки за продаваемую землю. Дать въ ссуду средства для немедленнаго совершенія эмиграціи въ большомъ размѣрѣ—значитъ затратить капиталъ на самое выгоднѣйшее для колоніи дѣло; тру-

*) Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ колоній высказывались рѣзкія порицанія противъ Уэкфильдовой системы; но то, что есть въ нихъ справедливаго, относится не къ принципу системы, а къ неумѣстнымъ правиламъ, вовсе не принадлежащимъ ему, безъ всякой надобности приставленнымъ къ нему,—таково, напримѣръ, правило продавать только извѣстное количество земли, при томъ съ аукціона и участками не меньше 640 экровъ, вмѣсто того, чтобы продавать землю сколько потребуютъ покупщики, давая имъ по опредѣленной цѣнѣ выбирать участки гдѣ они хотятъ и какой хотятъ величины.

домъ и сбереженіями этихъ эмигрантовъ ускорится наступленіе времени, когда продажею земли станутъ доставляться большія деньги. Чтобы не переполнить рынка, надобно тутъ дѣйствовать по соглашенію съ людьми, расположенными перевести свой капиталъ въ колонію. Если они будутъ знать, что готово для нихъ на такомъ производительномъ полѣ занятій большое количество наемнаго труда, то навѣрное пойдетъ въ значительномъ размѣрѣ и эмиграція капитала изъ страны, гдѣ прибыль низка, а накопленіе быстро, какъ въ Англіи, и нужно будетъ заботиться лишь о томъ, чтобы не посылать вдругъ работниковъ больше того, сколько можетъ быть занято этимъ капиталомъ по высокой рабочей платѣ.

При этой системѣ, расходъ, сдѣланный одинъ разъ, даетъ средства не для одного переселенія, а для постоянной текущей рѣки переселенцевъ, которая будетъ увеличиваться и шириною и глубиною по мѣрѣ своего теченія; потому этотъ способъ къ отвращенію излишка въ населеніи имѣетъ выгоду, какой не находится ни въ одномъ изъ другихъ плановъ для отвращенія послѣдствій излишка размноженія безъ стѣсненія самому размноженію: Уэкфильдова система способна расширяться безгранично; нельзя указать предѣла ея вліянію на уменьшеніе излишка населенія. Потому, если страна имѣетъ слишкомъ густое населеніе и владѣетъ ненаселенными землями, какъ напримѣръ Англія, то на правительствѣ ея лежитъ настоятельнѣйшая обязанность построить, такъ сказать, и поддерживать мостъ изъ метрополіи въ эти земли, учредивъ эмиграцію, развивающуюся собственною силою въ такомъ размѣрѣ, чтобы безъ издержекъ со стороны самихъ эмигрантовъ могло переселяться все то число людей, для какого только найдется мѣсто въ колоніяхъ въ данное время.

Важность этихъ соображеній для Англіи въ послѣднее время очень уменьшилась безпримѣрно громаднымъ выселеніемъ ирландцевъ безъ помощи правительства; выселялись не только мелкіе фермеры, но и бѣднѣйшіе земледѣльческіе работники. Это переселеніе, шедшее безъ помощи правительства, развивалось также собственною силою,—деньги, пріобрѣтенныя людьми, переселившимися раньше, служили средствами для переселенія ихъ родственниковъ, остававшихся на родинѣ. Къ этому присоединилось сильное добровольное переселеніе въ страны, гдѣ было открыто золото; оно отчасти удовлетворяло надобностямъ отдаленнѣйшихъ нашихъ колоній, для которыхъ оно было наиболѣе нужно, и для мѣстныхъ и

для общихъ національныхъ выгодъ. Но сила обоихъ этихъ [illegible] ковъ эмиграціи уже значительно ослабилась, и судя по нѣкоторымъ признакамъ, систематическое веденіе эмиграціи правительствомъ, по Уэкфильдову принципу, снова становится необходимо на то, чтобы поддержать переходъ людей изъ Англіи, гдѣ рукамъ не достаетъ работы, въ страны, гдѣ не достаетъ рукъ на работу.

14. Множество разныхъ другихъ случаевъ подходитъ подъ тотъ принципъ, по которому, какъ мы видѣли, не примѣняется къ дѣламъ колонизаціи и пособія нуждающимся главнѣйшее возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства; это случаи, въ которыхъ дѣло должно принести важную пользу обществу, но никто изъ частныхъ людей не имѣетъ особенной выгоды исполнять его, потому что само собою не даетъ оно частному лицу надлежащаго вознагражденія. Возьмемъ въ примѣръ путешествіе съ географическою или другою ученою цѣлью. Свѣдѣнія, которыя должно оно доставить, могутъ быть очень полезны для общества, но частный человѣкъ не извлечетъ изъ нихъ выгоды, которою вознаградились бы издержки на экспедицію, и нѣтъ возможности ему взимать съ пользующихся пріобрѣтенными свѣдѣніями эту уплату, нельзя брать пошлины съ нихъ въ свое вознагражденіе. Такія путешествія устраиваются или могли бы устраиваться по частной подпискѣ; но это рессурсъ рѣдкій и невѣрный. Чаще случалось, что расходы эти брали на себя какія нибудь общества: ученыя, торговыя или человѣколюбивыя. Но вообще эти предпріятія совершаются на счетъ правительства, которое при этомъ можетъ и ввѣрять ихъ лицамъ, наиболѣе способнымъ къ дѣлу по его мнѣнію. Точно также правительству слѣдуетъ строить и содержать маяки, ставить вѣхи и т. д., для безопасности плаванія; никто не можетъ собирать пошлину съ кораблей, получающихъ пользу отъ маяка, за то, что они имъ воспользовались; потому никто не сталъ бы по личному разсчету строить маяковъ, — развѣ правительство стало бы собирать принудительную пошлину въ его пользу. Многія ученыя изысканія, очень полезныя для націи и всего человѣчества, требуютъ усидчиваго жертвованія временемъ, трудомъ, а часто и большихъ издержекъ отъ людей, могущихъ получить при другомъ занятіи большую плату за свои труды. Еслибы правительство не могло давать вознагражденіе за эти расходы, издержки, время и трудъ, подобными изысканіями могли бы заниматься лишь тѣ очень немногія лица, которыя съ независимымъ состояніемъ соединяютъ техниче-

ское знаніе, трудолюбіе и большой патріотизмъ или пылкое желаніе ученой славы *).

*) Сюда же относится вопросъ о содержаніи такъ-называемаго ученаго сословія посредствомъ жалованья или опредѣленныхъ на то доходовъ съ недвижимой собственности. Разработка теоретическаго знанія—одно изъ полезнѣйшихъ занятій; но служитъ оно въ пользу всему обществу, а не частному лицу, и потому на первый взглядъ казалось бы, что платить за него должно все общество: оно не даетъ права на денежное вознагражденіе отъ частныхъ лицъ, и если эти труды не будутъ получать обезпеченія изъ общественныхъ денегъ, то останутся безъ всякаго поощренія, — напротивъ, люди будутъ отвращаться отъ нихъ невозможностью жить этими занятіями, и слѣдовательно почти всѣ способные къ нимъ люди подвергнутся необходимости употреблять большую часть времени на пріобрѣтеніе средствъ къ жизни. Правда, вредъ здѣсь болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный. Мы уже говорили, что величайшія услуги наукѣ оказывали люди, имѣвшіе наименѣе времени въ своемъ распоряженіи; и занятіе рутиннымъ дѣломъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дня часто оказывалось совмѣстно съ самыми блистательными трудами въ пользу литературы и науки. Но есть изслѣдованія и опыты, требующіе не только долгаго, но и непрерывнаго труда и вниманія; есть другія занятія до того поглощающія и утомляющія умственныя способности, что при нихъ невозможно энергически заниматься другими дѣлами, даже въ свободные часы. Потому очень полезно, чтобы какимъ нибудь способомъ обезпечивалось для пользы общества занятіе разработкою точныхъ наукъ и быть можетъ и нѣкоторыми другими учеными трудами, такъ чтобы люди занимающіеся этими трудами имѣли средства къ жизни, употребляя на эти свои спеціальныя работы значительную часть времени. Ученыя стипендіи (fellowships), существующія при англійскихъ университетахъ, могли бы превосходно соотвѣтствовать этой цѣли, но почти никогда не служатъ для нея, потому что даются или вовсе дурно, или въ награду за прежніе успѣхи, въ память трудовъ, совершенныхъ другими, а не какъ жалованіе за будущіе труды для развитія науки. Въ нѣкоторыхъ странахъ основаны академіи естественныхъ наукъ, древностей, исторіи и т. д., съ жалованьемъ академикамъ. Самое успѣшное и допускающее наименѣе злоупотребленій средство состоитъ въ томъ, чтобы назначать жалованье профессорамъ, обязаннымъ преподавать науку. Преподаваніе извѣстной отрасли знанія (по крайней мѣрѣ высшее преподаваніе) составляетъ скорѣе пособіе, чѣмъ препятствіе систематической разработкѣ предмета. Обязанности профессора почти всегда оставляютъ много времени для самостоятельныхъ изслѣдованій, и многія отрасли нравственныхъ и естественныхъ наукъ наиболѣе двинуты впередъ людьми, преподававшими ихъ, начиная съ Платона и Аристотеля до великихъ ученыхъ шотландскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ университетовъ. Объ англійскихъ я не упоминаю, потому что должность профессора въ нихъ всегда была, какъ извѣстно, почти только номинальнымъ занятіемъ.—Надобно прибавить, что если человѣкъ преподаетъ науку въ большомъ учебномъ заведеніи, масса публики имѣетъ возможность судить если не о достоинствѣ его курса, то по крайней мѣрѣ о способностяхъ и трудолюбіи его самого; и злоупотреблять

Вообще можно сказать, что правительству слѣдуетъ брать на себя всѣ тѣ дѣла, исполненіе которыхъ не даетъ вознагражденія частному лицу или частной компаніи за расходъ на нихъ, но которыя нужны для общей пользы человѣческой или будущихъ поколѣній, или для настоящей выгоды части общества, нуждающейся въ посторонней помощи. Но прежде, чѣмъ брать на себя такое дѣло, правительство всегда должно разсмотрѣть, не существуетъ ли вѣроятность, что дѣло это можетъ исполниться по такъ называемому добровольному принципу, и если можетъ, то слѣдуетъ ли ожидать, что правительственною дѣятельностью станетъ исполняться оно лучше или успѣшнѣе, чѣмъ ревностью и щедростью частныхъ людей.

15. Предшествующіе параграфы обнимаютъ собою, какъ мнѣ кажется, всѣ исключенія изъ той практической аксіомы, что общественныя дѣла лучше всего могутъ исполняться частною и добровольною дѣятельностью. Но необходимо прибавить, что въ дѣйствительности правительственное вмѣшательство не всегда можетъ останавливаться на границѣ дѣлъ, по самой своей сущности требующихъ его. Бываютъ такія времена и такія положенія націи, что почти всякому дѣлу, дѣйствительно важному для общей пользы, полезно и необходимо бываетъ исполняться правительствомъ, потому что частные люди, хотя и могутъ, но не хотятъ исполнять это дѣло. Есть такія времена и мѣста, что не будетъ ни дорогъ, ни доковъ, ни каналовъ, ни пристаней, ни работъ для орошенія, ни больницъ, ни первоначальныхъ, ни высшихъ училищъ, ни типографій, если не устроитъ ихъ правительство: публика или такъ бѣдна, что не имѣетъ средствъ къ тому, или такъ не развита умственно, что не можетъ оцѣнить ихъ пользы, или такъ непривычна къ общему дѣйствованію, что не умѣетъ распоряжаться этими дѣлами. Это надобно въ большей или меньшей степени сказать о всѣхъ странахъ, привыкшихъ къ деспотизму, въ особенности о тѣхъ, въ которыхъ разница по цивилизаціи между народомъ и правительствомъ очень велика, — напримѣръ о странахъ завоеванныхъ и управляемыхъ народомъ болѣе энергичнымъ и образованнымъ. Много есть такихъ земель, въ которыхъ сами жители не могутъ сдѣлать для себя ничего, требующаго большихъ средствъ

правомъ назначенія на такія мѣста гораздо труднѣе, чѣмъ понапрасну давать пенсіи и жалованье людямъ, не столь прямо находящимся на глазахъ публики.

и организованнаго дѣйствія, и всѣ такія дѣла остаются у нихъ не исполненными, если не исполняются государствомъ. Въ этихъ случаяхъ искренность своихъ заботъ о благѣ подданныхъ правительство вѣрнѣе всего докажетъ тѣмъ, что дѣла, возлагаемыя на его безпомощностью публики, станетъ совершать такимъ способомъ, чтобы эта безпомощность прекращалась отъ него, а не увеличивалась и не увѣковѣчивалась. Хорошее правительство будетъ содѣйствовать публикѣ такъ, чтобы ободрялись и развивались всѣ находящіеся въ ней зародыши частной самодѣятельности. Оно будетъ ревностно устранять препятствія къ добровольной дѣятельности, облегчать ее въ случаѣ нужды совѣтами и руководствомъ; свои денежныя средства оно будетъ, когда можно, употреблять не на устраненіе надобности въ частныхъ усиліяхъ, а на содѣйствіе имъ; оно создастъ систему наградъ и почестей для возбужденія этихъ усилій. Когда правительственное пособіе оказывается только по недостатку частной воспріимчивости, оно должно оказываться такъ, чтобы по возможности служить для народа курсомъ воспитанія въ искусствѣ достигать великихъ цѣлей индивидуальной энергіей и добровольнымъ соединеніемъ силъ.

Я не считалъ нужнымъ говорить здѣсь о той части правительственныхъ дѣйствій, необходимость которой принимается всѣми,— о его обязанности запрещать и наказывать такія дѣйствія свободныхъ людей, которыя очевидно вредны для другихъ людей, будетъ ли этотъ вредъ происходить отъ насилія, обмана и небрежности,— все равно. Прискорбно думать, какая огромная пропорція человѣческихъ усилій и способностей употребляется только на нейтрализованіе другихъ усилій и способностей даже и въ наилучшемъ изъ всѣхъ существующихъ положеній общества. Истинное назначеніе правительства — уменьшать эту пропорцію до наименьшаго возможнаго размѣра, принимая мѣры къ тому, чтобы энергія, растрачиваемая нынѣ людьми на нанесеніе вреда другъ другу, или на защиту себя отъ этого вреда, обращалась къ надлежащей цѣли человѣческихъ способностей — къ тому, чтобы принуждать силы природы все болѣе и болѣе служить матеріальному и нравственному благу.

КОНЕЦЪ.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Въ книжномъ магазинѣ при главной конторѣ «Современника» и въ книжныхъ магазинахъ *Кожанчикова, Серно-Соловьевича, Глазунова* и другихъ главныхъ магазинахъ продаются:

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ, Основанія Политической Экономіи. Новое полное изданіе въ двухъ томахъ. Изданіе А. Н. Пыпина. Томъ I. Спб. 1865. 2 р. 50 к. Томъ II. Спб. 1865. 2 р. 50 к.

ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ИСКУССТВА КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. Изданіе второе А. Пыпина. Спб. 1865. 75 к.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, его жизнь и сочиненія. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Изданіе второе. Спб. 1865. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

ЛУИ РОХАУ, Новѣйшая исторія Франціи, отъ возвращенія Наполеона I до возстановленія имперіи Наполеономъ III. 1814 — 1852. Изданіе М. Антоновича и А. Пыпина.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Новѣйшая исторія Англіи, Паули.
Новѣйшая исторія Италіи, Рейхлина.
Новѣйшая исторія Австріи, Шпригера.